

С. И. РУДЕНКО

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
ГОРНОГО АЛТАЯ
В СКИФСКОЕ
ВРЕМЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С. И. РУДЕНКО

КУЛЬТУРА
НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ
В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические сокровища Южной Сибири стали известны еще в конце XVII и в начале VIII в. Петру I были доставлены драгоценные художественные изделия из раскопанных в Сибири курганов. Коллекция эта, дополненная затем вещами, собранными по указу Петра, поступившая через Берг- и Мануфактур-коллегию в петровскую кунсткамеру, известна под названием Сибирского золота и хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже. В начале XIX в. музеи Москвы и Петербурга обогатились деревянными и костяными украшениями конской упряжи, оружием и другими вещами из раскопанных в Горном Алтае курганов скифского времени.

Первые археологические раскопки больших курганов с каменной наброской в Горном Алтае с научной целью были произведены В. В. Радловым. В 1865 г. в курганах Берельском и Котандинском В. В. Радлов обнаружил курганный мерзлоту, обусловившую прекрасную сохранность даже таких вещей, как меховые одежды и шелковые ткани. Однако только в советское время, когда перед наукой открылись исключительные возможности археологических исследований, в Горном Алтае начались систематические раскопки больших курганов с каменной наброской. Экспедицией Этнографического отдела Русского музея, М. П. Грязновым и М. П. Комаровой, в 1927 г. был раскопан Шибинский курган. В 1929 г. был вскрыт первый Пазырыкский курган.

Пазырыкская группа курганов была обнаружена экспедицией Русского музея еще в 1924 г. Тогда же автор этой работы, при участии студентов Б. А. Борнемана, Л. Н. Глушкова и С. П. Суслова, произвел предварительное обследование этой группы курганов с закладкой разведочных шурфов. Высокое положение курганов над уровнем моря, климатические условия и состав грунтов были признаны благоприятными для образования курганный мерзлоты, но раскопки удалось организовать только в 1929 г.

В этом году в раскопках первого Пазырыкского кургана под непосредственным руководством автора приняли участие: М. П. Грязнов, А. З. Доскач, М. Н. Комарова, Н. М. Руденко и К. И. Ульрих.

В 1947 г. раскопки в долине Пазырык были возобновлены Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР при участии (с 1948 г.) Государственного Эрмитажа, куда и поступили все коллекции из Пазырыкских курганов. В руководимой автором экспедиции в 1947 г. приняли участие Н. М. Руденко и С. А. Семенов; в 1948 г. — В. О. Витт, А. А. Гаврилова, Н. В. Исаченко, В. Е. Кошелев, С. Н. Погодин, Н. М. Руденко и В. М. Сунцева; в 1949 г. — А. А. Гаврилова, Н. В. Исаченко, Н. Н. Новосуденский, С. Н. Погодин, Н. М. Руденко и В. М. Сунцева. В экспедиции в 1947 г. принимал участие также специальный отряд Института мерзлотоведения Академии Наук СССР под руководством П. И. Колоскова (в составе И. Я. Баранова, Г. А. Мышковой и Л. Г. Парамоновой), занимавшийся вопросом о причинах образования курганной мерзлоты.

В результате четырехлетних работ по исследованию Пазырыкской группы курганов, несмотря на то, что все курганы еще в древности были ограблены, был получен совершенно исключительный по обилию, разнообразию и научной ценности материал. Это объясняется тем, что благодаря стечению ряда обстоятельств — условиям климата и особенностям конструкции больших курганов с каменной наброской — вскоре после захоронения образовалась курганная мерзлота. Поэтому там хорошо сохранились не только изделия из металла и рога, но также изделия из дерева, кожи и меха, различные ткани; сохранились не только скелеты, но и трупы захороненных в них людей и лошадей. В деталях исследовано пять погребальных сооружений, четыре мумифицированных тела и три скелета погребенных; двадцать трупов и тридцать четыре скелета лошадей. Подробно изучены многочисленные предметы одежды и украшений, разнообразные ткани, предметы домашней утвари, искусства и культа, многочисленные предметы конской упряжи. Помимо огромного количества предметов, свидетельствующих об оригинальной и блестящей местной культуре, в Пазырыкских курганах впервые найдены древнейшие переднеазиатские и китайские ткани и ковры чрезвычайно высокой исторической и художественной ценности.

Раскопки Пазырыкских курганов входят в число исследований советских археологов на Алтае и в соседних с ним областях южной Сибири и Средней Азии, которые позволяют теперь полнее понять как сами памятники, так и жизнь населения Горного Алтая в середине первого тысячелетия до н. э. Среди этих исследований следует особо отметить раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой, М. П. Грязнова и Г. П. Сосновского.

Археологические материалы, освещающие историю Горного Алтая в первом тысячелетии до н. э., широко используются советскими историками и этнографами. Они нашли отражение, например, в обобщающих трудах

С. В. Киселева „Древняя история южной Сибири“ и Л. П. Потапова „Очерки истории алтайцев“, удостоенных Сталинской премии. Изучение древних памятников Горного Алтая является, таким образом, существенным вкладом советских ученых в историческую науку. В результате перед исследователями открылся неведомый ранее культурный мир глубокой древности.

Изучению пазырыкских находок посвящен уже ряд публикаций. Они, несомненно, будут и впредь привлекать внимание исследователей, раскрывая все новые и новые стороны этой древней культуры. Но уже сейчас ясно главное: археологические раскопки в Горном Алтае с полной очевидностью показали, что в первом тысячелетии до н. э. здесь существовала своеобразная и по-своему яркая местная культура, имевшая много общего с культурами соседних и более отдаленных скотоводческих племен.

Это бесспорное сходство некоторые исследователи, испытывавшие влияние так называемого „нового учения о языке“ Н. Я. Марра, пытались использовать как доказательство того, что все степные племена Европы и Азии прошли, якобы, единую „скифскую стадию“. На самом деле полученные в результате археологических раскопок материалы показывают, что никакой „скифской стадии“, никакого единого, „стадиально“ возникшего в результате трансформации „яфетидов“, „скифского“ этноса не существовало.

В своем гениальном труде „Марксизм и вопросы языкознания“ И. В. Сталин показал порочный идеалистический характер псевдомарксистских вульгаризаторских концепций так называемого „нового учения о языке“ Н. Я. Марра.

В свете этого основополагающего труда И. В. Сталина по-новому рисуются судьбы древнейших племен и народов нашей Родины; раскрывается своеобразие их культур и исторического пути.

Рассматривая в этом плане пазырыкские находки и другие, близкие им археологические памятники, мы можем наглядно видеть, что в степях и предгорьях южной Сибири, Средней Азии, а также Восточной Европы в первом тысячелетии до н. э. жили многочисленные племена, различные по своему происхождению и языку.

Единство их материальной культуры, обусловленное в известной мере сходством общественного строя и обычаев, возникло в результате не только одних и тех же занятий, одинакового образа жизни, но и в результате различных, нередко очень тесных связей друг с другом этих племен.

„Тогда была подготовлена, — как пишет С. В. Киселев в указанной выше работе о карасукском времени, предшествующем рассматриваемому нами, — почва для нового этапа историко-культурного развития древнего населения СССР. Он отличался еще большей общностью. Скифы на западе, савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагето-сакский мир Средней Азии, дин-лины, — майэмирские и тагарские племена Саяно-Алтая, население Прибайкалья, Монголии и Ордоса пользовались одним оружием,

одинаковой конской сбруей, сходными украшениями и увлекались одними образами и настроениями в искусстве. Их различали местные особенности. Но это не могло ослабить исключительной близости их культуры. Великий пояс степей уже тогда соединил Восточную Европу и Северную Азию единством материальной культуры и художественных идей".

Об этих связях свидетельствуют не только археологические находки, но и письменные источники, в первую очередь китайские, а также греческие, в том числе сочинения „отца истории“ Геродота.

Нельзя, в частности, не отметить поразительного в ряде случаев совпадения между пазырыкскими находками, с одной стороны, и сообщениями Геродота о жизни степных племен Восточной Европы и Азии.

Правда, известия Геродота давно уже, еще в античное время, подвергались сомнению, так как Геродот, передавая все ему известное о народах того времени, не всегда мог доказать несомненность сообщаемых им фактов. Он, кроме того, приводил некоторые явно легендарные сведения, хотя и отмечал их невероятность. Даже Аристотель относил его к числу „баснописцев“. Не в меру пристрастной была критика Геродота со стороны большинства буржуазных ученых XVIII и XIX вв., несмотря на многочисленные уже в то время археологические открытия, указывавшие на то, что в лиц Геродота мы имеем добросовестного и надежного свидетеля.

Тем интереснее и тем важнее для древней истории народов СССР, что ряд сообщений Геродота о жизни и обычаях степных племен Восточной Европы и Азии неожиданно нашел подтверждение в раскопках на Алтае.

Не говоря уже об образе жизни, занятиях, одежде, вооружении и других особенностях материальной культуры или о таких обычаях, как бальзамирование трупов представителей скифской знати, захоронение вместе с вождями племен их наложниц, обряд очищения после похорон, снятие скальпов с убитых врагов, подтвердились и многие другие факты, которые не могли быть установлены раскопками в области Причерноморской Скифии. Горноалтайские находки, таким образом, не только подтверждают справедливость известий Геродота о жизни степных племен того времени, но и показывают в неожиданно ярком свете древние культурные связи между западными и восточными скотоводческими племенами.

Но дело не только в связях между самими степными племенами, но и в связях между этими племенами и народами передовых стран, мировых культурных центров того времени. Так, находками в Причерноморье отчетливо отражены связи обитавших там племен с Грецией и, отчасти, с Ираном. Даже в далекой Монголии, где в культуре кочевых племен естественно образом глубже всего отразилось влияние соседнего Китая, обнаружены материалы, свидетельствующие о знакомстве древних хуннов с изделиями греко-бактрийских мастеров. В Горном Алтае документально установлены культурные связи со Средней и Передней Азией, отчасти с Китаем. Особое

значение имеют находки в Пазырыкских курганах технически и художественно совершенных изделий переднеазиатских и китайских мастеров, проливающие новый свет на уровень культуры в этих странах в столь отдаленные времена.

Неудивительно поэтому, что у горноалтайских племен было так много общего с культурой других скотоводческих племен того времени, развивавшейся во многом в контакте с культурами классического Востока и Китая. Никакой „стадиальной“ общности в марровском смысле здесь, следовательно, нет и следов. Вместе с тем, определенно выраженные в Пазырыкских и других алтайских памятниках черты своеобразия местной культуры и в особенности физического типа древних жителей Горного Алтая показывают, что нет оснований видеть в древних горноалтайцах и скифов-иранцев в духе концепции М. Ростовцева.

Действительная картина этнических отношений в это время на Алтае была, конечно, уже очень сложной.

Задача советских исследователей заключается в том, чтобы ложной „стадиальной“ концепции Н. Я. Марра и концепции М. Ростовцева противопоставить иной взгляд на культуру и историю степных племен Европы и Азии, взгляд, соответствующий реальной исторической картине того времени; в том, чтобы вскрыть местные особенности их культуры, присущие отдельным племенам или их группам, а также и в том, чтобы выяснить наследие этих местных культур, которое может быть прослежено у ряда народностей СССР.

Руководствуясь этими целями, мною была поставлена задача обобщить в культурно-историческом плане данные, добытые при раскопках Пазырыкской группы курганов, освещающие жизнь древнего населения Горного Алтая на заре его истории, с тем, чтобы эти памятники мирового значения вошли в сокровищницу нашей исторической науки.

Книга, по существу, делится как бы на три раздела. В первом разделе публикуются материалы, освещающие природную среду преимущественно восточной части Горного Алтая и, в частности, условия, вызвавшие образование курганной мерзлоты; затем дается характеристика Пазырыкской группы курганов и физического типа погребенных в ней людей. Во втором разделе дано описание материалов, относящихся к хозяйству и образу жизни, в третьем — к общественному строю, искусству и верованиям.

Разумеется, даже при сравнительно большей полноте, материалы эти лишь частично могут ответить на ряд встающих перед исследователем вопросов. Последнее относится прежде всего к столь важной области, как общественный строй. Тем не менее они существенно расширяют круг наших сведений о древней истории племен южной Сибири и сопредельных областей и позволяют наметить общую картину жизни горноалтайских племен в интересующее нас время с их своеобразной и яркой культурой.

По вопросу о датировке Пазырыкских курганов нет общего мнения. К гунно-сарматскому времени их относят С. В. Киселев и К. Ф. Смирнов. Этой же точки зрения придерживался и М. И. Ростовцев. С моей точки зрения для такой датировки нет никаких оснований, о чем я подробно пишу в заключительной главе. Добавлю только, что помимо обнаруженных в Пазырыкских курганах предметов, типичных для ахеменидской Персии, и произведений местного искусства, выполненных в стиле, характерном для той же эпохи, для датировки этих курганов имеются и другие основания. Так, в них отсутствуют предметы греко-бактрийские или китайские времени династии Хань. Зеркала ханьского времени в последних веках до н. э., как известно, распространились далеко на запад, вплоть до Волги, следовательно, они несомненно были бы найдены и в курганах Горного Алтая, если бы последние были ханьского времени. Однако, несмотря на обычные находки в горноалтайских курганах с каменной наброской китайских тканей, зеркал ханьского времени там не найдено.

Придавая особое значение по возможности полной документальной передаче публикуемых вещей, зарисовку в красках большинства из них мы осуществляли на месте, непосредственно после извлечения из кургана.

При описаниях цветных рисунков указываются художники, их выполнившие, при описании таблиц — авторы сделанных при раскопках фотографических снимков. Фотографии публикуемых вещей из первого Пазырыкского кургана исполнены А. П. Булгаковым, из остальных — М. Г. Агаронян, зарисовки в тексте выполнены художниками В. М. Сунцевой и Н. М. Руденко.

Глава I

ДОЛИНА ПАЗЫРЫК И КУРГАННАЯ МЕРЗЛОТА

Курганы с каменной наброской поверх небольшой земляной насыпи на Алтае встречаются повсюду на открытых степных участках в долинах рек. Особенно большое их количество известно в бассейне р. Урсула — левого притока р. Катунь, на береговых террасах самой Катунь и ее правых притоков — Аргута и Чуи. Много подобных курганов в долине р. Башкауса и ее правого притока — Б. Улагана; в меньшем количестве они встречаются в долине р. Чулышмана. Ареал распространения этих курганов на восток включает Тувинскую автономную область и, частично, Монгольский Алтай.

Горная страна с выходом на поверхность коренных горных пород с их естественными россыпями, обилием моренных отложений повсюду обеспечивала древнее население необходимым материалом для сооружения таких курганов.

Исключительная особенность больших курганов с каменной наброской, нигде за пределами Горного Алтая пока не установленная, заключается в наличии курганной мерзлоты вне зоны сплошного распространения мерзлоты. Значение этого факта для археологии не может быть переоценено и блестяще подтверждается изучением Пазырыкской группы курганов в долине р. Б. Улагана. Это обстоятельство обязывает меня к подробному рассмотрению физико-географических особенностей долины Пазырык и к выяснению причин образования курганной мерзлоты.

Урочище Пазырык находится на южном склоне Чулышманского хребта, в Восточном Алтае, пограничном с Тувинской автономной областью. Чулышманский хребет простирается с северо-запада на юго-восток, между Чулышманом, впадающим с юга в Телецкое озеро, и притоком Чулышмана — Башкаусом. Координаты Пазырыка $50^{\circ}44'$ с. ш. и $88^{\circ}03'$ в. д. от Гринвича.

Это сухая, висячая долина в бассейне Б. Улагана. В километре к югу от долины Пазырык — троговая долина Б. Улагана, а к юго-западу от Пазырыка в Б. Улаган впадает р. Балыктыюл (рис. 1).

Правый склон долины Б. Улагана, на указанном участке обращенный к юго-востоку, покрыт типичной степной растительностью, с незначительными порослями лиственницы в узких распадках, прорезывающих склон. Левый (северной экспозиции) склон долины густо порос лиственнично-еловой тайгой. Река Балыктыюл, протекающая к западу от Пазырыка, отделена от него увалом значительной высоты.

Сама долина Пазырык — меридионального направления, короткая, глубоко врезанная эрозией, пересекает правый склон долины Б. Улагана, прикрытый флювиогляциальными и озерными отложениями. Происхождение этой долины И. Я. Баранов относит к плювиальному периоду, предшествовавшему первому сплошному оледенению этой части Алтая, и считает, что форма долины не зависит от современных физико-географических условий. Несмотря на значительную водосборную площадь и длительность времени существования долины в ней отсутствуют постоянный или периодические потоки, нет и следов их действия.

Верхняя часть долины, где расположены четыре первых больших кургана, возвышается над руслом Б. Улагана. В своих верховьях она замыкается крутыми склонами. Повсюду на склонах имеются обнажения буро-красных метаморфизированных сланцев и эрратические валуны порфировидных и биотитовых гранитов и гранито-гнейсов. Относительно пологие склоны долины пересечены распадками с порослью лиственницы, частично ели и кустарника. Дно долины имеет слегка вогнутую форму, с понижением в центре. Под нетолстым слоем каштановой (гумусовой) почвы дно долины заполнено слоистыми, тонкозернистыми кварцевыми белыми песками, ниже которых грунт гравийно-глинистый.

В 1924 г., когда мною впервые в долине Пазырык производились рекогносцировочные археологические исследования, было отмечено озерное происхождение этих песков. И. Я. Баранов предполагает, что в межледниковый период, последовавший за первым покровным оледенением, в долине Башкаус, ниже впадения в него Б. Улагана, произошло подпруживание с образованием озера больших размеров.

При последующем, втором оледенении, но с ледниками уже альпийского долинного типа, эти последние, двигаясь в направлении эрозионных долин, придали долинам типичную троговую форму. При своем движении ледники выпахивали ложе, чаще в озерных отложениях. Озерные отложения в устьевой части долины Пазырык, у кургана пятого, были вспаханы бортом ледника, двигавшегося по долине Б. Улагана, и сохранились только частично. Боковая морена ледника отчленила верхнюю часть долины, где расположены первые четыре кургана.

При обследовании ближайшей к долине Пазырык территории нигде не обнаружено выходов подземных вод. Прекрасно фильтрующие отложения, заполняющие эту долину, целиком поглощают незначительные атмосферные осадки. При современных климатических условиях естественная влажность песков незначительна и лишь в сфере влияния каменной наброски курганов влажность грунтов несколько возрастает.

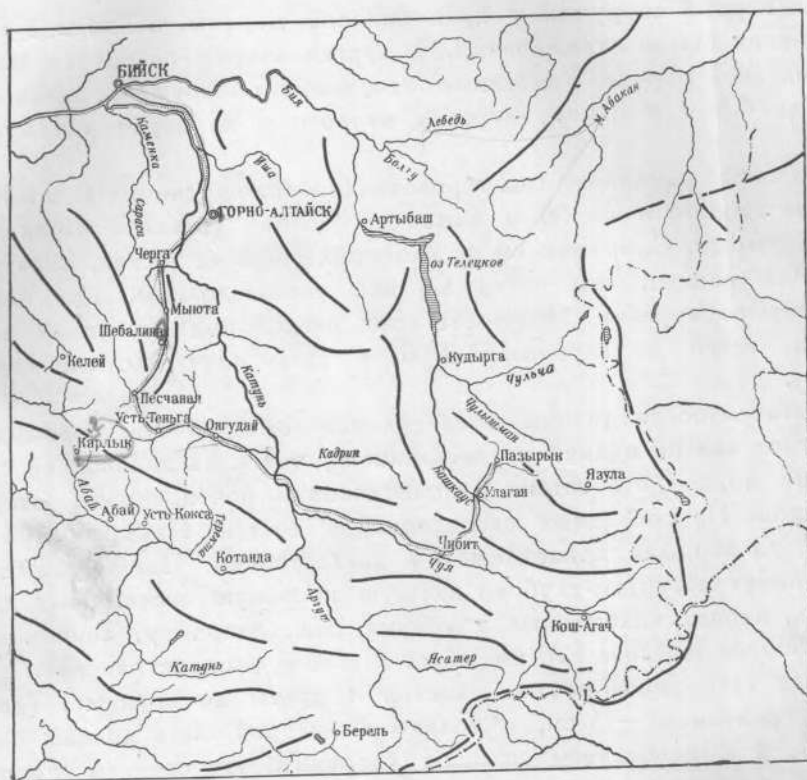

Рис. 1. Схематическая карта Горного Алтая.

Северные курганные погребения (курганы третий, четвертый и восьмой) сооружены на месте древнего озера, в толще озерных песков (рис. 2). Место ровное, открытое, хорошо инсолируемое, с редкой степной растительностью. С поверхности имеется современный деградированный чернозем, пронизанный корнями растений, мощностью около 0.3 м. Чернозем подстилает (0.3—0.8 м) суглинок светлокаштанового цвета, слабо влажный. У кургана третьего в этом слое имеется прослойка (10—12 см) щебнисто-супесчаного материала, вынесенного из прилегающего соседнего

лога, врезанного в правый склон долины. Ниже (0.8—7.0 м) залегают мелкозернистый песок беловатого цвета, кварцевый, хорошо отсортированный, затем небольшая прослойка мелкозернистой супеси, наконец тонкозернистый, местами переходящий в мелкую супесь, относительно чистый, кварцевый песок.

На глубине около 7 м от поверхности пески подстилает мощный слой суглинки с большой примесью гравия.

Курган первый сооружен у края боковой морены, сложенной валунно-щебнисто-глинистыми отложениями, а курган второй находится непосредственно на этой морене. Указанные отложения обнаружены здесь по всей глубине до 6.5 м в центре кургана второго и на периферии курганной насыпи.

Курган пятый расположен на террасовидной площадке в 460 м к Ю—ЮВ от кургана второго и на 30 м ниже его, вблизи устьевой части древней долины Пазырык. Сооружен он на слоистых озерных песках, стратиграфически более ранних, чем пески верхней части долины, где находятся первые четыре кургана. Мощность этих песков под курганной насыпью не велика, всего до глубины 1.7 м, а ниже идут плотные глинистые отложения.

На растительности долины и ее склонов лежит печать ксероморфизма, сказавшегося как на облике растительности, так и на видовом ее составе. Характерно полное отсутствие однолетников и почти полное отсутствие двухлетников. Из собранных экспедицией в долине Пазырык 104 видов растений¹ только два принадлежат к двухлетникам. Подавляющая масса растений имеет могучую, глубоко идущую корневую систему или длинные корневища, иногда снабженные клубнями, как, например, зопник клубеносный (*Phlomis tuberosa* L.), имеющий массовое распространение.

Растения здесь низкорослые, листья и цветы не крупные. Травостой низкий, в среднем 40—45 см, и только в северной части долины он выше и плотнее, с образованием сплошной дернины. На среднем участке долины, где расположены первые четыре кургана, и на южном участке дернина развита слабо и травяной покров не дает сплошного покрытия почвы.

Перечисленные особенности растительности указывают на сухость почв, на сильную их дренированность и на резкую континентальность климата в тальвеге долины.

В видовом составе растительности долины преобладают злаки, сложноцветные, губоцветные, лютиковые, розоцветные, гвоздичные и касатиковые.

¹ Гербарий был собран в 1948 г. сотрудником экспедиции В. М. Сунцевой и определен В. Б. Ильинской в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР.

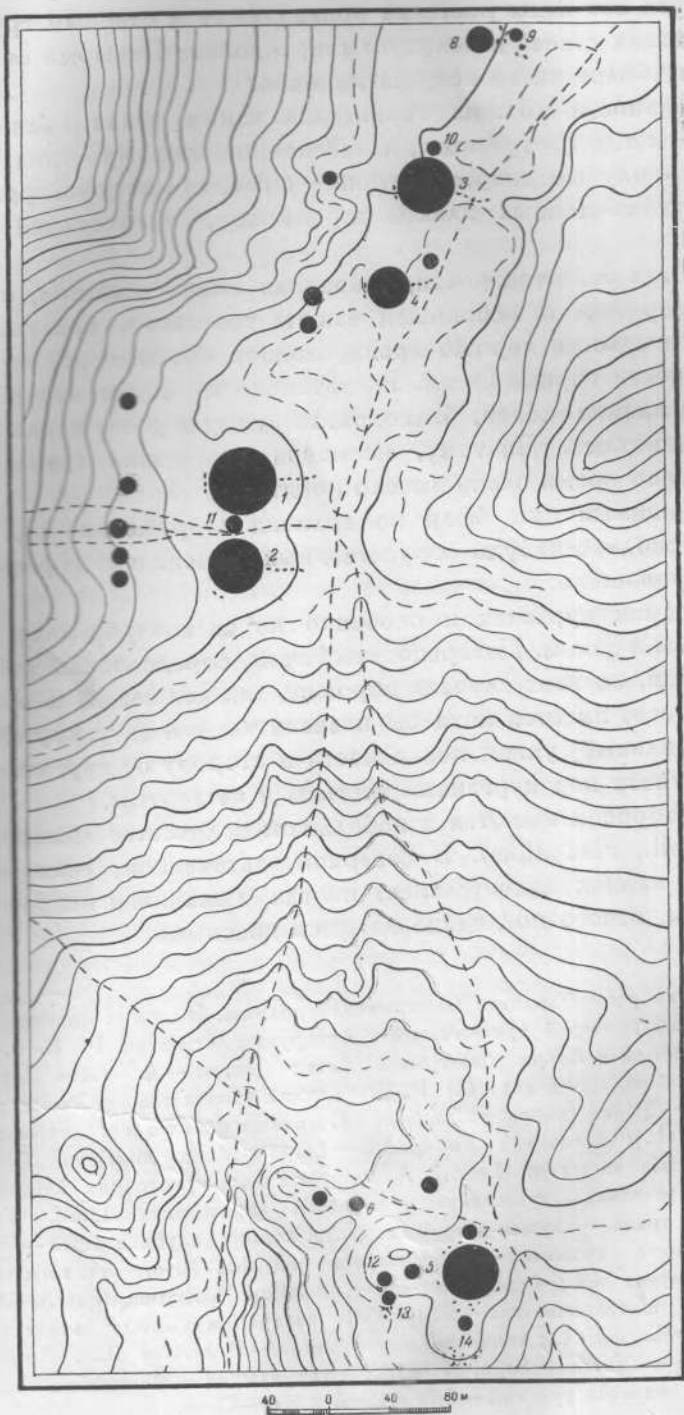

Рис. 2. План Пазырыкской группы курганов.

Все или почти все виды растений принадлежат к степным группировкам горных, каменистых степей и полупустынь; в долине Пазырык они являются основными и наиболее часто встречающимися.¹

Для растительности долины характерна также явная смена аспектов: ранневесенний, когда цветут ирис, алтайская анемона, прострел, покрывающие почву сине-голубым ковром, летний — с пышно цветущим разнотравьем с примесью лугово-степных злаков и, наконец, предосенний — полынно-ковыльный.

Видовой состав растительности, указанная смена аспектов, резко выраженный ксероморфизм и небольшая высота травостоя, при континентальности климата и сухости хорошо дренированной почвы, — все это характернейшие особенности горной степи. Растительность таких степей обладает большим содержанием солей, благоприятствующих росту и развитию пасущихся на них животных. Поэтому, несмотря на низкие травостои, такие степи в настоящее время очень высоко ценятся.

Не менее ценными они были во времена сооружения курганов; как увидим ниже, сколько-нибудь существенных изменений в растительности с тех пор не произошло.

Флора на самих курганах и особенно по их контуру мало отличается от флоры долины в целом. Поверхностный сток, определяемый конструкцией курганной насыпи, во всех случаях хороший, так как везде, за исключением кургана четвертого, имеется хотя бы незначительный (а у кургана второго и пятого значительный) уклон поверхности в сторону от курганов. Наилучший дренаж грунтов под курганами третьим и четвертым.

На камнях набросок имеются в небольшом количестве лишайники (*Squamaria robina* Will., *Placodium*). В северном, затененном, секторе развитие лишайников на камнях значительнее; иногда лишайники покрывают камни сплошным слоем, отчего последние кажутся красными.

¹ Видовой состав растительности Пазырыкской долины. Злаки: овсяница степная — *Festuca sulcata* Hack.; пырей гребенчатый — *Agropyrum cristatum* P. B. v. *imbricatum* M. B.; овес степной — *Avena desertorum* Less.; овсюг — *A. fatua* L.; трищетинник луговой — *Trisetum flavescens* (L.) P. B.; мятлик узколистый — *Poa angustifolia* L.; ковыль перистый — *Stipa rubens* P. Smirn. Сложноцветные: кошачья лапка — *Antennaria dioica* (L.); эдельвейс сибирский — *Leontopodium sibiricum* Cass.; полынь священная — *Artemisia sacrorum* (Ledeb.) A. *rupestris* L.; крестовник луговой — *Senecio pratensis* D. C.; галателла густолистная — *Galatella angustissima* Lindl. Губоцветные: боргородская трава — *Thymus serpyllum* (L.); вопник клубненосный — *Phlomis tuberosa* L.; шизонепета душистая — *Schysonepeta multifida* Briq. Лютиковые: прострел — *Pulsatilla patens* Mill.; борец степной — *Aconitum barbatum* (Patr.). Розоцветные: таволжанка шестилепестная — *Filipendula hexapetala* Gilib.; лапчатка пепельно-серая — *Potentilla subacaulis* L.; лапчатка шелковистая — *P. sericea* (L.). Гвоздичные: гвоздика Сегюрова — *Dianthus Seguieri* Will.; солнцелюбка — *Melandrium aprica* Turcz. Касатиковые: касатик русский — *Iris ruthenica* Ker—Gawl.

Из растений, встреченных только в каменных набросках по контуру курганов, следует отметить барбарис сибирский (*Berberis sibirica* Pall.). Обращает на себя внимание особенно пышное цветение ирисов (*Iris ruthenica*) весной вокруг каменных набросок курганов, что, несомненно, стоит в связи с относительно большим увлажнением почвы их местообитания.

Парковый лиственничный лес преобладает не только в распадках самой долины Пазырык, но и на прилегающих к ней возвышенностях. Лиственница с примесью ели покрывает и водораздельный увал между долиною Пазырык и р. Балыктыюл. Лиственничная древесная растительность господствовала здесь и во время сооружения курганов. Среди многих сотен деревьев, использованных при сооружении курганов, находим почти исключительно лиственницу и незначительное, притом не во всех курганах, количество бревен ели. Кустарниковые и цветковые растения и мхи из раскопанных курганов представлены современными видами. Пыльцевой анализ¹ погребенной под насыпью курганов почвы, кроме разнотравья и сосны с кедром (пыльца лиственницы не сохраняется), ничего особенного не дал.

Следует отметить присутствие во всех больших курганах огромных берестяных полотнищ — покрытий погребальных камер — и многочисленных изделий из березового дерева. Между тем в настоящее время в бассейне р. Б. Улагана береза не растет, так как 1500 м является той предельной высотой, выше которой она в Восточном Алтае не распространяется. С другой стороны, береза растет в низовьях р. Башкауса и в долине р. Чулышмана. Оттуда она могла привозиться в Пазырык. Таким образом у нас нет данных делать выводы о каких бы то ни было изменениях в составе растительности со времени сооружения курганов, а следовательно, и изменениях климата.

Климат Восточного Алтая, в частности Улаганского нагорья и степи, характеризуется низкими средними годовыми температурами, большой продолжительностью зимы и низкими температурами зимних месяцев. Тонкий слой поздно выпавшего снега сдувается на открытых местах

¹ Результаты пыльцевого анализа сообщены мне И. Я. Барановым

	0,0—0,05 м	0,25—0,30 м	0,35—0,40 м
Древесная пыльца			
<i>Pinus sibirica</i>	6	—	6
<i>Picea</i>	—	—	1
Недревесная пыльца			
<i>Gramineae</i>	—	—	4
<i>Artemisia</i>	—	—	2
<i>Chenopodiaceae</i> (?)	1	—	—
Неопределенные	—	2	1
Споры			
Зеленые мхи	—	2	4
Папоротники	2	—	—

ветрами. Малая облачность зимою способствует большому излучению тепла, сильному охлаждению почвы и глубокому ее промерзанию. Преобладание затишья в холодное время года способствует инверсионному распределению температуры и, как следствие, переохлаждению долин. Лето короткое, относительно сухое и прохладное, во время которого высокие полуденные температуры сменяются ночными холодами.

Таким образом все климатические факторы, обуславливающие образование мерзлоты, в Восточном Алтае налицо. Однако вследствие недостаточно низких средних годовых температур, чрезвычайного разнообразия ландшафтных условий этот район не относится к области распространения сплошной мерзлоты. Ее мы не наблюдаем на склонах южной экспозиции, сильно нагреваемых в летнее время. Она — обычное явление на северных склонах речных долин и хребтов. Мерзлота обнаружена в различных пунктах долин Б. Улагана и Балыктыюла, в непосредственной близости от интересующего нас урочища Пазырык. Тем не менее в самой долине Пазырык, вне исследованных нами курганов, мерзлоты не найдено, не было ее и во времена сооружения курганов. Отсюда вполне естествен вопрос, когда и при каких обстоятельствах произошло промерзание курганов, обеспечившее такую изумительную сохранность самих памятников и всего в них захороненного. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно вкратце ознакомиться с конструкцией курганов.

Во всех больших курганах Пазырыкской группы на дне могильной ямы, площадью около 50 м^2 (в кургане четвертом она около 30 м^2) и глубиной около 4 м, была поставлена бревенчатая камера с площадью пола около 17 м^2 в курганах первом, втором и пятом, 13 и 8 м^2 в курганах третьем и четвертом при высоте от 1.8 до 2.0 м (за исключением кургана четвертого, высота камеры которого была всего 1.2 м). Верхняя половина могильной ямы была заполнена навалом многослойных бревен и камней значительных размеров. Могильную яму прикрывала куполообразная земляная насыпь высотой в центре кургана от 0.9 до 2.0 м, поверх которой лежала каменная наброска высотой от 1.3 до 1.7 м при диаметре этой наброски от 36 до 46 м, и только над курганом четвертым высота каменной наброски была 1.1 м при ее диаметре 24 м.

Наблюдения, с закладкой шурфов, над распространением мерзлоты в этих курганах показали, что последняя в процессе раскопок обычно обнаруживается на уровне верхней поверхности слоя погребенной почвы, если вскрытие кургана производилось в первой половине лета, и на глубине 0.4—0.5 м ниже этого уровня, если курган раскрывался во второй половине лета. Глубина распространения мерзлоты была различна: в кургане четвертом она едва достигала дна могильной ямы, в кургане первом она была несколько ниже дна ямы, а в остальных трех курганах она распространялась значительно глубже, по крайней мере на 1.5 м ниже дна могильной ямы.

В общем мерзлота под курганами залегала в виде линз, причем верхняя ее граница соответствовала рельефу каменной наброски, сходя на нет по ее окружности. В центрах курганов, в местах грабительских воронок она несколько понижалась, достигая наибольшей высоты у внутреннего кольца каменной наброски, окаймляющего грабительскую воронку. Отсюда верхняя граница мерзлых грунтов постепенно понижалась к периферии. Нижняя поверхность была слабо выпуклой.

Исследование льдистости почв показало, что последняя уменьшается от центра кургана к периферии, соответственно мощности мерзлоты, по мере удаления от очага охлаждения и источника водонасыщения грунтов.

Климат Улаганского нагорья — основной фактор образования курганной мерзлоты, — как мы видели, достаточно благоприятен для развития мерзлотного процесса при соответствующих факторах второго порядка. В естественных условиях мерзлота в долине Пазырык отсутствует. Курганная же мерзлота, обнаруженная под насыпью курганов, объясняется прежде всего наличием каменной наброски. Последняя оказалась тем побочным фактором, который благоприятствовал развитию и, главное, сохранению курганной мерзлоты. Каменная наброска действовала как теплоизолирующий покров, предохраняющий земляную поверхность от прогрева в летнее время и тем самым, задерживающий и ослабляющий оттаивание. В зимних условиях, наброска являлась фокусом максимального теплоизлучения за счет несравненно более быстрого, по сравнению с почвенной поверхностью, охлаждения камня и вследствие наличия свободной конвекции в наброске. Если в начале зимы некоторый запас тепла в каменной наброске только в незначительной мере задерживал процесс охлаждения, то весной процесс нагревания сильно затягивался. Замещение теплого воздуха холодным происходило значительно быстрее, чем холодного теплым.

Каменная наброска, являясь слаботеплопроводным покровом, изменяла колебания температуры в суточном и годовом ее ходе, смягчая пики и уменьшая абсолютные ее величины. Легко проницаемая для атмосферных осадков в теплое время года, резко ограничивая их испарение и действуя, напротив, как конденсатор влаги, она увеличивала общую влажность подстилающей каменную наброску поверхности земли, делая грунт менее теплопроводным. Наконец, наброска являлась затенителем, резко сокращая величину инсоляции.

В результате совокупного действия указанных факторов в каменной наброске и под ней создавался особый микроклимат, отличающийся от микроклимата окружающей курганы естественной поверхности, благоприятствующий усилению и сохранению мерзлотного процесса.

Помимо каменной наброски, образованию курганной мерзлоты благоприятствовала и конструкция курганов в целом. Возвышаясь над землей, они сильнее охлаждались зимою, грунтовая насыпь промерзала до могиль-

ной ямы и даже ниже. Пустоты между бревнами и камнями навала в верхней половине могильной ямы являлись своеобразными холодильными ячейками, источником охлаждения которых служила поверхность основания грунтовой насыпи. В нижней половине ямы погребальная камера, прикрытая сверху многослойными берестяными покрытиями, была свободна от льда. В пустотах навала и в погребальной камере непрерывно происходила контактная конвекция воздуха. Охлажденный в пустотах навала воздух опускался в камеру, а более теплый воздух камеры подымался вверх к контактной зоне до охлаждающей поверхности. Процесс этот протекал непрерывно, усиливаясь в период понижения температуры на контакте (зимою) и ослабляясь в период максимального (летом) нагрева грунтов, окружающих курган. Каменная наброска, бревенчатый и валунный навалы, покрытие камеры корой стабилизировали сезонное охлаждение.

Так, в течение ряда лет, в результате совместного действия климата и особенностей конструкции курганов, под каменными набросками курганов установилось температурное равновесие с образованием линз мерзлоты.

Конвекционный процесс, о котором шла речь выше, мог служить источником конденсации влаги на контактной поверхности и в пределах навала из бревен и валунов, которые вместе с фильтрационными водами, заполнив пустоты в навале и грунте, приняли также участие в образовании льда на дне погребальных камер некоторых из курганов. После ограбления курганов грабительская воронка и лаз произвели некоторые изменения в термике курганов. Создались, хотя и кратковременные, условия для открытого переохлаждения могилы, частично понизилась поверхность контакта охлаждения в центре кургана, и погребальные камеры заполнялись льдом.

Как уже было отмечено выше, под всеми большими курганами были обнаружены линзы курганной мерзлоты. Поскольку все курганы ограблены, естественно возникают вопросы: когда они были ограблены — после того, как они промерзли, или раньше, непосредственно вслед за захоронением, и не является ли промерзание результатом ограбления, точнее результатом образования той воронки, которая осталась после грабителей и обеспечила проникновение через нее непосредственно в камеру холодного зимнего воздуха?

О том, что ограбление курганов было совершено давно, свидетельствует хорошо сформировавшийся почвенный покров в отвале грабительской воронки, а также следы ударов на бревнах грабительского лаза орудий грабителей — бронзовых кельтов. Между тем все данные говорят о том, что курганы грабились уже после того, как они промерзли, на что потребовалось не мало лет. Если бы мерзлотный процесс закончился в течение одного зимнего сезона, что совершенно невероятно, так как максимальное сезонное промерзание почвы в данных климатических условиях не могло быть свыше двух метров глубиной, то трупы коней, даже в том случае,

если бы захоронение было произведено в начале лета, должны были быть хорошей сохранности. Между тем в действительности дело обстояло иначе. Трупы коней даже в первом и пятом курганах, где они относительно лучшей сохранности, подверглись значительному разложению, прежде чем окончательно замерзли. От животной пищи, положенной в камеры курганов, сохранились только кости, мясо целиком разложилось. Следовательно, должен был пройти значительный промежуток времени, прежде чем в камерах установилась постоянная температура ниже 0° . С другой стороны, в момент ограбления тела погребенных людей даже в курганах третьем и четвертом, правда бальзамированные, были сравнительно хорошей сохранности. Хорошую сохранность их мы обнаружили в курганах втором и пятом. Из кургана первого труп (или трупы) изъят грабителями, следовательно, он также был в хорошем состоянии. В камере кургана третьего скелет погребенного, выброшенный из саркофага-колоды на пол, лежал в полном порядке. То же следует сказать и о скелетах в колодах кургана четвертого. Стало быть, в момент ограбления этих последних курганов тела погребенных еще не превратились в скелеты.

Совершенно очевидно, кроме того, что ограбление курганов производилось открыто, при вполне спокойной обстановке, небольшими артелями, возможно двумя-тремя лицами. Следы явного ограбления, с открытыми большими воронками и выбросами грунта, никак не маскировались. Это не могло бы иметь места, если бы поблизости жили родственники захороненных. Ограбление могло совершиться вновь пришедшими только после того, как племя, оставившее после себя Пазырыкские курганы, в силу тех или иных причин покинуло эту территорию.

В разрешении данного вопроса чрезвычайно интересны результаты исследования льда, заполнявшего камеру кургана второго. Появление льда в этой камере происходило в две последовательные фазы: в фазу образования курганной мерзлоты и в фазу после ограбления кургана. Фаза первая представлена слоем льда, превышающим 40 см в центральной части камеры и в ее северо-западном углу, уменьшающимся к востоку, где его толщина была порядка 25 см. Лед этот образовался в камере до ограбления кургана. Он совершенно чист, прозрачен, слегка ноздреватый, совершенно такой же, как и между бревнами навала над камерой. Залегал он в виде плоско-купольного бугра в результате вспучивания пола камеры, бугра, вершина которого была сдвинута к северо-западу от центра камеры. Грабительский мусор лежал на явно выраженной поверхности прозрачного льда. На нем же лежали снятая грабителями и перевернутая крышка саркофага-колоды, выброшенные из колоды тела погребенных и ряд вещей. Ножки четырех столиков вмерзли в этот лед и остались на своих местах даже после того, как с трех из них грабителями были сорваны крышки. Борта саркофага-колоды оказались порубленными почти до дна. Последнюю

далеко не легкую работу грабители вынуждены были проделать, видимо, потому, что лед частично проник и в колоду, затрудняя извлечение ее содержимого.

Лед второй фазы, заполнявший всю камеру, образовался за счет стекания воды через грабительский лаз. Этот лед имел желтый цвет, был весьма насыщен воздушными пузырьками продолговатой формы, вертикально расположенными по большей части в виде прерывистых цепочек. Граница этого льда резко отделяла его от льда первой фазы, более прозрачного и менее насыщенного воздушными пузырьками. Лед этот появился в камере не одновременно, так как в толще его наблюдалась явная слоистость. Удалось различить не менее трех ясных слоев мутножелтого льда с четко выраженной направленностью стекания воды через грабительский лаз и обтекание ею стенок камеры. Одновременно со стеканием происходило промерзание и таким путем заполнение льдом камеры от периферии к центру. Последнее могло иметь место только в том случае, если вода через грабительский лаз проникала в камеру, уже заключенную в ядро мерзлоты.

Несколько иная картина наблюдалась в кургане первом. Там лед первой фазы, образовавшийся на дне камеры до проникновения в нее грабителей, был тонок, всего около 5 см. Он был чист, а волокна вмержшей в него древесины пола, не говоря уже о мусоре на его поверхности, свидетельствуют об образовании этого льда до ограбления. Обвалом из грабительской воронки, повидимому вскоре после ограбления кургана, было закупорено отверстие лаза в потолке камеры и тем самым закрыт доступ атмосферным осадкам в камеру. Вследствие этого в ней не оказалось сплошного льда второй фазы, как в кургане втором. Пластинчатый лед второй фазы, заполнявший саркофаг-колоду и внутренность камеры, иного, конденсационного происхождения.

В курганах третьем, четвертом и пятом льдом первой фазы, чистым и прозрачным, такой же структуры, как и в кургане втором, были заполнены промежутки между камнями навала и бревнами накатов. Слой такого же льда, толщиной около 4 см, наблюдался еще только в камере кургана третьего.

Все камеры последних трех курганов были заполнены льдом второй фазы, образовавшимся из воды, попавшей туда через грабительский ход. Явно выраженная слоистость этого льда не обнаружена.

В первых трех курганах саркофаги-колоды стояли не непосредственно на полу камеры, а на некоторой высоте, во льду первой фазы. Это поднятие колод произошло во время образования льда первой фазы, за счет его расширения при кристаллизации.

Большие курганы Пазырыкской группы, как увидим ниже, не одновременно. Время от сооружения первого из них до сооружения последнего могло быть около столетия; ограблены же они были одной и той же партией. Об

этом свидетельствуют одни и те же, до мелочей, приемы проникновения в погребальные камеры всех курганов.

В центре кургана, по кругу диаметром 10—15 м, снималась каменная наброска, причем камни бросались тут же, по окружности. В земляной насыпи диаметр колодца сокращался с 4—5 м до 2.2—3 м на уровне верхней поверхности погребенного слоя почвы. В верхнем слое наката из бревен прорубался прямоугольный ход размером 1.4—1.9 м на 1.9—2.6 м. В верхнем потолке камеры, где обычно перерубались пять бревен, ход получался 0.65—1.05 на 0.7—1.16 м, а в нижнем потолке, где прорубалось всего два бревна, получался узкий лаз от 37×48 см до 43×90 см. Только в кургане первом грабительский лаз имел не прямоугольную, а овальную форму, размером 40×60 см.

Рубка в мерзлоте бревен накатов сопряжена была с немалыми трудностями. Вероятно поэтому при ограблении кургана пятого грабители жгли костры, в результате чего все бревна в центре кургана вплоть до крыши погребальной камеры сгорели или превратились в угли.

Проникнув в погребальные камеры, грабители нашли их свободными от льда, за исключением камеры кургана второго, как указывалось выше, частично заполненной льдом. Поэтому они легко могли забрать все их содержимое.

Камеры всех курганов, исключая второго, оказались почти начисто опустошенными. Одежда, узорные настенные войлочные ковры, домашняя утварь, — все, до глиняных кувшинов включительно, похищено. В кургане третьем, как увидим ниже, со стрел сняты все наконечники и в камере остались только их древки. Если кое-какие вещи и уцелели, то только случайно, нечаянно оброненные, или, как в кургане втором, во льду первой фазы; при отсутствии этого льда там, разумеется, ничего не было бы оставлено.

Конские захоронения нигде не потревожены грабителями. Они их, видимо, не интересовали, так как им хорошо было известно их содержимое. Помимо Пазырыка, в долине Б. Улагана и его притоков имеется много могильников с рядовыми погребениями тех же племен, той же эпохи, что и Пазырыкские курганы. Рядовые погребения отличаются от больших курганов, в основном, только размерами и отсутствием мерзлоты. Почти все эти курганы ограблены. При их раскопках выясняется, что грабители вскрывали и конские захоронения, следовательно знали, что в них можно найти.

Единственная попытка проникнуть в конское захоронение как будто бы имела место в кургане первом, где грабители прорубили окно в северной стене внутреннего сруба камеры 1.05×1.20 м и выбрали камень из межстенного пространства. Прорубив затем в наружном срубе только одно бревно и получив отверстие 12×21 см, они прекратили дальнейшую работу.

Совершенно ясно, почему они ее прекратили. Во-первых, работа по разборке конского захоронения для малой артели в данных условиях была непосильна, а для большой артели здесь не было места. Одно дело — очистить от вещей свободную камеру, иное дело — попытаться извлечь из мерзлоты трупы коней с положенными с ними вещами из-за двойной стенки погребальной камеры, из-под груза в сотни тонн весом. В курганах бассейна р. Урсула, там, где стенки погребальной камеры были одинарными, грабители проникли и в конское захоронение, но ограничились частичным его ограблением. Во-вторых, им было известно, что кроме удила и некоторого количества тонких золотых пластинок ни на что более ценное там они рассчитывать не могли.

Глава II

КУРГАНЫ ПАЗЫРЫКСКОЙ ГРУППЫ

На сравнительно ограниченной территории долины Пазырык имеется около сорока различных сооружений: больших и малых курганов с каменной наброской, каменных плоских выкладок круглой и овальной формы, оградок, кругов из камней, рядов камней, поставленных вертикально (рис. 2). Среди них выделяются пять больших курганов: два северных (3 и 4), два промежуточных (1 и 2) и один южный (5). Кроме этих пяти больших, имеется девять малых курганов (6—14) того же типа.

Большие курганы были раскопаны: первый в 1929 г., второй в 1947—1948 гг., третий и четвертый в 1948 г. и пятый в 1949 г. (табл. I—XV).¹ В том же 1949 г. были раскопаны три малых кургана: шестой, седьмой и восьмой. Из помеченных на плане, но не пронумерованных пять плоских каменных насыпей были в разные годы вскрыты, но повсюду под слоем камней почвенный слой и грунт оказались некопанными. В 1924 г. мною была раскопана одна каменная оградка, и в ней также никаких следов захоронения не обнаружено, как и при раскопках подобных оградок во многих других пунктах Горного Алтая. Только в одной оградке на левом берегу Б. Улагана в 2.5 км ниже впадения в нее Балыктыюла, в том же 1924 г., в ямке на глубине 0.4 м от поверхности почвы были найдены кости человека и овцы, железные удила, наконечники стрел и пряжки.

¹ Отдельные описания Пазырыкских курганов см.: М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. 1950. — С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. 1948. — С. И. Руденко. Раскопки Пазырыкской группы курганов. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 1950. — С. И. Руденко. Пятый Пазырыкский курган. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 1951.

Круги из 6—8 валунов, частично погруженные в почву, неоднократно раскапывались на Алтае А. В. Адриановым и мною, но не дали никаких находок, по которым можно было бы судить о их назначении и времени сооружения.

Все большие Пазырыкские курганы имеют плоскую сферическую насыпь, прикрытую камнями. Соотношение между высотой кургана и его диаметром более или менее постоянно, в среднем 1:10. В центре кургана обязательно имеется впадина — результат, с одной стороны, осадки грунта и других материалов, заполняющих могильную яму, с другой стороны — результат грабительского раскопа.

Относительно небольшая высота курганов определялась тем, что для курганный насыпи использовался только тот грунт, который был вынут при рытье могильной ямы, камень же довольно равномерно накладывался поверх насыпи. Его слой только незначительно увеличивался от периферии к центру.

✓ Все курганы данной эпохи принадлежат к одному и тому же типу погребений. Общие черты их устройства следующие: 1) прямоугольная могильная яма, ориентированная по странам света; 2) в южной половине ямы захоронение человека в деревянном срубе; 3) в северной половине могильной ямы, вне сруба, захоронения коней; 4) плоская земляная насыпь, прикрытая каменной наброской.

В малых курганах, с диаметром каменной наброски до 13—15 м, сруб всего, как увидим ниже, в три венца, едва вмещающий погребенного с его незначительным хозяйственным инвентарем, и вне сруба захоронением двух-трех коней. В курганах средних размеров, приближающихся уже к большим (курган четвертый), с диаметром каменных набросок около 24 м, имеются уже настоящие погребальные камеры с положением погребаемых в саркофаг-колоду и с захоронением большого количества коней.

В больших курганах, с диаметром каменной наброски 36—46 м, погребальная камера уже двойная, с системой столбов и перекрытий, поддерживающих огромный груз из навала бревен и камней, заполняющих верхнюю половину могильной ямы.

Эти большие курганы между тем отличаются один от другого рядом особенностей так, что нет и двух совершенно одинаковых по конструкции. Остановимся подробнее на больших курганах, начиная с внешнего их оформления.

Отмечено, что от каждого из первых четырех больших курганов по направлению к востоку вытянулась линия вертикально поставленных камней. Такой линии вертикально поставленных камней у кургана пятого не оказалось. С другой стороны, вокруг кургана пятого имеется кольцо из верти-

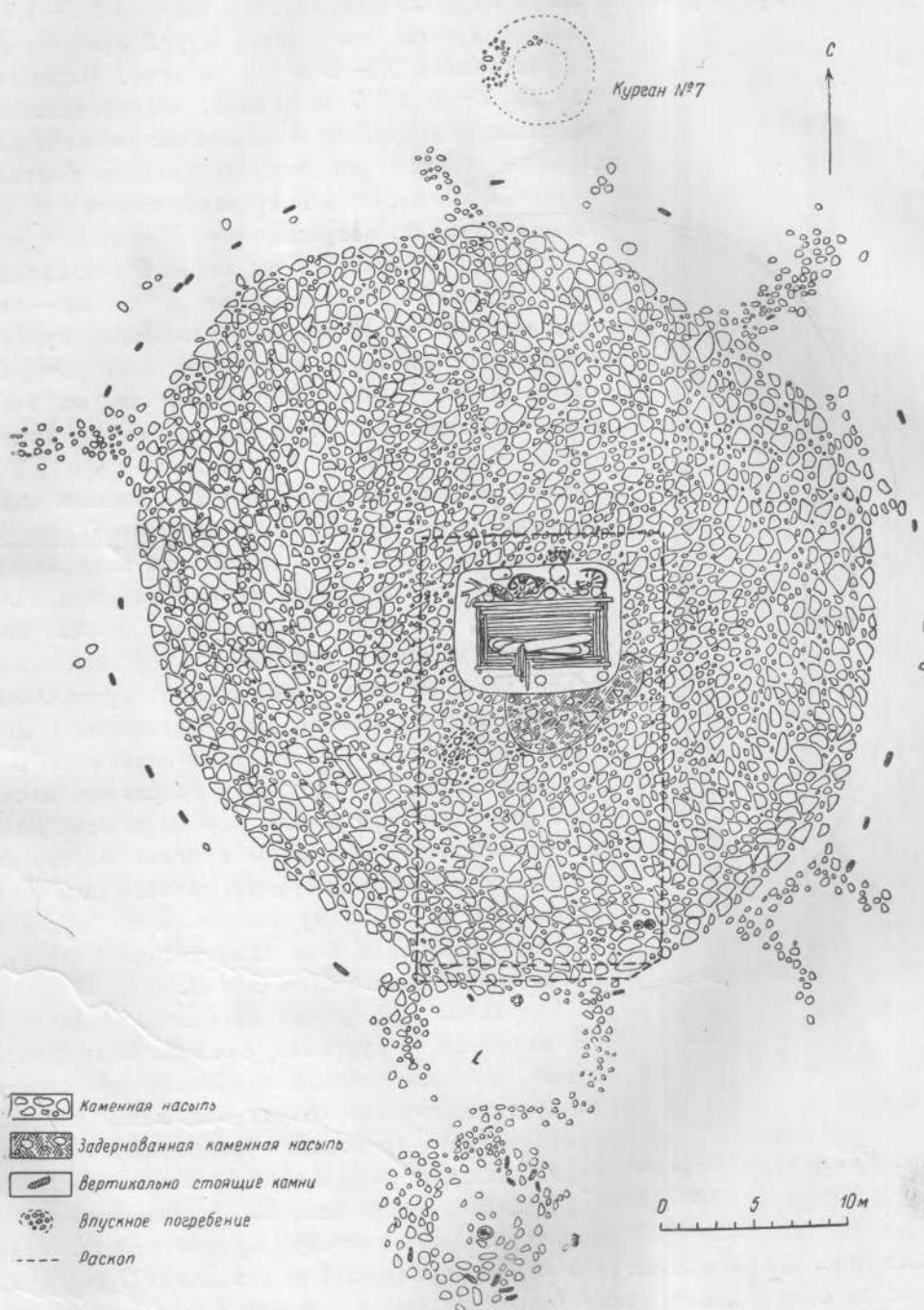

Рис. 3. План пятого Пазырыкского кургана.

кально поставленных плит и особые каменные выкладки (рис. 3), каких нет у первых четырех курганов. Это кольцо из плит, поставленных в 3.5—5.7 м одна от другой, опоясывает курганный насыпь на расстоянии 2.5—3 м от ее края. Каменные кладки, от 5 до 7 м длиной, непосредственно примыкают к кургану и радиально от него расходятся. Такое внешнее оформление больших курганов с каменной наброской имеется в долине р. Урсула, например у с. Тузкта.

Размеры могильных ям во всех исследованных курганах примерно одни и те же — площадью от 51 до 55 м², за исключением кургана четвертого, площадь могильной ямы которого около 30 м². Глубина могильных ям, от верхней поверхности погребенного слоя почвы, около 4 м и только в кургане третьем 5.2 м. Форма могильной ямы в кургане первом квадратная, в остальных, при прямоугольных ее очертаниях, размеры в широтном направлении несколько больше, чем в меридиональном. Площадь дна, как правило, несколько меньше площади по верхнему краю могильной ямы, вследствие чего ее стены не вполне вертикальны. Некоторое превышение, по сравнению с другими курганами, глубины могильной ямы в кургане третьем объясняется, вероятно, песчаным грунтом, легким для работы в нем. Даже в сравнительно небольшом кургане четвертом, выкопанном в этом же грунте, глубина ямы 4.1 м, тогда как во всех прочих больших курганах она не превышает 4 м ниже верхней поверхности погребенного слоя почвы.

Орудиями при рытье могильной ямы, судя по находкам в курганах, служили кольца, колоушки, роговые мотыги и деревянные лопаты. В кургане первом сохранился лишь обломок рабочей части лопаты. В кургане втором лопаты были найдены при разборке бревенчатого наката над погребальной камерой, в северной части могильной ямы между бревен наката. Одна лопата (рис. 4, б) короткая (115 см), другая (рис. 4, в) длинная (127 см). Рабочая часть обеих лопат узкая (около 12 см) и длинная (35—38 см), ручка.

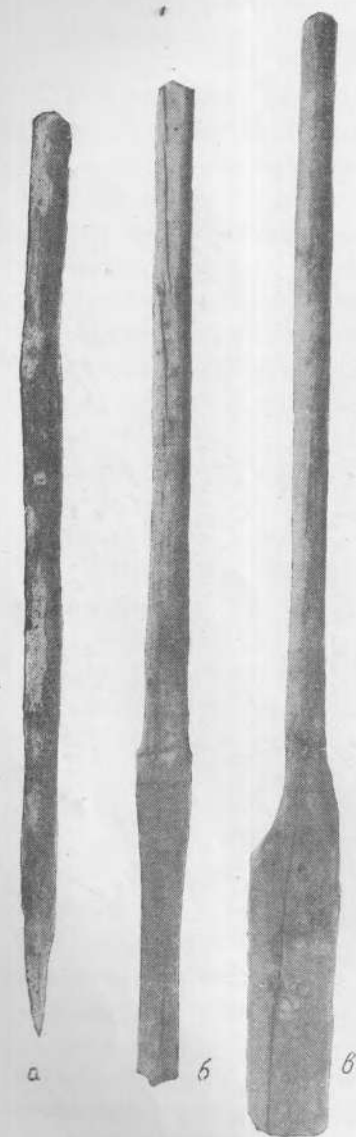

Рис. 4. Кол из кургана третьего (а); лопаты из кургана второго (б, в). (1/3 натур. вел.).

лопата (рис. 4, б) короткая (115 см), другая (рис. 4, в) длинная (127 см). Рабочая часть обеих лопат узкая (около 12 см) и длинная (35—38 см), ручка.

прямая, в сечении круглая (диам. 5 см). Лопасте обеих лопат поломаны в процессе работы, в противном случае их не бросили бы вместе с бревнами наката, так как лопаты еще нужны были при засыпке ямы и устройстве земляной насыпи.

В могильной яме кургана второго в различных местах, главным образом среди бревен навала, было найдено большое количество, около ста, деревянных кольев и несколько деревянных же колотушек. Подобные колья и колотушки были обнаружены в могильных ямах и других курганов. Вне всякого сомнения, упомянутые колья и колотушки употреблялись при рытье могильных ям. Колья (рис. 5) различных размеров, от 30 до 73 см длины, плоские, в поперечном разрезе овальные, с клиновидно затесанным острым концом. Верхние, ударные их концы сильно избиты колотушкой. Колья эти, как только притуплялся их рабочий конец, подправлялись топором, а после того как разбивался верхний их конец, выбрасывались.

Колотушки выделялись из ствола лиственницы, в некоторых случаях из комлевой (с корнем) части дерева. Они обычно массивные, тяжелые, длиной от 46 до 70 см, рабочая их часть диаметром около 12 см, длина ручки 25 см. Эти орудия долго были в работе. На некоторых из них имеется множество глубоких ямок, образовавшихся от ударов о колья. Их бросали уже сильно избитыми от длительного употребления, переломанными.

Найдено несколько обломков таких колотушек. На рис. 6, в изображена колотушка, выделанная из комлевой части лиственницы, а на рис. 6, а, б — колотушки, выделанные из ствола лиственницы.

Рытье ямы с помощью кольев и колотушек практиковалось и в местах с тяжелым грунтом. Поэтому особенно много и кольев и колотушек было найдено в кургане втором, яма которого вырыта в галечно-глинистом грунте. В меньшем количестве они встречены в кургане пятом, где нижняя половина ямы копалась в плотной глине. В курганах первом, третьем и четвертом, ямы которых рылись в озерных песках, были найдены только единичные колья, а в кургане первом, кроме того, как уже отмечалось, — обломки колотушки.

Рис. 5. Колья из различных курганов.
($\frac{1}{8}$ натур. вел.).

Если при рытье могильных ям использованные колья и колотушки, равно как и поломанные лопаты, бросались тут же в могильную яму, роговыми мотыгами, повидимому, дорожили и клали их в могилу вместе с другим

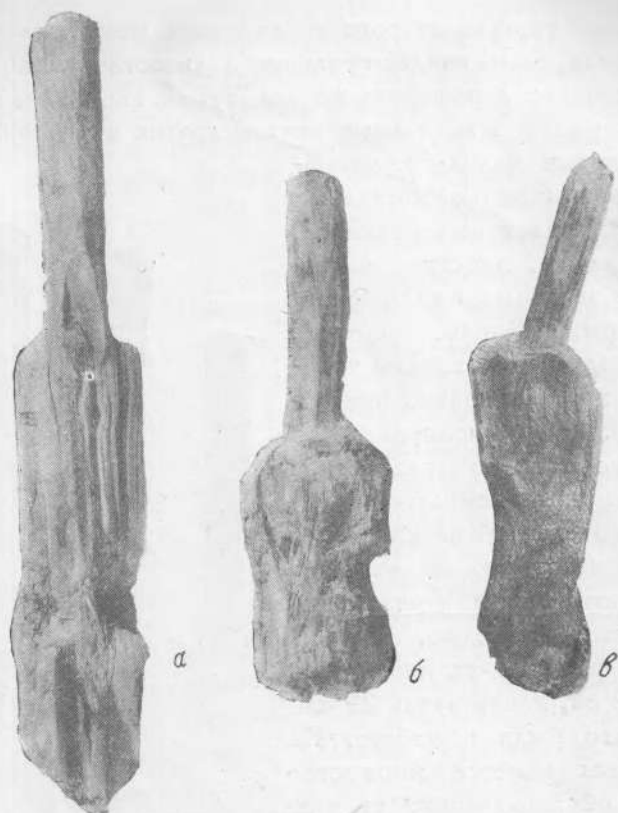

Рис. 6. Колотушки. (Около $\frac{1}{7}$ натур. вел.). Курган второй.

погребальным инвентарем. Мотыга, найденная в кургане восьмом, представляет собою один из отростков рога оленя с частью ствола (рис. 7). Эта мотыга привязывалась к деревянной рукоятке, рабочий ее конец хорошо заполирован от длительного употребления.

В процессе рытья ямы, при отвесных ее стенках, несомненно, могли быть осыпи. Во избежание осыпей и оползней стенки ямы крепились. В кургане втором, в верхней четверти могильной ямы, в ее стенки были забиты колья, поддерживающие жерди, служившие креплением стенок. У всех стенок могильной ямы, кроме южной, в кургане третьем были вертикально поставлены столбы, прижимающие к стенкам, в верхней их части, тонкие бревна, закрепленные по концам кольями (рис. 4, а). Такое

крепление было особенно необходимо в данном кургане, учитывая песчаную структуру грунта и большую глубину могильной ямы.

При значительной глубине могильных ям спускаться в них без помощи особой лестницы было затруднительно. Последние и были обнаружены в курганах четвертом и пятом. В кургане четвертом лестница была найдена в восточном секторе могильной ямы между погребальной камерой, у ее северо-восточного угла, и конским захоронением. Стояла она вертикально и представляла собою бревно (рис. 8) 3.17 м

длиною, диаметром вверху 9—10 см, внизу 14—15 см, в котором сделано девять зарубок-ступенек на расстоянии 32 см одна от другой. Лестница, найденная в кургане пятом, была положена в конском захоронении, в восточной его половине, вместе с частями повозки над трупами коней. Она представляет собою бревно 4.13 м длины, диаметром 11 см вверху и 16 см внизу, с восемью зарубками-ступеньками, глубиною в среднем около 6 см.

Погребальные камеры во всех больших курганах, за исключением четвертого, были двойные, т. е. с двойными стенками и двумя потолками. В кургане четвертом погребальная камера, как уже отмечалось, одинарная. При сходной конструкции, каждая из двухстенных камер отличалась своими особенностями.

Конструктивно одинаковыми можно считать погребальные камеры курганов первого и второго (рис. 9 и 10). Прежде всего, только в этих двух курганах камеры стояли не непосредственно на дне могильной ямы. Дно могильных ям этих двух курганов было покрыто слоем битого камня (толщиною 10 см), на ко-

торый ставились срубы камеры. В кургане втором эта каменная подстилка была покрыта еще тонким (5 см) слоем черной земли, чего не наблюдалось в кургане первом. В обоих курганах пол был из толстых плах, сруб внутренних стен камер состоял из толстых брусьев, срубленных в охлуп с остатком, сруб же наружных стен — из бревен. Потолки нижний и верхний в кургане первом были бревенчатые, в кургане втором

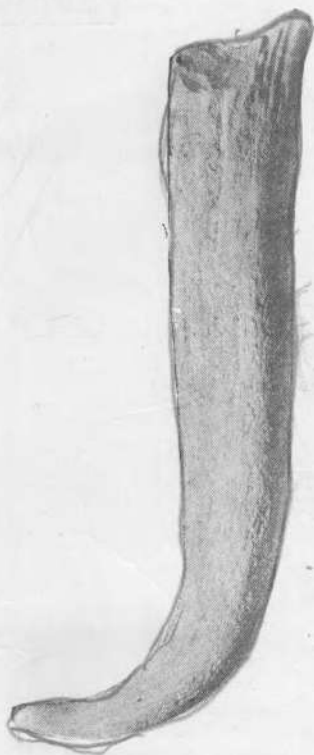

Рис. 7. Мотыга. Ветвь оленьего рога. (Около $\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган восьмой.

Рис. 8. Часть лестницы. ($\frac{1}{10}$ натур. вел.). Курган четвертый.

нижний потолок был стесан так, что изнутри представлял ровную поверхность.

В кургане первом междустенное пространство камеры было заполнено битым камнем, в кургане же втором это пространство оставалось ничем

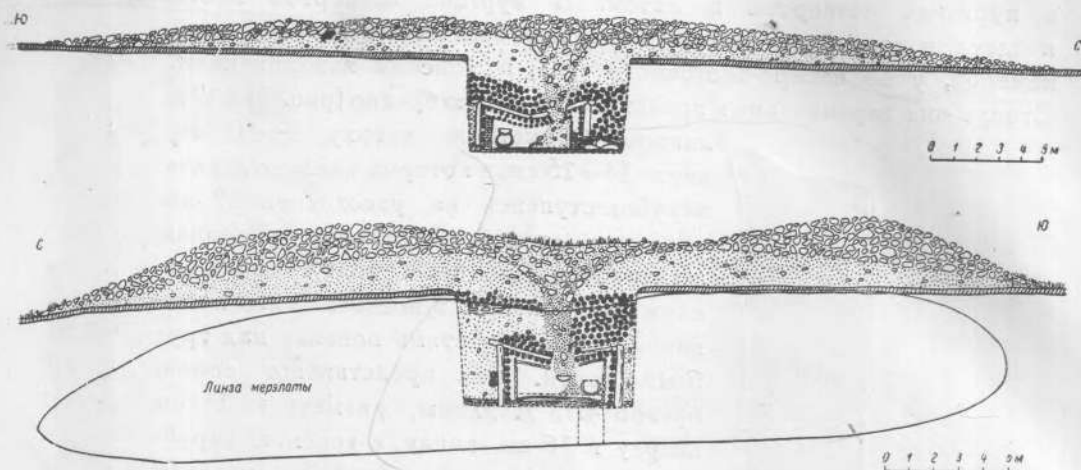

Рис. 9. Курган первый — сверху и второй — внизу (в разрезе).

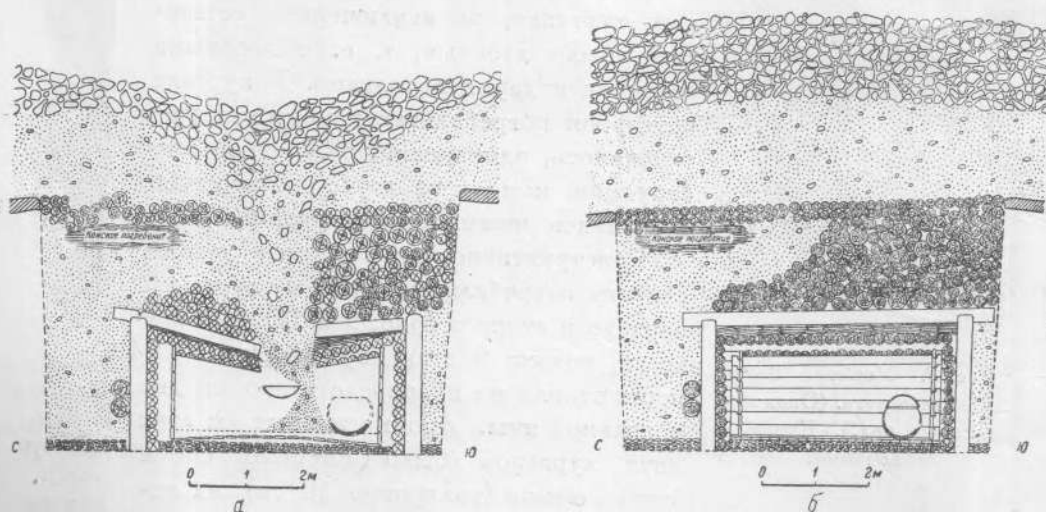

Рис. 10. Могильная яма кургана второго (в разрезе).

а — во время раскопок; б — реконструкция.

не заполненным. Сверху камеры были закрыты многослойным покровом бересты, затем слоем лиственничной коры и, наконец, кустарником — курильским чаем (*Potentilla dasiphora fruticosa* L. Rybd.).

Срубы стен погребальной камеры кургана первого не точно прямоугольные и стены не одинаковой длины. В среднем внутренние размеры камеры 3.35×4.87 м, при высоте 1.4 м. Размеры сруба наружных стен 4.45×6.15 м при общей высоте 2 м. Пол, на котором лежал нижний венец внутреннего

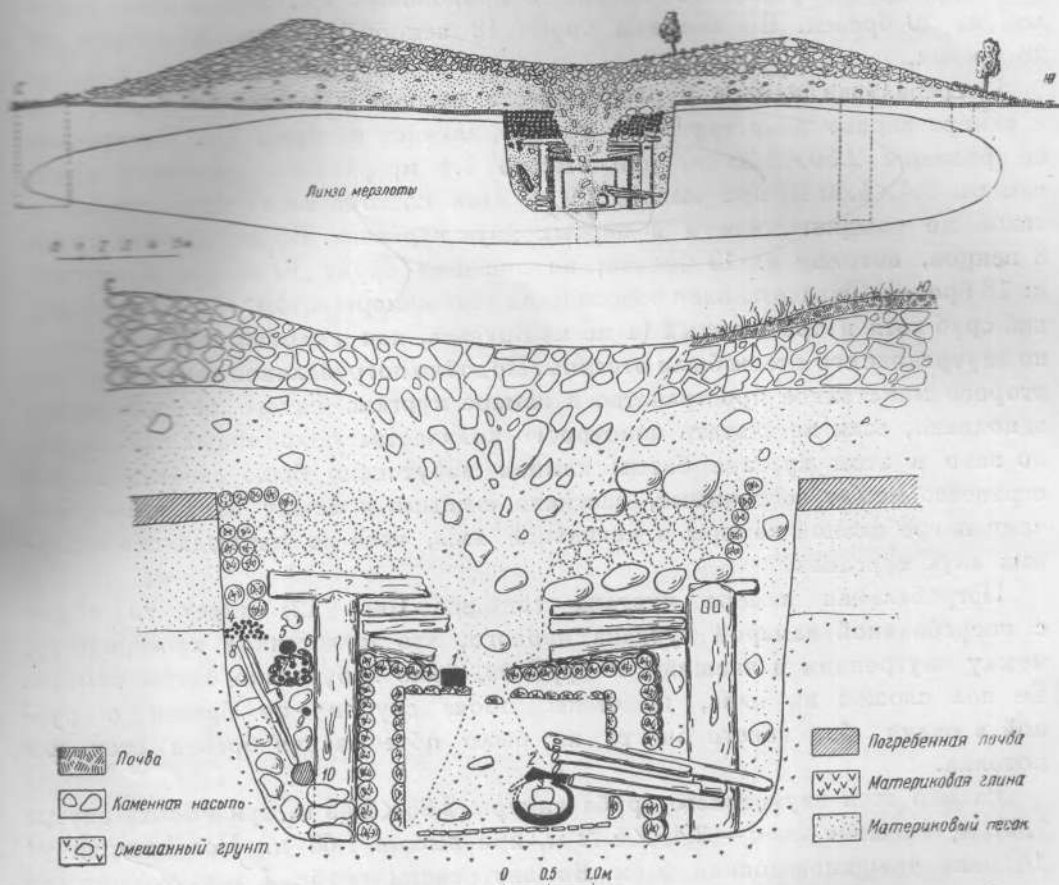

Рис. 11. Курган пятый и его могильная яма (в разрезе).

1 — подушка для сидения; 2 — саркофаг-колода; 3 — мумифицированные тела женщины и мужчины; 4 — жерди от телеги; 5 — лестница; 6 — войлочный ковер; 7 — дровяки от повозки; 8 — колесо повозки; 9 — дышло повозки; 10 — трупы лошадей.

сруба камеры, состоял из 19 плах толщиной около 6 см и шириною в среднем около 15 см. Продольные стены (северная и южная) внутреннего сруба состояли из 9, поперечные из 10 брусьев. Потолок из 30 бревен лежал на поперечных стенках сруба.

Наружный сруб стоял непосредственно на дне могильной ямы. Его стены состояли из 11 венцов. Потолок из 30 бревен лежал комлевыми концами на восточной, более широкой стене.

Внутренние размеры погребальной камеры второго кургана 3.65×4.92 м, при высоте 1.53 м. Размеры внешнего сруба 4.15×5.70 м, при высоте 2.1 м. Пол, на котором стоял внутренний сруб, состоял из плах толщиной 5—6 см, числом 17, весьма различной ширины — от 12 до 24 см. Число венцов внутреннего сруба — 8 продольных и 7 поперечных, потолок из 20 бревен. Во внешнем срубе 10 венцов, а потолок собран из 28 бревен.

Погребальная камера кургана пятого построена в том же плане, что и камера первых двух курганов, но она длиннее их (рис. 11). Внутренние ее размеры 2.30×5.20 м, при высоте 1.4 м; размеры внешнего сруба камеры 3.4×6.40 м, при высоте 1.9 м. Пол состоял из 13 плах примерно такой же толщины, как и в первых двух курганах. Во внутреннем срубе 8 венцов, потолок из 13 бревен; во внешнем срубе 10 венцов и потолок из 18 бревен. Отличительная особенность этой камеры в том, что ее внутренний сруб хотя и бревенчатый (а не из брусьев, как в первых двух курганах), но внутренние его стены были отесаны. Подобно погребальной камере кургана второго межстенное пространство в камере кургана пятого не было ничем заполнено, если не считать некоторого количества положенных там вещей, но зато в этом кургане битым камнем забутовано было свободное пространство между восточными, частично южными и между западными стенами погребальной камеры и могильной ямы, чего не наблюдалось в первых двух курганах.

Погребальная камера кургана третьего (рис. 12) имеет то общее с погребальной камерой кургана первого, что межстенное пространство, между внутренним и внешним ее срубами, было забутовано битым камнем. Ее пол сложен из плах, но стены обоих срубов — из бревен с рубкой в охлуп без какого бы то ни было обтесывания бревен стен или потолка.

Размер стен внутреннего сруба камеры 2.08×3.45 м, при высоте внутри 1.08 м; внешних стен — 3.45×4.42 м, при высоте 1.68 м. Пол состоял из 14 плах толщиной около 5 см. Во внутреннем срубе 7 венцов, потолок из 15 бревен; во внешнем срубе 10 венцов, потолок из 18 бревен.

Особенностью погребальной камеры кургана третьего является наличие свободного межпотолочного пространства около 0.5 м, в то время как во всех остальных камерах потолок наружного сруба лежал непосредственно на потолке внутреннего сруба.

Погребальная камера кургана четвертого (рис. 12) по своей конструкции повторяет внутреннее устройство камеры первого и второго курганов. Одинарные ее стены сложены были из толстых брусьев, потолок бревенчатый, пол из толстых плах.

Внутренние размеры камеры кургана четвертого 2.14×3.75 м, высота 1.2 м. Пол из 11 плах, стены в 7 венцов, потолок из 16 бревен.

Подобно кургану пятому, в кургане четвертом пространство между стенами камеры и могильной ямы, за исключением северной стороны, было забутовано битым камнем.

Потолок всех без исключения камер сверху был покрыт берестой. Однако не во всех курганах это берестяное покрытие сохранилось в одинаковой степени. В кургане четвертом было только установлено наличие берестяного покрытия. Для кургана первого известно, что береста лежала в несколько слоев, в кургане втором было шесть слоев бересты, в курга-

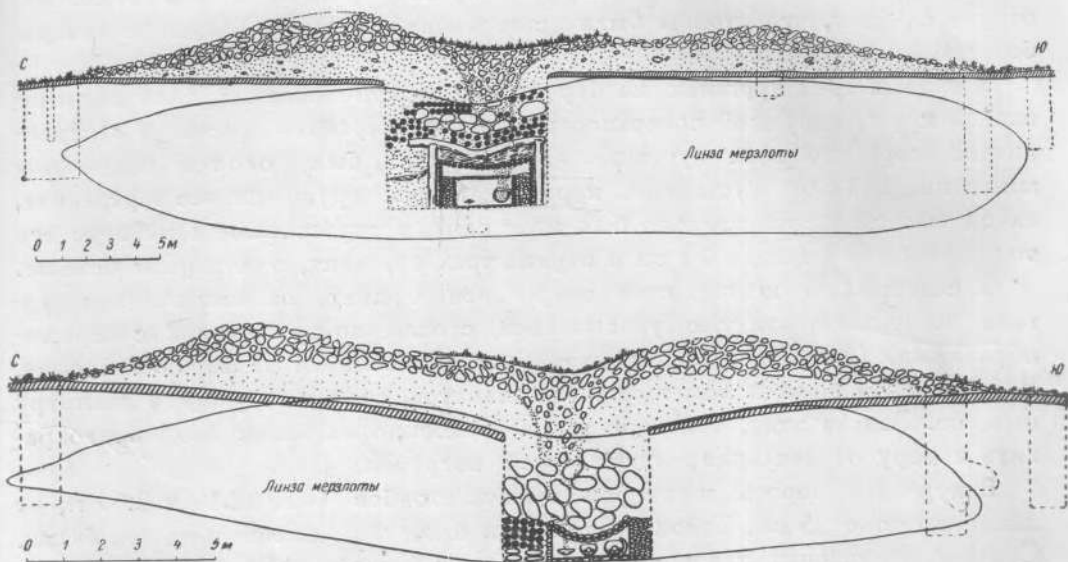

Рис. 12. Курган третий — сверху и четвертый — внизу (в разрезе).

нах третьем и пятом по четыре слоя. При этом и система покрытия не во всех курганах была одинакова. Так, для кургана третьего было установлено, что потолок камеры был покрыт не листьями бересты, а берестяными полотнищами, сшитыми из отдельных листов бересты крученым лыковым шнуром. Полотнища эти представляли собой длинные полосы от 2.23 м до 2.72 м, сшитые из листов бересты шириною от 0.42 до 0.70 м. На потолок они были положены следующим образом. Первый слой полотнищ лежал книзу, наружным слоем бересты, второй — внутренним, третий лежал наружным и четвертый — внутренним слоем. В местах, где край одного полотнища прикрывал край другого, была положена прокладка мха. Мох этот по видовому составу оказался совершенно одинаковым с ныне растущим в окрестностях долины Пазырык. В нем определены: *Phytidium rugosum* (Hedw.) Lindb.; *Pleurozium Schreberi* (Willd.) Mitt.; *Ptilium crista-castrensis* (Hedw.) De Not. Порпебальная камера в кургане пятом (рис. 11) была

покрыта двумя двойными берестяными полотнищами (5.2×8.2 м), значительно превышающими размером площадь потолка камеры. Каждое полотнище было сшито из большого количества листов бересты, соприкасающихся наружными поверхностями. В местах, где края листов бересты соприкасались один с другим, они были прошиты крученым лыковым шнуром (рис. 13). Так как площадь полотнищ была больше площади потолка камеры, то свободные их края спускались до шестого снизу венца внешнего сруба камеры. Эти свободные края берестяных полотнищ были зажаты между наружными стенами камеры и приставленными к ним столбами, откуда следует, что столбы были установлены уже после покрытия камеры берестяным покровом.

В первых трех курганах на берестяном покрытии лежал слой лиственничной коры, наружной поверхностью кверху. Поверх бересты и лиственничной коры во всех курганах, кроме пятого, был положен более или менее мощный слой кустарника курильского чая. Трудно сейчас определить, какой высоты первоначально был этот слой, в спрессованном же виде его толщина была порядка 10 см в первых трех курганах, в четвертом меньше.

У северных и южных стен погребальных камер, за исключением кургана четвертого, как уже указывалось, стояло по три столба с корытообразными, в меридиональном направлении, выемками на верхних торцах. В выемки эти были положены бревна диаметра, соответствующего диаметру столбов. Задача этих, покоящихся на столбах, трех балок была предохранить камеру от давления вышележащей нагрузки.

В курганах первом и втором высота столбов была 2.10 и 2.65 м, их диаметр около 35 см. Такой же толщины были и положенные на них балки. Столбы в курганах третьем и пятом, при высоте 2.60 и 2.65 м, были значительно толще, диаметром около 50 см, и стояли они комлевыми, наиболее толстыми, концами кверху. Толщина положенных на них балок была свыше 40 см. Столбы были поставлены прямо на дно могильных ям, без каких бы то ни было специальных креплений. Только в кургане первом столбы у северной стенки камеры были обложены у основания камнями, а в кургане втором, после засыпки грунтом северной трети могильной ямы до высоты 1.25 м от дна, параллельно стенке камеры, за столбами были положены два бревна один на другом.

Расстояние между наружной поверхностью потолка камеры и нижней поверхностью покоящихся на столбах балок было различно. В курганах первом и втором это расстояние было примерно 20—35 см, в кургане третьем около 40 см, а в кургане пятом 70 см. Поперечные балки под тяжестью вышележащего навала в первом и втором курганах легли на потолок камеры и прогнулись сравнительно незначительно. В кургане третьем, вследствие того, что между потолком камеры и поперечными балками имелось еще свободное пространство в 40 см, балки дали большой прогиб.

В отличие от всех прочих курганов, в кургане пятом непосредственно на потолок камеры в три слоя были уложены под поперечными балками и параллельно им короткие бревна. Поэтому балки в этом кургане, поддерживая тяжесть вышележащих накатов бревен и навала камней, несмотря на то, что они лежали на 70 см выше потолка камеры, не дали значительного прогиба.

Конское захоронение, как неизменное правило, было в северной трети могильной ямы. В курганах первом, четвертом и пятом кони были положены

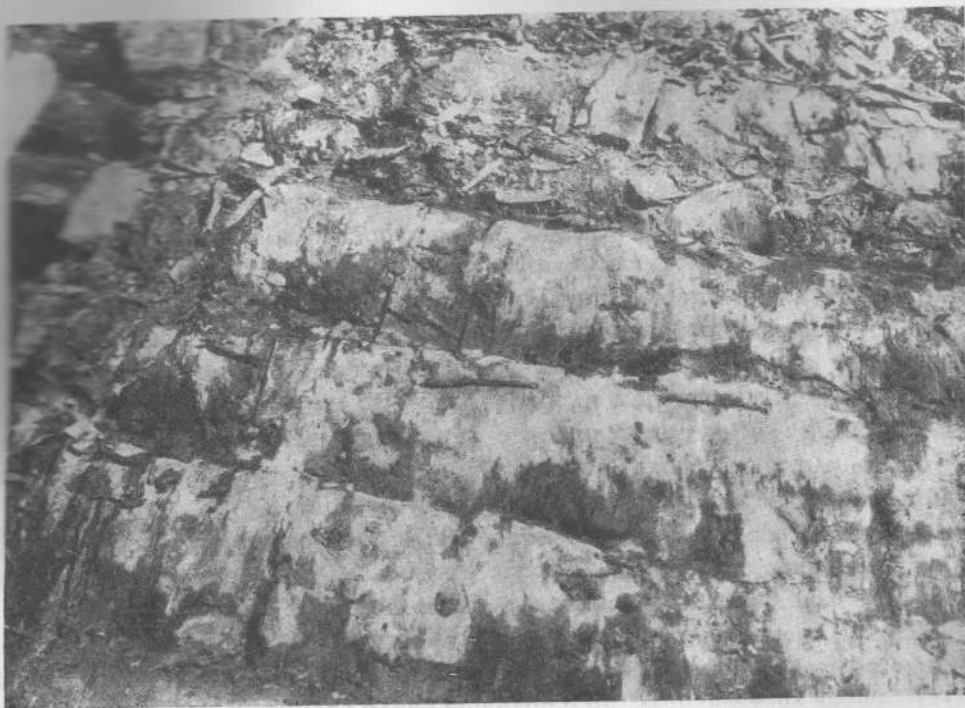

Рис. 13. Берестяное покрытие камеры в кургане пятом.

на дне могильной ямы. О некоторых особенностях захоронения коней в пятом кургане будет сообщено ниже. В кургане третьем северная треть могильной ямы была заполнена грунтом до уровня верхнего потолка камеры. Слой коры лиственницы и настил курильского чая, помимо крыши камеры, частично покрывали и этот участок могильной ямы. Часть из захороненных здесь коней была положена на эту подстилку. Позднее, вследствие осадки грунта под конским захоронением, трупы коней опустились до уровня нижнего потолка камеры.

В курганах первом, третьем и пятом поперечные балки укладывались на столбы, о которых речь была выше, уже после того, как кони были

уложены в могильной яме. Что это было именно так, доказывается выступанием северных концов поперечных балок за столбы над конскими трупами, в кургане первом от 0.5 до 1 м, в кургане третьем до 1.3 м и в кургане пятом до 0.5 м.

В кургане втором, как исключение, трупы коней были положены очень высоко, после того как могильная яма в этой части была заполнена на четыре пятых ее глубины. Они лежали на глубине всего около 0.7 м ниже верхней поверхности погребенной почвы, на подстилке из веток можжевельника и лиственницы.

После захоронения тел людей и трупов коней верхняя часть могильной ямы до верхнего края заполнялась накатами бревен и навалом крупных камней вместе с незначительным количеством грунта.

В курганах первом и втором эта часть могилы была заполнена исключительно бревнами. Мощностъ бревенчатых настилов в кургане первом над конским захоронением была до 2.5 м, а над погребальной камерой до 1.5 м. Бревна, общим числом 300, в массе были окорены и уложены комлевыми концами на запад. В кургане втором над погребальной камерой было примерно девять слоев бревен, слой десятый и одиннадцатый прикрывали не только погребальную камеру, но и конское захоронение. Общее число бревен было около 240. Так как длина бревен (6.5—6.9 м), уложенных в кургане втором в широтном направлении, была меньше размеров могильной ямы в верхней ее части, то рядом с верхними двумя слоями восемь бревен были уложены вдоль восточной и западной стенок, следовательно в направлении, перпендикулярном основной их массе.

Вследствие осадки внутри могильных ям, в момент раскопок верхний слой бревен находился на 0.4—0.5 м ниже верхней поверхности погребенной почвы и над ним могильная яма оказалась заполненной грунтом.

Курганы третий, четвертый и пятый отличались от первых двух тем, что при засыпке верхней половины могильной ямы были использованы не только бревна лиственницы, но и большое число валунов и угловатых камней.

В кургане третьем на поперечные балки было положено два сплошных слоя бревен с дополнительными третьим и четвертым рядами у южной и северной стенок могильной ямы. Над бревнами был навал из большого количества камней в два слоя, общим числом свыше ста. Поверх камней снова был выложен слой бревен (числом 16), но не сплошной, а с промежутками. Бревна, длиною около 6 м, частью были окорены и попеременно, по слоям, комлевыми концами положены то на восток, то на запад.

В кургане четвертом накат бревен только одним слоем покрывал погребальную камеру; над конским же захоронением бревна лежали в четыре слоя, выше был навал из камней с грунтом.

В кургане пятом поверх трехслойного бревенчатого наката, положенного над камерой в меридиональном направлении, лежал слой валунов,

числом около 60 камней, а в северной части могильной ямы над конским захоронением, кроме того, два валуна весом 2.8 и 3.2 тонны. Поверх навала из камней снова было уложено пять накатов бревен, средним числом 30 в ряд, но в данном случае уже в широтном направлении, а над ними земляная засыпка с содержанием большого количества валунов, в том числе нескольких больших, до 3 тонн весом. В общей сложности здесь мы имели около 250 бревен и до 100 больших камней.

По заполнении могильной ямы над нею насыпался плоский земляной холмик, причем для этого использовался только грунт, извлеченный при рытье могильной ямы. Последнее заключение вытекает как из механического состава этой насыпи, так и из ее объема. Сверху земляная насыпь покрывалась каменной наброской. Наброска эта во всех курганах состояла, главным образом, из угловатых камней, преимущественно из красного туфопесчаника (с глинисто-гематитовым ^{мел}целлитом), собранного здесь же у его естественных выходов по склонам долины. Не мало встречалось также и валунов гранито-порфировых (граниты микролиново-биотито-рогдообманковые; порфирытты сосюритизированные, т. е. серицит-целизит-эпидотовая порода с карбонатом) и кварцевых (кварц, микрокварцит с сероцитом), собранных на тех же склонах и в самой долине Пазырык.

Каменная наброска больших курганов состояла не только из крупных камней и небольших валунов. В промежутках между рядами крупных камней везде были прослойки из речной гальки и более или менее крупной щебенки.

Могильная яма, как правило, находилась в центре кургана. Однако при насыпке курганной насыпи с его каменной наброской не всегда обращалось внимание на то, чтобы центр насыпи приходился над центром могильной ямы. Вследствие этого в курганах третьем и четвертом могильные ямы оказались смещенными к северо-западу от геометрического центра кургана.

Три малых кургана, раскопанные в долине Пазырык, как и все остальные, оказались ограбленными, что было очевидно еще до раскопок. Курган шестой находится в 60 м к З-СЗ от кургана пятого. Диаметр каменной его наброски 14—15 м, высота 0.7 м, диаметр грабительской воронки около 6 м, глубина впадины 0.5 м. Выкид земли в воронке задернован. В грабительской воронке оказалось позднейшее впускное погребение. Могильная яма, размером 3.4 × 3.4 м, со стенками, ориентированными по странам света, была заполнена озерным песком грунта, в котором она была вырыта. На дне могильной ямы, на глубине 2.2 м от верхнего горизонта погребенной почвы, в южной части обнаружены остатки сруба (2.2 × 3.2 м) из 3 венцов (высота 0.5 м), с продольными стенками, ориентированными в широтном направлении. Судя по остаткам костей, здесь был погребен взрослый человек (вероятно женщина) и девочка-подросток; девочка лежала у южной стенки на спине, головой на восток. За северной стенкой сруба

были положены три коня. Один лежал на дне ямы у северной ее стенки, на левом боку, головой на восток. Поверх него были положены две другие лошади, на правом боку, головой одна на восток, а другая на северо-восток (рис. 14).

Курган седьмой расположен в 5 м к северу от кургана пятого и различим был только по неглубокой впадине диаметром 4 м и окружающему

Рис. 14. План могильной ямы кургана шестого.

1 — китайское зеркало; 2, 3, и 6 — бусы; 4 — раковина ужомки; 5 — красный лак; 7 — золотые проножки; 8 и 10 — глиняные кувшины; 9 — нож; 11 и 12 — роговые седельные накладки; 13—16 — роговые седельные подвески; 17 — листки золота.

ее земляному валику. Раскоп 4×4 м сделан в центральной части могилы, в пределах впадины, оставшейся после ограбления этой могилы. Остатки каменной наброски были обнаружены только в северо-западном секторе кургана. Контуры могильной ямы, 2×2 м, заполненной преимущественно озерным песком, обозначились на глубине 0.5 м от поверхности. Глубина ямы, стенки которой были ориентированы под углом в 45° к географическим координатам, была 1.9 м. У южной стенки ямы обнаружены остатки

деревянного сруба из двух венцов. Дно было устлано досками, сруб был покрыт плахами. В срубе и над ним найдены кости ног и черепа ребенка-подростка.

Курган восьмой находится в 106 м к С-СВ от кургана третьего. Диаметр каменной его наброски 14 м, высота над уровнем почвы 0.65 м. В центре кургана впадина диаметром 8 м, глубиной 0.45 м. В каменной наброске обнаружено позднее телесское захоронение с конем. На глубине 1.25 м от верхней поверхности погребенной почвы обнаружены контуры

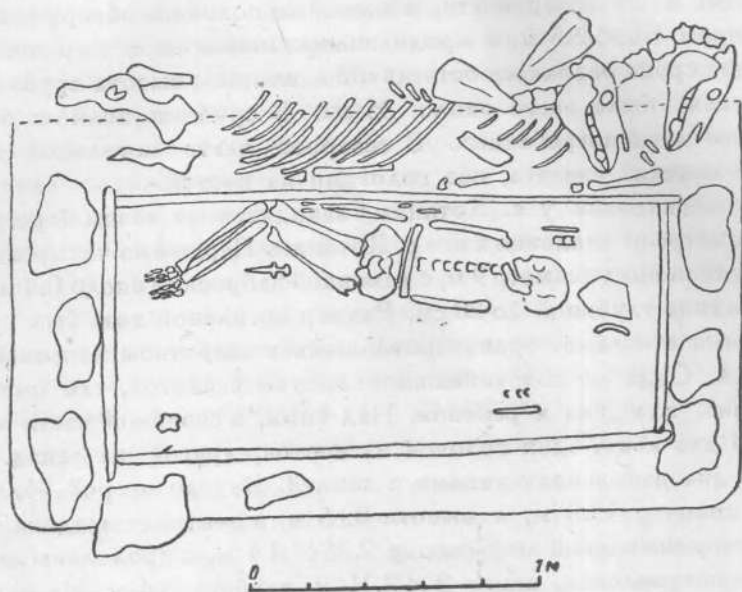

Рис. 15. План могилы первого Арагольского кургана.

могильной ямы неправильной четырехугольной формы, 3.2×3.5 м, со стенками, ориентированными по странам света. На глубине 2.65 м от той же поверхности в истлевшем срубе из трех венцов была погребена женщина на спине, головой на восток, с вытянутыми вдоль туловища руками. Курган этот был раскрыт грабителями широким раскопом, выброшена была большая часть костей скелета коня, лежавшего в северной части могильной ямы за срубом и под ним, потревожена грудная клетка и правая рука скелета женщины.

Для того чтобы составить более полное представление о типе рядовых захоронений в курганах с каменной наброской, ниже приводятся сведения еще о четырех таких курганах — двух из раскопанных на урочище Арагол и двух — у с. Котанда на р. Катунь.

Урочище Арагол находится на правом берегу р. Б. Улагана, на надпойменной ее террасе, в 5 км от долины Пазырык. Один из трех раскопанных там курганов с каменной наброской имел диаметр 8 м, высоту 0.6 м. На глу-

бине 3 м в срубе площадью 0.9×2 м и высотой около 0.4 м лежал скелет погребенного. Дно сруба было из плах, ими же был покрыт и сруб. За северной стенкой сруба один над другим лежали два скелета коней, головами на восток. Могильная яма (рис. 15) была заполнена камнями с землею. По всем данным, курган этот не был ограблен. Второй курган больших размеров, его диаметр 12 м, высота каменной наброски 0.5 м. В центре кургана была впадина глубиной около 0.5 м. В могильной яме, на глубине 3.1 м от поверхности, в южной ее половине обнаружены остатки сруба размером 1.6×2.5 м, с продольными стенками в широтном направлении. На дне сруба оказались остатки пола из плах; высота сруба (вероятно из двух бревен) была всего около 35 см. В срубе в полном беспорядке лежали кости двух погребенных. В северной части могильной ямы обнаружены два конских скелета, оба головами на восток.

Курганы могильника у с. Котанды находятся на левом берегу Катуня, в одном километре от впадения в нее р. Котанды. Первый из четырех раскопанных там курганов имел диаметр 9 м, с каменной наброской около 0.4 м высотой. В центре впадина глубиной до 20 см. Размер могильной ямы был 1.5×2.5 м, с продольными стенками, ориентированными в широтном направлении, глубиной 3.25 м. Судя по сохранившимся костям скелетов, там были захоронены мужчина, женщина и ребенок. Над ними, в северной части могильной ямы, лежали два коня, один головой на восток, другой на запад. Могильная яма до дна заполнена камнями с землей. Курган второй больших размеров, его диаметр 13.8 м, а высота 0.65 м, в центре — впадина глубиной 0.35 м. Размер могильной ямы сверху 2.35×3.4 м, с продольными стенками в широтном направлении, внизу 2×3.11 м; глубина 3.4 м. На дне могильной ямы был настил из камней, на нем лежал скелет женщины головой на восток. К северу от скелета женщины и параллельно с ним, головою также на восток, лежал скелет лошади. Могильная яма на глубину до одного метра от верхнего края была заполнена грунтом, выше — камнями.

Таким образом мы видим, что и в рядовых курганах с каменной наброской, в погребениях бедняков, приемы захоронения, в основном, те же, что и в больших курганах. На дне могильных ям, в срубе, погребение человека, за срубом, в северной трети ямы, — погребение коня. Могильная яма заполняется грунтом и камнями, сверху небольшой холмик с каменной наброской.

✓ Целый ряд благоприятных обстоятельств дает возможность определить время года, когда были совершены погребения в Пазырыкских курганах. В связи с наличием промерзания курганов высказывалось предположение о захоронении поздней осенью и даже в начале зимы. Едва ли можно думать, что захоронение в этих курганах происходило зимою или ранней весной, когда почва и грунт промерзали на значительную глубину. Деревянными кольями с колотушками рытье могильной ямы в мерзлом грунте, особенно глинистом, было крайне затруднительным, если вообще это было возможно.

Многие данные указывают на то, что начало лета и осень были временем, когда совершались захоронения в раскопанных нами курганах.

Во всех курганах, кроме четвертого, на конских трупах сохранилась шерсть, которую никак нельзя рассматривать как зимнюю. В кургане пятом из девяти захороненных там коней только один, именно тот, на котором была самая роскошная сбруя и головной убор с нагивником, оказался хорошо упитанным. Конь этот зимою содержался, вероятно, в стойле на концентрированных кормах. Все остальные кони были до такой степени тощими, какими лошади, находившиеся зимою на подножном корме, бывают только весною или в начале лета. В кургане третьем, в моховой прокладке между листами берестяных полотнищ, прикрывающих погребальную камеру, найден цветок беложелтой скабиозы (*Scabiosa achroleuca* L.). Фаза развития этого растения указывает на то, что он был сорван в первой половине лета, в конце июня или самом начале июля. Кроме того, в той же моховой прокладке побеги *Hylocomium splendens* обнаруживают начало вегетации, связанное, повидимому, также с весенне-летним периодом времени.¹ Частично окоренные бревна лиственницы и кора, которой была покрыта камера этого кургана, также указывают на весенне-летний период их вырубки и окорки, так как в конце лета и тем более осенью кора с лиственницы широкими пластами не снимается. По развитию клыков молодых коней в первом и втором курганах их возраст определен в $3\frac{1}{2}$ года, откуда также можно заключить, что они были убиты осенью, а не зимой.

В рядовых погребениях, как мы знаем, тела умерших клались непосредственно на пол небольшого сруба, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами, головой на восток. Во всех больших курганах погребенные лежали в специально для них выделанных из цельных стволов лиственницы гробах-колодах. Так было во всех пяти Пазырыкских курганах, в кургане Шибинском и в Берельском. Все захороненные в Пазырыкских курганах, как и в Шибинском, были бальзамированы, но в мумифицированном виде сохранились тела в курганах втором и пятом Пазырыкских, частично в Шибинском.

Колоды выдалбливались из стволов толстых лиственниц диаметром до метра в их комлевой части. В кургане втором колода была длиной 4.2 м, шириною от 95 до 87 см со средней высотой 72 см; несколько меньше была колода в кургане первом — длиной 3.7 м при средней ширине около 80 см и высоте около 65 см (рис. 16). Почти таких же размеров, только несколько короче, 3.25 м, была колода в кургане третьем. Колоды в кургане четвертом еще меньше: длиной 3 и 2.5 м при средней ширине 70 и 60 см и высоте 40 и 36 см. Исключительно длинная, 5 м, колода в кургане пятом, при средней ее ширине 70 см и высоте 50 см.

¹ Мхи были определены в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова АН СССР Л. И. Савич-Любидкой.

Внешняя поверхность колоды гладко отесана топором, внутренняя же выдолблена теслом со слегка изогнутым лезвием. Дно у всех плоское. На обоих концах колоды обязательно по паре солидных боковых проушин, в отверстия которых, несомненно, продевались толстые веревки при спуске колоды в могилу. Они же были необходимы и при перевозке колоды.

Толщина боковых стенок колод 3—4 см, дна 9—13 см. Торцовые стенки толстые — 25—30 см. По форме колоды первых двух курганов отличаются от остальных тем, что их широкие торцовые стенки от дна кверху сходят на нет, тогда как у остальных изнутри они почти отвесны.

Из стволов лиственницы выделаны также и крышки колод. Тщательно отесанные, по размерам они соответствуют колодам, только на 10—14 см уже их; высота крышек от 22 до 30 см, толщина всего 3—4 см, и поэтому

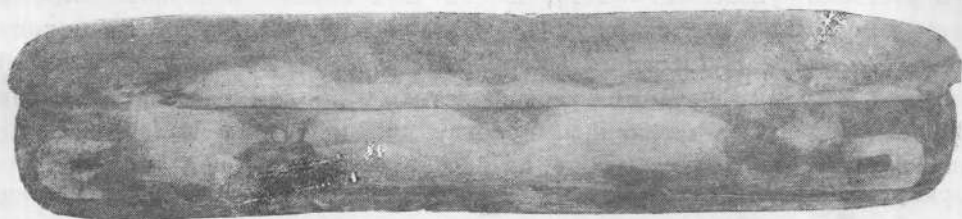

Рис. 16. Саркофаг-колода. ($\frac{1}{30}$ натур. вел.). Курган первый.

они много легче колод. В поперечном разрезе форма всех крышек сводчатая, за исключением крышки колоды из кургана пятого, где она двухскатная.

Размеры крышек несколько превышают размеры отверстий колод, целиком их прикрывая. На колодах крышки закреплялись при помощи длинных четырехгранных костылей, вставленных в четыре, по два на каждом конце, отверстия, проделанные как в крышках, так и в колодах.

Выдалбливание таких колод и изготовление крышек из хрупкого дерева — лиственницы, особенно старой, иногда дуплистой — было делом не простым. Поэтому при повреждении древесины в ее центральной части, сердцевине дерева, как, например, в колоде кургана второго, такое повреждение заклинивалось и зашпакевывалось смолой. При наличии трещин или при надломе края крышки или колоды, как это имело место в крышках курганов первого и второго, в колоде кургана пятого, поврежденные места скреплялись ремнями, продетыми в специальные отверстия, высверленные по сторонам трещин.

В курганах первом и втором, в отличие от прочих трех курганов, вся наружная поверхность как колоды, так и крышки была оклеена узкими, сантиметра четыре шириною, полосками бересты, срезанной с молодых березок. Полосы эти были наклеены в диагональном направлении и, перекрещивая одна другую, образовывали систему ромбов.

Отличительной особенностью саркофагов-колод первых двух курганов были также украшения их бортов вырезанными из кожи силуэтными изображениями петухов в первом кургане и оленей во втором, чего в прочих курганах не наблюдалось.

Изображения петухов, закрепленные вдоль борта колоды кургана первого, двойные, геральдически сопоставленные. По два из них были закреплены на торцовых концах колоды, над проушинами, а на продольных сторонах, судя по сохранившимся на южной стенке, по десяти изображений, на равном один от другого расстоянии. Изображениями этими колода была украшена, повидимому, в непокрытом виде, без крышки.

Рис. 17. Изображения петухов, вырезанные из кожи. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган первый.

Последняя почти наполовину покрывала эти изображения. Петухи вырезаны из тонкой кожи и с наружной, мездриной, поверхности были покрыты оловянной фольгой. Большая часть двойных изображений вырезана из одного лоскута кожи, но имеются и составленные из двух самостоятельных фигур, скрепленных в месте соприкосновения шерстяной ниткой.

Двойные, геральдически сопоставленные — грудь с грудью, профильные изображения петухов имеются в двух вариантах. Первый — полные фигуры, стоящие на ногах, с типичной петушиной головой, бородкой, нарочито преувеличенным гребнем (рис. 17, а). Характерна и сама фигура петуха с типичными лапками и приподнятым кверху хвостом. Второй вариант — те же геральдически сопоставленные изображения петухов, но уже в такой мере стилизованные, что только по петушиным головкам можно разгадать, что изображено; да и сама композиция несколько иная (рис. 17, б): вместо сопоставленных фигур здесь, по сути дела, одна фигура с распростертыми крыльями и развернутым хвостом, только голова двойная. При всей условности изображения крыльев и хвостов в первом варианте переданы все типичные их особенности, во втором же варианте крылья и особенно хвост переданы совершенно условным орнаментальным мотивом. Одиночные

фигуры петухов, в сущности, такие же, как и в двойных изображениях первого варианта, но с незначительными отклонениями в деталях.

По верхнему краю борта саркофага-колоды второго кургана были прикреплены вырезанные из кожи силуэтные фигуры бегущих оленей (рис. 18). Так как борта колоды были порублены, то фигуры оленей хорошо сохранились только на концах колоды. Бегущие по обеим сторонам колоды в направлении, обратном часовой стрелке, олени были прикреплены к ней миниатюрными железными гвоздиками. Как и изображения петухов на колоде первого кургана, изображения оленей были закреплены гладкой

Рис. 18. Изображения оленей, вырезанные из кожи. ($\frac{1}{6}$ натур. вел.). Курган второй.

поверхностью тонкой кожи внутрь, мездриной — наружу. Отсюда можно заключить, что, подобно петухам, и эти изображения по мездриной поверхности были оклеены оловянной фольгой, хотя достаточного для анализа количества металла собрать не удалось.

Определить, какой — северный или благородный — олень представлен в этих изображениях, не представляется возможным, так как мастер, видимо, и не задавался целью передать видовые особенности. Вырезывались изображения оленя вообще. Здесь мы скорее всего имеем северного оленя. Мастерски передано короткое, лосеподобное тело и широколопастные, характерные для самца рога. Впечатление легкости бега этих массивных фигур достигается треугольными отверстиями, вырезанными в верхних частях бедер ног.

В погребальной камере второго кургана пол был покрыт толстым черным войлоком. Таким же черным войлоком были задрапированы и стены этой камеры, за исключением северной. Верхние края длинного, в длину всей

стены, войлока были подогнуты внутрь на 6 см и закреплены на стене, между четвертым и пятым сверху венцами сруба, деревянными колками и медными без шляпок и со шляпками гвоздями (рис. 19). Гвозди и колки вбивались в пазы между бревнами сруба. Настенный войлок закреплялся не только по верхнему краю, но и по углам и по нижнему краю. Северная стена, как отмечено, не была покрыта войлоком и внизу к ней был прикреплен только тот войлок, которым был покрыт пол камеры.

Войлочным покрытием были также задрапированы стены курганов первого и пятого. К сожалению, в первом кургане был оставлен только один, хотя и довольно большой, лоскут такого войлока, а в кургане пятом грабители почти полностью уничтожили настенный войлок, от которого сохранились только небольшие клочья.

Настенный войлок в кургане первом был закреплен по верхнему краю также деревянными колышками и медными гвоздями без шляпок и со шляпками,

Рис. 19. Угол в погребальной камере кургана второго.

Рис. 20. Львиная голова — изображение на настенном ковре. (Около $1\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган первый.

между первым и вторым сверху венцами камеры. Он состоял из полосы толстого, темнокоричневого войлока, шириною около 63 см, с пришитым к нему бордюром около 39 см шириною, состоящим из трех полос. Средняя полоса из белого войлока, а крайние — из треугольных фестонов белого, красного, желтого и синего тонкого войлока. Фестоны верхней и нижней полосы состоят из треугольников, входящих один в другой, сшитых крученой сухожильной ниткой. По средней белой полосе нашиты вырезанные из тонкого войлока красного и синего цвета профильные изображения головы льва (табл. LXXXIX, 1) с тупым носом, приоткрытой клыкастой пастью

и хорошо моделированным глазом; гривы воспроизведены своеобразными завитками (рис. 20).

По верхнему краю к бордюру пришит толстый темнокоричневый шнур, скрученный из четырех ниток (табл. LXXXIX, 1).

Все стены погребальной камеры кургана пятого были задрапированы сверху донизу белым из тонкого войлока ковром с крупными изображениями львиных фигур с человеческим туловищем и птиц. Верхним краем эти настенные ковры были закреплены между первым и вторым сверху венцами сруба стен тонкими и длинными

Рис. 21. Деревянные колышки.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

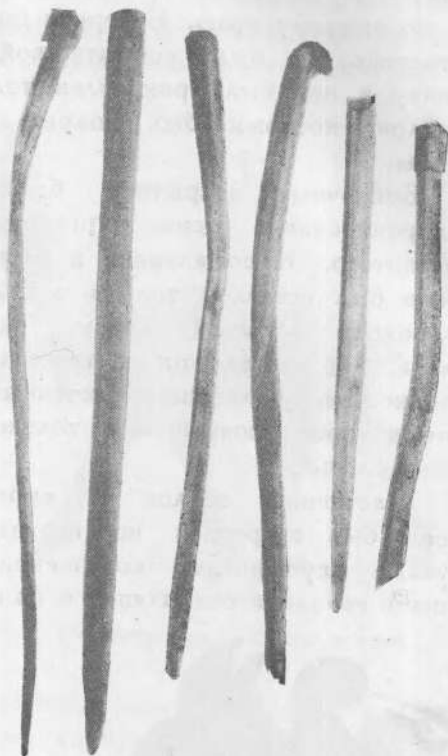

Рис. 22. Деревянные колышки.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган пятый.

деревянными колышками, вставленными в паз между бревнами на расстоянии 20—30 см один от другого.

Выше было уже отмечено, что грабители, сдирая со стены эти драпировки, изорвали их в клочья, и только благодаря тому, что часть такого же ковра уцелела в конском захоронении, удалось частично восстановить его узор.

По верхнему и нижнему краю этого настенного ковра был нашит бордюр с узором, вырезанным из разноцветного войлока (табл. XC, 2). С мотивом этого узора мы еще встретимся в подвесках седельных блях и в других украшениях; его основные элементы — сердцевидные фигуры с цветком в центре, а между этими фигурами на красном фоне аппликации —

серпидиные фигуры и треугольники с круглым вырезом у одной из сторон.

Над бордюром одно за другим были нашиты изображения крылатых людей с человеческим туловищем, с которыми подробно ознакомимся в главе об искусстве.

Над изображениями получеловека-полульва и в промежутках между ними были изображения птиц, которые, к сожалению, полностью не восстановились. Голова птицы с круглым глазом и изогнутым, как у попугая, носом повернута назад. Лучше сохранилась задняя половина птиц на высоких и тонких ногах с крючковатыми ногтями (табл. ХС, 1).

Деревянные плоские колышки, которыми укреплялись на стенах войлок и войлочные ковры, — различных размеров и формы. Обычная их длина от 8 до 15 см (рис. 21 и 22). Часть из них широкие и широкие, с большой „головкой“, другие же также плоские, но узкие, с едва заметной головкой, наконечник — овальные в поперечном разрезе, без головки. Одни, после того как были отколоты от чурки, были только заострены на одном конце, другие тщательно оструганы ножом.

Медные литые гвозди, как сказано, представляют собою либо простые прямоугольные в разрезе стержни, более или менее заостренные на одном конце, либо такие же стержни со шляпкой овальной, почти круглой формы. Отлив грубый, иногда с пустотами, не заполненными металлом. Шляпки таких гвоздей из второго кургана отливались отдельно от стержней. Последние вставлялись в соответствующее прямоугольное отверстие в шляпке и затем приваривались, как это видно на гвозде, изображенном на рис. 23. Длина таких гвоздей от 9.5 до 11.6 см.

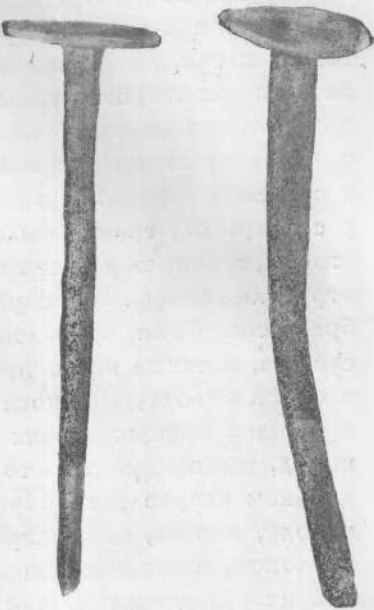

Рис. 23. Медные гвозди.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Поскольку все раскопанные до настоящего времени большие курганы с каменной наброской ограблены, нет возможности во всех деталях восстановить обряд трупоположения в саркофаге-колоде.

✓ Что нам доподлинно известно? Во-первых, во всех случаях, когда тела погребенных находились в колодах, они лежали на спине в вытянутом положении, головою на восток. Во-вторых, там, где имелись двойные захоронения (мужчины с женщиной), в двух случаях они лежали в одной колоде (курган второй и пятый) и в одном — в двух отдельных колодах (курган четвертый). В Шибинском кургане старик с мальчиком лежали в одной колоде. В-третьих, тела погребенных, повидимому, были одеты не так, как

трупы не похоронены

при жизни. Во втором Пазырыкском кургане мужские рубахи (одна в обрывках) были найдены в юго-западном углу камеры, погребенный же был положен, повидимому, без рубахи. Обязательно надевался головной убор (курган пятый) и обувь (курган второй). Штаны, вероятно, не надевались. Кисть правой руки обычно лежала на лобке, левая, согнутая в локте, на груди. У мужчины, погребенного в кургане пятом, кисть правой руки не только лежала на лобке, но была даже привязана за палец ниткой, продетой в кожу над лбом. Последнее едва ли могло иметь место, если бы на погребенном были надеты штаны. Погребались в плечевой одежде, накинутой на плечи, не вдевая рук в рукава. Помимо плечевой одежды грудь женщины из второго кургана была прикрыта еще нагрудником, составляющим один костюм вместе с плечевой одеждой. В некоторых случаях хоронили с металлическими шейными гривнами, ручными и ножными браслетами и серьгами в ушах. В одном из курганов, раскопанных С. В. Киселевым у с. Каракол, гривна была найдена надетой на шею женщины. В кургане втором, вероятно, для снятия шейных гривн у мужчины и женщины грабители отрубили головы. У женщины того же кургана для снятия ножных и ручного браслетов были отрублены стопы обеих ног и голени ниже коленного сустава, а также кисть правой руки. Как лежали тела мужчины и женщины в одной колоде, мы пока не знаем, но, судя по большой длине колод в случаях парных в них погребений и сравнительно небольшой ширине колод, можно думать, что тела лежали не рядом, а один за другим в продольном направлении. Прежде чем положить тела погребаемых в саркофаг-колоду, дно ее, как, например, это было в кургане втором, покрывалось войлоком, сложенным вдвое, поверх войлока стлался шерстяной легкий коврик с длинным ворсом и на них уже клались тела погребаемых. В том же втором кургане тела захороненных были прикрыты сверху свободными краями коврика и затем специальной полосой плотной ткани во всю длину саркофага-колоды.

Каков был первоначальный комплект вещей, положенных вместе с погребаемыми, и каково было их размещение в погребальной камере, — также весьма трудно определить по раскопкам ограбленных курганов. Грабители, проникшие в камеру, имели возможность забрать все, что они и сделали почти во всех курганах. Из кургана первого было похищено даже тело или тела захороненных там людей. Исключением явился только курган второй, где лед не позволил грабителям хозяйничать в нем так свободно, как в остальных курганах. Часть вещей в этом кургане была найдена в верхнем слое, в конусе грабительского мусора, затем на поверхности льда первой фазы (рис. 24) и, наконец, на полу камеры (рис. 25). Все же кое-что, сохранившееся и в других курганах, позволяет до известной степени составить представление о погребальном инвентаре и о размещении его в камере.

Помимо одежды и украшений, которые вместе с телами погребенных были положены в колоды, в каждой камере было найдено по „деревян-

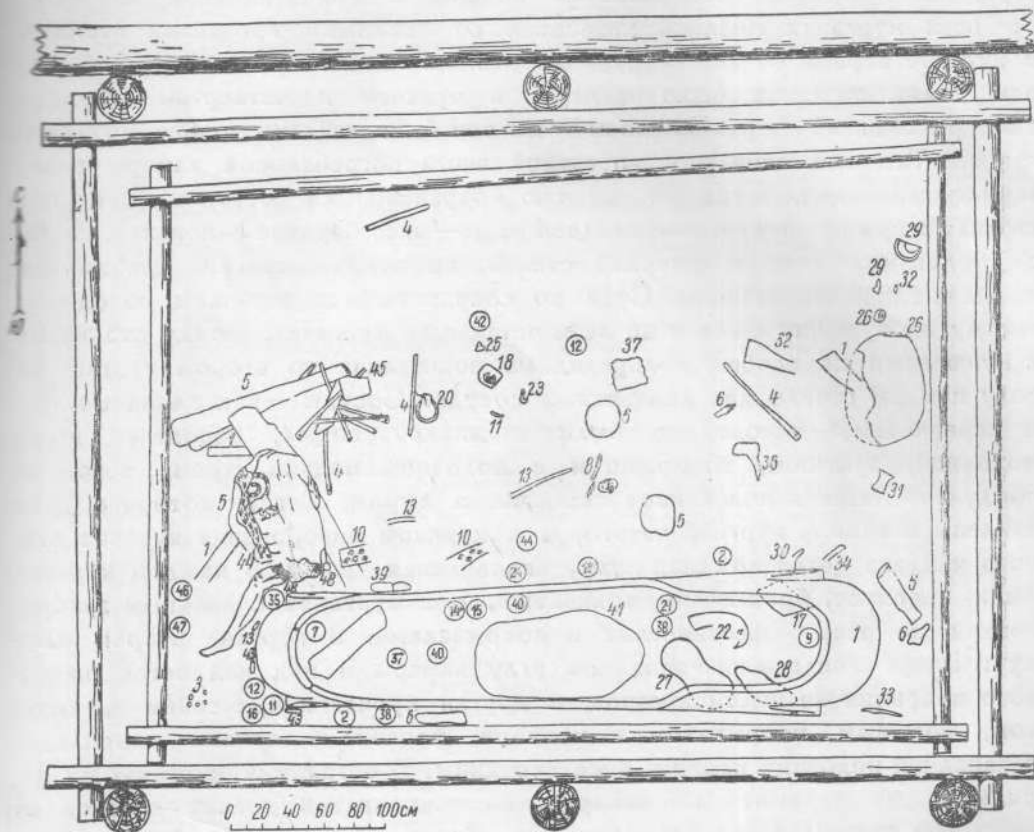

Рис. 24. Расположение находок в камере кургана второго на поверхности льда первой фазы.

1 — саркофаг-колода и отщепы от нее; 2 — вырезанные из кожи олени; 3 — дровяки 1-й шестинogi; 4 — дровяки 2-й шестинogi; 5 — части тела мужчины; 6 — части тела женщины; 7 — стопа женщины в обуви; 8 — части женской прически; 9 — диадема от головного убора с изображениями петухов; 10 — части черного меха с украшениями от того же годового убора; 11 — части шейной гривны; 12 — золотые подвески серег; 13 — части узорного пояса; 14 — серебряная поясная бляха; 15 — серебряная подвеска-лошадка; 16 — то же с ремнем; 17 — сумка кожаная с серебряным зеркалом; 18 — бронзовое зеркало в меховом футляре; 19 — мешок из меха степной кошки; 20 — кожаная фляга с семенами конопля; 21 — голова олени и клюве грифа; 22 — то же, второй вариант; 23 и 24 — вырезанные из дерева головы грифа; 25 — вырезанный из дерева олень; 26 — крышка деревянного столика; 27 — подушка деревянная; 28 — чехол на подушку; 29 — черепки глиняного кувшина; 30 — роговая ручка от деревянного сосуда; 31 — роговой барабан; 32 — части арфы; 33 — нож железный; 34 — ножи деревянные; 35 — роговые наконечники стрел; 36 — роговой молоток; 37 — полотнище шерстяного ковра с начесом; 38 — женские вилочные носочки; 39 — мужской войлочный чулок; 40 — доскуты мужской одежды; 41 — доскуты женской одежды и медные штампованные украшения; 42 — медные штампованные украшения; 43 — рукав женской одежды; 44 — собольи мех; 45 — доскуты черного меха жеребца; 46 — доскуты крашеного меха; 47 — бисер на доскутах коричневого меха; 48 — доскуты красной и коричневой ткани.

ному сиденью“ или „подушке“, как она ранее нами называлась, потому что была найдена в головной части колоды кургана второго. В первом,

третьем и четвертом курганах такой предмет был найден в разных местах на полу камеры, а в кургане пятом он был положен грабителями на бревно внутреннего потолка погребальной камеры в грабительском их лазе. Во всех курганах имелись низенькие со съемными крышками столики. В кургане первом от них сохранилась только одна ножка; в кургане втором таких столиков было четыре; в третьем и четвертом — по два и в кургане пятом — три. На своем месте они были найдены только в кургане втором. Там они стояли в восточной части погребальной камеры возле саркофага-колоды. Судя по наличию сохранившихся остатков, на эти столики с крышками-блюдами клалась пища — мясо баранье и конское. Рядом со столиками, ближе к северной стенке, во втором кургане стояли два высоких глиняных кувшина. Судя по сохранившимся черепкам, по одному такому же кувшину было и во всех остальных курганах. Между столиками и кувшинами на особых кольцевидных подставках во втором кургане на полу камеры стояло два деревянных сосуда. Сосуды — как глиняные, так и деревянные, — несомненно были с жидкой пищей, вероятнее всего молочной, кумысом, возможно и с молочной водкой. Кроме того, из продуктов питания покойников снабжали и сыром, остатки которого были найдены в камере кургана пятого, а в конском захоронении кургана второго найдена целая кожаная сума, заполненная сыром. В каждом кургане были, вероятно, бронзовые курильницы, а в курганах с двойным захоронением по две, с шестиногами и покрывалами. В кургане втором одна курильница стояла в юго-западном углу камеры и над ней остов шатрового покрытия из шести древков, а другая курильница, с таким же остовом, кожаным покрывалом и кожаной флягой с зернами конопли, — в западной половине камеры, у ее середины. В остальных курганах ни курильниц, ни покрывал не найдено, но сохранились древки остовов от шатровых покрытий над курильницами. Каменная святильня, которая была найдена также только в кургане втором, стояла на полу камеры в ее юго-западном углу рядом с курильницей. В трех курганах найдены составленные из двух половин и выделанные из бычьего рога односторонние барабаны. В курганах втором и пятом, за исключением мембраны, они сохранились хорошо, в кургане третьем обнаружены только остатки такого разрушившегося барабана. Как и переломленный пополам струнный музыкальный инструмент типа арфы из второго кургана, барабаны, по всей вероятности, были положены в колоду, но при ограблении курганов выброшены на пол камеры.

В дополнение к указанным выше перечисляем вещи, найденные в различных курганах. В саркофаге-колоде кургана второго находились: шейная гривна в виде согнутой в кольцо медной трубочки с украшением из вырезанных из дерева изображений крылатых львиных грифонов, покрытых листовым золотом, деревянные фигурки оленей и грифов, также покрытых

лестовым золотом; роговой гребень; кожаная сума и в ней серебряное зеркало с роговой ручкой, прямоугольная кожаная сумочка и кожаная фляжка, обе с кожаной узорчатой аппликацией, кожаный кошелек полушаровой формы, железная булавка; вырезанное из дерева навершие с изобра-

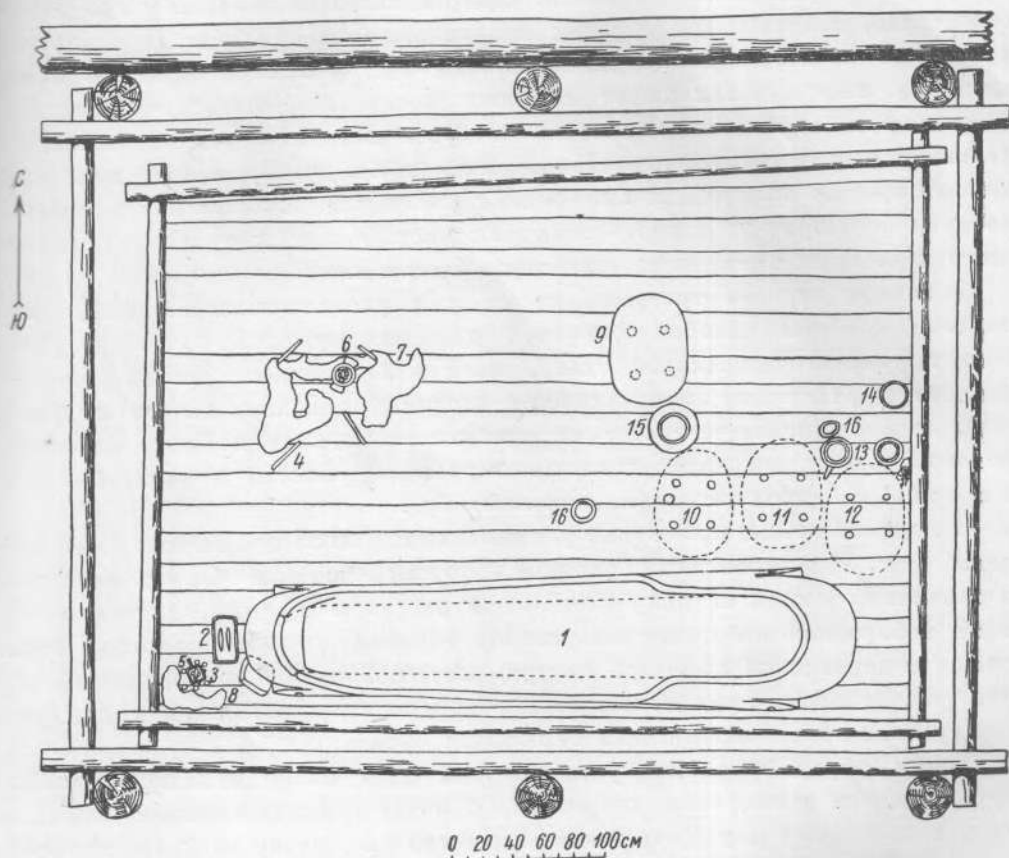

Рис. 25. Расположение вещей на полу камеры кургана второго.

1 — саркофаг-колода; 2 — светильня каменная; 3 — древки 1-й шестиноги; 4 — древки 2-й шестиноги; 5 — медная курильница на ножках; 6 — медная курильница на поддоне; 7 — ковер (покрывало) кожаный; 8 — мужская рубаха; 9 — столик на ножках в виде тигров; 10 — ножки от другого такого же типа столика; 11 и 12 — резные и точеные ножки столиков; 13 — деревянные сосуды; 14 — горлышко глиняного кувшина; 15 — глиняный кувшин; 16 — войлочные кольца — подставки под сосуды.

жением грифа, держащего в клюве голову оленя; серебряная бляха со сценой нападения льва на горного козла и подвески в виде фигуры лошади. Такая же бляха и подвеска были найдены в камере вне колоды, среди мусора, попавшего в камеру через грабительский лаз. В колодке же найден фрагмент золотой серьги и часть меховой шапки, части одежды и обрывки войлока и тканей.

Вне колоды в разных местах камеры, вероятно выброшенные грабителями из саркофага-колоды, найдены: железный нож и два деревянных футляра к ножам — в юго-восточном углу камеры, молоток из рога оленя на льду — к северу от столиков, вместе с упоминавшейся выше разломанной арфой. В различных же местах камеры, главным образом у грабительского лаза, найдены: два роговых наконечника стрел; бронзовое зеркало в футляре из шкуры леопарда; несколько бус; ременная полоса с нашивками на нее изображениями кожаных петухов; целая серия кожаных мешочков и кошельков, один из которых содержал семена посевного кориандра; различные вырезанные из дерева изображения животных; медные крытые золотом, штампованные и кожаные изображения животных; лоскуты бордюров из тонкого войлока с многоцветной узорной аппликацией; части и лоскуты одежды, шкурка овцы; амулеты.

В камере кургана третьего, кроме уже упоминавшихся вещей, были найдены лоскуты меховой собольей одежды, мужской головной убор, лоскут узорчатой шелковой ткани, шелковый кошелек, древки стрел — все это в различных местах камеры; в саркофаге-колоде ничего не было.

В камере кургана четвертого в грабительском ходе найдено массивное роговое долото, вырезанная из кожи головка ушастой и рогатой птицы и в одной из колод несколько каменных бус.

В кургане пятом, кроме уже упоминавшихся выше предметов, были найдены (рис. 26): деревянный головной убор на голове погребенной женщины, в различных местах на полу камеры шкуры овды и козы, древки шестиноги, небольшая войлочная подушечка, набитая оленьим волосом, козий рожок с деревянной ложечкой внутри, часть войлочного чулка, прямоугольная тесаная доска с продетыми по коротким ее сторонам ремнями, а в щели между плах пола биконическая бирюзовая бусина.

Таким образом только курган второй дает более или менее полное представление о комплексе тех вещей, с которыми погребенные направлялись в загробный мир. Снаряжение это было рассчитано на удовлетворение всех нужд их обыденной повседневной „жизни“.

Описывая приемы захоронения в больших курганах, необходимо упомянуть об одной детали, с которой мы встретились в кургане пятом. После освобождения ото льда погребальной камеры оказалось, что с саркофага-колоды, стоявшего у южной стенки камеры, нельзя было снять крышку, так как последняя была прижата семью обрубками бревен, заклиненными в стенке камеры. Первоначально возникло предположение, что грабители, после похищения из колоды всего ее содержимого, кроме тел погребенных, из боязни мести потревоженных ими покойников, прикрыв колоду крышкой, заклинили ее (табл. XV, 2). Дальнейшее исследование показало, что такое предположение не основательно и что крышка была прижата к колоде совершавшими захоронение.

Во втором снизу бревне внутреннего сруба, примерно на его середине, было прорублено отверстие. Однако, сообразив, видимо, что оно может прийтись против среднего столба, поддерживающего над камерой бревенчатый накат, дальнейшую работу по устройству проема в стене перенесли

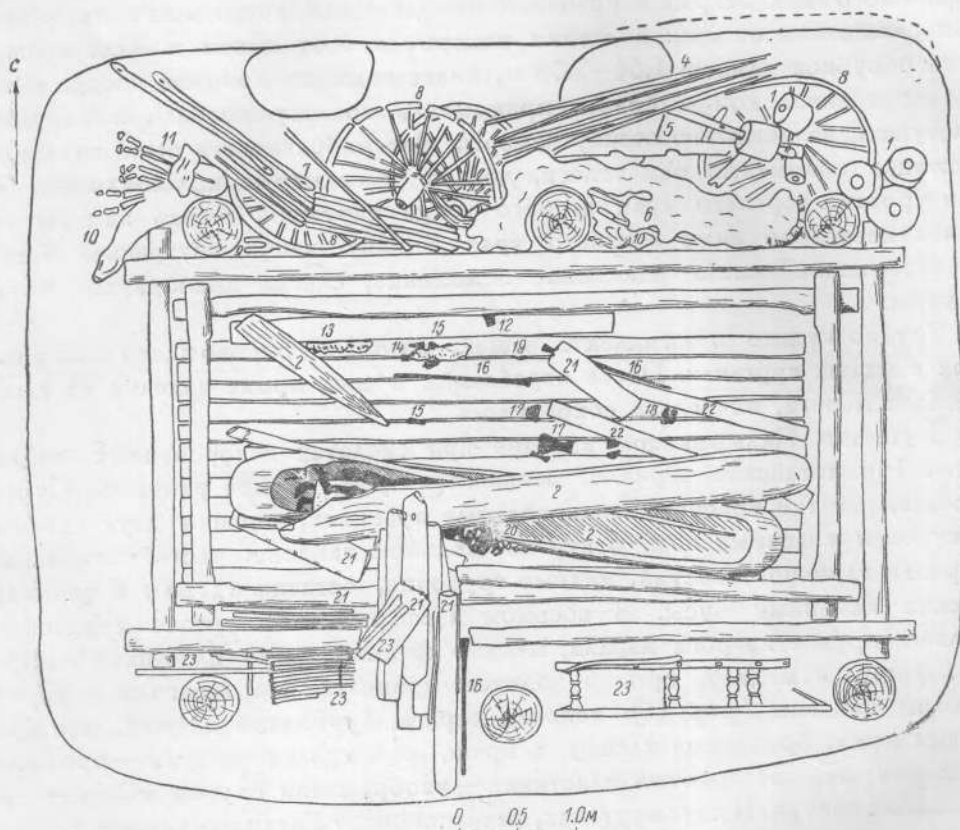

Рис. 26. План могильной ямы в кургане пятом и расположение в ней находок.

7 — колеса от телеги; 2 — саркофаг-колода с крышкой; 3 — тела захороненных; 4 — жерди от телеги; 5 — лестница; 6 — большой войлочный ковер; 7—9 — части повозки; 10 — турупы лошадей; 11 — ворсовый ковер; 12 — черепок от глиняного кувшина; 13 — шкура козы; 14 — шкура овцы; 15 — ножки столиков; 16 — дребки шестини; 17 — роговой барабан; 18 — войлочная подушечка; 19 — роговой сосуд с деревянной ложечкой; 20 — женский головной убор; 21 — доски с ременными вязками; 22 — бревна потолка камеры; 23 — части повозки.

в западную ее треть с таким расчетом, чтобы проем пришелся между средним и западным, приставленными к наружной стенке, столбами. С этой целью были прорублены по три бревна во втором, третьем, четвертом венцах внутреннего сруба и в третьем, четвертом и пятом венцах снизу сруба наружного. Получилось окно 70 см ширины и 60 см высоты. Окно это прорубалось заранее, после того как камера была уже построена, но еще не установлена в могильной яме. Проруб внутренней стенки произво-

дился изнутри, а наружной — снаружи, что явно видно по следам топора и по форме проруба в бревнах, суживающегося к междустенному пространству. Ни в камере, ни за камерой у этого окна не найдено ни одной щепки. Следовательно, работа эта производилась вне могильной ямы. После того как закрытая крышкой колода была установлена на некотором расстоянии от южной стенки камеры, в этот проем и было вложено семь обрубков длиной 1.54—1.75 м, более тонкими концами вперед и так, что внутренние концы бревен прикрывали крышку колоды, а наружные выступали за внешнюю стенку камеры. Затем бревна эти были заклинены в стенке обломками оси телеги, доскою и солидным колом-клином. Так как уровень верхнего края второго венца наружной стенки камеры оказался несколько ниже верхнего края первого венца внутренней стенки, то этот „клин“ занял наклонное положение, слегка приподнятое внутрь камеры.

Трудно судить о комплекте вещей, которые сопровождали захороненных в малых курганах. После ограбления в них, кроме изделий из глины, металла и рога, ничего не сохранилось.

В шестом Пазырыкском кургане при скелетах захороненных найдено (рис. 14): китайское зеркало, различные бусы, четыре раковины *Surraea moneta*, остатки красного лака, золотые пронизки, черепки двух глиняных сосудов и железный нож. В кургане седьмом найдено: часть рога марала, черепки глиняного сосуда, медные трубочки, остатки одежды и цилиндрические каменные бусы. В восьмом Пазырыкском кургане сохранились только: оружие из рога марала, медные штампованные пластинки квадратной формы и медная, крытая золотом пронизка. На Араголе в кургане первом найдены (рис. 15): золотая серьга, бронзовый кинжал, два бронзовых ножа, бронзовые клевец и крюк, а в кургане втором — бронзовые нож и крюк, две золотые пластинки — изображения головы сайги — и два глиняных сосуда. В двух курганах, раскопанных у Котанды, помимо остатков конской сбруи, найдены только вырезанная из рога „львиная“ головка-пронизка, железный нож и раковина моллюска *Surraea moneta*.

Беднее по составу, но значительно лучше и полнее сохранилось все, что было положено в могильную яму в северной ее части, так как ни в одном из больших Пазырыкских курганов конские захоронения не потревожены грабителями.

Все кони убиты ударом клевца в лоб, чаще в темя. Строгого порядка в укладке коней в могиле не придерживались, так как место, для них отведенное, не всегда отвечало их количеству. Там, где площадка была достаточно обширна, их можно было расположить в известном порядке, там же, где, как например в кургане пятом, в могильной яме для коней оставалось сравнительно узкое пространство, их клали один на другого и не только в горизонтальном, но и в вертикальном положении. Поскольку

конские захоронения заглавливались не только бревнами, но и валунами, при этом под давлением вытесляемого груза трупы коней, кроме того, сменялись и ориентировались. В результате их первоначальное положение нарушалось.

Порядок размещения коней в могиле и обычные их позы — поджатые под себя передние и задние ноги, закинута назад голова с шеей — диктовались, вероятно, экономией места. В кургане первом восемь коней были размещены в продольном направлении, головами на восток, в два ряда, по четыре коня в каждом. На оставшемся свободном участке, в западной части могильной ямы, рядом один с другим были уложены еще два коня

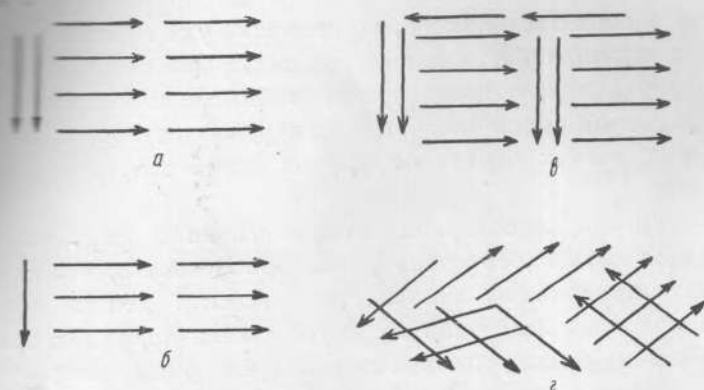

Рис. 27. Схема расположения коней в первых четырех курганах.

в поперечном направлении головой на юг (рис. 27, а). В кургане втором таким же порядком было уложено семь коней: по три в ряд в продольном направлении, головой на восток, и один в поперечном направлении у западного края отведенной для коней площадки (рис. 27, б). Поскольку трупы убитых коней опускались в яму не иначе как на веревках, уложить их в правильные ряды было затруднительно, да к этому, повидимому, и не стремились. Поэтому головы далеко не во всех случаях были подогнуты, иногда они были вытянуты вперед, а положенные в ряд кони часто прикрывали один другого.

Сложнее было расположение коней в кургане третьем (рис. 27, в). Там, как и в первом, восемь коней были положены по четыре в ряд, головами на восток. В промежутке между этими рядами в поперечном направлении была положена пара коней головами на юг и вторая такая же пара у западной стенки. Оставалось разместить еще двух коней. Их положили один за другим вдоль северного края могильной ямы, в направлении, противоположном остальным коням, головами к западу.

Совсем особым, отличающимся от предыдущих, было размещение коней в могильной яме кургана четвертого (рис. 27, г). В этом кургане, после уста-

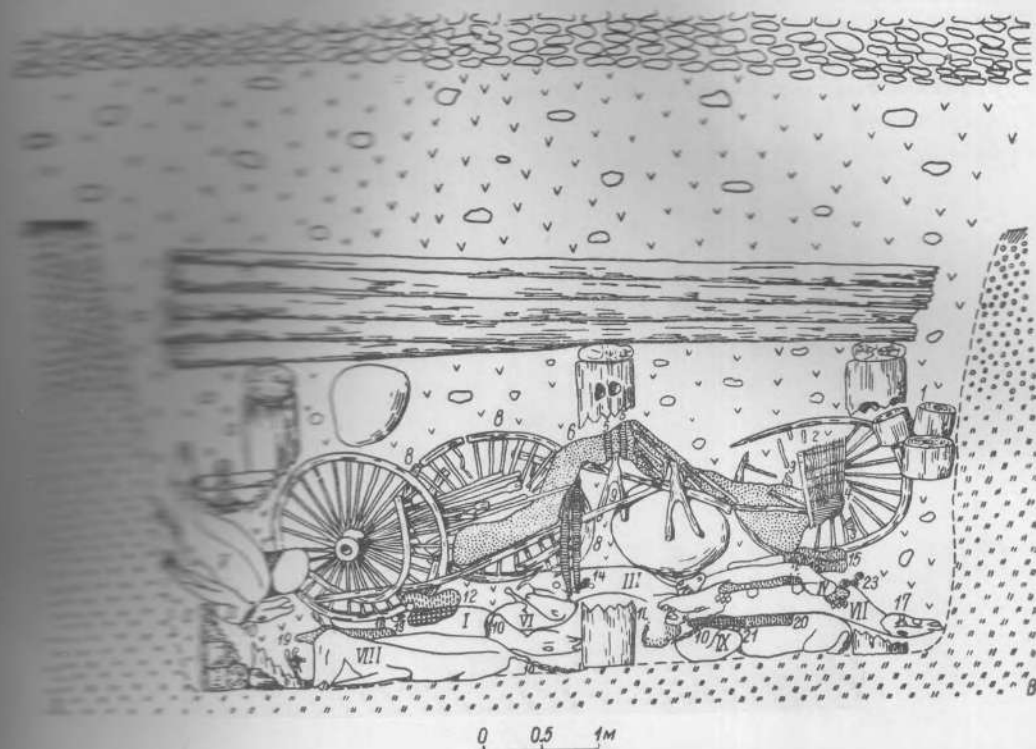
новки погребальной камеры, в северной части могильной ямы оставалось сравнительно очень небольшое свободное пространство и настолько узкое, что класть коней поперек было нельзя. Нельзя было уместить в ряд и четырех коней, следовательно пришлось отказаться от размещения их в два ряда. Девять коней было положено вкось: шесть головой к северо-востоку, к северному краю ямы, и три головами на юго-восток к стенке погребальной камеры. При таком косом расположении трупов в длину каждый находил себе место, а в ширину много места не требовалось, так как наиболее широкие участки тела, например таз, одного коня не совпадал с таким же участком тела другого коня. Оставалось еще пять коней, для которых уже не было места на дне могильной ямы, и их пришлось положить поверх первого слоя, притом также вкось, но головами уже не к востоку, а к западу, т. е. в обратном направлении и поперек тел, уложенных ранее. Получилась очень плотная укладка, которая при вскрытии могилы производила впечатление беспорядочной смеси близлежащих черепов и тазов, позвонков и конечностей, так как мягких частей от трупов коней в этом кургане не сохранилось.

В пятом кургане, в северной части могильной ямы, за погребальной камерой, на дне оставалось очень узкое пространство, чтобы в нем можно было рядами в продольном направлении уложить девять коней. Поэтому в восточной половине ямы один на другом были положены три коня. Нижний конь лежал на брюхе, головой на запад, с мордой, повернутой к востоку. Вышележащий конь был на правом боку, с вытянутой к востоку головой. В таком же положении, но с подогнутой головой, лежал и верхний конь. В следующем ряду, также в продольном направлении, головой на восток, за средним столбом, лежал только один четвертый конь. В третьем ряду лежали кони пятый и шестой; один из них на брюхе, головой на запад, а другой, параллельный ему, у северной стенки ямы, на правом боку, головой на восток. Между головой этого коня и крупом коня четвертого, в поперечном направлении, на спине, лежал конь седьмой. В северо-западном углу могильной ямы уложены два последних коня. Один из них лежал на спине с приподнятыми кверху ногами, головою на запад, другой был как бы посажен на него, спиной к востоку, с вытянутыми вперед ногами и головою так, что последняя заходила за угол погребальной камеры, слегка возвышаясь над нею (рис. 28).

То же самое по существу мы наблюдаем и в малых курганах, в которых трупы коней иногда лежат один на другом головой то на восток, то на запад; при трех конях один иногда клался поперек.

Таким образом известный порядок в укладке трупов коней соблюдался там, где на площадке могильной ямы, для них предназначенной, имелось достаточно места, но при недостатке места порядок неизбежно нарушался. Несомненно одно, что в ориентировке трупов коней, как и людей, при-

направление головы на восток. С востока же, на запад, производилась и укладка трупов. Все „головные кони“ с уборами-навершиями хоронились в первом ряду во всех случаях

Каменная насыпь	Материковый песок	Шелковая ткань
Смешанный грунт	Дерево	Ковровая ткань
Погребенная земля	Кожа	Крупные валуны
Материковая глина	Войлок	Черная кошма

Рис. 28. Схема расположения коней и вещей в северной части могильной ямы кургана пятого.

1 — насыпь телеги; 2 — кузов повозки; 3 — лебеди — украшение кузова; 4 — покрытие кузова из черного войлока; 5 — дышло из черного войлока; 6 — войлочный ковер; 7 — древесина с дощечками; 8 — колеса повозки; 9 — дышло повозки; 10 — конские хвосты; 11 — ворсовый ковер; 12 и 13 — седло и узда с коня I; 14 — узды упряжных коней II, III, V и VI; 15 — седло с коня IV; 16 и 17 — седло и узда с коня VII; 18 и 19 — седло и узда с коня VIII; 20 и 21 — седло и узда с коня IX; 22 — головной убор с коня IX; 23 — узда с коня IV; I—IX — трупы коней.

головною на восток, за исключением кургана пятого, где такой конь лежал головною на запад. Таких коней с головными уборами-навершиями было по два в первых трех курганах и по одному в четвертом и пятом.

За исключением кургана пятого, где было захоронено четыре упряжных коня, все прочие кони были верховые.

Вместе с конями в могилу клались их узды, седла и головные уборы-навершия. Узды и седла с коней, захороненных в больших курганах, предварительно снимались, как снимались и головные уборы. В малых курганах кони захоронены с уздами на головах. Так было в шестом Пазырыкском и в Арагольских курганах. Хотя из кургана шестого бронзовые удила были похищены грабителями, окись меди на черепе одного

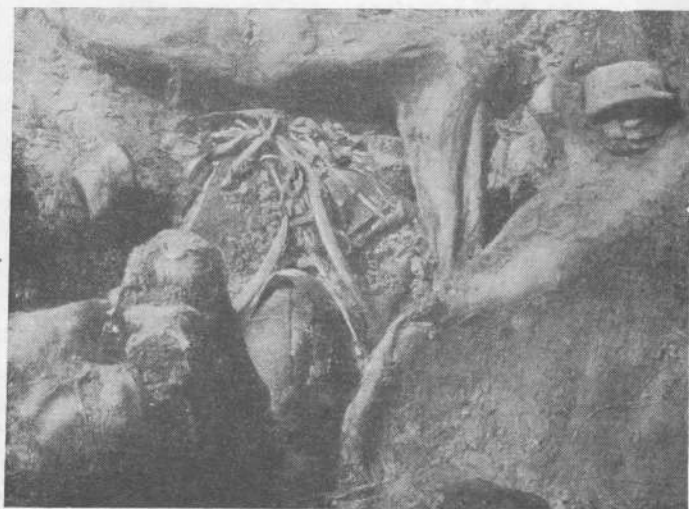

Рис. 29 Седла в конском захоронении кургана первого; наверху справа конское копыто.

из коней явно указывает на то, что он был взнуздан. В Арагольских курганах удила были найдены во рту коней. У всех коней с головным убором имелись и войлочные, покрытые кожей, или кожаные нагривники, прикрепленные к гриве коня, причем при захоронении нагривники не снимались. У двух коней из кургана первого кроме головных уборов и нагривников имелись еще специальные нахвостники. Узды, седла и головной убор с навершием клались, повидимому, на труп того коня, которому они принадлежали (рис. 29 и 30). Узды четырех упряжных коней из кургана пятого были положены все вместе.

Кроме упряжи, в конских захоронениях курганов первого, второго и четвертого были найдены нагайки.

Во всех курганах, кроме пятого, были найдены щитки из палочек, причем в кургане первом и третьем их было по три, а в кургане втором и четвертом — по два. Там, где они были найдены с седлами, они были привязаны

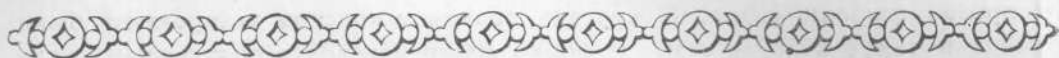
с правой стороны седла. В кургане первом в конском захоронении были найдены также меховая сумка в форме фляги и меховая подушечка; в кургане втором — кожаная, крытая мехом сума с сыром. Во всех курганах, кроме четвертого, найдены части телег на колесах из цельного дерева, а в кургане пятом, кроме того, и повозка на четырех колесах с дышловой упряжкой. Наконец, в конском захоронении кургана пятого найдено два ковра — один ворсовый, другой войлочный.

Рис. 30. Узда в конском захоронении кургана третьего.

В тех случаях, когда в северной, конской, части могильной ямы за погребальной камерой не хватало места для вещей, которые там необходимо было уложить, обычно для частей телеги, они клались над погребальной камерой или в южной части могильной ямы между стенками ямы и камеры. Так, за южной стенкой погребальной камеры между столбами в кургане пятом была уложена платформа повозки и ряд других предметов: одно из древков шестиноги, кусок рога марала, мелкие части повозки.

Глава III

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ

Данных о физическом типе населения Горного Алтая в скифское время крайне мало, и сводка их сделана Г. Ф. Дебецом.¹ Большинство черепов данной эпохи относится к европейскому типу, хотя и недостаточно четко выраженному, с преобладанием брахикранов. Из всех исследованных им черепов Г. Ф. Дебец выделяет мужской череп из кургана № 6 в Туэкте (раскопки С. В. Киселева), который он считает весьма сходным с черепами казахов, что, по его мнению, является бесспорным доказательством проникновения в это время на Алтай по крайней мере отдельных племен юго-восточного происхождения.

В настоящее время после раскопок Пазырыкской группы курганов Горного Алтая мы располагаем наиболее характерными в антропологическом отношении мужскими черепами: одним из Шибе, тремя из Туэкты, четырьмя из Курая, одним из Котанды и двумя из Пазырыка (курганы третий и четвертый).

Особенно ценной оказалась находка мумифицированных трупов из второго и пятого Пазырыкских курганов, дающих яркое представление о физическом типе древних горноалтайцев.

При рассмотрении указанной выше немногочисленной серии черепов (табл. XVII и рис. 31) обращает на себя внимание крайняя ее разнородность. Здесь имеются (табл. I) брахикранные (Пазырык, курган четвертый, и Курай III, 9), суббрахикранные (почти половина), один мезокранный (Курай III, 4) и три резко долихокраних (Шибе, Курай III, 3, Котанда) черепа.

По высоте как низкие (хаме- и тапейнокранные) выделяются черепа только из Шибе и Туэкты 6 и как высокий (гипси- и ортокранный) — череп из Котанды. Все остальные средней высоты. Умеренная

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР, 1948.

длина лица (мезопрозопы) в общем характерна для всей серии; некоторые, впрочем, выделяются своей относительно большой длиной лица (Пазырык третий, Шибе, Котанда). Общая черта всех горноалтайских черепов — их ортогнатность и притом нередко ярко выраженная.

Форма носа сильно варьирует. Хотя средняя ширина носа (мезорины) преобладает, но имеются случаи явно выраженной узконосости (лепторинины — Пазырык третий и Шибе) и широконосости (платирины — Пазырык четвертый). Относительно высокие орбиты у черепа из Шибе, остальные средней высоты (мезоконхи).

Рис. 31. Череп из Шибинского кургана.

При европеоидном, в общем, типе черепов рассмотренной серии имеются черепа с явно выраженными монголоидными признаками. К числу последних относятся черепа из Пазырыка четвертого, Шибе, Туэкта 6, отчасти череп из Котанды. Для этих черепов характерно относительно плоское и широкое лицо со слабо развитыми *fossae caninae* и плоским носом.

Таблицу краниологических данных для женских черепов я не привожу: во-первых, по их малочисленности и, во-вторых, из-за малой их типичности для расовой характеристики. В нашем распоряжении имеется по одному женскому черепу из курганов Туэкта 10, Котанда и Курай V¹ и, кроме того, два женских черепа из четвертого и пятого Пазырыкских курганов. Из этих последних череп из четвертого Пазырыкского кургана ювенильный, в возрасте 15—16 лет, и сильно деформированный, а из кургана пятого не освобожден от мышц и кожного покрова и поэтому не поддается детальному обследованию, кроме того, у него повреждена нижняя часть лица.

¹ Г. Ф. Дебец, ук. соч., табл. 44 и 45.

Таблица 1

Основные размеры и индексы (нумерации по Мартину)	Туэкта, курган 6	Туэкта, курган 8-2	Туэкта, курган 11	Курай III, курган 3	Курай III, курган 4	Курай III, курган 9	Курай V	Котанда	Пазырак, кур- ган третий	Пазырак, кур- ган четвертый	Шибэ
1 Продольный диаметр .	186	189	180	197	183	180	181	183	186	179	204
8 Поперечный диаметр . .	150	154	146	141	145	151	146	138	150	158	149
17 Высотный диаметр . .	131	135	135	139	135	—	125	141	139	134	136
5 Носо-основной диаметр	100	—	105	106	99	—	101	108	110	104	105
9 Наименьшая ширина лба	90	108	94	102	96	94	101	101	89	105	103
40 Длина основания лица .	97	—	97	96	100	—	—	100	107	98	104
45 Скуловой диаметр . . .	144	140?	144	138?	139	—	134	135	145	147	151
48 Высота лица	78?	73?	71	72	70	—	—	75	79	74	90
55 Высота носа	55	51	51	54	50	—	—	—	55	54	63
54 Ширина носа	28	25	28	26	24	—	—	—	26	30	25
51a Ширина орбиты	40	39	39	39	39	—	—	—	41	41	41
52 Высота орбиты	35	34	33	35	34	—	—	—	34	35	33
32 Угол лба	76	85	77	84	85	—	—	79	77	79	84
72 Угол лица	91	84	89	90	81	—	—	87	85	83	92
75 (1) Угол носовых костей .	23	28	28?	—	30	—	—	25	22	23	22
Norma verticalis(Frassetto)	Sr.	Ept.	Sr.	Pt.	Ov.	Sn.	Ov.	Ov.	Ov.	Sr.	Ov.
Надбровье(1—6)Мартин	4	3	4	3	3	4	2	3	3	3	4
Fossa canina (0—4) . . .	2	3	1	2	4	—	—	2	3	1	1
Нижний край групп. отверстия	F. p.	F. p.	F. p.	Ant.	Ant.	—	—	Ant.	Inf.	Inf.	Ant.
Spina nasalis anterior (1—5)	1	3	—	—	4	—	—	3	5	4	4
8:1 Черепной указатель . .	80.7	81.4	81.1	71.6	79.2	83.9	80.7	73.8	80.7	88.2	73.1
17:1 Высотно-продольный указатель	70.4	71.4	75.0	70.6	73.8	—	69.1	77.0	74.7	74.9	66.7
17:8 Высотно-поперечный указатель	87.3	87.2	92.4	98.6	93.1	—	85.6	104.4	92.7	84.8	91.3
9:8 Лобно-поперечный ука- затель	60.0	70.1	64.4	72.3	66.2	62.3	69.2	74.8	72.6	66.5	69.1
40:5 Указатель выступания лица	97.0	—	92.4	90.6	101.0	—	—	92.6	89.0	94.2	99.0
46:45 Верхне-лицевой ука- затель	54.2	52.1	49.3	54.1	50.4	—	—	55.6	54.5	51.0	59.6
5:55 Носовой указатель . .	50.9	49.0	54.9	48.2	48.0	—	—	—	47.3	54.6	39.6
52:51a Орбитный указатель . .	87.5	87.2	84.6	89.7	87.2	—	—	—	83.0	85.0	92.6

В общем все женские черепа европеоидного типа ортогнатные, со средним выраженным носом, средне-широконосые, но череп из Туэкты 10 приближается к широконосным, а из Котанды, напротив, к узконосым, орбиты преимущественно высокие. По черепному указателю эта серия сильно варьирует. Черепа из Туэкты 10 и Пазырыка четыре явно брахикранные (черепн. указ. 86), из Котанды и Курая V суббрахикранные (черепн. указ. около 81.5), из Пазырыка пять долихокранный (черепн. указ. около 73).

Помимо черепов, из Пазырыкских курганов мы имеем три мумифицированные головы: две мужских из курганов второго и пятого и одну женскую из кургана второго (табл. XVIII). Головы эти с точки зрения антропометрических их изучения представляют ту трудность, что не могут быть подлинно исследованы как черепа. Вследствие деформировавшихся мягких частей головы обмеры черепа и лица несопоставимы с измерениями, произведенными на живых людях. Тем не менее они очень ценны в том отношении, что дают несравненно большее физиономическое представление о том, чем черепа. Кроме того, сохранившиеся волосы позволяют нам провести расовую их диагностику.

Возраст мужчины из кургана второго был около 60 лет, что следует из облитерации пульповой камеры и из резко выраженной стертости фронтальных зубов, коронковая часть которых стерта примерно на две трети своей прежней величины.¹ По типу он явно выраженный монголоид. Большой мозговая коробка с головным указателем 83—84 при крайне широком скуловом диаметре 156 мм при общей высоте лица 146 мм и при анатомической его высоте 96 мм) и плоском лице, с сильно выступающими вперед скуловыми костями. При значительных размерах межглазничного расстояния (38 мм) ширина носа средняя (высота его 48 мм, ширина 34 мм) и корень его вдавлен. Эпикантус плохо различим, но, возможно, имелся.

Женщина из кургана второго — зрелого возраста, старше 40 лет. Тип ее значительно отличается от типа мужчины из того же кургана. Головной ее указатель значительно ниже, около 80. Лицо узкое и длинное (скуловой диаметр 134 мм при общей высоте лица 141 мм и анатомической его высоте 99 мм), хорошо профилированное. Скуловые кости выступают незначительно при сравнительно небольшом скуловом диаметре. Спинка носа выступает

¹ Головы мужчины и женщины из кургана второго были обследованы Г. М. Иващенко в Стоматологическом отделе Военно-медицинской академии. Рентгеновские снимки показали, что у мужчины первый моляр нижней челюсти справа ретинирован, т. е. при жизни был задержан в росте и не прорезался, в результате чего в зубной дуге остался молочный зуб. Возможно поэтому, что в данной области при жизни была фолликулярная киста, в полости которой была коронка инпактированного первого моляра и стенки которой своим давлением привели к атрофии кости вокруг. Из-за давления непроросшего первого моляра на соседние зубы и из-за давления дентикля на пульпу третьего моляра при жизни этот мужчина мог жестоко страдать зубными болями.

довольно резко. Эпикантус не различим. Если в типе этой женщины и можно усматривать некоторые монголоидные признаки (относительно большая высота лица, узкий нос), то весьма смягченные.¹

Мужчина в возрасте свыше 55 лет, погребенный в кургане пятом, по типу резко отличается от погребенного в кургане втором. При мезокефальной форме (указ. около 78) голова отличается высоким лбом и длинным ортогнатным, хорошо профилированным лицом, с выдающимся вперед подбородком. Скулы хотя и широкие (скуловой диаметр около 146 мм), но не выступающие. Нос весьма узкий и длинный (приблизительные его размеры 32 мм и 54 мм), резко выступающий, с горбинкой. Такой тип в настоящее время часто встречается среди казахов и киргизов и является, повидимому, одним из вариантов европеоидного типа Среднеазиатского междуречья.

Очень важным, как я уже отметил, диагностическим расовым признаком являются волосы. У мужчины из кургана второго волос на голове почти не сохранилось. Она была обрита, но удалось рассмотреть их корни и самую нижнюю часть ствола. Они производят впечатление довольно жестких черных волос, но не таких круглых в сечении и не таких тугих, какие характерны для северных монголоидов. Волосы его подвешной бороды темнокаштановые. Последнее было бы очень интересно, если бы была уверенность, что это его волосы.

Волосы женщины из кургана второго черные, но мягкие и волнистые, отнюдь не тугие, не характерные для монголоидов. Волосы мужчины из третьего Пазырыкского кургана светлокаштановые, я бы сказал темно-русые, и достаточно мягкие. Черные, волнистые, даже, пожалуй, кудрявые волосы у мужчины из кургана пятого. Очень тонкие и мягкие темнокаштановые волосы и у женщины из того же пятого Пазырыкского кургана.

Из рассмотрения поперечных разрезов волос из Пазырыкских курганов выяснилось, что по толщине и по форме они существенно отличаются от волос, характерных для монголоидов.

Из курганов второго, третьего и четвертого мы имеем полные скелеты прекрасной сохранности. Однако за отсутствием достаточного сравнительного материала я ограничусь только данными о длинных костях конечностей и восстановлением роста интересующих нас индивидов.

Данные эти параллельно с измерениями длинных костей тех же скелетов из Горного Алтая, черепа от которых мы рассмотрели выше, приведены в табл. 2.

¹ На челюстях женщины из кургана второго Г. М. Иващенко отметил ярко выраженную атрофию костного края альвеолярного отростка, с обнажением шейки и корней зубов. Последнее особенно ярко выражено в области фронтальных зубов нижней челюсти, где зубы значительно смещены по вертикали (зашли одни за другие). Эти факты позволяют заключить, что при жизни эта женщина страдала альвеолярной пиорреей.

Прежде всего обращает на себя внимание исключительно высокий рост всех мужчин, захороненных в больших курганах, которые мы рассматриваем как погребения племенных или родовых вождей. Рост вождя из кургана второго Пазырыкского оказался 176 см, из кургана третьего — 181 см, из кургана четвертого — 174 см и из кургана пятого Пазырыкского — 175—176 см. Рост последнего определен по измерению на трупе, с введением соответствующей поправки. Столь же высок (178 см) был рост и старика, захороненного в Шибинском кургане. Рост последнего вычислен по длине его большой берцовой кости. Рост мужчин, захороненных в рядовых погребениях, значительно ниже — в среднем 164 см.

Помимо других соматологических отличий особого внимания заслуживает крепкое телосложение и слабая платимерия, свойственная всем особям, исключая захороненного в кургане Туэкта 6, у которого она умеренная, а также слабая платикнемия, сочетающаяся с малым углом наклона суставной площадки большой берцовой кости, особенно у погребенных в Пазырыкских курганах. Последнее находится в полном соответствии с пастушеским скотоводством как с основным занятием, при котором мужчины больше времени проводят на коне, чем промышляют охотой в горах.

Рост женщин был средний или немного выше среднего. У двух женщин, захороненных в Туэкте, он был 149 и 164 см, в Котанде 151 см, в пятом Пазырыкском кургане около 158 см.

Вышеприведенных данных, разумеется, слишком мало, чтобы судить о физическом типе населения Горного Алтая в рассматриваемое время. Тем не менее уже теперь можно сделать ряд выводов. Прежде всего обращает на себя внимание необычайное разнообразие типов, несмотря на численно весьма ограниченную серию скелетов и трупов, имеющих в нашем распоряжении.

Европеоидный тип, особенно в рядовых захоронениях, еще хорошо представлен (череп Туэкта 8, Курай III, 4, Пазырык 3). Не малый удельный вес имел и монголоидный компонент — как долихокранный (Шибе, Пазырык 5), так и брахикранный (Пазырык 2, Пазырык 4). В черепях из кургана Туэкта 6 и Котанды я склонен видеть скорее метисные формы, чем представителей чистых монголоидов. Долихокранный, с некоторыми монголоидными чертами, тип, по всей вероятности, южносибирского происхождения или из Среднеазиатского междуречья, брахикранный же, по мнению Г. Ф. Дебеца,¹ может быть сопоставлен с сибирской ветвью азиатского ствола (тунгусский тип). Г. Ф. Дебедц связывает появление на Алтае монголоидного типа с гуннской экспансией.

Эта концепция разделяется и С. В. Киселевым,² который допускает, что в Шибе был захоронен представитель гуннской аристократии, прибывший

¹ Г. Ф. Дебедц, ук. соч., стр. 141—143.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР, № 9, 1949, стр. 182.

Таблица 2

		Туэкта			Курай			Пазырык		
		6	8/2	11	III, 4	III, 9	V	2	3	4
Рост (по Пирсону) (в см)		166	161	159	167	168	164	176	181	174
Указатели пропорций	(H1 + R1) : (F2 + T1) интер- мембральный	69.7	70.3	—	70.0	67.6	70.9	63.7	66.1	69.0
	T1 : F2 Берцово-бедренный . .	81.4	82.2	—	79.1	80.9	81.0	79.4	83.0	79.1
	R1 : H1 Луче-плечевой	79.4	74.0	75.1	72.0	73.2	75.5	73.4	73.9	74.9
	H1 : F2 Плече-бедренный . . .	70.5	73.7	—	72.8	70.6	73.1	70.0	69.5	69.6
	R1 : T1 Луче-берцовый	68.8	66.2	69.6	66.4	63.9	68.1	64.2	62.0	65.8
Femur	1 Наибольшая длина	461	425	—	467	472	442	510	524	511
	2 Длина в естественном положении	456	422	—	462	470	442	508	523	510
	8 : 2 Указатель прочности . .	21.0	21.3	—	19.3	20.2	19.9	17.9	18.7	17.6
	(6 + 7) : 2 Указатель массив- ности	13.4	14.0	—	12.3	13.4	12.2	14.0	15.5	14.5
	6 Передне-задний диаметр	33	30	—	29	33	25	30	33	28
	6 : 7 Указатель пиластрии . .	118	107	—	104	110	83	120	114	100
	10 : 9 Указатель платимерии	69.5	79	—	96.5	88	71.5	96.5	81.4	75.7
Tibia	10 Верхний передне-задний диаметр	25	26	—	28	30	25	38	28	26
	1 Длина	371	347	330	365	380	358	401	434	404
	10в : 1 Указатель прочности .	21.0	22.5	22.1	20.3	20.3	19.6	18.0	18.0	18.6
	9а : 8а Указатель платикнемии	70.5	70.5	71.5	68.5	77.0	60.0	71.7	82.6	75.3
	12 Угол ретроверсии	15	10	15	8	13	10	9	13	8
	13 Угол наклона сустав. площадки	11	8	11	4	7	4	4	6	5
	8а Передне-задний диаметр	34	34	35	35	35	35	35	34.5	34.5
Radius	1 Длина	321	311	306	336	332	323	355	364	355
	7 : 1 Указатель прочности . .	21.2	21.5	22.2	19.6	21.1	18.6	20.0	20.8	19.2
	6 : 5 Указатель сечения . . .	73	83	69	87	73	74	71	75.5	68
	1 Длина	255	230	230	242	243	244	260	269	266
Ulna	5 : 4 Указатель сечения . . .	70.5	68.5	81	72	72	81	76.4	67.6	70.3
	4 Передне-задний диаметр	17	19	16	18	18	16	17	18.5	18.5
	1 Длина	278	253	251	265	262	265	283	297	286
	13 : 14 Указатель платолении	70.5	88	81.5	76	85	79	90	93	93
14 Передне-задний диаметр		27	25	27	29	26	24	27	27	27

на Алтай в связи с установлением зависимости от гуннского союза. Он же противопоставляет монголоидному типу старика из Шибе местный европеоидный тип основного населения.

Наличия представителей северосибирской ветви азиатского ствола монголоидов на Алтае я не усматриваю. Большой рост, большая ширина лица в сочетании с брахикранией, отсутствие жестких тугих волос — все эти признаки не вяжутся с нашим представлением о типе северо-восточных монголоидов. С другой стороны, нам известно, что монголоиды распространились на запад (ананьинцы в Прикамье) задолго до гуннской экспансии, а монголоидность аргиппеев была известна еще Геродоту. Следовательно, проникновение монголоидного типа на Алтай нет нужды связывать с гуннской экспансией.

Все захороненные в больших курганах, особенно в Пазырыкских, отличаются от захороненных в рядовых курганах, как уже было отмечено, своим высоким ростом и крепким сложением. Последнее не удивительно, если принять во внимание, что они происходили из знатных семей варварского общества и являлись племенными или родовыми вождями, физической силе и ловкости которых придавалось особое значение. В этих аристократических семьях мы вправе — более, чем в среде остального населения, — ожидать и большего разнообразия в физическом типе их представителей. В данном случае следует учитывать обязательную экзогамию, присущую родовому строю, и обычай знатных брать жен из среды социальной верхушки нередко очень удаленных племен.

В заключение еще раз приходится подчеркнуть разнообразие в физическом типе населения Горного Алтая в интересующее нас время с заметной примесью монголоидного компонента, но уже в смягченном виде, как он представлен у современных нам казахов и киргизов.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Сколько-нибудь существенных изменений климата и природы Горного Алтая, как уже было отмечено выше, за последние две тысячи лет не произошло. По своему географическому положению Алтаю полагалось бы быть покрытым степной растительностью, если бы не большие его высоты над уровнем моря. Распределение в нем вертикальных поясов степного, лесного и высокогорного находится в зависимости как от рельефа поверхности, так и от экспозиции склонов. Южные склоны гор повсюду более сухи и безлесны, со степной ксерофитной флорой, северные покрыты сплошным лесом. Открытые степные долины с их полынно-злаковой растительностью, расположение нагорных плато в субальпийской полосе с богатейшими горными лугами — все это было чрезвычайно благоприятно для развития животноводства, поэтому с переходом населения к скотоводческому хозяйству в Горном Алтае вообще, а на Улаганском плато в особенности, оно стало основным занятием. Разнообразная смена растительных формаций на сравнительно небольших участках способствовала разведению одновременно различных пород домашних животных. Особенно благоприятным для сравнительно примитивного в то время скотоводства было отсутствие зимою снега на открытых степных склонах гор, так что и в зимнее время скот мог отыскивать корм. К тому же на пастбищах, окруженных горами, скот не нуждался в особой охране, и табуны, предоставленные самим себе, нуждались только в наблюдении за ними.

Судя по данным раскопок, в интересующее нас время там разводили лошадей и крупный рогатый скот (в том числе яков); из мелкого рогатого скота были козы и овцы. В ряде курганов найдены изделия из бычьего рога, в частности односторонние барабаны, в кургане третьем — крестец и позвоночник коровы; шерсть яка найдена в курганах втором и пятом; крестцы и изделия из шерсти баранов найдены во всех курганах; в кургане втором и пятом — овечьи шкуры, в кургане пятом — шкура козы.

Судя по данным раскопок, первое место среди домашних животных должна была занимать лошадь.

О том значении, какое лошадь имела в жизни пастушеских народов, можно судить по наблюдениям над бытом восточных казахов и киргизов. Лошадь была основной меновой единицей, стоимость крупного и мелкого рогатого скота устанавливалась в строгой пропорции к этой меновой единице. Лошадами исчислялся калым, плата за невесту, лошадьми определялась пеня за человеческую жизнь и за увечья. Лошадь считалась единственным животным, достойным того, чтобы ее стоимостью определялась цена человека.¹ Так же было и в древности. По сообщению китайских хроник, у ухуаньцев приговоренным к смерти было дозволено откупаться лошадьми и овцами.²

Лошадей разводили не только из-за мяса и молока. Конские шкуры, как увидим, шли на изготовление одежды, из конских кож выделяли сосуды и ремни. Особое значение имели лошади как средство передвижения, в упряжке и, главным образом, как верховые. Верховой конь был одной из важных предпосылок развития пастушеского скотоводства. Степняки, а следовательно и племена Горного Алтая, как мы знаем, издавна сражались преимущественно в конном строю. На Алтае жизнь каждого — и мужчины, и женщины — настолько тесно была связана с верховым конем, что последний обязательно сопровождал их в загробный мир.

Помимо конских скелетов в ряде Пазырыкских курганов были найдены трупы захороненных коней, которые дали возможность судить с исчерпывающей полнотой об экстерьере и качестве этих животных.

Специальное исследование о лошадях из горноалтайских курганов принадлежит В. О. Витту. Здесь мы ограничиваемся только самыми краткими о них сведениями и теми выводами, к которым в результате своих исследований пришел В. О. Витт.³

Прежде всего обращает на себя внимание разнопородность коней в одних и тех же захоронениях. Наряду с простыми табунными малорослыми лошадьми имеются высокопородные, крупные, легкоаллюрные, типично верховые кони.

Бросается в глаза отсутствие в погребениях лошадей таких мастей, как серые, караковые, пегие, чалые, сивые и т. п. Большинство лошадей масти рыжей и бурой, иногда золотистых оттенков, реже встречаются гнедые, изредка вороные и притом без белых отметин на голове и на ногах, столь обычных в настоящее время именно у рыжих лошадей. То, что в древности конники избегали таких коней, В. О. Витт объясняет следующими соображениями. Пока человек не овладел искусствомковки, качество и крепость копыт-

¹ W. Radloff. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche, 1893.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. 1950, стр. 144.

³ В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. Советская археология, 1952, XVI.

ного рога лошади имели совершенно исключительное значение, а у лошадей с белыми отметинами на конечностях копытный рог светло окрашен и ломается.

Особо следует заметить, что в захоронениях вождей племен в больших курганах с каменной наброской количество высокопородных лошадей настолько значительно, что Алтай в рассматриваемое время должен быть признан местом не только использования, но и разведения лошадей подобного типа. Вероятнее, как предполагает В. О. Витт, что такие кони разводились не на Улаганском плоскогорье, не в районе Пазырыка, где климатические и экономические условия для этого были мало благоприятны, а в районах с более мягким климатом, например в долинах рек Урсула и Каракола. Пазырыкские кони этой породы могли покупаться или вымениваться улаганцами у своих сородичей или соплеменников, живущих в Центральном Алтае.

Во всяком случае необходимо признать, что горноалтайцы того времени обладали прекрасными верховыми конями ростом 150 см и более, которые по своим качествам если не оставляли далеко позади всех лошадей древнего мира, известных нам по раскопкам, то не уступали лучшим из них.

Хотя к середине первого тысячелетия н. э. этот древний тип лошадей, повидимому, исчезает, тем не менее еще в середине прошлого столетия алтайские кони высоко ценились степными кочевниками Восточного Казахстана за их крепкое сложение и высокие качества.

При табунном скотоводстве жеребец начинает покрывать маток лишь на пятом году, поэтому их обычно выкладывали на четвертом году. Так было у казахов, киргизов и алтайцев. Между тем в Горном Алтае в рассматриваемое нами время поступали иначе. Все захороненные ездовые кони оказались меринами, причем среди них были в возрасте трех с половиной, трех, даже двух с половиной и двух лет. При этом молодые лошади принадлежали к числу лучших, более крупных, породных лошадей погребения. Наличие таких молодых, неполнолетних лошадей, кастрированных в возрасте до двух лет, В. О. Витт объясняет желанием искусственно вывести из местной породы наиболее крупных коней.

Второе место по своему удельному весу в хозяйстве занимали, повидимому, овцы, дававшие мясо, шкуры, шерсть и, вероятно, молоко. Судя по расширенности четвертых крестцовых позвонков овец, по крайней мере тех, мясо которых клалось в могилу, они принадлежали, вероятнее всего, к типу слабжирнохвостных. По размерам они были не больше цигайских овец. Однако плотность и стройность крестцов говорит о сравнительной легкости и подвижности этих овец. Это были овцы, приспособленные, повидимому, к большим передвижениям.¹

¹ Изучение костей, главным образом крестцовых, и заключение о породе овец принадлежит проф. С. Н. Боголюбовскому.

Имеющийся остеологический материал пока недостаточен, чтобы судить о породах овец, разводимых в то время на Алтае; судя по шерстяным изделиям и сохранившимся шкурам, можно думать, что одновременно разводились и сравнительно грубошерстные и весьма тонкорунные овцы. Обследование шерсти двух овечьих шкур с длинным белым руном показало, что одна из них, летняя, от молодой особи, состояла исключительно из пуха, толщина шерстинок которого колебалась от 10 до 14 μ . Такой же тонкий пух оказался и в другой, весенней, шкуре.

Обследование шерсти, употреблявшейся для ткани и тонких сортов войлока, произведенное В. Н. Кононовым, показало, что она состоит только из пуха. Малый диаметр его шерстинок, форма чешуек шерстинок, охватывание ими коркового слоя и налегание друг на друга — все оказалось аналогичным пуху лучших культурных пород овец, дающих благородные шерсти, с шерстинками толщиной от 11 до 26 μ .

Наряду с тонкорунными овцами древнее население Горного Алтая разводило, как сказано, и сравнительно грубошерстных, из шерсти которых катали толстые войлоки.

По масти преобладали, повидимому, белые, но разводились овцы также и темнокоричневой, преимущественно черной шерсти.

О значительном разведении овец можно судить по тому, что баранина была самой излюбленной пищей. Среди положенной вместе с захороненными пища иногда встречаются остатки конского мяса (крестцы), очень редко коровьего, но обязательно и притом во всех, даже бедных рядовых захоронениях остатки овечьего мяса (крестцы с позвонками).

Несравненно меньше, повидимому, разводилось коз. Только в одном пятом Пазырыкском кургане была найдена козья шкура. Масть этой козы была серая, и поныне весьма распространенная на Алтае. Пух, как и у овец, чрезвычайно тонкий.

В каком количестве мог разводиться крупный рогатый скот, мы не знаем, мало данных для суждения и об его экстерьере. Можем только сказать, что коровы, по определению С. Н. Боголюбского, изучавшего их кости из кургана третьего, были средних размеров, а яки, судя по найденной шерсти, были черной масти.

Принимая во внимание в основном оседлый образ жизни населения, можно думать, что крупный рогатый скот, коровы, имелись в каждой семье при весьма ограниченном количестве лошадей и овец. Богатые же семьи в большом количестве, очевидно, разводили лошадей и овец.

До введения в Горном Алтае современной зоотехники коренное его население свой скот не разделяло на отдельные стада, и все животные на пастбищах паслись вместе. Так было, вероятно, и в древности, ибо Алтай везде так богат травой и она так разнообразна, что даже большие стада с разнородным составом скота могли прокормиться на сравнительно неболь-

ших площадях. К тому же и зимой благодаря сильным ветрам снег сдувался со скалистых участков и открытых горных террас, и под тонким его слоем животные легко могли добывать себе корм.

В то время как основная масса скота в течение круглого года находилась на подножном корму, часть животных зимой должна была содержаться в стойлах. Это прежде всего молодняк (телята и ягнята), затем тонкорунные овцы и отборные высокопородные кони.

На роговых башмаках копыт многих лошадей из раскопок наблюдаются неровные складки, так называемые „кольца“, свидетельствующие о пережитых голодовках, как известно, не редких в условиях зимнего содержания под открытым небом на тебеновочном подножном корму. Значит, большинство лошадей зимой или совсем не подкармливалось, или получало очень скудную подкормку. В то же время копыта, точнее роговые башмаки копыт, у лучших, по выражению В. О. Витта, коней „собственного седла“ этой картины не дают. Следовательно, на зиму для них создавались особые, отличные от остальных лошадей условия. Своих отборных коней древние горноалтайцы ценили и, по возможности, сберегали до старости, иногда до возраста свыше двадцати лет, что было достижимо лишь при заботливом уходе за ними.

Особо следует остановиться на одной детали: разводилась ли в те времена домашняя птица? О том, что были куры, с несомненностью свидетельствуют вполне реалистические изображения петухов в различных вариантах, найденные в первом и во втором Пазырыкских курганах. Изображения эти в такой степени типичны, что они могли быть воспроизведены только людьми, хорошо знавшими и наблюдавшими этих птиц. Другой вопрос: разводилась эта птица из-за яиц и мяса (что мало вероятно) или вследствие особых свойств петуха? В Месопотамии куры появились давно. Петухов мы видим на вавилонских геммах VII—VI вв. до н. э.¹ Известно, что энедские народы почитали петуха, разгоняющего своим криком злых духов ночи. Петух считался священной птицей и в Персии, где он фигурировал на похоронах. Огонь, собака и петух считались у персов тремя покровителями. В VI в. до н. э. куры из Персии через Малую Азию проникли в Грецию, и нет ничего невероятного в том, что в это же приблизительно время они могли появиться и на Алтае.

Курганные находки не дали пока ничего существенного ни для характеристики охоты как постоянного промысла населения, ни для выяснения приемов охоты. Энгельс отмечает, что у пастушеских народов охота отступает на задний план и, ранее необходимая, становится роскошью.² Так оно и было, но в Горном Алтае, в отличие от степных племен, в рассматриваемое время она еще не утратила известного экономического значения. Явля-

¹ А. Н. Layard. Nineveh and Babylon. 1867, стр. 304, 305.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1937, т. XVI, ч. I, стр. 38.

ясь развлечением для зажиточного, верхнего слоя общества, для массы населения охота была, вероятно, немаловажным подсобным промыслом.

Седелные и другие подушки, фигурки лебедей из пятого кургана — все набиты оленьим волосом. Такое использование оленьего волоса во всех курганах могло иметь место только при условии, что олень был постоянным промысловым животным. Во всех курганах мы находим рога маралов или изделия из их рогов. Прекрасные, достаточно реалистические изображения лося, оленя, горных козлов и баранов, кабанов, сайги указывают на то, что с этими животными население было хорошо знакомо. В Пазырыкских курганах найдены меха степной кошки, белки, соболя, выдры, в Котандинском кургане найден, кроме того, мех горностая, а в Шибинском — остатки одежды из беличьего или собольего меха.

В тех же Пазырыкских курганах мы имеем различные изделия из шкуры леопарда, называемого в Азиатской части СССР барсом, который еще не так давно водился на Алтае. Звери, — обычные в фауне Горного Алтая волк, козуля и заяц, прекрасные изображения которых мы находим в Пазырыкских курганах, — также, вероятно, были объектами охоты.

Если охота на оленей, лосей, коз и других парнокопытных производилась в основном из-за мяса и шкур и промысел этот был чисто потребительским, то охота на пушных зверей, в частности на соболя, могла уже иметь товарное значение. Не случайно, что во всех захоронениях племенных вождей или старейшин, там, где сохранилась меховая одежда, мы встречаем одежду из меха соболя. Возможно, что такие меха, как собольи и беличьи, использовались в те времена для одежды не только в Горном Алтае, но и в степях к западу и к югу от Алтая, и Алтай в таком случае был поставщиком этого товара.

Охота на птицу (судя по изображениям лебедей, гусей и тетеревов) имела исключительно потребительское значение и по природным условиям Алтая не могла быть особенно добычливой. Могли добывать и орлов, — об этом говорят встречающиеся в курганах стрелы с оперением и прекрасные реалистические изображения этой птицы, правда, уже как мифического грифа.

Способы и приемы охоты могли быть чрезвычайно разнообразны, и в этом промысле на Алтае был многовековой опыт. Широко распространенными должны были быть облавные охоты конных всадников, которые всегда и везде появляются вместе с верховым конем. Такие охоты еще в прошлом столетии, не говоря уже о XVIII в., были широко распространены и в казахских степях и во всей Центральной Азии. Главным оружием в таких охотах являлся лук со стрелами, которыми в совершенстве владели все скифские племена,¹ в том числе и алтайские, а о бурятах и конных тунгусах

¹ По сообщению Геродота, скифы обучали мидийских юношей стрельбе из лука, а амазонки вместе с мужчинами ездили на охоту и стреляли из лука. (История, I, 73; IV, 114 и 116).

Паллас писал, что они „столь искусны, что, скача изо всей силы, в цель попасть стрелой не промахнутся“.¹

Рыболовством население, надо полагать, не занималось, да и природные условия для него не были благоприятными. Остается вопрос о занятии земледелием.

В Улаганском районе, там, где находится Пазырыкская группа курганов, климат слишком суров для того, чтобы можно было заниматься земледелием. Не был он мягче и во времена сооружения курганов, иначе в них не образовалось бы курганной мерзлоты. В настоящее время хлеб вызревает только на незначительных долинных участках рек Чулышмана и Башкауса. Трудно поэтому допустить, чтобы и раньше население Улаганского плато в какой-то мере занималось земледелием.

Возможно, однако, что в какой-то мере в те времена, как и ныне, земледелием занимались в центральном Горном Алтае, в частности в долине Урсула, где климат мягче и теплее, чем на Улаганском плоскогорье. Существенно все же отметить, что до сих пор ни в одном из курганов рассматриваемого времени не было найдено ни зерен культурных злаков, ни зерноотерок. Следовательно, хлебные растения населением не культивировались вовсе или в весьма ограниченном количестве.

Поскольку скотоводство было основным занятием, пища населения состояла, главным образом, из молочных продуктов и мяса. Это подтверждается находками в курганах сыра, костей различных домашних животных, сосудов, несомненно наполненных в свое время молочными продуктами. Сыр, сохранившийся в большом количестве в специальной кожаной суме в кургане втором, а также найденный в кургане пятом, является неоспоримым доказательством важной его роли в питании населения. Анализ позволил выделить казеин и жиры, но установить, из какого молока он приготовлен, не удалось. Последнее тем более затруднительно, что для приготовления сыра могло быть использовано смешанное молоко коров, яков, овец и коз, так как все эти животные были в хозяйстве.

Отмечу, кстати, что современные нам пастушеские народы — алтайцы, казахи и киргизы — при изготовлении сыра смешивали молоко упомянутых животных, причем это делалось не только в бедных, но и в богатых семьях.

Вполне вероятно, что горноалтайцы доили и кобылиц, а из их молока приготавливали кумыс. О приготвлении кумыса из кобыльего молока скифами подробно сообщает Геродот. „Всех своих рабов скифы ослепляют из-за молока, употребляемого ими в питье... Выдоенное молоко [кобылиц] скифы сливают в деревянные глубокие сосуды, вокруг их размещают в порядке слепцов и велят им взбалтывать молоко“.²

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. 1788, ч. III, первая половина, стр. 280.

² Геродот. История, IV, 2.

Найденные в погребальных камерах и могилах большие и малые высокоторлые глиняные кувшины, вероятнее всего, наполнены были именно кумысом. Если бы в них находился чегень или другой подобный напиток из молока рогатого скота, то в промерзших курганах на дне таких сосудов обязательно были бы найдены частицы творога.

В пищу употреблялось мясо всех домашних животных — лошадей, овец и крупного рогатого скота. В курганах найдены крестцовые кости всех этих животных; как известно, и в настоящее время у пастушеских народов эти части мяса считаются самыми лакомыми кусками.

О способах приготовления пищи у древних скотоводческих племен мы ничего не знаем. Только о скифах Геродот сообщает кое-какие сведения:

„Так как скифская земля совсем безлесна, то скифами придуман следующий способ варения мяса: жертвенное животное обдирают, очищают мясо от костей и бросают его в котлы туземного производства, если таковые попадутся под руку; эти последние скорее всего похожи на лесбийские чаши, только немного больше их; затем зажигают кости животных и на них варят мясо. Если котла не окажется, то все мясо сбрасывается в желудки самих животных, подливают туда воды и под ними кости зажигают“.¹

В раскопанных нами ограбленных курганах больших медных котлов не найдено, но малый котел „скифского“ типа имеется из кургана второго. Большие котлы известны на Алтае по случайным их находкам, и описанный Геродотом способ варки в них пищи практиковался, надо полагать, и на Алтае. Оговорка должна быть сделана только относительно употребления костей животных в качестве топлива, как это следует из текста Геродота. Кости, как известно, сами по себе не горят, и здесь речь идет совсем о другом — о сжигании костей жертвенного животного, ибо последние не могут быть брошены. Поэтому когда животное приносят в жертву, то мясо перед варкой очищается от костей, а кости сжигаются. При варке мяса не жертвенных животных оно не отделялось от костей и варилось вместе с ними, иначе мы не находили бы во всех курганах костей животных.

Остается упомянуть еще только о наркотиках. Выше указывалось, что в кургане втором найдено два полных комплекта принадлежностей для курения конопли. Подробнее о них будет сообщено в связи с описанным Геродотом обрядом очищения после похорон. Здесь отметим только, что воскурение конопли, подобно курению гашиша, имело место, несомненно, не только при обряде очищения после похорон, но и в обыденной жизни: гашиш употреблялся как наркотик. Недаром в своем „Словаре“ Гесихий Александрийский, ссылаясь на Геродота, называет коноплю „скифским курением, кото-

¹ Геродот, ук. соч., IV, 61.

рое имеет такую силу, что приводит в пот всякого предстоящего. Семя конопли курят".¹

Курили, по всей вероятности, и мужчины и женщины, так как в курганах с захоронением мужчины и женщины мы находим два комплекта принадлежностей для курения.

Для курения, возможно, употреблялись и семена донника, которые были найдены во втором Пазырыкском кургане.

Что касается жилищ, то можно полагать, что на Алтае в то время существовали жилища трех типов: берестяные шатры, войлочные кибитки и рубленные из дерева дома. В сообщении об одном из восточном племен, аргипеях, Геродот пишет: „Каждый из них поселяется под деревом, которое на зиму прикрывается голстым белым войлоком, а на лето оставляется открытым".² Горно-алтайцы, конечно, не жили под деревом, но, несомненно, у них должны были быть простые конусообразные шалаши, шатры, подобные современным алтайским „чатыр", крытые лиственничной корой, берестяными матами или войлоком. Последнее тем более вероятно, что такие шалаши, наряду с более совершенными жилищами, и поныне бытуют у пастушеских народов Азии от Каспия вплоть до восточной Монголии. Вспомним найденные во всех больших курганах те конусообразные, правда миниатюрные, остовы шалашей из шести древков, крытые войлоком, которыми пользовались при курении конопли. Древки эти, как и остовы легких казахских пастушеских „кос", у верхних концов связаны ремнем и поэтому могут быть расставлены и покрыты войлоком менее чем в минуту. Такие „кос" мы видели у адаевских казахов еще в 1926 г.

При наличии войлока, огромных берестяных полотнищ, лиственничной коры на погребальных камерах с уверенностью можно говорить об употреблении этих материалов для шатров. В связи с этим особо следует отметить берестяные полотнища из курганов третьего и пятого. Помимо того, что они больших размеров, особенно в кургане пятом, где они сшиты в два слоя (внутреннею поверхностью бересты наружу), береста, из которой они сшиты, для сохранения гибкости была предварительно проварена. Несмотря на тысячелетнее пребывание в могиле, она не потеряла своей эластичности. И поныне повсеместно так обрабатывают предназначенную для жилищ бересту.

Были, вероятно, и другие легкие временные жилища, возможно и переносные. Геродот³ и Гиппократ определенно указывают на наличие у скифов кочевников подвижных жилищ на колесах. По Гиппократу, „скифы называются номадами, так как у них нет домов и живут они в повозках. Повозки бывают самые малые, о четырех колесах. Другие, шестиколесные, обтянуты войлоком; устраиваются кибитки наподобие домов, двойные

¹ Гесихий Александрийский. Словарь.

² Геродот, ук. соч., IV, 23.

³ Геродот, ук. соч., IV, 46, 114, 121.

и тройные, и служат защитой от дождя и от ветров... А в этих повозках живут женщины с детьми, а сами мужчины всегда верхом".¹

Из этого текста ясно, что у скифов, помимо домов, крытых войлоком в два-три слоя, бытовали и кибитки, устроенные наподобие этих домов. В них во время кочевек переезжали женщины и дети, мужчины же ехали верхом. Пока трудно сказать, какова была конструкция этих домов, но можно думать, что она была близка по конструкции к наземным и к кибиткам на колесах степных кочевников (ногайцев и туркмен) конца прошлого века. Остатки остова, повидимому, войлочной кибитки, найденные в пятом Пазырыкском кургане, указывают уже на весьма совершенный тип этого жилища, по конструкции не уступающего самым совершенным жилищам, сохранившимся у казахов до наших дней.

Четырехколесная легкая повозка, найденная в пятом кургане, в которую впрягалась четверка коней, вряд ли была подвижным жилищем, хотя она, повидимому, была крытой. Найденные вместе с повозкой части остова упомянутого выше переносного жилища еще недостаточно изучены, чтобы решить, являются ли они частью наземного жилища или покрытием повозки.

Однако такие жилища не могли быть общераспространенными на Алтае по двум причинам. Во-первых, строительного материала для капитальных, бревенчатых или из жердей с корой построек повсюду было неограниченное количество; во-вторых, как увидим ниже, не было необходимости в перекочевках на значительные расстояния; наконец, для покрытия жилищ войлоком требовалось очень большое количество шерсти, какое могли иметь только семьи, очень богатые овцами; такими семьями были те, что оставили после себя большие Пазырыкские курганы.

С другой стороны, мы знаем, что в те времена имелись большие мастера плотничьего дела. Срубы погребальных камер убеждают нас в том, что горноалтайцы умели рубить срубы и в замок и в охлуп с остатками, причем для этой цели пользовались либо просто окоренными, с зачищенными сучками бревнами, тщательно пригоняя одно к другому, либо брусьями. В некоторых случаях при постройке дома внутренние стены отесывались уже в готовых срубах. Тогда углы комнаты получались не прямые, а закругленные. Срубы, как правило, делали, повидимому, в стороне от места будущего дома и, как и в современной практике, вероятно, за год до постройки. Перед перевозкой на постоянное место все бревна в срубе метили, по этим разметкам затем собирали. Так было со срубами погребальных камер курганов второго и пятого, где были перемечены все бревна — не только срубов, но и потолков. Пол состоял из толстых плах, потолок был бревенчатый, иногда отесанный изнутри. Какова была крыша, сказать трудно. Во всяком случае покрытие потолков погребальных камер

¹ Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 25 и сл.

корою лиственницы, слоем курильского чая (кустарник), берестяными полотнищами позволяет думать, что этот материал использовался и для крыш домов.

Размеры жилищ зависели от длины бревен лиственницы, из которой рубили стены. Все же в некоторых случаях комнаты могли быть и достаточно большими и высокими. В конском захоронении кургана пятого найден большой (4.5×6.5 м) войлочный ковер, который мы вправе рассматривать как настенный по следующим соображениям. Во-первых, мы знаем, что стены трех самых крупных из Пазырыкских курганов (первого, второго и пятого) были задрапированы войлочными коврами, — следовательно, закрывать ими стены жилищ было в обычае. Во-вторых, на этом ковре мы видим повторяющиеся в два ряда, одни над другим изображения одной и той же сцены: богиня на троне с цветущей ветвью или со священным деревом в руке и стоящий перед ней всадник. Таких ковров на пол не клали. В камере кургана второго пол был застлан простым толстым войлоком грубой работы, без каких бы то ни было узоров. Кроме того, на большом ковре из кургана пятого нашиты ряды декоративных висячих войлочных лопастей, чего не могло быть, если бы он лежал на полу. Наконец, если бы он не висел на стене жилища, а покрывал, скажем, шатер или палатку, то ряды изображенных на нем сцен были бы не один над другим, а в противоположных направлениях, ориентируясь по продольным нижним его краям (табл. LXXXVIII).

В богатых домах войлочными коврами покрывали не только стены, но застилали и пол. В кургане пятом найден помимо настенного войлочного ковра еще ковер ворсовый, сильно подержанный и лежавший, вероятно, на полу. Настенный войлочный ковер из этого кургана будет подробно описан в главе о местном алтайском искусстве, ворсовый же — в заключительной главе.

Принимая во внимание двойные стенки и потолки погребальных камер, можно ли допустить, чтобы и бревенчатые жилые дома были двустенные и с двойным потолком? Думаю, что нет, так как подобные дома мне не известны, нет о них сведений и в современной этнографической литературе и в исторических источниках. Да в таких домах и не было необходимости, ибо весьма тщательно пригнанные бревна сруба и покрытые войлоком стены достаточно сохраняли тепло. Двойные срубы и потолки погребальных камер племенных вождей делались в целях увеличения прочности: они должны были противодействовать давлению на сруб с боков, а на потолок сверху.

Сейчас нельзя сказать ничего определенного ни о надворных постройках, ни о помещениях для скота. Однако, учитывая конструкцию из столбов с поперечными балками, прикрытых настилом из бревен над погребальными камерами, можно думать, что так строились крытые загоны для скота.

Освещение жилищ производилось с помощью каменных жировых светиль-
ников; одна из таких светильников была найдена во втором кургане, в юго-запад-
ном углу погребальной камеры (рис. 32). Светильник эта выделана из цель-
ного куска песчаника, прямоугольной формы, на четырех массивных ножках,
с бортиком по краю и двумя продолговатыми желобчатыми углублениями
для жира (рис. 33). Несколько иного типа, также каменная на четырех
ножках светильник была найдена при раскопках в долине Урсула.¹ Целая

Рис. 32. Светильник во льду на полу погребальной камеры. Курган второй.

серия подобных светильников хранится в областном музее Горно-Алтайска — случайные находки из различных мест области. Среди них имеются и прямоугольные на четырех ножках, подобные найденной в Пазырыкском кургане, и овальной формы, также на четырех ножках, и простые камни без ножек, но с углублением для жира — прямоугольным, ромбическим или овальным. Такие каменные, преимущественно из песчаника, светильники в рассматриваемое время были, повидимому, широко распространены в Горном Алтае.

¹ С. В. Киселев. Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. Советская этнография, 1935, № 1, стр. 101, рис. 12.

Снарядов для добывания огня пока не найдено, но едва ли можно сомневаться в том, что огонь добывался сверлением одного куска дерева другим. Такой снаряд более позднего времени был найден в одном из Ноингулинских курганов. Если бы огонь добывался при помощи кремня с кресалом, то в каком-либо из захоронений если не кресало, то кремьнь нашелся бы.

Из мебели самыми распространенными в рассматриваемое время были низенькие, на четырех ножках столики со съемными крышками-блюдами овальной формы. Такие столики найдены во всех Пазырыкских курганах. Только в камере кургана первого, почти нацело ограбленной, оказалась всего одна ножка от такого столика. В курганах третьем и чет-

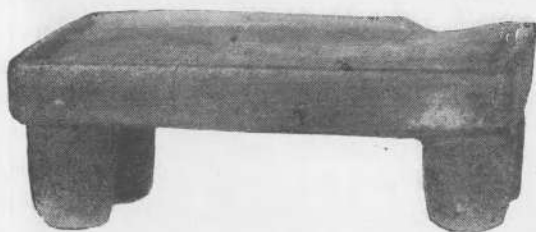

Рис. 33. Светильня. ($\frac{1}{5}$ натур. вел.).
Курган второй.

вертом было по два столика, в кургане пятом — три и в кургане втором — четыре. Будучи, в общем, единого типа, столики эти все же существенно варьируют как по конструкции, так и по размерам. У всех столиков, как сказано, по четыре ножки в виде колонок со шпеньком на верхнем конце, вставляющимся в соответствующий вырез

в дне крышки. Шпеньки эти или круглые, или квадратные в поперечном разрезе, либо в виде усеченной четырехгранной пирамиды. Крышки все без исключения овальной формы с круговым более или менее приподнятым бортиком, вследствие чего крышка имеет форму блюда. Ножки своими шпеньками вставлялись либо в сквозные отверстия, сделанные в крышке по форме шпеньков, либо в специальные гнезда, сделанные в утолщениях на нижней поверхности крышек. Если та или иная ножка слабо держалась в гнезде, ее шпенок либо обертывался тонкой кожей, либо расщеплялся и в него вставлялся клинышек. Высота столиков сильно варьирует — от очень низких (18—23 см) в кургане пятом до относительно высоких (40—47 см) в курганах втором и третьем.

В кургане первом, как уже было отмечено выше, сохранилась только одна ножка такого стола (общая высота 37 см, но полезная, без шпеньков, 34,5 см, диам. 6 см). Ножка эта резная, с восемью опоясывающими ее валиками округлого профиля и с семью остросереберными. Часть этих валиков, повидимому, была оклеена полосками тонкой бересты, часть — оловянной фольгой (табл. XX, 1).

Четыре столика из кургана второго — около 45 см высоты, с крышками овальной формы, размером в среднем 52×65 см. Выделаны они из цельного дерева со слегка вогнутой верхней поверхностью и приподнятым бортиком краем, высотой около 4 см. Нижняя поверхность крышек выпук-

лая с четырьмя выступающими бугорками и гнездами в их центре для шпеньков верхних концов ножек. Гнезда эти круглые или прямоугольные, в зависимости от формы шпеньков. Все крышки были выкрашены в красный цвет киноварью. Только один столик не был потревожен (табл. XIX, 2), с остальных трех крышки были сняты, причем из них только две, и притом сильно поврежденные, сохранились в камере кургана.

В то время, когда крышки этих трех последних столиков были еще на месте (ножки были во льду), на них, повидимому, грабители отрубали у погребенных головы, у женщины, кроме того, ноги и кисть правой руки. Особенно сильно изрублена одна из сохранившихся крышек, на которой видны следы ударов топора. Кроме того, у двух столиков подрублено по одной ножке, одна даже перерублена пополам, хотя остальные три ножки того же столика не тронуты и стояли на своих местах.

Ножки сохранились от всех четырех столиков. Два комплекта ножек круглые, резные и точеные, а два комплекта представляют собою фигуры тигров. Круглые резные ножки (общая высота 33 см, полезная, без шпенька — 29 см, диаметр 5.5 см) опоясаны восемью острореберными валиками (табл. XX, 6). Круглые в разрезе, выточенные на токарном станке, ножки (общая высота 35 см, полезная 33 см, диаметр 5 см) — с пятью тройными острореберными круговыми валиками, отделяющими как верхние и нижние концы ножек, так и четыре шаровидных сегмента, между которыми они расположены (табл. XX, 12). Шаровидные сегменты были покрыты оловянной фольгой. У круглых ножек и шпеньки, вставляющиеся в гнезда крышек, круглые в сечении.

Ножки третьего и четвертого столиков, как сказано, представляют собою вырезанные из дерева фигуры тигров. У одного из этих столиков ножки тоньше и грациознее, чем у другого. Фигуры стоят на задних лапах, а передними, вытянутыми вперед, и мордой поддерживают крышку стола. В изображенных на табл. XIX, 1 и XX, 7 и 8 фигурках хорошо моделирован лоб и четко вырезаны глаза; пасть открыта, нос широкий, верхняя губа в трех мощных складках; рельефное ухо с намеченным противокозелком. Длинный хвост на конце завился в кольцо. Концы передних лап как на боковых поверхностях, так и снизу моделированы более тщательно, задние же только сбоку и притом более схематично.

В ножках столиков, изображенных на табл. XX, 9—11, передние лапы тигров вырезаны полностью, передняя часть морды срезана так, что остался только корень носа и часть складок верхней губы. В то время как на вышеописанных ножках передние лапы касаются нижней челюсти, здесь они прикрывают ее с боков, касаясь верхней губы. Поэтому, несмотря на большее изящество тел этих фигур, головы их грубее, относительно шире, крупнее по размерам; рельефные уши с ярко выраженным противокозелком. Передние лапы выполнены схематичнее, задние же оформлены не только

сбоку, но и спереди. Особыми надрезами намечены коленные суставы. Хвост с завитком на конце, значительно короче, чем у ножек, изображенных на табл. XX, 7, 8. По всей поверхности первых ножек видны следы ножа, которым они вырезались; поверхность вторых ножек сглажена.

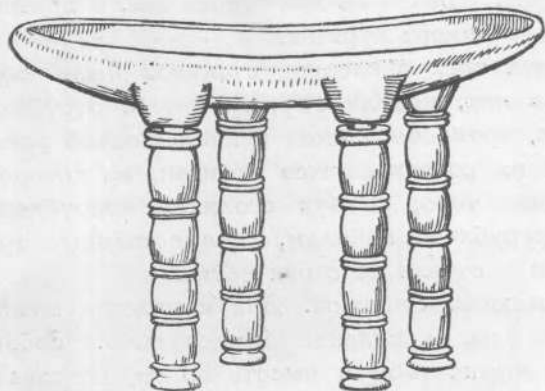

Рис. 34. Столик. ($\frac{1}{9}$ натур. вел.).
Курган третий.

чтобы фигура тигра спиной была обращена наружу и параллельно короткой оси крышки.

Столики из кургана третьего (рис. 34) того же типа, что и столики первых двух курганов. Оба они низкие (около 40 см), на четырех резных ножках, с овальной крышкой (52×62 см). На выпуклой нижней поверхности крышек по четыре утолщения с четырехугольными гнездами для шпенок ножек (табл. XX, 2 и 3). Резные ножки у обоих столов одного и того же типа, но один комплект короче и тоньше, другой выше и массивнее (общая высота 27 и 30 см, диаметр 4.8 и 5.3 см). Ножки обоих столиков из третьего кургана парами острореберных колец разделены на четыре, не считая нижних концов, бочкообразных сегмента. Столы этого кургана были целиком покрашены киноварью в яркокрасный цвет.

Столы кургана четвертого меньше по размерам и проще в отделке по сравнению со столами первых трех курганов. Один из них с резными ножками (табл. XX, 5), второй — с простыми, круглыми в сечении (табл. XX, 4). Крышки первого стола в кургане не найдено, но, судя по форме шпенок ножек этого стола, его крышка должна была иметь на нижней поверхности

Поскольку эти ножки вырезались свободно, не по образцу, все они в пределах данного комплекта в деталях несколько отличаются одна от другой, сохраняя общую форму и стиль. С другой стороны, несмотря на некоторые существенные отличия ножек одного стола от ножек другого, они представляют собою варианты, повидимому, одного и того же вполне установившегося мотива. Шпеньки у ножек прямоугольные; ножки должны были вставляться в крышки так,

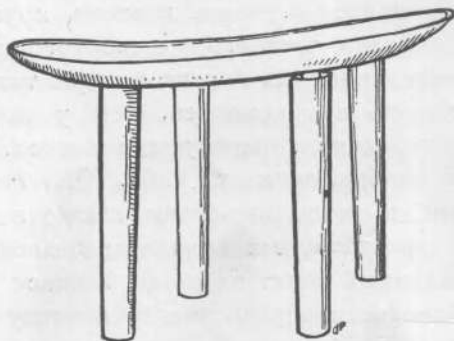

Рис. 35. Столик. ($\frac{1}{9}$ натур. вел.).
Курган четвертый.

гнезда. Форма ножек этого стола представляет собою сверху и внизу усеченные конусы; средняя часть биконическая; между нею и конусами по паре острореберных колец. Второй столик того же типа, но без гнезд на нижней поверхности крышки. Крышка этого столика отличалась от всех прочих тем, что в ней проделаны сквозные четырехугольные отверстия для шпенок ножек. К тому же ножки этого столика совершенно простые, без резьбы, сверху чуть толще, чем внизу. Высота столика всего 32 см, размер крышки 47×51 см (рис. 35).

В кургане пятом, как уже упоминалось выше, судя по имеющимся ножкам, было три столика, из крышек же сохранилась только половина одной. Повидимому, как и в кургане втором, грабители пользовались крышками как подносами, на которых выносились из камеры вещи. В кургане втором одна из крышек была найдена в грабительской воронке, над камерой.

Основной тип столиков кургана пятого тот же, что во всех курганах, их особенность — исключительно малая высота. Круглые ножки двух столиков, значительно большего диаметра сверху, чем внизу (5 и 3 см), имеют полную высоту вместе со шпенком 21 см (рис. 36, а); следовательно, высота столиков была порядка 23—24 см. Ножки третьего столика, диаметр которых сверху 4.6 см, а внизу 5.4 см, с перехватом посередине, высотой всего 16 см (рис. 36, б). Следовательно, высота до борта крышки этого столика не превышала 20 см.

Судя по форме шпенок (четыреугольные усеченные пирамиды), на нижней поверхности крышек должны были быть гнезда для шпенок, а не сквозные прорезы в крышках.

При сопоставлении столиков из всех курганов обращает на себя внимание изысканность и тщательность выделки в первых трех курганах (особенно в кургане втором) по сравнению с последними двумя курганами, в частности с пятым.

Замечательно, что крышки всех столиков съемные и с краевым бортиком, придающим им форму блюд. Столы со съемными крышками были очень удобны в перевозке, но, повидимому, не этим определялась их форма. По существу их можно рассматривать как блюда на ножках, на которых подавалась пища, ибо никаких других функций эти столики с их изящно оформленными глубокими крышками выполнять не могли. Малая высота

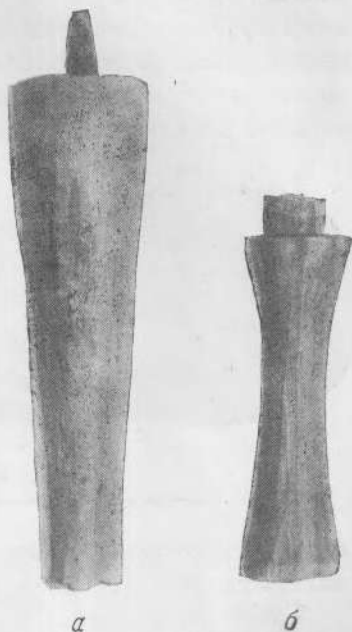

Рис. 36. Ножки от столиков.
($\frac{1}{3}$ натур. вел.).
Курган пятый.

этих блюд-столиков свидетельствует о том, что их хозяева ели, сидя на полу, на кошмах, подобных тем, какими был устлан пол камеры во втором кургане.

Поскольку эти столики, в частности из первых курганов, имеют строго выработанную и вполне установившуюся форму, можно думать, что последняя выработалась в течение долгого периода их бытования. Для более раннего времени подобных столиков мы не знаем. Столики и троны с подобными круглыми резными ножками, опирающимися на львиные лапы и с кольцевым орнаментом, хорошо известны в Ассирии и ахеменидской Персии,¹ но это не горноалтайские блюда-столики со съёмными крышками. Более поздние столики со съёмными крышками известны из Нойнулинских кур-

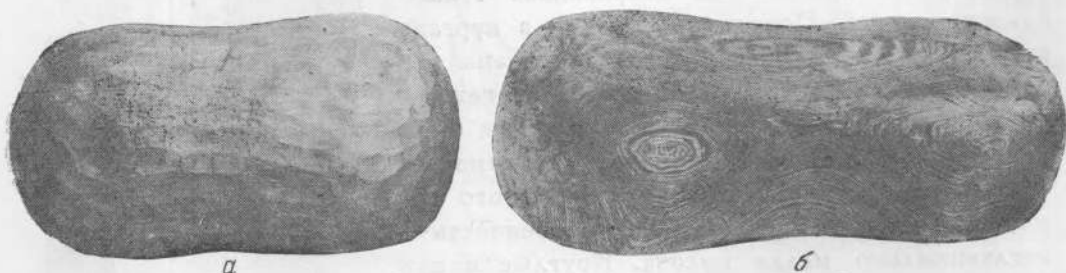

Рис. 37. Деревянные подушки.

а — из кургана первого ($\frac{1}{7}$ натур. вел.); б — из кургана второго ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).

танов в Монголии, но служили ли они вместе с тем и блюдами, мы не знаем, так как сохранились от них только ножки.²

Своеобразными приспособлениями для сидения, примитивными табуретками, были, повидимому, так называемые деревянные подушки, найденные также во всех без исключения Пазырыкских курганах. Первоначально, когда два таких довольно плоских с округлыми краями предмета были найдены в двух первых курганах, и притом в кургане втором в головной части колоды, можно было думать, что это своего рода подушки, подкладывавшиеся под голову. К этому следует добавить, что такая подушка из кургана второго имела специальный чехол — наволочку из кожи и меха. Однако, когда подобные же предметы были найдены в остальных трех курганах, стало ясно, что они никак не могли как подушки подкладываться под

¹ См. столики на барельефах из Хорсабада в книге: G. Perrot et Ch. Chipiez. *Histoire de l'art dans l'antiquité*. 1884, т. II, рис. 24 и 28. Особенно много их на барельефах Персеполя — там, где Артаксеркс I изображен на троне или дает аудиенцию, в процессии данников. См.: E. E. Herzfeld, *ук. соч.*, рис. 364 и 365, табл. 67, 68 и 77. См. также детали гробницы ахеменидских царей в некрополе Тахте-Джемшид и барельеф Ападана со ста колоннами в книге: M. Dieulafoy. *L'art antique de la Perse, Achéménides, Parthes, Sassanides*. 1885, кн. 3, табл. 4 и 19.

² C. Trever. *Excavations in Northern Mongolia*. 1932, табл. 27.

голову. При их большой высоте и острых гранях они могли служить только для сидения на них и притом, вероятно, только мужчинам, так как во всех курганах с двойным захоронением — мужчины и женщины — имеется только по одной подушке.

Деревянные подушки, найденные в курганах первом (рис. 37, а) и втором (рис. 37, б), имеют одну и ту же овальную форму с легким перехватом посредине, причем подушка из первого кургана (21×40 см, при высоте 8.5 см) только незначительно больше таковой из кургана второго (17.5×36 см, высота 8 см). Поверхность этих подушек отесана топором, следы которого по оставленным фасеткам хорошо различимы, но не заглажены в отличие от всех остальных изделий из дерева. Последнее объясняется, вероятно, тем, что на них надевались чехлы. По остаткам такого чехла из кургана второго (рис. 40) можно заключить, что одна из его поверхно-

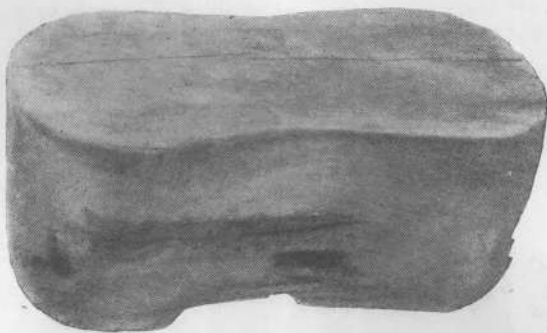
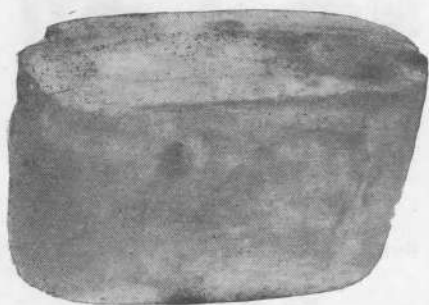
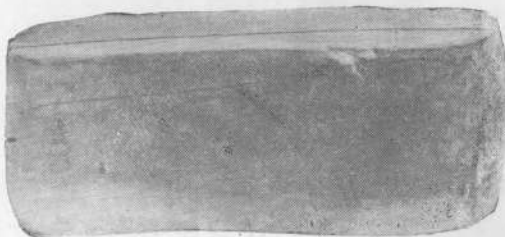

Рис. 38. Деревянная подушка. Курган третий.
($\frac{1}{5}$ натур. вел.).

а

б

Рис. 39. Деревянные подушки.

а — из кургана четвертого ($\frac{1}{6}$ натур. вел.); б — из кургана пятого ($\frac{1}{8}$ натур. вел.).

стей была из меха степной кошки, а другая — из гладкой, хорошо выделанной кожи; боковые его стороны по углам были украшены аппликацией в виде крупных розеток (рис. 41), а кожаный верх был украшен узором сложной аппликации из цветной кожи.

Подушки, найденные в курганах третьем, четвертом и пятом, иного типа, чем те, что в первых двух курганах. Во-первых, их верхняя и нижняя поверхности плоские или только незначительно выпуклые; во-вторых, как уже отмечалось выше, имеют не сглаженные, а острые края; наконец, все они относительно выше. Их размеры: из кургана третьего 20×36 см, при высоте 14 см

(рис. 38); из кургана четвертого 14×29 см, при высоте 16 см со слегка выпуклой верхней поверхностью (рис. 39, а); наконец, из кургана пятого 24×50 см, при высоте 19 см (рис. 39, б).

Кроме низеньких столиков-блюд и описанных выше сидений, никакой другой мебели в жилище, возможно, и не было. В кургане пятом, впрочем, была найдена еще небольшая плоская войлочная подушечка, набитая оленьим волосом, но назначение ее не ясно. Подушечка эта (рис. 42) по краям и по середине в продольном направлении простегана. Кроме того, посредине каждого ее края прикреплено по короткому ремешку.

Посуда была деревянная и глиняная. Деревянные сосуды сохра-

Рис. 40. Чехол на подушку из меха степной кошки. Курган второй.

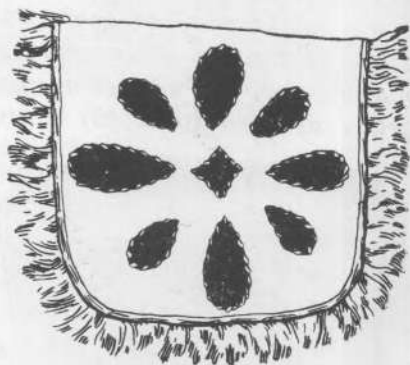

Рис. 41. Часть чехла на подушку (апликация из кожи). Курган второй.

нились только в кургане втором. Они двух различных типов и вырезаны из цельного дерева. Один сосуд в виде кружки (выс. 14.5 см, наибольшая ширина 13—14 см) со слегка отогнутым кнаружи верхним краем; дно сферическое, ручка короткая и высокая (табл. XXI, 2). Другой сосуд почти шаровидной формы (выс. 13.5 см, наиб. диам. 15.5 см), с сильно отогнутым кнаружи верхним краем. Ручка длинная, изогнутая и на нее надет бычий (*Bos taurus*) рог, оформленный на конце в виде копыта лошади (табл. XXI, 1). Ручка эта была покрыта листовым золотом. Между рогом и туловом сосуда в ручке прорезано широкое сквозное отверстие, очевидно для продевания ременной петли, на которой сосуд вешали. Первый сосуд вырезан из ствола дерева, второй из нароста. Внешняя отделка сосудов весьма тщательная.

Внутренность обоих сосудов вырезалась при помощи специального резца с изогнутым лезвием.

В кургане втором был еще и третий деревянный сосуд, от которого сохранилась только ручка из бычьего же рога. В гнездо основания этой ручки вставлен биконический деревянный шпенек для прикрепления ее к сосуду (табл. XXI, 3). Сосуд в виде чаши или ковша с короткой ручкой был положен и в третий курган, но он чрезвычайно плохой сохранности и притом сильно деформирован.

Форма деревянных сосудов со сферическим дном имеет многочисленные аналогии в керамике, в золотых и серебряных сосудах, находимых в доскифских и поздних сарматских погребениях Предкавказья,¹ в скифских причерноморских,² в изображениях сосудов на ассирийских и персидских барельефах,³ что указывает на устойчивость этого типа сосудов на Переднем Востоке и в культурно связанных с ним областях.

До раскопок Пазырыкских курганов не ясно было, как стояли эти сосуды. Оказалось, что их ставили на специальные войлочные или травя-

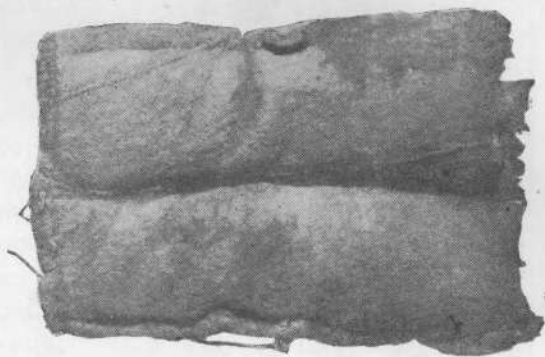

Рис. 42. Войлочная подушечка, набитая оленьим волосом. (Около $\frac{1}{4}$ натур. вел.). Курган пятый.

ные, обшитые войлоком, кольца. Сосуды в кургане втором стояли на таких именно кольцах. Последние, высотой 2.5—3 см, свернуты из полос довольно толстого черного войлока и обшиты снаружи красным или черным тонким войлоком, простым швом кручеными или плетеными сухожильными нитками. Диаметр этих колец различен и зависел от диаметра сосудов, под которые они подкладывались (от 14 до 18.5 см). Таких колец в кургане первом было найдено шесть, откуда можно заключить, что в нем стояло не менее шести сосудов, включая и глиняные. Как правило, такие кольца свободно подкладывались под сосуды (табл. XXI, 2), но иногда они пришивались к войлочному коврику. На рис. 43 дано схематическое изображение

¹ См. известные майкопские серебряные чаши и золотую из Новочеркасского клада в книге: Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. 1909, табл. 1, рис. 1—12; табл. 2, рис. 9—11.

² М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. Материалы по археологии России, 1914, № 34, табл. I.

³ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 24. — E. E. Herzfeld, ук. соч., табл. 78.

угла такого коврика из кургана второго. Коврик этот из плотного черного войлока с нашивным кручеными шерстяными нитками орнаментом и пришитым к нему черным войлочным кольцом.

Глиняная посуда во всех курганах представлена однотипными высокими, узкогорлыми кувшинами. В больших курганах они большие, в рядовых погребениях малых размеров. Судя по сохранившимся остаткам, только во втором Пазырыкском кургане было два больших кувшина, в остальных по одному.

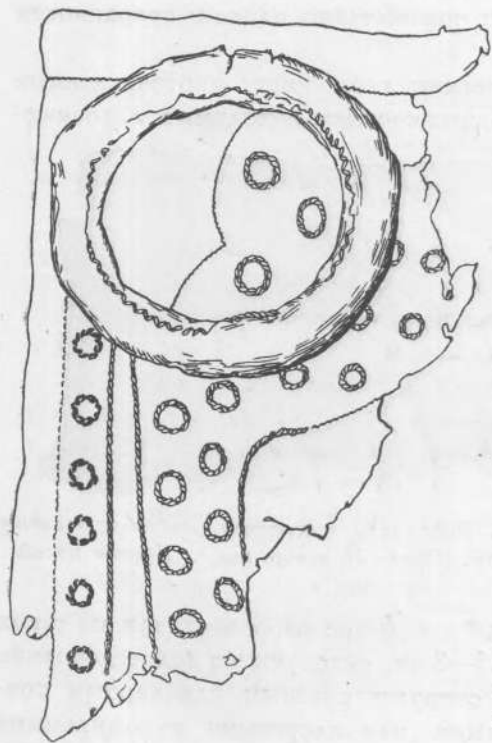

Рис. 43. Угол войлочного ковра с кольцом.
($\frac{1}{3}$ натур. вел.). Кургan второй.

Кувшины второго кургана одной и той же формы и величины. Один из них был разбит грабителями, другой, целый, при вскрытии камеры стоял во льду, но в такой степени растрескался, что при оттаивании его можно было взять только по частям; особенно сильно разрушилось дно. Кувшин этот плоскодонный (диам. дна 12 см), с широким туловом (диам. 28.5 см), узкой (11.5 см) шейкой, расширяющейся к верхнему краю горлышка (диам. 17 см); высота его 50 см (табл. XXII, 1 и 3). Вылеплен он из серой глины со значительной примесью, в качестве связующего элемента, мелкого гравия; примесь эта в тесте распределена неравномерно, местами в изломах видны только отдельные зерна, а местами наблюдается большое скопление гравия, крупность отдельных зерен до 6 мм, а в некоторых случаях попадаются пластинки до 11 мм дли-

ною. Как этот, так и все кувшины из Пазырыкской группы курганов изготовлены не на гончарном круге, а от руки, методом последовательного наложения колец (шириною 8 см в средней части) или четырех полос (придонная часть, горлышко и два промежуточных кольца). Наружная и внутренняя поверхности сосуда покрыты хорошо отмученной желтовато-красной глиной и тщательно заглажены. Особенно хорошее лощение с наружной поверхности. Толщина стенок 14 мм в нижней части кувшина, близ дна, в расширенной части тулова 8 мм, в суженной части шейки 7 мм, а у края венчика 9 мм. Обжиг неравномерный, произведенный на костре.

Второй сосуд из того же кургана той же формы и размеров. Донце этого сосуда сохранилось хорошо. По сравнению с размерами всего сосуда донце чрезвычайно мало. Его диаметр 8 см, а диаметр плоской поверхности, на которой кувшин стоял, всего 6 см. Заметим, кстати, что этот именно кувшин стоял внутри войлочного кольца, пришитого к коврику, о котором говорилось выше. Оба кувшина служили, повидимому, исключительно для хранения жидких продуктов, может быть кумыса; на огонь они не ставились.

Горлышко первого, целого, сосуда по верхнему краю было оклеено широкой (8 см) полоской очень тонкой кожи (возможно, у венчика была трещина), а по тулову были наклеены шесть силуэтных изображений петуха, вырезанных из тонкой кожи (но все же толще той, которой был опоясан край горлышка).

Одна пара петухов была обращена головами друг к другу, а другая пара, на противоположной стороне кувшина, — головами в разные стороны. Изображения петухов наклеены на кувшин гладкой поверхностью кожи, мездряная же, наружная поверхность была покрыта тонкой оловянной фольгой. Хвост одного из петухов скреплен шерстяной ниткой двойным стежком. Все петухи хотя и однотипны, но вырезаны не по трафарету (рис. 44). Изображены они идущими, со слегка приподнятой левой лапой. Несмотря на известную условность в воспроизведении этой птицы, характерные ее особенности — головка с бородкой и гребнем, поднятый кверху „петуший“ хвост — переданы мастерски.

Глиняная посуда в рядовых курганах, в частности в шестом Пазырыкском и втором Арагольском, представлена кувшинами той же формы, но малых размеров (табл. XXII, 2) и с несколько более широким туловом и узким горлышком. Сосуд из кургана шестого Пазырыкского высотой 30.4 см имеет тулово диаметром 16.4 см с очень узким (диам. 6 см) горлышком, расширяющимся кверху раструбом (диам. венчика 10.7 см). Кувшины из второго Арагольского кургана высотой 20 см и 23.7 см имеют соответственно ширину тулова 17.3 и 18.3 см, диаметр наиболее узкой части горлышка 5.8 и 7.0 см при ширине венчика 6.7 и 8 см. Замечательно, что у всех этих сосудов диаметр донца всего 6 см. Следовательно, все они могли прочно стоять только в кольцах-подкладках.

Материал — хорошо отмученная серая глина со сравнительно небольшой примесью песка и гравия. Выполнены они от руки, техника та же, что и примененная в изготовлении больших кувшинов. Обжиг неравномерный, на костре.

Много, особенно в кургане втором, было найдено всевозможных меховых и кожаных мешков, сум и кошельков. Такое количество разнообразной кожаной и меховой посуды, по своему типу очень близкой к хорошо знакомой посуде пастушеских народов Азии, отвечает основному занятию

населения — скотоводству и указывает на достаточную древность кожаной посуды, поныне бытующей среди пастушеских народов.

В конском захоронении кургана второго найден мешок из толстой кожи, типа широкой и плоской фляги (размер 30×40 см), со сравнительно узким горлом; в нем хранился сыр. Наружная поверхность мешка покрыта мозаичным узором из вырезанных фигур белого и светлосинего меха со вставленными между ними кожаными фигурами вишнево-красного цвета. Мотив этого узора растительный, лотосный (табл. ХСІ, 2). В конском же захоро-

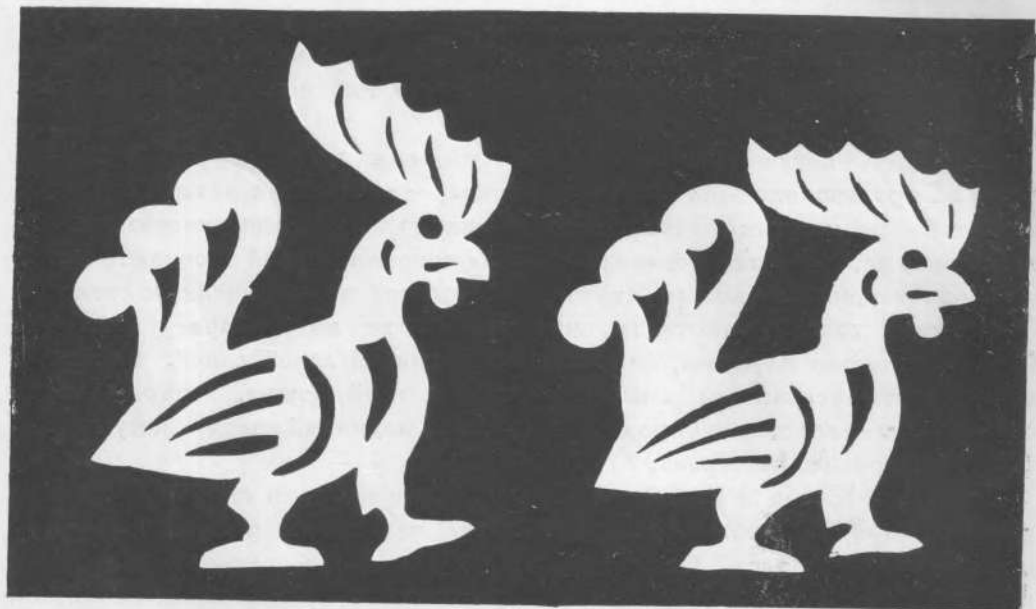

Рис. 44. Украшения на кувшине — вырезанные из кожи петухи. ($\frac{2}{5}$ натур. вел.).
Курган второй.

нении первого кургана найден большой (37 см высоты) кожаный, наподобие фляги, сосуд с узким горлышком. Он обшит мехом из лоскутков шкуры леопарда (рис. 45, б) с одной стороны, а с другой (рис. 45, а) — мозаичным узором, составленным из фигур белого и синего меха, нашитых на основу из тонкой кожи. Мотив этого узора — ромбы, внутри которых посредине фигурки овальной формы с Х-образной вырезкой, а между ними и острыми углами ромбов — треугольники с основаниями, повторяющими контур края овальных фигур (табл. ХСІ, 1).

Из погребальной камеры кургана второго имеются две кожаные фляжки с узким, как у бутылки, горлышком; одна найдена в кожаной суме в головной части колоды, а другая в мусоре, попавшем в камеру через грабительский лаз. Первая из них (21.5 см высоты) с маленьким, круглым (диам. 3 см)

донишком и таким же узким горлышком. Сшита она из четырех полос довольно тонкой кожи, наружная, мездряная поверхность которой имела вид замши палевого цвета. По швам вшита узкая сложенная вдвое полоска тонкой кожи коричнево-красного цвета, из такой же прекрасно выделанной кожи нашит и узор. Полоска из кружков между двумя параллельными линиями делит фляжку на верхнюю и нижнюю половины с четырьмя в форме

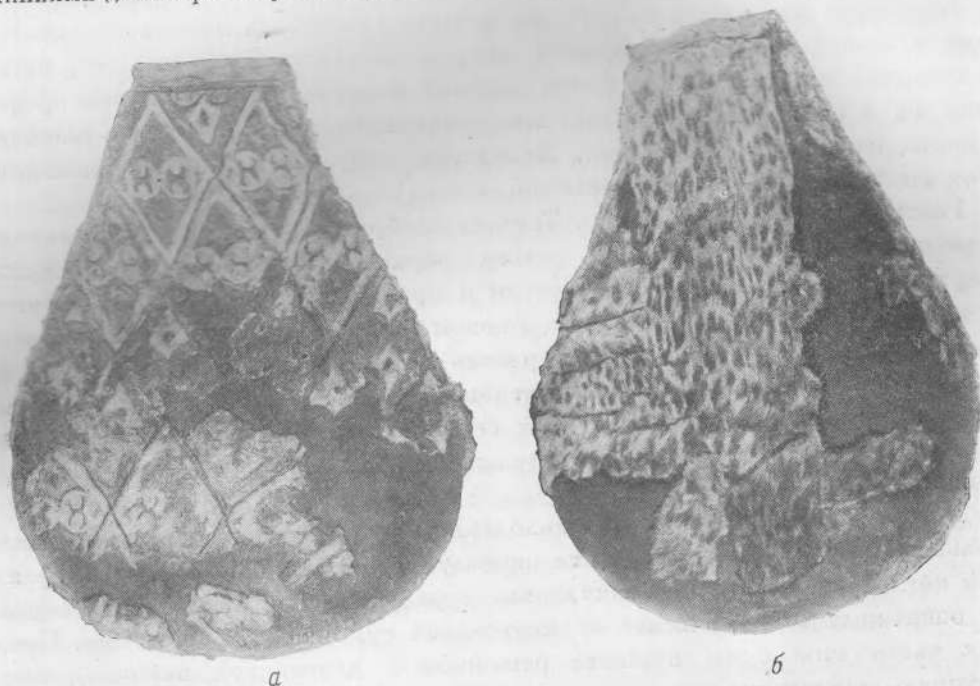

Рис. 45. Кожаная фляга, крытая мехом. (Около $\frac{1}{5}$ натур. вел.).
Курган первый.

трапеции площадками в верхней и четырьмя в нижней ее половине. На каждую из этих площадок нашит один и тот же лотосовидный узор, происхождение которого становится понятным из сопоставления с другими изображениями этого цветка. На основном фоне под цветком получились фигуры треугольников с круглой выемкой у их основания, а по бокам цветка — фигурки в виде стилизованного рога (табл. ХСIII, 2). Узор аппликации нашит на основу тонкими сухожильными нитками, которыми сшита и вся фляга. Хотя фляга эта и прошита очень плотными, непроницаемыми для жидкости швами, едва ли она предназначалась для жидкости. Вероятнее всего в ней хранились семена или корни трав, какие мы находили в других подобных сосудах.

Вторая, тоже плоская фляжка, круглой формы, с узким горлышком, сшита из двух основных лоскутов кожи, как и первая, мездряной поверх-

ностью наружу, между которыми по контуру сосуда вшита соединяющая их кожаная полоса лицевой поверхностью наружу. Как и в первой фляге, в швы тонкими сухожильными нитками вшита сложенная вдвое узкая полоска кожи. На плоские поверхности фляги с обеих сторон нашиты вырезанные из тонкой кожи композиции грифа, схватившего клювом и держащего в лапах тетерева (табл. XXIII, 3).

Апликация эта вместе с круговым бортиком вырезана из одного лоскута кожи и нашита лицевой стороной наружу. Силуэтные фигуры птиц четко выделяются на мездриной, более светлой поверхности фляги, под прорезями же в самих изображениях птиц подложена кожа такого же качества и цвета, как и кожа апликации. Вследствие этого детали в изображениях птиц выступают не очень отчетливо.

Рассмотрим эту композицию. Тетерев изображен с поджатыми крыльями и распушенным хвостом. Его голова обращена назад, лапы приподняты кверху. Гриф, с распушенным хвостом и приподнятыми крыльями, когтями впился в шею и грудь тетерева, а клювом схватил одну из его лап. Очень характерен высокий и длинный гребень грифа. На кожаную полосу по окружности фляги нашиты орнаментальные кожаные ромбы с ромбическими прорезями внутри. У верхнего края горлышка пришит узенький ремешок. В этой фляге, привязанной к одному из древков шестиноги, хранились зерна конопли.

В восточной части саркофага-колоды второго кургана в изголовье лежала большая (20×30 см) сума, типа переметной, из тонкой, хорошо выделанной кожи (рис. 46). В ней находились серебряное зеркало, фляга (первая из описанных выше), плоская прямоугольная сумочка и другие вещи. Средняя часть этой сумы пришита ремешком к деревянной палочке, через которую перекинута две равные половины сумы с объемистыми внутренними карманами. Концы этой палочки, выступающие наружу, оформлены в виде кошачьих головок. Верхний край этой двойной сумы прямой, нижние края закруглены. Носили ее на ремне, разрезанном на три полосы: две крайние прикреплены на концах палочки, у кошачьих головок, а промежуточная полоса — к особому ушку посередине палочки. Последняя, начиная от середины, разрезана на две полосы, концы которых были пришиты к деревянному кольцу.

Сума выкроена из цельного лоскута кожи, с боковыми вставками, шита сухожильными нитками.

Скульптурные кошачьи головки представляют особый интерес. Пасть их приоткрыта; верхняя губа в морщинах, нос широкий, уши большие; мордочка нарочито округлая (табл. LXXVIII, 3). С подобными головками мы в дальнейшем еще неоднократно встретимся.

Прямоугольная (13.5×23 см), с выгнутым верхним краем и потому к середине слегка расширяющаяся, кожаная сумочка, хранившаяся в выше-

описанной суме второго кургана, по технике выполнения и орнаменту имеет много общего с флягой, изображенной на табл. ХСІІІ, 2. Состоит она из лоскута замши, покрытого по краю узорной аппликацией из плотной кожи, с нашитым посредине узорным кожаным карманом (табл. ХСІІ, 1). Карман этот пришит только с трех сторон, верхняя оставлена свободной. Правая, расширенная часть кармана выпуклая, что увеличивало его вместимость. Первоначальный цвет кожи основы (замши) был палевый, а кожи аппликации — темновишневый. Мотив узора на кармане растительный, лотосовидный. Пара одинаковых цветков лотоса, соответственно форме кармана, различна по размерам. Правый цветок, больших размеров, изображен лепестками кверху, а левый — книзу. И тот и другой цветок помещены внутри общей спирали из розеток. Существенно отметить, что лотосовидные цветки, как и в узоре фляги, изображенной на табл. ХСІІІ, 2, опираются на подставки из рядов обрамленных кружков. Фигурки, ритмически повторяющиеся по борту этой сумочки, изображают грифовы головы, с которыми мы еще неоднократно встретимся в других узорах. Сумочка эта, повидимому, была туалетной принадлежностью для хранения ювелирных или каких-то других украшений.

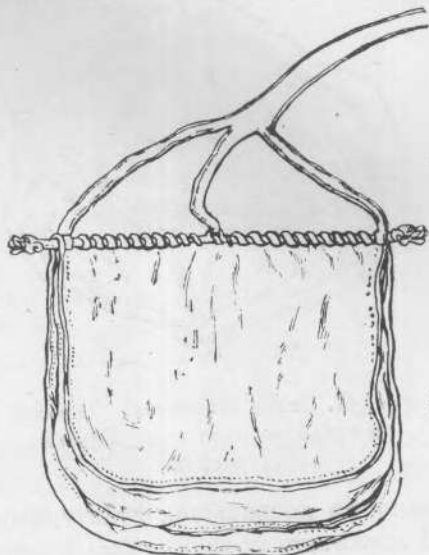

Рис. 46. Кожаная сума. ($\frac{1}{6}$ натур. вел.).
Курган второй.

Интересна по изяществу оформления кожаная сумка с клапаном, найденная среди мусора вместе с обрывками тканей и обломками различных предметов в том же втором кургане. Одна половина этой сумки сильно повреждена, но без труда удалось целиком восстановить и ее форму, и разнообразные ее украшения (табл. ХСІV, 1). Сумка эта из плотной кожи, с внутренним карманом из тонкой кожи и наружным клапаном, прикрывающим карман. По верхнему ее краю, над клапаном, нашита полоса толстой кожи с вырезанным на ней орнаментом. Карман больше сумочки, поэтому его верхняя, свободная часть складывается и опускается вниз. Для того чтобы попасть в этот карман, надо приподнять клапан, а затем отогнуть верхнюю часть сравнительно узкого верхнего отверстия кармана (рис. 47). Кожаный клапан снаружи покрыт мехом (леопарда), а по бортику нашита полоска из тонкого войлока, выкрашенного в красный цвет. Поверх этой полоски были нашиты медные, крытые золотым листком фигурки гусей или уток, они найдены в различных местах неподалеку от сумки. Места их прикрепления:

на цветной полоске хорошо различимы по остаткам сухожильных ниток, которыми они были пришиты. Внизу под специальным фигурным ушком, вырезанным из шкурки, проделано отверстие для ремешка, заплетенного на конце в три полоски. С помощью этого ремешка клапан закреплялся у нижнего края сумки.

Миниатюрные фигурки гусей или уток с приподнятым крылом и повернутой назад головой составлены из двух штампованных из тонкой меди рельефных пластинок, склеенных вместе смолой. Покрытые с обеих сторон золотым листком, они, по желанию, могли нашиваться на предметы, которые они украшали, той или другой стороной (рис. 48).

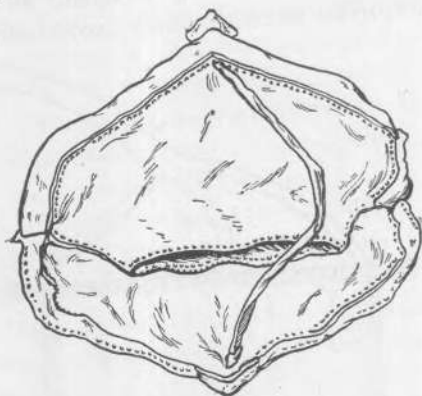

Рис. 47. Схема устройства кармана в сумке с клапаном. Курган второй.

В этой сумке, как и в описываемом ниже кожаном кошельке, хранились семена посевного кориандра.

Семена посевного кориандра (*Coriandrum sativum*), найденные и в пятом Пазырыкском кургане, представляют особый интерес. Род *Coriandrum* в древности был распространен в восточном Средиземноморье, Египте и Малой Азии, откуда он потом проник и в Индию. Это

одно из древнейших культурных растений, сохранившихся до наших дней. В древности кориандр был известен, главным образом, как лекарственное и пряное растение. Семена кориандра обнаружены в египетских гробницах различного времени, начиная с XII династии.¹ В числе лекарственных растений кориандр упоминается Гомером, Гиппократом, Геродотом и другими.

В настоящее время при весьма широком географическом распространении кориандра одним из основных очагов его распространения является Малая Азия, ибо малоазийские формы и более полиморфны и более „культурны“ по сравнению с другими. Семена кориандра особенно богаты содержанием эфирного масла (0.8—11.1%), ценность же кориандрового эфирного масла определяется содержанием в нем спирта-линалола (90—92%).

Чуждый флоре Алтая кориандр (точнее его семена) мог проникнуть туда только с юга, в результате торговых сношений со Средней и Передней Азией.

¹ Кроме гробниц XII династии, кориандр найден в гробницах XXII династии и времени греко-римского периода. Schweinfurth. Neue Beiträge zur Flora des alten Aegypten. Berichte Deutsch. Bot. Ges., 1883, кн. 1.

Оригинален кожаный кошелек полушарной формы в виде осяного гнезда с крышечкой (табл. XXIII, 2). Сшит он из цельного куска толстой кожи. Донце (диам. 5.5 см) этого полушарного кошелька плоское, а горлышко узкое (всего около 1.5 см), полушарная крышечка плотно закрывает его целиком. В центре донца ременная петелька — ушко, за которое держали кошелек, когда приподнимали крышечку. В кожаной стенке имеются отверстия и остатки ремешка, которыми кошелек к чему-то был связан. Донце и крышка покрыты врезным орнаментом (рис. 49), донце — рядами зигзагообразных линий, как бы изображением фактуры меха, а крышечка — трехлепестковыми листками. В центре сверху крестообразная фигура из четырех таких лепестков. По окружности они вырезаны сплошными рядами. В прорези внутри этих лепестков были вклеены золотые пластинки.

Кроме описанных выше искусно сделанных сумок и кошельков, в кургане втором обнаружены совсем простой меховой мешок и много простых кошельков. Меховой мешок полукруглой формы (размер 20×27 см), сшит из двух лоскутов собольего меха; одна сторона — из цельных шкурок более темного цвета, другая — из небольших прямоугольных более светлых кусочков (рис. 50).

Рис. 48. Медные штампованные фигурки птиц. (Натур. вел.). Курган второй.

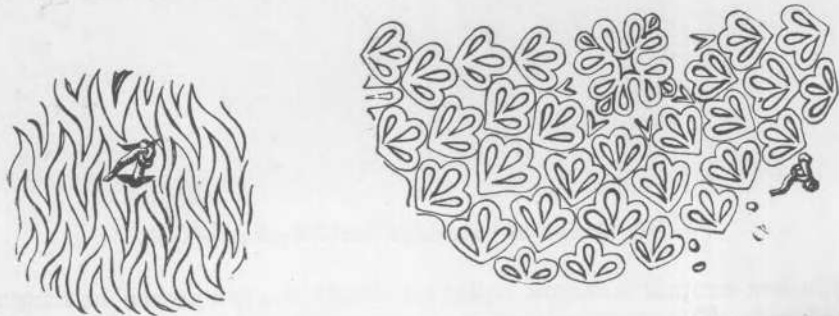

Рис. 49. Орнамент на кожаном кошельке. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.). Курган второй.

Кожаный кошелек, изображение которого дано на табл. XXIII, 1, с ременной завязкой сверху, служил для хранения в нем черной краски; такой краской, как увидим ниже, была выкрашена подвесная борода мужчины, захороненного во втором кургане.

В курганах ограбленных, где тщательно выбирались даже мельчайшие металлические поделки, нельзя было рассчитывать на находки больших медных котлов, употреблявшихся для варки пищи. Только во льду кургана второго случайно сохранились два медных сосуда — курильницы: один в форме „скифского котла“ (рис. 51), другой — прямоугольный (рис. 52, б).

Первый сосуд сфероидной формы (табл. XXIV, 2), небольших размеров (высота 14.8 см), на подставке раструбом. По сравнению с размерами сосуда, руки очень большие, приваренные посредине тулова. По венчику — шесть орнаментальных плоских бугорков.

Второй сосуд (табл. XXIV, 1) прямоугольной формы (11.5×12.3 см сверху, 9×10 см внизу), неглубокий (3.5 см), на четырех кольчатых ножках. К одной из коротких стенок приварена ручка, такой же формы, как и ножки, у остальных стенок ушки, — очевидно, для подвешивания.

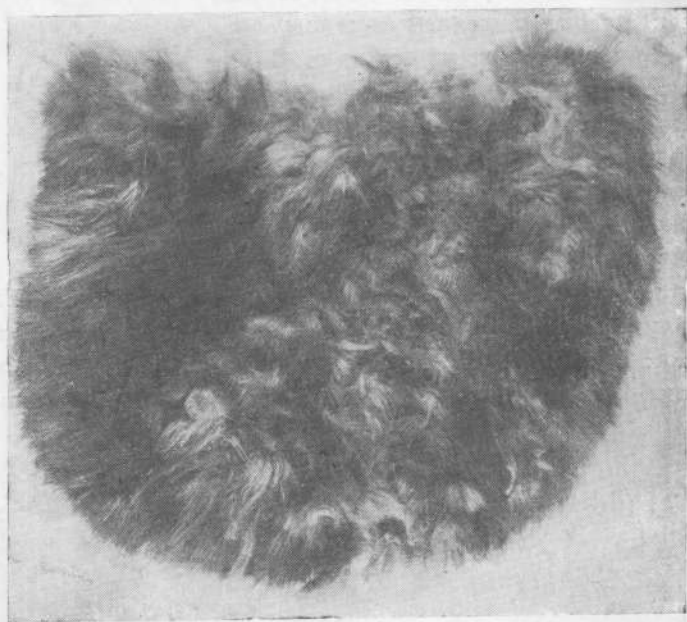

Рис. 50. Мешок из собольего меха. Курган второй.

В курганах втором и пятом найдены полые внутри рожки из концов рога домашней козы. В рожке из кургана второго найден свернутый лоскуток кожи, а в рожке кургана пятого (рис. 53, слева) — деревянная ложечка (рис. 53, справа) вроде тех, которые мы встречаем при табакерках с нюхательным табаком у современного нам населения Центральной Азии. В кургане третьем у голени правой ноги погребенного там воина была найдена, повидимому, заложенная за голенище обуви, деревянная лопатка, назначение которой не выяснено (рис. 54).

Чтобы покончить с описанием домашней утвари, надлежит описать еще кожаное покрывало, которым в кургане втором была накрыта шестинога со стоящей под нею курильницей в форме «скифского котла». Покрывало это (размер 150×175 см) сильно пострадало во время ограбления камеры, в особенности в центральной его части. Тем не менее представилось воз-

возможным восстановить его почти полностью. На рис. 55 показано все покрывало целиком и под ним, в более крупном масштабе, мотив его украшения: крылатый рогатый львиный грифон нападает на лося.

Центральный прямоугольник этого покрывала сшит из нескольких лоскутов тонкой кожи. По краю на него нашит узкий кожаный кант и со всех четырех сторон пришиты кожаные полосы с одним и тем же рисунком. Изображения грифона, напавшего на лося, были нашиты не только по кра-

Рис. 51. Курильница во льду кургана второго.

покрывала, но одной полосой и по его середине, где они сохранились не полностью. Что было в центре, установить не удалось. По наружному краю покрывала пришита такая же узенькая полоска кожи, которая окантовывает центральный прямоугольник. Сцены нападения отделены одна от другой вшитыми между ними кожаными полосками, на которые нашиты ряды кожаных кружков. Орнамент выполнен в технике мозаики. Узор, вырезанный из кожи, первоначально, вероятно, различного цвета, сшивался и одновременно нашивался на кожаную подкладку.

Сцена, изображенная на покрывале, декоративна и вместе с тем очень выразительна. Поверженный лось с характерной горбоносой мордой, длинными ушами, с бородкой и огромными, типично лосиными, рогами. Он припал на передние ноги, задние вывернуты вверх. На передней лопатке и крупе традиционные запятые, точки и полуподковки, с которыми мы

неоднократно будем встречаться в дальнейшем, и кроме них стильные треугольные прорезы. Грифон задними лапами опирается на задние ноги лося, передними вцепился в его спину, зубами впился в его холку. Своеобразен толстый „бычий“ рог с загнутым назад концом, приподнятое, несколько направленное концом вперед крыло и длинный хвост с типичной кисточкой на конце. Форма тела этого фантастического животного намечена также

a

б

Рис. 52. Камера кургана второго.

a — дровки шестиноги во льду камеры; *б* — дровки шестиноги и медная курильница на ножках.

весьма условно, как и лося, орнаментальными прорезями, в том числе треугольником и турьим рогом. При почти трафаретном повторении одного и того же рисунка в деталях между ними наблюдаются некоторые различия, которые можно заметить хотя бы при сопоставлении двух сцен, данных в крупном плане.

Теперь, когда мы пришли к выводу, что основным занятием населения на Алтае в рассматриваемое время было скотоводство, а охота — подсобным (при вероятном наличии примитивного земледелия — хотя бы в виде

заготовки запаса корма для скота на зиму), когда наметили вероятные типы жилищ и познакомились с домашней утварью, своевременно поставить вопрос об образе жизни населения.

В Горном Алтае места поселений данного времени еще не открыты и не изучены, в прилегающих же с запада степях они хорошо известны. Имеется, однако, ряд соображений, по которым можно утверждать, что в основном население Горного Алтая было оседлым или полuosедлым.

Рис. 53. Рожок и деревянная ложечка. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
Курган пятый.

Рис. 54. Деревянная лопатка.
($\frac{1}{2}$ натур. вел.).
Курган третий.

Соображения эти основываются на этнографических данных из жизни современных племен. Начнем с казахов. Весной казахи со стадами переходили на южные склоны предгорий, где в это время года развивалась богатая растительность. Когда солнце все более начинало выжигать траву, они подымались по открытым склонам, пока не достигали горных лугов, где и проводили самую жаркую часть лета. К зиме казахи спускались к местам зимовок.

Если скотоводы в предгорьях на летнее время уходили в горы, то население равнинной степи, имевшее место зимовок на юге, в летнее время уходило со скотом на север, иногда за многие сотни километров от зимовок, где, кстати сказать, у них обычно были и пашни. Скот при этом разбич-

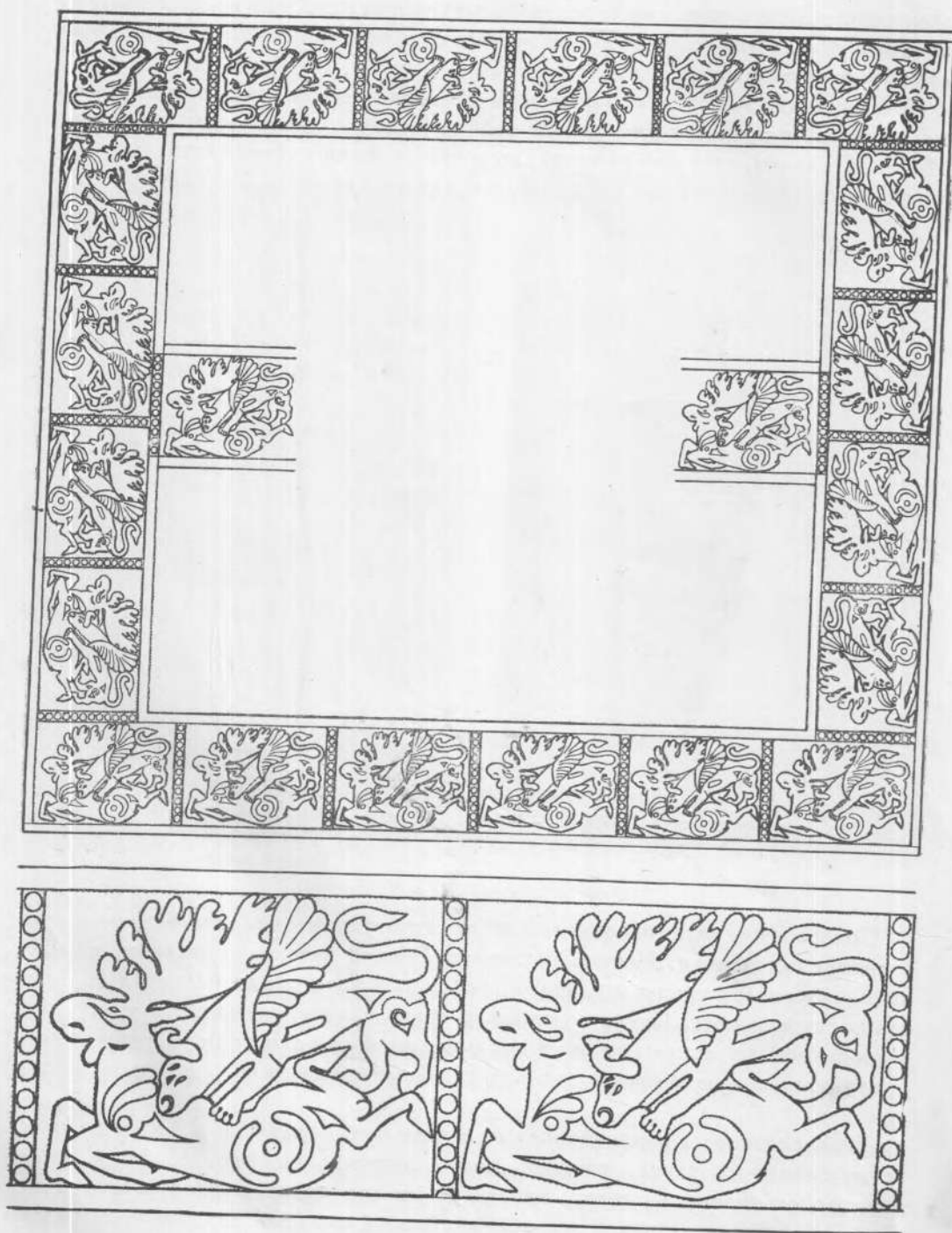

Рис. 55. Покрывало кожаное. Курган второй.

вался по отдельным видам: лошади и овцы передвигались своими самостоятельными путями, соединяясь только в конечных пунктах.

Иная картина наблюдалась в Горном Алтае, везде так богатом травой, что даже самые большие стада паслись лишь на небольшой площади. Менее зажиточные хозяйства круглый год оставались на одном месте. Поэтому в Горном Алтае скот не разделялся на отдельные стада, и все животные паслись на пастбище вместе; алтайцы-скотоводы всегда имели постоянную оседлость. Надо принять во внимание еще одно обстоятельство. Открытые степные участки, на которых только и возможно пастушеское скотоводство без заготовки корма на зиму, расположены на Алтае весьма ограниченными площадями, разделенными между собою более или менее трудно проходимыми горными перевалами. Здесь пролегли лишь узкие горные тропы, по которым было невозможно свободно передвигаться со скотом, и отдельные племена или роды должны были жить своим обособленным, замкнутым хозяйством.

В пользу более или менее оседлого образа жизни в Горном Алтае, помимо ряда соображений, можно привести и неоспоримые факты. Трудно допустить, чтобы в горно-лесной стране с незначительными участками степи в узких речных долинах, какой является Алтай, где повсюду имеется неограниченное количество строительного материала, лес не использовался бы для постройки жилищ. О том, что у древних горноалтайцев были постоянные бревенчатые жилища, свидетельствуют технически весьма совершенные постройки бревенчатых или из толстых плах погребальных камер. Часть скота, высокопородные лошади и тонкорунные овцы, рогатый скот (кроме яков), особенно молодняк, зимою обязательно должны были содержаться в закрытых помещениях. Высокопородные кони, кроме того, частично содержались на концентрированных кормах. Наконец, большие тяжелые глиняные кувшины, найденные в больших курганах, а также тонкостенные, чрезвычайно ломкие кувшины из курганов рядовых — посуда не кочевническая.

Глава V

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Благодаря мерзлоте в горноалтайских курганах, о чем уже говорилось выше, сохранились не только остатки одежды и различные украшения, но уцелела даже татуировка на теле мужчины, захороненного во втором Пазырыкском кургане. В том же кургане найдены хорошо сохранившаяся, почти целая, мужская рубаша и лоскуты второй такой же рубашки. Целая рубаша сшита из белой, от времени посеревшей материи (табл. XXV, 1). Ткань — из волокна конопли или кендыря полотняного переплетения; одна половина рубашки из более тонкой и более светлой материи, другая — из более темной и толстой. Ткань более светлая — однородная, от одного куска, более темная — двух сортов: более грубого — основное полотнище и относительно более тонкого — рукава и клинья внизу. Ширина полотнища ткани 44.5 см. Рубаша длинная (104 см) и широкая (внизу по подолу 130 см), в плечах очень широка (93 см); длинные (58 см) рукава книзу суживаются. Широкий разрез для головы (32 см). Выкроена рубаша из четырех полотнищ — двух передних и двух задних, сшитых между собой как на плечах, так и по середине рубашки и по бокам. Рукава пришиты без ластовок. Внизу подола, с боков, вшиты четыре клина, причем один из клиньев составлен из двух кусков (рис. 56).

По основным швам рубашки вшита узкая шерстяная красная тесьма и шнур. Плоский, шириной всего около 2 мм, шерстяной шнур вшит в продольные швы сверху до низу, от ворота до нижнего края рубашки спереди и сзади, в швы на плечах и в месте соединения рукавов с рубашкой. Круглый шнурок, диаметром 1.5 мм, вшит с боков от края подола до нижних краев рукавов, затем в швы внизу рукавов, причем шнуры эти цельные, во всю длину от подола до конца рукавов. Разрез для головы и концы рукавов обшиты по краю широкой (10 мм ширины) красной шерстяной тесьмой.

Шнуры вшиты при сшивании полотнищ ткани одной и той же очень крепкой крученой сухожильной ниткой.

Подол рубахи внизу подметан, а концы рукавов подогнуты на 5 мм, завернуты внутрь и прошиты.

Материал и покррой второй рубахи были примерно теми же, только тесьма, которой обшит прорез для головы, уже (7 мм), а тесьма вдоль рубахи и на плечах несколько шире (3 мм); крученый красный шерстяной шнур точно такой же.

Мужская рубаха из второго Пазырыкского кургана существенно отличается как по покрою, так и по материалу от более поздней, узкой и длин

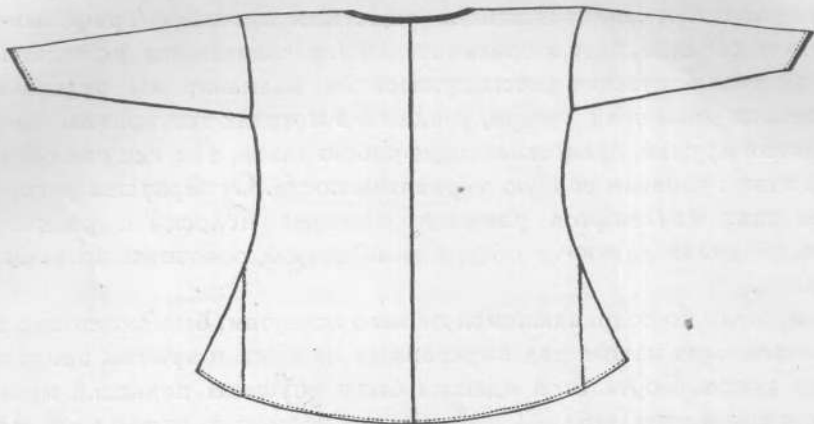

Рис. 56. Покрой рубахи. Курган второй.

ной рубахи из кургана в Ноин-Уле.¹ Особое внимание надо обратить на прорез для головы на груди в ноинулинской рубахе, — такого прореза в пазырыкской рубахе нет. По покрою последняя более сходна с варварской (скифской) рубахой, как она изображена в известной керченской терракотовой статуэтке.²

Штанов ни в одном из курганов не найдено.

Верхняя мужская одежда представлена пятью образцами: двумя из второго Пазырыкского кургана, одним из третьего и двумя из Котандинского, раскопанного В. В. Радловым.

От одной из одежд кургана второго сохранилась только спинка, и можно думать, что она представляла собой кафтан, типичный для пастушеских племен. Одежда эта была короткая (90 см длины), из собольего меха. Наружная ее сторона выделана как замша, а для прочности в продольном направлении

¹ С. Trever, ук. соч., табл. 22.

² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 1889, вып. 2, стр. 63, рис. 46.

чрезвычайно тщательно прошита параллельными рядами тонкой сухожильной нитью. Достаточно отметить, что иногда эти закрепляющие шкурку и вместе с тем декоративные швы проходят один от другого на расстоянии каких-нибудь 4 мм, и на 1 см шва местами приходится до 20 стежков. Нитками прихвачен только поверхностный, мездряный, слой. Только там, где эти швы совпадают с продольными краями шкурок меха, швы сквозные. Едва различимыми швами сшиты прямоугольно-зубчатые края шкурок меха.

Самое замечательное в этой одежде — вырезанная из кожи аппликация с наклеенными на ней золотыми кружками (табл. ХСII, 2). Аппликация эта в сохранившейся части представляет собой пару сопоставленных голов оленя с длинными, вытянутыми вверх ветвистыми рогами, отростки которых заканчиваются стилизованными ушастыми птичьими (грифовыми) головками. Эти последние, хотя и орнаментальны, и схематичны, но весьма типичны для алтайского искусства рассматриваемого времени; мы видели их уже и в украшениях домашней утвари, увидим и в мотивах татуировки. Между прочим, золотые кружки, представляющие собою глаза, там, где они сохранились, придают этим головкам особую выразительность. От верхушек рогов направо и налево вниз спускаются узенькие кожаные полосы с рядом золотых кружков, обрамляя какую-то общую композицию, основным мотивом которой были олени.

Подол, судя по сохранившимся от него лоскутам, был окантован полоской кожи, на которую нашит ряд вырезанных из кожи и крытых золотом стилизованных рогов. Борта этой одежды были опушены полоской меха, выкрашенного в синий цвет (табл. ХCI, 4). Весьма возможно, что от этой же одежды уцелел большой лоскут меха, выкрашенный в лазоревый цвет (табл. ХCI, 5). Мех этот, вероятно горностаевый, тоненькой сухожильной ниткой сшит из мелких лоскутков. В диагональном направлении на него нашиты тонкой крученой сухожильной ниткой, на расстоянии 3 см один от другого, ряды кожаных кружков (диам. 9 мм с расстоянием в 1 см между ними), оклеенных золотыми листками.

Во втором Пазырыкском кургане сохранились части еще одной одежды из собольего меха, мехом внутрь и наружу. Интересно, что соболий мех этой одежды, несмотря на то, что мездряная сторона не видна, все же в продольном направлении сплошь прошит сухожильными нитями параллельными рядами, как и в вышеописанной одежде. Несомненно отсюда, что основная цель такой прошивки — придать меху прочность. От этой одежды хорошо сохранился только один рукав (табл. ХCVI, 1). Шит он, как и вся одежда, шерстью внутрь и наружу. Обшлаг этого рукава из шкуры темного жеребца, на которую были нашиты две прямоугольные кожаные пластины, оклеенные золотыми листками. Хотя конец этого рукава настолько широк, что в него можно свободно продеть кисть руки, но его нижний край был зашит, следовательно, одежда накидывалась на плечи.

Очень интересен широкий, но короткий мужской кафтан, найденный в конском захоронении кургана третьего. Сшит он в два слоя из очень тонкого белого войлока (фетра) и по крою похож на рубаху из кургана второго. Его ширина в плечах 1.18 м, а внизу по подолу 1.4 м, при длине от ворота до нижнего края подола всего 1 м. Длинные (0.7 м) и широкие (0.29—0.23 м) рукава с небольшими ластовками к концу суживаются (рис. 57). Ворот кафтана широкий, открытый; сзади внизу два разреза; запахивается справа налево и завязывается изнутри двумя парами

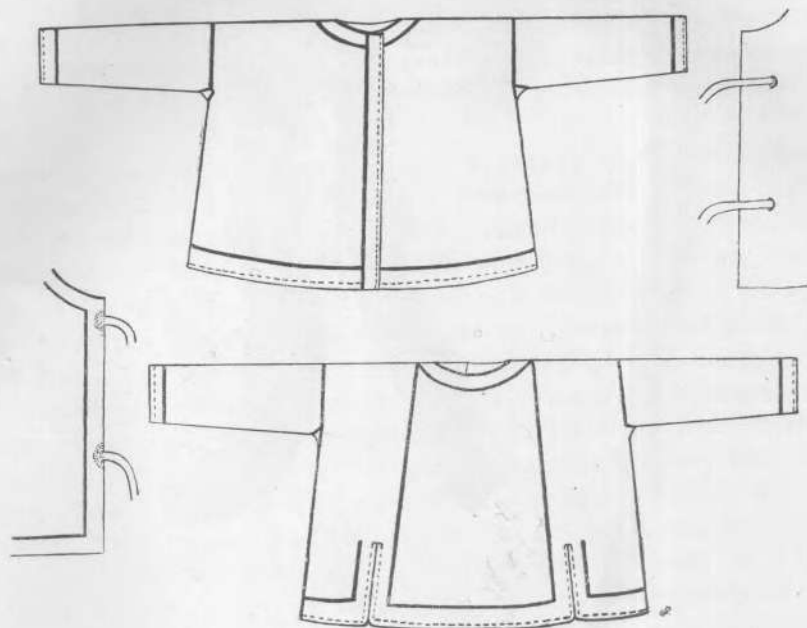

Рис. 57. Покрой кафтана. Курган третий.

завязок, состоящих из многочисленных крученых шерстяных ниток (рис. 58, б). Верх кафтана выкроен из цельных больших полотнищ войлока, подкладка же — из нескольких мелких лоскутов войлока. Из цельных лоскутов выкроены и рукава, сшитые по нижнему краю. По верхнему краю, вокруг ворота, на концах рукавов, на спине и по бортам — декоративные швы, показанные на рисунке сплошными линиями, в отличие от пунктирных линий, обозначающих настоящие швы. Декоративные швы выполнены простежкой верхнего слоя войлока и стягиванием его тонкой белой шерстяной ниткой, какою сшит весь кафтан; получились рельефные узкие бороздки. В правой, наружной, доле кафтана по борту, сверху донизу, между двумя слоями войлока вложена овечья шерсть полоской в 6 см ширины. В результате продольной простежки по краям этой полоски получился плотный рельеф-

ный борт. Завязки в полах закреплены следующим образом. Один из концов пучка ниток пропущен в прорез между двумя слоями войлока и затем закреплен там сквозной простежкой (рис. 57). Подобный же кафтан был,

Рис. 58. Завязки от одежды. Курган третий.
a — шерстяной шнур; *b* — завязка от кафтана. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

повидимому, и в погребальной камере. Завязка, изображенная на рис. 58, *b*, найдена в погребальной камере.

Вместе с этим кафтаном найдены просторный, выделанный из тонкого белого войлока капюшон и два прямоугольных (9.5×14 см) лоскута из двойного тонкого войлока, прошитые по диагонали и кругом на расстоя-

нии 1 см от краев. Возможно, это были карманы, нашитые на кафтан, но в каком месте, — установить не удалось.

Одежду в виде фрака из Котандинского кургана описывали неоднократно, а кафтану посвящено специальное исследование.¹ Поэтому на их описании остановимся коротко.

Кафтан представляет собою длинную одежду с очень узкими и длинными декоративными рукавами на собольем меху, с верхом из чешуйчатого мозаичного узора горностаевого меха, выполненного по типу инкрустации. Поверх этого меха были прикреплены сотни деревянных, крытых золотом, декоративных пластин и пуговиц, которые этой легкой носильной одежде придавали впечатление „как бы кованого украшения, тяжелого и блестящего“.¹ Для сравнения с одеждами древних горноалтайцев можно привести одежды некоторых из скотоводческих племен Монголии, Восточной Европы и Средней Азии.

Найденная в одном из ноинулинских курганов мужская рубаха была столь же широка и по покрою сходна с пазырыкской, но уже с разрезом на груди.² Там же обнаружен подобный пазырыкскому островерхий войлочный мужской головной убор.³ Подошвы ноинулинской обуви, как и женская обувь из второго Пазырыкского кургана, были украшены узором.⁴

Что же касается одежды интересующих нас племен восточной Европы и Средней Азии, то, как известно, Геродот пишет: „Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны“.⁵ Это сообщение вполне соответствует тем изображениям саков, которые мы знаем. На известном изображении Бехустунской скалы перед Дарием стоят девять пленных с веревками на шее, над последним надпись: „Это Схунха-Сак“.⁶ Одежда его — подпоясанный кафтан, на голове высокий, загибающийся назад, островерхий головной убор. Тот же головной убор можно видеть и на другом рельефе, украшающем террасу дворца персидских царей в Персеполе.⁷ И у этих саков короткий меч, слева — горит, обувь мягкая, штаны узкие. Тот же костюм, но штаны широкие и длинные, в изображении саков мы видим на одном из персидских цилиндров.⁸

Верхней одеждой скифов (судя по изображениям греческих мастеров) был короткий меховой, шерстью внутрь, кафтан, с косыми, заходящими одна

¹ Е. С. Видонова. Котандинский халат. Сборник статей по археологии СССР, Труды ГИМ, 1938, вып. 8.

² С. Trever, ук. соч., табл. 22, 1.

³ С. Trever, ук. соч., табл. 23, 3 и 4.

⁴ С. Trever, ук. соч., табл. 13.

⁵ Геродот, ук. соч., VII, 64.

⁶ Б. Тураев. Скифия в иероглифической надписи. 1911, стр. 1.

⁷ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 79.

⁸ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, стр. 13, рис. 6.

за другую полами, перетянутый ремненным поясом. Наружная поверхность этих кафтанов простегивалась в продольном направлении и расшивалась узорами. На некоторых изображениях имеются накинутые на плечи короткие плащи, застегнутые пряжкой на груди или на правом плече; штаны или узкие меховые, или широкие, вероятно войлочные. Узкие меховые или кожаные штаны снаружи расшивались узорами, возможно с нашивными бляшками. Длинные штаны скифов заправлялись в мягкие кожаные полусапожки и, так же как у саков, перевязывались у лодыжек ремнем. Короткие голенища таких полусапожек, так же как и верхняя одежда, иногда расшивались узором. Эта обувь, как сказано, повязывалась либо только в лодыжке, либо еще и под сводом стопы одним и тем же ремнем. Ни подметок, ни каблуков не было.

Судя по тем же изображениям, скифы (мужчины) имели на голове длинные волосы, иногда подвязанные ремешком; бороду и усы, как и азиатские саки, они не брили.

На большом войлочном настенном ковре местной работы из пятого Пазырыкского кургана, как уже упоминалось, имеется изображение всадника, в costume которого есть не только ряд черт, общих с костюмами на изображениях скифов (работы греческих мастеров), но и существенные отличия (табл. ХСV). Его короткий кафтан синего цвета сшит в талию и со стоячим воротником. Рукава узкие, в обтяжку. По борту и внизу по подолу, а также по плечу — полоса шитого узора. На шее закреплен короткий, развевающийся плащ коричневого цвета. Того же цвета узкие, в обтяжку штаны и мягкая обувь, на данном изображении представляющая одно целое со штанами, отделенными только условно — швом. Горит у пояса, по скифскому обычаю, — с левой стороны.

Подлинные одежды, сохранившиеся в промерзших могилах Горного Алтая, при общем сходстве с одеждой саков, скифов и отчасти хуннов, приспособленной для конных скотоводов и воинов, существенно, как увидим ниже, отличались от одежды последних.

Очень интересен уже упоминавшийся выше котандинский костюм с узкими рукавами. Я уже имел случай обратить внимание на сходство как в покрое, так и в оформлении этой одежды с древним кандис — одеждой, характерной для персидской знати ахеменидского времени.¹

Одежда эта, в отличие от всех известных нам персидских костюмов, имела ту особенность, что длинные и узкие ее рукава не были используемы и свободно висели по сторонам. Мы видим ее в рельефах и скульптурах Персеполя и Ликии, на золотых пластинках из Амударьинского клада. Кандис был яркого цвета, и Ксенофонт, который говорит о *πορφύρεος κάνδις*,

¹ С. И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. Известия АН СССР, Серия истории и философии, 1944, № 6.

сообщает, что персидская кавалерия вкладывала руки в рукава кандис только в дни инспекции. Дальтон предполагает, что кандис мог быть одеждой мидян, присвоенной персами и прочими иранцами. Юстин отмечает, что кандис носят парфяне.¹

Таким образом в данном случае мы, по всей вероятности, имеем дело не с типичной местной одеждой, а скорее со среднеазиатской, парфянской, которая легко могла быть освоена и сакской знатью, в VI в. до н. э. и позднее теснейшим образом, даже брачными узами связанной со знатью парфянской. Позднее этот тип одежды — так называемые восточные, среднеазиатские халаты — получил широкое распространение не только среди оседлого населения Средней Азии, но и среди степных кочевников.

Вторая одежда из Котандинского кургана, также собольего меха, покрытая шелковой материей, по покрою похожа на фрак с нагрудником. Единственная аналогия по покрою этой одежды — мирэлен таежных эвенков.

Мужской обуви не сохранилось ни в одном из курганов Пазырыкской группы. Только в 1950 г. при раскопках большого кургана в среднем течении р. Каракола мною найдена меховая мужская обувь с длинными голенищами и мягкими кожаными подошвами. Найденные во втором кургане мужские войлочные чулки двух типов. Чулки первого типа длинные (59 см от верхнего края до носка), сшиты из мягкого, но довольно толстого белого войлока, с продольным швом сзади, вшивной подошвой и с полукруглым вырезом спереди в подъеме, зашитым плотным швом. Так как вшивная подошва (как увидим ниже, и в женской обуви) узка и коротка, то передний конец чулка, подшитый к подошве, стянут в сборки (рис. 59). Шиты чулки довольно толстыми кручеными нитками из волокон конопли. По верхнему краю чулок нашиты широкие (10 см) полосы темнокрасного, очень тонкого войлока, на которые, в свою очередь, нашит рельефный орнамент из кусочков разноцветного (коричневого, зеленого и желтого) войлока. Орнамент смешанный — растительный (один из вариантов лотосного) и животный, представляющий собой стилизованные петушинные гребешки (табл. ХСIV, 2). По верхнему краю чулки обшиты узкой ременной полоской.

Мужские чулки второго типа, сшитые также из белого войлока, еще длиннее (общая длина 75.5 см при ширине сверху 18 см, внизу 10 см) и иного покрою, но также с вшитой подошвой. Лоскут войлока, соответствующим образом выкроенный, сложен вдвое и сзади, несколько отступая от верхнего края и до пятки, прошит тонкой сухожильной ниткой (рис. 59).

Нижний конец такого же чулка, но из довольно мягкого черного войлока, шитый крученой шерстяной ниткой, был найден и в пятом кургане.

¹ О кандисе см.: O. M. Dalton. The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. 1905, стр. 51, 52.

Мужские головные уборы найдены во втором и третьем Пазырыкских курганах. Первый из них, из второго кургана, выкроен из плотного, но не особенно толстого (3 мм) коричневого войлока. Судя по сохранившейся его половине, головной убор этот был высоковерхим, с круглыми и широ-

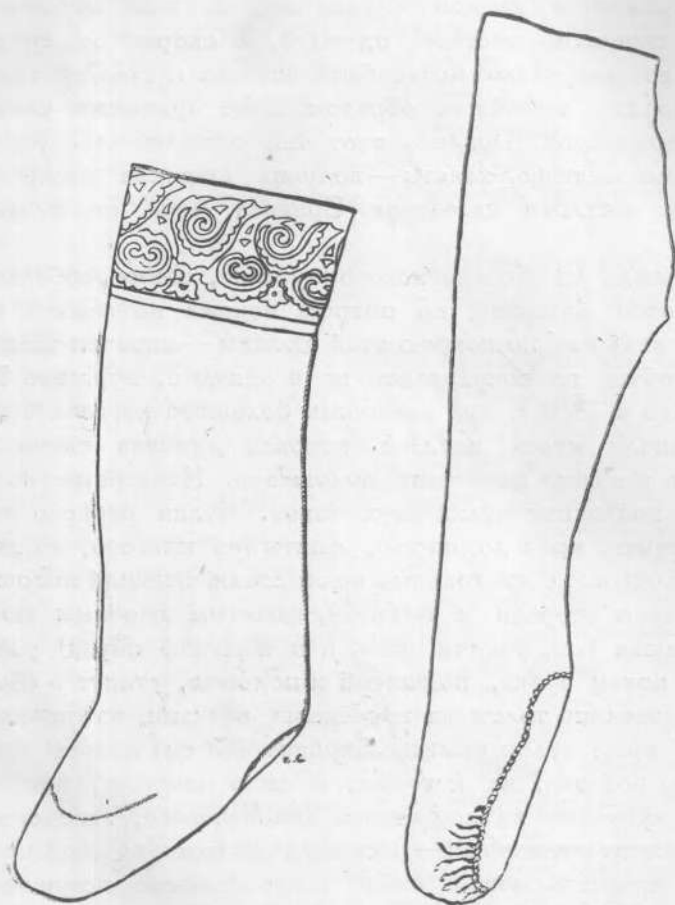

Рис. 59. Войлочные чулки: с узором по верхнему краю и простой. Курган второй.

кими полями, прикрывавшими затылок и уши. Это тот тип головного убора, который мы видим на головах скифов в их изображениях греческой работы и у саков персепольских барельефов, его мы находим и в Ноинулинских курганах. Такой тип сохранился у азиатских пастушеских народов и по настоящее время. Для украшения снаружи, по нижнему краю полей этого головного убора, сухожильной ниткой приметан ряд, с промежутками в сантиметр, кожаных кружков, крытых листовым золотом.

Головной убор, найденный в камере кургана третьего, на полу в центральной ее части, представляет собою шлем или род шапки-ушанки, закрывающей затылок и уши, с двумя боковыми лопастями (табл. ХСVI, 2). Сшит этот головной убор из двух лоскутов (со швом по середине) тонкого белого войлока, от времени пожелтевшего, и двух лоскутов тонкой кожи такого же покроя. Кроме шва, соединяющего две половины этого убора, ни в войлочной основе, ни в покрывающей его тонкой коже никаких швов

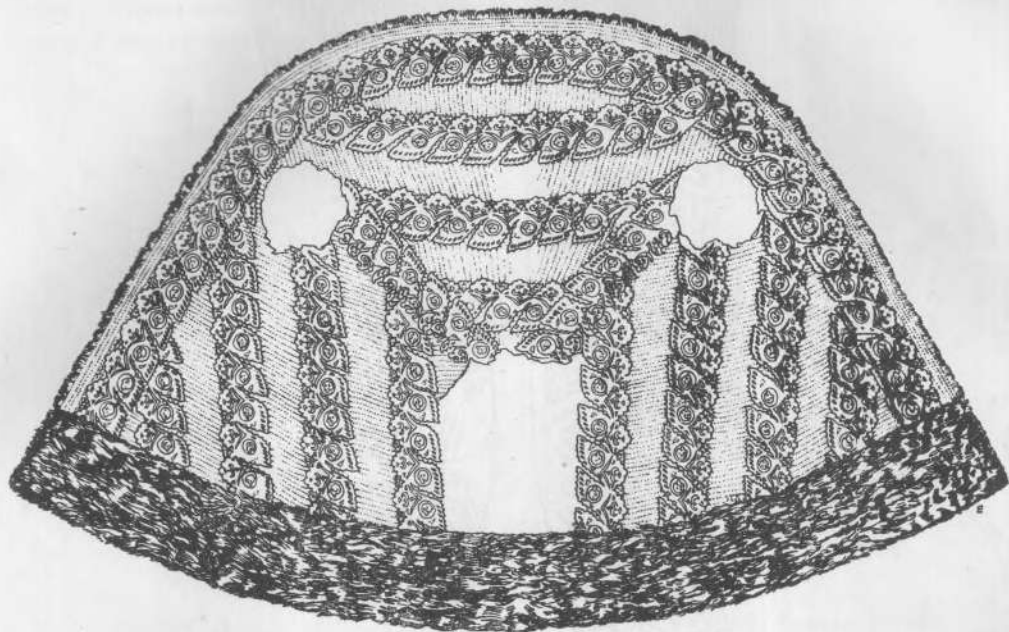

Рис. 60. Женская одежда. Курган второй.

нет. Очевидно, шитая заготовка основы смоченной накладывалась на шаровидную болванку, на ней вытягивалась и прокатывалась, и уже после того, как она приобретала требуемую форму и высыхала, ее снимали. Между кожаным покрытием и наружной войлочной окантовкой по краю головного убора оставлена свободная полоска шириною в 1 см. По бортам, спереди и сзади, за указанной свободной полоской по краю нашит кант из такого же, как и основа, войлока шириною в 1.5 см. Кант этот, соединяясь у углов головного убора, вторым слоем покрывает всю поверхность расширяющихся книзу лопастей. Поверх окантовки и по краю кожаного покрытия нашиты тонкие ременные жгутики. Сверху на макушке шлема нашита квадратная „башенка“ из четырех одинаковых вырезанных из толстой кожи и крытых золотом фигур, в центре башенки было какое-то,крытое золотом, навершие. От последнего сохранился только обрывок

основания, солидно пришитого кручеными сухожильными нитками, какими шит и весь головной убор.

На наружной поверхности кожаной покрышки, справа и слева, можно различить следы каких-то нарисованных фантастических зверей, частью

Рис. 61. Рукав женской одежды. Курган второй.

выкрашенных в яркокрасный цвет, частью покрытых кожными, крытыми темнокрасным лаком, чешуйками.

Чрезвычайно интересно, что этот головной убор по типу такой же, какой мы видим на скифах-воинах, изображенных на золотой пластине

с ножен меча из Чертомлыцкого кургана, в сцене сражения скифов с греками.¹ Женская верхняя одежда из второго кургана представлена сравнительно коротким (длина 96 см) кафтаном (рис. 60) с узкими, как и у котандинской мужской одежды, декоративными рукавами (рис. 61). Шита эта одежда из беличьего меха, шерстью внутрь. Наружная сторона сплошь прошита продольными стежками сухожильными нитками или покрыта вырезанной из кожи узорной аппликацией. По бортам эта одежда обшита сравнительно узкой полосой черного меха жеребка, с опушкой из меха выдры и какого-то другого меха, окрашенного в синий цвет. По подолу нашита довольно широкая полоса меха черного жеребка (рис. 60).

Рис. 62. Деталь орнамента нагрудника. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Основной мотив орнамента аппликации, вырезанного из темнокрасной тонкой, прекрасно выделанной кожи, — нечто вроде петушиных гребешков, внутри которых нашита медная, крытая золотом баранья головка в кольце. Мотив добавочного орнамента растительный, лотосный (табл. ХСІІІ, 1), сходный с тем, который мы видели уже на мужском чулке (табл. ХСІV, 2).

Никаких застежек в этой одежде нет, она накидывалась на плечи, по всей вероятности, как русская душегрейка.

Одно целое с только что описанной одеждой составляет нагрудник, от которого сохранилась лишь верхняя его половина, а с одного края целиком узкая оторочка из полосы меха выдры. Нагрудник этот представлял собою длинную (90 см) лопасть, закругленную вверху и расширяющуюся книзу (табл. ХСVІІ). Судя по уцелевшим остаткам, нижний край этого нагруд-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, стр. 146, рис. 123.

ника был не прямой, а с треугольным вырезом посредине. Сшит он из сборного меха — шкурок белки и соболя. По наружному краю и он

оторочен „полоской меха выдры, которую прикрывает полоска стриженного и окрашенного в синий цвет меха. Наружная поверхность нагрудника, за исключением двух промежуточных узких полос, сплошь покрыта вырезанным из кожи узором — аппликацией.

Узор этот представляет собою сложную комбинацию лотосных мотивов с турьими рогами, в центре которых вырезанные из кожи и покрытые листовым золотом бараньи головки. Композиция этого орнамента очень сложная. В целом она представлена на табл. XCVII и расчленяется на следующие основные компоненты.

Центральная фигура (рис. 62) — опрокинутый цветок лотоса и по бокам его симметрично расположенные композиции из цветков лотоса и бараньих головок в нимбах. Ниже (рис. 63, а), по середине нагрудника — пара бараньих головок, а под ними цветки лотоса и опрокинутые вниз две птичьи головки. Еще ниже, одна под другой, повторяющиеся осложненные композиции того же мотива (рис. 63, б) — геральдически сопоставленная пара бараньих головок с лотосовидными цветками по бокам; под ними стилизованный осложненный цветок лотоса, в той же трактовке, в какой мы его увидим на женской обуви; внизу опрокинутая птичья головка и цветки лотоса. По бокам, справа и слева, серии противопоставленных одних и тех же мотивов (рис. 64) — цветов

Рис. 63. Детали орнамента нагрудника.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

лотоса с парой чашелистиков, книзу переходящих в нимб вокруг головки барана, представляющий собой расчлененный и усложненный лотос.

По нижнему краю нагрудника шла кожаная узорчатая аппликация, представленная на рис. 65.

Как и во всех других подобных аппликациях, узор не резался по трафарету, и каждый его элемент отличался от других ему подобных в тех или иных деталях.

Рис. 64. Деталь орнамента нагрудника. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

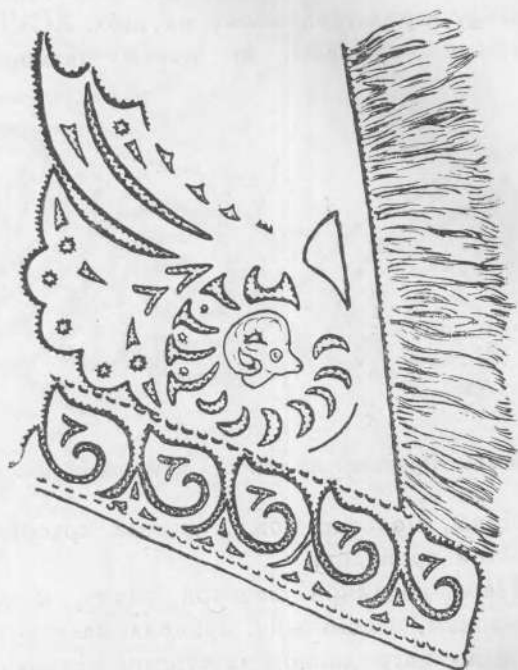

Рис. 65. Деталь орнамента нагрудника. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Очень интересны остатки какой-то одежды ребенка из малого кургана, седьмого Пазырыкского, к сожалению, плохо сохранившейся, но все же поддающейся восстановлению (табл. ХСVIII, 3). То, что удалось восстановить, представляет собой нечто вроде нагрудника. На лоскут меха нашит узор — дугообразная фигура из двух полосок тонкой кожи с рядами нашитых на них медных, крытых золотом, миниатюрных полушарных бляшек. Относительно широкая промежуточная полоса между указанными узкими полосками кожи заполнена рядом медных штампованных, крытых золотом головок сайги в профиль. Узор внутри этой дуги представлен вертикальной полосой из двух таких же, как и по краю, узких полосок тонкой кожи с нашитыми на них полушарными бляшками, крытыми золотом. Между

этими узкими полосками вертикально нашит ряд медных, крытых золотом пластинок подковообразной формы с ушком наверху. Оставшееся свободное пространство покрыто узором, состоящим из вырезанных из кожи изогнутых спиралью „рогов“, фигур листовидной формы и покрытых золотом полушарных бляшек.

От орнамента на лоскуте кожи, за пределами описанной выше дугообразной фигуры, сохранились только отдельные элементы, не позволяющие установить мотив узора. О сложности его можно судить по одному образцу, представленному на табл. XCVIII, 4, где вместе с полосками кожи, крытыми кружками, мы имеем разноцветные кожаные треугольники и

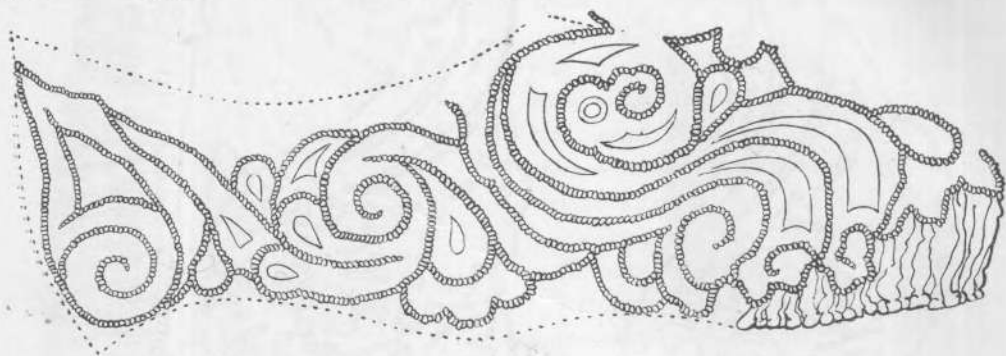

Рис. 66. Орнамент на головке женской обуви. (Около $\frac{2}{5}$ натур. вел.). Курган второй.

фестоны, полоски кожи, крытые красным лаком, и обрамления из витой золотой проволоки.

Пара парадной женской обуви, к рассмотрению которой мы сейчас переходим, несомненно, принадлежала к тому же костюму, что и описанная одежда с нагрудником из кургана второго. Это мягкие полусапожки с короткими голенищами раструбом. Головка из тонкого, выкрашенного в красный цвет цельного лоскута кожи со швом только сзади. К подошве она пришита толстыми сухожильными нитками, причем передняя ее часть, носок, собрана в сборки. За счет этой передней, гофрированной части головок увеличивается размер сапожка. Голенища из такой же, как и головка, тонкой, прекрасно выделанной кожи, сзади не сшиты и пришиты только к краю головок. Следовательно, голенища раструбом прикрывали только переднюю часть голени.

Полусапожки эти сплошь орнаментированы. По шву между головкой и голенищем вшита полоска красной шерстяной тесьмы, украшенной кожаными, крытыми листовым золотом фигурками, напоминающими уток. Орнамент головки сбоку представлен на рис. 66, а спереди в развернутом виде на рис. 67. Накладной узор выполнен сухожильной нитью, обернутой полоской оловянной фольги. Основной нашитый узор местами дополнен

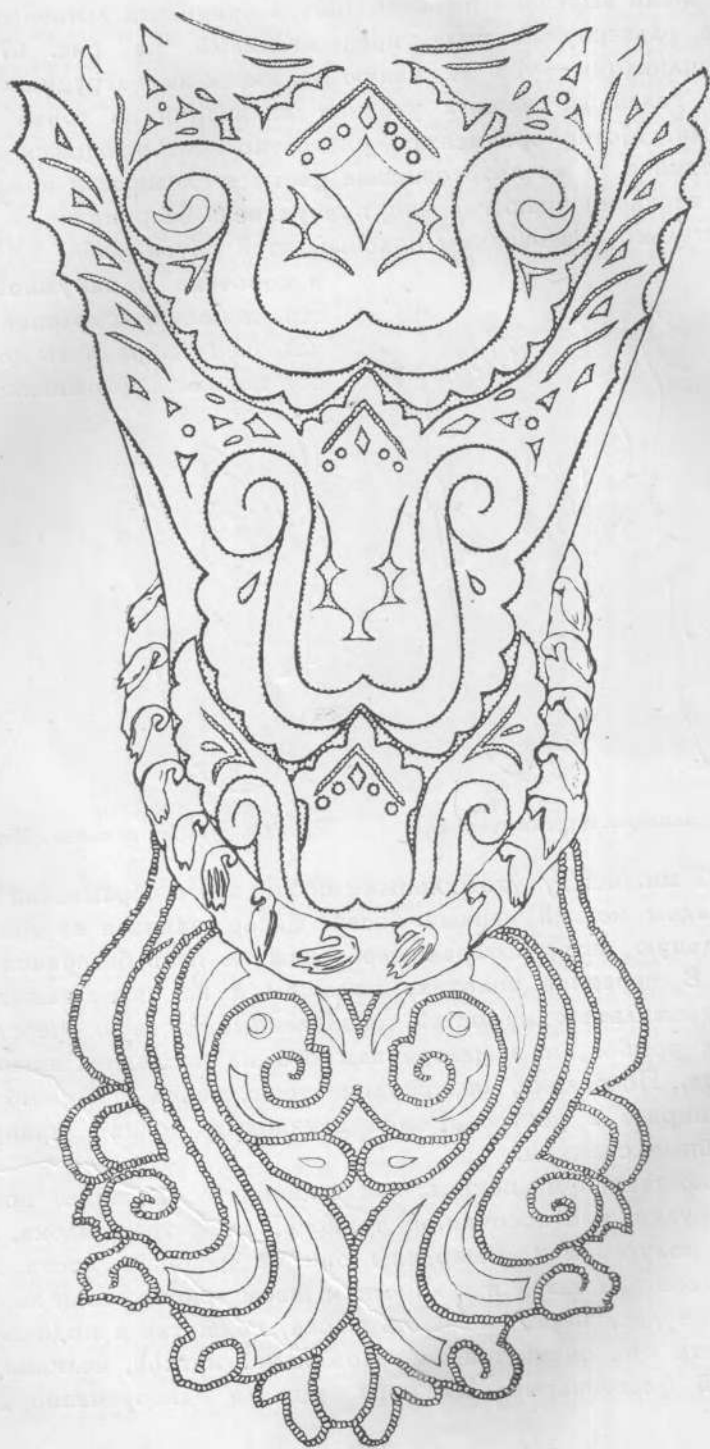

Рис. 67. Орнамент женской обуви. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

орнаментальными вырезами по коже. Мотив орнамента лотосный. Орнамент голенища в развернутом виде, представленный на рис. 67, выполнен в технике аппликации — той же, какую мы имеем на нагруднике. На замшевую основу голенища нашита узорная аппликация из тонко выделанной красной кожи. Мотив орнамента: троекратно повторяющиеся в различных вариантах одни и те же лотосовидные цветы в сложных и изящных композициях. По верхнему краю голенищ причудливая бахрома.

Исключительно оригинальны подошвы этой обуви (табл. XXV, 2). Узкие и короткие с наружной поверхности, они обшиты красной шерстяной материей и обрамлены по краю двойной полоской сухожильной нити, тол-

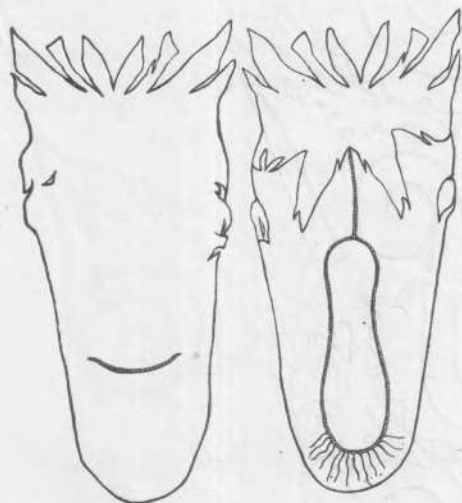

Рис. 68. Чулки женские. Курган второй.

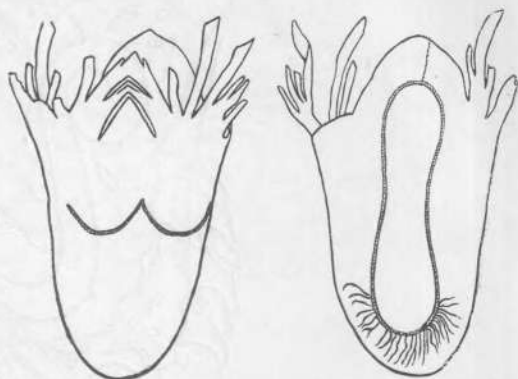

Рис. 69. Чулки женские. Курган второй.

щиной около 1 мм. Между сухожильными нитями этого обрамления вшит почти сплошным рядом мелкий черный бисер. Бисер нанизан на тонкую крученую сухожильную нить, которая через каждые пять бисеринок приметана к подошве. В передней половине подошвы и на пятке нашиты большие ромбы из сухожильных же нитей, разделенные, в свою очередь, на 25 и 16 маленьких ромбов, и в центре каждого из последних нашито по кристаллу пирита. Посредине, под сводом стопы, небольшой ромбик с одним кристаллом пирита в центре. Ромбы в узловых точках прикреплены к подошве тройным стежком.

Совершенно такого же покроя, как только что описанные полусапожки, оказались и чулки, или носочки, из тонкого, как фетр, войлока, найденные внутри этих полусапожек. Выкроены они из цельного куска войлока со вшитой узенькой подошвой и с коротким швом только сзади на пятке. Как и в мужском чулке, передняя часть носка, подшитая к подошве, собрана в сборки. Шиты они очень тонкой сухожильной ниткой, мелкими стежками. Верхний край фестончатый. На ногу надевали одновременно два тонких

носочка. Сначала надевался более длинный (рис. 68) с полукруглым вырезом у подъема, стянутым ниткой, а поверх него — более короткий с *w*-образным вырезом (рис. 69). Таким образом вверху под одной фестончатой бахромой была вторая такая же. Кроме того, сверх этих двух носочков надевалась еще дополнительная, фестончатая же, бахрома.

Вторая пара обуви из того же второго кургана иного фасона. Это тоже полусапожки, но уже с цельными короткими (25 см) и широкими голенищами из меха леопарда, с кожаной головкой. Эта обувь также несомненно жен-

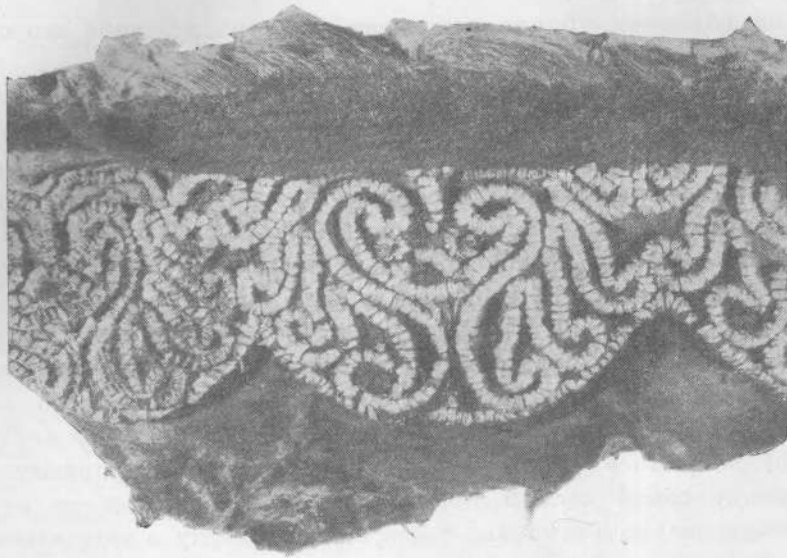

Рис. 70. Узор верхнего края голенища женской обуви. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.). Курган второй.

ская, так как одна из ее головок была найдена с отрубленной женской стопой внутри. Из отдельных лоскутов удалось восстановить один из сапожков полностью (реконструкция его показана на табл. ХСVI, 4). И эта обувь была мягкая с голенищами до колен, на подошве из толстой (2 мм) и плотной кожи. Наружная, нижняя, поверхность подошвы сплошь орнаментирована врезным узором (табл. ХСIII, 3). Орнамент и здесь представляет собою один из вариантов лотосного мотива; узор как на передней, расширенной части подошвы, так и на пяточной, более узкой, один и тот же. Головка выкроена из целого куска сравнительно темной кожи, имеет шов только сзади и пришита к подошве толстыми сухожильными нитками, причем передняя ее часть, как и в обуви, описанной выше, в носке собрана в сборки. Верхняя поверхность головки гладкая. Между головкой и голенищем нашита полоса красной шерстяной тесьмы (1,7 см ширины). По верхнему краю голенища нашит узор из сухожильных нитей, спирально обернутых узенькими поло-

сками оловянной фольги и золота. Выше узора пришта красная шерстяная тесьма; своим нижним краем она частично прикрывает край узора (рис. 70).

Особо следует обратить внимание на украшение подошв обуви. Последнее имело смысл только при обычае сидеть сложив ноги с вывернутыми наружу пятками — так, как это принято среди степных народов Азии и имело место в древности в Передней Азии. Это было возможно только в том случае, если пол жилища был устлан коврами или мягким войлоком. И то, и другое, как мы видели, было принято в рассматриваемое время у знатных горноалтайцев.

Женских головных уборов мы имеем два — из курганов второго и пятого.

В 1947 г. в кургане втором было найдено несколько лоскутов меха черного жеребенка, сплошь покрытого вырезанными из толстой кожи накладными узорчатыми ромбами. Под каждым таким ромбом на мех были нашиты по два треугольника тонкой красной кожи, а закрепленные поверх них ромбы были покрыты листовым золотом (табл. ХСVI, 3). Найденные в 1948 г. в том же кургане еще несколько подобных же лоскутов с орнаментом из ромбов, а также лоскут кожи, сшитый в виде чепца, позволили Н. В. Исаченко восстановить головной убор, который я считаю женским (табл. XXVI, 4). Выяснилось также, что украшение из вырезанных из кожи петушков, которое я рассматривал как „диадему“, является частью этого же убора (табл. XXVI, 1). Последний представляет собой род чепца из двойной тонкой кожи, покрытого мехом черного жеребенка; к нему пришиты четыре сшитые между собой полосы такого же меха, с орнаментом из ромбов, прикрывающие плечи и верхнюю часть спины. Вверху в виде венчика было нашито упомянутое выше украшение из петушков. Украшение это, найденное в восточной, головной части колоды, заслуживает особого описания.

На войлочном, обтянутом тонкой кожей жгута (диам. 6 мм) закреплены на расстоянии 2 см один от другого десять фигурок петушков. Вырезаны они из толстой кожи, с головой, повернутой назад, с приподнятыми вверх крыльями и хвостом. На лицевой стороне этих фигурок, помимо силуэтного оформления, детали головы и крыльев выполнены резьбой. Нижняя часть кожи — основание фигурок — продольным разрезом расслоена на две половины. Половины эти, по нижнему краю фестончатые, с двух сторон охватывают жгут, на котором они закреплены сухожильными нитками. Таким же способом расслоены на две половины и крылья (табл. XXVI, 3). В результате из куска плоской, но толстой кожи получены скульптурные фигурки. Все петушки повернуты головой в одну сторону. По нижнему краю жгута пришиты спускающиеся вниз подвески из меха соболя с значным орнаментом на наружной их поверхности, составленного из кусочков белого и окрашенного в синий цвет меха горноста, из кусочков коричневой кожи, с меховой бахромой синего цвета (табл. XCI, 3).

Не менее оригинален головной убор, снятый с головы женщины из пятого кургана. Весь он деревянный, довольно плоский (высота 6.8 см), яйцевидной формы, в точности отвечающей размерам и форме головы женщины, с плоским верхом. Выделан он из цельного куска дерева (кедра), только по бокам врезаны две дощечки, слегка прикрывающие уши. В этой деревянной шапочке проделано шесть круглых отверстий диаметром от 13 до 18 мм; два сзади на затылке, два сверху над венечным швом черепа и два над стреловидным швом. В последние продеты две пряди волос, косички (табл. XXVI, 2).

Врезные (над ушами) дощечки посажены на деревянные клепки и закреплены на месте сухожильной ниткой. Сверху головной убор прикрыт лоскутом кожи, вырезанным точно по форме его донца. На головном уборе этот лоскут закреплен крученой сухожильной ниткой вместе с двумя помещающимися на темени, вырезанными из дерева и оклеенными тонкой материей полыми цилиндрами.

Этот головной убор с прической, которую опишем ниже, представлял одно целое.

В кургане втором сохранились части по крайней мере трех различных поясов. Никаких данных для решения вопроса, мужские или женские эти пояса, мы не имеем. Все ременные пояса, для прочности или с орнаментальной целью (вернее — и то и другое), сплошь прошиты тонкой крученой сухожильной нитью, стежками 1.5—2 мм один от другого, что придает ремню вид ткани.

Часть пояса (длина 55 см, ширина 4.5 см), конец которого представлен на табл. XXVII, 8, по краю обшит тройными стежками сухожильной нити, обернутой узкой полоской оловянной фольги так, что стежок от стежка находится на расстоянии 4 мм. Наружная поверхность пояса покрыта накладным узором из ременного жгутика, обшитого, как и края пояса, сухожильной нитью, обернутой полоской той же оловянной фольги. В ячейках узора, напоминающих по форме запятую, и на конце пояса, вверху и внизу, парой стежков приметаны вырезанные из кожи такие же запятые, оклеенные золотыми пластинками. Мотив узора — гирлянда вьющегося растения.

Другой пояс технически выполнен так же, как и описанный выше. Ремень простеган крученой сухожильной нитью, края обшиты тройными стежками такой же нити, обернутой полоской оловянной фольги. Таким же способом выполнен и накладной узор. Орнамент его — ромбы, внутри которых повторяющаяся комбинация из треугольников и изображения вроде „запятых“; по краям в полуромбах „подковки“. Внутри ячеек, имеющих форму запятых, треугольников и подковок, приметаны соответственные кожаные фигурки, покрытые золотыми листками (табл. XXVII, 1).

Особенность этого пояса — наличие серебряных орнаментальных блях и подвесных ремней. Один из этих ремней, узкий (13 мм), продет в отвер-

стие внутри бляхи, у ее нижнего края, и сквозь пояс, а другой, более широкий (ширина 24 мм, длина 22 см), продет в специально прорезанное отверстие в поясе рядом с бляхой. И эти подвесные ремни прошиты сухой нитью и окаймлены такой же обшивкой, как и основной ремень пояса. На закругленном нижнем (наружном) конце широкого подвесного ремня небольшое круглое отверстие, а на конце второй узкой (внутренней) его половины — ременная петля, продевающаяся в упомянутое выше отверстие. Ремни эти, несомненно, служили для подвешивания горита, кинжала, ножа в футляре или короткого меча типа акинака.

Серебряные бляхи этого пояса заслуживают особого внимания. Обе они (размером 43×46 мм) литые, с рельефным изображением одной и той же сцены нападения льва или львицы на горного козла. Изображение на второй бляхе является обратным, зеркальным изображением первой, — следовательно, это парные бляхи одного и того же пояса, хотя они и были найдены порознь (табл. XXVII, 1 и 2).

По борту бляхи идет ряд орнаментальных кружков с завитком; по углам четыре круглых отверстия для закрепления на поясе, а внизу — специальный прорез для продевания подвесного ремня. Горный козел осажен на зад, передняя его нога приподнята. Лев (или львица) присел на задние лапы, передние, как того требовала композиция, вскинуты вверх. Лев своей огромной пастью схватил мордочку козла, — деталь, известная нам по украшениям одного из седел кургана первого и узд курганов первого и четвертого. Характерная особенность самца козла, помимо типичного для него строения тела, подчеркнута особой формой рогов с рядами колец. Изгиб шеи льва подчеркивается „елочкой“, идущей от его темени по шее и спине. Непропорционально большая голова хищника крайне выразительна. Разинутая пасть с крупными складками, особенно на верхней губе; четко и рельефно выполнен глаз, условно — бровь; уши небольшие, львиные. Мускулатура тела как козла, так и льва подчеркнута традиционными кружками, запятыми и полуподковками. Любопытно, что эти полуподковки, кружки и запятые местами оконтурены хорошо различимым в лупу веревочным орнаментом, как бы в подражание нитяным контурам войлочных аппликаций. Рельефно отлитые бляхи эти окончательно отделаны чеканкой.

Помимо приема условного обозначения форм и деталей тела животных точками, запятыми и полуподковками, на данных бляхах следует обратить внимание еще на елочку, идущую от головы льва через все тело до конца хвоста, которую можно сопоставить с подобным же приемом для обозначения шерсти на теле львов в ассирийских барельефах. Поза льва с повернутой назад головой и выкинутыми вверх передними лапами аналогична той, какую мы видим на одной из золотых блях в изображении крылатого львиного грифона из Амударьинского клада.¹

¹ О. М. Dalton, ук. соч., табл. XI, № 28.

Часть третьего ремня (длина 43 см, ширина 2,7 см), также, вероятно, поясного, не имеет особых украшений (табл. XXVII, 9). На закругленном его конце узкая и длинная петля для затягивания. На расстоянии нескольких сантиметров от петли, близ нижнего края, в прорез продет узкий подвесной ремень. Украшением какого-то из поясов служила двойная подвеска из толстой кожи с кожаной же прокладкой на концах, покрытая снаружи красным лаком.

В том же втором Пазырыкском кургане найдены две серебряные лошадки, — по всей вероятности, подвесные украшения пояса. Одна из этих серебряных подвесок найдена на дне колоды (табл. XXVII, 6). Состоит она из двух склепанных половинок — одна рельефная, с изображением лошади, другая гладкая. Лошадь с великолепной, реалистически выполненной, вытя-

Рис. 71. Украшение на ремне — изображения петухов. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

нутой вперед головой с поджатыми ушами, с вытянутыми вперед ногами, как бы в прыжке. Грива подстрижена. Как и серебряные поясные бляхи, подвеска эта литая, с деталями, выполненными чеканкой. На крупе — полуподковки. На заднем конце — ушко для подвешивания.

Вторая лошадка из погребальной камеры (табл. XXVII, 7), в противоположность первой, отлита целиком, по размерам и форме она почти такая же, как и первая, некоторое отличие наблюдается только в деталях отделки. Головка лошади с поджатым ухом хорошо моделирована, грива подстрижена, вытянутые вперед ноги, как и у первой подвески, касаются конца морды, задние поджаты. На крупе нет той полуподковки, которую мы видим на первом изображении. Подвеска эта закреплена на конце длинного и узкого ремня, прошитого сухожильной ниткой и обшито по краю сухожильной же ниткой, обернутой узкой полоской оловянной фольги. На наружной поверхности ремня нашиты кожаные кружки, крытые золотым листком.

Между колодой и конусом мусора в центре камеры второго кургана найден толстый ремень (6×53 см), с наружной стороны обшитый тонкой кожей, поверх которой сухожильной ниткой нашиты вырезанные из кожи изображения петухов (рис. 71). Какое назначение этого ремня, был ли это пояс, или какая-либо перевязь, — мы не знаем. Интересны на нем изоб-

ражения петухов. Они вырезаны в низком рельефе из толстой кожи, голова, ноги и хвост резные, тело и гребень со сквозными орнаментальными прорезами. Стилистически эти ажурные петухи похожи на тех, что были наклеены на глиняном кувшине из того же второго кургана, — та же поза, форма тела и головы, тот же большой гребень с прорезами; но хвост распущен, а по туловищу вырезаны треугольники, точки и полуподковки. Все петухи были покрыты листовым золотом. Там, где листочки золота сохранились, они вместе с кожаными фигурками петухов прихвачены нитками при нашивке на ремень, — следовательно, они были покрыты листовым золотом до нашивки.

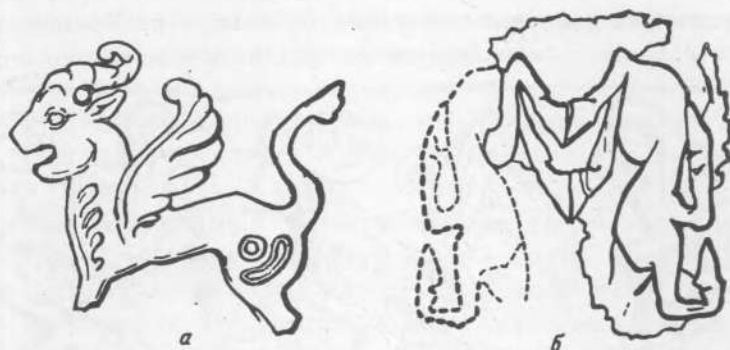

Рис. 72. Медные штампованные украшения. (Натур. вел.). Курган второй.
а — львиный грифон; б — одени.

Очень интересны бронзовые поясные украшения, именно обоймы из рядовых погребений в Араголе и под г. Бийском, сквозь которые продевался ремень. Обойма из второго Арагольского кургана (табл. XXVII, 11) имеет только прорезы, а обойма из кургана под Бийском (табл. XXVII, 5), служившая, повидимому, пряжкой, имеет на лицевой стороне ажурное изображение козла с вывернутым задом. Точно такая же, как и в Араголе, бронзовая обойма найдена С. В. Киселевым в кургане у с. Туэты.¹

В описании одной из сумок из кургана второго мы уже познакомились с украшением ее медными, крытыми золотом, нашивными фигурками гусей (рис. 48). В той же технике выполнены штампованные из тонкого медного листка, крытые золотом украшения, найденные в значительном количестве в том же втором кургане. Точное назначение их установить не удалось, но в большинстве они, по всей вероятности, украшали одежду. Эти последние были двух типов: двусторонние — из двух пластинок и односторонние — из одной пластинки. Украшения из двух пластинок, скрепленных между собой смолой, представлены фигурками летящих птичек и фигурками крылатого и рогатого львиного грифона (рис. 72, а). У послед-

¹ С. В. Киселев. Алтай в скифское время. Вестник древней истории, 1947, № 2, стр. 166, рис. 52.

него крылья приподняты кверху и концами направлены вперед. На голове с открытой пастью рога с шариками на концах, — как это было принято на подобных изображениях львиного грифона в ахеменидской Персии. Хвост с типичной кисточкой на конце приподнят кверху. На задней ноге рельефно выступает характерная комбинация — точка с полуподковкой, на плече — запястье.

Среди деревянных резных подвесных украшений узды и нагрудного ремня из кургана первого мы увидим значительное количество геральдически сопоставленных грудь к груди или распластанных изображений оленей и лосей. Подобные же изображения, но медные, штампованные, найдены и в камере второго кургана. Это, во-первых, медная, плохо сохранившаяся пластинка с изображением пары оленей или лосей (рис. 72, б) и, во-вторых, часть какой-то сложной композиции — пластинка с изображением двух баранов (рис. 73). У верхнего края этой последней пластинки с одной ее стороны сохранился привязанный ремешком вырезанный из толстой кожи фрагмент какого-то другого украшения, похожего на изображение части крыла.

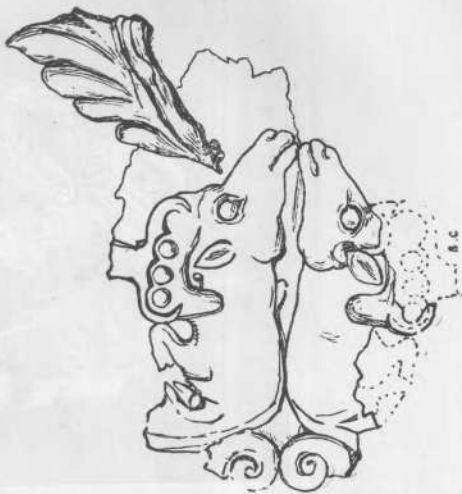

Рис. 73. Медная подвеска. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Очень интересны штампованные медные, крытые золотым листком, ажурные композиции из геральдически сопоставленных фигур козлов (рис. 74), точнее передних половин этих животных, и фигур орлиных грифонов (рис. 75).

Головы козлов с разинутым ртом, большими стилизованными ушами и круто загнутыми рогами переданы хотя и в условной манере, но достаточно выразительно; тела же, за исключением приподнятых ног, выполнены крайне схематично. Гривы, не свойственные этим животным, обрамляют их фигуры от ушей до нижнего края пластины и имеют декоративный характер.

Более полна и своеобразна композиция дерущихся орлиных грифонов. Передние лапы у них птичьи, задние же — когтистые, тигровые, как и вся задняя половина их тела с типичным, загнутым на конце кошачьим хвостом. Обе фигуры изогнуты и поставлены клюв против клюва, когтистые лапы — против таких же когтистых лап. Головы, уши, форма тела и мускулатура — все передано в условной манере, включая точки, запястья и полуподковки на передней и задней части тела. В том же своеобразном стиле переданы гребни-гривы. Не лишне отметить кольчатость кошачьих хвостов, — такую же,

какую мы увидим в изображениях фантастических животных на татуировке вождя из второго кургана. Уже при первом взгляде на эти две пластины становится ясно, что перед нами мотивы, прошедшие длинный путь исторического развития, прежде чем они получили такое своеобразное и стилистически тщательно проработанное оформление.

Ближайшую аналогию последней пластине можно видеть в композиции дерущихся львов на нижней части золотых ножен из Литого кургана¹ или в бронзовом украшении с Таманского полуострова.² Не так часто встречаю-

Рис. 74. Медная штампованная пластина.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

щаяся в искусстве причерноморских скифов композиция эта хорошо известна на древних переднеазиатских цилиндрах и печатях.³

Такие медные штампованные, крытые золотым листком пластины — украшения одежды — мы знаем и из рядовых погребений. В качестве примера укажем на головки сайги на одежде из седьмого Пазырыковского (табл. ХCVIII, 3) и из второго Арагольского курганов (рис. 76, а), на квадратные рельефные медные пластинки из кургана восьмого Пазырыковского (рис. 76, б).

Рассматривая одежду и украшения, нельзя обойти вопрос о прическах.

Как мужские, так и женские головы во втором и пятом Пазырыкских курганах, где они относительно хорошо сохранились, все в большей или меньшей степени бритые. Голова женщины из кургана второго обрита

¹ Е. Придик. Мельгуновский клад. Материалы по археологии России, 1911, № 31.

² М. Rostovtzeff. The animal style in South Russia and China. 1929, табл. 6, рис. 5.

³ Для примера можно указать на хеттский цилиндр второго тысячелетия до н. э., где изображены борющиеся львы и сфинксы с приподнятыми лапами. См.: W. H. Ward. Cylinders and other ancient oriental seals. 1920, табл. V, 24, VII, 49.

целиком. Мужская голова из того же кургана была обрита спереди. Были ли оставлены волосы на затылке, не известно, так как с этой головы был снят скальп. На бритых головах из кургана пятого у женщины волосы были оставлены на небольшом участке только на макушке, у мужчины на затылке.

Рис. 75. Медная штампованная пластина. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Сбривание волос на голове погребенных, возможно, было обусловлено трепанацией черепа для извлечения мозга. Последнее тем более вероятно, что вместе с головой погребенной во втором кургане женщины была найдена и ее коса (табл. XXVIII, 1). Вверху коса эта была закручена в узел, с войлочным комком внутри, и пропитана какой-то клейкой массой. От этого узла она разделялась на две пряди, которые вместе с войлочными жгутами были спиралью закручены и перевязаны ремешками. Кроме того, эти две косички были обвиты специально сплетенной войлочной бахромой (табл. XXVIII, 2, 3). На концы косичек были надеты двойные кружевные наконечники. Коса этой женщины, повидимому при снятии с нее украшений, была перерублена на несколько частей.

Волосы женщины из кургана пятого, оставленные на макушке, были также разделены на две пряди — переднюю потоньше и заднюю потолще.

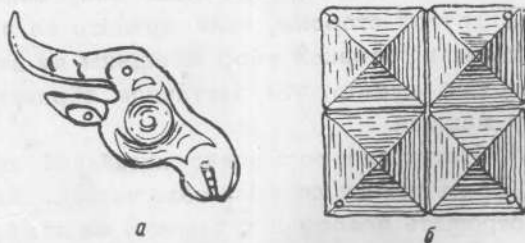

Рис. 76. Медные штампованные украшения. (Натур. вел.).

а — головка сайги, второй Арагольский курган; б — квадратика, восьмой Пазырыкский курган.

Затем эти две пряди были в свою очередь разделены на три пряди каждая и заплетены в две косички, после чего продеты в два круглые отверстия в деревянном головном уборе. Затем ими обмотана искусственная коса из конского волоса. Эта последняя коса состоит по крайней мере из двенадцати жгутиков, скрученных из двух прядей черного конского волоса, обвитых и прошитых крученой шерстяной ниткой. После того как две косички женщины были обмотаны вокруг приставной косы, они в несколько рядов были обвиты, а затем и завязаны двумя узкими полосками толстого белого войлока (табл. XXVI, 2). Для того чтобы прическа вместе с приставной косой не распалась, в образовавшийся таким путем узел спереди назад была вставлена железная булавка. К концу искусственной косы, кроме того, была привязана крученой шерстяной ниткой еще подвесная коса из волос этой же женщины, длиной 37 см, причем собственно волосы имеют длину всего 25 см. Эта последняя коса состоит из двух прядей волос и трех мягких из крученых шерстяных ниток шнуров, переплетенных вместе в три пряди, завязанные узлом вверху и внизу.

Вместе с зеркалом и другими туалетными принадлежностями в кургане втором был найден железный стержень с развилкой на конце. Еще до раскопок пятого кургана я высказал предположение, что его можно рассматривать как головную булавку. Теперь, после того как совершенно такой же (но обломанный) железный стержень мы нашли в прическе женщины из пятого кургана, с большей уверенностью можно утверждать, что вильчатый железный стержень и из второго кургана не что иное, как головная булавка (табл. XXIX, 7).

Остается все же не совсем ясным, было ли сбривание волос с головы, хотя бы и частичное, обычным или связанным с погребальным ритуалом. С другой стороны, если принять во внимание то обстоятельство, что прическа и головной убор женщины из пятого кургана составляли одно целое, можно думать, что частичное сбривание волос с головы было в обычае у женщин.

Интересно сообщение китайской хроники о том, что у племени ухуань: „Брить голову считают облегчением. Женщины перед замужеством начинают отращивать волосы и разделяют на два пучка; накладывают головной убор“...¹

Бритье головы было в обычае и у мужчин. Особый интерес представляет сообщение Геродота о ближайших соседях горноалтайских племен, аргиппеях, обитателях подножья высоких гор, о которых „говорят, что все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения“.²

Возвращаясь к женским прическам, следует отметить, во-первых, сложное их устройство, во-вторых, вплетение в косу жгутов, войлочных и из конского волоса, и использование искусственных добавочных кос. С дру-

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 143.

² Геродот, ук. соч., IV, 23.

гой стороны, прически женщин из кургана второго и пятого настолько существенно между собою различаются, что можно уверенно говорить о их происхождении из различных племенных групп.

Бороду и усы мужчины, повидимому, либо сбривали, либо выщипывали, но вместе с тем, по крайней мере некоторые из них, носили подвесные бороды. В кургане втором под головой мужчины найдена подвесная борода из человеческих волос, в виде бахромы, нашитой на ремennую полосу, с ремешками для подвязывания (табл. XXVIII, 4, 5). Борода эта была выкрашена в интенсивно черный цвет, так что местами краска попадалась в ней целы-

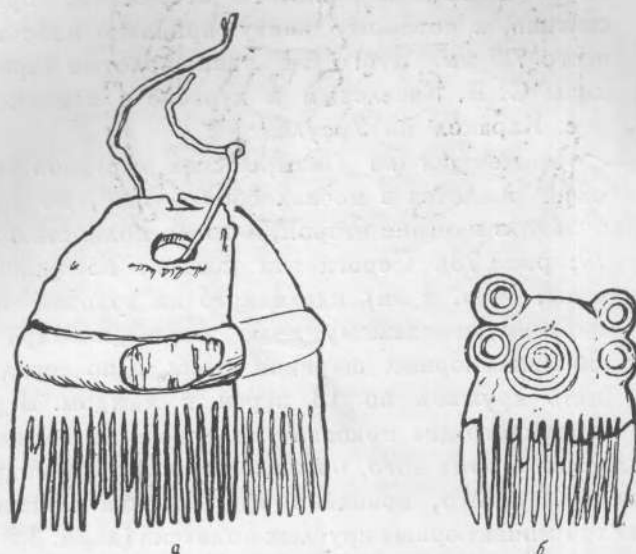

Рис. 77. Гребни роговые. (Натур. вел.).
а — из кургана второго; б — из кургана под г. Бийском.

ми кусками; после же промывки волосы оказались темнокаштанового цвета.

В связи с этой подвесной бородой не лишне будет обратить внимание на человеческие лица в подвесках одного из седел кургана первого (табл. XLIV). Хотя эти изображения, может быть, и не следует рассматривать как портретные, тем не менее нельзя не обратить внимания на отсутствие усов и наличие окладистых бород.

Волосы расчесывались гребнем. Таких гребней нам известно два. Один был найден в кургане втором (рис. 77, а). Сделан он из рога и имеет неправильную дугообразную форму. Одна его сторона гладкая, другая с рельефным поперечным валиком выше зубцов. У верхнего края овальное отверстие, в которое продет узкий ремешок, один край обломан. Другой гребень, изображение которого мы здесь приводим (рис. 77, б), — из моих раскопок курганов под г. Бийском, того же примерно времени, что и

Пазырыкские курганы. Это миниатюрный роговой гребень очень тонкой работы, с мелкими зубцами. Помимо орнаментальных кружков по бокам ручки, интересна тонко прочерченная спираль в центре ручки.

Женщины и мужчины носили серьги. У мужчин из обоих курганов, второго и пятого, в мочке только одного уха видно отверстие для серьги. Следовательно, мужчины носили, повидимому, только одну серьгу, в левом ухе. Обе эти серьги из Пазырыкских курганов похищены, но одна такая серьга сохранилась в рядовом арагольском захоронении (табл. XXVII, 3).

Она представляет собою незамкнутое кольцо, диаметром около 16 мм, из золотого стерженька прямоугольного сечения, к которому внизу припаяно колечко диаметром всего 7.5 мм. Этого же типа золотые серьги были найдены С. В. Киселевым в кургане с каменной наброской у с. Каракол на Урсуле.¹

Рис. 78. Серьга золотая. (Натур. вел.). Курган второй.

У женщин из Пазырыкских курганов отверстия для серег имеются в мочках обоих ушей, но серьги уцелели только в кургане втором, и то не полностью (табл. XXVII, 10; рис. 78). Серьги эти состоят из цилиндра (высота 6 мм, диам. 8 мм), сделанного из золотой пластины. По верхнему и нижнему краю этого цилиндра припаяно по 36 миниатюрных шариков зерни, а по середине цилиндра пять кружков по 13 зерен в каждом. В центре слегка выпуклого дна припаяно колечко и на нем висит центральная большая подвеска. Кроме того, по нижнему краю цилиндра, на равном расстоянии один от другого, припаяно три колечка меньших размеров, на которых висят три миниатюрных круглых подвески (диам. 3.5 мм) со сплошным доньшком, заполненных голубой пастой. К нижнему краю этих круглых подвесок припаяны пирамидки из четырех шариков зерни. Большая центральная подвеска в поперечном разрезе квадратная и состоит из четырех одинаковых, книзу расширяющихся перегородчатых пластин, заполненных внутри голубой пастой, как бы имитирующих изображение мухи.

Внизу каждой пластины колечко, на котором висит еще одна подвеска. Последняя состоит из полулуния, под которым висит продолговатая пластинка, разделенная двумя полукруглыми перегородками на четыре ячеек, заполненные в свою очередь также голубой пастой. Для подвешивания этих серег служило, несомненно, незамкнутое кольцо и найденная нами гофрированная розетка-колпачок с круглым отверстием в центре и ячейками по наружному краю, заполненными синей и красной пастой.

В предварительном сообщении о результатах раскопок второго Пазырыкского кургана в 1947 г. о находке нижней подвески этих серег, по ряду

¹ С. В. Киселев, ук. соч., 1935, стр. 102, рис. 17.

соображений, мною было высказано предположение, что она передне-азиатского происхождения. Теперь, когда имеются почти полные экземпляры этих серег и притом с мельчайшей, искуснейшим образом изготовленной украшающей их зернью, это предположение становится еще более вероятным. По технике выполнения они имеют много общего с золотыми украшениями знатной женщины ахеменидского времени, погребение которой было открыто Морганом в Сузах. Ее серьги украшены совершенно такой же перегородчатой эмалью. Такой же зернью украшены золотые оправы подвесок ожерелья.¹

Серьги из второго кургана при жизни погребенной были частично повреждены. Одна из нижних подвесок была поломана и утрачены две верхние ее части. К уцелевшей части припаяно колечко, на котором она и

Рис. 79. Шейная гривна. (Реконструкция). Курган второй.

повешена на свое место. У другой подвески обломано ушко; после предварительной обмотки подвеска эта прикреплена к серьге тонкой просмоленной сухожильной нитью.

Следовательно, если в Горном Алтае не было ювелирных дел мастеров, столь искусных, чтобы изготавливать такие серьги, то во всяком случае были мастера, которые умели их ремонтировать.

Браслетов в раскопанных курганах не найдено, но они, несомненно, были, по крайней мере в кургане втором, и притом как ручные, так и ножные. Из Горного Алтая нам известны только простые, согнутые из медных прутьев, браслеты из Кумуртука, в низовье р. Чулышмана, в 10 км от впадения этой реки в Телецкое озеро.²

Чрезвычайно интересна шейная гривна, найденная по частям в саркофаге-колоде и в камере второго Пазырыкского кургана (рис. 79). Когда в 1947 г. в головной части колоды, вместе с вырезанными из дерева и покрытыми золотом фигурками оленей и ушастых грифов, была найдена

¹ De Morgan. *Délégation en Perse*. 1905, VIII, сер. 3, табл. V, рис. 3 и 4; стр. 50, табл. VI, рис. 78; стр. 49, рис. 77.

² С. В. Киселев, *ук. соч.*, 1949, табл. 30.

головка рогатого львиного грифона, я предполагал, что все они являются украшением диадемы. Дополнительные находки 1948 г. показали, что мы имеем дело с шейной гривной. Хотя она сильно повреждена грабителями, но может быть полностью восстановлена. Она представляет собою изогнутую в кольцо полую медную трубку, в свободные концы которой вставлены вырезанные из дерева и рога и затем покрытые золотом рельефные композиции из серии трех, стоящих один за другим, крылатых и рогатых львиных грифонов, с приставными головками в круглой скульптуре. Форма тела львиных фигур проработана скупом, лапы и крылья в хорошо уже известной нам по другим изображениям условной манере. Характерна поза лежащих зверей с приподнятой головой и загнутым кверху львиным хвостом с кисточкой. Приподнятый хвост, уравнивающий всю фигуру, и направленные вперед крылья воспроизведены так, как и у знакомой уже нам стоячей фигурки львиного грифона из того же второго кургана. Передние лапы с пальцами выполнены более реалистично, задние схематично. Скульптурных головок найдено две, обе они несколько повреждены, но вполне восстановимы (табл. XXIX, 1 и 2). Головки эти со слегка приоткрытой пастью, небольшим носиком, с верхней губой в двух складках. Лицо плоское с высоким прямым лбом. Круглые, четко вырезанные глаза. Хорошо моделирована нижняя челюсть. Длинные и острые уши, с традиционным завитком у основания, своими верхними концами касаются низких кольчатых рогов, концы которых приподняты кверху и заканчиваются шариками.

Ближайшую аналогию этим изображениям грифонов можно видеть в золотом лежащем львином грифоне из Амударьинского клада.¹ Как и на Алтае, головка выполнена в круглой скульптуре. Та же слегка приоткрытая пасть с маленьким носиком, со складкой на верхней губе, та же мордочка, такие же глаза, несколько более длинные кольчатые рога с шариками на концах; острые уши с таким же завитком у основания. Тело амударьинского грифона выполнено также в плоском рельефе, но поза другая. Приподнятый сверху хвост с кисточкой на конце и крылья по форме по существу те же. При сходстве в основных чертах изображений сопоставляемых грифонов изображение грифона из Амударьинского клада чрезвычайно осложнено дополнительными орнаментальными мотивами и проработкой мельчайших деталей. Если бы шла речь о первоисточнике, то за исходную форму можно было бы принять пазырыкского грифона, а не амударьинского.

Аналогичная шейная гривна была найдена С. В. Киселевым в том же кургане близ с. Каракола на р. Урсуле, где обнаружены и упоминавшиеся выше золотые серьги.² Эта гривна состояла из бронзовых, рубчатых сна-

¹ О. М. Dalton, ук. соч., стр. 86, рис. 50.

² С. В. Киселев, ук. соч., 1935, стр. 102, рис. 16.

ружи трубочек, плотно связанных пропущенным внутрь ремнем. Концы гривны были украшены вырезанными из дерева головками львов. Как сама гривна, так и деревянные головки львов были покрыты листовым золотом. В этих приставных головках на концах гривны особый интерес представляет воспроизведение львиной гривы особыми завитками, с которыми мы неоднократно будем встречаться и в других изображениях львов.

Раковины *Супраеа moneta* (табл. XXVII, 4), бусы и бисер (табл. XCIX) в качестве украшений, повидимому, употреблялись в незначительном количестве. Помимо белых мраморных цилиндрических бус, которые обычны и в богатых, и в рядовых погребениях, бусы были найдены во втором, пятом и шестом Пазырыкских курганах, а бисер только во втором. Раковины *Супраеа moneta* правильнее рассматривать не как украшения, а как амулеты, так как в курганах они обычно находятся в единичных экземплярах.

Несмотря на то, что бусы малочисленны, они весьма разнообразны. Круглые темносиние стеклянные бусы (диам. 5—7 мм) найдены и во втором и в шестом курганах; стеклянная же, но продолговатая, с двумя пере хватами, голубая бусина — в кургане шестом; голубая, но из стекловидной пасты бусина — в кургане втором; большие (длина 14 мм) бочковидные стеклянные бусины голубого цвета с синими прослойками и красным ободком — в том же кургане; желтые пастовые круглые бусы найдены в кургане шестом. В том же кургане сохранилось 7 штук плоских, биконических (диам. 7—8 мм) оранжевых сердоликовых. Бусина из темнооранжевого сердолика из кургана второго больших размеров (диам. 13 мм), уплощенной формы, с десятью (по пять с каждой стороны) гранями и двумя пятиугольными, верхней и нижней, площадками, с биконически высверленной дырой.

Единственная найденная в кургане пятом между плах пола камеры (очевидно, оброненная грабителями) бирюзовая бусина — продолговатая (длина 16 мм), шестигранная, утолщена посередине и сужена к концам; цилиндрические бирюзовые бусы найдены в 1950 г. и во втором Башадарском кургане на р. Караколе (табл. XCIX).

Бисер, как уже было отмечено выше, найден только в кургане втором. Оттуда мы имеем нити очень мелкого прозрачного стеклянного бисера вишневого цвета и нити черного, стеклянного же, бисера, несколько более крупного. Нанизан бисер на тонкие крученые шерстяные нитки. Нити с черным бисером на концах завязаны узелком. Стеклянным бисером, как мы уже видели, были расшиты подошвы нарядных женских полусапожек. Голубым и фиолетовым бисером был украшен также футляр одного из зеркал второго кургана. Бисер и бусы привозные, по всей вероятности из Средней Азии.

✓
Помимо украшений, которые надевали в уши, на руки и, возможно, на ноги, на Алтае в рассматриваемое время практиковалась и татуировка тела.

Татуировка, обнаруженная на теле вождя, погребенного во втором Пазырыкском кургане, была одним из замечательных открытий экспедиции 1948 г.

Татуировка эта сохранилась не целиком.

Плохо сохранилась татуировка, особенно в левой ее части, на груди мужчины, захороненного во втором кургане. Здесь кожа и мышечная ткань были разрушены. Между тем здесь, над сердцем, была изображена передняя часть туловища, точнее голова (основной фигуры во всей татуировке) львиного грифона или какого-нибудь другого фантастического зверя. Туловище зверя проходило под левой рукой мужчины, а над левой лопаткой была изображена задняя его половина с длинным, приподнятым вверх и спирально завитым хвостом со змеиной или птичьей головкой на конце (рис. 80 и 81). Хотя передняя часть и голова зверя не сохранились, а передние лапы сильно деформированы, о голове можно составить представление по аналогичным изображениям на правой руке или на правой ноге внизу. Особенно хорошо, за исключением участка на плече, сохранилась татуировка правой руки, покрывающая ее полностью, начиная от плеча до кисти. В развернутом виде эта татуировка представлена на рис. 82. Внизу изображение кулана или осла с вывернутым задом; на одном с ним уровне изображение фантастического крылатого зверя с кошачьим хвостом; выше — горный баран с вывернутым задом, затем в той же позе олень с орлиным клювом, длинными рогами, отростки которых заканчиваются птичьими головками, птичьей же головки изображены вдоль по шее и на конце длинного хвоста; над оленем снова изображение клыкастого хищника, но уже не крылатого, а подобного тому, который изображен на левом боку; наконец, на плече опять изображение оленя с вывернутым задом, рогами с птичьими головами и длинным хвостом, на конце которого такая же птичья головка.

Татуировка на левой руке сохранилась хуже (рис. 83) и, насколько удалось установить, состояла из трех самостоятельных изображений, которые представляют собой фигуры двух оленей и одного горного барана, с подогнутыми в прыжке передними ногами, вывернутым задом и приподнятыми вверх задними ногами. Самое интересное и лучше других сохранившееся — среднее изображение оленя.

Хорошо разобрана татуировка на правой ноге (рис. 80). Левая нога была сильно порублена грабителями, и уцелевшие участки ее татуировки не дали возможности полностью восстановить ее рисунок. Основное изображение на правой наружной стороне голени, от коленной чашечки до щиколотки, — рыба. Ниже рыбы, на стопе, от верхней ее поверхности под внутренним

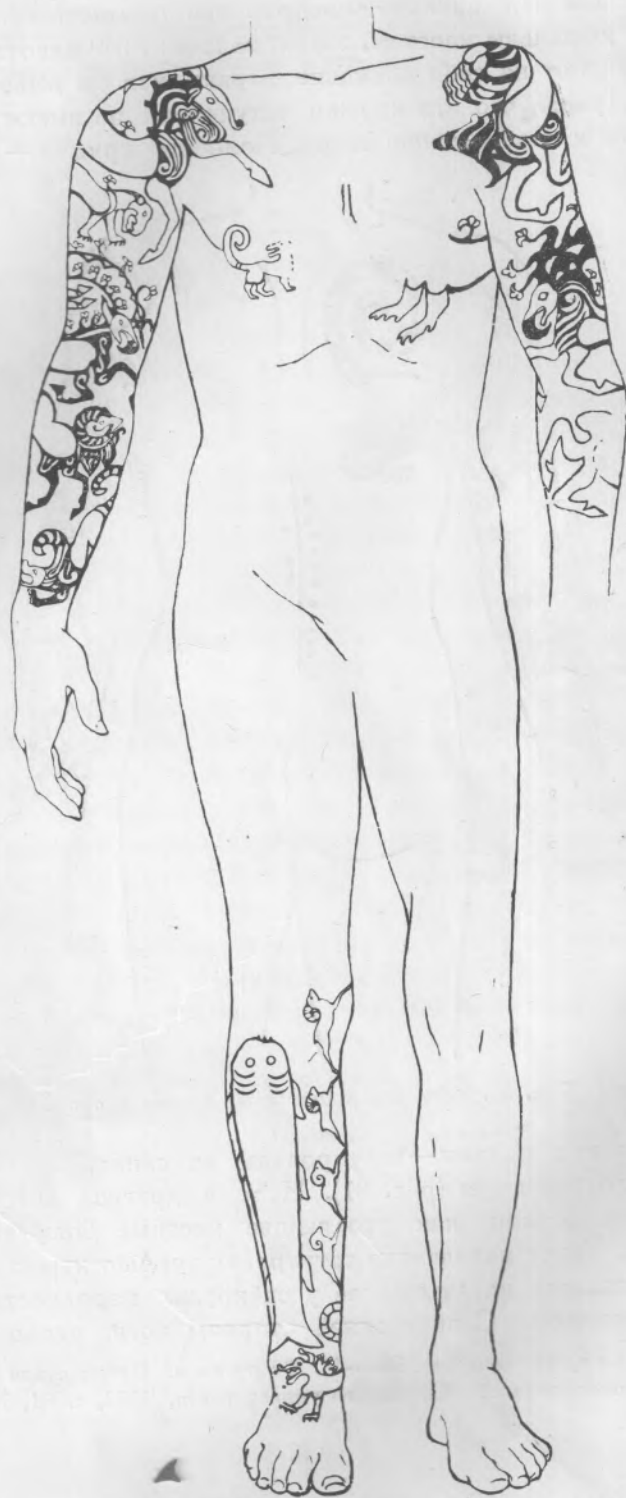

Рис. 80. Татуировка мужчины. Курган второй.

мышелком и сзади над пяткой — изображение фантастического клыкастого и рогатого, с кошачьим хвостом, зверя; на шее этого животного три птичьих головки. Обращают на себя внимание шарики, как бы вылетающие изо рта этого зверя. Думаю, что эти кружки татуировки не имеют непосредственного отношения к изображению зверя. Подобные кружки — одним длинным

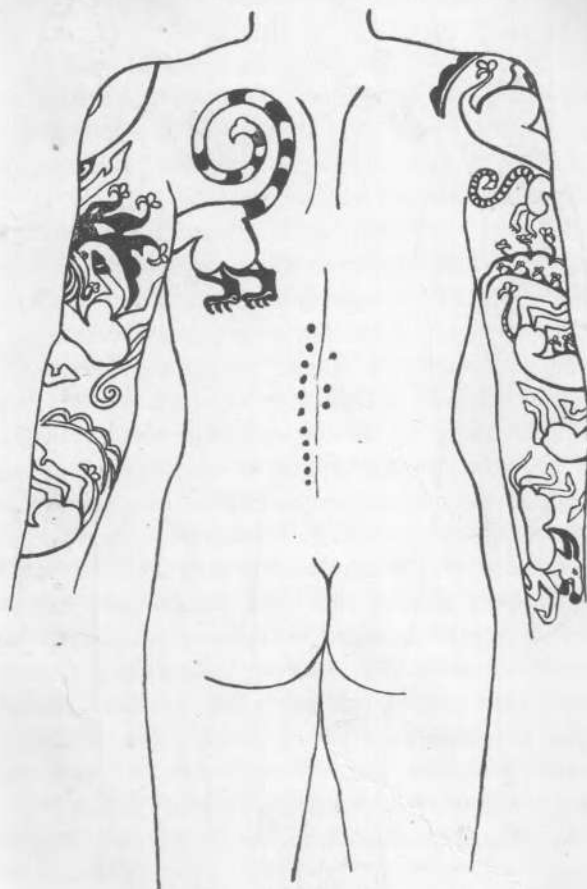

Рис. 81. Татуировка мужчины. Курган второй.

и другим коротким рядами — татуированы на спине, по обеим сторонам позвоночника до поясицы (рис. 81). И те и другие нанесены, вероятно, с медицинскими целями, как утоляющие местные боли того или иного происхождения. Такое назначение татуировки хорошо известно этнографам, и мне лично довелось наблюдать ее у сибирских народностей, в частности у хантов и эскимосов.¹ С внутренней стороны ноги, вдоль голени, парал-

¹ П. С. Паллае, ук. соч., стр. 54. — Н. Сорокин. Путешествие к вогулам. Труды Общества естествоиспытателей Казанского университета, 1873, т. III, № 4. — С. И. Ру-

дельно изображению рыбы, изображены в ряд четыре мчащихся горных барана или козла, с вытянутыми ногами. Фигуры этих баранов ногами

Рис. 82. Татуировка на правой руке мужчины. Курган второй.

Рис. 83. Татуировка на левой руке мужчины. Курган второй.

Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии, 1929, т. IV, вып. 2, стр. 16, 17. — С. И. Руденко. Татуировка азиатских эскимосов. Советская этнография, 1949, № 1, стр. 149.

касаются друг друга и представляют собой единую динамичную композицию. Выше этой группы имелось еще одно недостаточно выясненное изображение присевшего рогатого и крылатого зверя с длинным хвостом, заканчивающимся птичьей головкой.

Описанная выше татуировка могла быть выполнена либо прошиванием кожи, либо нанесением уколов с введением глубоко под кожу черного красящего вещества, по всей вероятности сажи. Прием накалывания более вероятен, чем прошивания, хотя алтайцы в это время имели тончайшие иглы и нитки, с помощью которых могли пользоваться и последним приемом. При изготовлении одежды исключительно тонкие беличьи и собольи шкурки, как мы видели, с внутренней стороны прошивались сплошными рядами чрезвычайно мелких стежков. При этом сухожильной ниткой захватывался только самый поверхностный слой кожи, нигде не переходя на наружную, покрытую волосом шкуру. Значительная глубина проникновения красящего вещества в тело позволяет думать, что татуировка была выполнена не прошиванием кожи, а путем наколов. Несомненно также, что она производилась задолго до смерти этого престарелого вождя, возможно, еще в молодости. Дело в том, что он был тучным, с сильно развитой подкожной жировой клетчаткой. Обильный слой жира, непосредственно залегающий под кожей, не был окрашен, между тем мышцы под ним, на участках непосредственно под татуировкой, были интенсивно окрашены в черный цвет. Во время татуировки вождь если и не был худ, то во всяком случае был не так тучен, как перед смертью.

При жизни человека татуировка, выполненная сажой или черной краской, как и всегда, на белой коже имела голубой, синеватый цвет, а на смуглой коже — темносиний. В момент открытия тела она была почти черного цвета на коричневом фоне кожи.

Каково же было назначение этой татуировки?

В интересующее нас время татуировка у различных народов имела многообразное назначение. По сообщению Геродота, у фракийян „порезы на коже означали благородное происхождение; не имеющий их — не благороден“.¹ Как повествует Ксенофонт, у сыновей богатых моссиник „спины были разрисованы, а передняя часть тела татуирована цветами“.² По свидетельству Помпония Мелы, агафирсы „разрисовывали свои лица и тела более или менее, смотря по степени благородства“.³ Позже этот обычай отмечен у динлинов и у наследовавших им кыргызов, у которых татуировка была привилегией храбрейших.⁴ В античной древности рабы носили на

¹ Геродот, ук. соч., V, 6.

² Ксенофонт. Анабазис, V, 4, 32.

³ Помпоний Мела. Землеописание, кн. II, 4, 32.

⁴ Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. 1926, т. II, стр. 354.

теле выполненное татуировкой имя своего хозяина. Более того, Геродот рассказывает, что во времена Дария Гистаспа татуировкой пользовались для конспиративной переписки.

К Аристагору — тирану Милета — „из Суз от Гистияэ пришел раб с исписанной головой, указуя на то, что Аристагору следует восстать на царя. Желая дать знать это Аристагору, Гистияэ, вследствие того, что дороги охранялись стражей, мог сделать это безопасно только следующим образом: вернейшему из рабов он сбрил волосы на голове и исписал ее уколами, потом дал волосам отрасти. Как скоро волосы выросли, он отослал раба в Милет с единственным поручением: по прибытии на место предложить Аристагору обрить его и осмотреть голову, а уколы на голове приглашали, как сказано, к возмущению“.¹

Таким образом татуировка вождя из второго Пазырыкского кургана, вероятнее всего, отмечала его знатное происхождение или его мужество, может быть и то и другое вместе. С другой стороны, не случайно изображение на груди в области сердца львиной или грифоновой головы — основной фигуры во всей татуировке. Кроме того, большинство остальных изображений — звери фантастические, концентрирующие в себе признаки тигра, оленя и орла, змеи (ее головка на конце хвоста). Все эти изображения могли иметь какое-то магическое назначение, для нас пока неясное, возможно были апотропеи. Однако, наряду с этими изображениями, наличие в татуировке ряда бегущих горных баранов как бы указывает на то, что на данном этапе развития горноалтайского общества татуировке могло придаваться уже и чисто декоративное назначение.

Следует отметить, что на наличие татуировки у племен Ближнего Востока и Восточной Европы имеются некоторые указания. По сообщению Гиппократ, „вся масса скифов, сколько ни есть их кочевников, прижигают себе плечи, руки и кисти рук, груди, бедра и чресла, но не для чего иного, — объясняет знаменитый врач, — как из-за слабости и вялости, чтобы быть энергичнее“.² О царских скифах Геродот писал, что они „делают себе на руках порезы“ в знак печали при похоронах, вместе с отрезанием частей уха и прокалыванием левой руки стрелой.³ Однако шрамы на теле после указанных операций еще нельзя рассматривать как татуировку. О наличии татуировки у соседей скифов — агафирсов — сообщают позднейшие авторы. Так, Помпоний Мела пишет, что они „разрисовывают лица и тела... одним и тем же рисунком и так, что смыть их невозможно“,⁴ а Аммиан Марцел-

¹ Геродот, ук. соч., V, 35.

² Гиппократ, ук. соч., 26.

³ Геродот, ук. соч., IV, 71.

⁴ Помпоний Мела, ук. соч., кн. II, 10.

лин добавляет, что племя это раскрашивало все тело голубым узором.¹ По словам Плиния, „даки и сарматы мужчины расписывали себе тело“.²

Зеркала в Горном Алтае в Пазырыкских курганах найдены в нескольких экземплярах.

Одно из двух зеркал второго Пазырыкского кургана — простое бронзовое, хранилось оно в футляре из шкуры леопарда. Зеркало это (табл. XXIX, 4), имеющее многочисленные аналогии, овальной формы, с одной стороны совершенно гладкое, с другой слегка выгнутое, с коротким (1.7 см) и плоским череном-ручкой, составляющим одно целое с зеркалом. Оно очень тонко, около 1 мм толщины. Ручка обернута довольно длинным, прямоугольным лоскутом толстой кожи, туго сшитым на одной из сторон ручки и таким путем прочно прикрепленным к черену. Футляр, в котором было найдено зеркало (табл. XXIX, 5), сшит, как сказано, из шкуры леопарда, шерстью наружу, тонкими сухожильными нитками. На одной из его поверхностей посередине были прикреплены золотой кружок и вокруг него концентрические кольца из голубого и черного бисера.

Второе серебряное зеркало из того же кургана весьма оригинально (табл. XXIX, 3). Если первое зеркало, найденное в камере кургана, можно считать мужским, то второе, несомненно, женское, так как оно хранилось в кожаной суме вместе с другими принадлежностями туалета. Зеркало это большое (диам. 15 см) и круглое, не сплошное, а склепанное из двух половинок, с пустотой между ними. Лицевая его сторона совершенно гладкая, тыльная — рельефная, с высоким (12 мм) краевым валиком по борту и меньшим, того же профиля, кольцевым валиком в середине и рельефным конусом в центре. По краю бортика тыльной поверхности зеркала нанесен орнамент из маленьких, выполненных циркулем, врезных кружков с точками в центре. Между наружным и внутренним кольцевыми валиками двенадцать врезных, циркулем нанесенных, концентрических кругов, промежутки между которыми заполнены чередующимися, вертикально и под углом одна к другой, короткими линиями.

По краю обе половины зеркала скреплены семью заклепками. Короткий и плоский металлический черен, составляющий одно целое с лицевой поверхностью зеркала, вставлен в ручку из бычьего рога. В ручке этой для черена предварительно было высверлено специальное гнездо, что хорошо видно на рентгеновском ее снимке (рис. 84). В поперечном сечении ручка восьмигранная, со сглаженными ребрами, при уплощенной, расширяющейся книзу форме.

Аналогий этому зеркалу я не знаю. Составные, склепанные из двух половин зеркала известны в Китае, где они считаются наиболее древними

¹ Аммиан Марцеллин. Книга деяний, XXI, 14.

² Плиний Старший. Естественная история, кн. 22.

из всех известных в настоящее время китайских зеркал. Но у этих зеркал тыльная сторона не гладкая, а ажурная. Известно также, что у китайских танцовщиц, выступавших перед двором, зеркала были с ручками. Погребен-

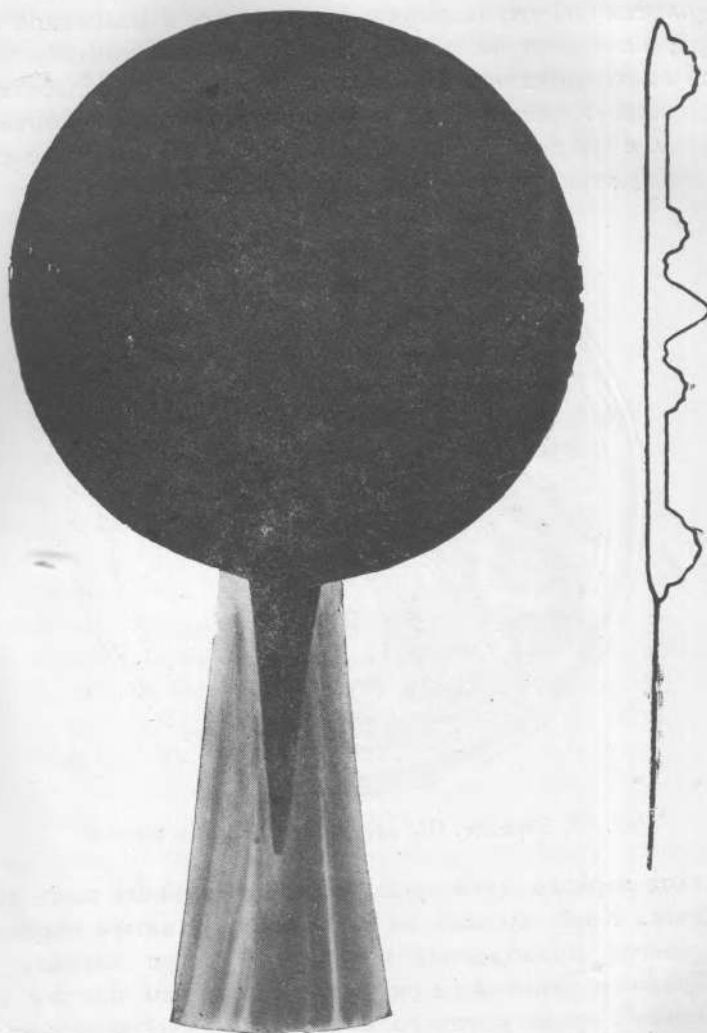

Рис. 84. Рентгеновский снимок зеркала и его разрез. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

ная в кургане втором наложница племенного вождя была, как увидим ниже, музыкантша, играла на многострунном щипковом инструменте типа арфы. Все это, однако, пока еще не определяет происхождения нашего замечательного серебряного зеркала.

Очень важна находка в шестом Пазырыкском кургане китайского зеркала из белого металла (табл. XXIX, 6). Это один из вариантов хорошо известных, но редких китайских зеркал типа так называемого цинь. Характерные особенности этих зеркал следующие: они очень тонки и хрупки; имеют очень блестящую отражающую поверхность и маленькое желобчатое ушко в центре; не имеют надписей; рисунок у них тонкий, часто очень сложный. При этих общих чертах они сильно варьируют в деталях, главным образом в орнаменте. Несмотря на то, что зеркало наше поломано (сохранилось немного более его половины), мы имеем полное о нем представление, так как уцелела его центральная часть с ушком (рис. 85).

Рис. 85. Зеркало. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган шестой.

Наше круглое зеркало диаметром 11.5 см, толщиной всего около 1 мм, а местами 0.5 мм. Край плоский со слегка приподнятым бортиком. Ушко посажено на слегка приподнятый квадрат в центре зеркала. Все поле покрыто однородным рельефным рисунком, состоящим из так называемых „крыльев и перьев“, среди которого в красивом рельефе четыре косо посаженных по краю фигуры в виде заглавной буквы Т. В промежутках между этими буквами изображены пары сердцевидных листьев. Как будет показано в заключительной главе, зеркало это относится к группе одних из ранних цинских зеркал, к эпохе воюющих княжеств (уделов). Точно такие же зеркала были найдены в Китае в Huai Valley и Loyang.¹

¹ S. Umehara. L'étude sur le miroir antérieur à la dynastie des „Han“. 1935, табл. 8, 9. — R. W. Swallow. Ancient chinese bronze mirrors. 1937, рис. 14.

Хотя зеркала мы рассмотрели в этой главе, вместе с другими предметами личного убранства, следует иметь в виду, что они могли иметь и иное, магическое значение, особенно учитывая китайское происхождение некоторых из них. В Китае, как известно, зеркала употреблялись не только для смотрения, но считались вместе с тем имеющими волшебную силу, предохраняющую от злых духов. Врачи пользовались ими для распознавания болезни, гадатели для предсказания будущего, воин, идущий в сражение, нес его на своей груди, новобрачная, которую везли к ее супругу, держала его на сердце, и т. п.

Глава VI

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Обязательное во всех без исключения могилах совместное с людьми, независимо от их пола и общественного положения, захоронение лошадей — транспортных, верховых или упряжных — указывает на то исключительное значение, какое имел в данную эпоху конь как средство передвижения.

Коневодство имеет свою длинную историю. Хотя самые ранние указания на прирученных лошадей относятся к Китаю и Индии, центром древнего азиатского разведения породистых лошадей была, повидимому, Ассирия. Поскольку в XIV в. до н. э. у хеттов имелись уже специальные письменные трактаты по коневодству, можно заключить, что последнее возникло там в несравненно более раннее время. Древнейшие переднеазиатские изображения лошадей, запряженных в колесницу, относятся ко второму тысячелетию до н. э. Однако животными сельскохозяйственными они сделались там значительно позднее. В первой половине первого тысячелетия до н. э. в Передней Азии лошади запрягались в царскую охотничью колесницу, затем использовались на войне в своеобразной „коннице на колесах“.

Настоящая кавалерия в евразийских степях появилась, повидимому, в начале первого тысячелетия до н. э. В Передней Азии к середине этого тысячелетия она заменила боевые колесницы и в дальнейшем играла крупную роль в военном деле.

В первом тысячелетии до н. э. лошадь была не только верховым и боевым животным, но и хозяйственным, и упряжным. Все скотоводческие племена были преимущественно конники. Это вполне естественно, так как только с использованием верхового коня в степях и предгорьях Восточной Европы и Азии мог сложиться тот пастушеский, скотоводческий быт, о котором уже была речь выше.

Упряжными животными у кочевнических племен, в частности у скифов, были преимущественно волы.¹ Тем не менее, как увидим ниже, на Алтае, как и в Средней Азии, и лошади были не только верховыми, но и упряжными животными. Обращает на себя внимание большое количество верховых коней, захороненных в одном кургане. В то время как в рядовых захоронениях обычно встречается от 1 до 3 лошадей, в курганах богатых (в могилах племенных или родовых вождей и старейшин) их от 7 до 14, в одном случае даже 16.

Установлено, что эти лошади имели различные меты на ушах, что указывает на принадлежность их различным владельцам (рис. 86). На этом основании двадцать лет тому назад в предварительном сообщении о раскопках первого Пазырыкского кургана я высказал предположение, что лошади

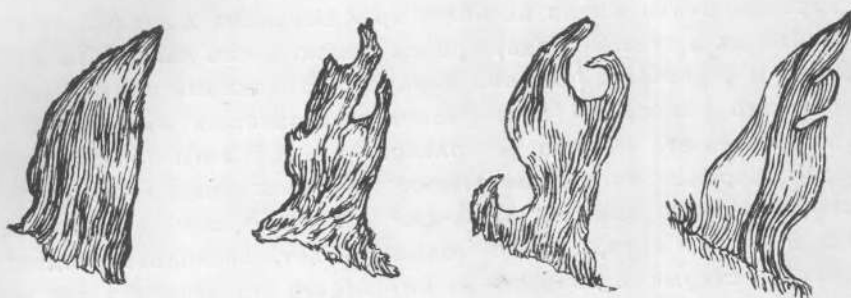

Рис. 86. Меты на ушах коней. Курганы первый и пятый.

эти не принадлежали погребенному. Ссылаясь в качестве аналогии на сообщение Геродота, согласно которому, скифы перевозили труп царя от одного подвластного народа к другому, а прочих скифов возили к их друзьям, причем последние для спутников покойника устраивали обильный пир, и от всех угощений часть уделялась и покойнику, я писал, что в числе угощений могли быть и лошади.² Такое предположение было неправильным и не может быть обосновано.

Прежде всего из данного текста Геродота³ совершенно ясно, что обильный пир устраивался для спутников покойника, а покойнику уделялась часть этих угощений, т. е. пищи, что естественно вытекало из веры в продолжение жизни после видимой кончины и веры в потребность покойника в пище.

В могилу с умершим кладется пища, необходимая ему на время пути в потусторонний мир, и все из его личного имущества, необходимое ему

¹ Гиппократ, ук. соч., 25.

² С. Р (уденко). Скифское погребение Восточного Алтая. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 30.

³ Геродот, ук. соч., IV, 71.

в загробном мире. Предполагать какие-то подарки, захороненные вместе с умершим, нет никаких оснований.

В Пазырыкских курганах знатных лиц все лошади кастрированы, не найдено ни одного жеребца, ни одной кобылы. По сообщению Страбона,¹ и скифы ездили исключительно на мерилах. Это вполне понятно, если мы припомним, что имеем дело с верховыми конями пастушеского народа. У казахов лишь бедные пользовались для верховой езды жеребцами и кобылами, более состоятельные ездили верхом исключительно на мерилах. То же самое следует сказать и об алтайцах, у которых зажиточные никогда не ездили верхом на кобылах и жеребцах.² Что касается количества верховых лошадей, то у пастушеских народов каждый сколько-нибудь зажиточный владелец табунов лошадей, не говоря уже о людях знатных, одновременно содержал несколько верховых лошадей. Например, богатые казахи хотя обычно держали около жилья не более трех верховых лошадей, но неоднократно меняли их в течение года, причем зимою очень часто.³ То же самое наблюдалось и у алтайцев. Высоко ценя своих верховых коней, скотоводы крайне неохотно разрешали посторонним пользоваться ими; после смерти хозяина лошадьми его обычно не пользовались. Если мы обратим внимание на возраст захороненных в Пазырыкских курганах коней, то заметим, что в каждом погребении имеется одна-две молодые особи в возрасте трех с половиной и даже двух, двух с половиной лет, несколько среднего возраста и часть старых в возрасте от пятнадцати до двадцати лет и более. Отсюда ясно, что в каждом захоронении, помимо тех коней, которые были под седлом, мы имеем и таких коней, которые только готовились под седло, и ветеранов, которые вслед за своим хозяином шли в загробный мир, ибо на них все равно никто не ездил. Сравнительно большое количество погребенных верховых коней нас не должно удивлять, если учтем одновременное захоронение мужчины и женщины и их знатность. Напомним, что в кургане пятом, несмотря на то, что там были погребены мужчина и женщина, верховых коней всего пять и четыре упряжных.

Вернемся к метам на ушах. Слов нет, кони с различными метками на ушах — из разных табунов, в свое время они принадлежали нескольким владельцам, но ведь в захоронении кони отборные, верховые, которые могли покупаться, вымениваться и приниматься в дар при жизни племенного вождя.

У всех коней, трупы которых достаточно хорошо сохранились (курганы первый, второй и пятый, отчасти третий), подстрижены гривы и хвосты в верхней их части. Обычай подстригать гривы верховых коней был широко

¹ Страбон. География. VII, 4, 8.

² W. Radloff, ук. соч., стр. 282 и 446.

³ W. Radloff, ук. соч., 445, 446.

распространен в данную эпоху. Он практиковался и в Передней Азии¹ и у причерноморских скифов. На известном фризе серебряной вазы из Чертомлыцкого кургана со сценами ловли лошадей часть лошадей

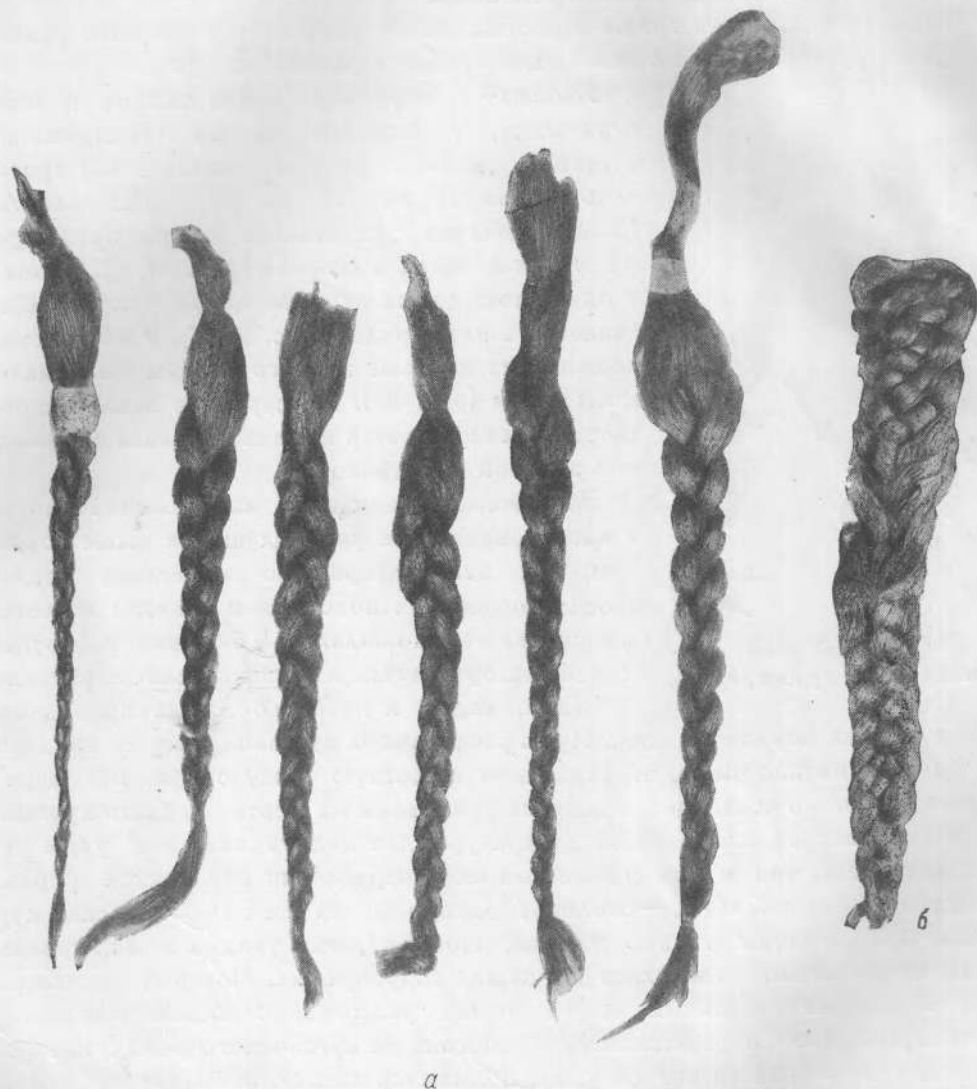

Рис. 87. Конские хвосты. Курганы второй и третий.

с неподстриженными гривами — из табуна, а все верховые обязательно с подстриженной гривой. Подстрижена грива и у коня всадника, изображен-

¹ Многочисленные изображения коней на ассирийских барельефах и персидских барельефах ахеменидского времени см.: G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II; 1890, т. V.

ного на войлочном ковре из кургана пятого (табл. ХСV). Показательно, что, судя по сохранившимся изображениям, и в Передней Азии, в частности в Ассирии, и в ахеменидской Персии у верховых коней грива подстрижена, а у упряжных оставалась неподстриженной.

Обычай подстригать гривы верховых коней объясняется тем, что развевающаяся грива сильно мешает всаднику при стрельбе из лука.

Рис. 88. Конский хвост, завязанный узлом. Курган первый.

Хвосты у верховых коней скифов не подстригались, у лошадей же из Пазырыкских курганов волосы репицы хвоста подстригались примерно на 25 см от корня хвоста. Хвосты обычно заплетались в три пряди, реже завиты были в спираль (рис. 87, а). Только у одной лошади из кургана третьего хвост был заплетен в пять прядей (рис. 87, б). У нескольких лошадей из кургана первого хвосты были завязаны узлом (рис. 88). На середине заплетенного хвоста обычно имеется кожаная повязка с накладной золотой пластинкой.

Заслуживает внимания изображение хвоста у коня всадника на упоминавшемся выше ковре. Там, как это совершенно отчетливо видно, хвост у основания подстрижен и затем заплетен в косу, как это наблюдалось у большинства трупов коней, захороненных в Пазырыкских курганах.

Узда, седло и путы — обычные принадлежности упряжи верхового коня. Пут в раскопанных курганах нами не найдено, но они несомненно имелись. Напомним известную сцену скифа, путающего своего верхового оседланного коня, на фризе вазы из Чертомлыцкого кургана.

В современной специальной литературе для недоуздки и для узды как в отдельности, так и при совместном их употреблении как единой упряжи принято общее название — оголовье. Оголовья во всех Пазырыкских курганах представлены только уздами. По типу, как увидим ниже, древние узды существенно отличались от наших современных. Поэтому наименования отдельных составных частей нашей узды не полностью применимы к пазырыкским. Современные узды состоят из суголового ремня, который начинается от правого кольца удила, поднимаясь кверху, проходит на затылке лошади за ушами, затем спускается вниз до соединения с нащечным ремнем. Последний ремень короткий, начинается от левого кольца удила и заканчивается немного выше наморднного ремня. Вверху ремень налобный, или налобник, внизу выше рта ремень наморднный, состоящий из переносы и подгубника. Для закрепления узды на голове служит подбородный ремень, или подбородник.

В Пазырыкских уздах (рис. 89, а, б; рис. 90), как во всех вообще горноалтайских уздах рассматриваемого времени, не было налобного и подбородного ремня. В них два суголовных ремня, начинающихся от трензелей (псалий) и соединяющихся у темени лошади за ее ушами, с левой стороны. Ремень переносья концами своими укреплен либо в суголовных ремнях, либо после переплетения с суголовными ремнями в верхних отверстиях псалий. В таком случае суголовные ремни укреплены в нижних отверстиях

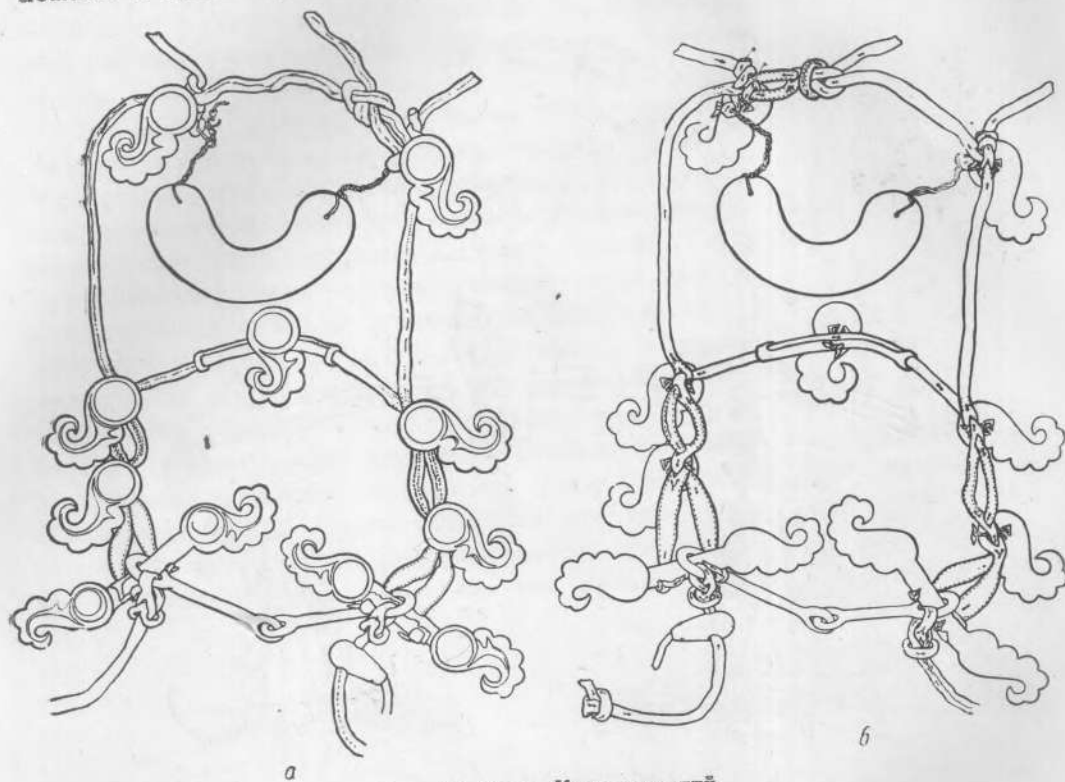

Рис. 89. Узда. Курган третий.
а — лицевая сторона; б — обратная сторона.

псалий. Подбородных ремня два (рис. 90). В дальнейшем, для ясности изложения, суголовными ремнями я буду называть только верхнюю их часть, от места переплетения или соединения их с ремнем переносья, если последний соединяется с псалиями. Щечными ремнями буду именовать нижние концы суголовных ремней и концы ремня переносья от места их взаимного переплетения до псалий. За остальными ремнями и другими частями узды оставляю их общеупотребительные названия.

✓ Современный тип оголовья — недоуздка и узды — выработался очень давно. Древнейшие известные нам изображения оголовий относятся к пер-

вой половине первого тысячелетия до н. э. Это оголовья главным образом ассирийские, позднее персидские. Недоуздки появились, несомненно, раньше узд, возможно еще в дометаллическое время, вместе с приручением лошади.

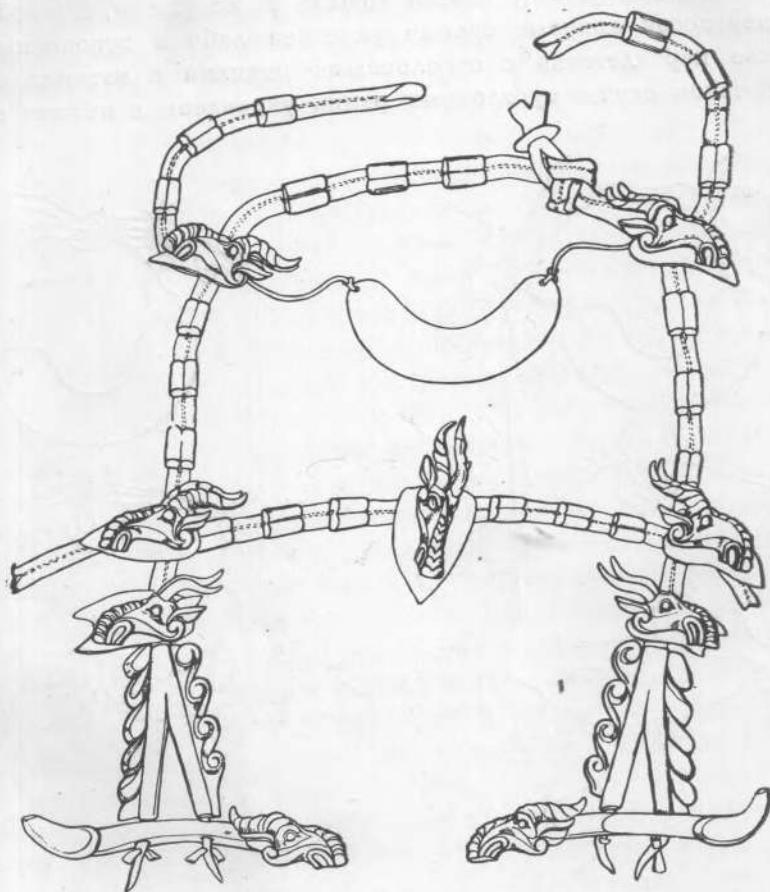

Рис. 90. Узда. Курган пятый.

В Ассирии мы знаем недоуздки уже с намордным, суголовными и подбородными ремнями.¹ Узды ассирийские, как и позднейшие персидские, состоят из ремней суголовных, при соединении с псалиями раздвоенных или разрезанных

¹ Изображение одной из таких узд имеется на гравированной раковине (*Tridacta squamosa*), найденной в южном Двуречье, на которой суголовный ремень уже раздвоен. См.: G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 670. Имелись недоуздки и более простого устройства, с намордным ремнем, но без раздвоенных нащечных, например в изображении коня на барельефе из дворца Синахериба, — там, где идут пленные. В Нимруде на барельефах, представляющих собою крепость, лошади изображены в недоуздках с налобным ремнем (там же, стр. 201 и 511).

на три полосы, переносся с ремнем подгубника или без него, иногда налобника и подбородных ремней.¹ Этот же тип узды, с налобным ремнем или без него, известен и у причерноморских скифов по изображениям лошадей, например на серебряной вазе или на золотой пластине с ножен меча из Чертомлыцкого кургана,² на ритоне из Мерджаны.³ Однако изображения эти дают только общее представление о типе узды, подлинные же, найденные при раскопках в Горном Алтае, позволяют изучить и детали их устройства.

Узды, как отмечалось уже выше, обычно состоят из трех ремней: двух суголовных, переходящих внизу в нащечные, и одного ремня переносся. В оформлении узды из этих трех ремней имеются, как уже отмечено выше, два варианта. Первый: ремень переносся не принимает участия в образовании нащечного ремня (рис. 90). В таком случае концы его продеваются в прорезы ремней суголовных, в месте перехода их в ремни нащечные, и там закрепляются. Нащечный ремень у псалий раздваивается. Второй вариант: концы ремня переносся переплетаются в двух местах с ремнями нащечными (продолжениями суголовных) двумя прорезными петлями (рис. 89); на участке между этими переплетениями они иногда сшиваются сухожильными нитками (рис. 91), ниже оба эти ремня расходятся, проходят сквозь

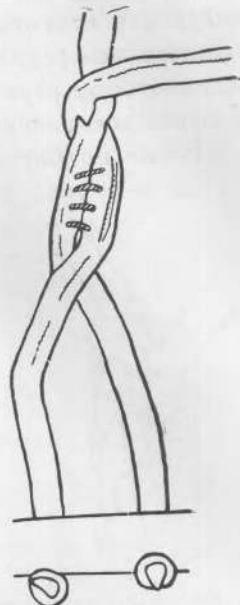

Рис. 91. Схема переплетения ремней — суголовного и переносся.

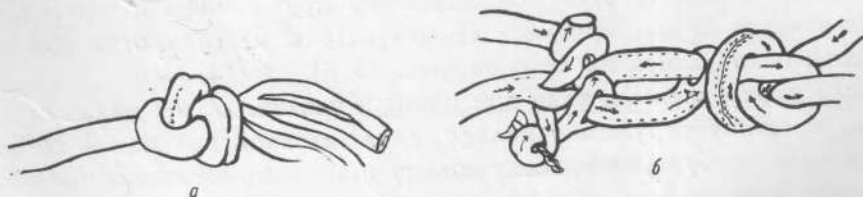

Рис. 92. Схемы уздечных узлов.

специальные, для них проделанные отверстия в псалиях и на нижней поверхности последних закрепляются особыми узелками или ременными закрепками. Правый, более длинный, и левый суголовные ремни вверху связаны особым узлом. Узел этот дает возможность регулировать размер оголовья в зависимости от размеров головы лошади, причем он бывает либо простым

¹ G. Perrot et Ch. Chierpiez, ук. соч., 1884, т. II и 1885, т. III.

² И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, рис. 114 и 123.

³ Известия Археолог. комиссии, 1913, вып. 49, табл. 11.

(рис. 92, а и 98), либо на одном из верхних концов суголовных ремней имеется специальная петля, в которую, при завязывании, продевается верхний конец второго суголовного ремня (рис. 92, б). Петля эта устраивается продеванием верхнего конца первого ремня в прорез, сделанный в нем же на некотором расстоянии от конца, с последующим закреплением последнего в месте соединения ремней суголовного и подбородного.

Ремни подбородника, из которых правый длиннее, левый короче, укреплены в ремнях суголовных на расстоянии 20—26 см от соединения этих последних ремней с ремнем переноса.

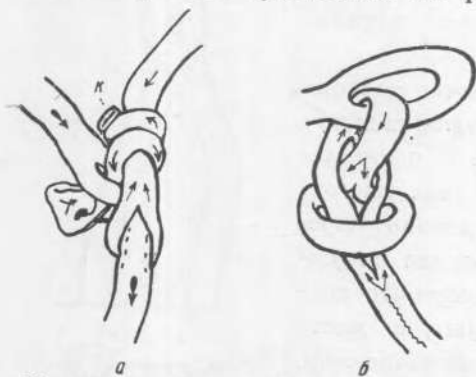

Рис. 93. Закрепление ремней подбородника (а); прикрепление чумбура к удилам (б).

Они просто продеты в прорезы на ремнях суголовных и завязаны петлей, чаще же связаны более солидно, путем взаимного переплетения, продеванием в прорезы обоих ремней (рис. 93, а). На свободном конце правого подбородного ремня обычно имеется специальная петля для вдевания в нее узкого конца левого подбородного ремня.

За отсутствием ремня налобника почти все узды имеют подвесные налобные бляхи. Последние подвешены при помощи витых из кожи жгути-

ков или ремешков, привязанных к концам ремней подбородника, в месте прикрепления их к суголовным ремням (рис. 94).

Налобная бляха обычно подвешивается при помощи отверстий, проделанных у краев бляхи, круглые же бляхи (рис. 95, а) иногда при помощи проушины на обратной их стороне (рис. 95, б).

Удила прикреплены к узде при помощи псалий. У тех узд, где имеется чумбур, к левому наружному кольцу удила двойной прорезной петлей привязан ремень чумбура, а к правому кольцу удила таким же способом (рис. 93, б) — правый конец повода. На левом конце повода узд из кургана третьего и четвертого укреплен роговой, реже деревянный блок. В круглое отверстие этого блока продет ремень чумбура, который на расстоянии 20—25 см от удила завязан простым узлом (рис. 89, б). Таким образом блок повода может передвигаться по чумбуру только между удилами и упомянутым узлом. В то время как правый конец повода прочно закреплен в кольце удила, равно как и ремень чумбура, крепление левого конца повода в блоке крайне слабое. В гнездо блока вставлен конец повода и закреплен в нем только тонким ремешком, продетым сквозь стенки блока и ремень повода. Отсюда ясно, что управление конем осуществлялось только правым поводом и чумбуром. Соединение левого конца повода при помощи блока с чумбуром

имело лишь тот смысл, чтобы этот конец повода, как в пути, так и на стоянке, не болтался.

В курганах первом и втором блоков от повода не найдено, и там левый конец повода скользил по ремню чумбура, между удилами и завязанным на нем узлом, при помощи петли на конце повода. В кургане пятом чумбуров не найдено, и оба конца повода были привязаны непосредственно к кольцам удил.

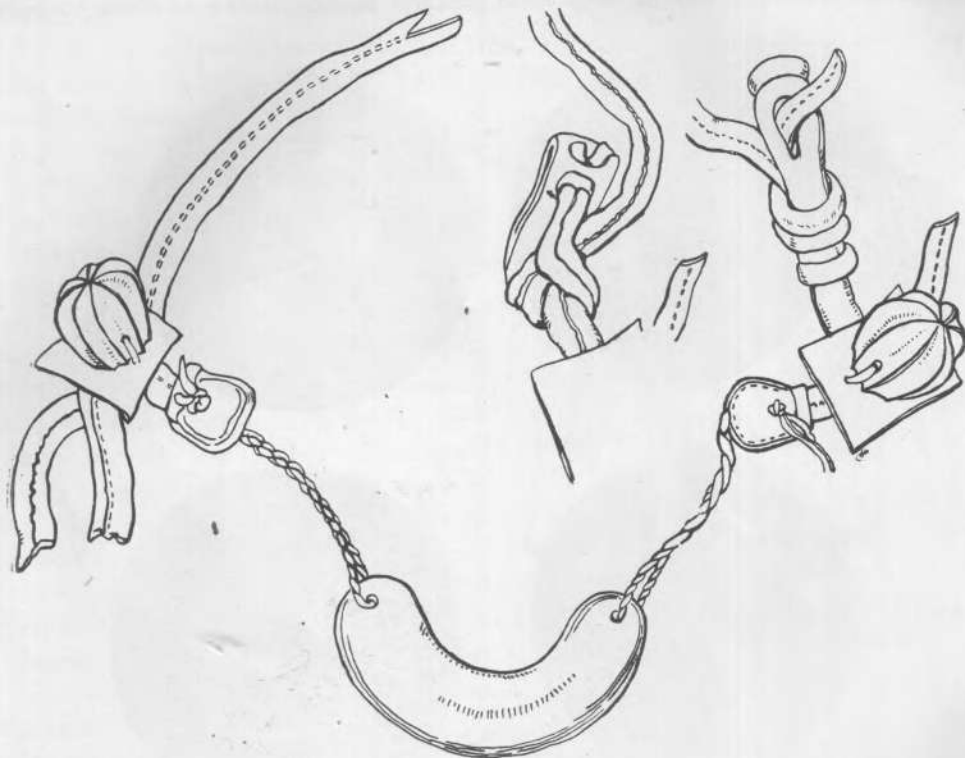

Рис. 94. Налобная подвесная бляха узды. Курган пятый.

Наличие с левой стороны чумбура, завязки с той же стороны ремней суголовных и подбородника указывают на то, что как ныне, так и в те отдаленные времена узда надевалась с левой стороны, с левой же стороны и садились на коня.

Чумбур, и притом привязанный к удилам с левой стороны, имелся также у хуннов на востоке и у причерноморских скифов на западе, как это можно видеть на известной пластинке из кургана Куль-оба.¹

По материалу, из которого сделаны псалии, следует различать: роговые, медные или бронзовые, из бронзовых стержней с деревянными украше-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, стр. 89, рис. 69.

ниями на концах и, наконец, цельные деревянные. Роговые псалии, найденные в курганах втором, третьем и четвертом, имеют для продевания концов нащечных ремней отверстия овальной формы. У псалий бронзовых, которые были найдены только в первом Арагольском кургане, эти отверстия для ремней круглые, а у деревянных и тех, что с бронзовыми стержнями посередине, они удлиненной прямоугольной формы. Продетые в указанные отверстия в псалиях концы нащечных ремней закреплялись особым узелком,

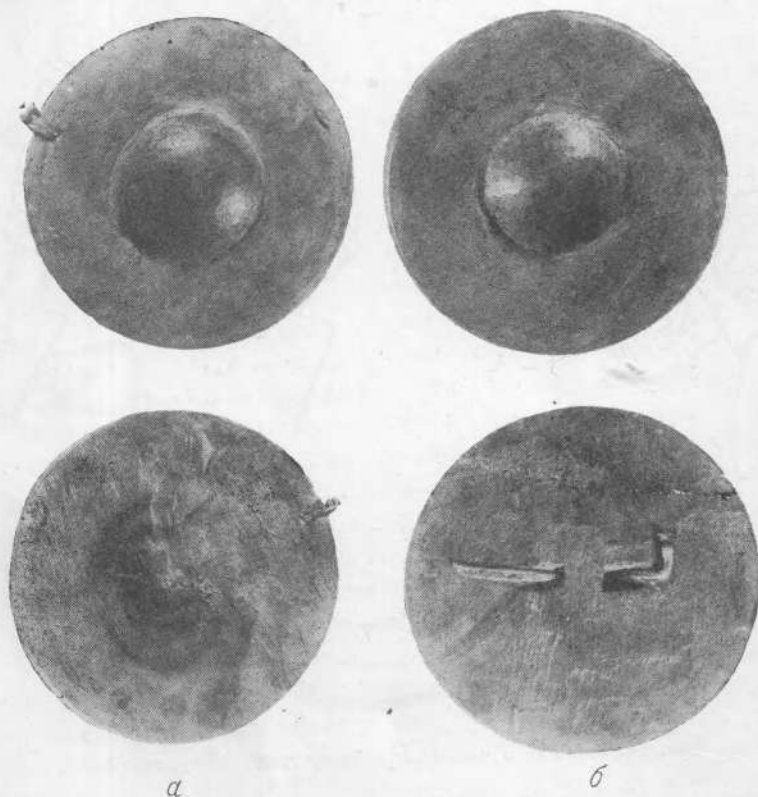

Рис. 95. Круглые налобные уздечные бляхи. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
Курган первый.

продеванием загнутого конца ремня в прорез, в нем же проделанный, или особым ремешком, продетым в разрез на концах нащечных ремней. Последний способ особенно характерен для узд из кургана пятого.

Роговые и бронзовые псалии свободно продевались в наружные кольца удил. Псалии с бронзовыми стержнями и насаженными на их концах деревянными украшениями также могли легко вставляться в кольца удил. Для этого нужно было только снять одно из украшений и затем снова его насадить на стержень. Псалии целиком деревянные, в тех случаях, когда оба или

одно из их концевых украшений было невелико и свободно продевалось сквозь кольцо удила, а таких было большинство, входили в состав узды без повреждений. В тех, однако, случаях, когда концевые украшения таких псалий по размерам превосходили отверстия колец удила, одно из них раскалывалось и после того, как псалий был вставлен в кольцо удила, сколотая часть приклеивалась на свое место. Поскольку концы деревянных псалий с наружной стороны оклеивались листовым золотом, этих повреждений не было видно.

Ремни узды выкраивались из толстой, хорошо выделанной кожи. В курганах первом и втором они простые, шириною 1—1.6 см. В курганах третьем и пятом они сложены вдвое. В последнем случае ремень, шириною 2—2.5 см, с наружных краев загибался к середине и сшивался там крученой сухожильной ниткой, после чего шов заглаживался. Таким путем одна сторона ремня получалась сплошной, другая сшивной с продольным швом посередине. Простые, не сложенные вдвое уздечные ремни в курганах третьем и пятом мы имеем только по одному экземпляру. Ремни подбородника простые, но обычно обшитые снаружи тонкой кожей и притом так, что ее края над продольным швом коротко срезаны.

Ремни чумбура в кургане первом из простой кожи, а в кургане третьем из сложенной вдвое и прошитой посередине.

В одном и том же погребении неожиданно разнообразным в деталях оказывается оформление раздвоенных у псалий нащечных ремней и их прикрепление к псалиям узды. Если во всех уздах кургана первого мы имеем только раздвоенные ремни оголовья, нащечные, прикрепленные к псалиям и покрытые с наружной стороны деревянными развилками, то в курганах третьем и пятом наблюдаются два типа, в пяти вариантах, соединения псалий с уздой. Тип первый — раздвоение суголовных ремней; тип второй — прикрепление псалий к узде при помощи двух ремней суголовных и ремня переноса. В первом типе два варианта: один, когда раздвоенный нащечный ремень украшен закрепленной на нем развилкой (рис. 90); другой, когда концы нащечных ремней, переходя в широкую раздвоенную вильчатую лопасть, продеваются с внутренней стороны в специальные втулки фигурных деревянных развилочек (рис. 96).

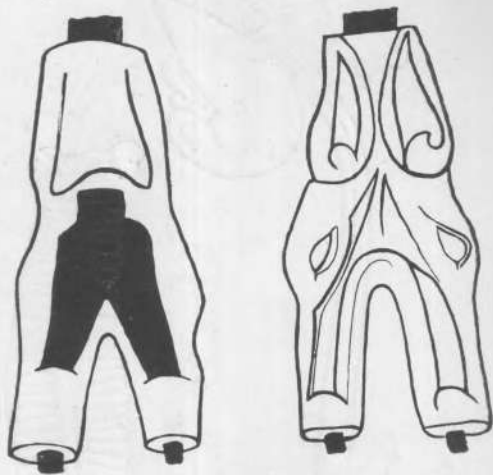

Рис. 96. Деревянная уздечная развилка. (2/5 натур. вел.). Курган третий.

Во втором типе — три варианта. Первый — широкие (не сшитые) ремни суголовные и переносья, укрепленные концами в псалиях, ничем не украшены (рис. 89). Второй вариант отличается от первого наличием накрепленных деревянных развилок (рис. 90). Третий вариант второго типа, когда ремни суголовный и переносья, начиная от нижнего их переплетения, украшены нанизанными на них гармониками из гофрированного ремня.

Рис. 97. „Гармоника“ нащечных уздечных ремней. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).

В последнем случае на каждом из указанных ремней гармоника либо самостоятельные (табл. XLIX, 2), либо оба ремня продеты сначала в одну соединяющую их гармоника и затем, по расхождении ремней, имеют каждый свою самостоятельную гармоника (рис. 97). Число складок гармоника бывает различно: при коротких ремнях их всего пять (табл. XLIX 2), при длинных их бывает по двадцати шести, из которых половина двойные (рис. 97). Такие гармоника выделялись или из одного лоскута кожи, или из нескольких (рис. 97). При наличии таких гармоник уздечные ремни, после их переплетения до раздваивания, обычно сшиты между собою (рис. 98).

Эти особенности в устройстве древней алтайской узды представляют особый интерес. Прежде всего раздвоение суголовных ремней повсюду наблюдается только при наличии псалий. В Ассирии такие ремни книзу сильно расширялись и разрезались на две и даже на три лопасти, для

¹ О. Weber. Assyrische Kunst, рис. 22, 37 и 38. — A. H. Layard. Nineveh and its remains, 1867, стр. 27, 233, 234, 240, 311. — G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 47, 283, 491.

менных им персидских узд,¹ псалии же, как известно, появились вследствие потребности в быстром и точном маневрировании боевыми конями.

Наиболее ранние известные нам удила с псалиями луристанские. Луристанские удила были еще не двусоставными, а цельными. Псалии представляли собою большие нащечные, литые из бронзы пластины, изображающие фигуры различных животных. В более поздних луристанских уздах

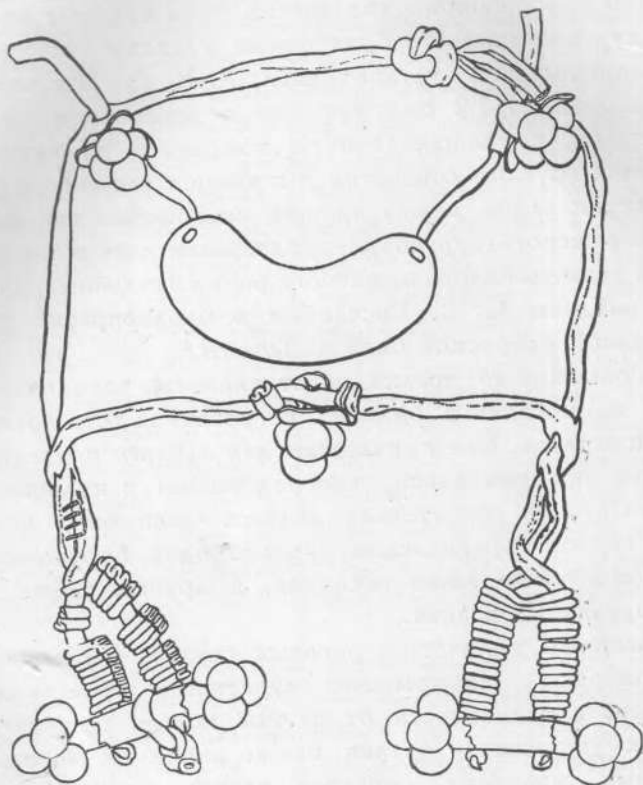

Рис. 98. Узда. Курган третий.

размер этих нащечных пластин уменьшается, но тип, фигуры различных животных, в частности грифонов, сохраняются.² В Ассирии псалии уже не имеют вида нащечных пластин и принимают удлиненную форму, хотя иногда остается фигура животного.³ Удлиненные псалии в виде фигур животных изредка встречаются у причерноморских скифов.⁴ Знаем мы их

¹ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 77—79.

² R. Dussaud. The bronzes of Luristan. Types and history. A survey of persian art. 1938, t. I, стр. 257—261; 1939, т. IV, табл. 28—38.

³ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 753, рис. 411.

⁴ Например псалии из одного из Семибратних курганов. Отчет Археологической комиссии, 1879, стр. 134; 1880, стр. 14.

и на Алтае. Самыми распространенными, по крайней мере из дошедших до нас, в рассматриваемое время были простые роговые псалии. В некоторых случаях концы их оформлялись в виде головок животных, в частности птичьих. Такие простые роговые псалии вообще очень характерны и для Горного Алтая; найдены они и в трех больших Пазырыкских курганах.

В Улаганском районе бронзовые псалии были найдены только в первом Арагольском кургане вместе с бронзовыми удилами того же типа, что и найденные в Пазырыкских курганах (табл. XXX, 1). Эти псалии представляют собою длинные (17.2 см), круглые в поперечном разрезе, слегка изогнутые стержни, с утолщениями на концах. В расширенной их средней части имеются круглые отверстия для концов нащечного ремня. Концы этих ремней закреплялись, между прочим, совершенно так же, как в уздах из пятого Пазырыкского кургана, — продеванием короткого ремешка в прорезы на концах разветвленного нащечного ремня. Подобные, но уже железные псалии были найдены С. В. Киселевым в неоднократно упоминавшемся кургане с каменной наброской близ с. Туэқты.¹

Огромное большинство псалий изготовлялось, повидимому, из дерева, и если мы их не находим в рядовых погребениях того времени, то только потому, что они истлели. Мне не известны для данного времени узды, где бы нащечные ремни привязывались непосредственно к кольцам удила, а если таких узд не было, то обязательно должны были быть псалии. Отмечу, кстати, что в первом Арагольском кургане одни бронзовые удила были найдены с упомянутыми выше псалиями, а другие, также бронзовые, — с остатками деревянных псалий.

Кроме небольшого количества роговых псалий, огромное большинство псалий из промерзших Пазырыкских курганов — деревянные. Среди них можно выделить, в зависимости от формы, псалии прямые и S-образные. По мотивам их украшений псалии можно разделить на несколько групп: с изображениями животных, передних частей животных или их голов, с изображениями пальметок, розеток и других несложных фигур. Орнаментальное оформление псалий в своих мотивах обычно связано с украшениями соответствующих узд, и его мы рассмотрим совместно с последними.

Удила всех Пазырыкских курганов одного и того же типа: двусоставные, литые медные и если бронзовые, то с незначительной примесью олова, или кованые железные (табл. XXX и LV, 5). Бронзовые удила сравнительно малочисленны. В кургане первом из десяти удила только одни бронзовые, в кургане втором из семи двое удила бронзовых; в кургане третьем из четырнадцати пять бронзовых удила; в курганах четвертом и пятом все удила железные. Существенно отметить, что в рядовых кур-

¹ С. В. Киселев. Алтай в скифское время. 1947, стр. 165, рис. 4.

удил. пазырык, в расщелинах

танах находились преимущественно бронзовые удила. Так, судя по следам окиси меди во рту коня из кургана шестого Пазырыкского, удила были бронзовые. В обоих Арагольских курганах удила бронзовые.

Седла Пазырыкских курганов принадлежат к одному и тому же детально разработанному и, повидимому, широко распространенному типу скифских седел. Все же седла из первых двух курганов несколько отличаются от седел последних трех курганов той же Пазырыкской группы, и поэтому рассмотрим их отдельно.

Седла первых двух курганов состоят из двух соединенных друг с другом подушек, войлочного потника и покрышки, четырех деревянных дужек, по две на передних и задних концах подушек. Кроме того, все седла имеют по два ремня, закрепленных вдоль переднего и заднего краев подушек, сверху ременную подпругу, нагрудный и подхвостный ремни (рис. 99).

Каждая из седельных подушек сшита из двух больших лоскутов кожи, образующих верхнюю и нижнюю их поверхности, и двух малых, прикрывающих переднюю и заднюю поверхности подушек: „луки“ седла. Все швы, кроме продольного внутреннего, шиты сухожильной ниткой мелким стежком. Верхний и нижний лоскуты подушек сшивались по краям и с внутренней стороны, но с таким расчетом, чтобы часть внутреннего края сантиметров на двадцать оставалась не зашитой. После набивки оленьим волосом, в редких случаях травой рода осоковых, и эта часть прошивалась, но уже ремешком. Чтобы волос или трава, которыми набиты эти подушки, лежали ровным слоем, они простегивались тремя продольными швами крупным стежком шерстяным, конопляным, волосяным шнуром или кожаным ремешком.

набитых оленьим волосом

Таким же способом в два-три ряда простегивались и луки, от наружного к внутреннему краю; в кургане втором в одном случае от верхнего края к наружному. Длина таких подушек 50—58 см. Готовые подушки сшивались между собою внутренними краями лоскутов, образующих нижнюю поверхность подушек. Поэтому при зашивании подушки, после ее набивки, у нижнего лоскута оставалась свободная кромка 5—8 см шириною. Сшивались подушки в своей средней части с таким расчетом, чтобы между набитыми волосом частями подушек оставался (над хребтом лошади) участок сшитых полотнищ кожи в передней части седла шириною около 10 см и в задней — около 6.5 см.

В одном из седел кургана второго на передних и задних луках имелось по три плоских роговых конических пронизки. В них узлом закреплялись концы шнурков продольной простежки подушек.

Кроме среднего шва, седельные подушки скреплялись между собою еще двумя сравнительно узкими ремнями, наложенными на подушки непосредственно у передних и задних луков и закрепленными в подушках ремешками.

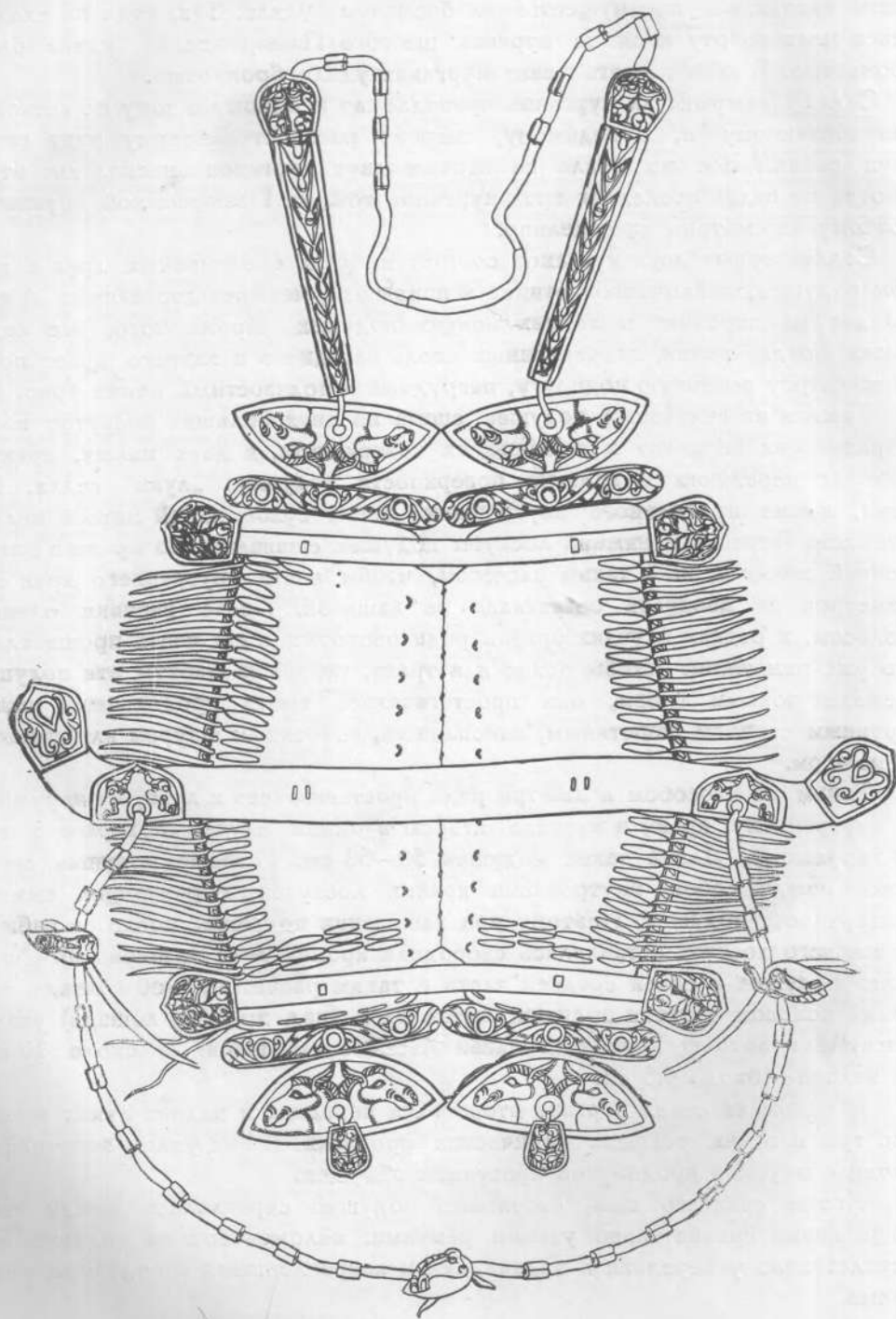

Рис. 99. Седло. Курган пятый.

Передние и задние стенки подушек (луки) обшивались красной, реже желтой шерстяной тканью типа саржи; в первом кургане, кроме того, либо цветным тонким войлоком, либо тонкой кожей. Поверх этих нашивок закреплялись либо вырезанные из тонкой кожи ажурные украшения (рис. 100), либо (в кургане втором) накладывалась кожаная плетенка (сетка).

Подпруги состояли из двух ремней: верхнего широкого, наложенного на подушки седла и укрепленного на некотором расстоянии от внешних

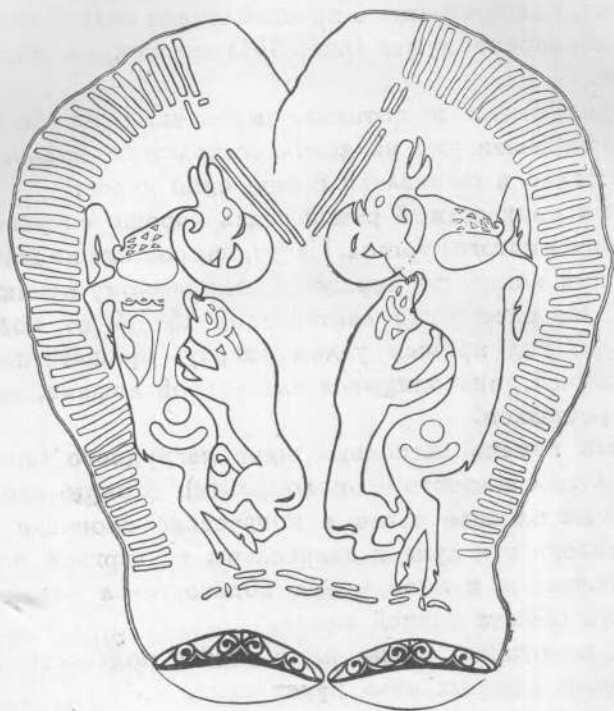

Рис. 100. Седло. Курган второй.

краев подушек особыми ремешками, пропущенными сквозь толщу подушек, и нижнего, подбрюшного ремня. Последний наглухо привязывался к верхнему ремню справа, а слева подтягивался к нему при седловке коня.

Подпружная роговая пряжка без вращающегося замка с носиком была найдена только в двух экземплярах в кургане втором. Пряжки эти грушевидной формы с двумя прорезами для подпружных ремней (табл. XLVI, 6).

У одних из седел второго кургана имелись роговые подвески (табл. XLVI, 2, 3, 5), пришитые ремешком к седельным лукам сзади, в месте прикрепления подхвостных ремней, у других, как и в седлах из кургана первого, были прикреплены конические плоские роговые иронизки

(табл. XLVI, 7), через которые продевались плоские концы подхвостного ремня.

Седелные покрывки выкраивались по форме подушек из мягкого тонкого войлока, черного, чаще белого, выкрашенного в синий или красный цвет. По краю они обшиты кантиком, обычно кожаным. К седлу они прикреплялись только в четырех точках ремешками по краям седла.

Наложенные на подушки седел войлочные покрывки закреплялись на них помимо упомянутых выше четырех ремешков еще тонкими ремешками в восьми точках, одновременно с прикреплением наложенных на луки узких, треугольных в разрезе дужек (рис. 101) по концам последних, а иногда еще посредине.

Форму седел имели и потники, вырезанные из белого мягкого, но в отличие от покрывок уже из довольно толстого войлока. Потники подшивались под седло и составляли с ним одно целое.

Нагрудный и подхвостный ремни седел хорошо сохранились только при седлах из первого и пятого кургана. Нагрудник состоит из длинного ремня, привязанного своими концами к верхнему подпружному ремню несколько ниже края подушек. На расстоянии сантиметров 15—20 от подпружного ремня с обеих сторон, под прямым углом кверху, пришито по одному ремню. Концы этих ремней, приходящиеся над холкой лошади, сложены вместе и сшиты узким ремешком.

Подхвостный ремень несколько шире нагрудного (ширина последнего около 12 мм, а подхвостного — около 22 мм). Концы его продеты в упоминавшиеся выше плоские роговые конические пронизки на задних луках седла, затем сквозь эти луки и закреплены на верхней поверхности подушек. За исключением концов ремня подхвостника близ седла, остальная его поверхность обшита тонкой кожей.

Седелные покрывки, ремни нагрудный и подхвостный имеют различные украшения, о которых речь будет ниже.

В кургане третьем не сохранилось ни одного цельного седла. Имеются более или менее значительные их остатки, главным образом волосая набивка седел, роговые или деревянные их украшения, незначительные обрывки ремней. Все же и эти остатки дают достаточное представление о типе седел. В кургане четвертом, как и в шестом, никаких частей седел, исключая роговых накладок, не сохранилось, зато в кургане пятом мы имеем седла примерно той же сохранности, что и в кургане первом.

Из сопоставления седел, их оснащения и украшений из последних четырех курганов видно, что все они принадлежат к одному и тому же типу седел, несколько отличному от седел первых двух курганов.

Размеры, формы и техника изготовления седелных подушек в этих последних курганах такие же, как и в первых двух. Волосая набивка подушек простегана в продольном направлении в три или четыре ряда

крупными стежками витым шерстяным или волосяным шнуром. Таким же шнуром, но в поперечном направлении, простеганы уже вполне сформировавшиеся передние и задние луки седел. Последние отличаются уже относительно большими размерами, в среднем около 10 см высоты и до 20 см и более ширины у их основания.

Луки седел обшивались в большинстве случаев шерстяною тканью красного, розового и коричневого цветов. Ткани эти были двух типов: простого саржевого переплетения и саржевого же киперного, но с рисун-

Рис. 101. Деревянные дужки с седельных луков. ($1/2$ натур. вел.). Курган первый.

ком в виде диагональных рубчиков. В некоторых случаях седельные луки обшивались тонкой кожей и покрывались красным лаком.

Отличительной особенностью седел второго типа, помимо высоких луков, является наличие специальных деревянных распорок спереди и сзади между подушками седел, у основания их луков. Распорки эти представляют собою массивные дощечки с двумя противоположными выступами-язычками (рис. 102 и 103). Дощечка помещалась между двумя подушками, а язычки вкладывались внутрь подушек. Поверх подушек, как и в первых двух курганах, спереди и сзади, непосредственно у внутреннего края передних и задних луков, к наружным краям подушек узкими ремешками солидно прикреплялись толстые, шириною около 3 см, ремни. К этим ремням посредине и привязывались упомянутые выше распорки. Распорки эти являлись первым зачатком будущей деревянной основы седла.

К концам ремней, удерживающих на месте деревянные распорки, прикреплялись роговые или деревянные подвесные бляхи. Широкий (до 6—7 см) верхний подпружный ремень, закрепленный на подушках, как и в первых двух курганах, ремешками в двух точках, спускался ниже края подушек

сантиметров на 20—25. Непосредственно ниже краев подушек к нему снаружи прикреплялись полукруглые с отверстием у прямого края роговые пластинки, в одном случае замененные кожаными той же формы. В отверстие этих пластинок и подпружного ремня продевались концы нагрудного ремня и здесь завязывались (рис. 104). На концах подпружного ремня снаружи прикреплялись роговые же, в одном случае замененные кожаными, пластины щито-

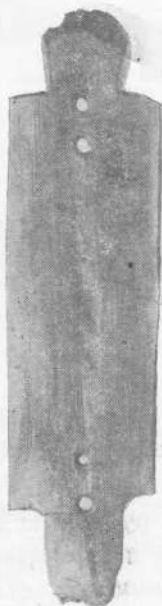
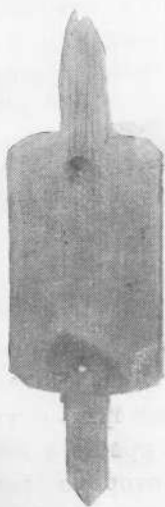
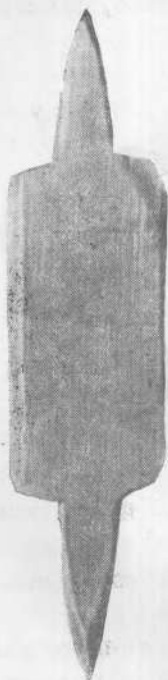

Рис. 102. Седельные распорки. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
Курган третий.

Рис. 103. Седельная распорка.
($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
Курган пятый.

видной формы с отверстием в нижней их половине. В отверстия этих пластин и верхнего подпружного ремня продевались концы нижнего подпружного ремня.

На этих подробностях я остановился специально потому, что четыре подвесные к ремням роговые бляхи — две полукруглые и две щитовидные — с отверстиями для закрепления концов нагрудного и нижнего подпружного ремней встречаются комплектами и в рядовых захоронениях и по ним можно судить о типе данного седла. В эти комплекты дополнительно обычно входят и две узенькие подвески-пластинки с передних луков седла.

Второй характерной особенностью седел рассматриваемого типа является наличие дугообразных роговых накладок на верхний бортик лук и больших роговых или деревянных накладок на наружные поверхности седельных луков. С формой этих накладок мы ознакомимся ниже, здесь же отмечу

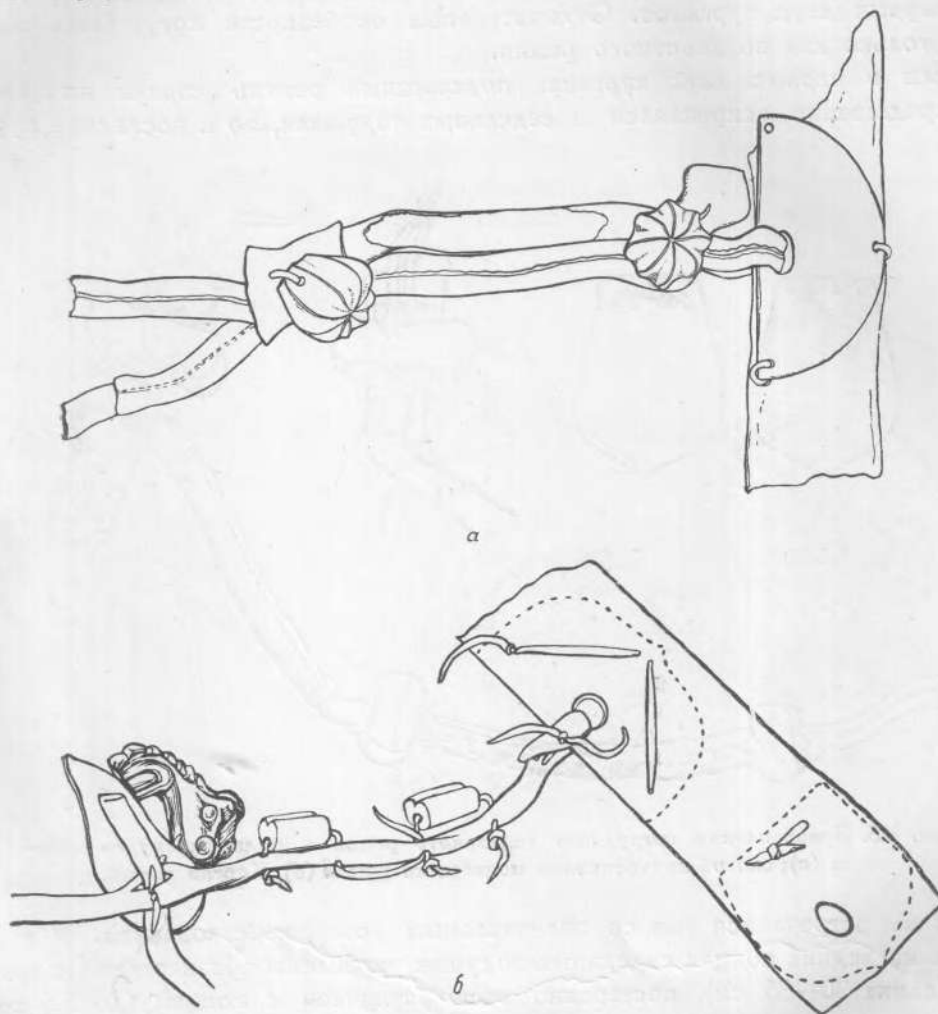

Рис. 104. Схемы закрепления нагрудного седельного ремня. Курган пятый.

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона.

только, что и они также, в случае нахождения их в рядовых погребениях, дают представление о типе седла.

В ряде случаев, как показали раскопки кургана пятого, упомянутые выше роговые накладки на луки седел заменялись таковыми же, но вырезанными из толстой кожи. Фактически, впрочем, могло быть и наоборот, т. е.

кожаные накладки на большие луки седел были заменены более прочными роговыми. В Пазырыкских курганах они бытовали одновременно.

Седельные покрывки, если пока не говорить об их украшении, потники, подпружные пряжки и нагрудные ремни все того же типа, как и в седлах первых двух курганов. Отличительные особенности могут быть указаны только для подхвостного ремня.

Если в первых двух курганах подхвостный ремень своими концами непосредственно закреплялся в седельных подушках, то в последних кур-

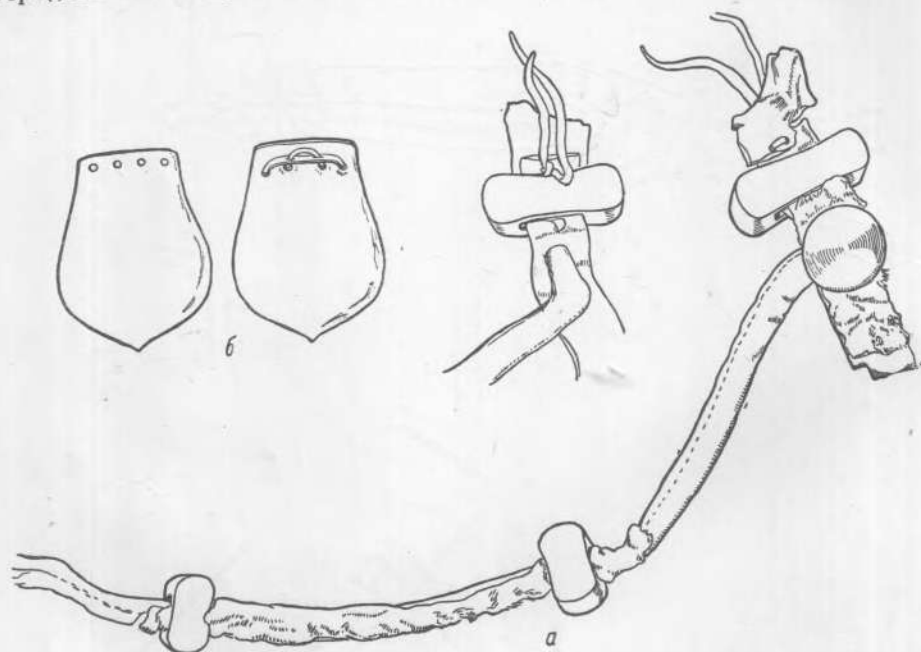

Рис. 105. Прикрепление нагрудного седельного ремня к подпружному со шлёмками (а); способ прикрепления подвесного щитка (б). Курган пятый.

ганах мы встречаемся уже со значительным усовершенствованием. У этих седел на задних концах седельных подушек укреплены сравнительно короткие (длина 30—35 см), постепенно расширяющиеся к концам (до 3.5 см), ремни, с длинным продольным разрезом (рис. 106, а). К этим-то ремням и привязываются концы подхвостного ремня, причем на правой стороне они обычно завязаны наглухо, а на левой — петлей так, что в случае надобности могут удлиняться и укорачиваться (рис. 106, б). Здесь же иногда надеты роговые или деревянные шлёмки.

Подхвостные ремни, так же как уздечные и нагрудные, прочные, сложенные вдвое и прошитые, со швом на наружной поверхности. В некоторых случаях подхвостные ремни простые, обшитые тонкой кожей.

Седельные ремни, к которым привязывается подхвостник, иногда на концах или по всей поверхности украшались нашивными бляхами (рис. 99).

Помимо перечисленных выше приспособлений и украшений, при одном из седел кургана пятого (рис. 128) найден привязанный слева к седлу деревянный стержень, с вырезанными на его концах кошачьими головками (табл. LXXVIII, б). Назначение этого стержня для меня осталось невыясненным, особого же внимания заслуживает его оформление. Дело в том, что подобные стержни (например у кожаной сумы из кургана

Рис. 106. Схемы закрепления седельных подхвостных ремней. Курган пятый.

второго, рис. 46) обычно украшаются звериными головками, направленными в противоположные стороны. На данном же стержне задняя головка вырезана так, что она, как и передняя, смотрит не назад, а вперед.

На рис. 128 дано схематическое изображение со всеми деталями упомянутого выше седла из кургана пятого. На рисунке этом можно видеть еще одну деталь, отличающую седла рассматриваемого нами типа от седел из

журганов первого и второго, а именно способ прикрепления нагрудного ремня, о котором подробно говорилось выше.

В некоторых случаях в месте прикрепления нагрудного ремня к подпруге на наружной их поверхности прикреплялась небольшая полукруглая пластина, а часто орнаментальная круглая бляшка (рис. 105, а).

Рис. 107. Конец нижнего подпругного ремня.

На концах нижних подпругных ремней иногда делались продольные разрезы для продевания концов верхнего подпругного ремня (рис. 107) при седловке коня.

Подобные седла второго типа, помимо Пазырыкских курганов, были в кургане Шибинском, где сохранились не только дуговые роговые накладки на большие луки седла, но и деревянные распорки,¹ а также в кургане у с. Каракола.² Таким образом данный тип седла имел широкое распространение в Горном Алтае.

Если тип узды, который мы находим в Пазырыкских курганах, во всех деталях был задолго до интересующего нас времени разработан в Передней Азии, то этого никак нельзя сказать о седле. Ассирийские седла, хорошо известные нам по современным барельефам, представляли собою не более как коврик с очень широким, также ковровым, нагрудником, составлявшим с ним одно целое.³ Поэтому не было нужды ни в подпруге, ни в подхвостном ремне, хотя последний иногда и употреблялся.⁴

Более поздние мидийские, а затем парфянские и персидские седла были того же типа. В повествовании о нравах персов времени Кира Младшего Ксенофонт отмечает, что „теперь у них более ковров на лошади, чем на постели, потому что они не столько заботятся о верховой езде, сколько о том, чтоб мягко сидеть“.⁵ Этот тип коврового седла, точнее чепрака, мы увидим на нашем ворсовом ковре из пятого кургана, его же можно видеть на известном серебряном диске из Амударьинского клада.⁶

Так как мы не знаем пока других, более древних седел, то тот тип седла, с которым мы в деталях ознакомились по находкам из Пазырыкских курганов, можно считать древнейшим типом и притом широко распространенным

¹ Хранятся в Гос. Этнографическом музее в Ленинграде, коллекция № 4888.

² С. В. Киселев, ук. соч., 1949, табл. XXXII, рис. 12.

³ О. Weber, ук. соч., рис. 38.—А. Н. Layard. Nineveh and Babylon. 1867, стр. 166.

⁴ А. Н. Layard. Nineveh and its remains. 1867, стр. 240.

⁵ Ксенофонт. Киropедия, VII, 8, 19.

⁶ D. M. Dalton, ук. соч., табл. IX, № 24.

в данную эпоху не только у азиатских племен, но и скифов Причерноморья. Изображений седел скифов мы имеем уже немало: на вазе из Чертомлыцкого кургана, на пластинке из кургана Куль-оба, на серебряной чаше из кургана Солохи, на ритоне из д. Мерджаны.¹ Требовать документальности в деталях изображения этих седел мы не вправе, но общность их конструкции с горноалтайскими не подлежит никакому сомнению. Если в изображениях большинства скифских седел мы не видим подхвостного ремня, то на ритоне из б. Кубанской обл. (Мерджаны) имеется и подхвостный ремень.² Этого мало; мы имеем и другие указания на бытование у скифов, начиная с архаического периода, седел горноалтайского типа. Общеизвестны роговые пластины и псалии со среднего Поднепровья из курганов близ с. Жаботин,³ датируемые концом VI или началом V в. до н. э. Если назначение псалий не вызывало никаких сомнений, то отношение к конской упряжи узких изогнутых роговых пластин, орнаментированных по наружной поверхности, не было выяснено. Между тем, нет никакого сомнения в том, что мы имеем здесь дело с уже известными нам накладными роговыми дужками на луки седел, на концах которых, а иногда и посередине, так же как у наших алтайских, проделаны отверстия для закрепления поверх луки. Мало того, подобные же нашим роговым накладкам на луки седел отливались, повидимому, и из бронзы. Я имею в виду дугообразные бронзовые пластины с рядом отверстий по нижнему краю и с двумя посередине из Семибратних курганов.⁴

После раскопок первого Пазырыкского кургана в литературе, особенно зарубежной,⁵ установилось мнение о конской упряжи, находимой в богатых горноалтайских захоронениях, как изготовленной специально для похорон. Такое утверждение не может быть обосновано.

Прежде всего захоронение вместе с умершим принадлежащих ему вещей теснейшим образом связано с культом мертвых. Поэтому замена подлинных вещей какими-то специально изготовленными не мыслима. Бесчисленные этнографические данные указывают на то, что везде, где мы имеем дело со снабжением умершего вещами, необходимыми ему в загробном мире, это его личные вещи. Известны факты изготовления миниатюрных вещей взамен настоящих или даже вырезывание из бумаги животных и людей. Эти вещи также связаны с культом мертвых, но не имеют никакого отно-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, рис. 69, 114, 123. — M. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*. 1922, табл. 20. — Известия Археологической комиссии, 1913, вып. 49, табл. 11.

² Известия Археологической комиссии, 1913, вып. 49, табл. 11.

³ M. Rostovtzeff, ук. соч., 1929, табл. 7, рис. 1, 2 и 5.

⁴ Раскопки Семибратних курганов Тизенгаузена в 1875—1876 гг.

⁵ A. Salmony. *Sino-siberian art in the collection of C. T. Loo*. 1933, стр. 19.

шения к погребальным обрядам. Это либо вещи, принадлежащие якобы душам умерших, временно, до вторых окончательных похорон пребывающих в родной семье (как это наблюдалось у народностей северо-западной Сибири), либо изготовленные для символических жертвоприношений (как это мы видим в Китае).

Обратимся теперь к рассмотрению самих вещей Пазырыкских курганов, которые отдельные археологи считают изготовленными специально для похорон.

Я частично уже высказал свои соображения, почему деревянные псалии считаю бытовыми. Добавлю к этому, что металл был дорог, поэтому там, где можно было обойтись без него, использовался другой материал. В двух уздах первого кургана псалии оказались различными. Это не могло бы иметь места, если бы они изготавливались для похорон. Очевидно, в обоих случаях одну поломали, затеряли и заменили другой, похожей на нее, но от другой узды. Одна из псалий того же кургана была поломана и затем тщательно перевязана у излома ремешком. Этого не нужно было бы делать, если бы псалии изготавливались только для похоронного обряда.

При детальном изучении ремennых узд обращает на себя внимание чрезвычайно тщательное их изготовление, особенно из курганов третьего и пятого. Мастер относился к своему делу по-хозяйски, стремился к тому, чтобы все было как следует прилажено, крепко и надежно сшито. О том, что удила были бытовыми, а не нарочито сделанными, доказывает нередко бросающаяся в глаза их потертость, даже изношенность. В некоторых случаях ремни узды местами подшиты для мягкости тонким цветным войлоком. Нередко в одном и том же кургане (третий и пятый) встречаются узды двух типов устройства, что едва ли могло бы иметь место, если бы они изготавливались для данного случая — для похорон.

Не меньше оснований считать бытовыми и седла по следующим соображениям. Подобно уздам, все седла сделаны чрезвычайно тщательно; некоторые из седел имеют явные следы ремонта — заплатки на кожаных подушках; деревянные распорки, имеющие смысл в ездовом седле, совершенно не нужны в бутафорском, тем более, что их не видно; кроме того, некоторые из распорок от длительного употребления седла как бы отполированы. Способ прикрепления к седлу подхвостного ремня, позволяющий по желанию укорачивать или удлинять его, целесообразен только в бытовом седле; наконец, для седла похоронного можно было обойтись простыми деревянными накладками на поверхности седельных луков и не было нужды в изготовлении трудоемких роговых.

Мысль о том, что конская упряжь Пазырыкских курганов не бытовая, могла явиться под впечатлением большого количества деревянных, крытых листовым золотом и оловянной фольгой, и других украшений. Следует между тем иметь в виду, что олово и особенно листовое золото чрезвычай-

чайню широко применялось в рассматриваемое время на Алтае (да и не только на Алтае) для покрытия самых разнообразных украшений из меди, бронзы и дерева, в частности украшений одежды. Естественно поэтому, что листовым золотом покрывались и деревянные украшения конской упряжи. Известное сообщение Геродота о том, что у массагетов „головные уборы, пояса и перевязи украшаются золотом“, а „уздечки, удила и фалары готовят из золота“, ¹ надо, мне думается, понимать в том смысле, как это наблюдается на Алтае, т. е. что они украшались листовым золотом. Такого количества золота, чтобы из него в массе изготовлялись упомянутые выше вещи, у массагетов быть не могло.

Очень показательными в этом отношении оказались результаты раскопок в 1950 г. второго Башадарского кургана на р. Караколе. Там, наряду с деревянными, крытыми золотом украшениями седел и узд, были обнаружены в точности такие же украшения, отлитые из меди и покрытые листовым золотом. Особенно интересны два таких набора, где и псалии, и все уздечные и седельные (нагрудные) подвески, отлитые из меди и вырезанные из дерева, являются точными копиями. Те золотые фалары массагетов, о которых писал Геродот, вероятно, были медные, крытые золотом, подобно нашим горноалтайским.

Возможно и другое предположение, а именно, что бытовые узды и седла к погребальной процессии были нарочито разукрашены. Последнее вполне вероятно, когда речь идет о сценах, изображенных на некоторых из седельных покрывшек курганов первого и второго, о покрывшке одного из седел пятого кургана, а также о некоторых из седельных подвесок. Замечу только, что каждый, кто бывал в богатых кибитках степных кочевников-скотоводов или в жилищах их горных соплеменников, мог видеть налево от входной двери богато разукрашенные седла, гордость их владельцев. Почему же бытовые седла и древних горноалтайцев не могли быть так богато разукрашены?

Перейдем теперь к покурганному краткому ознакомлению с наборами украшений конской упряжи из Пазырыкских погребений.

Прежде всего при осмотре наборов уздечных и седельных украшений десяти комплектов из первого Пазырыкского кургана бросается в глаза отсутствие какой бы то ни было связи в мотивах украшения узды и собственно седельных. В деревянных украшениях узды и нагрудника эта связь еще прослеживается, т. е. там, где мотивом деревянного украшения на узде является, скажем, пальметка или олень, и нагрудник соответствующего седла украшен такими же деревянными изображениями пальметки или оленя. Мотивы украшения седельных покрывшек и подвесок данного седла не имеют уже ничего общего с мотивами украшений соответствен-

¹ Геродот, ук. соч., 1, 215.

ных нагрудников и узд. Так как подобное же явление наблюдается в конской упряжи и из других курганов, то в данной главе мы рассмотрим главным образом украшения узд, нагрудных ремней и частично седельных украшений, с большинством же последних ознакомимся в главе об искусстве.

Среди украшений узды и нагрудного ремня в ряде комплектов мы имеем один мотив украшений, но это не обязательно. Часто в одном и том же наборе сочетаются два или три мотива.

Рис. 108. Уздечная псалия. (Около 1/2 натур. вел.). Курган первый.

Комплект первый из кургана первого Пазырыкского состоит из изящно оформленных S-образных псалий с пальметкой на концах (рис. 108 и 109). Такими же пальметками украшены ремни узды и нагрудника (табл. XXXI). Этот вариант пальметки — веер лепестков с двумя спирально завивающимися чашелистиками — известен и в Передней Азии и в Скифии.¹ Налобная бляха круглая, с полушарной выпуклостью в центре. Деревянные развилки, прикрывающие разветвления нащечных ремней, без орнамента.

Во втором комплекте (табл. XXXII) прямые псалии на концах украшены многолепестковыми пальметками, но иного типа, лепестки которых раскрываются из чашечек. Двойные пальметки вместе с изображениями лосей украшают уздечные и нагрудный ремни. Очень интересны ажурные бляхи с изображением как бы рассеченной пополам и распластанной фигуры лося с повернутой назад головой. Фигуры эти с коротенькими хвостами. Ноги, с мощными преувеличенными копытами, поджаты. Большая приставная скульптурная голова с кожаными ушами и рогами. Часть этих фигур плоская. У тех же, что по середине ремня переносы и на груди, обе половины тела животного поставлены под некоторым углом один к другому. При многих условностях, допущенных в изображении тела, голова лося выполнена достаточно реалистично. Мотив орнамента развилки на

¹ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 138. — E. E. Herzfeld, ук. соч., табл. 63 и 84. — M. Dieulafoy. L'Acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884, 1885, 1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Paris, 1892, табл. 4 и 10. — Отчет Археологической комиссии, 1877. Атлас, табл. 1, рис. 5. — Е. Придик, ук. соч., табл. 5, рис. 1.

разветвлениях нащечных ремней — один из вариантов „бегущих волн“. Рельефная налобная бляха имеет полулунную форму с веревочным орнаментом по середине.

S-образные псалии третьего комплекта (табл. XXXIII, 2) также украшены на концах лотосными пальметками, но уже в новом, третьем варианте. Перекрестия ремней узды и нагрудника здесь украшены вырезан-

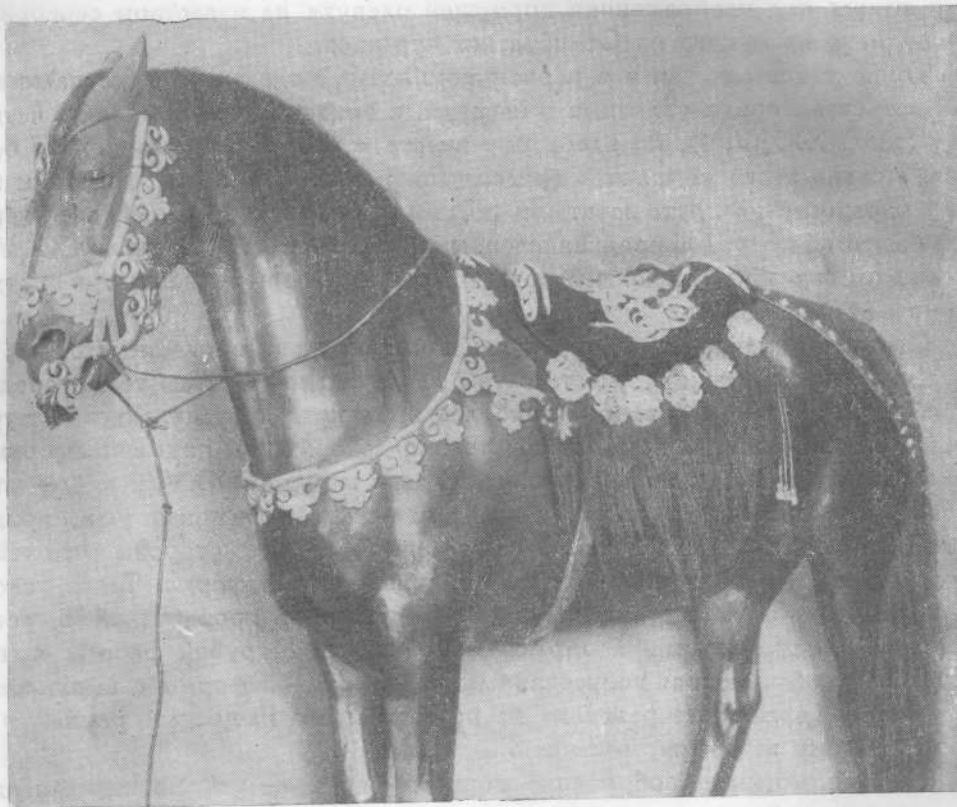

Рис. 109. Манекен оседланного коня.

ными из кожи трехслойными скульптурными изображениями очень выразительных козлиных головок (табл. XXXIII, 3). Особенность этой узды — наличие ремня налобника, которого нет более ни в одной из узд Пазырыкских курганов. Чрезвычайно интересно центральное украшение нагрудника — вырезанная из кожи птица (табл. XXXIII, 4). Это гриф с распростертыми крыльями и распущенным хвостом, вырезанный из толстой кожи. Из такой же толстой кожи выделана нашитая сухожильными нитками выпуклая грудка. Перья хвоста и маховых крыльев выполнены техникой

резьбы по коже. Голова грифа (табл. XXXIII, 1) с высоким гребнем и орлиным клювом — скульптурная, составленная из трех кусочков толстой кожи. Грудка, две полосы над расчленением маховых перьев и головка были покрыты листовым золотом. К нагруднику этот гриф был подвешен на четырех ремешках. Это прекрасное по своей декоративности и простоте рисунка изображение грифа интересно оформлением хвоста в виде пальметки, — совершенно так же, как изображен хвост в подобной же композиции птицы под изображением кормящей оленухи на известном серебряном нагруднике из одного из Семибратних курганов.

Точно такие же, как и в первом комплекте, подвески в виде пальметок мы встречаем среди уздечных и нагрудных подвесок и в комплекте четвертом (табл. XXXIV, 1), но здесь уже вместе с изображениями горных баранов. Псалии этого комплекта представлены замечательными фигурами горных баранов с их круто завитыми рогами и бородкой, подшейной гривкой, как бы самой природой предназначенными для орнаментации (табл. XXXIV, 2). Фигурки эти представлены в прыжке, с поджатыми передними и вытянутыми задними ногами.

Особое внимание было обращено мастером на оформление головы, переданной реалистично и вместе с тем декоративно. Формы тела переданы обобщенно, с подчеркиванием наиболее выдающихся мускульных контуров, особенно плечевого пояса. Исключительно декоративны подвески на ремнях узды и нагрудника в виде бараньих головок впрямь (XXXV, 2 и 4) — широколобая голова с приставными кожными рогами, маленькие уши, прикрытые рогами, в виде завитков. Расправленной на две стороны подшейной гривке с завитками на концах придана лироподобная форма. Такие головки выполнены в двух вариантах: с более детальной проработкой в резьбе гривки, с намеченными ноздрями носа, и более грубой работы и иной манеры резьбы. Лобная подвесная бляха листовидной формы с выпуклостью в центре. Деревянные развилки на разветвлениях нащечных ремней украшены рядами встречных завитков.

Единый мотив — изображение горного барана — использован для ажурных украшений узды и нагрудного ремня в комплекте пятом (табл. XXXVI, 1). Прямые псалии украшены на концах профильными головками барана, направленными в противоположные стороны (табл. XXXVI, 3). По существу они мало отличаются от тех, что в псалиях четвертого комплекта. Они тщательнее вырезаны, глаз круглый, но со слезной ямкой, иначе показана кольчатость рогов, подшейная гривка короче. Поразительны по изобретательности и мастерству выполнения подвесные бляхи, где в условной форме даны изображения баранов впрямь. Представлены они большой, слегка опущенной головой с приставными кожными рогами и такой широкой, расправленной на две стороны подшейной гривкой, что она как бы прикрывает все тело. Только внизу видны поджатые к морде четыре ножки

с копытцами. Все эти подвески плоскостные, за исключением одной по середине ремня переносья, форма которой выпуклая и рога не приставные кожаные, а рельефные, вырезанные из одной деревянной пластины вместе со всей фигурой. Среди нагрудных подвесных блях этого же комплекта имеется и другая композиция: баран в пасти рогатого хищника (волка). Эта композиция представляет исключительный интерес. В центре голова барана с круглым глазом и слезной ямкой, круто завитым кольчатым рогом, четко обозначенным ртом и ноздрей. Голова эта зажата в пасти хищника, нижняя челюсть которого касается нижней челюсти барана, а верхний клык вонзился в морду барана. Голова хищника с хорошо вырезанным глазом и загнутым в завиток кончиком носа. Симметричная рогу хищника подшейная гривка барана также заканчивается завитком. Из-под гривки выступает пара передних ножек барана. Помимо чисто композиционной изобретательности в оформлении, где в рамках почти квадратной подвески необходимо было поместить изображение „барана, схваченного хищником“, заслуживает внимания и та уравновешенность всей композиции, которая достигается одинаковой трактовкой рога и подшейной гривки, воспроизведением ног барана в противовес передней части морды хищника (табл. XXXV, 3). Крайне характерно изображение хищника с завитком на конце носа, с которым мы еще встретимся в дальнейшем. Развилка украшена одним из вариантов мотива бегущих волн (табл. XXXVI, 2).

По своим мотивам весьма разнообразны псалии, а также подвески узды и нагрудного ремня в шестом комплекте (табл. XXXVII). Узда данного комплекта—единственная из кургана первого с бронзовыми удилами и одна из двух узд, в которых псалии не парные. Обе псалии прямые, но одна из них украшена на концах совершенно одинаковыми, а другая разными головками грифов. В первой псалии (табл. XXXVIII, 4)—противопоставленные головки грифов с круглым глазом, орлиным клювом, хорошо очерченным ртом, „воротничком“ из рельефных бугорков, с высоким зубчатым гребнем во всю длину шеи. Необычна по форме вторая псалия (табл. XXXVIII, 3). При прямом ее стержне одна головка, направленная вниз, точно такая же, как в первой псалии, но с добавочным „воротничком“ по всей шее; другая, вместо того, чтобы быть направленной вверх, направлена вперед и иначе выполнена. У нее глаз не круглый, а продолговатый, сильнее изогнут клюв с дополнительным орнаментом по верхнему краю рта, большой хохолок и высокий спереди гребень постепенно сходит на нет. Обе головки этой псалии имели, кроме того, приставные кожаные уши, для которых были высверлены специальные ямки.

Замечательны по мастерству и декоративности рельефные изображения грифов впрямь со скульптурной приставной головой на перекрестьях ремней узды (табл. XXXVIII, 1 и 2). Тело этой птицы с расправленными крыльями, раздвоенным хвостом и одной лапой в центре представлено

в весьма условной манере. Скульптурная голова с приоткрытым ртом, типичным орлиным клювом, с таким же, как и на одной из головок псалии, орнаментом по верхнему краю рта. Глаз круглый, намечена восковица; приставные кожаные уши и зубчатый гребень. Подвеска посередине ремня переносья не плоская, а с плоскостями тела, поставленными одна к другой под некоторым углом. В деталях резьбы также наблюдаются два варианта. Мотив промежуточных между узловыми точками узды подвесок — уже известный нам баран в пасти хищника (табл. XXXV, 3), а подвески нагрудника — пальметки такого же типа, как в комплекте первом. Налобная бляха круглая с выпуклостью на ее наружной поверхности. Мотив, украшающий развилку, — бегущие волны с опрокинувшимся гребнем.

Псалии комплекта седьмого (табл. XXXIX, 3) S-образной формы, с прекрасным изображением стильных голов ушастых, с хохолком и гребнем голов грифов. Их рот приоткрыт, большой изогнутый клюв с намеченной восковицей. Украшения узды и нагрудника в этом комплекте состоят из дощечек с четким резным орнаментом (табл. XXXIX, 1 и 2), а на местах перекрестья ремней, посередине ремней переносья и нагрудного, — из простых лотосных пальметок (табл. XXXV, 1). Налобная подвесная бляха круглая. Деревянная развилка нащечных ремней без орнамента.

Мотив украшений узды и нагрудного ремня восьмого комплекта (табл. XL и XLI) представлен различными изображениями оленя. Олень в псалиях (табл. XL, 2), так же как и баран комплекта четвертого, дан в прыжке, с согнутыми в коленях передними поджатыми ногами и выкинутыми задними. Вытянутой вперед головой с закинутыми на спину ветвистыми рогами и прижатыми ушами подчеркнута стремительность прыжка; благодаря непропорционально большим копытам задних ног достигнуто равновесие всей фигуры. На перекрестьях ремней, посередине ремня переносья и на нагрудном накреплены распластанные рельефные изображения этих оленей с приставной скульптурной головой (табл. XLI, 2 и 3), в промежутках плоскостные ажурные. Изображения этих оленей с приставной скульптурной головой имеют много общего с изображениями лосей в рассмотренном нами комплекте втором. Можно, к тому же, и спорить: что это за изображения — оленей или лосей? Основная разница только в деталях, в частности, в положении передних ног и в замене двух коротких хвостиков трехлепестковой пальметкой.

Оригинальные промежуточные подвески (табл. XLI, 4). Здесь мы имеем изображение пары оленей, обращенных друг к другу, грудь против груди, но без ног, и с пальметкой между ними. Огромные, закинутые на спину рога и головы совершенно такие же, как и у оленей в псалиях, но в данном случае рога по размерам превышают тело животного. В этой композиции олени оказываются заключенными в рамку из рогов и пальметки,

что отвечало требуемой четырехугольной форме подвески. Какой здесь изображен олень, — северный или благородный, — разбираться бесполезно, так как в задачу мастера не входила передача видовых особенностей и мы имеем дело с обобщенной формой.

Олень с поджатыми ногами, вытянутой вперед головой, увенчанной ветвистыми, в длину всего тела, рогами, — строго, до трафаретности выработанный орнаментальный мотив, характерный уже для архаического периода скифского искусства. Его мы видим как в прекрасном изображении оленя из курганного погребения у станицы Костромской,¹ так и на выступе золотой пластины с ножен меча из Мельгуновского клада,² в целой серии штампованных изображений на накладки налучья из кургана у ст. Келермесской, на известной золотой чаше из Келермеса,³ на бляшках, украшавших конский головной убор, в одном из курганов б. Киевской губ.,⁴ в золотом олене из Кульобского кургана⁵ и во многих других подобных воспроизведениях. Между тем в Горном Алтае такой канонизированной формы в изображении оленей с рогами мы не знаем.

Налобная бляха в данном комплекте украшений круглая, уже известного нам типа; деревянная развилка рубчатая.

Своеобразны украшения девятого комплекта. Их мотивы — голова барса с кабаньим клыком во рту и четырехлепестковая розетка. S-образные псалии — с кошачьими, барсовыми головками, в пасти которых по клыку кабана (табл. XLII, 1). Четко вырезанные звериные глаза с намеченной бровью; ухо короткое, кошачье; верхняя губа в складках. Подвески, закрепленные на перекрестьях ремней, посредине ремней переносья и нагрудного — такие же, но скульптурные головки барсов с сильно изогнутым кабаньим клыком во рту (табл. XLII, 2 и 5), уши приставные, кожаные; головы выполнены более тщательно, чем в псалиях, в более глубокой резьбе. Четырехлепестковые розетки вырезаны из толстой кожи. Налобная бляха круглая.

Оригинальны украшения узды десятого комплекта (табл. XLIII). Псалии прямые, оканчивающиеся круглыми розетками, различными по рисунку, и, очевидно, от различных узд. У правой псалии обе розетки совершенно одинаковы и представляют собою полушарное вздутие, обрамленное рядом 14—16 маленьких полушарий. В левой псалии верхняя розетка точно такая

¹ Отчет Археологической комиссии, 1897, стр. 17, рис. 46.

² Е. Придик, ук. соч., табл. 3 и 4, рис. 1.

³ М. Rostovtzeff, ук. соч., 1922, табл. 7.

⁴ А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. 1901, вып. 3, стр. 139, рис. 71.

⁵ Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. 1854, табл. XXVI, рис. 1.

же, как в правой псалми, с 14 полушариями по краю, а полушарная выпуклость нижней розетки меньшего диаметра и окружена лепестками. Сособый

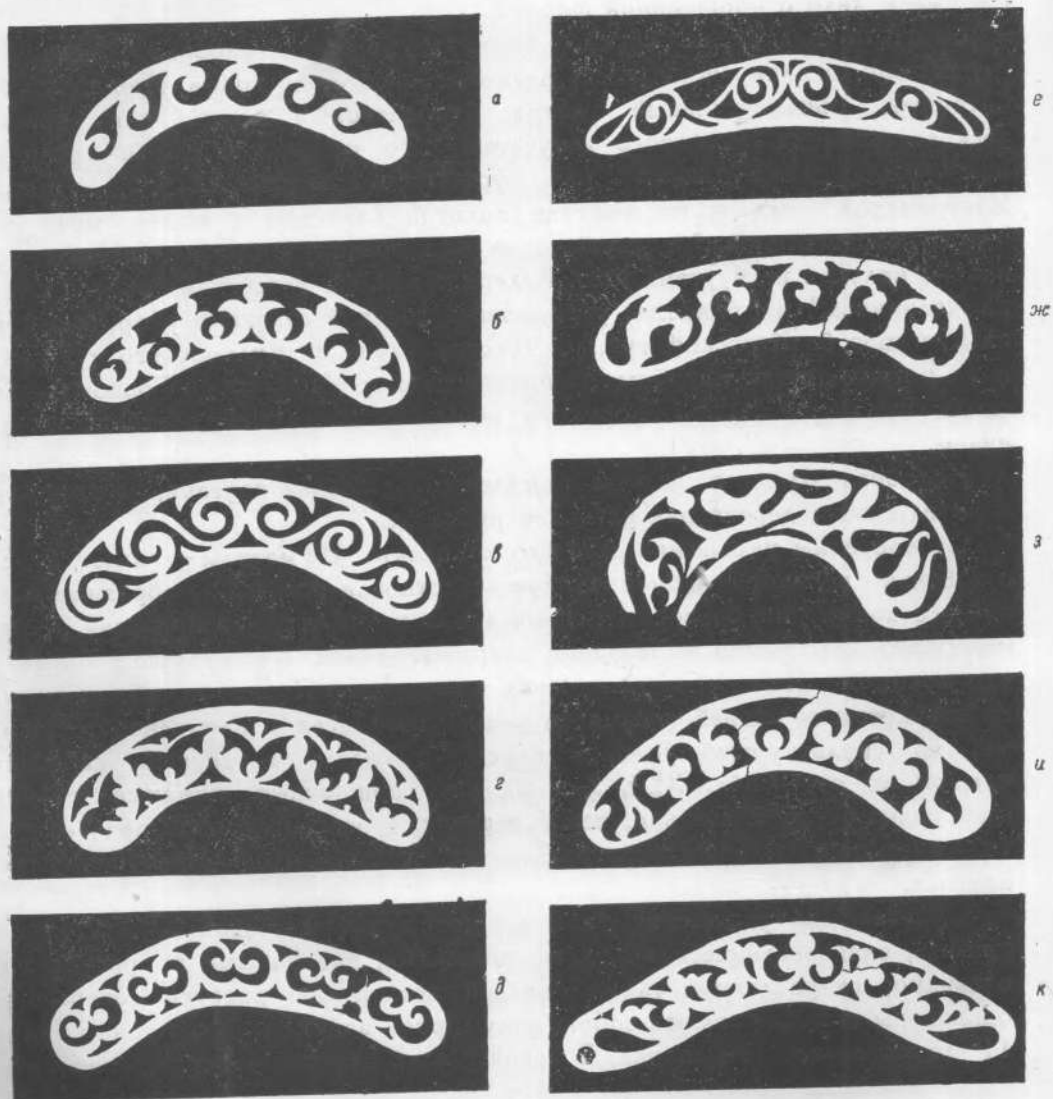

Рис. 110. Вырезанные из кожи ажурные накладки на седельные луки.

а—д, и, к — из кургана первого; е, ж — из кургана второго; з — из кургана третьего. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).

интерес этого комплекта — в изображениях человеческих голов, точнее масок. Маски эти двух типов. Один из них представлен только одним экземпляром, закрепленным посредине ремня переносья (табл. XLIV, 4), выгнутой,

а не плоской, как все остальные, формы. Здесь мы имеем относительно узкое и длинное лицо, с косо поставленными глазами, но узким носом; усы сбриты; борода заканчивается у высокопосаженных, но прижатых ушей особыми завитками. Остальные плоские маски (табл. XLIV, 1—3) широколицые и скуластые, с оттопыренными ушами, бородатые, но также без усов. Их несколько вариантов, более или менее широколицых. Промежуточные ажурные подвески к ремням узды и нагрудника украшены орнаментом из ряда встречных завитков. Налобная бляха узды полулунной формы с веревочным кантиком по краю.

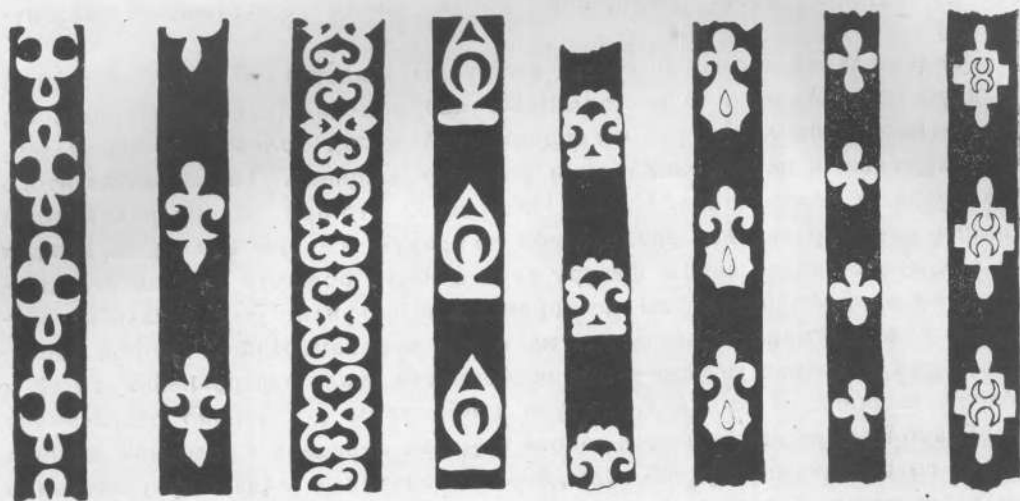

Рис. 111. Вырезанные из кожи украшения подхвостных седельных ремней. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).
Курган первый.

Вырезанные из кожи ажурные накладки на наружной поверхности узеньких седельных луков из кургана первого представлены на рис. 110, а—д, и, к. Мотивы их узоров довольно разнообразны. Это либо бегущие волны, либо различные комбинации из спиралей, либо растительные — более или менее осложненная пальметка, четырехлепестковая розетка. Достаточно разнообразны вырезанные из кожи украшения, нашитые и на подхвостные ремни седла (рис. 111).

Обычным украшением седел из кургана первого являются связки из трех довольно длинных ремешков или шерстяных шнуров, реже полосок войлока, прикрепленные с обеих сторон к седлу, в задней его части (табл. XXXI, 2). На концах к ним прикреплены ворворки с волосяными кистями. Ворворки разнообразной формы, кисти же, закрепленные в них, обычно из конского волоса, окрашенного в красный цвет (табл. XLII, 4 и 9). Подвески эти прикреплялись либо к концам ремней, соединяющих седельные подушки

у заднего края, либо непосредственно к подушкам. Здесь же прикреплялось к седлу по одному с каждой стороны притороченному ремешку с поперечной палочкой-застежкой на конце.

Из кургана второго мы имеем украшения только шести узд. Удила от узды седьмой были найдены без украшений, вообще очень плохо сохранившихся в конском захоронении этого кургана.

Наибольший интерес представляет набор роговых уздечных украшений. Псалии этого набора, найденные в кольцах железных удил (табл. XXX, 4), представляют собою довольно длинные, только слегка обработанные концевые части отростков рогов оленя естественной изогнутости.

Замечательная лобная подвеска этой узды является смелой композицией из двух геральдически сопоставленных изображений (или, точнее, одного, рассеченного пополам) гуся с запрокинутой назад головой и парой лап, находящегося в пасти ушастого и рогатого хищника. Таков мотив этого налобника в целом (табл. С, 1). Интересно, что при рассмотрении этой композиции, вертикально разделенной на правую и левую половины, каждая из них представляет собою фигуру гуся в пасти рогатого и ушастого хищника, но изображенного уже не впрямь, а в профиль. Эта деталь не случайна, она задумана и выполнена мастером преднамеренно. Второй заслуживающий внимания момент — это особенности стиля в выполнении гусей и головы хищника. В то время как гуси изображены достаточно реалистично (особенно их повисшие головы), голова хищника передана в условной манере: морда со складками верхней губы, большие звериные глаза с преувеличенно подчеркнутыми бровями, большие уши с характерным завитком у основания, рога с шариками на концах. Здесь мы имеем в своеобразной местной проработке приемы, хорошо нам известные по изображениям переднеазиатских львиных грифонов. Если образ этого чудища и был позаимствован с юга, то здесь, в Горном Алтае, он получил свою самостоятельную переработку, с сохранением некоторых, ставших и на Алтае общепринятыми, приемов воспроизведения, с приспособлением к задуманной композиции. Выполненная в низком рельефе, бляха эта в прорезях рисунка подкрашена желтой и красной минеральными красками.

Роговые уздечные бляхи этого же уздечного набора, овальной, почти круглой формы, большего и меньшего размеров, имеют один и тот же врезной лотосный рисунок (табл. С, 2 и 3). В центре, внутри овального бортика, прорез и два круглых отверстия для прикрепления бляхи к уздечному ремню. Вверху и внизу между стеблями по пять лепестков цветка лотоса на больших бляхах и по четыре на малых. Вправо и влево по трехлепестковому цветку между чашелистиками, спирально завитыми на концах. Вырезанный рельефный орнамент, как и в налобной бляхе, в прорезях выкрашен в красный и желтый цвета.

Мотив второго комплекта деревянных украшений узды — кошки. Псалии этого набора S-образной формы, оканчивающиеся изображениями передней части туловища кошки (табл. XLV, 3). Рельефно вырезанная голова с разинутой пастью, передняя лапа упирается в подбородок, уши вместе с баками представлены одним рубчатым завитком, верхняя губа в характерных для хищника складках. Уздечные подвески этого набора представлены скульптурными кошачьими фигурками на специальных постаментах — дощечках подковообразной формы, — выкрашенных в яркокрасный цвет киноварью (табл. XLV, 1 и 2). Фигурки были привязаны тонкими ремешками к дощечкам, а последние на особых ремешках подвешивались к узде. Кошки эти, в зависимости от того, какой из ремней они украшали, полулежат на правом или на левом боку, с поджатыми задними ногами и вытянутыми вперед передними, с вытянутой шеей и поднятой вверх, как бы настороженной, головой. Как и на головках псалий, торчащие уши вместе с баками и в этих фигурках оформлены одним рубчатым завитком. Верхние губы на выразительных мордочках в резких складках.

Налобная подвесная бляха в этом комплекте простая круглая, с выпуклой центральной частью, точно такая же, как и найденные в первом кургане. От последних она отличается лишь тем, что выкрашена в красный цвет, только центральная выпуклая ее часть покрыта листовым золотом.

От следующих трех узд, кроме удиц, сохранились только деревянные псалии. Псалия с гусиными головками на концах имеет S-образную форму (табл. XLVI, 4). При всей схематичности изображения этих голов относительно размерами и формой клюва, нарочито подчеркнутой восковицей убедительно переданы особенности вида. Псалии с прямым стержнем, заканчивающимся головками горных баранов (табл. XLVI, 1), имеют много общего с псалиями пятого комплекта из кургана первого. Здесь только несколько иначе оформлены рога и не так резко выступает подшейная гривка. Иначе трактованы бараньи головы на концах других S-образных псалий (табл. XLV, 5). В изображениях этих голов обращает на себя внимание отсутствие подшейной гривки; своеобразное оформление кольчатого, круто загнутого рога; очень хорошо вырезанная горбоносая баранья мордочка. Здесь, по всей вероятности, мы имеем дело с изображением головы домашнего барана — мотив очень редкий по сравнению с изображениями горных баранов. Вместе с этими псалиями найдена круглая налобная подвесная бляха узды, бараньи головки и деревянные развилки. Выпуклая центральная часть этой круглой налобной бляхи окаймлена кольцом веревочного орнамента (табл. XLII, 8). Мордочки упомянутых бараньих головок (табл. XLV, 4) оформлены совершенно так же, как и у бараньих головок S-образных псалий (табл. XLV, 5). Между тем из-за отсутствия утраченных приставных кожаных ушей и рогов трудно утверждать, что мы имеем дело с головками баранов. Вырезанные из дерева украшения узды с узором в виде ряда „запятых“ (табл. XLII, 6)

относятся также к этому набору. Деревянная развилка, прикрывающая разветвления нащечного ремня, точно такая же, какие мы видели и в первом кургане.

Рис. 112. Кожаное украшение узды.
($1/2$ натур. вел.). Курган второй.

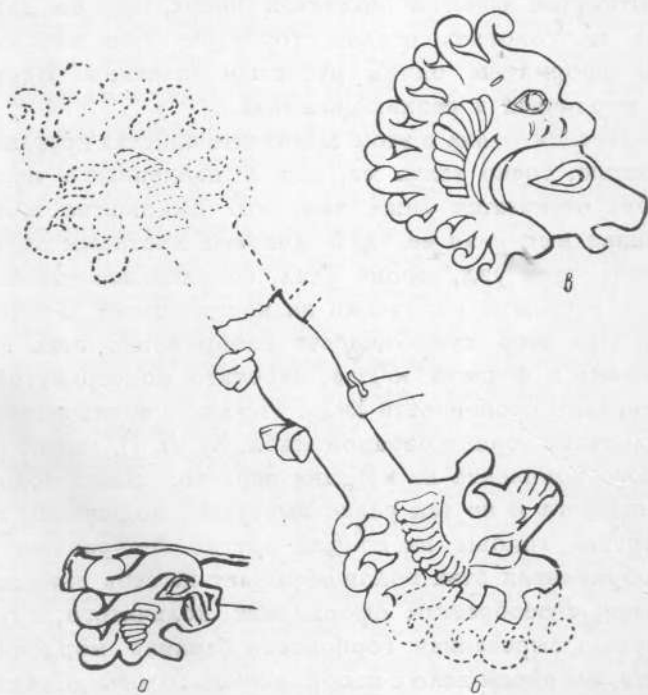

Рис. 113. Кожаные украшения узды. ($1/2$ натур. вел.).
Курган второй.

a — украшение уздечных ремней; *б* — псаля; *в* — украшение перекрестий уздечных ремней.

Необычайными в кургане втором оказались находки вырезанных из кожи псалий и украшений узд. Узды эти очень плохой сохранности, однако, после детального изучения их остатков, выяснилось, что одна имела вырезанные из кожи вильчатые накладки на разветвления нащечных ремней (рис. 112).

У другой на нащечных ремнях были обнаружены вырезанные из кожи львиные головки (рис. 113, а). Мало этого, как выяснилось, подобные же, но бóльших размеров львиные головы с оленьей головой в пасти были прикреплены на перекрестья ремней той же узды (рис. 113, в). Самой же удивительной оказалась находка сильно поврежденной, но поддающейся восстановлению псалии, вырезанной из толстой кожи, с львиными головами на концах (рис. 113, б). Все эти львиные головы с приоткрытой пастью, в псалиях к тому же клыкастые, со складками на верхней губе, с баками и со своеобразным воспроизведением гривы в виде завитков.

К набору украшений конской упряжи того же комплекта, к которому принадлежит узда с кожаными украшениями, относится и нагрудный седельный ремень с вырезанными из кожи украшениями, состоящими из рядов пальметок и в промежутках между ними человеческих масок с лотосным оформ-

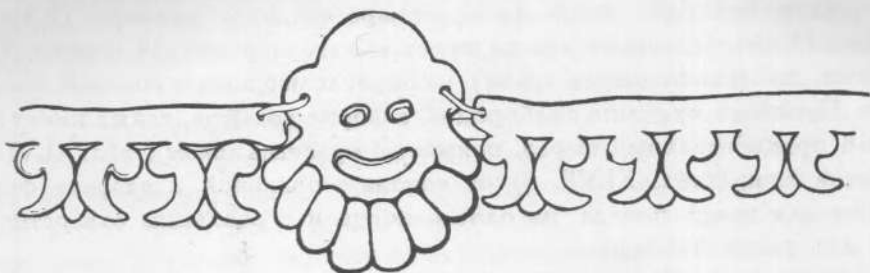

Рис. 114. Кожаное украшение седельного нагрудника. ($1/2$ натур. вел.).
Курган второй.

лением верхней части головы (рис. 114). К рассмотрению этого мотива мы еще вернемся в главе об искусстве. Все эти вырезанные из кожи украшения были покрыты листовым золотом.

У двух седел из кургана второго были такие же вырезанные из кожи ажурные накладки на передние луки седел, как и в кургане первом (рис. 110, е и ж). На некоторых из луков имелись и роговые подвески (табл. XLVI, 2, 3 и 5). С подобными подвесками подробнее мы ознакомимся при описании украшений седел из третьего и пятого курганов. Как и в кургане первом, на ремешках или шерстяных шнурах сзади к седлам были прикреплены ворворки с кистями или без них (табл. XLII, 3 и 10), а также притороченные ремни с деревянными застёжками и роговыми пронизками (табл. XLVI, 7).

Украшения седельных подушек с изображениями отдельных зверей или их борьбы, вместе с подобными из первого кургана, будут рассмотрены в главе об искусстве.

В кургане третьем, как уже сообщалось, кожа почти совсем не сохранилась, и поэтому мы располагаем всего тремя-четырьмя уздами, несколькими обрывками ремней от конской упряжи и не имеем ни одного цельного седла. Тем не менее, исходя из совместного нахождения различных укра-

шений и их мотивов, представляется возможным рассмотреть и этих украшений по отдельным наборам, а остатки седел дают представление об их конструкции.

Набор роговых частей и украшений узды с железными удилами из кургана третьего состоит из псалий, пронизок шаровидных, одной в виде конского копытца, и блока. Псалии выделаны из слегка только обработанных концов ветвей рога марала (табл. XLVII, 1). С наружной стороны сверху и внизу они украшены треугольными вырезками, которые были покрыты красным лаком. Шаровидные пронизки (диам. 2.5 см) также вырезаны из отростков рога оленя, с круглыми отверстиями для ремней узды. Все эти пронизки оформлены в виде „глаза“ со зрачком, радужной оболочкой и белком (табл. XLVII, 2). Центральная часть (зрачок) и боковые треугольники (белок) врезные и были покрыты красным лаком. Из семи таких шариков один большой (диам. 3 см), четыре среднего размера (2.5 см) и два малых (2 см). Пронизки эти не имеют строго шаровидной формы. Одна их сторона, противоположная зрачку и соприкасающаяся с головой лошади, плоская. Пронизка от ремня подбородка, в форме копытца, также имеет треугольный орнаментальный вырез, покрытый красным лаком (табл. XLVIII, 5).

Роговой блок (табл. XLVII, 3) от повода — овальной в разрезе формы, с гнездом для конца повода на одном конце и с овальным отверстием на другом для ремня чумбура.

Единый комплект украшений конской упряжи вместе с только что описанными украшениями узды составляют роговые седельные украшения. Здесь мы впервые встречаемся с большими роговыми накладками спереди и сзади на седельные луки, обшитые розовой шерстяной тканью типа саржи. В данном наборе четыре (по числу луков) таких накладки в форме слегка выгнутой полуподковки (табл. XLVIII, 1). На наружной их поверхности вырезаны геральдически сопоставленные пары лосиных голов в профиль. Несмотря на далеко зашедшую стилизацию этих голов вследствие орнаментальной внутренней их отделки, они с определенной ясностью передают типичные черты воспроизводимого объекта. Тяжелая горбоносая морда, полуоткрытый рот с мясистыми губами, тяжелая нижняя челюсть, большие глаза под самым корнем рогов, большие лопастные уши. На носу и нижней челюсти имеются орнаментальные прорезы, контуры которых в общем повторяют контуры этих частей головы. Рога представлены скупой передним отростком и лопастью, между которыми находится орнаментальный бугорок. Мастерски вложенная в форму данной накладки, эта пара лосиных голов поражает своею композиционной законченностью в целом. Накладки в пониженных частях рельефа, в прорезах, были покрыты красным лаком, вследствие чего на красном фоне светложелтые изображения голов лосей выступали особенно отчетливо. Для прикрепления накладок к лукам седла у наружных их концов и посередине сверху высверлены сквозные отверстия.

Под накладками были закреплены дополнительные украшения: на передних луках специальные подвески (табл. XLVIII, 6), на задних круглые и плоские пронизки (табл. XLVIII, 3 и 4). Небольшие узкие подвески сверху имеют круглое отверстие, а в нижней расширенной части — сердцевидное. По обеим сторонам последнего, на наружной поверхности, симметрично прорезью изображены парные отростки оленьего рога. Своей симметрией, плавными линиями, гармонирующими с общим очертанием подвесок, прорези эти придают подвескам особую красоту. Изящно оформлены и кружки-пронизки, несколько отличающиеся одна от другой своим орнаментом. На одной из них, с овальным отверстием в центре, между наружным бортиком и отверстием врезаны, как зубы, три запятые с острыми концами, направленными в одну сторону. Поле между наружным и внутренним бортиками пронизки меньших размеров, с вырезанными подковками, разделено на шесть долек, из которых три, как и в первой пронизке, покрыты красным лаком. Сквозь эти пронизки были продеты ремни для привязывания подхвостного ремня.

На концах ремней, соединяющих спереди и сзади седельные подушки, были закреплены более массивные и широкие подвески (табл. XLVII, 6 и 7) с тем же примерно орнаментом, что в подвесках на передних луках седла. Мотив этого орнамента в прорезях — те же отростки рогов оленя, только у основания в данных подвесках заканчивающиеся завитком.

У концов верхнего подпружного ремня были закреплены подобные вышеописанным щитовидные роговые подвески, но без сердцевидного прореза (табл. XLVII, 8 и 9). Отсутствие последнего позволило мастеру иначе оформить завитки у основания рогов, что придало орнаменту особый стиль. Все описанные выше подвески в прорезях покрыты красным лаком.

Чрезвычайно интересны полукруглые бляхи этого набора украшений, прикрепленные к верхнему подпружному ремню у самых подушек седла, с овальными отверстиями для привязывания концов нагрудного ремня и с изображением кошачьих морд впрямь (табл. XLVIII, 2). И здесь кошачья морда с редким мастерством вписана в заданную форму полукруга. Элемент условности в этих изображениях не меньше, чем в изображениях голов лосей на накладках седельных луков, но основные, характерные черты данного рода животных вполне распознаваемы. Посредине — широкий сердцевидный нос, огромный приоткрытый рот с верхней губой, оформленной особыми завитками, большие продолговатые глаза со слезными ямками, большие заостренные уши с характерными завитками. Эта композиция может быть сопоставлена с хорошо известными изображениями морды хищника в центре большого полушарного украшения из Котандинского кургана (табл. LXXXII, 3) или на роговой бляхе из коллекции Фролова, хранящейся в Эрмитаже (табл. LXXX, 4).

Подпружная роговая пряжка (табл. XLVIII, 7) массивная, с носком на передней дужке и с Х-образным прорезом для подпружного ремня.

К этому же набору относятся и четыре (две из них размером немного побольше, две поменьше) роговых шлёвки (табл. XLVII, 4 и 5) от седельных ремней, к которым привязывались концы подхвостного ремня. Сквозные прорезы в этих шлёвках высверлены перкой дриля диаметром около 5 мм. В каждой шлёвке просверлено по шесть, одно возле другого, сквозных отверстий с промежутками между ними на закраинах. Последние хотя и срезаны ножом, но хорошо различимы. С наружной стороны шлёвки орнаментированы треугольниками, прорезы которых были покрыты красным лаком.

Один из самых простых наборов деревянных резных украшений узды из кургана третьего представлен на рис. 98. Узда эта, с бронзовыми удилами, как и все, состоит из двух ремней суголовных, переносья и двух подбородных. Концы ремней у псалий украшены ремennыми гармониками, выкрашенными в красный цвет. Две таких же гармоника, в три складки каждая, имеются по бокам центрального украшения, на ремне переносья. Псалии прямые, с вырезанными на концах пирамидками из четырех шариков (три в основании и один сверху). Стержень псалий, как у большинства деревянных псалий, посредине оклеен тонкой кожей с трех сторон, исключая стороны, соприкасающейся со ртом лошади. Подвесные украшения — такие же вырезанные из дерева пирамиды из четырех шариков, насаженные на кожаные, покрытые снаружи красным лаком, трехлепестковые розетки. С обратной стороны этих подвесок, как на большинстве подобных украшений, для прикрепления к узде прорезаны специальные проушины. Налобная подвеска в виде полуподковки, плоская с нижней стороны, а с наружной слегка выпуклая. Вверху по краям подвески проделано по две пары отверстий для подвешивания ее на ремешках. Блок роговой, со втулкой для ремня повода.

Следующий набор узды с железными удилами состоял из псалий, налобной бляхи в виде полуподковки, из украшений в виде шестилучевых рельефных звезд — „репьев“, копытовидной и пятигранной каплевидной пронизки и блока для повода. Концы псалий оформлены в виде „лап“, рельефно и искусно вырезанных (табл. XLIX, 2). „Репьи“, укрепленные над перекрестьями ремней узды, посажены на кожаные кружки, покрытые красным лаком. Налобная бляха обычной формы, но с прорезным орнаментом (табл. L, 1). В прорезах она выкрашена в красный цвет, в остальном ее поверхность, как лапы псалий и репьи, покрыта золотым листком. Врезными треугольниками, выкрашенными в красный цвет, украшены и копытовидная пронизка и блок (табл. L, 6 и 7). Гнездо в блоке для ремня повода коническое и глубокое. Ремень повода в гнезде блока был закреплен продетым сквозь него ремешком, завязанным узлами у краев отверстий в блоке. Характерная деталь этой узды: ремни суголовный и переносья на участке

между их перекрестьями не только сшиты, но еще покрыты снаружи лоскутом стриженной овечьей шкурки белого цвета.

Столь же прост набор деревянных украшений узды, мотивом которых является розетка. Удила и этой узды железные. Псалии прямые, с розетками на концах (табл. XLIX, 3). В кольцевом ободке розетки по кругу расположено шесть полушарных выпуклостей; в центре такая же седьмая выпуклость, но больших размеров. Разветвления нащечных ремней у псалий украшены простыми ремennыми гармониками. Розетки, подобные тем, что в псалиях, но только с семью полушарными вздутиями по краю (табл. L, 5), украшают и перекрестья ремней узды. Эти розетки двух размеров: 4.7 и 5.3 см в диаметре. Налобная подвесная бляха круглая, с полушарным вздутием в центре.

Очень интересен набор украшений узды, мотив которых — лебедь. Удила бронзовые. Псалии состоят из квадратных в сечении бронзовых стержней, на концы которых насажены скульптурные фигурки лебедей с повернутой назад головой (табл. XLIX, 1). Голова с шеей и особенно клюв, по сравнению с размерами тела этих фигурок, явно преувеличены. Самые фигурки выполнены в круглой скульптуре обобщенно, передавая только форму тела. Клюв с четко выраженной восковицей выкрашен в красный цвет. Вырезанными кружками намечены глаза, а полукружками — ушные отверстия. Точно такие же фигурки лебедей служили подвесками, украшающими перекрестья ремней узды (рис. 97). На плечах лебедей в псалиях с наружной стороны, а в подвесках с обеих, высверлены конические ямки, в которые были вставлены, к сожалению не сохранившиеся, кожаные крылья. О гармониках на ремнях близ псалий этой узды говорилось уже выше. На правом ремне подбородка сохранилась на месте пронизка в виде конского копыта, подобная тем, которые уже упоминались выше. Налобная подвесная бляха в виде полуподковки, блок от ремня повода обычный.

Оригинален мотив украшений узды с бронзовыми удилами, изображение которой с лицевой и обратной стороны, для уяснения конструкции узды, было дано раньше (рис. 89). По аналогии с рядом подобных украшений, известных нам и на Алтае, и у западных скифов, этот мотив (табл. L, 8 и 9) можно рассматривать как голову птицы, до пределов стилизованную. По существу от головы здесь остался только глаз в виде полушарного вздутия и загнутый вниз клюв. Такими головками оканчиваются псалии, таковы же и все подвески.

На этой узде, между прочим, как уже отмечалось выше, виден ряд деталей ее пошивки. В частности, ремни суголовный и переносья после их нижнего переплетения и до псалий прошиты сухожильными нитками по краям, а на ремне переносья посредине нашита полоска дополнительного декоративного ремня.

Особое место среди узд третьего кургана занимает узда с бронзовыми удилами, основной мотив украшений которой — фигурки горных баранов

(табл. LI, 1). Ремни этой узды не сложены вдвое и не прошиты, как у всех остальных из данного кургана. Кроме того, за исключением перекрестий ремней и середины ремня переносья, прикрытых фигурками баранов, все ремни сплошь украшены нанизанными на них шариками. Вместе с тем помимо узды имеются ремни, унизанные шариками, и подвески, состоящие из серий шариков и полулуний (табл. L, 2), равно как и три сверхкомплектные фигурки горных баранов. Следовательно, фигурки баранов и шарiki украшали также и ремень нагрудника.

Псалии этой узды (табл. LI, 4) состоят из бронзовых стержней, таких же, как и в псалиях, украшенных лебедями, на концах которых насажены вырезанные из дерева горельефные фигурки передних половин тела горного барана. В этих профильных изображениях, довольно грубо оформленных, особое внимание уделено изображениям глаз и подшейной гривки. Достаточно тщательно вырезана мордочка. Шея с горбиком, подогнутые ноги с тщательно вырезанными копытами. Широкие лопастные уши и большие кольчатые рога приставные, кожаные. Крепление ушей и рогов различно. Уши вставлены в конические высверленные отверстия; в свои гнезда вставлены и рога, но закреплены они в них ремешком, продетым в сквозные отверстия, сделанные у основания рога.

Подвески на перекрестиях ремней узды и посередине ремня переносья представляют собою изображения фигур тех же баранов, но уже целиком (табл. L, 4), с подогнутой передней ногой, вывернутым задом, с копытом задней ноги, касающимся головы (табл. LI, 3). При наличии приставных ушей и рогов эта нога не видна, без них хорошо видна вся фигура животного. Стилистический прием изображения животного, особенно пораженного, с вывернутым задом обычен в художественных воспроизведениях животных из Пазырыкских курганов. Здесь, однако, особый случай, когда этот прием использован для того, чтобы уложить фигурку зверя в форму, близкую к кругу, что было желательно для уздечной бляхи. С этой задачей мастер справился блестяще. Дав несколько преувеличенную голову, выгнутую шею с гривкой, мастер простыми средствами, несколькими смелыми линиями прекрасно передал остальную фигуру животного. Плавными линиями очерчена спина с шеей и задняя часть тела. Всего двумя-тремя линиями мастерски выделена грудь, пояс передних конечностей, изогнутый хребет при вывернутом заде. Передняя нога подогнута вполне натурально, задняя же дана в той позе, в какой мы ее можем наблюдать у баранов или козлов, когда они чешут ею голову. Разумеется, и здесь имеется доля условности, вызванной требованиями художественной композиции, хотя бы загнутое и направленное назад копытце задней ноги, подобно копытцу передней ноги. Так как все эти фигуры вырезывались индивидуально, в каждой из них, естественно, наблюдаются некоторые различия в деталях.

Своеобразно украшение на разветвлениях нащечных ремней, соответствующее развилкам из первых двух курганов. Оно представляет собою как бы рассеченную пополам и развернутую голову какого-то зверя, судя по форме ушей и манере изображения глаз — хищника (рис. 96).

Налобная подвесная бляха большая, в форме полуподковки.

Шарики, которыми сплошь унизаны уздечные и нагрудные ремни, поочередно были либо окрашены в красный цвет, либо покрыты листовым золотом. Подобно шарикам и полулунные фигурки в подвесках также поочередно либо красные, либо покрыты листовым золотом.

Форма шариков слегка приплюснутая, с отверстием всегда в направлении слоев древесины. В бруске соответствующего размера первоначально, вероятно, высверливалось круглое отверстие, затем брусок расчленился и из отдельных его отрезков резались шарики.

Деревянный блок для ремня повода и копытоподобная пронизка (табл. LI, 2) обычной формы.

Полный и очень разнообразный комплект украшений узды и седла, основной мотив которых голова лошади. Удила этой узды были железные. Массивные прямые псалии оканчиваются лосяными головами с приставными рогами, к сожалению, не сохранившимися (табл. LII, 2). Головы хорошо моделированы; нос широкий, слегка приоткрытый рот с мясистыми губами, относительно большие глаза и уши. Горб носа, язык в приоткрытом рту, частично уши и веки глаз выкрашены в красный цвет. Лосяные головы в уздечных подвесках точно такие же, как и в псалиях (табл. LII, 3 и 4). При одном и том же скульптурном их оформлении обращает на себя внимание необычное разнообразие в способах прикрепления этих подвесок к узде. В девяти подвесках семь различных способов прикрепления. Здесь имеются и проушины различных типов, и сквозные отверстия, и комбинации проушин с отверстиями. На рис. 115 показано два образца — с двумя сквозными отверстиями и с проушиной. Необычной формы в данной узде и лобная подвеска (табл. LII, 1), треугольная, пожалуй даже сердцевидная, с выемкой у верхнего края.

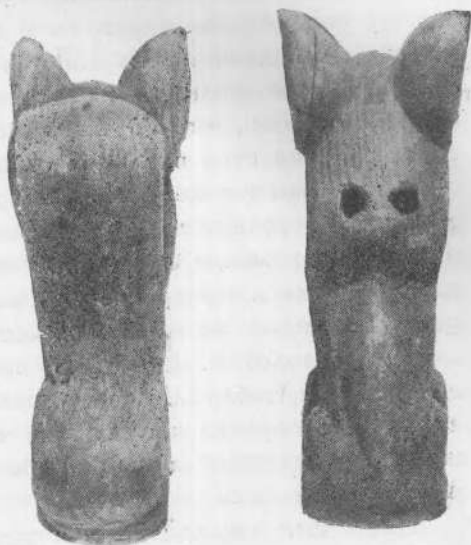

Рис. 115. Лосяные головы — уздечные украшения. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган третий.

Развилка, прикрывающая разветвление нащечных ремней, в общем сходна с рассмотренной в предыдущем наборе уздечных украшений (рис. 96). Та же распластанная голова хищника, сквозь которую проходят ремни, только детали в оформлении этой головы, в частности ушей, несколько иные (табл. LII, 2). Подобно лосиным головам в подвесках, и здесь рот, веки глаз, завитки ушей и участок между ушами окрашены в красный цвет.

Набор украшений седла данного комплекта конской упряжи обилен и разнообразен. Луки были покрыты накладками с такими же изображениями геральдически сопоставленных голов лося, какие мы уже видели в подобных же роговых накладках, но в данном случае весь набор седельных украшений деревянный (табл. LIII, 1). В этих четырех накладках обращают на себя внимание большие их размеры (при несколько выгнутой их форме, ширина 16.6 см), что соответствует большим размерам седельных луков. Из сопоставления этих накладок с роговыми, описанными выше, очевидно, что они повторяют тот же мотив. Отличительной особенностью деревянных накладок является только то, что изображенные на них головы безрогие, если не принимать во внимание небольших валиков над их головами. В прорезях эти накладки, как и все прочие украшения данного седла, выкрашены в красный цвет, выпуклые же их поверхности, бортик и сами головы были покрыты листовым золотом. Обращаю внимание на деталь в изображении правой головы лося (табл. LIII, 1) — незаконченность в оформлении глаза. Мастер, видимо, не обратил внимания на то, что им в этом случае, как и в изображении других голов данного набора, не прорезана контурная линия вокруг вырезанного глаза.

Под этими накладками, так же как и на седле с роговыми украшениями, были закреплены такие же каплевидные, но плоские подвески со стилизованным изображением оленьего рога (табл. LIV, 7). Подобные же, но широкие щитовидные подвески, с тем же рисунком оленьих рогов, были прикреплены на концах переднего и заднего поперечных ремней, скрепляющих подушки седла, и на концах верхнего подпружного ремня (табл. LIV, 1 и 6). Последние две по размерам несколько больше. Не совсем ясно, где помещались четыре полукруглые бляхи с симметрично вырезанными такими же стилизованными рогами, но в ином варианте (табл. LIII, 2 и 3). Поскольку перечисленных выше блях найдено два полных комплекта, можно предполагать, что два седла имели подобные украшения.

Чрезвычайно интересно украшение верхнего бортика передних луков седла, подобное которому мы увидим и на одном из седел кургана пятого. Это фигурки львят, представленные, в сущности говоря, только головками, передней частью тельца с оформленным плечевым поясом и загнутым кверху хвостом, являющимся только придатком к головкам (табл. LIV, 2—4). Мордочки у них широкие и толстые, с приоткрытым ртом и мясистым языком. Нос узкий, хорошо вырезаны глаза с резко очерченными надбровными дугами.

Углы нижней челюсти полушарные, уши с характерным завитком. Фигурки эти, одна за другой, в профиль, были прикреплены на ремни, нашитые на бортик лук, причем они поочередно были либо окрашены в красный цвет, либо покрыты листовым золотом.

Интересны и украшения подхвостного ремня, которые состоят из пластинок, прикрывающих ремни у задних лук седла, и из двудольных пронизок, закрепленных на нагрудный и подхвостный ремни. Пластинки удлиненной четырехугольной формы с вырезанными на них фигурками зайцев, направленных головами назад, к более широким частям пластинок (табл. LIV, 8 и 9). У фигурок типичные заячьи головки с короткими, мягких очертаний мордочками, большими, длинными ушами и короткими хвостиками. Типичны для зайца и мягкие лапки, двупалые в одном изображении и трехпалые в другом. Изображены они в позе пораженного животного, — с вывернутым задом. Характерна черта, не так часто встречающаяся в подобных изображениях животных, это спиральная полоска-ремешок по изогнутому хребту. При одной и той же позе одна фигурка зайца короче, другая длиннее, причем их изображениями покрыто не все поле внутри рамки пластинок. Оставшееся свободным пространство близ узких концов пластинок занято рядом из трех зубцов на одной, из четырех зубцов на другой пластине. Возможно, что эти зубцы — условное изображение травы или кустов. Бортик и фигурки зайцев были покрыты золотым листком, в прорезях пластины выкрашены в красный цвет.

Двудольные пронизки (табл. LIII, 4), украшавшие нагрудный и подхвостный ремни, так же, как и львиные фигурки, попеременно окрашены в красный цвет или покрыты золотом; длиной они в среднем 2.4 см, шириной 1.5 см, с нижней поверхности плоские, с наружной выпуклые и продольным желобком разделены на две доли. Внутри их сквозное отверстие, в которое продет тонкий ремешок, после чего вся цепочка наложена на тонкий ремень. К последнему они прихвачены узеньким ремешком так, что снаружи его не видно, а под низом он наискось переплетает ремень сверху, проходя между пронизками. Этот тонкий ремень с пронизками закреплялся на нагрудный и подхвостный ремни.

Узда с набором украшений в виде головы сайги, с бронзовыми удилами (табл. LV, 5). Ее псалии прямые, с лопастными, ромбической формы, концами, внутренняя поверхность которых почти плоская, а наружная двугранная. На внутренней поверхности лопасти оклеены тонкой кожей красного цвета, а на наружной золотыми листками. Скульптурные головки сайги вырезаны в той же манере, что и головы лосей, но с резкими морщинами на тупом с большими ноздрями носу, с приоткрытым ртом, круглыми со слезными ямками глазами, большими ушами (табл. LV, 2 и 3). Рога приставные, кожаные. Приоткрытый рот (язык) красный, в остальном головка покрыта золотом. На перекрестиях уздечных ремней и посередине ремня

переносья головки подвешены при помощи ремешков, продетых в сквозные отверстия нижней челюсти, под глазами.

Очень интересна пронизка в виде скульптурной головки молодой сайги (рожки намечены только зачаточными бугорками). Вследствие более вытянутой головки, уши относительно длиннее и уже, чем в больших головках, глаза не круглые, а удлинённой формы, на горбатом носу не четыре, а пять морщин. Приоткрытый рот красный. В сквозное отверстие продет ремешок, завязанный на переднем конце узелком, и втянут внутрь, в рот (табл. LV, 4).

Налобная подвесная бляха этой узды обычной формы — полуподковы (табл. LV, 1), нащечные ремни у псалий украшены кожаной гармоникой, выкрашенной в красный цвет (табл. LV, 5).

По мастерству выполнения, мотиву и особенностям стиля выделяется набор украшений узды и седла с изображением рогатой львиной головки. Удила этой узды железные. S-образные псалии, с прямоугольным в разрезе стержнем, с великолепными изображениями рогатой львиной или кошачьей головы в профиль на верхнем конце псалии и головы грифа на нижнем конце (табл. LVI, 3). Открытая пасть льва с огромными клыками; верхняя губа в крупных складках; нос тупой, кошачий; большой рельефный глаз; длинное ухо, выполненное в манере, типичной для изображения хищников, с завитком у основания; короткие кольчатые, загнутые на конце рога. Если львиная голова выполнена в условной, но притом уже детально разработанной манере, то тем более условной следует признать манеру выполнения головы грифа. Здесь по существу мы имеем только схему его головы: глаз, клюв и гребень или ухо, представленное завитком, лишь намеченная нижняя челюсть. Схема эта, между тем, крайне выразительна. Так именно изображались головы грифов на концах ветвей рогов и на шее фантастических животных в татуировке, на концах ветвей рогов оленя на спине одной из одежд второго кургана, в псалиях из кургана пятого, с которыми познакомимся ниже. Подобные изображения голов грифа известны нам и по многим другим их воспроизведениям в искусстве причерноморских скифов, той же трактовки, как и в Горном Алтае.

Набор подвесок этой узды состоит из таких же львиных головок, как и в псалиях, но в профиль и впрямь, притом несколько иначе трактованных (табл. LVI, 1, 2 и 6). Профильные головки почти в точности воспроизводят головки псалий, только их ухо по нижнему краю не гладкое, а рубчатое. Смотрят эти головки вправо или влево в зависимости от того, с какой стороны узды они закреплены. У головок, поставленных впрямь, закрепленных на ремне переносья, относительно широкие носы с явно, как у профильных, намеченными ноздрями; верхняя губа в складках, большие глаза со слезными ямками, уши и рога приподняты кверху, последние с завитками, точнее шариками на концах. Все детали в выполнении этих головок те же, что и у профильных.

Если профильные головки, как обычно, через проушины на тыльной их поверхности были прикреплены на перекрестьях уздечных ремней, то головки впрямь прикреплялись ремешком, продетым сквозь подвеску у корня носа.

Деревянная развилка на нащечных ремнях у псалий (табл. LVI, 8) того же типа, как и развилки из первого кургана, только закреплялась она на этих ремнях не через проушины на тыльной ее поверхности, а посредством парных отверстий на ее концах. Мотив орнамента этой развилки — бегущие волны, причем вверху с опрокинутым гребнем.

Блок от повода обычного типа (табл. LVI, 7).

Подвески, украшающие седельные ремни, — те же рогатые львиные головки впрямь, что и украшающие узду, но только вырезанные вместе с подковообразными постаментами и притом не в таком высоком рельефе

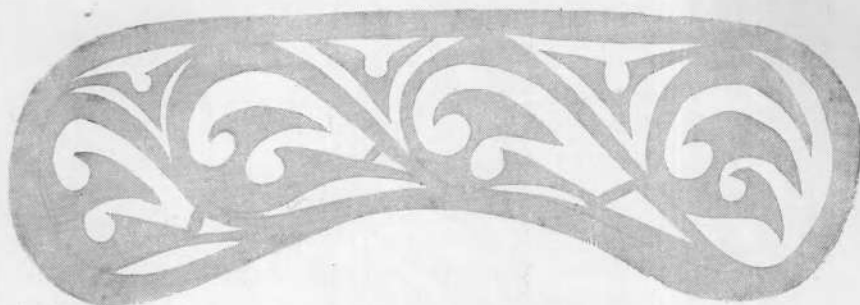

Рис. 116. Украшение передней луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. (1/2 натур. вел.). Курган третий.

(табл. LVI, 4 и 5). Одна пара по размерам больше другой. Постаменты выкрашены в красный цвет, головки же, как и все в данном комплекте, покрыты золотом.

Седло, передние луки которого были украшены вырезанными из кожи накладками в форме полуподковки с орнаментом, в виде стилизованных оленьих рогов (рис. 110, з), имело и деревянные подвески с таким же орнаментом. Те, что были подвешены к передним лукам, совершенно такие же, что и на седле, луки которого были украшены лосиными головами (табл. LIV, 7). Таковы же, как и у этого последнего седла, и подвески к седельным ремням (табл. LIV, 1 и 6): те же стилизованные оленьи рога, но в более осложненном рисунке.

Оригинально украшение седла, луки которого были покрыты поверх коричневого войлока тонкой кожей и украшены накладным ажурным узором в виде полуподковки, вырезанным из листового золота, с красным лаком в прорезях, представленным на рис. 116. Точно такого же рисунка узоры длинных золотых полос, относительно узких, украшавших передние и задние ремни, скреплявшие подушки (рис. 117), и широкой полосы на верхнем под-

пружном ремне (рис. 118). Подвесные украшения этих ремней с тем же мотивом оленьего рога, но в более простой передаче (табл. LVII, 5), чем у рассмотренных выше. Тот же мотив рисунка и на узких подвесках передних лук этого седла (табл. LVII, 6).

Рис. 117. Украшение седельного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган третий.

Рис. 118. Украшение верхнего подпружного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган третий.

Рис. 119. Седельная подвеска на ремне. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган третий.

На рис. 119 дано изображение одной из таких подвесок с концом ремня, к которому прикреплена деревянная распорка седельных лук. Ремень этот толстый, двойной, снизу подложена тонкая кожа, сверху полоска тонкого войлока. Все эти ремни, подкладка и покрывка были прошиты по краю

сухожильной ниткой. К ремню подвеска прикреплена при помощи узкого ремешка.

Седло с луками, обтянутыми тонкой кожей, покрытой красным лаком, поверх которой наклеен ажурный узор из листового золота, было, повидимому, очень богато украшено, но удалось восстановить только украшения передних луков. Последние были украшены вырезанными из золотого листка накладками, узор которых представлен на табл. CIV, 1, не только спереди, но и по верхнему краю. Замечательна широкая (7 см) ажурная, вырезанная из золотого листа накладка на верхний подпружный ремень (рис. 120). Сложный узор этой накладки состоит из стилизованных оленьих и в прорезях турьих рогов, треугольников с круглой выемкой у основания, запятых с прорезью в виде запятых же, но малых размеров. Щитовидные подвески к ремням этого седла (табл. LVII, 4) имеют орнамент, подобный накладкам на седельные луки, который можно рассматривать как один из вариантов турьих рогов. Одна из таких подвесок найдена вместе с седельным ремнем, к которому она была прикреплена. Ремень этот двойной, сшитый посередине наружной его поверхности сухожильной ниткой. Поверх ремня с лицевой стороны нашита полоска тонкого войлока красного цвета. На ней, на расстоянии 4.5 см от нижнего края, закреплен круглый кожаный, крытый золотом кружок; ниже у самого края ремня фетровая шлёвка, также покрытая золотом. К этому же набору седельных украшений относятся и полукруглые бляхи с орнаментом из турьих рогов в прорези (табл. LVII, 7). Все бляхи этого набора в прорезях выкрашены в красный цвет, выпуклые рельефные их поверхности покрыты листовым золотом.

Попутно остановимся на приемах прикрепления подвесок к седельным ремням в третьем кургане. В тех случаях, когда в подвеске пара отверстий, в них продевался ремешок и завязывался на обратной стороне ремня. В тех же случаях, когда отверстий в подвеске было три или более, прикреп-

Рис. 120. Украшение верхнего подпружного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган третий.

ление производилось следующим способом. Узкий, сложенный вдвое ремешок продевался в отверстия подвески и сквозь ремень; в образовавшуюся на обратной стороне петлю вставлялся короткий, в ширину ремешка, кожаный штифтик и ремень после этого затягивался.

Рис. 121. Украшение передней луки седла—вырезанный из листового золота орнамент. ($1/2$ натур. вел.). Курган третий.

Последний набор деревянных седельных подвесок из кургана третьего, состоящий из двух узких, прикрепляемых к передним лукам седла, и шести широких подвесок, прикрепляемых к седельным ремням, имеет узор, с трудом поддающийся описанию (табл. LVII, 2, 3).

Если в узких подвесках узор может быть определен как врезные треугольники и квадраты, то в широких его очень трудно расчленить на отдельные элементы.

Ряд мотивов в украшениях передних луков седел из кургана третьего удалось зафиксировать в процессе раскопок. Помимо уже описанных выше, там мы имеем следующие узоры. На лоскуте кожи овальной формы, покрытом красным лаком, наклеено три золотых кружка с круглыми отверстиями в центре, причем средний кружок больше боковых (табл. CIV, 6). Следующий мотив: в золотую рамку овальной формы вписана золотая S-образная фигура; фон внутри рамки покрыт красным лаком (табл. CIV, 4).

Третий мотив: вырезанная из золотого листа полуподковка с кругами по краям и прорезью внутри (рис. 121).

Рис. 122. Украшение луки седла—вырезанный из листового золота орнамент. ($1/2$ натур. вел.). Курган третий.

Четвертый — та же дуга, но с шариками в подвесках (рис. 122).

Столь же просты украшения следующих трех луков, отличающиеся только разнообразием использованного материала. На табл. CIV, 2 мы имеем полукруг, внизу которого широкая полоса темнокоричневого войлока, окаймленная узкими полосками синего войлока; синего цвета и круги на коричневой полосе. Верхний сегмент из светложелтого войлока, окаймленный по дуге полоской синего войлока, а по хорде наклеен ряд четырех-

угольников, вырезанных из листового олова и золота. Украшение луки, покрытой коричневым войлоком (табл. CIV, 3), спереди представляет собою полуподковку из синего войлока, с золотым кольцом посредине; задняя сторона луки также покрыта полуподковкой, но уже из белого, пожелтевшего в могиле войлока, окантованной витым шерстяным шнурком; на поверхности этой полуподковки наклеены три ряда прямоугольников: два золотых и один из листов олова. Украшение луки, покрытой желтым войлоком (табл. CIV, 5), спереди представляет собою также полуподковку, окантованную шерстяным шнуром, в центре которой золотая запятая. По верхнему краю лука покрыта полоской синего войлока, на которой посредине приклеена запятая из листового золота, а по краям завитки из того же материала. Внутренняя сторона луки также была окантована шнурком и украшена рядами золотых и оловянных прямоугольников. Луки седел украшались также вырезанными из золотого листка накладками в виде полуподковки, наподобие тех, что вырезывались и из кожи, но с зубчатым орнаментом внутри полуподковки (рис. 123). Имеются золотые накладки в виде овала, с зубчатым внутренним краем.

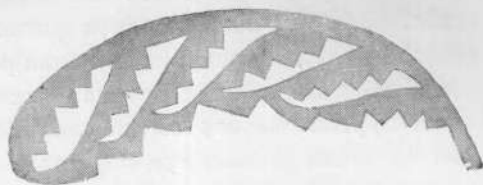

Рис. 123. Украшение луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. (1/2 натур. вел.). Курган третий.

Помимо вышеописанных чрезвычайно разнообразных украшений седел из третьего кургана, имеются совсем простые роговые накладки от двух седел. Это прежде всего накладки на луки седел дугообразной и трапециевидной форм (табл. LVIII). И тех и других в комплекте четыре — по числу луков в седле, с роговыми дужками, прикрывающими сверху бортики луков. Дугообразные накладки по форме близки к уже знакомым нам, имеющим вид полуподковки, но нижние их края не закруглены, а с прямыми углами. Кроме того, полукруглые выемки под такими накладками глубже и под ними обязательно закрепляется плоская коническая пронизка. При таких накладках и роговые дужки имеют форму, отвечающую контуру верхнего края накладок.

Трапециевидные накладки со слегка выпуклым верхним краем и закругленными верхними углами, нижние же их края дугообразные с почти прямыми углами. В центре круглое отверстие. Дужки, прикрывающие верхний край луки, и в этом наборе повторяют форму верхнего края накладок (табл. LVIII, 1 и 2). Существенно отметить, что одно и то же число отверстий высверлено как в верхней и боковых сторонах дужки, так и в накладке. Ясно, что на луках накладки и дужки крепились одновременно одним и тем же ремешком. Седельные луки с такими накладками имели особую прочность.

Простые роговые подвески не представляется возможным приурочить к тому или другому седлу, и я ограничиваюсь только перечислением их типов с указанием назначения.

Парные узкие подвески (табл. LIX, 1 и 2) имеются от передних луков двух седел. Четыре крупные, узкие и длинные подвески (табл. LIX, 3) украшали концы седельных ремней. Такое же назначение было и щитовидных подвесок средней величины, образцы которых приведены на табл. LIX, 4, 6 и 8. Большие и широкие подвески (табл. LIX, 12—14) были у верхних подпружных ремней.

Полукруглые накладки с парой овальных отверстий у прямой стороны (табл. LIX, 10 и 11) нашивались на подпружные ремни у края седельных подушек и к ним привязывались концы нагрудного ремня. Всего мы имеем подвески с трех седел: от двух, описанных выше, с роговыми накладками на седельные луки, и от третьего, нам не известного. От подхвостных ремней одного из этих седел имеются и роговые шлёвки (табл. LIX, 9). Одна из двух роговых пластинок с отверстиями на концах (табл. LIX, 5), вероятно, седельная распорка, а изображенная на табл. LIX, 7 — плоская и коническая роговая пронизка.

В кургане четвертом не сохранилось ни одной узды, ни одного седла. Об их типах можно судить только по роговым и деревянным принадлежностям и украшениям. Тем не менее и то, что сохранилось, представляет большой интерес, а вырезанные из дерева уздечные украшения значительно дополняют своими мотивами украшения первых трех курганов.

Судя по наборам уздечных, и особенно седельных, накладок и украшений, узды и седла четвертого кургана, повидимому, были того же типа, что и в кургане третьем.

Роговых уздечных украшений два набора: один совсем простой, другой с такой же отделкой, как и в кургане третьем, но попроще. В первом уздечном наборе псалии из обрезков концевых отростков оленьего рога без особой отделки (табл. LX, 9). Столь же просты и уздечные пронизки из отростков рога оленя бочковидной формы и в виде конского копыта (табл. LX, 4, 6 и 7). Обычного типа и роговой блок для повода узды (табл. LX, 8).

Роговые псалии второго уздечного набора в поперечном сечении не круглые, как обычно, а плоские, овальные. На обоих концах с наружной поверхности декоративные треугольные вырезы (табл. LX, 1 и 5). Пронизки, украшающие уздечные ремни, шаровидные, двух типов: с глазным орнаментом, как и в наборе из кургана третьего, и совсем простые, гладкие (табл. LX, 2 и 3). Блок для повода роговой, овальный в поперечном разрезе (табл. LX, 12).

Особенностью блоков уздечного повода, как только что упомянутого, так и других из кургана четвертого (табл. LX, 10), является иной, чем в кургане третьем, способ прикрепления блока к поводу. В данном случае

вместо гнезда, куда вставлялся конец повода, в блоке проделывалось отверстие, с помощью которого блок привязывался к поводу. Кроме того, как увидим ниже, в кургане четвертом встречаются плоские блоки, чего не наблюдалось в кургане третьем.

Два седла были снабжены роговыми накладками и подвесками. Одно седло поверх своих высоких лук имело накладки и дужки типа, уже известного нам по третьему кургану (табл. LXI, 1, 2 и 5), причем под накладками передних лук были закреплены узкие подвески (табл. LXI, 8), а под накладками задних лук — плоские конические пронизки (табл. LXI, 6). Украшением седельных ремней служили роговые накладки щитовидной и полукруглой форм (табл. LXI, 7 и 13). Луки второго седла были без роговых накладок, но на наружной поверхности передних лук были закреплены две узких подвески (табл. LXI, 9). На концах передних и задних надседельных ремней висели небольшие щитовидные подвески двух типов (табл. LXI, 10, 11), а на верхнем подпружном ремне были закреплены своеобразной формы накладки, сквозь которые пропускались концы нагрудного ремня (табл. LXI, 12). Подпружная пряжка того же типа, что и найденная в кургане втором, только передний ее край не выгнутый, а прямой (табл. LX, 13). Сохранились и коротенькие шлёвки (табл. LXI, 3 и 4). Приторочные ремни были снабжены такими же деревянными застёжками, как и в других курганах (табл. LIV, 5).

Перехожу к описанию деревянных украшений узды. Деревянные псалии одной из узд S-образной формы с горельефными изображениями волчьей головы на верхнем конце и с вырезанным треугольником на нижнем, расширенном (табл. LXII, 1). Голова волка с узким носом и морщинистой верхней губой; глаз большой, ухо острое. Замечательные горельефные фигуры волка с повернутой назад головой и вывернутым задом украшали перекрестья ремней этой узды (табл. LXII, 2). В данном изображении мастер не дал вполне реалистического воспроизведения зверя. Чрезвычайно преувеличены размеры головы, занимающей не менее двух третей размеров всей фигуры. Она изображена с открытой, клыкастой пастью и с верхней губой в морщинах, как у ощерившегося зверя. Узкий и длинный нос, рельефный глаз, большое звериное ухо с завитком у основания. Нижняя челюсть представлена двумя резкими складками. Небольшое тщедушное тело с длинным, завившимся на конце в кольцо, хвостом. Неестественно поджатые лапы переданы в условной манере. Характерная особенность этого изображения, отмеченная уже в изображениях зайцев из кургана третьего, — рельефная изогнутая линия вдоль хребта, так гармонирующая с фигурой извивающегося зверя. Помимо зайцев, такая линия на спине мне известна только на одной золотой пластине сибирской коллекции Петра I, где рогатый и крылатый львиный грифон впился в загривок коня.¹ Несмотря на далеко зашед-

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1890, вып. 3, стр. 55, рис. 62.

шую стилизацию, замечательно передана фигура судорожно извивающегося зверя с перебитым хребтом и сохранены все типичные особенности данного зверя. Блестяще разрешена и композиционная задача — поместить изображение зверя в заданную форму уздечной бляхи. В наборе таких блях восемь, причем на четырех из них волки обращены головой в одну сторону и на четырех — в другую, в зависимости от того, на какой стороне узды они закреплены.

Второй набор уздечных украшений также волчий. Псалии и этой узды S-образной формы, с волчьей головой на верхнем конце (табл. LXII, 3 и 4) и врезным треугольником на нижнем, расширенном конце (табл. LXII, 6). Волчья голова оформлена совершенно так же, как и рассмотренная выше, только верхняя губа без морщин и морда более острая. Бляхи, украшающие ремни этой узды, представляют собою волчью голову, в пасти которой головка козули (табл. LXII, 7). Длинная узконосая морда волка в основном, исключая мелкие детали, воспроизведена так же, как и в фигуре волка предыдущего набора уздечных украшений. Головка козули передана схематично, но достаточно выразительно. Особое внимание, как обычно, мастер обратил на изображение глаза: он здесь типично козий, как типично волчий — у волка; типична и мордочка козули. Длинное вытянутое ухо козули вместе с нижней челюстью оформлено так, что завиток уха является вместе с тем и углом нижней челюсти. Внутренность уха, нижняя челюсть волка в прорезях и головка козули выкрашены красной краской и только оставшаяся поверхность покрыта листовым золотом, в то время как все прочие уздечные украшения из данного кургана были покрыты золотом сплошь. И в этом наборе восемь волчьих голов, причем четыре из них смотрят в одну сторону, а четыре — в другую. Налобная бляха узкая, серповидной формы, сильно выпуклая, почти полукруглая в поперечном разрезе (табл. LXII, 5).

Единственный в своем роде набор уздечных украшений, мотивом которого являются котята или кошки. Профильные изображения голов кошек на верхних концах псалий сильно повреждены (табл. LXIII, 4). Головки эти с узким носом, большим глазом, приоткрытым ртом и большим круглым ухом с завитком внутри. Нижние концы псалий — обычной для данного кургана формы, с треугольным вырезом (табл. LXIII, 7). Уздечные бляхи представляют горельефные изображения кошек с большой скульптурной головой (табл. LXIII, 5 и 6). В зависимости от стороны узды, на которую они закреплялись, головки их обращены в разные стороны. При многократном (всех их восемь) повторении одной и той же фигурки нет и пары из них в точности одинаковых. Изображены эти звери в одной и той же лежачей позе, с вытянутыми вперед передними лапками и поджатым хвостом. У одних, однако, мордочка выше, у других ниже; у одних головки приподняты, у других повернуты на бок и слегка наклонены вниз. По сравнению с размерами тела головки сильно преувеличены. Глаза большие и, как всегда,

четко вырезаны. Мордочки широкие с характерным кошачьим носом с горбинкой, торчащие уши с завитком, как и в псалиях. На щеках баки. Передние лапки, как у фигурок зайцев из кургана третьего, мягкие трехпалые; задние оформлены так же, как и в фигуре волка. На плечевом поясе вырезана характерная запятая, на заду — полуподковка. Ребра намечены двумя-тремя глубоко врезанными скобками. На одной из фигурок кошек в плечевом поясе две запятые, а на заду — точка и три полуподковки (рис. 124). Фигурки были покрыты листовым золотом, за исключением точек, запятых и полуподковок, которые были покрыты красным лаком.

Подобные уздечные украшения с изображением лежащего зверя, но металлические, мы знаем также у причерноморских скифов.¹

Налобная подвесная бляха этого набора круглая, с полушарным вздутием в центре.

Очень интересен набор уздечных украшений с горельефными рогатыми кошачьими (львиными) головками впрямь в медальонах. Псалии этой узды, как и все из данного кургана, S-образной формы, с профильным изображением ушастой и рогатой головы льва или кошки на верхнем конце, с треугольным вырезом на нижнем расширенном и закругленном конце псалии (табл. LXIII, 1). Здесь та же знакомая нам кошачья головка с большим глазом, носом с горбинкой, слегка приоткрытым ртом, верхней губой в морщинах. Прижатый, с шариком на конце рог прикрыт узким и длинным ухом. В круглых уздечных бляхах горельефные изображения таких же, как в псалиях, голов, но впрямь (табл. LXIII, 2 и 3). Обрамление этих голов трехъярусное, причем концентрические кольца к центру повышаются, и бляхи, таким образом, получают очень рельефные, почти полушарные. И здесь большие, косо поставленные глаза, широкий с намеченными нозд-рями нос, верхняя губа в морщинах. Рога с шариками на концах прикрыты такими же, как и в псалиях, узкими и длинными ушами с характерным завитком у основания. Часть этих блях меньшего размера, часть более крупных.

Не лишено интереса сопоставление рогатых кошачьих головок данного уздечного набора с подобными же головками из кургана третьего

Рис. 124. Украшение узды — вырезанная из дерева фигурка кошки. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган четвертый.

¹ С. Н. Замятин. Скифский могильник „Частые курганы“ под Воронежем. Советская археология, 1946, VIII, рис. 14, 4. Изображения зайцев из раскопок Бобринского в Криворукове близ Журовки 6. Чигиринского у. Киевской губ. см.: Известия Археологической комиссии, 1905, вып. 14, стр. 27, рис. 64.

(табл. LVI). Мотив один и тот же, хотя в бляхах из кургана четвертого рога прикрыты ушами, а в бляхах из кургана третьего уши помещены рядом с рогами. Имеются и стилистические отличия. Головки из кургана четвертого ближе к натуре, чем из кургана третьего.

Оригинален набор уздечных украшений с птичьей головкой. Псалии и этого набора S-образной формы, с ушастой птичьей головкой на верхнем конце и раздвоенной лопастью внизу (табл. LXIV, 6). Обращает на себя внимание в этой профильной голове сочетание круглого птичьего глаза и орлиного клюва с явно звериным ухом и типичным завитком у его основания. Подвесные украшения этой узды представляют собою фигурки птиц впрямь, у которых в круглой скульптуре вырезаны только головки, тельце же с крылом и хвостом передано до такой степени условно, что, не будь головок, это изображение мы вправе были бы рассматривать как орнаментальный мотив, ничего общего не имеющий с изображением птицы. Да и сама головка не совсем птичья (табл. LXIV, 2 и 3). Правда, короткий загнутый книзу клюв явно птичий и притом с хорошо выраженной восковицей, круглые глаза также птичьи, но, как и в псалиях, имеются уши. От головы книзу спускаются лопасти: одна короткая с шариком на конце, другая длинная (крыло с хвостом) с завитком, касающимсяверху короткой лопасти противоположной стороны. Последняя то с правой, то с левой стороны — в зависимости от места прикрепления на узде. Каждая из этих фигурок была покрыта листовым золотом и, кроме того, накреплена на кожаные листовидные подкладки, крытые красным лаком. Налобная подвеска этой узды узкой серповидной формы, подобная описанным выше.

Особо выделяются украшения узды коня, положенного в северо-восточном углу могильной ямы. Особенность этой узды не только в оригинальной трактовке мотива фантастического зверя, ее украшающего, не только в выполнении этих украшений в дереве и в коже, но и в наличии особого навершия в виде вырезанной из дерева большой головы того же фантастического зверя, который украшает и ремни узды (табл. LXV, 2 и 3).

Псалии этой узды по первому впечатлению напоминают псалии с уже известными нам на их верхних концах изображениями волчьих голов. При ближайшем, однако, их рассмотрении выясняются и существенные отличия. Прежде всего нос более горбатый и слегка приплюснутый на конце. Складки на верхней губе не поперечные, а продольные, а главное, что следует отметить, это наличие больших, загнутых кверху кабаньих клыков (табл. LXIV, 7). Голова здесь, следовательно, не волчья, а кабанья. Этот мотив находится в соответствии с изображениями тех голов, которые мы видим на уздечных ремнях и в навершии (табл. LXIV, 5).

Суголовые ремни этой узды сверху донизу прикрыты вырезанными из кожи тремя фантастическими животными (на рис. 125 изображены два). Эти последние представлены в двух вариантах, правда, мало между собою раз-

личающихся. Нижнее изображение у разветвления нащечных ремней — кошачья фигура в профиль, с очень длинным, загнутым на конце хвостом, оканчивающимся кисточкой, подобной птичьей головке, с парой высоко приподнятых, узких крыльев, концами направленных вперед, с приставной, вырезанной из дерева, головой. Лапы когтистые, переданы условно, как клешни рака или хвост скорпиона. Фигура эта посажена на своеобразную двулопастную подставку, смысл которой становится ясным из сопоставления с соседней фигурой. Фигуры, расположенные выше, в основном те же, только крылья не так приподняты кверху и несколько иначе оформлены.

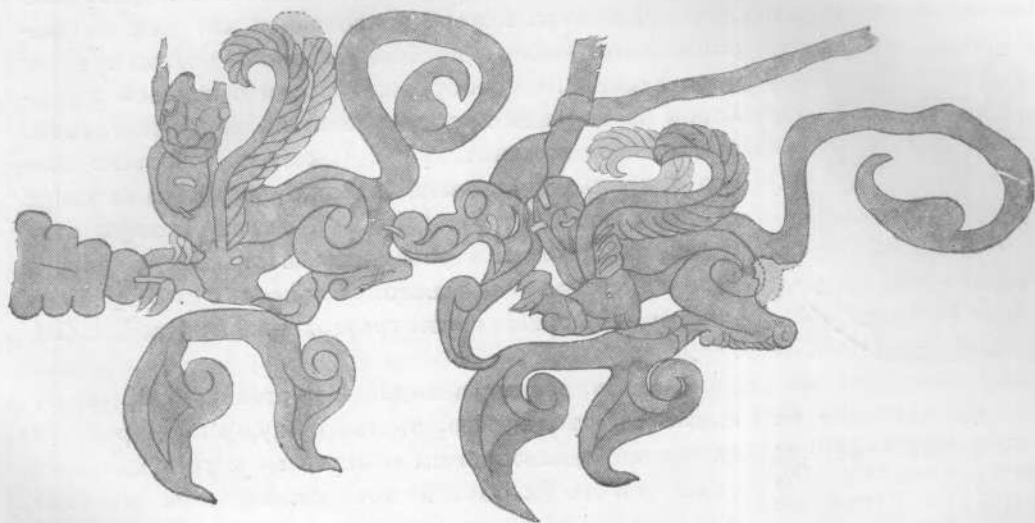

Рис. 125. Вырезанное из кожи украшение узды. ($\frac{3}{10}$ натур. вел.). Курган четвертый.

Передняя лапа не клешневидная, а более кошачья, когтистая, задняя же лапа оканчивается двумя широкими лопастями, такими же, как под первой фигурой. Оба эти изображения соединены профильной головой фантастического зверя, также вырезанной из кожи, с круглым глазом, большим лопастным ухом, носом с загнутым кверху кончиком при широко открытой пасти; нижняя челюсть оформлена на конце в виде лопасти, подобной тем, какими заканчивается задняя лапа второй фигуры.

Чрезвычайно своеобразны вырезанные из дерева приставные скульптурные головки этих фигур. Оформлены они в виде кабаньих клыкастых мордочек с открытой пастью, с горбатым носом, оканчивающимся характерным для свиньи пятачком. Верхние приподнятые губы в мелких поперечных морщинах, поперечные же рубчики пересекают и горбинку носа. Глаза круглые, со слезными ямками; очень длинные и острые, направленные кверху кожаные уши и из кожи же вырезанные оленьи приставные рога. Головки

эти прикреплялись при помощи тонких и узких ремешков, продетых в сквозные отверстия в шее, в передней и в средней ее частях.

Точно такая же, но вдвое больших размеров голова находилась и на темени коня, являясь навершием, прикрепленным к суголовному ремню узды (табл. LXV, 2). На ней мы видим такие же острые и длинные, торчащие кверху кожаные уши, но большие кожаные рога не оленьи, а кольцевидные, заканчивающиеся кружками, одна сторона которых была покрыта красным лаком, а на другую были наклеены бронзовые кружки, покрытые с наружной поверхности рубчатым орнаментом (рис. 126).

В кургане четвертом были узды без украшений, от которых сохранились только деревянные псалии. Одна пара псалий точно такая же, как и рас-

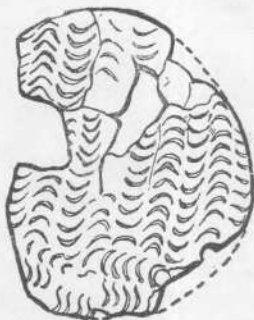

Рис. 126. Орнамент на медных кружках от конского навершия. (3/4 натур. вел.). Курган четвертый.

смотренные выше с птичьей головой, только ухо у птиц длиннее. Своеобразны псалии с птичьей же головой на верхнем конце, с большим круглым глазом, приставным кожаным ухом (имеется отверстие для его закрепления) и очень большим, загнутым на конце кверху клювом (табл. LXIV, 4). Задние концы этих псалий оформлены в различных вариантах одного и того же мотива — раздвоенной лопасти с вырезанными на наружной поверхности треугольниками (табл. LXIV, 7—9).

Блоки уздечных поводов в кургане четвертом отличаются от таковых третьего кургана. Представляется затруднительным отнести их к той или иной узде, тип же их один и тот же. Все они роговые, плоские с небольшим отверстием в верхней части для прикрепления к концу поводка и большим круглым отверстием для ремня чумбура. Одни из них большие, сделанные тщательно, другие небрежно, с сохранением неровностей естественной поверхности рога. Встречаются и овальной в поперечном разрезе формы, но того же типа (табл. LX, 10—12).

Вследствие относительно хорошей сохранности узд и седел из кургана пятого мы имеем возможность рассмотреть их по комплектам — так же, как это было сделано для кургана первого.

В первом комплекте псалии прямые, со стержнем, обшитым кругом тонкой кожей. Их концы резные, желобчатые с восемью ребрами (табл. LXV, 1). Такими же восьмидольчатыми репьями, посаженными на крытые красным лаком кожаные квадраты и ромбы, украшены перекрестья ремней узды, середины ремней переносья и нагрудного. Небольшая налобная подвесная бляха в виде полуподковки (рис. 94). Концы ремней суголовного и переносья между последним их переплетением и псалиями украшены кожаной гармоникой из тринадцати складок (табл. LXV, 1).

Передние луки седла обшиты кожей, покрытой красным лаком, и украшены вырезанными из кожи и покрытыми золотом кружками, а также узкими деревянными подвесками без орнамента. Такие же подвески щитовидной формы имеются на концах ремней, скрепляющих спереди и сзади седельные подушки (рис. 105, б). По краям верхнего толстого подпружного ремня (5,2 см ширины) наклеены узкие полоски листового золота, а между ними наклеен ряд квадратов (3×3,4 см), вырезанных из тонкой кожи и поочередно покрытых красным лаком и листовым золотом. У седельных подушек к этому же ремню прикреплены полукруглые бляхи, с отверстиями для привязывания концов нагрудного ремня (рис. 104, а). К задним лукам с наружной стороны прикреплены короткие ремни с деревянными шлёвками и такими же подвесками (рис. 106, б), как и на концах седельных ремней. Все деревянные бляхи крыты золотом.

Большой войлочный чепрак (58×208 см) под этим седлом по нижнему краю украшен красными шерстяными кистями, закрепленными в деревянных ворворках. Наружная поверхность этого чепрака покрыта тончайшей шерстяной тканью темновинного цвета, с орнаментом из колонок в квадратах, сшитой из отдельных лоскутов (СХVII, 2). Ткань эта привозная. Центральное поле чепрака, покрытого этой тканью, окантовано другой, не менее замечательной тканью, лоскутки которой вшиты между двумя узкими полосками черной шкуры жеребка. Рисунок этой ткани, выполненной в гобеленной технике, представляет собою в зубчатой рамке две пары женских фигур, стоящих перед курильницей или алтарем (рис. 190). Используя эту ткань для обрамления чепрака, ее резали на отдельные лоскутки, не считаясь с рисунком узора (табл. СХVII, 3).

У данного чепрака, как и у всех чепраков из пятого кургана, помимо нагрудного седельного ремня, имеется свой собственный нагрудник из узкой полосы войлока. На этот войлочный нагрудник также нашита полоска привозной шерстяной ткани, выполненной все в той же гобеленной технике, с изображением идущих один за другим львов (табл. СХVII, 1 и рис. 191).

Этот чепрак, как и все остальные, в своей средней части, под седлом, простой войлочный (ширина 34 см), ничем не обшитый. При седловке коня нижний подпружный ремень продевался в специальные прорезы, сделанные с обеих сторон в чепраке.

Не сложен набор украшений и во втором комплекте конской упряжи из кургана пятого.

Прямые, больших размеров псалии с тщательно вырезанными стержнями заканчиваются дисками, внутри двух рельефных колец которых рельефные же полушарные вздутия (табл. LXVI).

Тот же мотив (диск с двумя concentрическими кольцами и полушарным вздутием в центре) имеют и все бляхи, закрепленные на перекрестиях ремней узды и нагрудника, на середине ремня переносья, а также налобная

подвесная бляха. Раздвоенные концы суголовных ремней у псалий прикрывает деревянная развилка с орнаментом в виде бегущих волн.

Седло простое, с луками, обшитыми красной шерстяной тканью, в центре которых закреплены большие плоские конические пронизки, покрытые листовым золотом.

Седельные подвески щитовидной формы имеют орнамент в виде стилизованных оленьих рогов, подобный тому, какой мы видели в наборе роговых подвесок из кургана третьего. В прорезях эти подвески были выкрашены в красный цвет, в остальном покрыты листовым золотом. Две маленькие такие подвески закреплены на передних луках седла, две самые крупные — у концов верхнего подпружного ремня, а остальные четыре на концах седельных ремней, скрепляющих подушки (табл. LXX, 4 и 5).

Чепрак под этим седлом из тонкого белого войлока (70×236 см). Сравнительно узкая (24 см) полоса посередине под седлом не орнаментирована, в остальном с лицевой стороны чепрак покрыт цветной (красной, синей, голубой) войлочной аппликацией (табл. CI). Из тонкого войлока вырезаны фигуры из пяти оленьих рогов, расположенных по кругу. На белое покрытие чепрака фигуры эти нашиты не по всему краю, как это принято во всех аппликациях, а только по кружку в их центре, внутри которого вышита четырехлепестковая розетка. Таким образом края этих фигур свободно болтаются. Поле, занятое этими фигурами, обрамлено полосой орнамента, состоящего из отдельных таких же рогов и стилизованного цветка лотоса с традиционным треугольником, у основания которого круглая выемка. Пришивная бахрома с орнаментом из тех же отдельных рогов. Узор нагрудника (9×98 см) тот же, причем одним концом он пришит с правой стороны к чепраку, с левой он привязывался к нему особым ремешком.

В третьем комплекте небольшие S-образные псалии наверху заканчиваются профильной головкой кошки, а внизу лопастью в виде запятой (табл. LXIX, 1). Кошачья головка уже знакомого нам типа — с приподнятой верхней губой в складках, с узким носом, большим глазом, широким круглым ухом с завитком.

Перекрестья ремней узды и седельного нагрудника украшены оригинальными скульптурными головками кошек (табл. LXIX, 2), выполненными в том же стиле, что и головка в псалиях. Ремни суголовные и переносья после их переплетения перед псалиями покрыты деревянной развилкой вроде волчьей головы в профиль (табл. LXIX, 1). В сущности говоря, только верхняя половина головы волчья, нижняя же челюсть представлена простой дощечкой с орнаментом внизу. Для головы этой характерны: узкий и длинный нос в морщинах с вздернутым кверху кончиком, низкий лоб, тщательно вырезанный глаз и большое ухо с завитком. Налобная подвесная бляха в виде полуподковки.

Седло простое, с луками, покрытыми красным лаком.

Войлочный чепрак под этим седлом (64—68×220 см) на концах шире, к середине уже. За исключением узкой (12 см) полосы посредине, чепрак покрыт узорной цветной аппликацией. Основные цвета красок — красный, синий, оранжевый, зеленоватый, но так как на некоторых участках краски изменили свой первоначальный цвет, получились дополнительные оттенки (табл. СII).

По краю аппликация окантована синей войлочной полоской. Узор аппликации чешуйчатый, с тремя чередующимися одними и теми же мотивами, но вследствие меняющихся цветов фона и рисунка узор получился осложненным. Мотив узора — стилизованные рога двух типов.

Узорное поле обрамлено узкими (9 см) полосками орнамента в виде ряда красных стилизованных оленьих рогов на фоне зеленоватых и оранжевых кругов. Орнамент нагрудника тот же, что и обрамления чепрака. Размеры его 9×104 см. К чепраку нагрудник с обеих сторон привязан ремешками.

Основной орнаментальный мотив в четвертом комплекте — головка сайги. Псалии узды (рис. 90) прямые, с головой сайги на верхнем конце и запятой на нижнем (табл. LXVII, 2). Рот сайги слегка приоткрыт, нос горбатый в морщинах, глаз круглый, но со слезной ямкой, нижняя челюсть заканчивается завитком, ухо широкое, лопастное, с завитком у основания, рог винтообразный. Головки сайги, украшающие перекрестья ремней узды и седельного нагрудника, скульптурные, посаженные на кожаные крытые красным лаком листки, рога и уши приставные кожаные. Головки на середине ремней переносятся и нагрудного — с рогами и ушами не кожаными, а деревянными, вырезанными вместе с головкой (табл. LXVII, 1). Раздвоенный суголовный ремень у псалий прикрыт деревянной развилкой с орнаментом в виде бегущих волн, спокойных и с опрокинутым гребнем. Налобная подвесная бляха в виде полуподковки (рис. 90).

Ремни уздечные, нагрудника и подхвостника с наружной стороны, помимо головок сайги, украшены рядами нашитых на них двудольных пронизок, точно таких же, какие мы видели в одном из наборов украшений из кургана третьего. В данном случае только способ прикрепления этих пронизок иной — ремешком, проходящим сквозь ремень и отверстия в пронизках.

Седло данного комплекта конской упряжи украшено весьма тщательно (рис. 99). Его большие луки прикрыты накладками из толстой кожи, с вырезанными на них противопоставленными конскими головами с подстриженными гривами и стилизованными ушами. Фон, на котором помещаются конские головы, выкрашен в красный цвет (табл. CV, 2). Толстые кожаные, с врезным орнаментом, дугообразные накладки, прикрывающие верхние бортики лука, частично были выкрашены в красный и синий цвета (табл. CV, 1). В деревянных подвесках щитовидной формы, укрепленных на пе-

редних луках и на концах ремней, соединяющих седельные подушки, вырезаны впрямь оригинальные рогатые кошачьи головки (табл. LXVII, 3—5). Головки эти с большими, косо поставленными глазами, огромным, до ушей, ртом, со складками на верхней губе, большими торчащими ушами с завитком у основания и винтообразными рогами с завитками или шариками на концах. Все эти головки вырезывались настолько индивидуально, что даже в одном и том же изображении одна половина головы не совсем точно соответствует другой. На верхних подпружных ремнях, у края подушек, нашиты подковообразные пластины из толстой кожи, с отверстиями для продевания концов ремня нагрудника. В этих пластинах вырезаны геральдически сопоставленные профильные головы сайги (табл. CV, 3). На концах верхнего подпружного ремня нашиты из толстой кожи накладки щитовидной формы, с отверстием у нижнего края для продевания концов нижнего подпружного ремня. Они также украшены врезным орнаментом в виде стилизованных оленьих рогов (табл. CV, 4). Фон всех вырезанных на коже изображений выкрашен в красный цвет.

Очень интересны украшения ремней для привязывания подхвостника, расширяющихся к концу и укрепленных в задних луках седла (табл. LXVII, 6). Ремни эти прикрыты парами связанных между собой деревянных пластинок: одна длинная с рядом повторяющихся треугольных фигур с выемкой у основания, а другая точно такая же, как и седельные подвески, с изображением рогатой кошачьей головы. Сопоставив эти пластины с подобными же пластинами седла следующего, пятого комплекта, можно предположить, что первоначально на длинной пластине изображалось тело животного, а затем уже было заменено тем условным орнаментом, который мы на ней видим.

Лицевая сторона войлочного чепрака этого седла (65×233 см; неорнаментированная полоса посредине чепрака — 40 см) покрыта узором, составленным из фигур, вырезанных из разноцветного (белого, желтого, синего и красного) войлока (табл. СIII). Взаимно перекрещивающимися полосами с трехзубчатым орнаментом основное поле узора разбито на ромбы. Внутри каждого ромба нашито по четыре четырехлепестковых цветка или розетки. Такие же розетки, но в кольце, и на перекрестиях полос. Узор окантовки основного поля — головки грифов и трехлепестковые фигурки в треугольниках. По нижнему краю нашит ряд деревянных подвесок на плетеных шерстяных шнурках. Подвески представляют собою нераспустившиеся бутоны цветка, лепестки которых выкрашены в красный цвет. Нагрудник при этом чепраке имеет такой же узор, что и обрамление чепрака.

Самый богатый набор украшений конской упряжи в пятом комплекте (рис. 127 и 128). Массивные S-образные псалии узды наверху увенчаны ушастыми головами грифа, внизу заканчиваются лопастью в виде запятой

(табл. LXVIII, 1). У грифа большой круглый глаз, сильно изогнутый крючковатый орлиный клюв с восковицей над ним, большое круглое, с завитком внутри ухо. Перекрестья ремней узды и седельного нагрудника, середины ремней переносы и нагрудного украшены горельефными фигурами оленей с

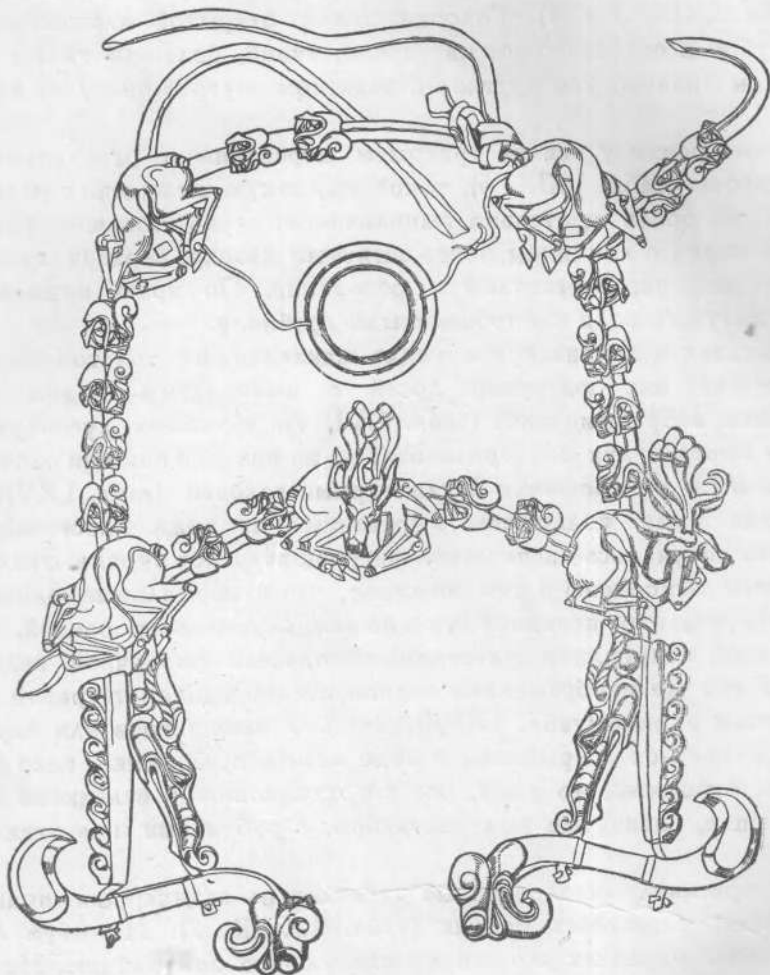

Рис. 127. Узда. Курган пятый.

вывернутым задом и приставной скульптурной головой (табл. LXVIII, 2). Олень имеет позу, отличную от всех уже рассмотренных нами поз животных с вывернутым задом, с поджатыми передними и задними ногами. В мягких очертаниях передано тело зверя, особо тщательно вырезаны ноги с копытами. Головки оленей на длинной шее с расширяющейся к концу мордой вырезаны в своеобразной манере, с которой мы еще встретимся в изображении

головы оленя на конском головном уборе (табл. LXX, 7). Уши и рога приставные, кожаные, рога были покрыты красным лаком. Ремни узды в промежутках между фигурами оленей, ремень нагрудный и подхвостный ремень седла покрыты рядами нашитых на них профильных кошачьих голов (табл. LXIX, 3 и 4). Головки эти с открытой клыкастой пастью, верхней губой в складках; нос маленький, тупой, большой глаз с вырезанной над ним бровью, ухо круглое с завитком внутри; внизу на подбородке шишечка.

Нащечные ремни у псалий прикрыты деревянными развилками в виде волчьей головы (табл. LXIX, 5), такой же, какую мы видели в узде третьего комплекта, но более тщательно выполненной: очень большой глаз, узкая и длинная морда с кончиком носа, загнутым кверху, верхняя губа в морщинах, большое ухо с завитком у основания. По краю нижней челюсти орнамент бегущих волн с опрокинутыми гребнями.

На передних и задних луках седла накладки из толстой кожи с вырезанными на них фигурами лосей с вывернутым задом на фоне, выкрашенном в красный цвет (табл. CVI, 1). Кожаные дугообразные накладки на бортики лук без орнамента, но на них при помощи особых шпенок посажены в ряд кошачьи скульптурные головки (табл. LXVIII, 6). Под эти головки были подложены вырезанные из кожи пластинки с парой лап, так что получалось впечатление фигурок зверьков впрямь. Эти скульптурные головки выполнены в том же стиле, что и профильные головки кошек.

Спереди, в центре передних лук и на концах седельных ремней, скрепляющих подушки, закреплены щитовидные подвески различной величины, но с одним и тем же изображением сильно стилизованной тигровой или барсовой головы впрямь (табл. LXVIII, 3—5). У этих тигров или барсов относительно узкий нос с крыльями в виде завитков, большие, косо поставленные глаза, огромный, до ушей, рот с традиционными складками на верхней губе, большие, сдвинутые уши раструбом, с рубчиками и завитками у основания.

Очень оригинальны деревянные накладки на задних, для привязывания подхвостника, седельных ремнях (табл. LXVIII, 7). На двух связанных между собою дощечках мы видим следующую композицию. На длинных дощечках изображена передняя часть туловища барса с вытянутыми вперед лапами в проекции сверху и задняя часть туловища в профиль. Задние лапы такие, как у ползущего или крадущегося зверя; длинный хвост на конце завился в кольцо. На коротких пластинах головы этих барсов точно такие же, как и на пластинах в седельных подвесках того же набора.

Седельные покрывки всех седел из кургана пятого простые, из тонкого черного войлока с красным войлочным кантом, исключая седла данного комплекта. С этой покрывкой мы ознакомимся в главе об искусстве при рассмотрении седельных покрывок из курганов первого и второго.

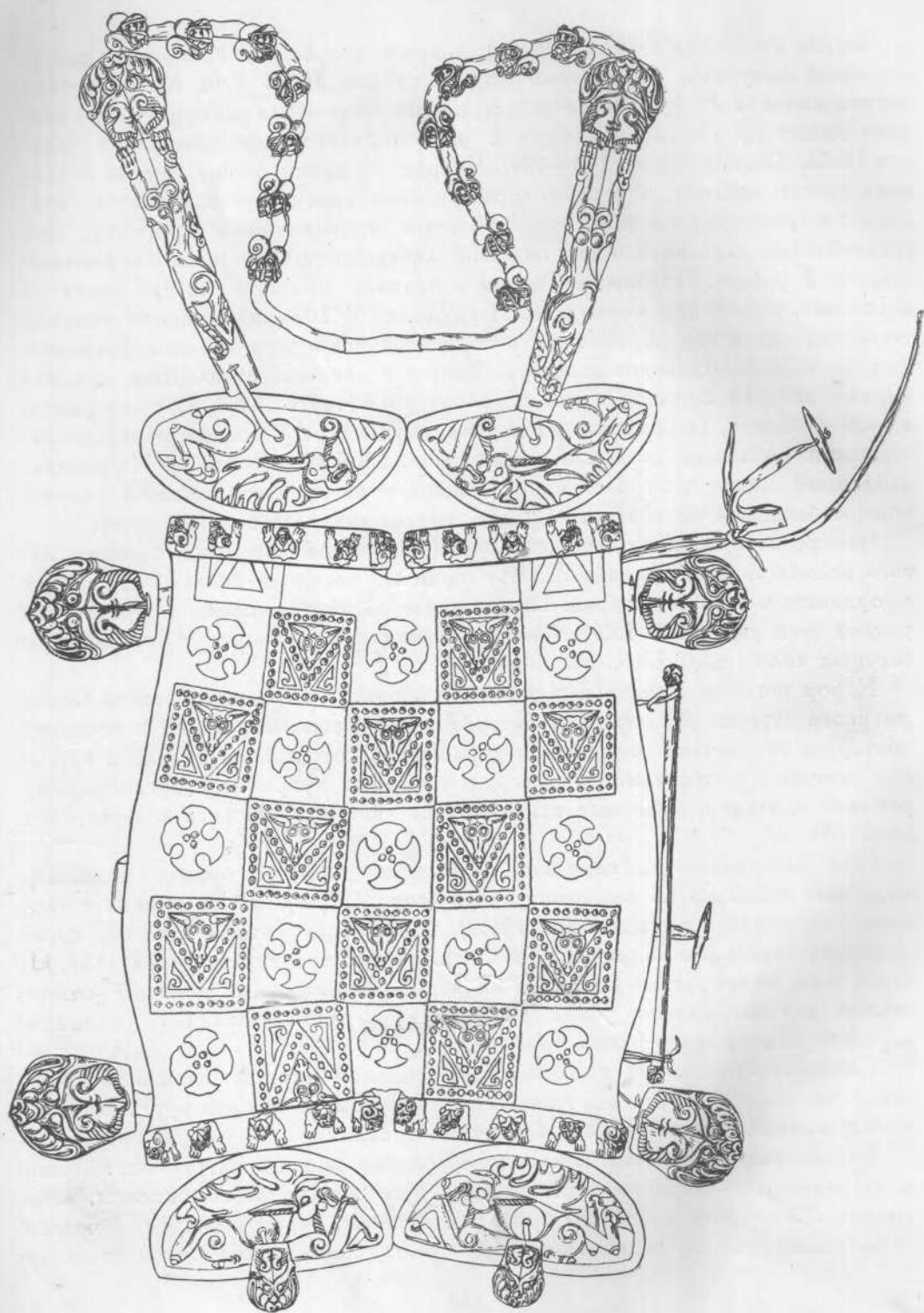

Рис. 128. Седло. Курган пятый.

Чепрак этого седла (62×226 см) покрыт китайской, кремового цвета, шелковой материей, с вышитым на ней узором (рис. 129). Материя типа чесучи выткана из сырцового шелка; по ней шелковыми разноцветными нитками вышит узор — деревья удун с разнообразными изображениями фазанов (табл. CXVIII и рис. 130—132). Чепрак по краям обшит узкими полосками синего войлока, внутри которых полоса красновато-коричневого войлока с вырезанным из кожи трехзубчатым орнаментом в прорезях. Эти трехзубчатые пластинки были оклеены листками золота и олова соответствующей формы. По нижним краям к чепраку пришито по три кисти из волос яка, в кожаных ворворках. Нагрудник (8×107 см) данного чепрака такой же, как и его обрамление, с подвеской посредине из семи вырезанных из войлока одинаковых фигур. Вместе с данным комплектом конской упряжи найдена кожаная маска на голову коня (табл. LXXII, 4), с навершием в виде большой, вырезанной из дерева, скульптурной головы оленя с приставными кожаными рогами и ушами (табл. LXX, 7 и LXXII, 3). Нагвивник, найденный вместе с этой кожаной маской, — из простого лоскута толстой кожи с бахромой из конского волоса, выкрашенного в красный цвет.

Четыре совершенно одинаковые узды упряжных коней из кургана пятого весьма скромно украшены. Их прямые, изящные псалии на концах оформлены в виде полушарий. Полушарные бляхи украшают и перекрестия ремней этих узд (табл. LXX, 1 и 2). Деревянные развилки с орнаментом бегущих волн (табл. LXX, 3).

Набор роговых накладок и украшений одного из седел шестого Пазырыкского кургана представляет интерес в том отношении, что он в точности повторяет те роговые накладки и украшения, которые мы видели в курганах третьем и четвертом. На высоких седельных луках были дугообразные роговые накладки, подобные накладкам из курганов третьего и четвертого (рис. 133, а).

Под накладками на передних луках — две орнаментальных подвески, подобные таким же из тех же курганов (рис. 133, б), а на задних — плоские конические пронизки (рис. 133, в). Подвесные бляхи к ремням, скрепляющим седельные подушки, те же, что и в третьем кургане (рис. 133, д); такие же и полукруглые накладки на верхний подпружный ремень с отверстиями для нагрудного ремня (рис. 133, е) и пряжки-накладки на концы верхнего подпружного ремня (рис. 133, з).

Следовательно, седла в шестом Пазырыкском кургане были в точности такие же, как и в курганах третьем и четвертом, и все эти курганы, надо полагать, относятся к одному и тому же времени.

Рассмотрим теперь так называемые конские маски и нагвивники. Маски и нагвивники из первого кургана были уже неоднократно описаны. Обе маски представляют нечто вроде войлочных, крытых кожей чехлов с большими ушами, надевавшихся на голову лошади. На одной из масок

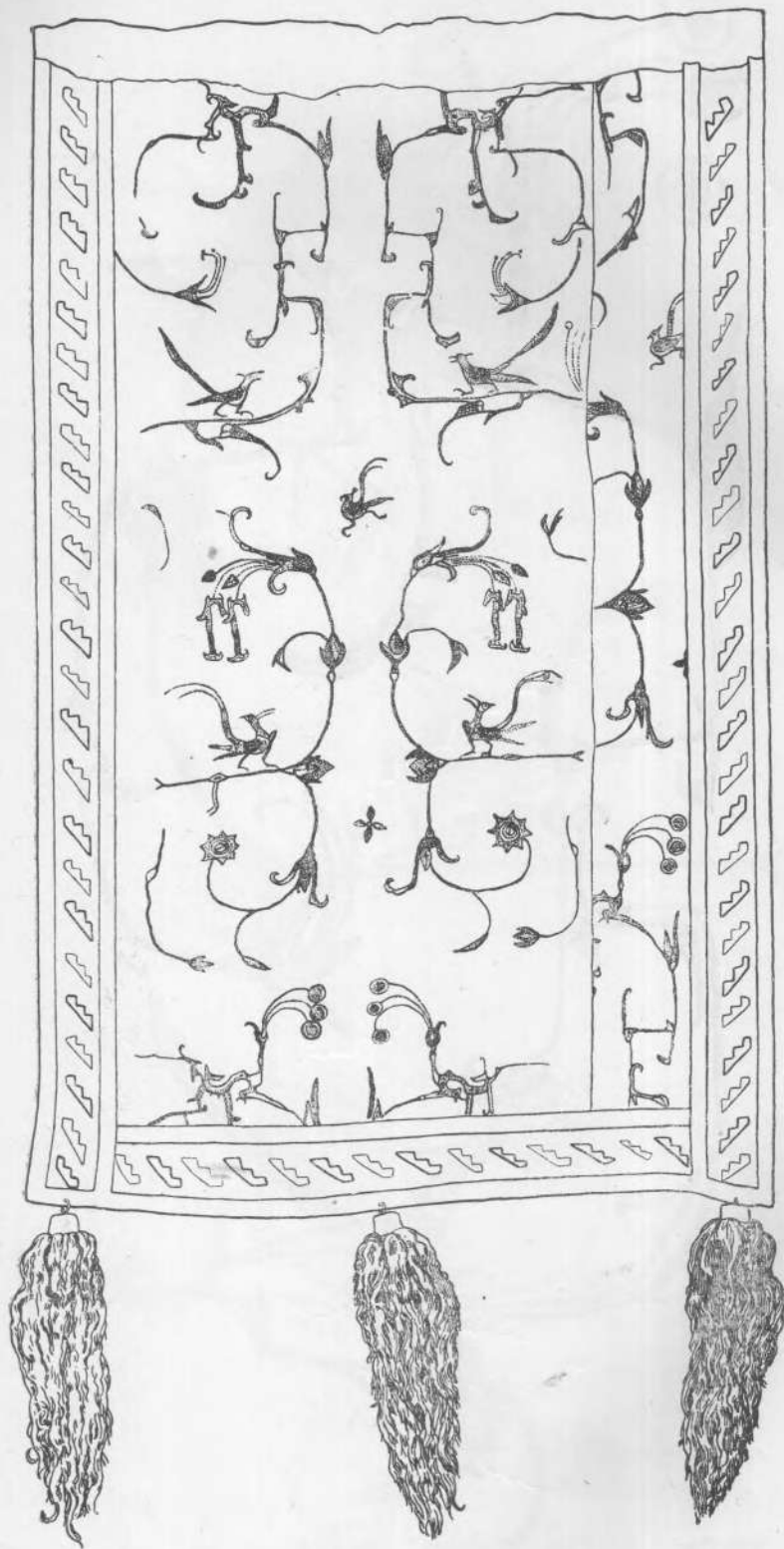

Рис. 129. Чепрак, вышитый шелками. (Около $\frac{1}{6}$ натур. вел.).
Курган пятый.

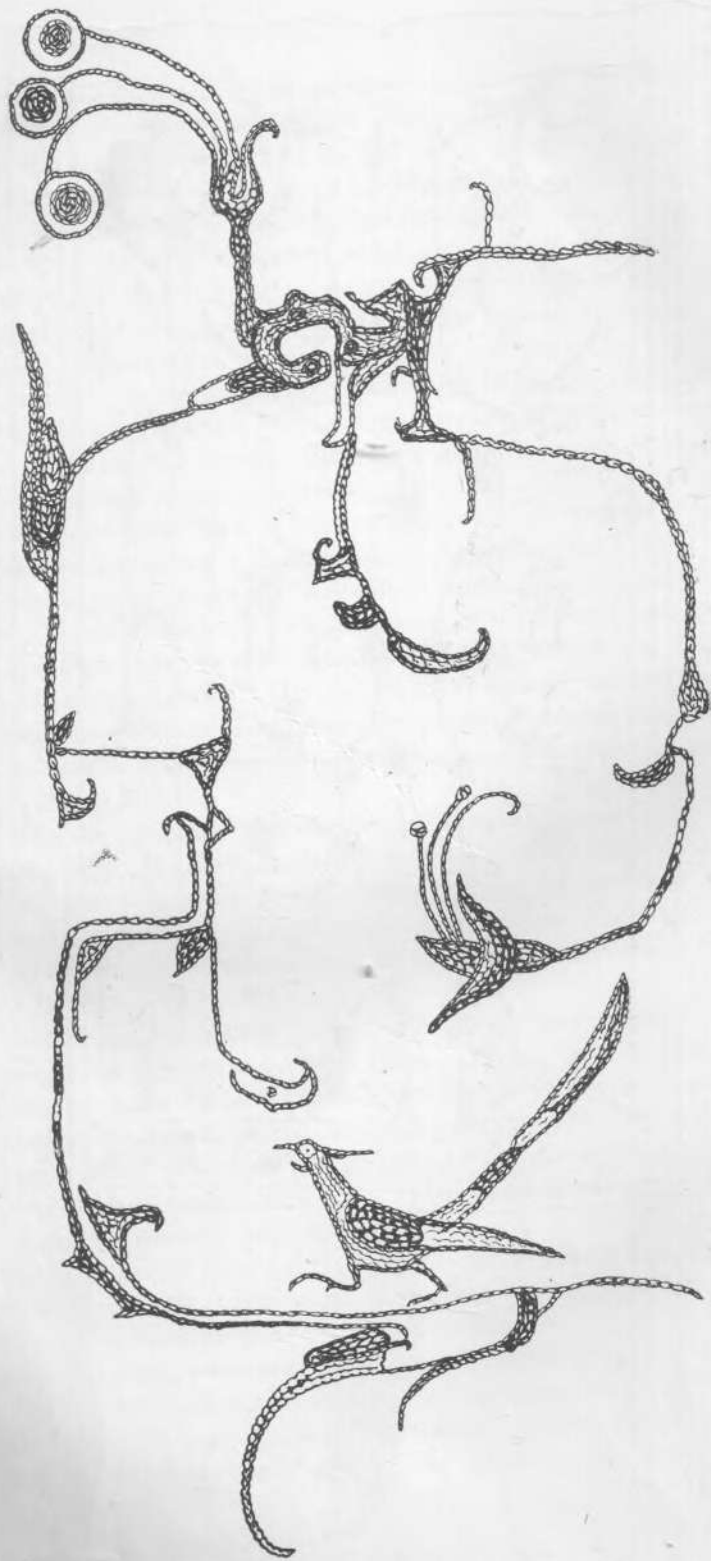

Рис. 130. Деталь узора, вышитого шелками на чепраке.
(1/2 натур. вел.). Курган пятый.

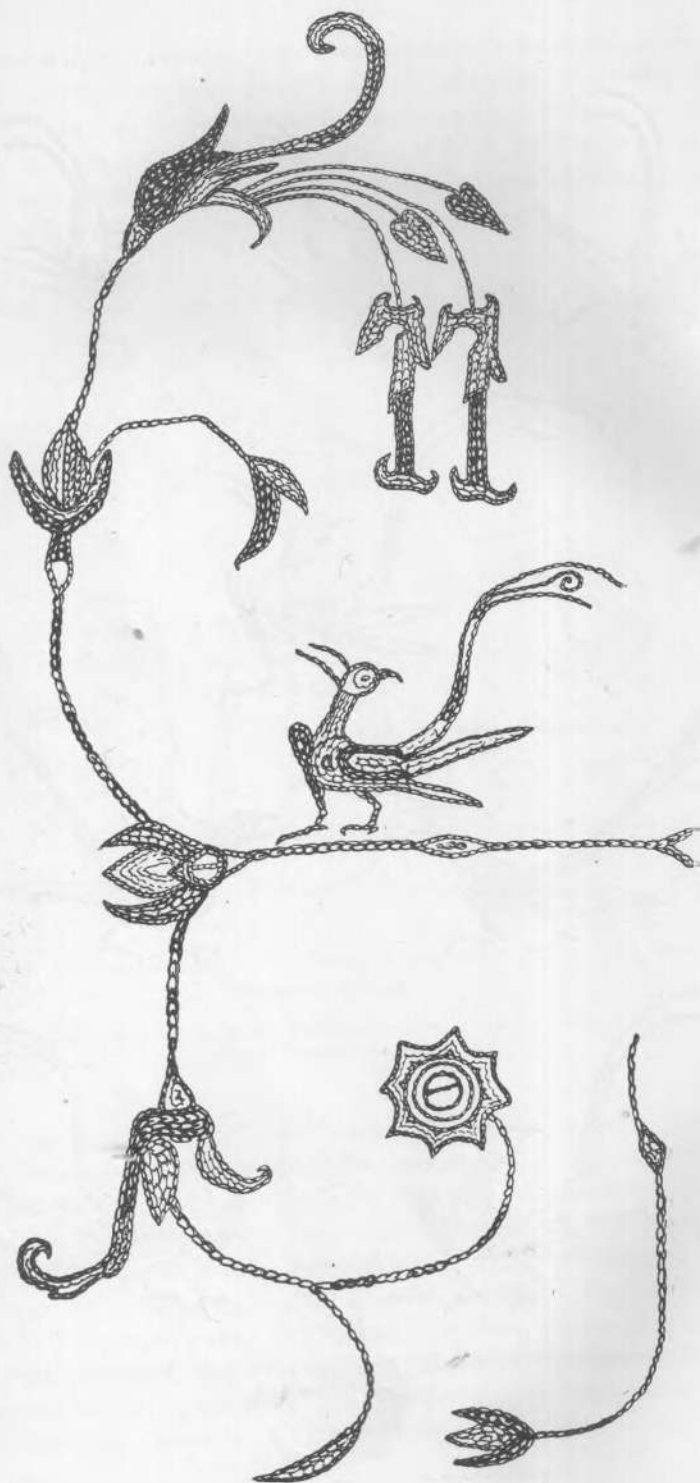

Рис. 131. Деталь узора, вышитого шелками на чепраке.
($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган пятый.

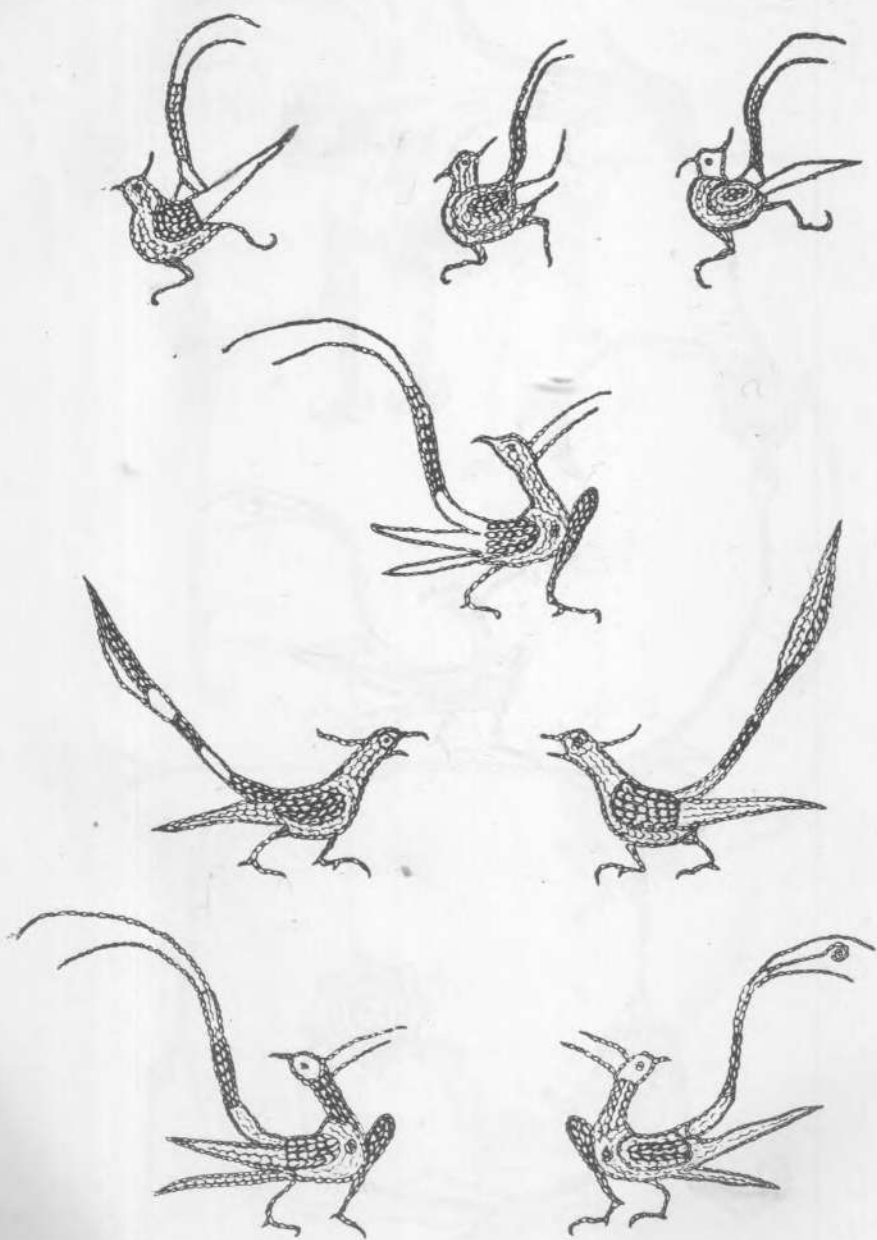

Рис. 132. Вышитые шелками фазаны (фениксы) на чепраке. ($1/2$ натур. вел.). Курган пятый.

Вверху закреплены вырезанные из кожи почти в натуральную величину оленьи рога, а спереди во всю длину маски на кожу наклеено схематическое изображение тигра, вырезанное из меха, выкрашенного в синий цвет, с наклеенными золотыми кружками (табл. LXXI, 1). Сшитые из толстой кожи рога оклеены тонкой кожей, по которой вырезан орнамент. На концах отростков рогов — пучки конского волоса, окрашенного в красный цвет.

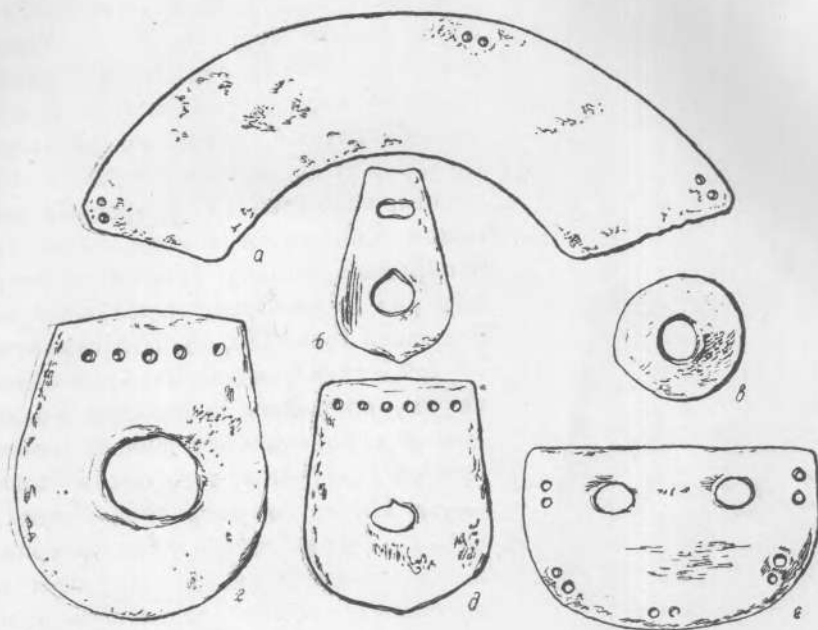

Рис. 133. Набор роговых седельных украшений. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).
Курган шестой.

a — дуговые накладки; б — подвеска; в — проинака; i — пряжка; д — подвесная бляха;
e — полукруглая накладка.

Вторая маска из того же кургана имеет примерно ту же форму, что и первая. В ней мы видим сцену борьбы рогатого и крылатого львиного грифона с тигром (табл. LXXI, 2). Скульптурная голова грифона с крыльями помещается на темени лошади. Тело его с поджатыми задними ногами, как и тело оленя в первой маске, условное, оно свисает в виде двух лопастей по обе стороны головы коня. Передними лапами грифон схватил тигра (рис. 134). Фигура тигра, как и в первой маске, покрывает всю морду лошади. Тигр зубами вцепился в грудь грифона, а передними лапами в его тело; задние лапы тигра поджаты. Рога грифона заканчиваются шариками; уши большие, острые; шея с ровным гребнем покрыта характерными

ячейками, долженствующими изображать львиную гриву; острые крылья концами загнуты вперед. Особого внимания заслуживают уже хорошо нам известные полуподковки и запятые на теле грифона. Поверх пластинок листового золота, которыми было покрыто тело тигра, краской нанесены типичные для шкуры этого зверя полосы и условно намечены черты передней части морды.

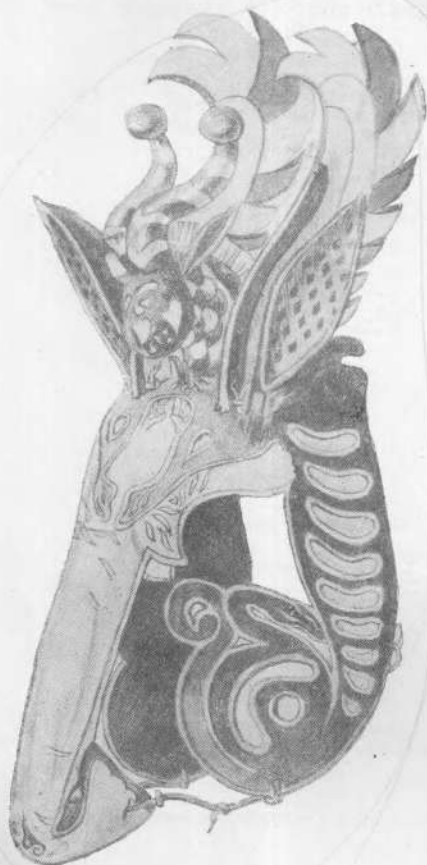

Рис. 134. Маска — конский головной убор с навершием. (Реконструкция).
Курган первый.

У коней из первого кургана, на которых были надеты маски, гривы были прошиты вместе со сложенной вдвое полосой плотного войлока. На подготовленные таким образом гривы были надеты войлочные, обтянутые тонкой кожей нагривники, с бахромой по верхнему краю из конского волоса, окрашенного в красный цвет. На одном нагривнике (с коня, маска которого изображает борьбу грифона и тигра) нашит ряд из четырех вырезанных из кожи петушков (рис. 135, а). Это силуэтные фигуры со схематически изображенным туловищем, покрытым оловянной фольгой, головкой с большим петушиным гребнем, покрытой листовым золотом и повернутой назад. На другом нагривнике таким же образом в ряд нашиты четыре фигурки. Только из сопоставления с петушками первого нагривника можно сказать, что и здесь изображены петушки, но уже до такой степени условно, что представлены по существу только гребешками, головки же с туловищем превратились в своеобразные завитки (рис. 135, б).

В кургане втором два коня также имели головные уборы, которые я уже не могу называть масками, и, повидимому, нагривники. Сами нагривники не сохранились, но у двух коней подстриженные, как и в кургане первом, гривы были прошиты вместе со сложенной вдвое полосой толстого войлока. Один из головных уборов сохранился плохо и настолько деформирован, что восстановить его не представляется возможным. Уцелела только выделанная из красного войлока с аппликацией из тонкой кожи плоская голова грифа (рис. 136) с круто загнутым кожаным носом, большим глазом и гребнем из конского волоса, выкрашенного в красный цвет; опушка

гребня из синего меха (табл. CVII, 2). Голова эта, без сомнения, была навершием конского головного убора.

Второй убор относительно хорошей сохранности (рис. 137). Скроен он из цельного куска мягкого белого войлока (табл. LXXII, 5). Спереди над

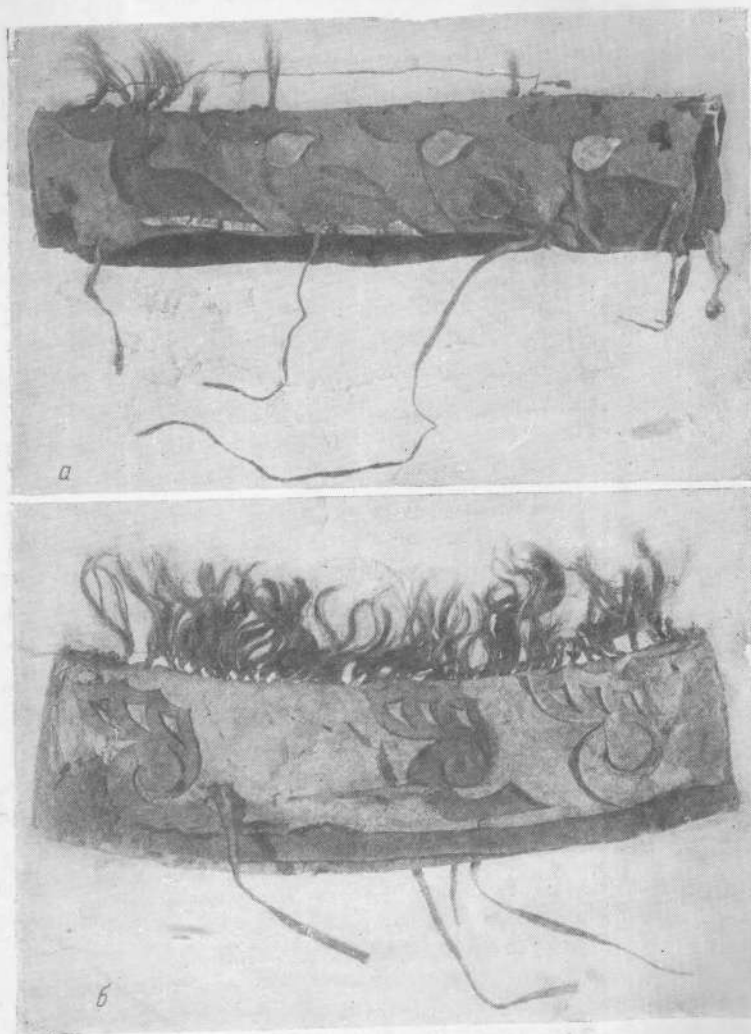

Рис. 135. Нагивники. Курган первый.

глазами коня сильно выдается вперед козырек, а свисающие по бокам лопасти только частично прикрывают шею. Пришивные, тоже войлочные, длинные футляры для ушей спереди открыты, а не прикрыты войлочной или кожаной решеткой, как это наблюдалось в масках из первого кургана.

Между ушами на макушке вшита войлочная втулка, чтобы в ней могла держаться голова козла. С наружной поверхности вся эта часть убора, как и насаженные сверху фигуры, покрыта тонкой кожей, которая завернута внутрь и обрамляет все края убора с внутренней стороны. Снаружи по краю козырька нанесен узор, состоящий из ряда однотипных фигур, вырезанных

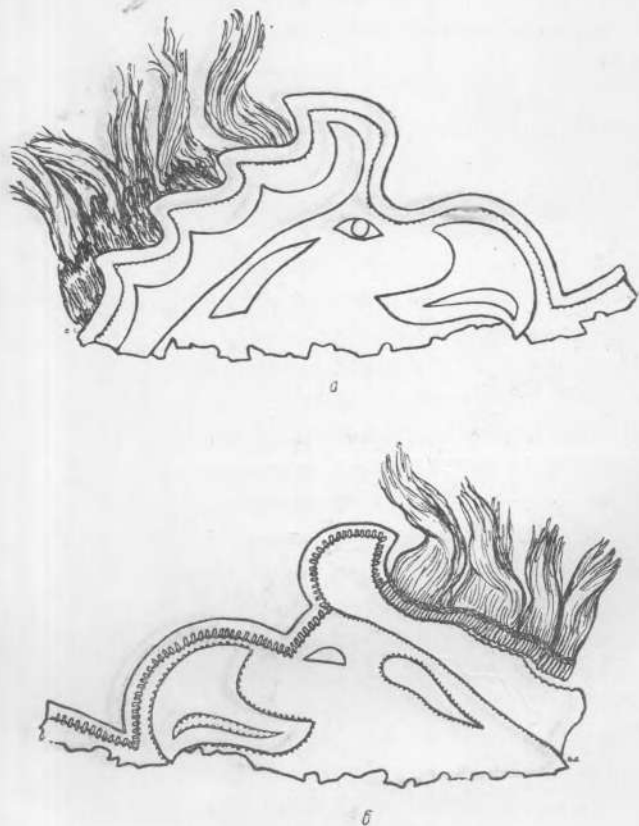

Рис. 136. Голова грифа — часть навершия конского головного убора. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

a — правая сторона; *b* — левая сторона.

из листового золота. На макушке, как сказано, укреплена голова козла с круто загнутыми пришитыми рогами. Для придания устойчивости вставлены внутрь, от ушей до конца морды козла, деревянные колышки. На шее козла, близ рогов, стоит птица, также войлочная, оклеенная кожей, с приподнятыми вверх крыльями и распушенным петушиным хвостом; клюв также петушинный. Крылья, помимо кожи, были оклеены еще золотыми листками. Птица вместе с хвостом вырезана из цельных кусков войлока,

крылья же пришивные и прикреплены к туловищу тонким ремешком. У правого крыла края ровные, у левого фестончатые. Чтобы крылья держались приподнятыми кверху, в них вставлены деревянные лучинки. Из деревянных же лучинок и ноги птицы. На шее у нее накреплен вырезанный из кожи зубчатый воротничок. Вся композиция в целом представляет собою голову козла, на шее которого сидит с приподнятыми кверху крыльями петух.

В кургане третьем не найдено ни конских масок, ни головных уборов, подобных только что описанному, так как в конском захоронении этого кургана, кроме изделий из рога и дерева, почти ничего не сохранилось. Там, однако, найдены навершия, украшавшие какие-то конские головные уборы или узды, подобные описанной ранее узде с навершием из кургана четвертого. Навершия эти вырезаны из дерева и представляют собою скульптурные изображения птичьих голов.

Одна из этих голов (табл. LXXII, 2) какой-то фантастической птицы довольно больших размеров найдена в северо-восточном углу могильной ямы. Хорошо оформлена ее голова с четко вырезанными глазами, со слезными ямками, с очень длинным клювом. Рот открытый, виден язык и мощные верхние клыки; вверху, на кончике носа, — большой рог. Клюв широкий, лопастный, как у гусей или лебедей, причем на нижней поверхности клюва вырезан характерный „подъязычный“ желобок. Полость рта, язык и клыки выкрашены в красный цвет. Все остальное было покрыто золотом. Имелись приставные кожаные уши и рога. Вместе с этим навершием найдены какие-то кожаные украшения узды.

Кожа чрезвычайно плохой сохранности, но, тщательно разобрав отдельные фрагменты, удалось все же восстановить часть тех украшений, которые мы видим на рис. 138. Среди них имеются: ухо (рис. 138, а), кожаные рога (рис. 138, б—д), части какого-то сложного украшения (рис. 138, е), наконец фигура какого-то фантастического животного (рис. 139). Все эти украшения вырезаны из толстой кожи, с дополнительным врезным орнаментом. Возможно, что все это было украшением суголовных ремней узды головного коня с навершием, подобно тому, как это мы видели на узде с навершием из кургана четвертого.

Рис. 137. Конский головной убор с навершием. Курган второй.

Вторая вырезанная из дерева птичья голова, разломанная на две части, найдена на центральном участке конского захоронения (табл. LXXII, 1). По размерам она несколько меньше описанной выше. И здесь опять какая-то фантастическая птица, — судя по форме головы, круглому глазу, длинному и узкому клюву, в частности по нижней челюсти, можно было бы допустить, что это голова журавля. Между тем, в приоткрытом рту кончик клюва

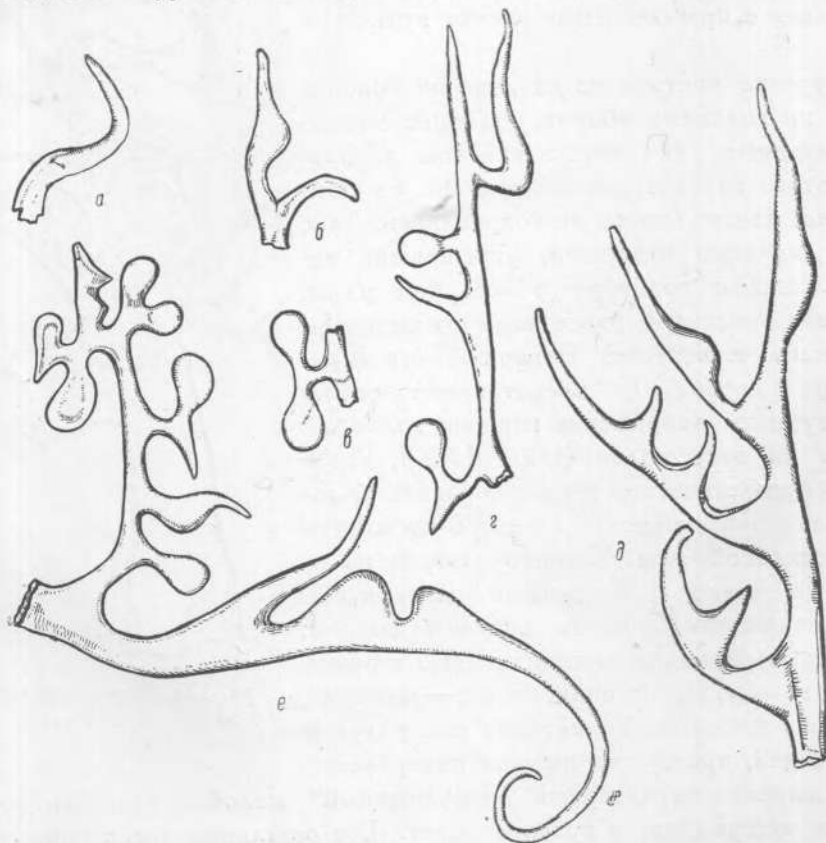

Рис. 138. Вырезанные из кожи украшения узды и навершия. ($\frac{2}{5}$ натур. вел.). Курган третий.

а — ухо фантастического зверя; б—в — части кожаных рогов.

сильно загнут вниз по-орлиному. Уши приставные кожаные, крытые золотом. На лбу спереди глубокое гнездо, куда, видимо, вставлялся кожаный рог. В кургане четвертом, как мы знаем, навершием служила рогатая кабанья голова (табл. LXV, 2 и 3).

В кургане пятом у одного из коней, как упоминалось выше, были кожаные головной убор и нагривник. Головной убор шит из толстой кожи и покрыт сверху хорошо выделанной тонкой кожей, выкрашенной

в темнокрасный цвет (табл. LXXII, 3 и 4). В этом уборе прорезаны отверстия для глаз и ноздрей; для ушей коня имеются кожаные, пришитые к чехлу, открытые спереди уши. Убором этим закрыта вся голова, включая нижнюю челюсть, а для рта проделан специальный разрез. На голове убор

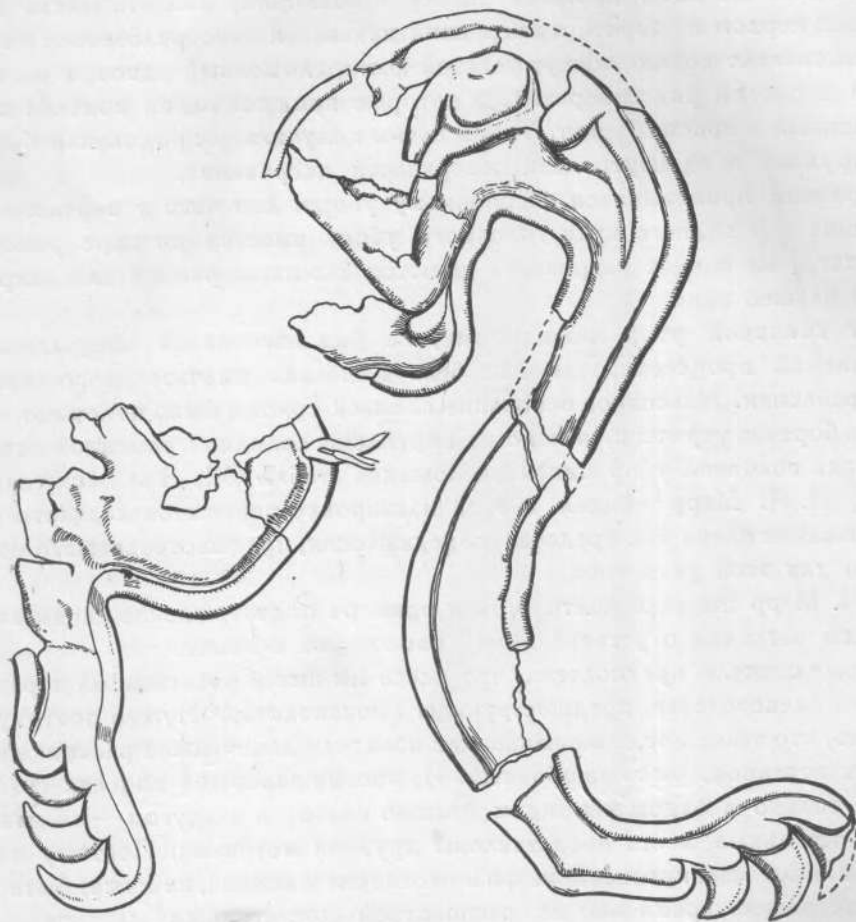

Рис. 139. Вырезанные из кожи украшения узды. ($\frac{2}{5}$ натур. вел.). Курган третий.

закреплялся двумя парами ремешков (подбородника и подгубника). На макушке ремешками прикреплена вырезанная из дерева скульптурная голова оленя с приставными кожаными рогами и ушами (последние утеряны).

Голова вырезана весьма тщательно, с большими глазами и орнаментальными бровями, широким, с рельефными ноздрями носом, нижней челюстью в своеобразных, художественно выполненных завитках. Под подбородком

два бугорка в рельефных кольцах; намечена рубчиками рельефная подшейная гривка (табл. LXX, 7). Рога лопастные держатся на специальных распорках-лучинках. Часть отростков рогов оформлена в виде головок птиц (табл. LXX, 6). Голова и рога оленя были выкрашены киноварью в красный цвет.

Грива коня не была прошита вместе с войлоком, как это имело место в курганах первом и втором, и нагривник надевался непосредственно на шею. Он представляет собою лоскут толстой кожи, сложенный вдвое, а по линии складки проделан ряд отверстий, в которые продеты пучки конских волос, выкрашенных в красный цвет. Таким путем получилась продольная бахрома и на наружной и на внутренней поверхности нагривника.

Нагривник привязывался к головному убору, для чего у верхнего края нагривника и у заднего края головного убора имеется по паре ремешков. Кроме того, на концах нагривника имеются две пары ремней для закрепления его на шее коня.

Этот головной убор, повидимому, не был изготовлен специально для погребальной процессии, так как был в течение значительного времени в употреблении. Массивное основание оленьей головы было поломано, часть нижнего бортика утрачена, а изломы скреплены солидной ременной связкой.

Приняв головной убор одной из лошадей (табл. LXXI, 1) за маску оленьей головы, Н. Я. Марр¹ видел в этой маскировке пережиток хозяйственного использования оленя как средства передвижения, предшествовавшего использованию для этой цели коня.

Н. Я. Марр пытался найти в этом примере подтверждение своим лингвистическим взглядам о „стадиальных“ изменениях в языке.

Я тоже сначала предполагал, что здесь мы имеем религиозный пережиток древнего оленеводства, предшествующего коневодству.² Нужно поэтому подчеркнуть, что такое предположение, как показали дальнейшие раскопки Пазырыкских курганов, было ошибочным. Из восьми наверший конских головных уборов только в одном мы видим оленью голову и в другом — оленьи рога, все же остальные шесть представлены другими мотивами. Поэтому о какой бы то ни было маскировке коней, и в частности оленями, не может быть речи.

В настоящее время мы не располагаем достаточным материалом для решения вопроса о происхождении только что рассмотренного убранства конских голов. Отмечу только, что нагривники с навершиями различных форм, но не с изображениями животных, — обычное убранство ассирийских верховых коней и притом не только царских, но и прислужников. Следует, впрочем, отметить, что в Ассирии нагривник и навершие представляли собой одно целое. Последние можно видеть на ряде барельефов из Ниневии.³ Я далек от мысли видеть в пазырыкских убранствах конских голов

¹ Доклады Академии Наук СССР, 1929 № 17, стр. 324—325.

² С. Р (уденко), ук. соч., 1931, стр. 38.

³ О. Weber, ук. соч., рис. 38 и 40.

влияние ассирийской культуры. Весьма вероятно все же, что этот тип конского убранства в западноазиатских степях и предгорьях появился уже в первой четверти первого тысячелетия до н. э. К VII в. до н. э. в Ассирии он принял один вид, у горноалтайских племен другой, — тот, какой мы находим в Пазырыкских курганах.

Такое конское убранство на Алтае не должно было быть повседневным, так как его имели только единичные, избранные кони в погребениях. Это убранство было, вероятно, церемониальным, а не придуманным специально в связи с погребальным ритуалом. Массивная оленья голова, навершие из пятого кургана, как отмечено выше, у основания была надломлена до похорон и специально починена ременной связкой.

Отметим еще одну деталь, обнаруженную только у двух коней с масками и нагривниками из первого кургана. На их хвосты были надеты специальные кожаные футляры (рис. 140, а). Они представляют собою длинные трубки, отороченные внизу полоской синего меха, окрашенного в красный цвет.

Сшиты они из вырезанных кусочков кожи двух цветов, с орнаментом, который можно видеть на рис. 141.

В первом, втором и четвертом курганах в конских захоронениях было положено по одной нагайке. В кургане первом она сохранилась вместе с кнутовищем, а из курганов второго и четвертого мы имеем только кнутовища.

Кнутовище нагайки из кургана первого (рис. 140, б) простое, оклеенное тонкой кожей, концы выкрашены в красный цвет. Довольно толстый ремень нагайки в верхней части у кнутовища обшит слоем кожи. К кнутовищу, в котором проделаны три дыры, ремень прикреплен специально продетым в них ремешком. Кнутовище нагайки из кургана второго оформлено в смелой композиции, изображающей мчащуюся лошадь, на которую сзади напал хищник кошачьей породы (табл. CVI, 2). Голова лошади на переднем

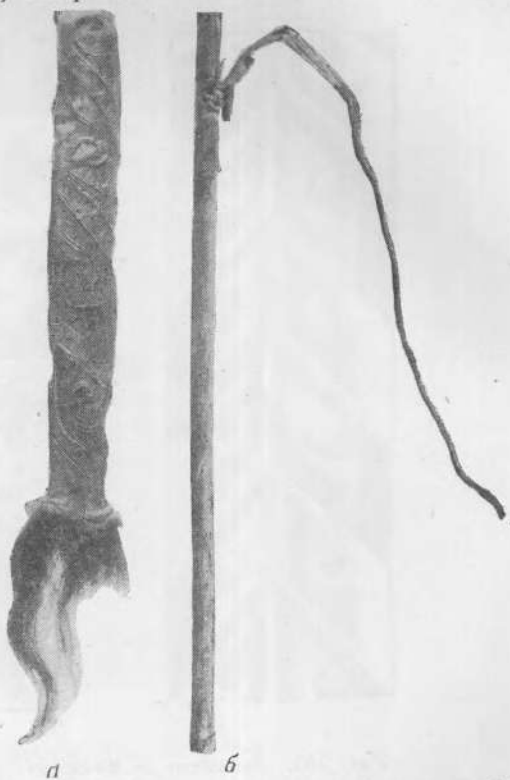

Рис. 140. Кожаный футляр на хвост коня (а); нагайка (б). Курган первый.

конце кнутовища (в круглой скульптуре) изображена вытянутой вперед, с поджатыми ушами и подстриженной гривой. Передние ноги вытянуты вперед, копыта у самой головы. Зад коня вывернут, с вытянутыми назад ногами. Рукоять кнутовища, оформленная также в круглом рельефе, оканчивается задом присевшей на лапы кошки, с хвостом, направленным вперед и на конце завившимся; тело кошки

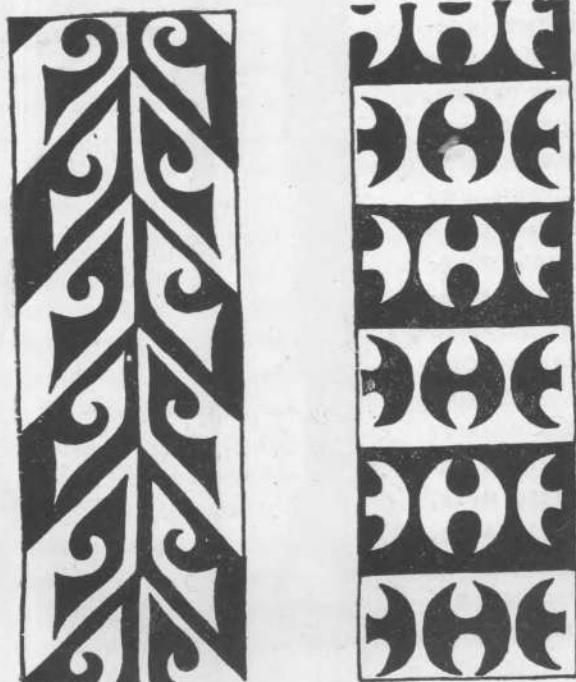

Рис. 141. Орнамент на кожаных футлярах конских хвостов. Курган первый.

оббивается, в виде змейки, вокруг кнутовища и заканчивается, к сожалению, сильно поврежденной в изломе кнутовища головой. Мастерски, реалистично переданы голова лошади и задняя половина тела кошки, остальное выполнено в условной манере. В передней части кнутовища, под ногами лошади, два круглых отверстия для укрепления ремня нагайки, а на заднем конце — одно, для петли. Все кнутовище окрашено в яркокрасный цвет киноварью.

Кнутовище нагайки из кургана четвертого (рис. 142), как и кнутовище из кургана второго, на переднем конце

Рис. 142. Кнутовище нагайки ($\frac{3}{5}$ натур. вел.). Курган четвертый.

оформлено в виде лошадиной фигуры. Оно сильно повреждено и деформировано, тем не менее представилась возможность восстановить его почти полностью. И здесь узкая и длинная, прекрасно оформленная, в круглой скульптуре, голова с вытянутой шеей и прижатыми длинными ушами. Грива ровно подстрижена. Копыта передних ног подходят под подбородок. Плечевой пояс дан двумя орнаментальными завитками, ребра намечены рядом параллельных вырезов. Рукоятка на заднем конце слегка утолщена

Рис. 143. Колеса от телеги в кургане третьем.

и закруглена. Под шеей лошади, как и в кнутовище из первого кургана, три сквозных, но расположенных в ряд отверстия для прикрепления ремня нагайки. На заднем конце одно отверстие для петли. Кнутовище это, как и в кургане втором, было выкрашено киноварью в красный цвет. находка в двух курганах кнутовища нагайки с орнаментом в виде фигуры лошади указывает на то, что этот мотив для украшения кнутовища был, видимо, достаточно распространенным.

В предшествующем изложении так много внимания было уделено описанию конской верховой упряжи по следующим причинам. Во-первых, верховой конь играл очень крупную роль в жизни населения Горного Алтая; во-вторых, добытые при раскопках вещи позволили с исчерпывающей пол-

нотой изучить устройство узд и седел, и, наконец, исключительно богатым и разнообразным оказалось убранство конской упряжи. Тем не менее, как показали раскопки Пазырыкских курганов, несмотря на горный ландшафт, в котором протекала жизнь населения, в качестве средств передвижения существенное место занимал и „гужевой“ транспорт.

Во всех курганах, кроме четвертого, где они не могли сохраниться, были найдены остатки примитивных телег: в кургане — первом дрожины и,

Рис. 144. Колесо на оси в кургане пятом.

повидимому, части ярма, во втором — колесо и дрожины; в третьем и пятом курганах найдены колеса, оси и дрожины от двух телег. Все колеса выделаны из цельного ствола лиственницы, диаметром от 30 до 47 см, толщиной от 35 до 40 см, со втулками от 12 до 16 см в диаметре, в некоторых колесах расширившимися от длительного употребления (рис. 143—145). Судя по остаткам ее частей, вся телега в целом была столь же примитивна, как и ее колеса. Из стволов лиственницы выделялись толстые, квадратные в сечении, дрожины. В кургане третьем дрожины одной из телег были выделаны из стволов лиственницы с корнем так, что корневища спереди торчали кверху, подобно головкам у полозьев саней. Между собою дрожины соединялись рядом вставленных в них перекладин. Под передние и задние концы дрожин подводились толстые (около 10 см диам.) оси. По-

следние закреплялись под дрожинами толстыми, прямоугольными в поперечном разрезе, деревянными костылями, проходящими сквозь дрожину и ось. После насада колеса в ось вставлялась деревянная чека. В корневой передок телеги из кургана третьего, в особый прорез вставлялась, видимо, поперечная доска. Пониже, в корне близ ствола, в специальные прорезы продевались, видимо, специальные тяговые веревки или петли для оглобеля, так как края этих прорезов сильно отполированы. Колеса иногда смазывались дегтем. Колесо из кургана второго было обильно им смазано.

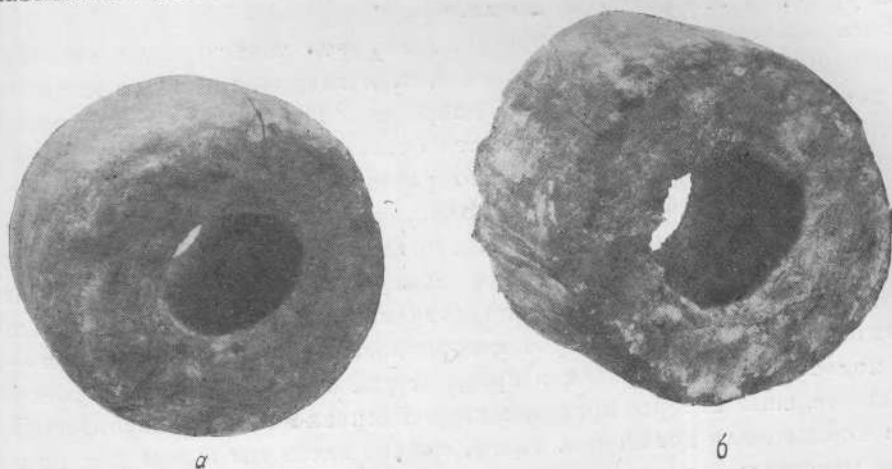

Рис. 145. Колеса от телег.

— $\frac{1}{12}$ натур. вел., из кургана второго; б — $\frac{1}{8}$ натур. вел., из кургана третьего.

Возникает вопрос: каково назначение этих телег и почему они были погребены в курганах? Некоторые из телег, в частности в кургане третьем, прежде чем были брошены в могилу, совершили длинный и нелегкий путь, а может быть с ними много поработали здесь же у кургана. Оси некоторых из них стерлись более чем на половину своей толщины, глубокие следы от трения колес остались и на дрожинах. Трудно допустить, чтобы такая телега была использована только для перевозки саркофага-колоды с телом погребенного или погребенных, во время похоронной процессии. Тела умерших, как это еще не так давно практиковалось у казахов и киргизов, могли перевозиться с особыми приспособлениями и на верховых конях или для этой цели пользовались более совершенными повозками, с типом которых познакомимся ниже. На таких телегах могли подвозить тяжелые саркофаги-колоды и камень.

Так, сотни бревен, которые мы видим в накатах внутри могильных ям каждого кургана, могли без труда доставляться к кургану волоком с помощью ременного или волосяного аркана, притороченными к седлу всадников, как это и в настоящее время практикуется алтайцами. В толстых, но корот-

ких столбах и балках с этой целью проделывались специальные проушины. Несомненно сложнее был подвоз к кургану огромного количества камня, среди которого, как мы видели, было не мало валунов по несколько тонн весом. Для подвозки этих-то камней, повидимому, и были использованы примитивные телеги. Последнее тем более вероятно, что в кургане пятом было найдено много, более сотни, длинных и тонких жердей, большими связками положенных в западном и северном секторах верхней части могильной ямы. Другого назначения, чем как настил для телеги при перевозке на ней камней, жерди эти иметь не могли.

Неясным все же остается вопрос, почему эти телеги, если они были предназначены для подвозки камня, находятся захороненными в могильной яме под земляной насыпью и каменной наброской? Из культа мертвых обычно вытекает представление о необходимости оставлять в могиле все предметы, которые были использованы при ее сооружении. Если это так, то в могиле мы естественно находим не только колья, колотушки, лопаты, которыми рылась могила, но и телеги, на которых подвозились камни. Отсюда можно предположить, что как погребальная камера заблаговременно рубилась где-то в другом месте, так и камни подвозились к кургану заблаговременно. Могильный холм и каменная наброска возводились вручную, последняя — из заранее подвезенного материала в процессе уже самого обряда захоронения.

Исключительный интерес представляет найденная в кургане пятом четырехколесная повозка или колесница. Прежде всего здесь мы имеем уже не примитивные массивные колеса, выделанные из цельного дерева, а настоящие многоспицные колеса со ступицей и ободом. Обращает на себя внимание большой (около 150 см) диаметр колес, большая длина (около 70 см) ступиц при изысканном их оформлении и большое количество (34) тонких спиц (рис. 146).

Ободья колес состоят из двух половинок, края которых наложены один на другой и скреплены между собой деревянными костыльками, в одном случае, кроме того, кожаной обмоткой. Средняя часть ступиц, там, где в нее вставлены спицы, тщательно оклеена берестой, повидимому для предохранения ее от рассыхания и, следовательно, от выпадения спиц. Диаметр втулки ступицы около 7.5—8 см. Колеса, как и все части повозки, выделаны из березового дерева.

Оси этой повозки очень длинные — 3.10 м. Такие большие их размеры определялись шириною кузова-платформы, длиной ступиц колес и дополнительными брусьями, связывающими переднюю и заднюю оси повозки и помещающимися между колесами и деревянными чеками, вставленными на концах осей.

На подушках осей имеются четырехугольные прорезы, девять на передней и шесть на задней оси, для костылей дрожин и для прикрепления к передней оси дышла. Дрожины с краевыми брусьями и оси представляли собой остова повозки. К передней оси, как уже отмечено выше, привязывалось

дышло при помощи специальной дуги. Длина этого массивного дышла 3.2 м. К оси телеги оно привязывалось не только непосредственно развилкой на своем заднем конце, но и специальной дужкой, прикрепленной к нему на некотором расстоянии от заднего конца особым костылем и ременной завязкой.

К переднему, слегка расширенному и закругленному концу дышла ремнями привязана специальная перекладина длиной 1.64 м с двумя закреплен-

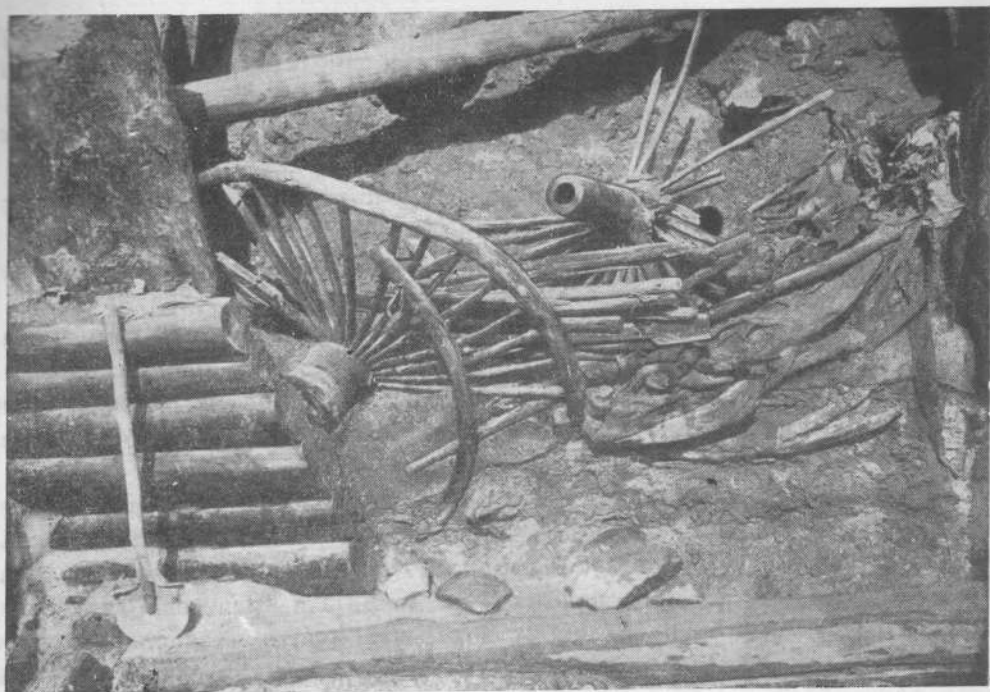

Рис. 146. Колеса от повозки в кургане пятом.

ными по обе стороны дышла рогатками. Кроме того, между рогатками и концами переладины в ней были высверлены специальные отверстия. Рогатки накладывались на шеи упряжных коней и подвязывались снизу ремнем, продетым в отверстия на нижних концах рогаток. Упомянутые выше отверстия в перекладине служили, повидимому, для привязывания шорок пристяжных коней. Для последних имеются два валька с остатками постромок. Таким образом, в эту повозку впрягалась четверка лошадей.

Весьма своеобразной формы кузов-платформа размером 1.28×2.36 м, состоящая из двух рам, соединенных между собою восемнадцатью резными колонками, высотой около 40 см каждая. В промежутках между колонками туго закрученные ременные связки, соединяющие рамы.

В верхней раме три поперечных перекладины, на которых лежит настил из сплошного ряда переплетенных ремнями прутьев, закрывающий почти три четверти ее площади. Впереди таким же настилом покрыт передний участок нижней рамы. Прутья настила и на нижней раме переплетены ремнями, но положены на четырех продольных перекладинах не в продольном, как на верхней раме, а в поперечном направлении. Повидимому, правящий лошадьми сидел на верхнем настиле, а ногами упирался в нижний.

Платформа наглухо была закреплена на передней и задней осях. Поэтому при поворотах повозка должна была описывать полукруги большого диаметра. Последние облегчались только подвижным закреплением дышла в дуге, наглухо прикрепленной к передней оси. Вся повозка была сделана исключительно из дерева со скрепами из деревянных шпенок, костылей и ременных связок.

У повозки был довольно сложный верх, частично покрытый черным войлоком, не все детали которого выяснены. Решетчатая часть этого верха из тонких прутьев, перевязанных на перекрестиях ремешками, была украшена четырьмя скульптурными войлочными фигурами лебедей (табл. CVIII).

Между бревнами, заполнявшими верхнюю часть могильной ямы кургана первого, были найдены два деревянных бруса с двумя парами отверстий на концах и по одному посредине, которые, судя по их отделке, можно рассматривать как части упряжного ярма. Если это так, то, помимо лошадей, упряжными животными были и волю.

В кургане пятом, в верхней части могильной ямы, вместе с многочисленными тонкими жердями, была найдена оглобля из березового дерева, длиной 3.35 м (рис. 147). Изогнутая форма утолщенной части этой оглобли, малый диаметр (6×6 см) отверстия на ее конце и наличие еще двух отверстий на расстоянии 60 и 127 см от заднего конца, при заполированности его нижней поверхности, позволяют думать, что в данном случае мы имеем дело с оглоблей не повозки, а более примитивного приспособления для перевозки грузов — волокуши. Во всяком случае наличие даже волокуши указывает на то, что помимо дышловой упряжки практиковалась запряжка и в оглобли.

Находки в различных курганах телег и повозок по частям не позволяют пока во всех деталях восстановить их устройство. Тем не менее находки эти чрезвычайно важны в том отношении, что указывают на существование уже в рассматриваемое время разнообразного гужевого транспорта. В Горном Алтае, повторяю, несмотря на весьма неблагоприятные для колесного транспорта горные условия, помимо волокуш, а следовательно и саней, широко пользовались и примитивными телегами, имелись и легкие повозки весьма совершенного, хотя и своеобразного, устройства, но без железных шин, которыми в данное время уже пользовались в Скифии. Железа на Алтае в это время было очень мало и оно было слишком дорого,

чтобы им пользоваться при изготовлении повозок. Упряжка, как мы видели, была и дышловая (конная и воловья) и в оглобли.

Наличие в Улаганском районе такой сложной по устройству повозки, как найденная в кургане пятом, может быть объяснено только непосредственными связями населения Улаганского плато со степными районами

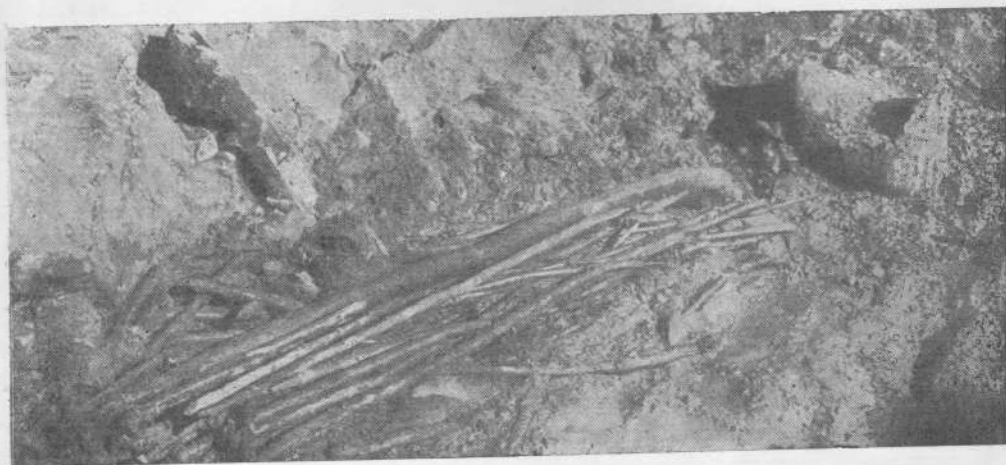

Рис 147. Оглобля волокуши с жердями в кургане пятом.

юга и востока. В Улаганском районе, при его бездорожье, такой повозкой можно было пользоваться только на крайне ограниченных участках. Отсюда возникает вопрос о назначении описанной выше повозки или колесницы. В этой связи крайне интересны сообщения китайских хроник о том, что китайцы, выдавая своих принцесс замуж за усуньских и хуннских вождей племен, дарили колесницы с четверкой лошадей.¹ Возможно, что найденная в пятом кургане повозка с упряжкой четверки лошадей прибыла в Горный Алтай с одной из жен захороненного вождя.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. III, стр. 192, 204.

Глава VII

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ РАЗЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Народ, живший на степных участках среди девственных лесов, естественно, широко пользовался деревом не только как материалом строительным, но и для всякого рода поделок. Парковые лиственничные леса, как и в настоящее время, были господствующими лесными массивами, древесина которых широко использовалась в строительном деле. Не случайно, что все погребальные камеры рубились из лиственничного леса; среди бревенчатых накатов в могильных ямах также решительно преобладает лиственница. Из стволов лиственницы выдолблены колоды-саркофаги и крышки к ним, выделаны колеса и дрожины массивных телег. Лестницы, колья, колотушки, лопаты, подушки для сиденья и многие другие поделки — все это лиственничное. Лиственничная кора широко использовалась как кроющий материал. Ее мы находим почти во всех курганных захоронениях. Ель, растущая либо в глубоких ущельях по берегам рек, преимущественно же на склонах гор северной экспозиции, была мало употребительна. Еловые бревна редко встречаются в бревенчатых накатах могильных ям; из еловых лучинок гнулись дужки на луки седел, изготавливались палочки щитов, топорща и другие мелкие поделки. Весьма однородная, мягкая, но хрупкая древесина кедра использовалась главным образом для резных и скульптурных художественных изделий. Почти все резные, крытые золотом, деревянные украшения конской упряжки — из кедра. Кедр употреблялся и в тех случаях, когда нужно было резать ножки для столов.

Как материал для различных изделий весьма ценилась береза. В бассейне реки Б. Улаган, в частности в районе Пазырыкских курганов, береза в настоящее время не растет, да и вообще высший предел распространения березы в Горном Алтае — 1500 м над уровнем моря. Береза встречается только кое-где в низовьях Башкауса и Чулышмана — там, где растут

и тополя. Между тем в курганах мы находим различные изделия из березы и притом больших размеров. Из березы выделаны большие съемные крышки-блюда столов, часто ножки этих же столов, деревянные сосуды. Повозка из пятого кургана в основном сделана из березы: огромные колеса с их ободьями, ступицами и спицами, брусья кузова-платформы, колонки — все березовое. Покрытия из бересты и притом с крупных стволов, диаметром до 20—25 см, мы находим во всех без исключения больших курганах. Население Улаганского нагорья, живя общей жизнью с населением Центрального Алтая, где при более мягком климате береза была достаточно широко распространена, могло получать изделия из березы из этих более теплых мест, вероятнее же из долин Чулышмана и Башкауса. Во всяком случае обычай покрывать погребальные камеры берестяными полотнищами сложился не на Улаганском плоскогорье, не в районе Пазырыка, а в районах с более мягким климатом, в частности в бассейне р. Урсула. Можжевеловый как подстилка был обнаружен только в конском захоронении второго кургана. Кустарник курильский чай был общераспространенным материалом для покрытия погребальных камер и, вероятно, в быту жилищ. Изделий из тополя пока не найдено, хотя в глубоких речных долинах в Горном Алтае тополь встречается повсюду. Для сшивания берестяных полотнищ употреблялась ивовая кора.

Из волокнистых растительных материалов использовались, повидимому, только волокна конопли и кендыря. Осока и стебли некоторых злаков употреблялись для набивки седельных подушек.

Бревна, которые были использованы для постройки погребальных камер, и те, которыми заполнялась могильная яма, были не толстыми, диаметром в комлевой их части от 16 до 25 см. Приходилось, однако, рубить и более толстые деревья, например, для столбов и балок, поддерживающих навал из бревен и камней над погребальной камерой, диаметр которых в комлевой части доходил до 50 см. Более того, диаметр лиственничных бревен, использованных для изготовления колод-саркофагов, доходил до одного метра.

При значительной плотности лиственницы и наличии небольших легких топорков-кельтов работа эта была нелегкой. Специальный просмотр многих десятков срубленных бревен показал, что строго установленных приемов рубки и повала деревьев не было. Чаще всего, как это принято и в настоящее время, дерево рубилось с двух противоположных сторон, с одной обычно несколько глубже, с другой мельче, хотя встречаются бревна с совершенно одинаковым врубом с обеих сторон. Недорубленная часть, чаще всего имеющая Х-образную форму, надламывалась, и дерево валилось. Реже бревно рубилось только с одной стороны. Встречаются бревна, рубленные с трех сторон, тогда торец приобретал форму плоской трехгранной пирамиды с надломанной вершиной. В исключительных случаях рубили с четырех сторон и даже по всей окружности ствола, тогда торец комлевой части бревна

приобретал очень уплощенную форму конуса и даже сферическую. Замечено, что чем толще был ствол дерева, тем с большего количества сторон оно рубилось. Тем же способом, чаще с двух сторон, обрубались и вершины бревен. Большинство бревен в своих вершинах имеет обруб прямой (рис. 148).

Некоторые бревна до повала окоривались в своей нижней части. Окорка производилась тем же способом, как и ныне ее производят алтайцы. Внизу кора прорубалась кольцом, сверху вниз делался продольный проруб коры, затем вверху кора надрубалась косыми ударами топора. У содранной, при помощи особой деревянной лопаточки, коры нижний и боковые края получались ровными, а верхний зубчатый.

Сучья обрубались за подлиго с поверхностью коры или с поверхностью обнаженного от коры ствола дерева.

Бревна, предназначенные для постройки, подвергались тщательной отделке. Сучья, равно как и все неровности, тщательно стесывались, и поверхность бревна получалась совершенно ровной и гладкой. Бревна в срубе подтесывались и одно к другому пригонялись так, что они лежали одно на другом без малейшего зазора.

За отсутствием пил, плахи и доски тесались топором и теслом. При изготовлении из бревен брусьев и толстых плах излишняя часть древесины скалывалась, после чего поверхность и ребра тщательно отесывались. В тех случаях, когда надо было приготовить тонкие доски, толщиной в сантиметр и менее, дерево раскалывалось на соответствующие пластины, после чего неровные их поверхности отесывались, но так, что местами поверхности раскола оставались нетронутыми.

Ни топоров, ни тесел в раскопках найдено не было и об их форме можно судить только по следам, оставленным этими орудиями на деревянных изделиях (табл. LXXIII, 4). Топоры и тесла были легкие и узкие, шириной лезвия примерно от 35 до 55 мм, со слегка выгнутым лезвием. Судя по топорищу, найденному в кургане первом (табл. LXXIII 1, 2), топором рубили с плеча. Тесла отличались от топоров не только способом насадки на топорища, но и асимметрией в заточке лезвия. Теслами выдалбливались огромные колоды-саркофаги и крышки к ним.

Многочисленные изделия из дерева, в частности художественные, резались металлическими ножами с прямым лезвием. В кургане втором найден железный нож и деревянные футляры от двух ножей (рис. 149). Нож плоский, с длинной ручкой (12.5 см), со сравнительно коротким лезвием (7.5 см, конец обломан) и с небольшим отверстием у слегка расширенного края ручки. При ширине ножа в среднем 1.4 см, толщина его массивной спинки 0.6 см, толщина же края ручки на стороне лезвия всего 0.3 см. Верхняя половина ручки, как это видно на рис. 149, с обеих сторон покрыта узором из накладных золотых пластинок. Подобные ножи для эпохи раннего железа —

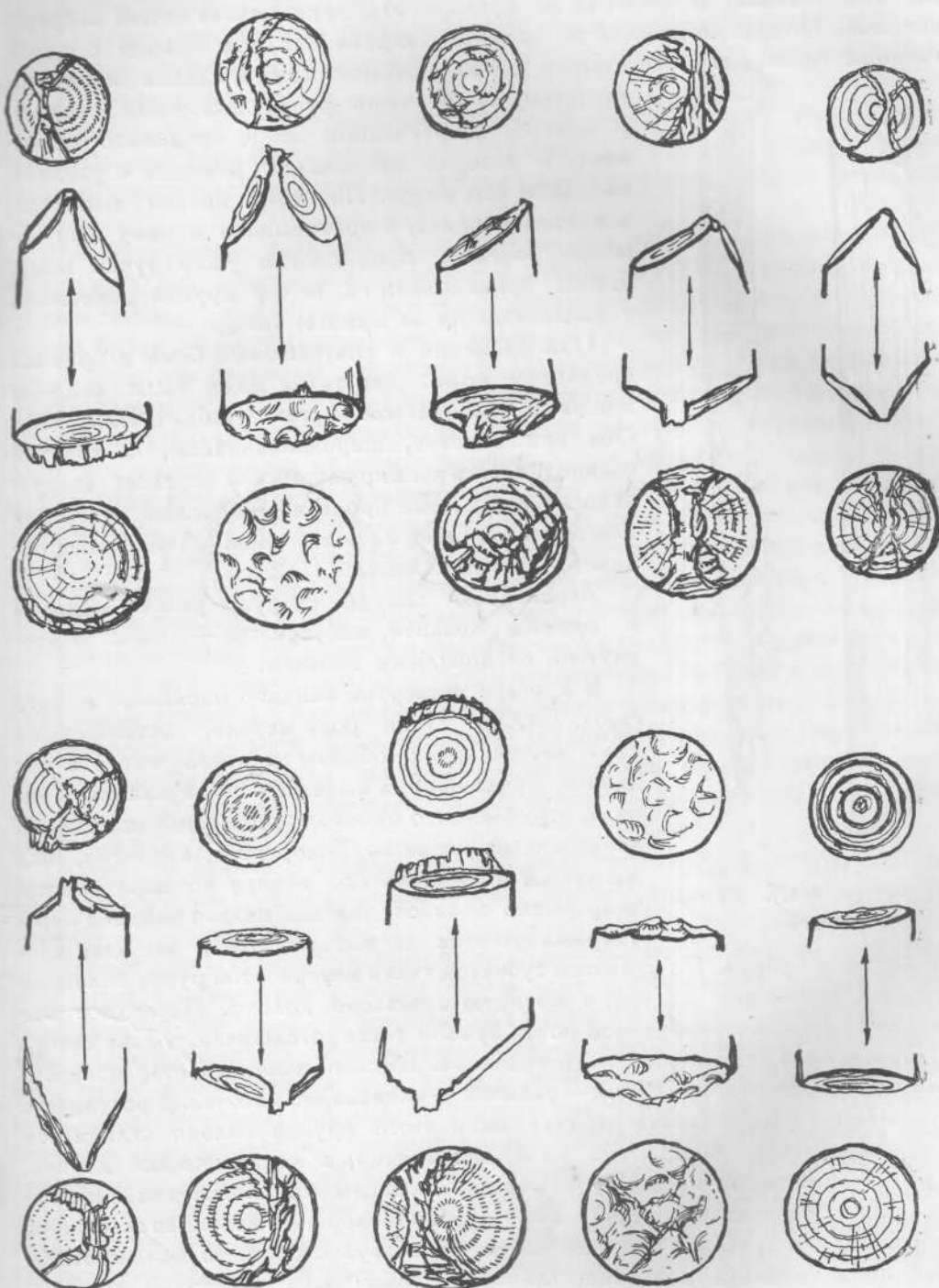

Рис. 148. Торцовые части отдельных бревен со следами рубки..

находка обычная, деревянные же футляры или ножны таких ножей найдены впервые. Ножны вырезаны из цельного дерева так, что только с одной стороны имеется глубокий вырез для вкладывания ножа и сделан он с таким

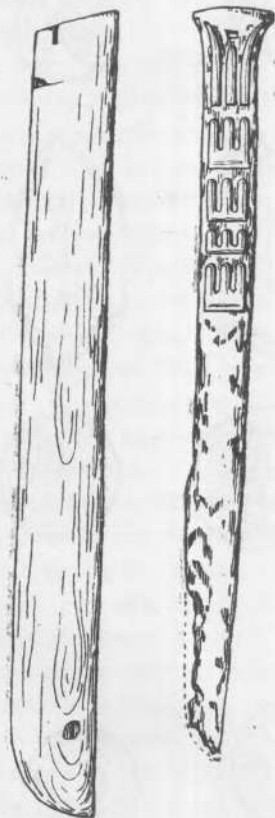

Рис. 149. Нож с футляром.
($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган
второй.

расчетом, чтобы часть ручки выступала наружу. В нижнем, закругленном конце проделано отверстие, в которое продевался ремешок с узелком на одном его конце. Нож этот носили в ножнах, вероятно у пояса, и привязывали к нему при помощи ремешка, продетого в ушко ручки ножа; ножны привязывали к поясу другим ремешком, укрепленным на их нижнем конце.

Одновременно в употреблении были и простые бронзовые ножи. Два таких ножа были найдены в первом Арагольском кургане (табл. LXXIII, 5, 6). Оба они плоские, широколезвийные, с толстой спинкой, слегка расширяющиеся у верхнего закругленного конца, где проделаны круглые отверстия для ремешка. Один из них больше (13 см, конец обломан), другой поменьше (11.5 см).

Деревянные сосуды снаружи резались ножом с прямым лезвием, изнутри же — ножом с изогнутым, серповидным лезвием.

В кургане четвертом найдено массивное долото (табл. LXXIII, 7) из рога марала, состоящее из двух частей: ручки-обоймы и вставленного в нее клинка. Ручка-обойма выделана из куса рога марала, отрубленного от ствола рога топором с сильно зазубренным лезвием. Топор этот, вероятно, был железным и профиль его лезвия по мере работы непрерывно менялся, так как нельзя найти и пары ударных фасеток, на которых были бы одни и те же следы зазубрин. По удалении губчатой ткани внутри этой ручки получена втулка (диам. около 3.5 см), в которую вставлено долото. Последнее выделано из нарочито выбранной почти прямой ветви рога марала, только слегка подправленной последующей его отделкой. Верхний конец долота, вставленный в ручку, заострен, нижний — рабочий — клиновидно заточен. В результате длительного употребления рабочая часть этого орудия сильно сгладилась и зашлифовалась. Между тем были, несомненно, и металлические долота, о размерах которых можно судить по проделанным ими отверстиям в многочисленных деревянных изделиях. Если широкие отверстия, например проушины в бревнах, прорубались топором и притом с двух сторон, то малые отверстия проделывались долотами, лезвия которых были различной ширины,

в среднем около 12 мм. Круглые отверстия в дереве проделывались сверлами или дриллем; диаметр перок последних был различен, чаще от 6 до 10 мм. Маленькие дырочки, в частности в деревянных украшениях конской сбруи, прокалывались шилом.

Горноалтайцам в рассматриваемую эпоху был, по всей вероятности, известен уже токарный станок. Ножи одного из столиков второго Пазырыкского кургана, как мы видели, несомненно были выточены на токарном станке.

Из растительных волокнистых материалов, как уже было отмечено выше, использовались, повидимому, конопля и кендырь. Из их волокон сучили грубые нитки, но пряли также и тонкие, пригодные для изготовления тканей. Нитки пряли на ручных веретенах. Глиняное пряслице от веретена найдено было мною при раскопках современного Пазырыкским курганом могильника под Бийском (табл. LXXIII, 3). При определении физических свойств волокон пряжи растительного происхождения в тканях из второго кургана выяснилось, что максимальная толщина первоначальных их волокон определяется в 25 μ . Так как для первоначальных волокон льна максимальная толщина принимается в 17 μ , для конопли 28 μ , для рами 30—40 μ , то считать волокна из данной ткани волокнами одного из этих растений нет оснований. При наблюдении под микроскопом, как это выяснил В. Н. Кононов, у исследуемых волокон не удалось обнаружить присутствия анатомических особенностей, характерных для волокон льна, конопли и рами (узлообразные вздутия, утолщения, поперечные сдвиги). По толщине волокна они ближе всего сходны с волокнами кендыря, у которых толщина волокон в среднем равняется 20—25 μ .

Переплетение в этой ткани оказалось простое, полотняное, называемое также граденаплевым, или тафтяным переплетением: в двух направлениях на один квадратный сантиметр приходится в среднем 23×23 нити (табл. LXXV, 1).

Обработка животных материалов, при исключительном их многообразии, была и крайне разнообразна и во многих случаях весьма совершенна.

Прежде всего следует упомянуть об обработке рога и в первую очередь рога марала. Рог марала употреблялся для изготовления мотыг, таких инструментов, как долото и молоток, для пряжек и блоков и, главным образом, для изготовления всевозможных резных художественных украшений. Отдельные участки ствола рога или его ветви надрубались резкими круговыми засечками металлическим топором и затем отламывались. Пластины резались ножом точно так же, как и деревянные. Круглые отверстия просверливались дриллем с металлической перкой различных диаметров, от 2 до 5 мм. Когда нужно было в роговой вещи, например в шлёмке, проделать узкое продольное, но достаточно глубокое отверстие, оно первоначально просверливалось рядом дыр, а затем ребристые промежутки срезались ножом.

Помимо рога марала для больших плоских роговых поделок использовался, повидному, и лосиный рог.

Сухой олений рог, особенно в своей периферической части, наиболее ценной для различных поделок, очень плотный и с трудом поддается обработке металлическим ножом. Поэтому надо полагать, что перед обработкой рог предварительно распаривали в теплой или горячей воде, как это до последнего времени широко практиковалось коренным населением Сибири при обработке рога. Несомненно, распаривался также и рог крупного домашнего рогатого скота, когда из него выделялись такие, например, вещи, как односторонние барабаны бокаловидной формы. Отмечу кстати, что такие барабаны, составленные из двух совершенно одинаковых половин, соединялись между собой связкой, продетой в ряды круглых высверленных отверстий, диаметр которых не превышал одного миллиметра.

Полые внутри рога козлов и баранов со срезанным основанием употреблялись как своего рода сосуды без дополнительной обработки.

Меха выделялись из шкур всех домашних животных. В настоящее время мы располагаем выделанными мехами овцы, козы и лошади (жеребенка). Меха из шкур лося, оленя, горного козла или барана, вследствие плохого их качества, повидному, не выделялись. Имеются притом и хорошо выделанные меха леопарда, выдры, степной кошки, белки, соболя, горностая.

Сейчас еще трудно сказать, каким способом и с применением каких материалов выделялись меха различных животных. Шкуры овцы и козы, несомненно, обрабатывались при помощи кислого молока и творога, а затем мылись руками. Они мягки и белы, как современные шкуры тех же животных, обработанных указанным способом. Шкурки мелких зверьков — соболя, белки, горностая — после очистки от жира, видимо, только разминались, без применения каких-либо химически действующих веществ.

С большим искусством население Горного Алтая собирало меха из шкур мелких зверьков. Особого внимания заслуживает прошивание для прочности мездриной стороны шкурки очень мелкими стежками тонкими сухожильными нитками (табл. LXXIV, 3). Как уже отмечалось при описании одежды, несмотря на очень тонкую кожу таких шкурок, как белки или соболя, при прошивании нитки захватывали только поверхностный слой кожи, не переходя на наружную, покрытую волосом поверхность. Если учесть, что при такой прошивке на один сантиметр шва приходилось до шестнадцати стежков, можно составить представление, какими тонкими иглами эта работа выполнялась. При сборке шкурок в меха на поврежденные места накладывались заплатки, но с таким расчетом, чтобы они по возможности не выделялись, входя в общий орнамент на наружной стороне меха. Кроме мехов однородных, нередко сшитых из мелких лоскутов (табл. LXXIV, 5), были сборные, мозаичные. Последние шли на покрытие

одежды и кожаных сум. Мозаичные, по типу инкрустации, меха шились из разноцветных, нередко подкрашенных кусочков меха или иногда из меха вместе со вставками из кожи. Напомню одежду из Котандинского кургана, сумки из первого и второго Пазырыкских курганов (табл. ХСІ, 1 и 2).

Очень разнообразны по материалу, выделке и качествам различные кожи и ремни. Как выделялись кожи и обрабатывались ремни, с полной определенностью сказать мы пока не можем. Несомненно только, что по удалении волоса толстые кожи, такие, как конские или воловьи, скоблили и били молотками для придания им эластичности.

О выделке кож у скотоводческих племен, насколько мне известно, есть единственное указание Геродота: скифы первоначально снимают с нее мездру бычачьим ребром, а затем мнут ее руками, чтобы сделать мягкой.¹

В кургане втором найден массивный молоток из отрезка рога марала (табл. LXXIII, 8). Ударною поверхностью этого молотка является розетка рога; ствол обрублен на некотором расстоянии от края розетки, а глазничный отросток использован как ручка. Этот молоток, надо полагать, употреблялся при обработке кож. Подобный прием размягчения толстых кож последовательными ударами роговым молотком или обухом топора и в настоящее время широко практикуется коренным населением Горного Алтая.

Помимо выделки ремней, толстые кожи употреблялись также для выделки сосудов, в которых хранился сыр, а возможно и жидкие продукты. Такие кожи нужно было дубить, что, по всей вероятности, производилось копчением.

Замечательной чертой рассматриваемой культуры было широкое использование толстой кожи для художественной резьбы, подобно резьбе по дереву или кости, и даже для изготовления художественных скульптурных изделий. С подобными вещами мы уже неоднократно имели случай познакомиться. Для украшений, впрочем, широко использовалась и тонкая (овечья или козья), прекрасно выделанная кожа. Из нее вырезывали всевозможные силуэтные изображения; она же шла на обшивку грубых уздечных и седельных ремней. Шили кожу, — независимо от того, были это уздечные ремни или тонкая художественная аппликация, — неизменно сухожильными нитками. Смотря по потребности, сухожильные нитки употреблялись либо довольно толстые, витые, либо очень тонкие, крученые.

Весьма широко и разнообразно было употребление шерсти. Оленья шерсть, и притом щипаная, употреблялась, повидимому, только как материал для набивки. Ею набивались седельные подушки во всех Пазырыкских курганах, маленькие подушечки, назначение которых не установлено, скульптурные из войлока фигуры лебедей из пятого кургана. Зато использование шерсти и пуха домашних коз и особенно овец было весьма многообразно.

¹ Геродот, ук. соч., IV, 64.

Развита была техника валяния войлока различных сортов и качеств. Грубых, тяжелых войлоков мы не встречаем. Последнее объясняется, видимо, тем, что в богатых семьях племенных вождей, могилы которых мы раскапывали, разводились преимущественно тонкорунные овцы. Сравнительно толст и груб войлок в конских нагивниках из первого и второго курганов. Довольно толста и плотна катка мужского головного убора из второго кургана. Толстый, но мягкой катки войлок, которым были закрыты стена в первом и втором, пол во втором кургане, потники большинства седел. Тоньше и мягче войлок, из которого шили чулки. Цвет войлока белый или черный, — сообразно масти овец. Желтый цвет — вторичный, результат загрязнения при продолжительном пребывании во влажной земле.

Лучшей выделки тонкие сорта войлока мало уступают современному фетру, но не такой плотной катки. Материал — исключительно пух овец, очищенный от посторонних примесей и тщательно промытый. Обращает на себя внимание равномерность в толщине, которая в отдельных образцах колеблется от 2 до 3 мм при нередко очень больших по площади полотнищах. Применение в быту такого тонкого войлока было весьма разнообразным. Он шел на изготовление одежды — кафтанов, чулок, на подкладку кожаных головных уборов, для изготовления декоративных настенных ковров в жилище, на покрывки седельных подушек, на изготовление чепраков и т. п. В некоторых случаях, как, например, для седельных покрывок, белый войлок красили в синий или красный цвет. Из окрашенных в различные цвета лоскутов тонкого войлока вырезывали отдельные фигуры и из них составляли сложные узоры и даже картины.

Шерстяные нитки, ссученные из двух прядей, широко применялись только при изготовлении войлочных аппликаций и вообще изделий из тонкого войлока. Ими же, окрашенными в различные цвета, вышивались и незамысловатые узоры тамбурным швом.

Шерстяные шнуры двух типов: витые в две или четыре нити и плетеные. Мастерство плетения различных видов тесьмы было большое. Не сложно было заплести в три или пять прядей конский хвост. Несравненно сложнее было плетение толстых квадратных в сечении жгутов (рис. 58, а), широких (1—1.5 см) с определенным рисунком тесемок и притом очень тонкой работы. Однако помимо простого плетения, практиковалось и кружевное, образцом которого является двойной кружевной накосник из второго кургана. На прилагаемой фотопроекции (в позитиве) можно видеть рисунок внутреннего чехла менее сложного плетения (табл. LXXV, 5) и более сложного наружного (табл. LXXV, 6).

Шерстяные ткани, обнаруженные в Пазырыкских курганах, — местного производства и импортные. Ознакомимся первоначально с местными тканями. Волокно пряжи для этих тканей — шерсть, по всем признакам овечья, причем

шерсть исключительно из пуха. Остевые волосы с пухом (грубая шерсть) найдены только в нитях основы импортной ковровой ткани. Под микроскопом обследованы волокна пряжи основы и утка тканей всех типов. Найден только пух, а максимальная толщина шерстинок только в редких случаях доходит до 50 μ . Главную массу составляют шерстинки толщиной от 12 до 27 μ , а в некоторых нитях толщина шерстинок не превосходит 14 μ .¹

Таким образом шерсть, употреблявшаяся для тканей, состояла только из пуха; малый диаметр его шерстинок, форма чешуек шерстинок, охватывание ими коркового слоя и налегание их друг на друга — все оказалось аналогичным с пухом лучших культурных пород овец, дающих благородные шерсти, с шерстинками толщиной от 11 до 26 μ . Исследование овечьих шкур из курганов второго и пятого показало, что такая именно шерсть была у местных, разводимых в рассматриваемое время на Алтае овец.

В курганах первом и втором найдены лоскуты красной шерстяной ткани простого полотняного переплетения. Число нитей на 1 кв. см в двух направлениях в среднем 11×17. Прилагаемая фотопроекция в позитиве (табл. LXXV, 4) дает увеличение вдвое.

Во всех курганах найдены красные шерстяные ткани, совершенно одинаковые по структуре своего переплетения. Их основа и уток переплетаются в саржевом (киперном) двустороннем переплетении, с диагональным рисунком. При одной и той же технике изготовления такой ткани различные ее образцы существенно отличаются один от другого по плотности основы и утка. Так, в одних тканях на один сантиметр приходится основы 15 нитей, а утка 28 нитей, в других при 20 нитях основы 30—35 нитей утка. Кроме того, в некоторых тканях нити утка частью плотно прибиты друг к другу так, что нитей основы не видно, частью между ними имеются промежутки, через которые видны нити основы. Такое расположение создает своеобразный рисунок. На табл. LXXV, 3 дано увеличенное вдвое изображение такой ткани с диагональным рисунком. Во втором кургане была найдена ткань этого же типа, но более редкая, с числом ниток на 1 кв. см в двух направлениях 18×19 и притом выкрашенная в зеленый цвет.

Чрезвычайно плотная красная шерстяная ткань была обнаружена в курганах втором и третьем. В погребальной камере второго кургана было найдено две полосы такой ткани, одна длиной 2.7 м, другая 2.5 м, обе шириной 15 см. Полосы этой ткани на концах были подрублены шерстяными нитками. В кургане третьем найдены только небольшие лоскутки такой ткани. Переплетение и этой ткани саржевое. Схема ее переплетения дана на рис. 150; нити основы показаны светлым тоном, а уток — черным. Рисунок на ткани повторяется в виде диагональных рубчиков четырьмя нитями утка, которые на чертеже отмечены римскими цифрами. На чертеже

¹ Анализ материала тканей из всех Пазырыкских курганов выполнен В. Н. Кононовым, анализ переплетения тканей и их характеристика выполнены А. С. Верховской.

дан и поперечный разрез ткани, где нити основы обозначены черными точками. Ткань двусторонняя. На 1 кв. см в двух направлениях на 15 нитей основы приходится свыше 60 нитей утка. Нити утка плотно прибиты друг к другу так, что нитей основы совершенно не видно; это создает особую прочность ткани. На табл. LXXV, 2 ткань увеличена в два раза.

В кургане втором была найдена темнокоричневая шерстяная ткань с ворсом двух типов, с цельными (табл. LXXVI, 3) и с разрезанными петлями ворса. Лоскуты такой же ткани с цельными петлями ворса найдены и в кургане третьем. Из этой ткани, нормальная ширина которой была 42 см, были сшиты коврики или покрывала, ширина которых была не менее 82 см, а длина в сохранившемся отрезке 120 см. Переплетение данной ткани простое,

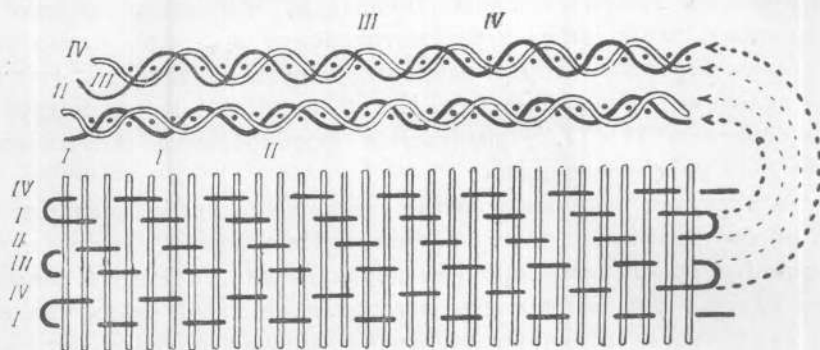

Рис. 150. Схема переплетения нитей ткани.

полотняное, в котором нити утка, образуя ворс, выходили в виде петли, а затем или разрезались, или оставались неразрезанными. На рис. 151 дана схема переплетения ткани в поперечном разрезе, где нити основы показаны точками. Между нитями ворса имеются промежутки из тонких нитей утка, число которых достигает 30 на 1 см.

Вышеперечисленными типами исчерпываются безусловно местные, по-видимому, достаточно широко распространенные ткани, особенно саржевого переплетения.

Перехожу теперь к рассмотрению шерстяных тканей, местное производство которых сомнительно, а также тканей импортных.

Длинные полосы плотной красной ткани из второго кургана, описанные выше, по краям были обшиты сравнительно узкими (9.5 см) полосками шерстяной ткани с многоцветным орнаментальным ритмическим рисунком в двух вариантах, сравнительно мелкого и более крупного рисунка. Ткань эта, по-видимому, интересовала и грабителей, которые, оставив полосы плотной красной ткани, многоцветную тщательно оборвали. От нее остались сравнительно небольшие лоскуты. Переплетение в данной ткани простое, по-

лотняное. Плотность основы 11 нитей на 1 см; плотность утка в среднем 54—56 нитей на 1 см. Вследствие неодинаковой толщины утка и неравномерной прибавки его плотность колеблется. Узор ткани выткан разноцветными (белыми, желтыми, красными, фиолетово-красными и синими) шерстяными нитками утка, закрывающими с обеих сторон нити основы, как с лицевой стороны, так и с изнанки, благодаря чему ткань имеет двухсторонний рисунок.

Нити основы были толстые, из грубой некрашеной шерсти, состоящей из волоса и пуха, хорошо скрученные в несколько рядов. Нити утка тонкие, с более отлогой круткой, плотнее нитей основы. Хотя нити утка переплетены с нитями основы по принципу полотняного переплетения, но из-за различной тонины и плотности между основой и утком на ткани возникают бороздки, идущие параллельно основе. Такое переплетение, как известно, называется уточным

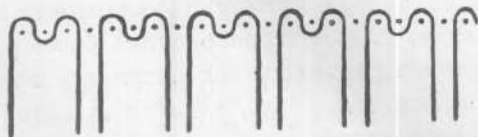

Рис. 151. Схема переплетения нитей ткани.

рипсом. Отличительной чертой древней техники ручного ткачества узорчатых тканей и ковров являются сквозные отверстия или щели в ткани, идущие параллельно основе на линиях, отделяющих в узлах один цвет от другого. Эти отверстия получаются вследствие того, что в процессе тканья уточные нити разных цветов не соединяются друг с другом на продольных гранях рисунка, а идут в обратную сторону, не захватывая соседних нитей. Благодаря этому с двух сторон каждой цветной плоскости образуются кромки, между которыми возникают сквозные отверстия. Такой способ соединения нитей основы и утка ткани называется техникой килима или паласа. Выполнение узора в этой технике и обуславливает ту ступенчатость линий рисунка, которую мы и видим на табл. XCVIII, 1, 2.

На рис. 152 дана схема переплетения нитей утка ткани, выполненной в технике паласа. В настоящее время мы имеем уже около десятка курганов, в которых во многих образцах нами были найдены сохранившиеся различные типы рассмотренных выше тканей. Исключение составляет ткань, о которой мы только что говорили. Возможно, что она не местной работы и происходит из пограничных западных или юго-западных степей, где техника паласных тканей бытует почти до наших дней.

Для установления первоначальной расцветки окрашенной пряжи В. Н. Коновым было произведено специальное ее обследование, которое дало следующие результаты: белая — природная, некрашеная шерсть; желтая, изменившаяся в настоящее время в светлосерую; синяя, краситель типа индиго; зеленая, несколько потерявшая свою яркость, краситель по химическим свойствам аналогичен индиго; красная, красители пурпурин и алizarин.

Технически весьма совершенной работы переднеазиатские ткани, использованные для украшения одного из чепраков пятого кургана, в частности с изображениями женских фигур перед курильницей и львов (табл. СХVII, 1, 3). Плотность их основы 22—24 нити на 1 см, плотность же утка свыше 100 нитей на 1 см.

При выполнении узорчатых тканей обычно весь рисунок или часть его, называемая раппортом, наносится на канвовую бумагу с точным расчетом плотности ткани по основе и утку и разрабатывается соответствующим переплетением. Рисунок наших тканей выполнялся на станке без перевода на клетчатую бумагу и во время работы находился в горизонтальном положении, т. е. фигура рисунка была расположена параллельно утку. Горизонтальное расположение рисунка с изображением человеческих фигур, зданий с колоннами и пр., в которых преобладают вертикальные линии, с древних времен принято воспроизводить на ткацком станке в горизонтальном положении, чтобы получить тонкие линии на продольных очертаниях рисунка, накладывая один цвет нитей на другой. Этот прием мы видим на наших переднеазиатских тканях ахеменидского времени, на декоративных коптских тканях IV—VI вв. н. э., средневековых шпалерах и гобеленах XVII—XVIII вв. Таким образом, рассматриваемые ткани являются одними из самых древних и самых совершенных, выполненных в гобеленной технике.

Шелковые китайские ткани в нескольких образцах найдены в курганах третьем и пятом (в кургане четвертом они не могли сохраниться, а в курганах первом и втором они не обнаружены). Простые шелковые ткани полотняного переплетения достаточно тонкой работы со счетом нитей, например в кисете, 30×50 в 1 кв. см (табл. LXXVI, 2). Пряжа — некрученный шелк. Того же переплетения и шелковая материя типа чесучи, которая использована для покрытия одного из чепраков пятого кургана. Ширина этой ткани 44 см, число нитей в 1 кв. см в среднем 40×52 .

Сложнее шелковая ткань с узором, образец которой найден в третьем кургане. Она выткана на стане с одной основой и двумя утками. Отношение утков 1:1. Переплетение саржевое $\frac{1}{3}$ и $\frac{3}{1}$. На рис. 153 показана схема узорчатого переплетения $\frac{1}{3}$ и $\frac{3}{1}$, в котором выполнена данная ткань. Коричневатый уток I переплетается с основой в саржевом переплетении $\frac{1}{3}$, при переходе на изнанку в саржевом переплетении $\frac{3}{1}$. Зеленоватый уток II переплетается в саржевом переплетении $\frac{3}{1}$, а с изнанки $\frac{1}{3}$. Смена переплетения происходит в зависимости от чередования узора и фона. Узор этой ткани виден на табл. LXXVI, 1. Счет ниток на 1 кв. см: продольных 24, поперечных 18.

Помимо красителей, о которых упоминалось выше, в употреблении были и минеральные краски, в частности охра и киноварь. Киноварь, которая, повидимому, высоко ценилась как краситель, широко применялась во всех курганах для окраски не только деревянных вещей, но и кожаных. Возможно,

вместе со смолой, которой пользовались как веществом склеивающим, кино-варь применялась и для изготовления лака. Киноварь, вне всякого сомнения, добывалась на месте, потому что ее месторождения известны всего в 30—40 км к югу от Пазырыкской группы курганов, а так как эти месторождения выходят на поверхность, то они были весьма доступны разработке.

Немаловажную роль в быту населения играла и обработка минеральных веществ (камня, глины) и различных металлов.

Каменная светильня из плотного песчаника, найденная во втором Пазырыкском кургане, равно как и другие подобные, о которых шла речь в главе

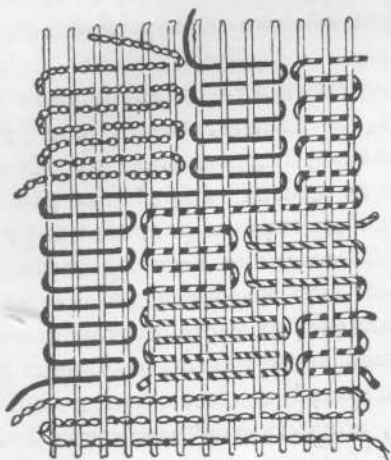

Рис. 152. Схема переплетения нитей ткани типа паласа.

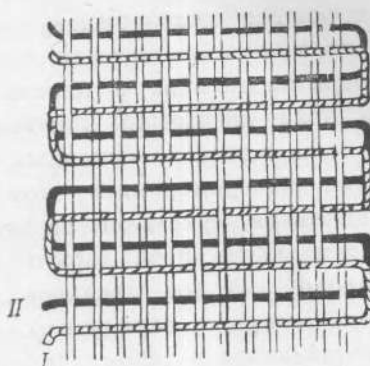

Рис. 153. Схема переплетения нитей ткани с одной основной и двумя утками.

о хозяйстве, требовала при изготовлении навыка в обработке и шлифовке камня. Для того чтобы высечь из цельного камня высокие ножки, нужно было основательно поработать металлическим зубилом. Правда, светильня эта из плотного песчаника, но в Горно-Алтайском областном музее имеются подобные же светильни из более твердого материала, например из диорита (с р. Мульты). Насколько развита была техника шлифовки и сверления дыр в камне, можно судить по каменной скульптурной фигуре кабана, хранящейся в том же музее (рис. 169). Происхождение этой фигуры кабана точно не известно, но по манере воспроизведения этого животного очень вероятно, что вещь эта относится к рассматриваемой нами культуре.

Глиняная посуда, при наличии деревянной, кожаной и металлической, должна была иметь второстепенное значение, поэтому и выделка ее стояла на не особенно высоком уровне. Тем не менее, поскольку глиняные кув-

шины находятся во всех курганах, посуда эта была общеупотребительной. Описание ее было дано выше, напомним только, что эти узкогорлые кувшины лепились из глины с примесью песка и мелкого гравия без гончарного круга. Их обжиг неравномерный, производился он на костре.

Несравненно сложнее и более разнообразна была техника обработки изделий из металлов, большинство которых, по всей вероятности, местного, горноалтайского, происхождения.

Ничего пока нельзя сказать о выплавке железа и месте производства железных вещей. Возможно, что железные удила, ножи и железные мечи не изготовлялись на Алтае, а получали их в обмен из других районов. Что касается техники их изготовления, то следует только отметить, что все они кованые, а ручки ножей и рукоятки мечей обычно инкрустированы золотом.

Во многих районах Горного Алтая в древности разрабатывались не только коренные месторождения золота со значительным содержанием серебра, но и золотые россыпи, а также месторождения меди и олова.

Несмотря на наличие в данной области древних выработок различных металлов, вряд ли можно допустить, чтобы горные разработки, добыча металла были одним из основных занятий населения Горного Алтая в интересующее нас время, хотя этот вопрос еще недостаточно изучен. Что золото, киноварь, кристаллы пирита добывались на месте, в этом нет сомнения, но занимались этой добычей, по всей вероятности, отдельные семьи. Чистое олово, которое ценилось, повидимому, так же, как и золото, и листочками которого, наряду с золотыми, покрывались различные изделия, могло доставляться в район Пазырыка с юго-западной окраины Горного Алтая. Там же, по всей вероятности, добывалась и медь.

Сравнительно небольшое количество металлических изделий из Пазырыкских курганов подвергалось анализу на их состав.¹ Тем не менее результаты и этих анализов привели к интересным выводам. Оказалось, что для очень многих изделий население пользовалось почти чистой медью. Из меди отливались сосуды, удила, гвозди, из нее плющились всевозможные украшения. Из бронзовых изделий, отличающихся присутствием в них значительного количества олова, мы знаем пока только одно из зеркал из кургана второго и шейную гривну из того же кургана. Рудная медь, из которой изготовлялись различные предметы, найденные в Пазырыкских курганах, происходит, повидимому, из разных месторождений. Часть медных изделий отличается присутствием висмута, в некоторых из них имеется

¹ Состав металлических изделий из Пазырыкских курганов был определен спектральным анализом в дуге постоянного тока с угольными электродами на кварцевом спектрографе средней дисперсии ИСИ-22. Образец в несколько миллиграмм помещался в углубление нижнего электрода и сжигался при силе тока 9 ампер до полного испарения. Определение состава производилось по „последним“ линиям всех металлов.

в заметных концентрациях серебра. Различное содержание сурьмы в бронзовых изделиях указывает на различное их происхождение. Следовательно различные медные и бронзовые вещи, найденные в Пазырыкских курганах, не были изготовлены на месте, а попали туда в результате межплеменного обмена из различных мест выделки их в Горном Алтае. Золото однообразно, что указывает на один источник его происхождения. Анализ этого золота показал, что все оно — исключительно белое золото (электрум): сплав золота с серебром (до 20%) со значительной примесью меди. Техника плющения золота была вероятно та же, что и в современном золотобойном мастерстве. Разница только в том, что в наше время листовое золото для позолоты доводится до толщины меньшей чем 0.1 μ , при этом оно становится прозрачным и пропускает зеленые лучи. В Пазырыкских курганах листовое золото несравненно толще. В более ранних курганах его толщина колеблется в пределах от 15 до 30 μ , а в пределах одного листа до 10 μ . В более поздних курганах толщина листового золота от 8 до 17 μ . Отдельные листки золота выделялись размером до 200 кв. см и более. Значительно тоньше плущеное олово.

Хорошо была известна техника штамповки различных украшений из тонкой листовой меди. Таких вещей, как мы видели, было особенно много во втором кургане.

Литых металлических вещей немного, отчасти, быть может, потому, что большинство из них похищено грабителями. Те, что имеются, свидетельствуют о далеко не одинаковом уровне мастерства, приложенного к изделиям различных вещей. Большими мастерами своего дела были те, кто отливал серебряные украшения: поясные бляхи, подвески. Не плохо отлиты медные удила, хуже медные сосуды.

Вряд ли можно сомневаться в том, что поясные серебряные бляхи с изображением льва, напавшего на горного козла, и тем более серебряные подвески с изображением лошади — местной, алтайской, работы. Стиль выполнения этих вещей до мельчайших деталей совершенно тот же, что и в массе подобных же изображений, вырезанных из дерева.

Медные гвозди отливались в двустворчатых глиняных формах, которые после отливки каждого гвоздя разбивались. В некоторых случаях, если не всегда, шляпки гвоздя отливались отдельно от стержней и затем к ним приваривались. Медные удила отливались способом, реконструированным В. В. Радловым и подробно им описанным.¹

Литье медных курильниц, одной прямоугольной на четырех ножках, другой в форме „скифского котла“ (табл. XXIV, 1 и 2), как уже отмечалось, плохое. Прямоугольный сосуд не совсем правильной формы. Отлит он в двустворчатой форме: шов, соответствующий линии соприкосновения створок,

¹ Материалы по археологии России, № 15, 1894, стр. 119—121.

в одном сантиметре от дна. Ручки, ножки и ушки были отлиты отдельно и затем приварены. На дне имелись отверстия, дефект литья, впоследствии заваренные. Второй сосуд в форме котла сферической формы на подставке раструбом. Тулово, подставка, ручки отливались отдельно и затем приваривались. После отливки в сосуде оказалось шесть дыр. Пять из них заварены, шестая не заделана и была заткнута деревянной пробочкой.

До какой степени тонкими инструментами пользовались при работе по металлу, можно судить по отверстиям, высверленным в кристаллах пирита. При описании одежды сообщалось, что подошвы одной пары обуви были украшены нашитыми на них 84 золотистыми кубическими кристаллами пирита (серный колчедан). Пирит — одна из самых распространенных железных руд, повсюду встречающаяся на Алтае, как сопровождающая в кварцевых жилах золото, так и независимо от него. Кристаллы эти, следовательно, могли быть добыты на месте как побочный продукт при добыче золота, так и самостоятельно. Удивительно только мастерство, с каким в этих кристаллах высверлены те миниатюрные, не более миллиметра, отверстия, при помощи которых они прикреплены к подошве. Твердость пирита довольно большая (6—6.3 баллов), и железным сверлом вряд ли возможно было проделать такое отверстие. Последнее было тем более затруднительно, что материал этот очень хрупок, а отверстие надо было высверлить не посередине, а у ребра граней. В каждом кристалле по два отверстия, причем сверлились они под тупым углом с одной и другой грани, до встречи.

О золотых серьгах из второго Пазырыкского кургана как об образце ювелирных изделий достаточно подробно было уже сообщено в главе об одежде и украшениях.

Глава VIII

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ

Прямых данных относительно общественного строя древних обитателей Горного Алтая в рассматриваемое время у нас нет. Однако косвенно о нем свидетельствуют погребальные памятники. Ценным источником являются также сведения, сообщаемые греческими историками и китайскими хрониками о характере общественного строя многочисленных скотоводческих племен, обитавших в степях и горных долинах Восточной Европы и Азии, близких между собой и к горноалтайским племенам по образу жизни и культуре. В ряде случаев возможно также использование этнографических данных в качестве аналогий.

Учитывая важное значение этого вопроса, попытаемся для его освещения использовать хотя бы и те немногие, часто отрывочные факты, которые имеются в нашем распоряжении.

Мы уже видели, что основным занятием населения Горного Алтая в первом тысячелетии до н. э. было скотоводство. Будучи основным источником существования, скотоводство являлось делом мужчины и должно было обеспечить ему господство в семье, сделать семью патриархальной. Судя по письменным источникам, так было и у других племен степей Восточной Европы и Азии. Во всяком случае, на это указывает ряд моментов. Приведем некоторые из них.

При патриархальном строе семьи вполне естественны права наследования сыном от отца, в частности сыном младшим. Такой порядок, повидимому, имел место у скифов, судя по известной легенде об упавшем с неба священном золоте, доставшемся младшему из братьев.¹ Столь же характерен для патриархальной семьи обычай жениться на мачехах и невестках, как для продолжения рода, так и в связи с экзогамной формой брака, сопровождавшейся выкупом женщины из другого рода. О ближайших к Алтаю

¹ Геродот, ук. соч., IV, 5.

скотоводческих племенах (усунь, хунну) китайские хроники сообщают, что у них „по смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках“, при этом приводится ряд конкретных фактов.¹ По рассказу Геродота, один из скифских царей — Скил — женился на жене своего покойного отца.²

Несмотря на господство патриархального строя и вполне установившийся у скотоводческих племен к середине первого тысячелетия до н. э. патрилинейный счет родства,³ у некоторых племен, в частности у массагетов, наблюдались еще черты пережиточного матриархата. У исседонов женщины пользовались одинаковым положением с мужчинами.⁴ Об ухуаньцах китайские хроники сообщают, что они „в каждом деле следуют мнению жен, одни военные дела сами решают“.⁵ У ряда племен женщины наравне с мужчинами принимали даже участие в войнах. О женщинах савроматов Геродот сообщает, что они „вместе с мужьями и без них ездят верхом на охоту и на войну и одеваются так же, как и мужья их“.⁶ По рассказам Ктесия, хотя и легендарного характера, в царствование царя мидийского Астибара между саками и мидянами велась длительная и кровопролитная война. „Над саками в это время предводительствовала Зарина, женщина воинственная и далеко превосходящая смелостью и деловыми способностями всех прочих сакских женщин. В народе этом вообще женщины отважны и помогают мужьям своим в военных опасностях“.⁷ Позднее, когда верховный вождь саков Аморг был пленен персидским царем Киrom, жена Аморга Спаретра, по преданию, собрала войско, состоявшее из 300 000 мужчин и 200 000 женщин, и нанесла Киру поражение.

По сообщению Геродота, во время войны массагетов с персами во главе массагетских войск стояла Томирис, вдова массагетского царя.⁸

Исходя из такого положения женщин у вышеперечисленных племен, ряд которых, несомненно, находился на более высокой ступени общественного развития по сравнению с горноалтайцами, надо думать, что женщины, захороненные вместе с вождями племен в Пазырыке, не могли быть их женами, во всяком случае, женами старшими. Быть может, это были младшие жены, взятые из другого племени в „знак мира и родства“. Ведь и причерномор-

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 40, 52, 143.

² Геродот, ук. соч., IV, 78.

³ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. Вестник Ленинградского университета, 1947, № 9, стр. 71.

⁴ Геродот, ук. соч., I, 216; IV, 26.

⁵ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 143.

⁶ Геродот, ук. соч., IV, 116.

⁷ Отрывки из Ктесия, собранные Мюллером при издании Геродота (C. Müller, Herodoti historiarum libri, IX), стр. 42 и 43.

⁸ Геродот, ук. соч., I, 214.

ские скифы, по сообщению Геродота, вместе с умершим верховным вождем хоронили одну из его наложниц, предварительно задушив ее.¹

Неотъемлемой чертой патриархально-родового строя у скотоводческих племен является, в отличие от более древнего, матриархального уклада, частносемейная собственность, в первую очередь на скот.

Скот, главное имущество пастушеских народов, первоначально, как предполагал Ф. Энгельс,² принадлежал роду, т. е. был общинной собственностью. Но очень рано он перешел из общего владения племен или рода в собственность глав отдельных семей. Внутри семей у скотоводов, очевидно, могла существовать и личная собственность отдельных ее членов на определенных ездовых лошадей и т. д.

О такой частносемейной и личной собственности на скот у древних скотоводческих племен Восточной Европы и Азии свидетельствуют различные письменные документы. Китайская хроника гласит, что у хуннов „кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его“.³

О племени ухуань китайская хроника сообщает, что они при похоронах „берут лошадь, на которой покойник ездил, его одеяние и вещи и все это сжигают“.⁴ На похоронах и во время поминок, как у причерноморских скифов, так и у исседонов, скот доставлялся не племенем или родом, а родственниками умершего или друзьями.⁵ Кроме того, по сообщению Геродота, имущество скифа, казненного за клятвопреступление, доставалось на долю гадателей, уличивших его в клятвопреступлении.⁶ Прямым указанием на личное владение ездовыми лошадьми у саков Средней Азии является любопытный полулегендарный рассказ, сообщаемый Ксенофонтом. На конных состязаниях, устроенных Киром по взятии Вавилона, сак, простой всадник, на своей лошади оставил других почти на половине ипподрома. Затем сак подарил свою лошадь одному из друзей Кира — Февралу.⁷ Последнее могло иметь место только в том случае, если лошадь была собственностью этого молодого человека.

Скотоводческие племена Горного Алтая, разумеется, не были в этом отношении исключением. Во всех могилах данной эпохи на Алтае, независимо от того, имеем ли мы дело с мужским или женским захоронением, богатым или бедным, повсюду вместе с прочим личным имуществом захоронены и лошади; право частной собственности на скот находит подтверждение и в наличии семейных, но не родовых мет на ушах лошадей, погребен-

¹ Геродот, ук. соч., IV, 71.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1937, т. XVI, ч. I, стр. 37, 38.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 50.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 144.

⁵ Геродот, ук. соч., IV, 26, 73.

⁶ Геродот, ук. соч., IV, 68.

⁷ Ксенофонт. Киропедия, кн. VIII, 3, 25—26.

ных в Пазырыкских курганах. Поскольку лошади эти были ездовыми, верховыми конями, они были собственностью тех лиц, с которыми были захоронены, но не дарами покойнику от его подчиненных, родовладык, как об этом пишет М. П. Грязнов.¹

Ряд существенных отличий в погребальном инвентаре и в деталях похоронного обряда, обнаруженных при изучении горноалтайских курганов скифского времени, позволяет думать, что Горный Алтай был в эту эпоху заселен не одним, а несколькими племенами, хотя и очень близкими по своей культуре. Каждое такое племя пользовалось, конечно, своей определенной территорией, считало данную территорию своей собственностью и не терпело вторжения на нее; при всем том земля оставалась, несомненно, в общественном владении. О земле пастушеских племен в степях Азии и на азиатском плоскогории К. Маркс писал: „Ее используют как пастбище и т. д. на ней кормят стада, которыми в свою очередь существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности“.²

Какое значение скотоводческие племена в древности придавали владению определенной территорией, можно видеть из следующего сообщения китайской хроники. Получив известие, что шаньюем хуннов сделался Модэ, соседнее племя дун-ху пожелало получить от него первоначально тысячелийного (могущего пробегать по 1000 ли в день) коня, затем одну из жен Модэ, наконец, необитаемую, между владениями хуннов и дун-ху полосу земли в 1000 ли. Несмотря на советы старейшин не давать ни коня, ни жены, Модэ не пожалел для сохранения добрососедских отношений с дун-ху ни тысячелийного коня, ни жены. Когда же советчики сказали Модэ, что земля, которую требуют дун-ху, неудобная (для разведения скота), „ее можно отдать и не отдавать“, Модэ в чрезвычайном гневe сказал: „Земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем советовавшим отдать землю отрубил головы“.³

В условиях застойного экстенсивного скотоводческого хозяйства степных племен у них веками сохранялись и древние общественные порядки. „Чем более самый способ производства, — писал К. Маркс, — соответствует старым традициям..., т. е. чем меньшим изменениям подвергается действительный процесс присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно и коллектив вообще“.⁴ На этом основании мы вправе обратиться и к этнографии, к пережиточным чертам общественной организации кирги-

¹ М. П. Грязнов, ук. соч., 1950, стр. 70.

² К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Политиздат, 1940, стр. 23.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 47—48.

⁴ К. Маркс, ук. соч., стр. 28.

зов и казахов прошлого века, которые могут помочь полнее понять жизнь древних горноалтайцев.

Киргизы и казахи в XIX в. делились на большие роды (племена) и их ответвления — малые роды. У казахов, например, каждое такое племя и каждый род владели вполне определенной территорией, причем даже каждая семья имела точно определенное место для зимовки. Границы этих участков были хорошо известны всем родственникам и соседям и находились под защитой рода. В то время как участки зимовок были распределены между отдельными семьями, точнее между главами семей, места летних стоянок были общим достоянием рода.

Несмотря, однако, на отсутствие частной собственности на землю, богатые, имевшие большее количество скота, пользовались лучшими пастбищами и в большем количестве, что усиливало неравенство. Нечто подобное должно было иметь место у древних скотоводческих племен.

Наличие бедных и богатых семей, несомненно, сопровождалось какими-то формами использования чужой рабочей силы богатыми скотоводами. У последних, быть может, были рабы. Однако вряд ли можно переоценивать роль труда последних. Сфера применения рабского труда в скотоводческом хозяйстве вообще была крайне ограничена. Даже у причерноморских скифов-кочевников, у которых в данную эпоху процесс разложения первобытно-общинного строя зашел, по всем данным, дальше, чем у племен Горного Алтая, рабы, как известно, использовались только в очень узком кругу домашних работ (для взбалтывания кумыса), да и то ослепленные.¹

О племенах ухуань китайская хроника сообщает: „От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение“.²

Что касается Горного Алтая, то данных о наличии рабства у горноалтайских племен вообще нет. Во всяком случае, никаких указаний на захоронение рабов раскопанные курганы нам не дают. Самое большее, что можно предполагать, это наличие домашнего рабства. Но тем более вероятна возможность патриархальной, „родственной“ эксплуатации сородичей в виде сауны, выпаса скота под видом родовой „взаимопомощи“. И, конечно, нельзя недооценивать естественных для патриархального общества имущественных различий между богатыми и бедными семьями, которые имели следствием и резкие различия в их общественном положении. Наличие частносемейной собственности на скот и отцовское право с наследованием имущества детьми — все это вместе взятое, согласно указанию Ф. Энгельса, благоприятствовало накоплению у скотоводческих племен богатств в семье и усилению семьи в противовес роду, а также влиянию имущественных различий

¹ Геродот, ук. соч., IV, 2.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 143.

на общественный строй путем образования первых начатков наследственного дворянства.¹

Это имущественное и социальное расслоение внутри горноалтайских племен нашло яркое отражение в погребальных сооружениях. Среди огромного числа малых (диаметром 8—10 м) курганов с каменной наброской рассматриваемого времени в Горном Алтае имеются курганы и средних размеров и, наконец, большие, диаметром до 50 м. Самые большие курганы мне довелось видеть в Центральном Алтае, в долине р. Урсула и ее притоков. Там встречаются и группы, и единичные курганы диаметром до 75—80 м, при соответствующей высоте.

В малых курганах, составляющих основную массу памятников этого времени, находятся погребения рядовых скотоводов, захороненных с одним, двумя конями и немногими, лишь самыми необходимыми, предметами. В единичных же больших курганах типа Пазырыкских погребались представители племенной знати в дорогих одеждах, с драгоценными золотыми украшениями и иноземными тканями, с десятком и более лошадей. Самые размеры таких курганов показывают, что они не могли быть сооружены одной семьей. В похоронах принимало участие если не все племя, то во всяком случае большой род. Следовательно, большие курганы представляют собой захоронения лиц не только богатых, но и пользовавшихся большим влиянием. Это были, скорее всего, вожди племен или представители родовой знати. Ставки верховных вождей были, по всей вероятности, в Центральном Алтае, в долине р. Урсула, и их погребения еще не исследованы.

Очень близкую картину рисуют письменные источники, относящиеся к скотоводческим племенам, современникам обитателей Горного Алтая этого времени. Во главе азиатских пастушеских племен усуней, хуннов, юечжы, ухуань были вожди племен или племенных союзов, которые назывались шаньюй, гунымо и т. п. В некоторых племенах, например у хуннов, помимо шаньюя — вождя племенного союза — были и подчиненные ему военные предводители — дуюи, обычно их сыновья или родственники. В каждом племени были старейшины, а также военные предводители.

По сообщениям греческих историков, во главе скифских племен тоже стояли вожди племен или племенных объединений. То же самое наблюдалось и у саков, вожди которых упоминаются в бехистунской надписи. У саков, как и у скифов, существовали, кроме родовых или племенных, и верховные вожди — «цари». По словам Геродота, жена сакского «царя» Спаретра собрала против Кира персидского, как упоминалось выше, полумиллионное войско.² Такое войско могло быть собрано только при крупном объединении сакских племен.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1937, т. XVI, ч. I, стр. 38, 86.

² Отрывки из Ктесия, ук. соч., стр. 42 и 43.

У причерноморских племен достоинство вождей переходило при этом, повидимому, по наследству от отца к сыну или родственникам, как об этом свидетельствует рассказ Геродота о Скиле, наследовавшем власть и жену от отца.

Такой же порядок наследования достоинства вождя существовал у ряда племен Центральной Азии в это и более позднее время. Нечто подобное могло иметь место и в Горном Алтае, хотя там более вероятен обычай выбора вождей.

Одной из характерных черт родовых и племенных организаций является наличие общего места погребений. В таких могильниках не трудно выделить отдельные семейные группы, которые в Горном Алтае состоят из ряда могил, расположенных по прямой линии, как бы вытянутых в цепочку. Если мы присмотримся к расположению на таких могильниках больших курганных погребений выдающихся лиц — родовых или племенных вождей, то заметим, что эти большие курганы стоят местами по пять-шесть в ряд, вытянувшись в одну линию. На некоторых же могильниках таких больших курганов всего два или три, иногда и по одному. Там, где большие курганы располагаются сплошной цепочкой, мы вправе предположить, что имеем дело с погребениями вождей, происходящих из одной и той же знатной семьи, при наследственной передаче власти. Иная картина в Пазырыке. Там имеется пять захоронений людей, занимавших выдающееся положение в данном роде или племени, но принадлежавших к трем различным семьям, так как эти пять курганов не расположены в один ряд. Как мы знаем, особое положение занимают курганы первый и второй, затем третий и четвертый и, наконец, отдельно пятый.

Примечательно также, что все мужчины, захороненные в больших курганах Горного Алтая с каменной наброской, в том числе и в Пазырыкских, как уже было отмечено в главе о физическом типе населения, отличались высоким ростом и большой физической силой. В этой связи следует вспомнить сообщение китайских хроник об ухуаньцах: „Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами; наследственного преемства нет у них“.¹ Высокое общественное положение, отметим кстати, старейшин или вождей племен в Горном Алтае, судя по данным раскопок, сохранялось ими и в преклонном возрасте.

Все изложенное позволяет высказать предположение, что в рассматриваемое время в Горном Алтае решающая роль в замещении общественных должностей должна была принадлежать еще племенным советам старейшин.

Интересно, что даже у причерноморских скифов царя Скила, „не любившего скифского образа жизни“, после расследования старейшинами его действий скифы сместили и поставили над собой царем его брата Октамасаду.²

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 142.

² Геродот, ук. соч., IV, 78—80.

Вожди имели особое значение или во время войны, когда отдельные племена или роды получали от военных походов непосредственную выгоду — захват лучших пастбищ или получение военной добычи, — или когда возглавляемая вождем организация давала им защиту от нападения врагов и обеспечивала неприкосновенность их имущества.

В мирное время связь между родами и племенами ослабевала, а вместе с ней и власть вождей. Однако всякая военная опасность всегда вызывала немедленное объединение племен в такой комбинации, какая казалась наиболее подходящей при данных конкретных условиях. Тогда естественно увеличивалось и влияние вождей.

Одной из причин, вызывавших военные столкновения между пастушескими народами, бывали либо засухи, либо так называемый джут — падеж скота, вызванный чрезмерным снегопадом или весенней гололедицей, когда пасущийся на территории племени скот не был в состоянии добывать себе корм.

При указанных обстоятельствах, например, киргизы и казахи даже в XIX в. покидали свои пастбища, направлялись к землям соседей и продвигались вперед до тех пор, пока не достигали места, где стада могли найти корм. Если это им удавалось, то с переменой погоды они, хотя бы с остатками стад, возвращались на свои старые места; если скот погибал, то у них не было другого выхода, как напасть на богатых соседей и отнять у них часть скота. Такое нападение могло увенчаться успехом лишь при наличии соответствующей военной организации во главе с родовыми или племенными вождями. Угон скота не считался воровством, и грабеж рассматривался как своего рода промысел.

Аналогичную обстановку рисуют китайские хроники, рассказывающие о хуннах и других скотоводческих племенах Центральной Азии: „...скот питается травой, пьет воду; смотря по временам, переходят с места на место; и посему в скудное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся“;¹ или „во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги“.²

Большой интерес в связи со сказанным представляют остатки вооружения, найденные в Пазырыкских курганах и отчасти рисующие состояние военного дела.

К сожалению, в Пазырыкских и других ограбленных алтайских курганах осталось недостаточно оружия, чтобы можно было составить полное представление о вооружении. Основным вооружением был короткий сложный лук скифского типа со стрелами.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 58.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 40.

Об этом свидетельствует изображение всадника-воина на большом войлочном ковре из пятого кургана с горитом (налучьем-колчаном), подвешенным, по скифскому обычаю, с левой стороны. Остатков лука в нашем распоряжении нет. Имеются только костяные наконечники стрел из второго кургана и древки стрел из кургана третьего.

Наконечники стрел костяные, точнее роговые, — типичные скифские пирамидальные со скрытой втулкой. Найдено всего два наконечника (табл. LXXXV, 2). Оба они равносторонне-трехгранные с максимальной шириной у верхней трети наконечника. Судя по размерам втулок (диаметр около 4 мм, глубина около 8 мм), древки стрел были такие же, как и найденные в кургане третьем. Точно такие же, но бронзовые, наконечники стрел были найдены С. В. Киселевым в кургане № 6 и 11 у с. Туэкты на р. Урсуле.¹

На полу камеры кургана третьего рядом с выброшенным из саркофага колоды телом погребенного лежали поломанные древки стрел. Судя по сохранившимся задним концам, их было всего 24. Из отдельных частей два древка удалось составить полностью, причем длина их оказалась 80 см. Передние концы у большинства древков были обломаны и унесены грабителями вместе с наконечниками стрел.² Все же, исходя из формы сохранившихся передних концов древков (табл. LXXXV, 3), мы можем заключить, что все наконечники стрел были втульчатые со втулкой глубиной до 15 мм и диаметром до 5 мм. При круглом сечении диаметр древков 6—7 мм, значительно уменьшающийся к переднему концу и расширяющийся к заднему утолщенному концу до 9 мм. Судя по арочному вырезу для тетивы лука, последняя имела диаметр около 5 мм. Вероятно, имелось и оперение, поскольку у заднего конца одного древка сохранилась сухожильная обмотка.

Особого внимания заслуживает окраска древков стрел. Все они без исключения были разрисованы в задней своей трети, а некоторые раскрашены целиком. Рисунок наносился черной и красной краской. На древках, потемневших от времени, рисунок с трудом различим. Только благодаря тому, что рисунки копировались на месте, непосредственно после извлечения предметов из погребальной камеры, когда узор был виден лучше, удалось зарисовать все элементы орнаментов. Из рассмотрения табл. СХІХ и СХХ видно, что при сравнительно ограниченном количестве мотивов, вследствие использования их в различных комбинациях, варьируя краски, получали большое разнообразие узоров.

Основные мотивы рисунка следующие: поперечные кольцевые линии, сплошные или диагонально заштрихованные, как бы веревочки; продоль-

¹ С. В. Киселев, *ук. соч.*, 1947, стр. 164, рис. 3, а и б.

² С. В. Киселев отсутствие наконечников стрел объясняет преднамеренным их снятием из боязни стрел как оружия, которое в руках умерших воинов могло наносить вред живым (*ук. соч.*, 1949, стр. 266). Такое толкование мне кажется произвольным и опровергается находками наконечников стрел в неграбленных могилах.

ные, дугообразно изогнутые линии, простые или с рядами зубцов или крючков; ряды S-образных изогнутых линий, крючков простых и сложных. Помимо различных комбинаций, в которых использовались эти мотивы, разнообразие рисунков достигалось, как сказано выше, еще различной окраской. Часть древков орнаментирована только красной краской, часть только черной, большинство и красной и черной вместе.

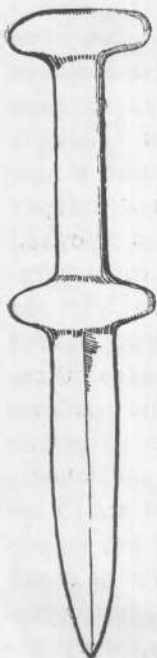

Рис. 154. Кинжал. ($\frac{1}{2}$ натур. вел). Арагольский курган.

Следует еще отметить, что лук со стрелами был весьма эффективным боевым оружием, особенно если принять во внимание широко практиковавшееся отравление стрел, о приготовлении яда для которых у скифов, например, подробно сообщают Аристотель и Феофраст.¹

Вооружение состояло также из коротких железных мечей-акинаков и кинжалов. Акинаки с типичным крыловидным перекрестием скифского акинака были найдены в упоминавшихся уже выше Туэктинских курганах, в Шибинском и Берельском. Медный крестовый кинжал с простым перекрестием и кондом, заточенным на четыре грани, средних размеров (длина 17 см), найден в первом Арагольском кургане (рис. 154).

Боевым оружием были также клевцы. Судя по следам от этого оружия на черепе убитого вождя, похороненного во втором Пазырыкском кургане, и по таким же следам на черепках коней из всех курганов, их диаметр был 16—18 мм. Форма клевца в разрезе была не круглая, а овальная (11×16 мм), причем ударный, заостренный конец был круглый, чаще же ромбический в сечении.

Из оборонительного оружия встречаются только щиты. Они двух типов, но одной и той же конструкции. Щит малых размеров прямоугольной формы (в среднем 28×36 см) состоит из доскута тонкой кожи и вплетенных в него 34—35 тщательно выструганных палочек, круглых в сечении. В прорезы, сделанные в коже, вставлены указанные палочки так, что с обеих сторон получается орнамент, основной мотив которого — ромбы (табл. LXXXVII). По краям доскуты кожи загнуты на обратную сторону щита и там закреплены. На обратной же стороне, посредине щита, из ремня, пропущенного с лицевой его стороны, сделана широкая петля. Такие щиты найдены в конских захоронениях первого, второго и четвертого Пазырыкских курганов. В тех случаях, где это удалось установить, они были привязаны к седлу с правой его стороны.

¹ Е. Е. Тевяшов. О назначении боковых отверстий на втулках бронзовых наконечников скифских стрел. 1910.

Иного типа щиты из кургана третьего. Там, как и в кургане первом, их было найдено три, в то время как в курганах втором и четвертом их было всего по два. Щиты из кургана третьего большие (53×69 см), с дугообразным верхним краем (рис. 155). Как и в прочих курганах, щиты эти состояли из тщательно выструганных деревянных палочек диаметром около одного

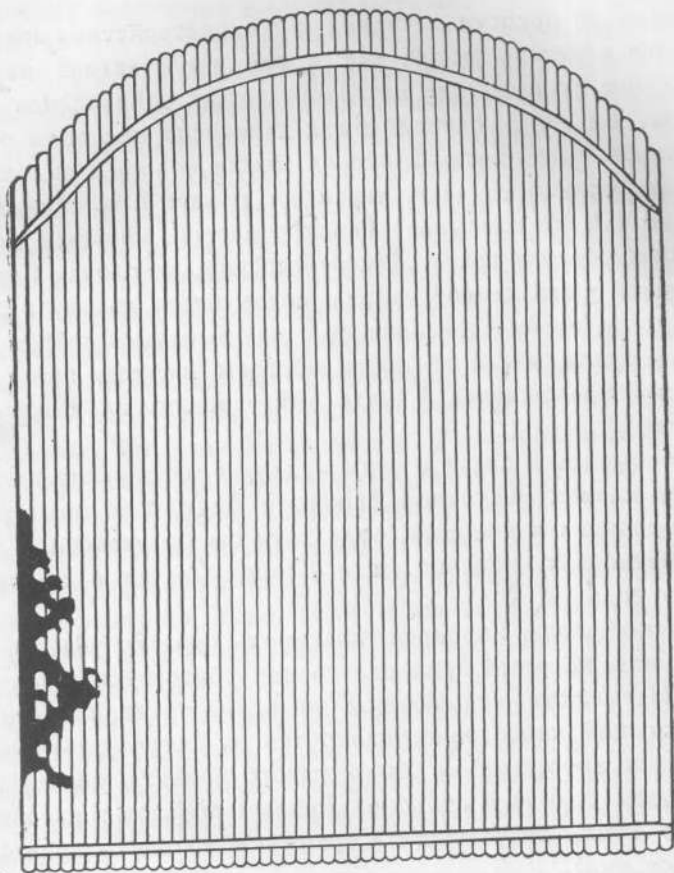

Рис. 155. Щит. (Около $\frac{1}{6}$ натур. вел.). Курган третий.

сантиметра, переплетенных лоскутом кожи. Помимо кожи, связывающей палочки щита, щиты эти были скреплены еще двумя поперечными палочками: одной внизу, на расстоянии одного сантиметра от нижнего прямого края щита, другой гнутой, на расстоянии 3.5 см от верхнего дугообразного края. Такого типа щиты, состоящие из палочек, переплетенных лоскутом кожи, были типичным скифским оборонительным вооружением. Подобные же щиты мы видим в руках сражающихся скифов на знаменитом золотом гробне греческой работы из кургана Солохи.

Из сопоставления размеров щитов на изображениях скифов-воинов с пазырыкскими можно видеть, что только щиты из кургана третьего соответствуют по размерам скифским. Щиты из прочих курганов слишком малы. Между тем полное их совпадение по размерам и конструкции в трех курганах указывает на общепринятый, установившийся тип этого оборонительного вооружения.

Неожиданный по яркости материал для характеристики военных обычаев в Горном Алтае в интересующее нас время представляет находка во втором Пазырыкском кургане, где на голове вождя сохранились следы снятия с нее скальпа. Ее кожа спереди была надрезана над лбом от одного уха к другому, через выступающий вперед мысик волос, и содрана назад так, что сохранилась только на лице, череп же до шеи был обнажен.

Совершенно так же описывает Геродот способ, которым скифы снимали скальп с головы убитого врага. Для этого скиф, по словам Геродота, „кругом головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем соскабливает с нее бычьим ребром мясо и выдвывает кожу в руках, делая ее таким образом мягкой, затем употребляет как утиральник, привешивает к узде той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим“.¹

Следует вспомнить в связи с этим и другие варварские военные обычаи скотоводческих племен Восточной Европы и Азии, о которых рассказывают письменные источники и которые, судя хотя бы по указанной пазырыкской находке, существовали, конечно, и в Горном Алтае в половине первого тысячелетия до н. э.

Скиф, по сообщению Геродота, пил кровь первого убитого им врага, и только тот из них, который приносил голову убитого, получал часть военной добычи. Племенные старейшины во время традиционного ежегодного угощения подносили чашу вина только тем из скифов, которые умертвили врага, те же, за которыми не было такого подвига, не вкушали вина и, как обесчещенные, сидели в стороне.² Равным образом и китайские хроники сообщают, что хунн, отрубивший в сражении голову неприятелю, получал в награду кубок вина.³

От Геродота мы узнаем также, что из черепов ненавистнейших врагов скифы делали чаши для питья. Так же они поступали и с черепами родственников, одержав над ними верх в распре. „Когда являются в гости лица, — пишет Геродот, — которым скиф желает оказать внимание, он выставляет эти черепа, причем напоминает, что это были его родственники, что

¹ Геродот, ук. соч., IV, 64.

² Геродот, ук. соч., IV, 64, 66.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 50.

они вступали было с ними в борьбу, но он вышел из распри победителем; рассказывается это как героический подвиг".¹

Аналогичный обычай был и у центральноазиатских скотоводческих племен. В китайских хрониках сообщается, что при заключении договора между послами Китая и хунским шаньюем „клятвенное вино пили из головного черепа юечжыского владетеля, убитого шаньюем".²

Но несмотря на то, что военные столкновения из-за пастбищ были обычным явлением в жизни скотоводческих и особенно кочевых племен, равно как и их нападения на оседлые земледельческие племена с целью грабежа, не следует преувеличивать значение войн в общественной их жизни, как это делает М. И. Артамонов и ряд других авторов. М. И. Артамонов, в частности, писал, что „при неразвитости обмена специализированное скотоводческое хозяйство не могло обойтись без войны как замены обмена. Укрепление частной собственности, со своей стороны, разжигало жажду обогащения, которая при неразвитости форм эксплуатации соплеменников или рабов могла получить выход только в военном грабеже соседей".³ Более того, он же писал: „С возникновением в степях кочевого скотоводческого хозяйства там образуются воинственные орды, для которых соединенная с грабежом война становится своего рода производством".⁴

Нельзя согласиться с оценкой примитивного по существу скотоводческого хозяйства кочевников как хозяйства специализированного, с утверждением о неразвитости форм эксплуатации соплеменников, наконец, с рассмотрением войны как „производства", даже с оговоркой „своего рода".

Остановимся поэтому на иного рода отношениях горноалтайских племен с населением других областей и стран. Первой, главной формой таких отношений был, разумеется, обмен.

Если у племен Горного Алтая в данную эпоху вместе с появлением частной собственности на скот выделились семьи, в руках которых сосредоточивались не только власть, но и значительные богатства, естественно должен был возникнуть регулярный обмен, в первую очередь продуктами скотоводческого хозяйства.

Ф. Энгельс, рассматривая вопрос о первом крупном общественном разделении труда,⁵ особо отмечает, что появление пастушеского скотоводства и затем переход скота в частную собственность отдельных семей сделали возможным регулярный межплеменной (а не только внутри племен, как было до этого) обмен скотом и продуктами скотоводства, причем скот стал

¹ Геродот, ук. соч., IV, 65.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 92.

³ М. И. Артамонов. Происхождение славян. 1950, стр. 27 и 28.

⁴ М. И. Артамонов, ук. соч., 1950, стр. 28.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1937, т. XVI, ч. I, стр. 136.

не только товаром, но уже в это время начал играть роль денег: стал всеобщим товаром, на который обменивались все остальные товары. При этом первоначально посредниками между племенами выступали племенные вожди и старейшины племен.

Из многочисленных свидетельств китайских хроник известно, что скотоводческие племена Центральной Азии и Дунбэя в сравнительно ранний период своей истории торговали с Китаем через посредство своих старейшин. Основным видом скота, который поставлялся ими для обмена к границам Китая, были лошади „лучших пород“. Китайское правительство, в целях упорядочения обмена, в определенное время года открывало на границах так называемые „конские ярмарки“. Продукты земледелия и произведения ремесла Китая обменивались на лошадей. Таким образом, функцию денег выполнял не всякий вид скота, а именно лошадь. Судя по находкам в Пазырыкских курганах высокопородных лошадей, есть основания полагать, что и у горно-алтайских племен лошадь играла такую же роль при обмене с их оседлыми соседями. Но и другие товары, в частности ткани и произведения искусства (украшения), также были предметом обмена, купли и продажи.

Насколько последний мог быть интенсивным, можно судить по тому, что десять лошадей первого Пазырыкского кургана первоначально принадлежали по крайней мере семи владельцам из различных семей, прежде чем сделались собственностью вождя, там захороненного.

Важно отметить довольно развитую технику обработки различных материалов, которая требовала мастерства кожевников, скорняков, ткачей, резчиков по дереву и рогу, литейщиков. Наметилась уже, как видно, особая группа мастеров, которая, впрочем, в условиях местной жизни, повидимому, не выделяется еще из общей среды, как у южных сакских племен с их городским населением. О том же свидетельствует обилие найденных в курганах иноземных тканей и китайского зеркала. Говоря о торговых связях Горного Алтая с далекими областями, следует иметь в виду следующие обстоятельства. В отличие от соседних степных и полупустынных степных областей, возможности для массового разведения скота в Горном Алтае были ограничены. С другой стороны, области с земледельческим оседлым населением, нуждавшиеся в скоте, были удалены от Алтая, и их потребности в скоте могли удовлетворяться из ближайших скотоводческих районов. По всей вероятности, пушнина и золото скорее, чем скот, преимущественно вывозились из Алтая, а в обмен на эти товары с юга и востока получались упомянутые выше драгоценные ткани и другие предметы роскоши. Раскопки не только Пазырыкской группы курганов, но и других показали, что соболь, например, в те времена добывался на Алтае в большом количестве. Нужно принять в расчет и соседние с Алтаем таежные племена охотников, которые вряд ли вели непосредственные торговые сношения с отдаленными странами. Вероятнее, что драгоценные меха они выменивали на скот и продукты ско-

товодства у горноалтайских племен и последние играли роль небескорыстных посредников в обмене пушниной.

Скотоводческие племена в Восточной Европе и Азии, как в первом тысячелетии до н. э., так и позднее, поддерживали между собой тесные связи не только при помощи обмена продуктами своего производства, но и путем родственных взаимоотношений. Это находит свое подтверждение как в единообразии их материальной культуры, так и в обычаях. Экзогамная система браков поддерживала эти связи, а союзные договоры скреплялись браками вождей отдельных племен. В китайских хрониках такие договоры носят название „о мире и родстве“. О таких браках они сообщают как о явлениях обычного порядка. Договоры, основанные на „мире и родстве“, скреплялись китайским двором выдачей принцесс за вождей сильного племени, чья дружба или вражда были важны, будь то хунн, усунь или глава другого племени.¹ Такой же обычай практиковался и при заключении договоров между различными племенами. Любопытно известие о том, что усуньский гуньмо, получивший себе в жены на основании договора „о мире и родстве“ дочь хуннского шаньюя и китайскую принцессу, первую поставил старшей супругою, а вторую младшею.²

Особый интерес в этих браках для нас представляется в том, что они обязательно сопровождались обменом. Китайский двор вместе с принцессой посылал и обязывался посылать ежегодно в качестве даров шелковые ткани, хлопчатку и разные съестные припасы.³ Вожди кочевых племен отдавали главным образом лошадьми.⁴

Традиционным подарком, который давал китайский двор вождям кочевнических племен, были колесницы с четверками лошадей. Они же жаловались принцессам при выдаче их замуж за усуньских и хуннских вождей.

Находка в пятом Пазырыкском кургане колесницы с четверкой упряжных лошадей, а также драгоценной китайской шелковой ткани позволяет высказать предположение, что и племена Горного Алтая в скифское время могли находиться в сношениях с Китаем через посредство своих соседей — сильных степных племен Центральной Азии, с которыми они также могли быть связаны договором „о мире и родстве“.

Очень важно далее, что этот факт дает право вспомнить о больших исторических событиях того времени и о важной роли, которую в истории древнего Востока и земледельческих областей Средней Азии играли юго-западные соседи алтайских племен, массагеты и саки Средней Азии.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 51, 57, 69, 83.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. III, стр. 192.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 69; ч. III, стр. 192.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. III, стр. 192.

Приведем в качестве примеров хотя бы несколько важнейших, наиболее достоверных фактов, упоминаемых по этому поводу древними авторами.

Первые исторические сведения о саках и их вторжении в Переднюю Азию, как известно, относятся к VII в. до н. э. (около 630 г.), когда они завладели Мидией и властвовали там двадцать восемь лет. Позднее, но также при Киаксаре, управлявшем Мидией, часть саков вследствие междоусобиц удалилась в Мидийскую землю и в течение известного времени проживала там, обучая по поручению Киаксара мальчиков своему языку и стрельбе из лука.¹ По Ктесию, саки появляются на исторической сцене при мидийском царе Астибаре, когда парфяне, до того покоренные мидянами, отложились от них и перешли добровольно под власть саков, вследствие чего между саками и мидянами возгорелась долголетняя и кровопролитная война. Над саками в это время, как мы уже знаем, царствовала Зарина.² Ктесий же сообщает, что Зарина, по смерти первого своего мужа и брата, Кидрея, царя саков, вышла замуж за князя парфянского Мермера.³ Этот брак мог означать политическое объединение двух владений, направленное против мидян, и послужить поводом отложения парфян от мидян. Для нас особенно важен факт объединения, хотя и временного, саков и парфян под одним верховным управлением. Такие случаи объединения под общим управлением скифских и сакских племен с другими средне- и переднеазиатскими племенами в результате браков, заключенных между их верховными правителями, были, повидимому, нередки.

Геродот сообщает, что в то время, когда царицею массагетов была Томирис, вдова умершего царя, „Кир через послов пытался было свататься для виду, как бы желая иметь ее своею женою. Но Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение“.⁴

Особенно многочисленны известия об участии саков в качестве союзников той или иной стороны в войнах, которые велись в VI—V вв. до н. э. в Передней и Малой Азии. Ктесий сообщает, что в войне Кира против Креза Лидийского ему помогает сакский царь Аморг; а затем, когда Кир был ранен в битве с дербиками, тот же Аморг спешит к нему на помощь с войском в 20 000 всадников.⁵ Ксенофонт пишет, что саки помогали Киру в его войне против ассирийцев, выставив 10 000 пеших и 1000 конных стрелков,⁶ а затем приняли участие в торжественном его въезде в Вавилон.⁷

¹ Геродот, ук. соч., I, 73.

² Отрывки из Ктесия, ук. соч., стр. 42.

³ Отрывки из Ктесия, ук. соч., стр. 44.

⁴ Геродот, ук. соч., I, 205.

⁵ Отрывки из Ктесия, ук. соч., стр. 46, 47.

⁶ Ксенофонт. Киропедия, V, 3, 24.

⁷ Ксенофонт. Киропедия, VIII, 3, 18.

Позже в войне Ксеркса на всех кораблях воинами были саки вместе с персами и мидянами.¹ В сражении при Палатях, согласно Геродоту, храбростью отличились сакская конница и пехота персов.² Равным образом о саках вместе с касийцами, как отличившихся военной доблестью, упоминает и Диодор Сицилийский, повествуя о Фермопильской битве.³

Помимо военных столкновений, саки принимали, повидимому, известное участие и в мирной жизни переднеазиатских народов. Вспомним обучение саками мидийской молодежи своему языку и стрельбе из лука.⁴ Ксенофонт подробно рассказывает о той почетной роли, какую при дворе мидийского царя Астиага играл сак, его виночерпий.⁵

Таким образом, при взаимоотношениях, которые в VI—V вв. до н. э. и, как мы знаем, позднее существовали между саками и их переднеазиатскими соседями, обмен товарами был вполне естественным. Он был настолько интенсивным, что распространялся через массагетов и саков далеко на север, вплоть до Горного Алтая.

Если с юга на Алтай ввозились драгоценные ткани, ковры и другие предметы роскоши, шкуры леопардов и семена посевного кориандра, то с Алтая на юг шли, по всей вероятности, ценная пушнина и золото, возможно, скот и некоторые из продуктов скотоводческого хозяйства.

При всем том необходимо подчеркнуть, что уровень общественного и культурного развития горных алтайских племен и их западных соседей был неодинаков.

Выше были отмечены черты сходства общественного строя горноалтайских племен со скотоводческими племенами степей и предгорий от северного Причерноморья до северного Китая. Но для того чтобы вопрос о характере общественного строя населения Горного Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. стал более ясен, необходимо остановиться и на различиях там, где их можно проследить, а затем уже сделать вывод, к каким же из неоднократно упоминаемых нами племен горноалтайские племена стояли ближе всего по уровню своего общественного развития. Во-первых, следует учитывать резкие этнические различия между этими скотоводческими племенами, тот факт, что они говорили на различных, непонятных друг другу языках. Говоря об одном из племен (аргиппеях), обитавших на территории, не столь удаленной от Алтая, Геродот писал, что „кто из скифов посещает их, тот пользуется для своих деловых сношений семью переводчиками, семью языками“.⁶

¹ Геродот, ук. соч., VII, 96.

² Геродот, ук. соч. IX, 71.

³ Диодор Сицилийский. Библиотека, XI, 7.

⁴ Геродот, ук. соч., I, 73.

⁵ Ксенофонт. Киропедия, I, 3, 8 и сл.; 4, 6.

⁶ Геродот, ук. соч., IV, 24.

И. В. Сталин указывает, что путь развития языков идет по линии „развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным“.¹ Надо полагать, что языки, на которых говорили эти племена, не ушли в своем развитии далее второй ступени, указанной И. В. Сталиным для развития языков, — языков племенных. Во-вторых, бесспорно и то, что хозяйственное и общественное развитие интересующих нас племен на огромной занимаемой ими территории шло неравномерно. У саков в это время были уже мощные, более или менее устойчивые племенные объединения с далеко уже зашедшим расслоением общества, имевшие не только города, но и „столицы“.²

У скифов северного Причерноморья, как и у хуннов, тоже существовали уже большие племенные объединения. Племенная их знать уже выделялась среди остальной массы общинников, сосредоточив в своих руках богатства, нажившись не только на обмене скотом, но и в известной степени на грабительских войнах. Знать эта захватила власть, сосредоточив ее в руках нескольких знатных родов и закрепив ее за ними путем передачи власти по наследству.

Свидетельством далеко зашедшей имущественной дифференциации, а следовательно и сравнительно высокого для того времени уровня общественного развития, являются археологические памятники: в северном Причерноморье известны большие курганы, в которых с покойником захоронены свыше 400 лошадей. Но и данные письменных источников достаточно красноречивы. По сообщению Геродота, со скифским царем погребались лошади, всякий другой скот и золотые чаши, а влияние его было настолько велико, что с ним, кроме наложницы, хоронили не только виночерпия, повара, конюха, слугу и вестника, но по прошествии года на могиле убивали еще 50 юношей-слуг.³ Согласно китайским хроникам, при похоронах хуннского шаньюя „соумирающих“ слуг и наложниц было несколько сот человек. Что же касается горноалтайских племен, то здесь нужно иметь в виду единообразие в погребальном инвентаре как больших, так и малых курганов, различаемых лишь по количеству вещей и величине погребального сооружения. Принадлежность захороненных вождей к разным родам, на что обращалось внимание выше, свидетельствует о традиции выборности. Небольшое число лошадей в захоронениях, всего одна наложница (или младшая жена), похороненная вместе с покойником, указывают, что ближе всего по своему общественному строю горноалтайские племена могли стоять к ухуаньцам, у которых еще

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании. Госполитиздат, 1950, стр. 10.

² Николай Дамаскин (Всемирная история) упоминает о городе Роксаки, столице Сакского царства, в котором находилась упоминавшаяся выше царица Зарина.

³ Геродот, ук. соч., IV, 71 и 72.

только недавно началось выделение более зажиточных семей из остальной родовой общины. Богатство еще не играет решающей роли при выборе класменного вождя, важны его личные качества: храбрость и умение разрешать спорные дела.

Таким образом, население Горного Алтая в рассматриваемое время в своей общественной организации не ушло дальше первобытно-общинного строя. Ведь даже к моменту Великой Октябрьской революции его население в этом отношении ничем не отличалось от племен и народностей, как показывал товарищ Сталин, „сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ)“.¹

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 25.

Глава IX

ИСКУССТВО

Пазырыкские курганы дали невиданное количество разнообразных предметов древнего искусства скотоводческих племен того времени. Курганы эти настолько насыщены образцами искусства, что даже самые обыденные вещи являются образцами искусной резьбы, художественной аппликации, орнаментики и скульптуры. Поэтому в предшествующем изложении при описании по определенным группам курганных находок многое сообщено и о художественном их оформлении.

В данной главе уделяется внимание прежде всего тем образцам искусства, которые не нашли должного отражения в предшествующих главах, в частности ряду предметов искусства, которые для этой главы ценны именно тем, что в них с особой силой проявляются своеобразные черты искусства племен Горного Алтая изучаемой нами эпохи. Сюда в первую очередь относятся изображения на седельных покрышках.

Различные художественные композиции на седельных покрышках из тонкого войлока особенно характерны для курганов первого и второго. В кургане первом все покрышки имели ту или иную аппликацию. В кургане втором, насколько удалось установить, из семи седел ничем не было украшено только одно. В курганах третьем и четвертом седельные покрышки не сохранились, а в кургане пятом из пяти седел только на одном была узорная покрышка, на всех же остальных покрышки простые, из тонкого черного войлока, без украшений. Последнее объясняется, быть может, наличием в пятом кургане узорных чепраков.

Наиболее распространенные мотивы украшений, встречающиеся на седельных покрышках, — нападение хищников на парнокопытных или борьба зверей, изображения отдельных животных или их голов. Техника, в которой выполнены эти украшения, — аппликация, либо наклеенные силуэтные изо-

бражения, вырезанные из кожи и затем частично подкрашенные, покрытые фигурами, вырезанными из листового золота или олова, либо изображения, составленные из разноцветных кусочков тонкого войлока и затем нашитые на седельную покрывку.

На синей покрывке одного из седел кургана первого наклеено вырезанное из тонкой кожи изображение тигра, напавшего на лося (рис. 156). Тигр выкрашен в желтый цвет, коричневой краской намечены были кое-где

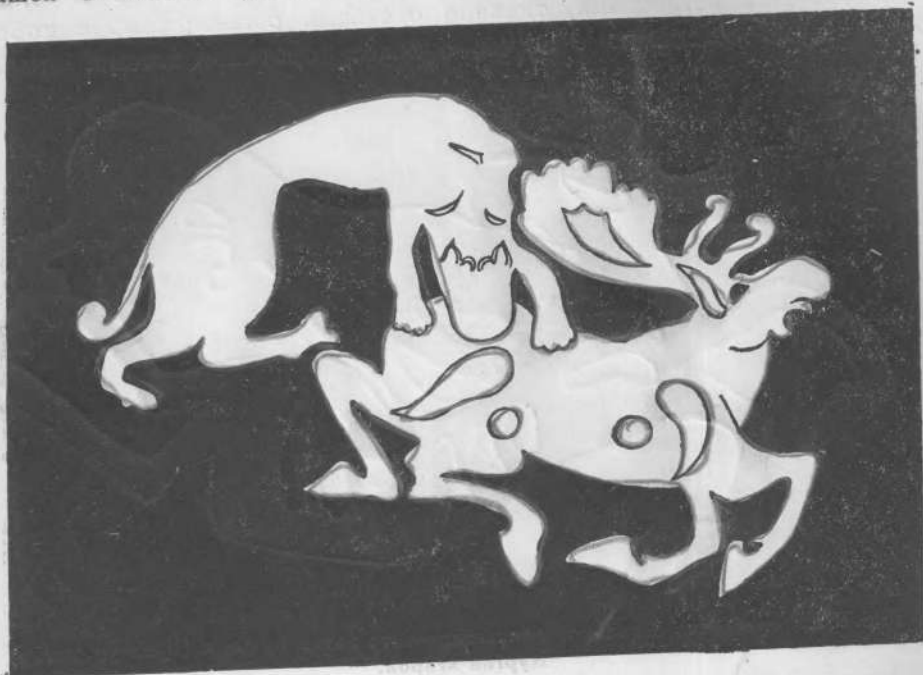

Рис. 156. Украшение седельной покрывки — тигр напал на лося. (Около $\frac{2}{7}$ натур. вел.). Курган первый.

детали окраски шкуры; лось был покрыт оловянной фольгой. Лось, атакуемый тигром, припал на все четыре ноги, тигр впился в его зад. Прекрасно выполнена горбоносая голова лося с бородкой, длинным ухом и стильным широколопастным рогом. В мощном, с подтянутым животом, хищнике особенно хорошо переданы его широколобая голова с коротенькими кошачьими ушами и гибкость тела. На теле лося традиционные точки и запятые.

Иная композиция сцены нападения тигра на лося из кургана второго (рис. 157). Вырезанная из тонкой кожи, она наклеена на красную седельную покрывку. Тигр, с характерным для него изгибом тела и шеи, завившимся на конце в кольцо хвостом, с мягкими, но когтистыми лапами, впился в шею лося с поднятой вверх головой и вывернутым задом. Фигура тигра покрыта яркожелтой краской, с круглыми и полосатыми темными

пятнами на теле. Прорезями на теле лося, сквозь которые просвечивает красная седельная покрывка, намечены детали; формы тела подчеркнуты также прорезями — точкой, запятыми и полуподковками.

В необычной композиции передана вырезанная из кожи сцена терзания оленя тигром (рис. 158). Оба — и тигр и олень — с вывернутым задом. Плавными линиями передана гибкая фигура тигра. Олень, несмотря на схематизацию, передан вполне реально. Стройная голова с небольшими ушами увенчана ветвистыми, типично оленьими рогами; тело с коротким хвостом и, по сравнению с лосем, с более короткими ногами. Сцена эта

Рис. 157. Украшение седельной покрывки—тигр напал на лося. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).
Курган второй.

наклеена на синюю седельную покрывку. Тигр выкрашен в оранжево-желтый цвет с прорисовкой деталей коричневой краской. Голова и копыта оленя покрыты золотыми листками, тело — оловянной фольгой.

Две замечательных сцены нападения тигра или барса на горного барана найдены и в первом и во втором курганах. Во втором кургане эта сцена, вырезанная из тонкой кожи, сильно пострадала (рис. 159). Только благодаря тому, что части данного изображения, утраченные с одной покрывки, сохранились на другой, представилась возможность восстановить его полностью. Баран, с большими круто загнутыми рогами и высунутым языком, припал на передние ноги, задние при вывернутом крупе выкинуты назад и кверху. На крупе традиционные точка и полуподковка, на теле орнаментальные прорези. Изящно, прорезями же, показана и подшейная гривка. Рог, язык и точка с полуподковкой выкрашены в красный цвет. Тигр, с типичным кошачьим хвостом, впился в загривок барана и всеми четырьмя лапами стоит на теле

Рис. 158. Украшение седельной покрывки — тигр напал на оленя. ($\frac{1}{4}$ натур. вел.).
Курган первый.

Рис. 159. Украшение седельной покрывки — тигр напал на горного барана.
($\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

барана, касаясь его и кончиком хвоста, завившимся в кольцо. Тигр выкрашен в желтый цвет.

Несколько иная, вырезанная из кожи, композиция нападения тигра на горного барана из кургана первого (рис. 160). Баран также изображен припавшим на передние ноги и с выкинутыми вверх задними при вывернутом крупе. Тигр также всеми четырьмя лапами стоит на баране, но впился не в загривок, а в горло. Простой графической схемой передана фигура тигра с его гибким телом, когтистыми лапами, длинным, завивающимся на конце хвостом. Эта силуэтная сцена, благодаря прорезям на теле барана

Рис. 160. Украшение седельной покрывки — тигр напал на горного барана. (Около $\frac{1}{4}$ натур. вел.). Курган первый.

в виде всех тех же точек, запятой и полуподковок, выглядит ажурной. Фигура барана была покрыта оловянной фольгой, рога выкрашены в желтый цвет, а подшейная гривка и зеркальце — в красный. Тигр — желтый с темнокоричневыми полосами.

Единственная в своем роде вырезанная из кожи сцена — лось в когтях ушастого грифа из кургана первого (рис. 161). В этой группе с поразительным мастерством, просто и обобщенно, но удивительно живо передана горбоносая тяжелая голова лоса с бородкой, большими ушами и типичными лопастными рогами. Мощное тело с вывернутым задом, со стройными сильными ногами и коротким хвостом. В прорезях на теле лоса точки, запятыя и полуподковки. Ушастый с гребнем гриф с распростертыми крыльями и распушенным хвостом держит в когтях лоса. Композиция эта,

наклеенная на красную седельную покрывку, была покрыта оловянной фольгой.

Своеобразно представлен лось на белой седельной покрывке из второго кургана, выполненный из разноцветного тонкого войлока и нашитый на покрывку (табл. СІХ, 1). Лось изображен с приподнятой головой и запрокинутыми назад рогами. Передние ноги вытянуты вперед, задние подогнуты. На теле все те же условные фигуры; глаз и детали морды вышиты шерстяными нитками тамбурным швом. Из второго же кургана имеется часть седла,

Рис. 161. Украшение седельной покрывки — лось в когтях грифа. ($\frac{2}{7}$ натур. вел.). Курган первый.

на покрывке которого в той же технике была выполнена сцена нападения на лося какого-то хищника (табл. СХ, 2).

На седельной покрывке из яркокрасного войлока одного из седел кургана первого были наклеены вырезанные из кожи и покрытые оловянной фольгой силуэтные изображения львов (рис. 162). Приземистая и могучая фигура типична для этого зверя. Большая голова с разинутой пастью, вооруженной клыками. Непропорционально большие настороженные уши, направлены вперед. Преувеличенно длинный хвост, с неестественным изгибом, часто встречающимся в изображении львов для придания равновесия всей

фигуре, оканчивается типичной кисточкой. Ребра, мускулатура плечевого пояса и круп трактованы в хорошо уже известной нам манере. В целом вся фигура статична и монументальна. В ней нет той жизненности и динамичности, которыми отличаются изображения тигров или барсов в сценах нападения их на парнокопытных.

Во всех до сих пор рассмотренных седельных покрывках мы имели дело с вполне реальными и реалистически выполненными, несмотря на некото-

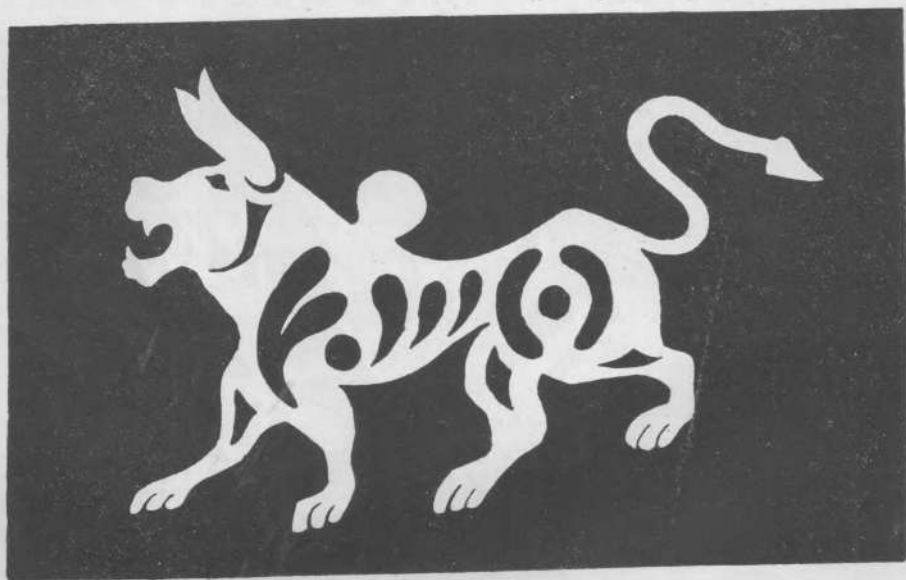

Рис. 162. Изображение льва на седельной покрывке. ($\frac{2}{7}$ натур. вел.).
Курган первый.

рые условности, воспроизведениями животных, за исключением ушастого с гребнем грифа в сцене нападения его на лося. Между тем на тех же покрывках имеются изображения фантастических орлиных и львиных грифонов — мотивы переднеазиатские, но уже в своеобразной горноалтайской трактовке.

На белой, пожелтевшей от времени покрывке одного из седел из кургана второго в технике аппликации из разноцветного войлока выполнены изображения орлиного грифона (табл. СІХ, 2). Изображение грифона на данной покрывке самостоятельно, вне композиции с другим животным. Это побудило мастера все внимание сосредоточить на передаче особенно характерных черт этого фантастического зверя. С особым старанием выполнена голова грифона с зубчатым гребнем, с воротничком, мощным клювом и зорким оком. Крылья переданы небрежно, в условной манере, с загнутыми вперед концами. Вытянутое львиное тело все с теми же точкой, полуподковкой, запятыми и треугольниками.

Совершенно замечательна выполненная в той же технике композиция нападения львиного грифона на горного козла на одной из седельных покрышек кургана первого — композиция, точную аналогию которой я пока не мог подыскать (табл. СХ, 1). Грифон правой передней лапой вцепился в загривок козла, а левой схватил его заднюю оттянутую ногу. Козел передан в порывистом движении, стремлении вырваться из лап хищника. Фигура львиного грифона спокойно монументальная. Грифон с разинутой пастью, с большими ушами, гребнем и рогами воспроизведен так, как на кафельном фризе в Сузах или на известной каменной пластинке ахеменидского времени. Его крылья условного рисунка, с сильным изгибом, хвост заканчивается птичьей головкой. Формы тела переданы все в той же условной манере.

На другой красной седельной покрышке из кургана первого, в той же технике аппликации, представлена сцена нападения орлиного грифона на горного козла (табл. СХI). Поверженная жертва в уже знакомой нам позе — с подкосившимися передними ногами и выкинутыми задними при вывернутом крупе, только голова повернута назад. Орлиный грифон стоит на козле, клювом ухватился за рог. Его ушастая, с хохолком голова изображена с мощным орлиным клювом. Своеобразна передача гребня на шее и крыльев совсем иного типа, чем у львиного грифона. На теле грифона и козла традиционные точки и запятыя.

Чрезвычайно интересна по сюжету вырезанная из кожи силуэтная композиция борьбы орлиного и львиного грифонов на синей покрышке одного из седел кургана первого (рис. 163). Аппликация эта, к сожалению, сохранилась плохо, но все же в ней вполне различим вцепившийся клювом в шею львиного грифона грифон орлиный с гребнем. Львиный грифон рогатый, у обоих крылья. Задняя, львиная, половина тела грифонов трактована по-разному.

На красной войлочной покрышке одного из седел первого кургана наклеены по два с каждой стороны изображения львиных голов, вырезанные из тонкой кожи и покрытые оловянной фольгой (рис. 164). Эти профильные изображения львиных голов стилистически сходны с уже известными нам подобными же изображениями львиных голов на фризе настенного войлочного ковра из того же первого кургана (рис. 20). Та же раскрытая пасть с оскаленными зубами и выдающимися клыками, так же оформлен глаз, грива воспроизведена подобными же завитками. Различие только в том, что львиные головы на седельной покрышке рогатые, с ухом на своем естественном месте, а не на макушке, как на фризе стенного ковра, и само оформление головы более вычурное, детальнее проработанное. Трактровка этих кожаных львиных голов та же, что и в вышерассмотренном изображении крылатого львиного грифона (рис. 163).

Наконец, на одной из седельных покрышек из кургана первого наклеено по четыре с каждой стороны вырезанных из кожи и покрытых оловянной

фольгой изображения профильных голов барана с высунутым языком (рис. 165). Эти силуэтные изображения, с круглым глазом, бровью и круто загнутым рогом, очень выразительны. Реалистичность этих изображений нарушается лишь своеобразным орнаментальным обрамлением рога и, возможно, завернутой кверху подшейной гривкой, подобно изображению гривы завитками на львиных головах.

Все, за исключением одной, как уже отмечалось выше, седельные покрывшки в пятом кургане простые, из тонкого черного войлока, обшитые по краям полоской красного войлока. Покрывшка одного седла,

Рис. 163. Украшение седельной покрывшки — борьба грифонов. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).
Курган первый.

украшенного богаче других, вполне оригинальна (рис. 128). Она сшита из квадратных лоскутов красной (кирпичного цвета) шерстяной ткани и тонкой кожи, расположенных в шахматном порядке. В центре матерчатых квадратов наложены крестики, вырезанные из тонкой шелковой ткани желтого цвета. К покрывшке эти крестики прикреплены только в центре вместе с тремя кружками из листового золота, наклеенными на рельефные кружки из тонкой меди. На кожаные квадраты нашит мех черного жеребца с тремя треугольными прорезями. Кожа под большими треугольниками покрыта красным лаком, поверх которого были наклеены вырезанные из листового золота рельефные изображения голов лося впрямь. В малые треугольные прорези вшиты лоскутки меха, выкрашенного в голубой цвет, поверх которых были наклеены фигурки из листового золота в виде стилизованных турьих рогов. На рамку из меха жеребца и на треугольник внутри ее рядами были прикреплены такие же, как и в центре

крестов, рельефные золотые кружки (табл. CVII, 1). Большинство кружков и голов лося утрачено, но все же явилась возможность восстановить первоначальный вид этой покрывки (рис. 128).

Вложенная в треугольник голова лося с круглыми глазами и характерными ушами с завитком у их основания стилистически подобна лосиной голове впрямь на деревянной поясной пластине из Котандинского кургана (табл. LXXXII, 2).

Помимо рассмотренных выше покрывок, шесть седел из кургана первого были украшены различными подвесками: изображениями бараньих голов, львов, рыб, человеческих голов (масок).

Бараньи головки в качестве подвесок, по четыре с каждой стороны, украшают то седло, на покрывке которого наклеены бараньи же головки (рис. 165). Подвески эти сшиты из цветной кожи в несколько слоев, оторочены полоской меха, окрашенного в синий цвет, с бахромой из конского волоса, окрашенного в красный цвет (табл. CVII, 3). С наружной стороны нашита вырезанная из кожи, покрытая оловянной фольгой профильная головка барана, подобная изображенной на рис. 165, но с закрытым ртом, продолговатым (а не круглым) глазом и острым ухом. Обрамление головы — возможно та же подшейная гривка, но выполнено оно в ином стиле, чем на рис. 165.

Очень интересны профильные бараньи головки в подвесках другого седла, где они по три свисают с обеих его сторон (табл. LXXVII). Сшиты они из разноцветного войлока и также оторочены синим мехом с бахромой из красного конского волоса (табл. CXII). Головки, розетки внутри рога и обрамление рога — из красного войлока, рог — из синего войлока. Глаз, губы, ухо, полоски на роге прикрыты вырезанными из кожи фигурками, оклеенными оловянной фольгой. Мордочка барана зажата между двумя профильными рогатыми львиными головами. Львиные головы — из синего войлока, уши — из красного, шея с гребнем и рога — из желтого войлока. Глаза из золотых пластинок; рога, шея и частично нижняя челюсть покрыты тонкой кожей с наклеенной на нее оловянной фольгой. Стилистически бараньи головки подобны описанным выше, а львиные головы такие же, как у львиного грифона на рис. 163.

Рис. 164. Украшение седельной покрывки — голова льва. ($\frac{1}{4}$ натур. вел.). Курган первый.

Двумя большими (более метра длиной) лопастями с обеих сторон седла, на покрышке которого даны силуэтные львиные фигуры, спускаются подвески в виде рогатых львов (рис. 166). Сшиты эти подвески из красного войлока на кожаной подкладке (табл. СХІІІ). Львиные фигуры представлены с вытянутыми передними лапами, касающимися подбородка, с гривой из

Рис. 165. Украшение седельной покрышки — голова барана. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган первый.

конского волоса, покрашенного в красный цвет. Глаза, уши, рот, складки верхней губы, ребра и детали формы тела представлены вырезанными из кожи, покрытыми оловянной фольгой фигурами соответственной формы, наклеенными на тела львов.

Подвесок в виде рыб на одном из седел имеется по шесть с обеих сторон, а на другом — по две. Рыбы в подвесках первого седла (табл. СVІІ, 4) переданы весьма схематично и условно, с раздвоенным хвостовым плавником, двумя спинными в ряд и двумя брюшными. Изображения эти вырезаны из толстой кожи и частично покрыты

синим мехом и полосками оловянной фольги. К плавникам привязаны пучки конского волоса, покрашенного в красный цвет.

Большие подвески второго седла представляют собой фигуры рыб с головами баранов во рту (рис. 167). Вырезаны они из толстого войлока и покрыты тонкой кожей. В этой спокойной и уравновешенной композиции силуэтная профильная голова барана дана в два цвета (собственно голова из золотой пластины, рога из цветной кожи). Вокруг головы извивается тело рыбы. На схематически выполненной голове рыбы два золотых кружка (глаза); хвостовой раздвоенный плавник типично рыбий, остальные плавники показаны неестественно — непрерывным рядом от головы до хвоста. По хребту на узкой полоске красной кожи золотые кружки.

Самые интересные как по мотиву, так и по оформлению подвески — в виде человеческих масок, которые по шесть с обеих сторон были подвешены к одному из седел кургана первого (табл. LXXX, б). Изготовлены эти маски из двух кусков кожи — одного основного, в котором вырезаны детали человеческого лица, и другого, служащего подкладкой, видного только в прорезях. С обратной стороны подшита бахрома из конского волоса, покрашенного в красный цвет. Чрезвычайно интересно оформление верхней части головы в виде лотосного орнамента и трехлепестковое обрамление лица.

Поскольку основной задачей рассматриваемого искусства было украшение самых разнообразных утилитарных вещей, независимо от материала, из которого они изготовлены, и их формы, к нему неприменима современная

Рис. 166. Седло. Курган первый.

классификация. Попытка рассмотрения украшений по группам в зависимости от техники и приемов их выполнения — круглая скульптура, рельеф, живопись или графика — обречена на неудачу, так как часто при выполнении

одной и той же вещи одновременно использовали несколько приемов. Вследствие этого, после рассмотрения различных технических приемов, сосредоточим главное внимание на мотивах и стиле этого искусства. Попутно попытаемся выяснить происхождение части мотивов, смысл же некоторых из них рассмотрим в следующей главе в связи с религиозными представлениями.

Художественных изделий в круглой скульптуре, по сравнению хотя бы с выполненными в рельефе, не так много, но все же свыше сорока. Материалом для таких изделий было дерево, рог, кожа, войлок, металл. Вспомним резные из дерева фигурные, в виде тигров, ножки столов из кургана второго (табл. XIX), многочисленные резные кошачьи фигуры и головки (табл. LXIII), оленью голову (табл. LXXII, 3) и головы птицы (табл. LXXII, 1 и 2) — навершия конских головных уборов из курганов третьего и пятого — и многое другое. Из кожи вырезаны скульптурные головы горных козлов (табл. LXXIX, 6 и 7) и грифа (табл. XXXIII, 1) из кургана первого, петухи из кургана второго (табл. XXVI, 3). В круглой скульптуре выполнены замечательные изображения лебедей из войлока (табл. CVIII) из кургана пятого, петух и голова козла из кургана второго (табл. LXXII, 5), голова рогатого львиного грифона — навершие конской маски из кургана первого (табл. LXXI, 2).

В восточной части саркофага-колоды и в камере кургана второго были найдены вырезанные из дерева скульптурные фигуры оленей и грифов (табл. LXXIX, 1—4). Первоначально я предполагал, что вместе с головой рогатого львиного грифона они украшали головной убор вроде диадемы. Теперь, когда выяснилось, что львиные грифоны украшали шейную гривну, вопрос о назначении фигурок оленей и грифов пока остается открытым, художественная же их ценность бесспорна.

Тонкой работы скульптурные фигурки оленей, вырезанные из одного куска дерева вместе с шаровидной дольчатой подставкой, на которой они стоят всеми четырьмя ногами (табл. LXXIX, 1 и 2). Эти реалистические, изящные фигурки выполнены в круглой скульптуре с исключительным мастерством. Пропорции их тела строго выдержаны, только вставные кожаные уши и, особенно, ветвистые рога нарочито преувеличены в размерах. Таких фигурок найдено четыре, но, судя по количеству рогов, их должно было быть шесть. Поскольку каждая фигурка резалась самостоятельно, все они в деталях несколько отличаются одна от другой. В гнездах шаровидных оснований имеются железные стерженьки, указывающие на то, что фигурки эти на что-то насаживались. Фигурки оленей целиком, вместе с подставками, ушами и рогами, были покрыты листовым золотом. В процессе работы одна из ножек оленя была внизу надломлена. Мастер по излому тщательно забинтовал ее тончайшей сухожильной ниткой и после этого заклеил золотом.

Вместе с фигурками оленей найдены деревянные фигурки грифов с небольшим схематически выполненным туловищем, непропорционально большой головой, с типичным орлиным клювом с намеченной восковицей, острым хохолком, большими кожаными ушами и приставными кожаными же крыльями, приподнятыми кверху (табл. LXXIX, 3 и 4). Внизу имеются гнезда для насаживания этих фигурок. Способов прикрепления кожаных крыльев два:

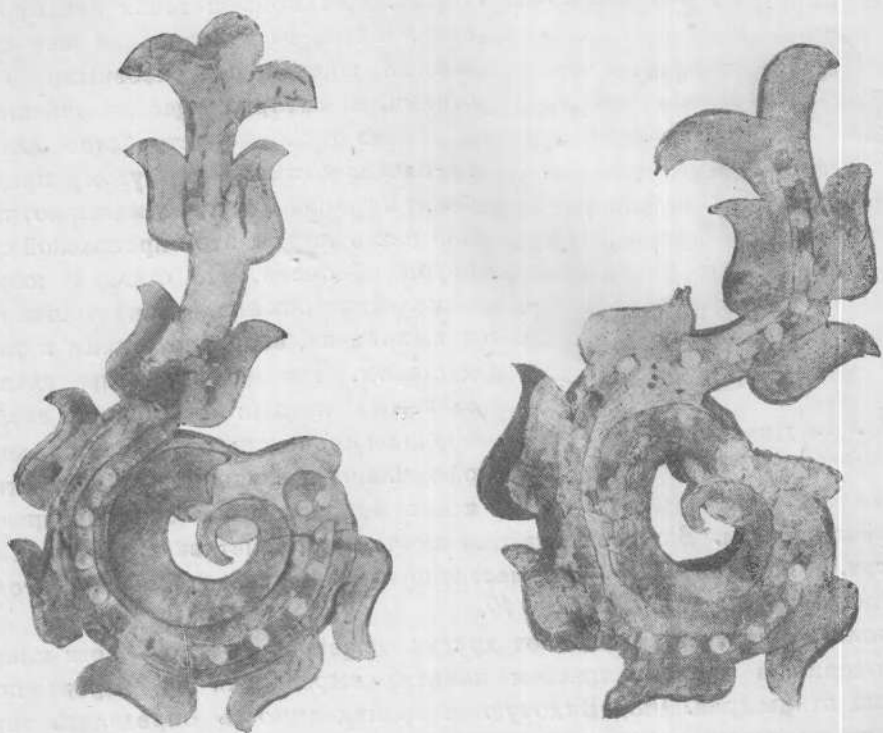

Рис. 167. Седельная подвеска — схваченная рыбой голова барана. (Около $\frac{1}{4}$ натур. вел.). Курган первый.

они либо прикреплялись при помощи деревянного штифтика, как это имеет место в фигурке грифа, изображенной на табл. LXXIX, 4, либо вставлялись в специальные прорезы на спине, как это видно на табл. LXXIX, 3, — крылья и уши здесь сняты. Обращает на себя внимание прорез в задней части обеих фигурок, вероятно для приставного кожаного хвоста.

В центральной части камеры того же второго кургана найдены выброшенные грабителями из саркофага-колоды служившие подвесками части какого-то сложного предмета — вырезанные из дерева в круглой скульптуре головы ушастых с гребнем грифов (табл. LXXVIII, 7 и 8) и лося (табл. LXXVIII, 9 и 10). Голов грифов две. За исключением утеряннго кожаного гребня,

для укрепления которого на шее сверху имеется длинный и глубокий прорез, одна голова сохранилась превосходно, другая сильно повреждена. Голова грифа с длинной шеей выполнена в условной манере, но мастерски и чрезвычайно выразительно, с мощным круто загнутым книзу клювом, выкрашенным в красный цвет, как и рот. Большие рубчатые воротничок и восковица; нарочито подчеркнуты большие и зоркие глаза с бровями над ними. Длинные приставные кожаные уши. Для подвешивания или прикреп-

ления к чему-то в основания шеи специальный шпенок со сквозными отверстиями, в которых уцелели ремешки.

Точно такое же устройство для прикрепления к какому-то другому предмету имеет и голова лося. К сожалению, передняя часть морды этой прекрасной скульптуры обломана. По стилю и качеству выполнения она аналогична голове грифа и выполнена, вероятно, одним и тем же мастером. Так же вырезаны глаза со слезными ямками и бровями, глубокие борозды проведены от лба к носу, хорошо оформлены выступы нижней челюсти, показана борода самца лося и рубчиками —

Рис. 168. Фигурка птицы. ($1\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган третий.

подшейная гривка. В голове имеются ямочки для приставных кожаных ушей и рогов. Уши утеряны, рога частично сохранились и вместе с головой представлены на табл. LXXVIII, 10.

Изолированно, независимо от других вещей, в средней части конского захоронения в кургане третьем найдена вырезанная из дерева полная фигурка птицы (рис. 168). Видовую ее принадлежность определить трудно. Судя по круглому глазу, это не хищная птица, а принимая во внимание относительные размеры и форму клюва, можно допустить, что хотели изобразить пеликана. Тело этой птицы передано очень схематично. Высверленные ямки указывают на то, что она имела приставные кожаные уши и кожаные крылья, остатки которых сохранились в соответствующих отверстиях на спине. Имелся, повидимому, и приставной хвост, так как в хвостовой части фигурки высверлено глубокое гнездо. На брюшке птицы — два глубоких продольных выреза, видимо для ножек, на которых она стояла. Вся фигурка выкрашена в красный цвет, за исключением головы, покрытой листовым золотом.

Вырезанных из рога в круглой скульптуре художественных изделий в Пазырыкских курганах не найдено. Между тем из рядовых погребений этого же времени известны две львиные или тигровые головки (мои раскопки у Котанды и под г. Бийском). Миниатюрная головка (2.1 см длины) из-под Котанды

исключительно тонкой и изящной работы (табл. LXXVIII, 1), подобно такой же деревянной головке из кургана третьего Пазырыкского, описанной ниже (табл. LXXVIII, 5), насаживалась на деревянный стержень. Для этой цели в ней проделана сквозная втулка и высверлено под нижней челюстью отверстие для закрепляющего шпенька. В этой головке четко вырезаны глаза хищника, стильно оформлены рот со складкой на верхней губе, небольшой нос и круглые уши. У основания головки кольцевой рельефный валик.

Несравненно проще оформлена скульптурная, вырезанная из дерева кошачья головка со втулкой внутри, насаженная на деревянный стержень, из кургана третьего (табл. LXXVIII, 5). У нее широкая мордочка, узкий нос, уши с завитком у основания, полушарные вздутия отмечают углы нижней челюсти. Под подбородком во втулку проделано миниатюрное коническое отверстие для заклепки, удерживающей головку на стержне. Головка эта на стержне была найдена у одного из седел кургана третьего. Подобный же деревянный стержень со скульптурными кошачьими головками на концах, как мы знаем, был найден и при одном из седел кургана пятого (рис. 128; табл. LXXVIII, 6).

В ином стиле выполнена тигровая или барсовая вырезанная из рога головка — пронизка из кургана под Бийском (табл. LXXVIII, 4). В приоткрытом рту этой головки оскаленные клыки и зубы; глаза и очертания морды только намечены, но не проработаны.

Очень мало металлических литых скульптурных изделий. Это, возможно, объясняется тем, что они, как и другие металлические вещи, похищены при ограблении могил. Однако, судя по вещам из коллекции Петра I, техника художественного литья, в том числе и в круглом рельефе, в рассматриваемое нами время была уже достаточно совершенна. Пока мы имеем только четыре литых из бронзы фигурки ушастых с хохолком грифов, найденные на четырех углах саркофага-колоды Берельского кургана (табл. LXXXV, 4 и 5). Несмотря на грубость их литья, фигурки эти с преувеличенно большими головами, с характерным орлиным клювом и большими оттопыренными ушами достаточно выразительны. Непропорционально малое, по сравнению с головой, туловище, расправленные крылья и приподнятый хвост придают своеобразный характер этим коротконогим грифам. В своем оформлении они имеют много общего с маленькими деревянными скульптурами грифов из второго Пазырыкского кургана. Особо следует отметить, что фигурки первоначально служили, повидимому, навершиями, так как нижняя поверхность их крыльев выполнена тщательнее, чем верхняя, с передачей характера оперения. При этом, следовательно, было учтено, что их будут рассматривать снизу.

Единственная скульптурная вещь в камне, уже упоминавшаяся в главе о технике, — фигурка кабана (рис. 169), — случайная находка, которая с достаточной долей вероятности может быть отнесена к рассматриваемому времени.

тем более что подобные же, но резные изображения кабанов обнаружены мною при раскопках 1950 г. на крышке саркофага-колоды в одном из курганов на р. Караколе.

Сравнительно не велико количество изображений животных, вырезанных в низком или высоком рельефе; часть из них ажурные, некоторые со скульптурной головой. К числу таких изображений, вырезанных из дерева, относятся цельные фигуры кошек (табл. LXIII, 5 и 6) и птиц (LXIV, 2 и 3) из кургана четвертого, а с приставной скульптурной головой — оленей, лосей, грифов из кургана первого (табл. XXXVIII, 1 и 2; XLI, 2), оленей из кургана пятого

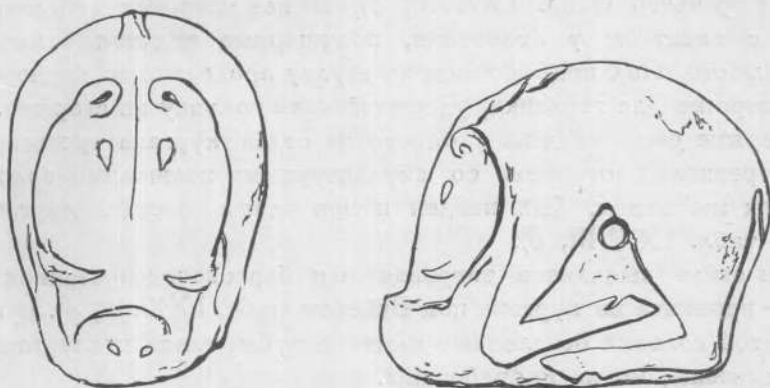

Рис. 169. Фигурка кабана. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.).

(табл. LXVIII, 2). Знаем мы и вырезанное из кожи рельефное изображение птицы с приставной скульптурной головой из кургана первого (табл. XXXIII, 1, 4), и даже такие, тело которых кожаное, а приставная скульптурная голова вырезана из дерева (фантастические животные из кургана четвертого; рис. 125).

Подавляющее большинство самых разнообразных украшений представляет собою плоскостные рельефные изображения, вырезанные из дерева, рога, из кожи в той же технике резьбы, что и по дереву, наконец, штампованные и литые вещи. Последних сравнительно немного. Из них следует отметить изображение козла в ажурной бронзовой поясной бляхе-обойме из кургана под г. Бийском (табл. XXVII, 5) и оленя, на которого напал крылатый львиный грифон, в ажурной же поясной бронзовой пряжке из кургана в г. Бийске (табл. LXXVIII, 2). Последняя композиция тождественна той, какую мы видели на кожаном покрывале из кургана второго (рис. 55).

Все силуэтные изображения вырезаны из кожи. Это — или самостоятельные фигуры петухов или оленей, или сцены борьбы зверей. Там, где надо было получить симметричные, геральдически сопоставленные фигуры, кожа складывалась вдвое и сразу вырезывались два изображения.

Весьма скромное место в изобразительном искусстве занимала роспись. Ею как вспомогательным средством пользовались при подкрашивании силуэтных, вырезанных из кожи изображений. С нею мы встретимся в разрисовке древков стрел (табл. СХІХ и СХХ). Самостоятельные графические изображения мы видим только в татуировке.

Широкое распространение получила техника аппликации различных изображений, вырезанных из кожи и разноцветного войлока, и инкрустации или мозаики из кожи, меха, войлока.

Силуэтные, вырезанные из кожи изображения, о которых была речь выше, обычно наклеивались на тот или другой предмет. В аппликациях из кожи вырезанные изображения и основа были различных цветов, и таким путем иногда получались очень сложные рисунки. Образцами художественных воспроизведений, выполненных в этой технике, могут служить флаги (табл. XXIII, 3 и XCIII, 2) и кожаное покрывало (рис. 55) из кургана второго или нагрудник (табл. XCVII) из того же кургана. Накладной орнамент этого последнего состоит из двух частей, самостоятельно выполненных: дугообразный, наложенный по краю, и прямой, спускающийся вниз по середине нагрудника. Обе эти части состоят из двух лоскутов кожи каждая. После того как в двух верхних был вырезан требуемый орнамент, они были наложены на два других (подкладку иного цвета) той же формы и нашиты на них по контуру вырезанного рисунка тонкой сухожильной ниткой. Затем, когда эти узорные аппликации были готовы, в соответственных местах были нашиты вырезанные из кожи, крытые золотом бараньи головки и подшит беличий мех.

При аппликации цветным войлоком на однотонный войлок тонкими сухожильными или шерстяными нитками нашивались разноцветные кусочки войлока определенной формы для получения требуемого изображения. Такая аппликация нередко дополнялась несложной вышивкой из цветных шерстяных ниток. Иногда в полосе войлока делались прорезы, под них подкладывались лоскутки войлока другого цвета и вшивались по краю прорезы.

Когда надо было получить узор мозаичный, например для меховых сум или чепраков, два, или более, разноцветных куска тонкого войлока или меха накладывались один на другой и из них одновременно вырезались одни и те же фигуры. Если таких кусков было два, то вырезанные фигуры менялись местами и затем сшивались вместе, после чего получались два тождественных, но разноцветных узора. Немного сложнее была техника получения трехцветных мозаичных узоров, когда в состав рисунка входили, например, мех двух цветов и кожа.

Вышивкой, как уже было отмечено, самостоятельных изображений не выполнялось, и ее роль была вспомогательной в войлочных аппликациях. С техникой получения узора псевдобисером, когда сухожильная нить по

спирали обматывалась узкой полоской оловянной или золотой фольги и затем уже нашивалась, мы уже познакомились при описании поясов и обуви из второго кургана.

Одной из отличительных черт рассматриваемого прикладного искусства является одновременное использование различных материалов при создании того или иного предмета. Вырезав ту или иную вещь, скажем из дерева или рога, редко оставляли ее не покрытой целиком или частично золотым листком или краской. При изготовлении узоров, например на чепраках, одновременно пользовались и разноцветными тканями, и мехом, и кожей, покрытой оловянной и золотой фольгой. Для седельных подвесок и конских головных уборов одновременно пользовались и войлоком, и кожей, и мехом, и конским волосом, и листовым золотом.

Не менее разнообразны, чем материал и техника изготовления художественных вещей, и воспроизводимые мотивы. Геометрический орнамент — фигуры квадрата, ромба, треугольника, круга, шара, пирамиды — занимают второстепенное место в искусстве Алтая рассматриваемого времени. Некоторые фигуры, квадраты и ромбы, возникают механически в процессе переплетения палочек с лоскутом кожи при изготовлении, например, щитов (табл. LXXXVII). Ромбы появляются в результате перекрещивающихся полос, покрывающих орнаментальное поле, как это мы можем видеть на меховом мешке из кургана первого или на чепраке из кургана пятого. В некоторых случаях ромбы являются самостоятельным орнаментальным мотивом, как, например, на подошве обуви из кургана второго (табл. XXV, 2), иногда с вписанной в него дополнительной фигурой, как это мы видим на головном уборе из того же кургана (табл. XXVI, 4). Чаще других встречается треугольник, обычно в виде прорези на деревянных и роговых изделиях (псалии, шлёвки) или в кожаных аппликациях. Треугольники обычно имеют неправильную форму, часто со сторонами не прямыми, а изогнутыми, так как этими треугольными прорезями заполняются свободные пространства между основными орнаментальными мотивами и их стороны повторяют контурные линии, их окружающие. Весьма распространенным орнаментальным мотивом является треугольник с круглой выемкой в одной из его сторон. Этот мотив встречается в украшениях из всех курганов. Достаточно часто пользовались фигурой круга, особенно при изготовлении круглых налобных уздечных подвесок, с полушарным или более плоским вздутием в центре, иногда внутри рельефных концентрических колец. Шаровидные украшения в виде пирамидки из четырех шаров мы имеем только из кургана второго в украшении серег (рис. 78) и из кургана третьего в украшении одной из узд (рис. 98). К этой же категории орнаментальных мотивов условно можно отнести налобные уздечные подвески полулунной формы и в виде полуподковок.

Особое положение занимают орнаменты, состоящие из системы спиральных линий или образованные системой желобков, вырезанных на украшае-

мых предметах. Первые особенно часто наблюдаются в виде бегущих волн, иногда с опрокинутым гребнем, в деревянных развилках, прикрывающих разветвления уздечных ремней у псалий, и в кожаных накладках на седельные луки. Вторые — в каплевидных или звездчатых репьях, уздечных украшениях.

Значительно разнообразнее мотивы растительного орнамента, среди которых встречаются многолепестковые цветы, розетки, пальметки и особенно богато представлен лотос. Трехлепестковый орнамент мы видели на кожаном кошельке из кургана второго (рис. 49), бутоны и цветки в украшениях конской сбруи из кургана первого, многолепестковые цветы или

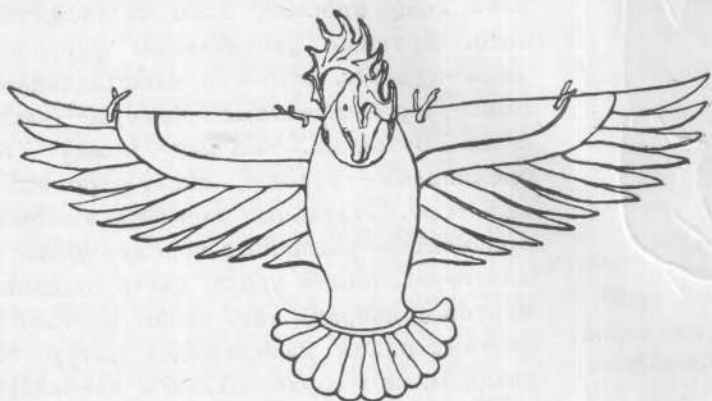

Рис. 170. Схематическое изображение грифа — украшение седельного нагрудника. Курган первый.

розетки в псалиях и уздечных украшениях главным образом из курганов первого и третьего.

Одним из излюбленных мотивов был тот, который принято называть пальметкой. Трех- и многолепестковые пальметки использовались как часть более или менее сложных художественных композиций — например при профильных изображениях оленей (табл. XLI, 4), или в оформлении хвоста птицы из кургана первого (рис. 170), или самостоятельно. Особенно разнообразны они в псалиях и других украшениях конской упряжи из курганов первого и второго.

К этой же категории орнаментов с растительными мотивами следует отнести часто встречающиеся сердцевидные фигуры и гирлянды вьющегося растения, которые мы видели на одном из поясов из кургана второго (табл. XXVII, 8).

Исключительный интерес имеет мотив лотоса, неожиданно чрезвычайно богато представленный и притом нередко в весьма развитой и осложнен-

ной форме. Замечательное по простоте выполнения силуэтное, вырезанное из тонкой кожи изображение этого цветка мы имеем из кургана второго (рис. 171). В более развитом и осложненном виде, в комбинации с другими цветками, лотос изображен на двух бордюрах многоцветной войлочной аппликации из того же кургана.

Один бордюр из тонкого белого, от времени побуревшего войлока с нашитым узором из еще более тонкого разноцветного войлока (табл. LXXXIX, 3). Аппликации закреплены разноцветными кручеными шерстяными нитками, оконтуривающими отдельные фигуры орнамента. Местами такими же нитками вышиты детали узора. Шов либо простой, либо двойной, типа тамбурного. Крупные центральные фигуры этого бордюра — цветки лотоса с чашелистиками и пестиками. Промежуточные фигуры — чашечки лилии с ее бутонами. Вверху между этими изображениями — бутоны, внизу — ровный одноцветный борт. Отдельные элементы в общем сложного орнамента — различные чередующиеся цветы. При многокрасочности узора цвета отдельных его элементов подобраны так, чтобы не было двух одноцветных рядом находящихся фигур ни в вертикальном, ни в горизонтальном направлениях.

Рис. 171. Цветок лотоса. (1/2 натур. вел.). Курган второй.

Узор второго бордюра (табл. LXXXIX, 2) в основном состоит из тех же элементов, что и в первом, но цветок лотоса изображен не на подставках, а как бы в корзиночках, соединенных между собой в одну сплошную гирлянду. Цвета аппликации данного бордюра не так разнообразны — оранжевый и красный по белому фону, узор оконтурен крученой шерстяной ниткой желтого цвета.

Тот же орнаментальный мотив лотоса мы видели вырезанным на подошвах обуви (табл. XCIII, 3), на аппликациях на сумочке и фляжке (табл. XCII, 1 и табл. XCIII, 2), в круглых роговых украшениях узды (табл. С, 2, 3), на голенищах женской обуви и на нагруднике из кургана второго (рис. 67; табл. XCVII). Особое развитие лотосный орнамент получил в сложных и изящных композициях на обуви и нагруднике.

Этот лотосный мотив встречается не только как самостоятельный орнаментальный, но и как дополнительный к другому мотиву. Мы, например, уже видели, что одна из человеческих масок на седельных подвесках из кургана первого (табл. LXXX, 6) в верхней своей части оформлена как цветок лотоса.

Геометрические орнаментальные фигуры, о которых была речь выше, слишком элементарны, чтобы, основываясь на них, ставить вопрос о каких бы

то ни было взаимосвязях горноалтайской художественной культуры с другими современными ей культурами. То же следует сказать об античной пальметке и о персидской розетке, хотя и та и другая, как мы видели, имеются среди алтайских орнаментальных мотивов. Иначе стоит вопрос о мотиве лотоса.

Лотос — священное для древнего населения Нила и Ганга растение — в качестве орнаментального мотива получил широкое распространение в Египте.¹ Позднее мы знаем его в Ассирии,² откуда он был позаимствован персами.³ Лотосный орнамент хорошо известен в Персии по многочисленным его воспроизведениям в Персеполе, в Сузах, в Накши-рустемском антаменте могилы Дария. Вместе с другими переднеазиатскими мотивами рисунок цветка лотоса проник к скифам, где он встречается не только на вещах иранского происхождения, например, по борту серебряного ритона из Семибратнего кургана⁴ или на рукоятке меча из Чертомлыцкого кургана,⁵ но как деталь во многих изделиях местной работы. Весьма важным моментом в данном вопросе является, однако, следующее обстоятельство. Во всех приведенных выше примерах — в Египте, Ассирии, Персии, Скифии — изображение цветка лотоса простое, примерно такое же, как в оформлении человеческой маски из кургана первого. Между тем в ряде горноалтайских лотосных орнаментов мы видели такое его дальнейшее развитие, какого мы пока не знаем во всех перечисленных выше странах. О простом заимствовании какой-то переднеазиатской формы в изображении лотоса на Алтае не может быть и речи. Население Горного Алтая в рассматриваемую эпоху принадлежало к той культурной среде, где этот мотив, когда-то (вероятнее всего в VIII—VII вв. до н. э.) позаимствованный из Передней Азии или Индии, получил свое дальнейшее блестящее и самостоятельное развитие, совершенные формы которого найдены во втором Пазырыкском кургане.

Среди орнаментальных мотивов имеется значительное количество таких, и притом вполне устойчивых, которые можно рассматривать как стилизованные рога животных. Исходных формы две: одна, которую можно назвать турьим или бараньим рогом, вторая — олений рог. В простейшем виде турьим рог можно видеть на различных украшениях конской упряжи и одежды, в более сложном — преимущественно на украшениях конской упряжи. Мотив оленьих рогов особенно полно представлен в различных украшениях конской упряжи из кургана третьего и пятого как простыми (табл. LIV, 1, 6, 7), так и очень сложными (табл. LIII, 2 и 3) формами.

¹ М. Dieulafoy, ук. соч., 1885, ч. 3, рис. 78 — лотос египетский; рис. 81 и 82 — лотос ассирийский.

² G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 8, 81, 90, 135 и сл.

³ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 63 и 84.

⁴ Отчет Археологической комиссии, 1877, Атлас, табл. 1, рис. 5.

⁵ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, стр. 145, рис. 122.

Следует отметить, что мотив турьего рога в Горном Алтае имел особо широкое распространение. Помимо Пазырыкских курганов, этот же мотив мы видим в роговых седельных бляхах, подвесках и дужках из кургана Шибе (табл. LXXXI, 1, 6, и 11), на седельной накладке из коллекции Погодина (табл. LXXXV, 1), хранящейся в Историческом музее.

Несмотря на чрезвычайное разнообразие перечисленных выше мотивов изобразительного искусства, мотивы из мира животных решительно преобладают над всеми остальными. Здесь мы имеем изображения рыб, птиц, парноногих, грызунов и хищных, всевозможных фантастических животных.

Изображения рыб малочисленны. Простой графической схемой передано изображение рыбы татуировкой на правой ноге вождя из кургана второго (рис. 80 и 172). У этой рыбы кружками намечены глаза, затем в два ряда жаберные щели, хвостовой раздвоенный плавник и три пары боковых плавников. Судя по общему очертанию тела и головы, по форме хвостового плавника, а главное — по наличию трех усиков (одного на подбородке посередине и двух у передних носовых отверстий), надо полагать, что мы имеем дело с изображением налима. Та же рыба в той же манере изображена на рассмотренных выше седельных подвесках из кургана первого (табл. CVII, 4).

Несравненно многочисленнее изображения птиц. Среди них имеются изображения тетерева, гуся, лебедя, пеликана, домашнего петуха и других. Изображений тетерева два, оба из кургана второго. Од-

Рис. 172. Рыба в татуировке на правой ноге мужчины. (1/4 натур. вел.). Курган второй.

но — это небольшое, вырезанное из толстой кожи, схематическое профильное изображение, с приподнятой куриной головой и типичным „косачиным“ хвостом (табл. LXXIX, 5). Второе — уже известное нам в композиции с грифом (апликация на кожаной фляжке), где видовые особенности птицы выражены ярче (табл. XXIII, 3). Изображения гуся многочисленней. Из того же второго кургана мы имеем миниатюрные медные, крытые золотом изображения гусей с приподнятым крылом и повернутой назад головой (рис. 48, а), ту же

птицу видим в роговом налобнике конской узды (табл. С, 1), на навершии (табл. LXXXIII, 4), с которым подробнее ознакомимся ниже; головками гуся оканчиваются и псалии (табл. XLVI, 4). Очень интересно профильное изображение спящего гуся с поджатыми лапами и головой, положенной на спину, в деревянной подвеске-украшении конской упряжи из коллекции Погодина (табл. LXXXII, 6). Все эти изображения вполне реалистичны и передают характерные особенности данного вида, хотя и позы, в которых воспроизведена эта птица, и материал — самые разнообразные.

Своеобразно воспроизведение трех лебедей по кругу в деревянном диске из коллекции Погодина (табл. LXXXII, 8). Здесь между концентрическими кольцами (одним по краю и другим в середине диска) размещены три птицы с длинными вытянутыми шеями и носиками, повернутыми к внутреннему кольцу. Удачным расположением фигур заполнено все пространство между кольцами. В этих изображениях условно переданы особенности вида: форма хвоста, крыльев, головки на длинной шее, с широким клювом. Все изображения индивидуальны, несколько отличаясь одно от другого в деталях. Схематичны и скульптурные изображения лебедей, украшающих одну из узд кургана третьего (табл. XLIX, 1). Зато скульптурные изображения лебедей из войлока, найденные вместе с повозкой в кургане пятом, поражают точностью в передаче характерных особенностей этой птицы и изяществом стилистического их оформления (табл. CVIII).

Сшиты они из тонкого войлока и набиты оленьим волосом. Туловища их хорошо моделированы, шеи длинные. Клюв вместе с восковицей и нижней челюстью обшит тонким черным войлоком, глаза черные и круглые. Желтовато-розовый хвост веерообразный, с нашитыми по краю розовыми кружками на верхней его поверхности и черными на нижней. Оперение хвоста на верхней поверхности намечено продольными строчками шерстяной ниткой. Свободно свисающие крылья в верхней своей части белые, в нижней (маховые перья) — черные. Внутри желтовато-розовых или зеленоватых ножек вставлены деревянные колышки, поддерживающие фигурки в вертикальном положении. На табл. CVIII крыло одного из лебедей несколько сдвинуто, чтобы показать оформление верхней части ног. Специальными ремешками лебеди были привязаны за ноги по углам решетчатого перекрытия повозки. Вне связи с остальными изображениями находится фигурка пеликана, с которой мы познакомились выше (рис. 168).

Очень разнообразны и характерны многочисленные изображения домашнего петуха из курганов первого и второго. В массе эти изображения силуэтные, вырезанные из кожи. Это те, вполне реалистические (несмотря на известную условность в воспроизведении) изображения, которые мы видели на кувшине (рис. 44), ремне (рис. 71) и на головном уборе (табл. XXVI, 3) из кургана второго, одиночные и геральдически сопоставленные профильные изображения петухов с саркофага-колоды кургана первого (рис. 17).

Особое положение занимает скульптурное из войлока и кожи изображение петуха — наверху одного из конских головных уборов кургана второго (табл. LXXII, 5). Схематичнее изображение петухов в условной их передаче на конских нагивниках из кургана первого (рис. 171). Во всех изображениях петухов особое внимание уделяется воспроизведению их гребней, которые на одном из вышеупомянутых нагивников превращаются в орнаментальный мотив, а на женской одежде из кургана второго они являются уже

Рис. 173. Петухи на нагивниках.
($\frac{1}{5}$ натур. вел.). Курган первый.

одним из основных орнаментальных мотивов, ее украшающих (табл. XCIII, 1).
В стилизованном до крайности виде представлены птичьи головы в подвесных украшениях одной из узд кургана третьего (табл. L, 8 и 9).
Весьма оригинально изображение птицы в цветной аппликации из войлока на настенном ковре из кургана пятого. К сожалению, изображение это полностью не сохранилось (табл. XC, 1). Заостренный к концу хвост заканчивается пышными, стилизованными, как и все изображение, перьями. Крыло с острыми маховыми перьями приподнято кверху. Изображение этой птицы в основном красного цвета, ноги, основания крыльев, частично перья хвоста голубые, лапы оранжево-коричневого цвета, концы маховых перьев крыльев черные. Оперение у основания хвоста показано своеобразным чешуйчатым орнаментом, вышитым шерстяными нитками.

Из млекопитающих в изобразительном искусстве Горного Алтая богаче всего представлены парнокопытные, в первую очередь олени и лоси.

Нет нужды, как мне кажется, разбираться в том, кого хотели изобразить — северного оленя или благородного, марала. И тот и другой были хорошо известны. Рога марала и изделия из них находятся во всех курганах, шерстью северного оленя набивались почти все седельные подушки. В некоторых случаях по форме рогов можно угадать, какого оленя хотели изобразить, в большинстве же случаев это не представляется возможным, да и сам мастер изображал, надо полагать, оленя, не задаваясь целью показать, северный он или благородный.

Высокохудожественны превосходные скульптурные изображения оленей, стоящих всеми четырьмя ногами на шаровидных подставках из кургана второго (табл. LXXIX, 1 и 2). Оттуда же мы имеем и силуэтные их изобра-

жения на бегу (рис. 18). Характерны псалии в виде фигур оленя в прыжке (табл. XL, 2) и профильные парные изображения этого же животного из кургана первого (табл. XLI, 2). Очень выразительно силуэтное воспроизведение оленя с выкинутыми вперед передними ногами в сцене, где его терзает тигр (рис. 158). Мастерски выполнено изображение оленя с вывернутым задом и приставной головой, — украшение конской упряжи из кургана пятого (табл. LXVIII, 2). Скульптурные, прекрасной работы, оленьи головы — конское навершие из кургана пятого (табл. LXX, 7) и голова оленя в клюевом грифе из кургана второго (табл. LXXXIII, 3). Проще выполнена оленья голова в деревянном украшении конской упряжи из Берельского кургана (табл. LXXXIV, 3).

Изображения лосей еще многочисленнее и разнообразнее. Среди них в первую очередь заслуживают внимания силуэтные изображения лосей в сценах нападения на них хищников, два из них с вывернутым задом (рис. 157 и 161) и повернутой назад головой, третье изображение животного убегающего, под натиском врага припавшего на все четыре ноги (рис. 156). Чрезвычайно выразительна вырезанная из толстой кожи фигурка лоса из кургана второго — вылезающего из глубокого снега или воды самца; изображено туловище с головой и только одна передняя нога, согнутая в колене (табл. LXXIX, 8). Типична горбоносая голова зверя с огромными лопастными рогами, большим ухом и подшейной гривкой. Глаза, рот, нижняя челюсть, гривка и плечо переданы в рельефе резьбой на коже. Преувеличенно большой головой и особенно рогами переданы типичные черты вида. Своеобразен лось — аппликация из разноцветного войлока на седельной покрывке из того же кургана (табл. СІХ, 1).

Особый интерес представляют вырезанные на толстой коже изображения лосей с вывернутым задом, украшающие луки одного из седел кургана пятого (табл. CVI, 1). Широкой известностью пользуется деревянная пластина с изображением лоса из коллекции Фролова (табл. LXXXI, 3). В этой пластине лось представлен в лежачей позе с поджатыми ногами, с закинутыми на спину огромными рогами, талантливо вложенный, как и все подобные изображения, в заданную форму пластины. И здесь непропорционально большой головой, огромными лопастными рогами и мощной мускулатурой переданы характерные черты самца лоса, в данном случае с половым признаком, крайне редко наблюдающимся при воспроизведении зверей. Назначение этой пластины до раскопок Пазырыкских курганов было не известно. Теперь мы знаем, что она была одной из четырех пластин, украшавших луки седла того типа, какой представлен в кургане пятом.

Деревянные ажурные фигуры лосей, как бы рассеченные пополам, с приставной головой мы видели и среди украшений конской упряжи из кургана первого (табл. XXXII, 1).

Весьма распространенным орнаментальным мотивом была также лосиная голова впрямь и в профиль. Хорошо известна деревянная пластина, поясное украшение из Котандинского кургана, с вырезанной на ней головой лося (табл. LXXXII, 2). В рельефе двумя сходящимися под тупым углом плоскостями намечена морда с подчеркнуто непропорционально большими глазами и расставленными ушами, выше которых условно намечены рога. Подобные же вырезанные из кожи и покрытые листовым золотом лосиные

Рис. 174. Горный баран в татуировке на правой руке мужчины. (Около $1\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

головы впрямь украшают также покрывку одного из седел кургана пятого (табл. CVII, 1). Скульптурные лосиные головы в псалиях и уздечных подвесках мы видели и в одном из наборов украшений кургана третьего (табл. LII, 2—4).

Очень разнообразны профильные лосиные головы. Гერальдически сопоставленные пары таких голов украшают вырезанные из рога и дерева накладки на седельные луки из кургана третьего (табл. XLVIII, 1; LIII, 1). Неоднократно был опубликован обломок подобной же роговой накладки на луку седла со схематическим изображением головы лося из коллекции Фролова (табл. LXXXI, 8). После раскопок Пазырыкских курганов нам стало известно назначение и этой пластины. Понятно теперь назначение и двух роговых подвесок с изображениями лосиных голов из той же коллекции,

относящихся, повидимому, к набору украшений одного и того же седла. Здесь я имею в виду, прежде всего, узкую подвеску к передней луке с изображением двух противопоставленных лосиных голов с сердцевидной прорезью между ними (табл. LXXXI, 5). В этой изящной подвеске заслуживает внимания оформление одной и той же S-образной фигурой уха и угла нижней челюсти. Другая крупная роговая подвеска, также с изображением двух противопоставленных лосиных голов, — одна из тех, которые прикреплялись на концах передних и задних ремней, скрепляющих седельные подушки (табл. LXXXI, 9). Оформление этих голов чрезвычайно близко к тем, которые мы видели в накладках на седельные луки из кургана третьего.

Довольно часто встречающимися мотивами в рассматриваемом нами искусстве были горные баран и козел. Далеко не всегда с полной опреде-

ленностью можно решить, имеем ли мы дело с изображением барана или козла. Только по сильно изогнутому рогу можно отличить изображение барана от козла.

Самое замечательное по своей декоративности изображение горного барана имеется в татуировке на правой руке вождя из кургана второго (рис. 174). Все внимание оператора, наносившего татуировку, было обращено на переднюю часть туловища зверя — голову, грудь и передние ноги. Другая часть туловища животного с вывернутым задом представлена элементарной графической схемой, — вероятно потому, что часть эта была на внутренней поверхности руки. Просто, но с поразительным мастерством передана типично баранья голова с круто загнутым кольчатым рогом, густая и длинная подшейная гривка свисает клокочьями, особыми завитками подчеркнута мускулатура ног. С внутренней стороны правой ноги вождя из кургана второго татуировкой же изображены четыре мчащихся один за другим горных барана или козла с вытянутыми вперед и назад ногами (рис. 170). Фигуры эти ногами касаются друг друга и представляют собой одну динамичную композицию. Фигуры эти изображены хотя и схематически, но достаточно реалистичны и никакой условности в их воспроизведении не наблюдается. Простыми графическими контурами мастерски передано и строение животных, и стремительность их бега. У двух передних животных рога кольчатые, у двух задних они переданы лишь общим контуром. На седельных покрышках из курганов первого и второго есть два характерных силуэтных изображения горных баранов с вывернутым задом (в сценах нападения на них тигров или барсов, рис. 159 и 160). Горный баран с вывернутым задом, с закинутой на голову задней ногой имеется в оригинальной композиции и среди украшений конской упряжи из кургана третьего (табл. LI, 3). С большим мастерством выполнено изображение горного барана в псалиях из кургана первого (табл. XXXIV, 2). В композиции, не имеющей себе подобных, выполнено изображение горного барана впрячь в подвесках одного из наборов украшений конской упряжи из кургана первого (табл. XXXV, 5 и 6). Многочисленны бараньи головки впрячь и особенно в профиль в различных украшениях конской упряжи из курганов первого и второго, в украшениях одежды из кургана второго.

Горный козел воспроизводился значительно реже. Три изображения этого животного, выполненные в различных стилях, мы имеем из курганов первого и второго. Из кургана первого — на седельных покрышках в сценах нападения на него грифонов (табл. CX, 1 и CXI), из кургана второго — на серебряных поясных пластинах в сцене нападения льва на горного козла (табл. XXVII, 1 и 2).

Если в сцене нападения орлиного грифона на козла (табл. CXI) последний выполнен в обычной для подобных сцен позе, с подкосившимися передними ногами, выкинутыми кверху задними, с вывернутым крупом и повер-

нутой назад головой, то в сцене нападения на него львиного грифона (табл. СХ, 1) и поза, и стилистическое его оформление иные. В последнем случае имеется ряд элементов, особенно в воспроизведении деталей формы тела, сближающих его с подобными изображениями средне- и переднеазиатскими. То же в известной мере относится к изображениям горного козла на серебряных поясных бляхах (табл. XXVII, 1 и 2).

Особое положение занимают также дерущиеся козлы (рис. 74) в медной пластине из кургана второго по сходству данной композиции с подобными же на древних переднеазиатских печатях и цилиндрах.

Как орнаментальный мотив козлиные головы только в одном случае были использованы для украшения конской упряжи из кургана первого (табл. XXXIII, 3). Подобные же вырезанные из кожи скульптурные головки козла были найдены и в погребальной камере кургана первого (табл. LXXIX, 6 и 7).

Степная антилопа или сайга, в частности головки этого животного, украшавшие узды, были найдены в курганах третьем и пятом (табл. LV, 2 и 3; LXVII, 1). Заслуживает внимания совершенно одинаковая манера воспроизведения головы этого животного в обоих курганах. Весьма интересно изображение сайги на роговой пластине над лукой седла из собрания Уварова (табл. LXXXII, 1). Массивная, непропорционально большая голова воспроизведена с горбатым носом, приоткрытым ртом и типичными для сайги рогами. Тело с вывернутым задом передано условно системой завитков и треугольников. Передние ноги поджаты, задние вытянуты. Вся фигура мастерски вложена в форму узкой пластины.

Изображений козули, да и то только ее головы, имеется всего два. Одно — в пасти волка — уздечная подвеска из кургана четвертого (табл. LXII, 7); другое из Берельского кургана (табл. LXXXIV, 2). Головку из Берельского кургана можно рассматривать как голову козули по аналогии с подобной же головкой из четвертого Пазырыкского кургана. Данное изображение интересно в том отношении, что помимо головы имеется и тело, но уже в виде придатка из трех завитков.

Однокопытные представлены куланом и лошастью. Единственное изображение кулана или осла имеется в татуировке на правой руке вождя из второго Пазырыкского кургана (рис. 175). Осел изображен с подогнутыми передними ногами и выкинутыми задними, с вывернутым крупом. Изображение схематичное, и вид животного определяется только формой копыт, длинными ушами и формой хвоста. Лошадь представлена многими образцами. Из кургана второго имеются прекрасные профильные изображения лошади — серебряные подвески (табл. XXVII, 6 и 7). Передние части кнутовищ нагаек из того же второго и из четвертого курганов оформлены также в виде конских фигур (табл. CVI, 2; рис. 142). Для всех этих изображений лошади характерна вытянутая вперед голова с поджатыми ушами и подстриженной гривой, с копытами передних ног под нижней челюстью. В иной трактовке,

с подстриженной же гривой, но с приподнятыми стилизованными ушами, конские головы воспроизведены в накладках на седельные луки из кургана пятого (табл. CV, 2).

Грызуны представлены только типичными изображениями зайцев (табл. LIV, 8 и 9) с вывернутым задом в одном из наборов украшений конской упряжи из кургана третьего.

Из хищных животных имеются изображения волка, кошки, барса, или тигра, и льва.

Прекрасные, отчетливые изображения волков мы видели в наборе украшений одной из узд кургана четвертого (табл. LXII, 2). Несомненно волчья голова и та, в пасти которой головка козули (табл. LXII, 7), из того же четвертого кургана. По всей вероятности, также волчья и профильная голова из коллекции Фролова (табл. LXXX, 2), изображенная с открытой пастью и оскаленными зубами. Общий стиль морды, трактовка нижней челюсти, оформление глаза, уха с завитком, верхней губы в морщинах, — все это сближает ее с волчьими головами из Пазырыкских курганов.

Имеется целая серия голов хищника с загнутым кверху кончиком носа. Все они профильные. Одна из них, из коллекции Погодина (табл. LXXX, 3), с клыкастым ртом, своеобразно оформленной верхней губой в складках и с острым, в виде завитка загнутым кверху носом выделяется среди всех остальных. Иначе трактована подобная же голова из Котандинского кургана, с очень длинной мордой, с закрытой пастью, но с оскаленными зубами, верхней губой в морщинах, носом, заканчивающимся завитком (табл. LXXXII, 5). Подобные же узкомордые длинные головы с острым загнутым кверху носом мы имеем в накладках на разветвления уздечных ремней у псалий из кургана пятого (табл. LXIX, 1 и 5). Совокупность всех перечисленных выше признаков позволяет рассматривать и эти головы как волчьи.

Очень большое количество изображений кошки, особенно ее головы. Нам пока не известно, держали ли в рассматриваемое время в Горном Алтае домашних кошек, но степная кошка несомненно была известна. Во втором Пазырыкском кургане был найден чехол, выделанный из ее шкурки. Что кошек и котят хорошо знали, видно также потому, как прекрасно их изображали алтайские мастера. Хорошо был известен также снежный барс, или ирбис, и тигр. Поэтому далеко не всегда можно решить, имеем ли мы дело с головой кошки или тигра, особенно при стилизации этих изображений.

Кошачьи фигурки представлены великолепными их воспроизведениями в уздечных подвесках из курганов второго (табл. XLV, 1 и 2) и четвертого (табл. LXIII, 5 и 6). Скульптурные кошачьи головы имеются из всех Пазырыкских курганов. Из кургана первого — с кабаньим клыком во рту (табл. XLII, 1, 2, 5); из второго, третьего и пятого — на концах деревянных стержней при сумке или седлах (табл. LXXVIII, 3, 5 и 6); из курганов третьего и пятого —

в качестве украшений по бортику передних седельных луков (табл. LIV, 2—4; LXVIII, 6); из пятого же кургана мы имеем их в качестве уздечных украшений (табл. LXIX, 2). Рельефные изображения кошачьих голов, впрямь и в профиль, имеются в уздечных украшениях и из кургана Шибинского (табл. LXXXI, 12), в украшениях конской упряжи из курганов четвертого (табл. LXIII, 2 и 3) и пятого (табл. LXIX, 3 и 4), в псалях из всех курганов, кроме первого, в коллекции Фролова (табл. LXXX, 4 и 5; LXXXI, 2). Головки из указанной коллекции интересны крайней преувеличенностью складчатости верхней губы, типичным оформлением носа с горбинкой и круглого уха с завитком.

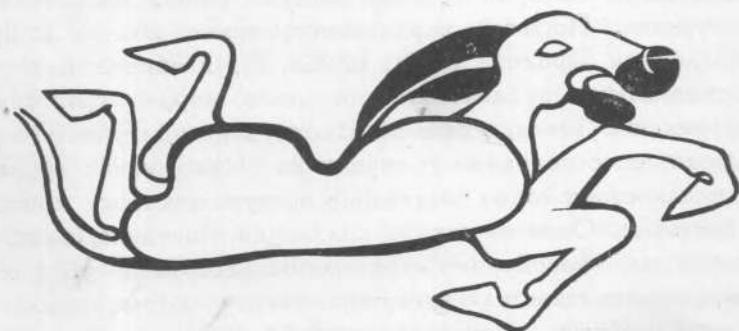

Рис. 175. Кулан в татуировке на правой руке мужчины. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

Особого внимания заслуживают изображения кошачьих голов впрямь, с косо поставленными глазами и огромным ртом. Подобное изображение мы видим на одной из подвесных уздечных блях из коллекции Фролова (табл. LXXX, 1), где в медальоне из астрагалов представлена типичная кошачья головка с огромным ртом и ушами в виде завитков. Оригинально подобное же изображение кошачьей головы в седельных роговых бляхах из кургана третьего (табл. XLVIII, 2). Подобную же, но несколько иначе скомпонованную кошачью голову мы имеем в роговой бляхе из той же коллекции Фролова (табл. LXXX, 4). Косо поставленные глаза с огромными бровями изображены так же, как и в рогатой голове хищника на лобной уздечной подвеске из кургана второго (табл. С, 1), в таких же складках верхняя губа и огромный зубастый и клыкастый рот.

Такую же кошачью морду с косо поставленными глазами, широким носом и огромным ртом мы видим в известной котандинской полушарной бляхе, на которой в борьбе переплелись между собой два хищных зверя (табл. LXXXII, 3).

Кошачьими головками украшалась не только конская упряжь, но и одежда. Очень интересна вырезанная из толстой кожи, покрытая золотым листком,

вписанная в круг кошачья головка впрямь, найденная во втором кургане (рис. 176). Косо поставленные глаза, широкий нос, верхняя губа в глубоких морщинах над огромным ртом, своеобразные брови — все это выполнено в хорошо нам уже известном стиле. Весьма оригинально оформление ушей с завитками внизу, посаженных на голову совершенно так же, как на рогатой голове хищника, держащего в зубах гусей, из того же, что и данная пластинка, второго кургана (табл. С, 1). Поскольку в этой пластине имеется два круглых отверстия, можно думать, что она нашивалась на одежду как украшение.

Как уже неоднократно отмечалось, не представляется возможным решить, с изображением барса или тигра мы имеем дело. На Алтае был известен и барс, и тигр. В некоторых случаях на силуэтных, вырезанных из кожи изображениях этих животных дополнительно краской отмечалась полосатость или пятнистость зверя, иногда же на теле зверя мы имеем и полосы и пятна. В дальнейшем все эти изображения я условно буду называть изображениями барсов.

Замечательны воспроизведения этого зверя в сценах нападения тигра на парнокопытных из курганов первого (рис. 156 и 158) и второго (рис. 157 и 159), где он передан в самых разнообразных ракурсах, с прекрасным знанием его повадок. В виде барсов или тигров, судя по форме хвоста, оформлены и ножки столов из кургана второго (табл. XX). Ничего подобного по выразительности и стилистической оформленности, что могло бы быть сопоставлено с фигурами тигров или барсов в конском убранстве из кургана пятого (табл. LXVIII, 7), мы не знаем.

Рис. 176. Кошачья головка. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.) Курган второй.

Особое место среди изображений кошачьих головок занимают головы рогатые, по их связи с рогатыми львиными грифонами. Из них выделяется та головка из кургана второго, где в пасти хищника пара гусей (табл. С, 1). Рогатые кошачьи головки, обязательно с шишечкой или завитком на концах рогов, мы видели в наборах украшений конской упряжи из третьего (табл. LVI, 1—6), четвертого (табл. LXIII, 1—3) и пятого (табл. LXVII, 3—5) курганов, в самых разнообразных трактовках. Сюда же относятся и парные (скорее львиные, чем кошачьи) рогатые головы в подвесках из кургана первого (табл. CXII).

Изображения львов немногочисленны. Отличительные признаки, помимо общего склада тела, по которым можно отличить львов, скажем, от тигров, — наличие кисточки на конце хвоста и гривы. Признак этот, впрочем, не обязателен, так как в Передней Азии водились, повидимому, безгривые львы, а кроме того, в некоторых случаях могли изображаться львицы.

В сцене нападения льва на горного козла в серебряной поясной бляхе из кургана второго (табл. XXVII, 1 и 2) мы вправе видеть именно льва — по аналогии, как уже отмечалось, с подобным же изображением львиного грифона на одной из золотых блях Амударьинскогоклада.¹ Фигуры львов мы видели на седельных покрышках (рис. 162) и подвесках одного из седел первого Пазырыкского кургана (табл. CXIII). Львиные головы изображены на бордюре настенного войлочного ковра из кургана первого (рис. 20) и на седельных покрышках из того же кургана (рис. 164); рогатые львиные же головы, вырезанные из кожи, имеются и среди уздечных украшений из кургана второго (рис. 113). Во всех случаях, помимо типично львиного строения головы, весьма характерен прием изображения гривы своеобразными завитками. В таких же завитках грива у львиных головок из кургана у с. Каракол,² в известной берккаринской пряжке,³ у львов на золотой пластине с ножен меча из Кульобского кургана,⁴ ранее в ассирийских изображениях львов.⁵

Если изображения барсов или тигров и кошек вполне жизненны, полны движения и правдивы, то изображения львов статичны, а их головы — трафаретны. Художники в природе их не наблюдали и воспроизводили, вероятно, по иноземным образцам, в частности переднеазиатским, которые, как мы знаем, они имели под рукой (табл. CXVII, 1).

Помимо львов, горноалтайцы в интересующее нас время изображали львиных и орлиных грифонов. Изображений последних вообще не так много и притом все они из курганов первого и второго. Изображения львиных грифонов из кургана первого имеются в навершии конского головного убора (табл. LXXI, 2) и на двух седельных покрышках (табл. CX, 1 и рис. 163); из кургана второго — в медной подвеске (рис. 72, а), шейной гривне (табл. XXIX, 2) и на кожаном покрывале (рис. 55). Орлиные грифоны из кургана первого имеются на двух седельных покрышках (табл. CXI и рис. 163), а из кургана второго на седельной покрышке (табл. CIX, 2) и в медных бляхах — украшениях одежды (рис. 75).

Рогатые и крылатые львиные грифоны, несмотря на различные их позы, все однотипны. У всех у них тело льва, рога, как правило, с шариками на концах, хвост с кисточкой, обязательно приподнятый кверху, крылья своими концами направлены вперед. Отличительная особенность изображений львиных грифонов — их статичность, даже в том случае, если грифон

¹ О. М. Dalton, ук. соч., табл. XI, № 28.

² С. В. Киселев, ук. соч., 1935, стр. 102, рис. 16.

³ А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 1947, вып. 17, стр. 9.

⁴ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2, стр. 148, рис. 125.

⁵ J. de Morgan, ук. соч., 1905, рис. 74.

нападает на горного козла или лося. Все эти изображения находятся в полном контрасте с яркими и жизненными изображениями барсов или тигров в сценах их нападения на парнокопытных. В зависимости от назначения и материала, в каком они выполнены, изображения львиных грифонов существенно варьируют, неизменно все же повторяя основные особенности этих фантастических существ. Особое положение занимает только грифон в сцене нападения его на горного козла. Как уже отмечалось ранее, его рога имеют особую серповидную форму, схематично трактовано крыло, вместо кисточки на конце хвоста птичья головка.

Орлиные грифоны, как правило, имеют тело льва, точнее тигра или барса с ушастой головой грифа и, разумеется, с крыльями. Подобно львиным грифонам, изображения и орлиных грифонов трафаретны и более условны, чем изображения грифов, которые будут рассмотрены ниже. Особое положение занимают дерущиеся орлиные грифоны на медных пластинках из кургана второго. Задняя половина их тела тигровая, передняя орлиная, но без крыльев.

Грифоны вне всякого сомнения — мотив переднеазиатский, рогатые же львиные грифоны известны только в персидском искусстве. Напомним хотя бы капители Персеполя,¹ кафельные фриз в Сузах,² цилиндры с изображением львиного грифона ахеменидского времени.³ Грифон, как известно, заимствован персами из Ассирии и Вавилона, хотя та композиция, которую мы видим в большинстве пазырыкских изображений, собственно персидская. Вавилон знал крылатого льва с длинными заостренными ушами, орлиными лапами и хвостом; Ассирия иногда заменяла львиную голову головой орла с гребнем. Персы пользовались обоими вариантами и придали грифонам новые черты, добавив рога и заменяя иногда короткий хвост птицы хвостом скорпиона.

Ряд деталей в изображениях наших грифонов связывает их с персидскими изображениями этих фантастических существ, в частности рога с шариками на концах, передача мускулатуры и форм тела точками, запятыми, полуподковками. Между тем этот мотив в Среднюю Азию и в Горный Алтай проник много раньше персидского господства в Передней Азии. Персидские львиные грифоны изображались с задними лапами орлиными, чего в подобных же алтайских изображениях мы не наблюдаем. Серповидная форма рогов львиного грифона на одной из седельных покрывал из кургана первого (табл. СХ, 1) в точности такая же, какая была принята в Ассирии.⁴ Птичья головка вместо кисточки на конце льви-

¹ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 58.

² М. Dieulafoy, ук. соч., 1892, ч. 3, табл. 11.

³ А. Furtwängler. Die Antiken Gemmes. Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. 1900, табл. XI, рис. 19.

⁴ Е. Babelon. Manuel d'Archéologie orientale, 1888, стр. 196. — А. Н. Layard. Nineveh and its remain. 1867, стр. 435.

ного хвоста — мотив древний, восходящий к хеттским скульптурам, в Персии не известный. Воспроизведение орлиных грифонов с телом льва — также мотив ассирийский. Бесспорно — весьма древняя композиция и дерущихся орлиных грифонов в медных пластинках из кургана второго, хорошо известная на переднеазиатских цилиндрах и печатях. Таким образом изображения грифонов (хотя и малочисленные) вскрывают древние культурные связи Горного Алтая с переднеазиатским культурным миром.

Обратимся теперь к изображениям ушастых с гребнем на шее грифов. Мотив этот чрезвычайно богато представлен в искусстве Горного Алтая при полном отсутствии реалистических изображений орла.

Яркое по своей декоративности изображение ушастого грифа с распростертыми крыльями, распушенным хвостом и повернутой головой мы видели в сцене нападения его на лося на седельной покрышке из кургана первого (рис. 161). В иной позе, не впрямь, а профильное, столь же замечательное изображение грифа имеется в сцене терзания им тетерева на кожаной фляге из кургана второго (табл. XXIII, 3). Проще вырезанное из кожи изображение грифа, впрямь, с распростертыми крыльями и скульптурной головой, в подвеске к конскому нагруднику из кургана первого (рис. 170). Не менее интересны оригинальной композиции вырезанные из дерева ажурные бляхи с изображениями того же грифа с приставной головой — украшения конской упряжи из кургана первого (табл. XXXVIII, 1 и 2). Малые, вырезанные из дерева, из кургана второго (табл. LXXIX, 3 и 4), и большие медные, из Берельского кургана (табл. LXXXV, 4 и 5), ушастые и с хохолком изображения грифов представляют тот же мотив, но выполненный в круглом рельефе.

Особый интерес представляют изображения голов грифов с оленьей головой в клюве из второго кургана (табл. LXXXIII, 1 и LXXXIV, 4), назначение которых нам пока не ясно.

Первая из этих композиций (табл. LXXXIII, 1), — повидимому, какое-то навершие, — найдена в головной части саркофага-колоды; она исключительно оригинальна и смела как по замыслу, так и по выполнению. В ней два самостоятельных, но по смыслу равнозначущих мотива: олень, — собственно, его голова, — в клюве грифа и гусь в когтях грифа же, изображенный дважды, и все это в одном предмете, вырезанном из дерева.

Основная фигура — голова грифа на длинной шее, с оленьей головой в клюве. Условна, но чрезвычайно выразительна вырезанная голова грифа с мощным клювом, покрашенным в красный цвет, большой, подчеркнутой восковицей и воротничком, покрашенным в желтый цвет, с большими, рельефно вырезанными глазами. Гребень, идущий от темени по всей длине шеи, и уши кожаные. Скульптурно выполненная оленья голова хорошо моделирована, с бровями, покрашенными в красный цвет. Уши и лопасти рога оленя кожаные.

На плоской шее описанной основной фигуры — головы грифа — с обеих сторон в рельефе вырезана одна и та же сцена: гусь в лапах грифа. Великолепные изображения гуся достаточно реалистичны. Переданы все наиболее характерные особенности вида: короткая головка с явно гусиным клювом и высокой восковицей, крупные глаза, длинная шея; типично и тело с поджатыми крыльями и широкими гусиными лапами. Грифы, как обычно, выполнены более условно. Их тело плоско, намечено только контуром; хвосты изображены схематично, как всегда веерообразно; более тщательно проработаны лапы с их типичными перовыми „штанами“ на верхней части голени; лапами гриф схватил гуся за голову и шею. Еще более тщательно и любовно оформлены приставные головки грифов. Выполнены они в круглой скульптуре и своими выступами, симметрично направо и налево в верхней части шеи основной фигуры грифа, придают всей композиции особый эффект. Смотрят они вниз, на свою жертву. Головки этих малых грифов, как и основного, с сильно изогнутым орлиным клювом, выкрашенным в красный цвет; восковица и воротничок желтые. Над зоркими орлиными глазами красные брови, в красный же цвет окрашен большой и длинный гребень и кожаные приставные уши. Приставные же, вырезанные из толстой кожи, и крылья этих малых грифов.

Все, за исключением голов грифов, было покрыто листовым золотом.

Вторая вырезанная из дерева в круглой скульптуре композиция (табл. LXXXIV, 4), судя по закреплению в шее грифа ремешку, повидимому, к чему-то была подвязана. Голова грифа на очень короткой шее, с оленьей головой в клюве. Большой гребень и уши грифа кожаные. Вырезанные из толстой кожи крылья посажены на короткой шее, у самого клюва. Уши и рога оленя также кожаные. Особенно оригинально оформление рогов оленя. Вырезаны они из толстой кожи в весьма условной манере, причем каждый отросток рога представлен петушиной головкой на длинной шее. Глаз, клюв и гребень петушков рельефно оформлены только с наружной поверхности прорезью, обратная же поверхность рогов и петушиных головок оставлена гладкой. Петушиные головки двух глазных отростков рогов смотрят вверх, остальные вниз. От золота, которым была покрыта эта композиция, в частности крылья, остались только следы.

Очень интересную композицию представляла собою вырезанная из толстой кожи с рисунком в рельефе сцена козла в лапах грифа, найденная в двух случайно сохранившихся фрагментах в погребальной камере кургана второго (табл. LXXXI, 10). Один из фрагментов представляет собой лапу с частью крыла, другой — фигуру козла с выкинутыми вперед и изогнутыми в коленях передними ногами, в которую обеими когтистыми лапами вцепился гриф. Можно думать, что здесь мы имеем дело с точно такой же, но только вырезанной из кожи, композицией, как в известном золотом украшении из коллекции Петра I, горного козла в лапах грифа.¹

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1890, вып. 3, стр. 44, 45, рис. 43 и 44.

Горный козел в той же позе с согнутыми в коленях передними ногами, так же в спину козла впились мощные грифовы лапы.

Большое количество голов грифов имеется в подвесках и, особенно, в украшениях конских псалий. Среди подвесок особого внимания заслуживают ушастые с гребнем головы грифов из кургана второго (табл. LXXVIII, 7 и 8), по стилю чрезвычайно близкие к изображениям голов грифов в рассмотренном выше навершии. Ушастые с хохолком и гребнем головки грифов мы видели в псалиях из кургана первого (табл. XXXVIII, 3 и 4; XXXIX, 3). В ином стиле, обобщенно представлены головы грифов, ушастые, но без гребня, в псалиях из курганов третьего (табл. LVI, 3) и пятого (табл. LXVIII, 1). Эти головки с очень большим круглым глазом, огромным, круто загнутым на конце орлиным клювом и большим с завитком ухом. Данный мотив, являющийся одним из самых излюбленных орнаментальных мотивов, известен на одежде и кожаных сумках из кургана второго, на одном из чепраков кургана пятого, на концах ветвей оленьих рогов (табл. LXX, 6), в частности в татуировке из кургана второго (рис. 175—182).

Мотив ушастого, с гребнем грифа, неизменно повторяющийся во всех изображениях орлиных грифонов, получил в Горном Алтае широкое распространение; приемы его воспроизведения весьма устойчивы. Особо следует отметить зубчатость большого гребня, идущего вдоль всей шеи грифа. Этот мотив очень древний, характерный для Ассирии, где гении с орлиной головой и орлиные грифоны всегда изображались с большим зубчатым гребнем из перьев.¹ С гребнем изображались орлиные грифоны и в ахеменидской Персии,² но там гребни были не высокие, а коротенькие, подстриженные, идущие по длине всей шеи, — такие, как у рогатого львиного грифона на одном из конских головных уборов из кургана первого (табл. LXXI, 2). Изображения грифов Горного Алтая отличаются от переднеазиатских изображений наличием длинных ушей; кроме того, местная трактовка этого мотива крайне разнообразна.

Помимо только что рассмотренных фантастических животных, переднеазиатское происхождение которых вряд ли можно оспаривать, в искусстве Горного Алтая имеется целый ряд изображений животных, также фантастических, сочетающих в себе признаки нескольких разнородных животных, местное происхождение которых, как увидим ниже, не подлежит сомнению.

В псалиях из кургана четвертого имеется ряд птичьих головок, но с ушами явно хищных зверей (табл. LXIV, 4 и 6). Подвесками одной из узд того же кургана служили стилизованные изображения птиц с кошачьими ушами (табл. LXIV, 2 и 3). Одно из наверший конского головного убора из кургана третьего представляет собой голову фантастической птицы

¹ A. H. Layard. Nineveh and its remains. 1867, стр. 47. — A. H. Layard. The monuments of Nineveh. 1849, табл. 6, 43 и 48.

² E. E. Herzfeld, ук. соч., табл. 65.

с приставными кожаными ушами и рогом на лбу (табл. LXXII, 1). Другое навершие из того же кургана также в виде головы птицы, но клыкастой, с рогом на носу и приставными кожаными ушами и рогами (табл. LXXII, 2). Из Котандинского кургана нам известна фигурка лежащего оленя с длинным птичьим клювом (табл. LXXXII, 7). В кургане четвертом найдена вырезанная из толстой кожи ушастая головка грифа с оленьим рогом, концы отростков которого оканчиваются сердцевидными фигурками (табл. LXXXIV, 1). В украшении одной из узд того же кургана четвертого мы видели крылатых зверей с кабаньей головой, увенчанной оленьими рогами (рис. 125).

Чрезвычайно интересны изображения фантастических животных в татуировке мужчины из кургана второго. Там, среди других изображений, на правой руке мы видим хищника явно кошачьей породы, с большой головой и разинутой зубастой пастью, причем верхняя челюсть оформлена, как птичий клюв (рис. 177). У зверя небольшие уши. Стоит он на четырех когтистых лапах, хвост кольчатый с птичьей головкой на конце, причем головка эта оформлена иначе, чем на большинстве изображений той же татуировки. У основания шеи посажена тоже птичья головка. Изображение тела схематичное.

Рис. 177. Изображение фантастического животного в татуировке на правой руке мужчины. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

В изображении другого зверя в той же татуировке (рис. 178), голова которого не сохранилась, особого внимания заслуживает оформление когтистых задних лап, хвоста, заканчивающегося птичьей головкой, и птичья же головка у основания шеи. Вся вообще фигура передана в условной манере, в особенности задние лапы. Хорошо показаны острые могучие когти зверя, особым завитком намечены пятки, треугольными прорезями подчеркнута мускулатура лап. Эта манера изображения хищника с острыми, резко выступающими когтями, как увидим ниже, свойственна всем изображениям хищников в татуировке. Напомним, что в совершенно той же манере выполнены когтистые лапы в известных золотых пластинах коллекции Петра I.¹

Крайне интересно изображение фантастического крылатого хищника (рис. 179): голова с раскрытой зубастой пастью и вздернутым кверху кончиком носа, — прием, который мы уже видели в изображениях волков; тело типично кошачье, с кошачьим, приподнятым кверху кольчатым хвостом.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1890, вып. 3, рис. 55, 56, 60, 61 и 64.

Мускулатура когтистых лап, особенно задних, передана чисто орнаментальными завитками. Своеобразно оформлены крылья с загнутыми вперед концами — так, как это мы видели в изображениях львиных грифонов, при-

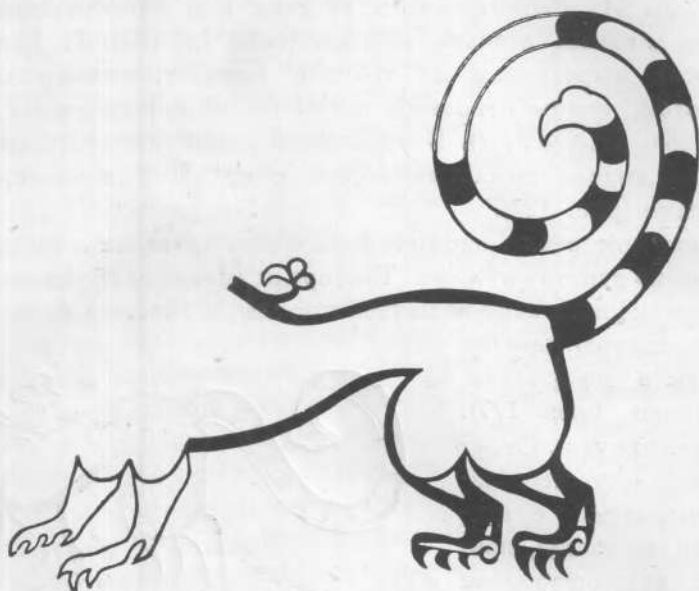

Рис. 178. Изображение фантастического зверя в татуировке на груди и на спине мужчины. (Около $\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

Рис. 179. Изображение фантастического крылатого зверя в татуировке на правой руке мужчины. ($\frac{5}{9}$ натур. вел.). Курган второй.

чем в данном случае их орнаментация непосредственно переходит в орнаментацию груди (с шеей и ушами) и даже ног.

Изображение еще одного фантастического, в данном случае рогатого, с кошачьим хвостом зверя имеется в татуировке правой стопы ноги

(рис. 180). Кончик носа загнут кверху более отчетливо, чем на предыдущем изображении. Зубастая и клыкастая пасть разинута, на конце рога шарик, лапы с мощными когтями, хвост кольчатый, приподнят кверху и загнут в спираль, на шее, у ее основания, три птичьих головки.

Следующий мотив фантастического зверя, представленный в татуировке того же мужчины, — олень с клювом орла и хвостом кошки. В изображении, представленном на рис. 181 (с правой руки), помимо вывернутого зада, имеется ряд своеобразных особенностей: ветвистые оленьи рога с птичьими голов-

Рис. 180. Изображение фантастического рогатого зверя в татуировке на правой ноге мужчины. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).
Курган второй.

ками на отростках, морда с большим, круто загнутым орлиным клювом, кошачий хвост с птичьей головкой на конце.

Второе изображение подобного же животного было и на левой руке (рис. 182). Морда и этого оленя заканчивается орлиным клювом. На отростках ветвистых рогов те же птичьи головки. Частично рога намечены в условной манере рядом сегментов. Три птичьих головки посажены на один из отростков рога над шеей. Хвост длинный, явно кошачий. Волнистыми и спиральными линиями разрисована шея и грудь. Передние ноги согнуты как бы на бегу, задние вместе с вывернутым крупом вскинuty кверху. Здесь, как и в изображении описанного выше оленя, нарочито совмещены отличительные признаки оленя, орла и хищника кошачьей породы.

Подобных же, но не полностью сохранившихся изображений мы имеем еще три: одно в татуировке правой руки и два — левой руки. На плече правой руки (рис. 183) изображение оленя с вывернутым задом и кошачьим

хвостом с птичкой на конце; голова сохранилась плохо. На левой руке (рис. 184) одно изображение — олень с подкосившимися передними ногами и задними, выкинутыми кверху на вывернутом крупе, с таким же кошачьим хвостом, заканчивающимся птичьей головкой, с рогами, схематично выполненными рядом сегментов, а другое — с поджатыми передними ногами (рис. 185), судя по характеру рогов и подшейной гривки, — горный баран.

Рис 181. Изображение фантастического зверя в татуировке на правой руке мужчины. ($1\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

Подобный же фантастический зверь изображен на известной деревянной пластине из Котандинского кургана (табл. LXXXII, 4). Там мы видим львиное тело, оленью (или лосиную) морду, оканчивающуюся орлиным клювом, птичьи головки на ветвях рогов и на конце хвоста.

В связи с только что рассмотренными изображениями следует обратить внимание на следующие детали: изображения птичьих головок на концах ветвей рогов, на хвосте и шее, вывернутый зад и сцены борьбы зверей.

Змеиные или птичьи головки на конце хвоста известны в изображениях фантастических чудовищ в Передней Азии по крайней мере за два тысяче-

летия до н. э. Из Двуречья эта деталь вместе с другими художественными мотивами проникла к хеттам; ее мы находим в скульптурах и барельефах древних хеттских городов уже в XIV в. до н. э.¹ В изображениях грифонов в ахеменидской Персии, как и в Ассирии, такой хвост иногда заменялся хвостом скорпиона.² То же самое мы наблюдаем и в изображениях чудовищ из Литого кургана в Скифии.³ Между тем нигде этот

Рис. 182. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. (1/2 натур. вел.). Курган второй.

мотив в середине первого тысячелетия до н. э. не получил такого широкого распространения, как у скифов и горноалтайских племен, причем не просто как птичья головка, а как головка ушастого грифа; сколь бы схематично она ни воспроизводилась. Не говоря уже о Горном Алтае, можно привести немало примеров, когда причерноморские скифы изображали головки грифов на ветвях рогов оленей и на конце львиного

¹ E. Pottier. *L'art Hittite*. Paris, 1926, рис. 27, 29, 67, 68 и 73

² E. E. Herzfeld, ук. соч., табл. 65.

³ Е. Придик, ук. соч., табл. 3.

Рис. 183. Изображение фантастического зверя в татуировке на плече правой руки мужчины. ($\frac{1}{3}$ натур. вел.). Курган второй.

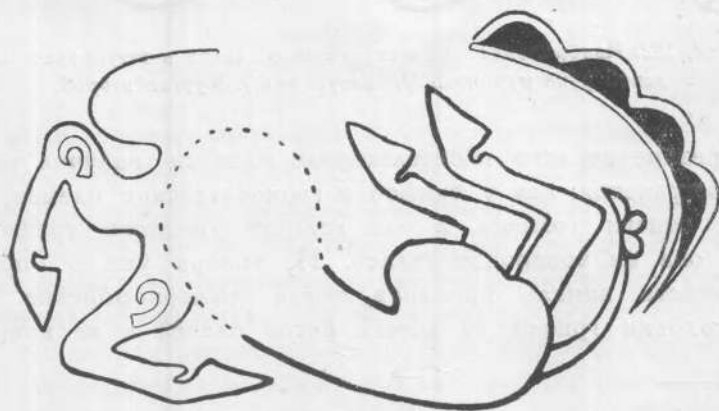

Рис. 184. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган второй.

хвоста.¹ Не решая, за недостатком данных, вопроса о времени появления этого, уже орнаментального, мотива у древних горноалтайцев, можно с уверенностью утверждать, что вместе с ушастым грифом он получил у них широкое распространение задолго до господства в Передней Азии персидской династии Ахеменидов.

Другим излюбленным приемом в Горном Алтае в рассматриваемую эпоху было изображение животного (как правило — копытного, редко хищника) с вывернутым задом и обычно в позе пораженного более сильным зверем. Прием этот был очень удобен, когда фигуру животного надо было вложить в круглую форму бляхи. Но это изображение не было решающим моментом, поскольку, как мы видели, горноалтайские мастера умели вкладывать фигуры животных в любую геометрическую форму.

Вывернутая кверху задняя половина тела — очень древняя шумерская

Рис. 185. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. (1/3 натур. вел.).
Курган второй.

манера изображения, однако в Передней Азии подобные изображения встречаются крайне редко.² В большем количестве мы их знаем в архаических греческих геммах, в частности микенских.³ Этот прием практиковался и у среднеазиатских саков,⁴ в Горном же Алтае, как мы видели, он был чрезвычайно распространен. Помимо наших находок, этот прием изображения жертвы с вывернутым задом можно наблюдать в золотых украшениях коллекции Петра I — в тех, где гриф держит в лапах горного козла, или рогатый и крылатый хищник напал на лошадь, или, наконец, где барс терзает лося.⁵ Все это свидетельствует о том, что данный

¹ Е. Н. Minns. *Scythians and Greeks, a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. 1913, стр. 208, рис. 27. — И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1889, вып. 2. стр. 126, рис. 107. — А. Бобринский, ук. соч., 1894, т. II, табл. 21.

² G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 337 и 412.

³ A. Furtwängler, ук. соч., табл. III, рис. 36, 38, 39; табл. VIII, рис. 70.

⁴ O. M. Dalton, ук. соч., стр. 106, рис. 63.

⁵ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1890, вып. 3, рис. 43 и 44, 62 и 72.

прием вероятнее всего возник в среднеазиатском искусстве, там же он получил свое дальнейшее развитие; в Малой же Азии, в том виде, в каком мы его там знаем, он мог появиться под влиянием древних связей Передней и Малой Азии с племенами Средней Азии.

Последний мотив — борьба зверей, точнее нападение хищных на травоядных, преимущественно парнокопытных. Этот мотив, известный в Передней Азии с третьего тысячелетия до н. э., к середине первого тысячелетия до н. э. получил широкое распространение как в Передней, так и в Малой Азии, особенно же среди скифов и горноалтайских племен. С ним мы встречаемся в Ассирии,¹ архаической Греции,² но нигде он, повидимому, не был так популярен, как у населения Горного Алтая в первом тысячелетии до н. э. Почти всем композициям, изображающим борьбу зверей и нападение хищных на травоядных, из Пазырыкских курганов можно подыскать аналогии как на западе и юге, так и, в позднейшее время, на востоке. В качестве примера можно привести ту композицию, где хищник сзади нападает на свою жертву (рис. 186). Первое изображение — нападение льва на быка (из Персеполя); второе — нападение льва на козла (из Келермеса, Кубань); третье — льва на оленя (из Куль-оба); четвертое — барса на лося (из Пазырыка); пятое — львиного грифона на лося (из Ноин-улы, Монголия).

Если данный мотив, в его наиболее ранних воспроизведениях, известен нам пока только в Двуречье, то свое преимущественное развитие он получил, повидимому, в Средней Азии и Южной Сибири, а затем позднее распространился далеко на восток. Мотив этот во всяком случае является одним из характерных для искусства древних горноалтайцев.

Несколько слов о деталях рисунка, о так называемых точках, запятых и полуподковках, которые встречаются главным образом в изображениях сцен борьбы, но имеются и на отдельных изображениях животных. Этот условный прием передачи наиболее выдающихся мускулов тела, ребер и других деталей до наших алтайских находок был известен, главным образом, в инкрустированных драгоценных украшениях. Отсюда делалось заключение, что на север, в Южную Сибирь (имелись в виду некоторые вещи из коллекции Петра I), он пришел с юга вместе с ювелирными изделиями со вставными самоцветами или цветной пастой. Между тем такой прием — особыми фигурами подчеркивать детали строения тела — мы видим в урартских скульптурах,³ на ассирийских барельефах и цветных кафелях.⁴ Однако только в середине первого тысячелетия до н. э. в произведениях

¹ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 273, 443, 447.

² A. Furtwängler, ук. соч., табл. III, рис. 2, 4; табл. VI, рис. 44, 51 и 52; табл. XI, рис. 22—24.

³ L. Heuzey. Monuments Piot. 1900, кн. 8, табл. I. — O. M. Dalton, ук. соч., стр. 17.

⁴ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, табл. XV, рис. 114, 217, 268, 278.

искусства ахеменидской Персии, в Средней Азии и далее на север до Горного Алтая включительно мы встречаем тот же прием, но с точками, запятыми и полуподковками. Напомню, что точки, запятые и полуподковки мы находим на ряде вещей из Амударьинского клада: в фигурках каменных

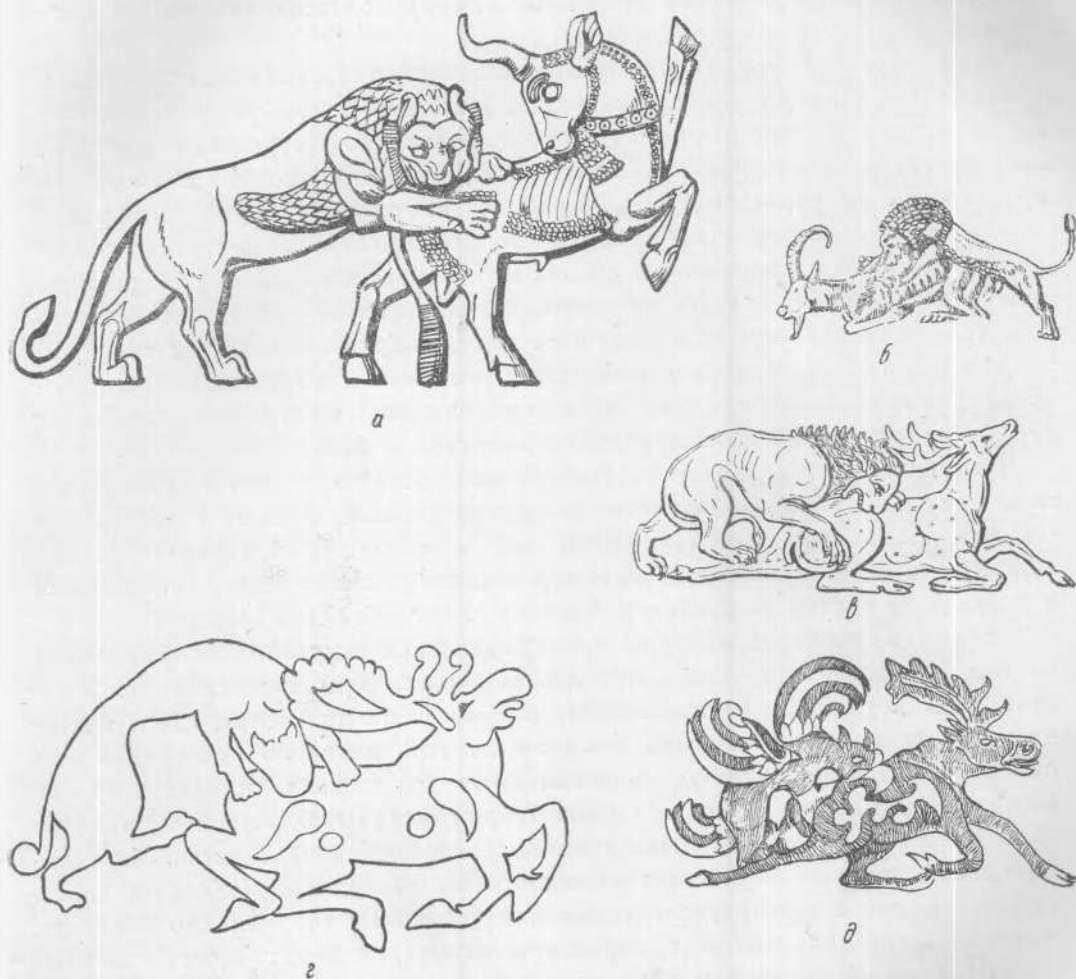

Рис. 186. Образцы сцен нападения хищных зверей на парнокопытных.

а — Персеполь; б — Келермес; в — Куль-оба; г — Пазырык; д — Ноин-ула.

козлов, в частности в сцене охоты — на серебряном диске, в фигурах оленей, рогатых орлиных грифонов.¹ Общеизвестны точки и полуподковки в знаменитых изображениях льва и грифона в полихромных кафельных

¹ О. М. Dalton, ук. соч., табл. VI, №№ 11 и 12; табл. VII, № 18; табл. IX, № 24; табл. XVI, № 116.

фризах дворца ахеменидского времени в Сузах.¹ Несколько лет тому назад мною было высказано предположение, что прием этот и в Персии был использован при изображении животных на тканях и войлоке.² Находка в пятом кургане изображений львов на переднеазиатской ткани с точками и полуподковками (табл. CXVII, 1) подтвердила это предположение.

Таким образом этот условный прием в воспроизведении деталей тела животных не является узко локальным, а получил широкое распространение на огромной территории от Горного Алтая до Двуречья, с центром, повидимому, в Средней Азии. Появился он сравнительно поздно, по всей вероятности, не ранее конца VI в. до н. э., и у причерноморских скифов он не известен. На Алтае мы его находим преимущественно в изображениях львов и грифонов, в сценах их борьбы и нападения хищных на травоядных. Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что этим условным приемом не пользуются при подчеркивании формы тела барсов или тигров, не видим мы этих точек, запятых и полуподковок на изображениях горноалтайских фантастических чудовищ в татуировке вождя из кургана второго и на котандинской деревянной бляхе.

В конечном счете представляется возможность выделить в горноалтайском искусстве рассматриваемого времени вещи, выполненные в собственно «скифском зверином стиле», затем те, в которых отразились ранние культурные связи с Передней Азией, и, наконец, позднейшие, появившиеся в результате связей со Средней Азией и с ахеменидской Персией.

Если в круглой скульптуре и в графических силуэтных изображениях мастер был более свободен и мог давать вполне реалистические воспроизведения животных, то в украшениях, в различных подвесках, где в заданную форму необходимо было вложить данный мотив, он вынужден был прибегать к различным условностям. Как мы видели, придавая ту или иную позу, мастер легко в любую форму вкладывал любой мотив. При этом основной его целью было с максимальной убедительностью передать наиболее типичные черты изображаемого им животного. Последнее достигалось прежде всего преувеличением или усилением того именно элемента, который считался наиболее характерным: так, часто головы животных были велики несоразмерно туловищу.

Обычно при схематической передаче тела все внимание сосредоточивалось на воспроизведении головы. Если изображался олень или лось, то его рога нередко превышали размеры всего тела. Если изображался горный баран, то рога его закручивались до предела, а подшейная гривка достигала таких размеров, что прикрывала чуть ли не все тело. В изображениях

¹ M. Dieulafoy, ук. соч., 1892, ч. 3, табл. III и XI.

² С. И. Руденко, ук. соч., 1944.

лося или сайги всегда подчеркивался горбатый нос. В воспроизведениях хищников кошачьей породы зубастый и клыкастый рот с обязательными складками на верхней губе изображался таким большим, что нередко доходил до ушей. В изображениях волков — подчеркнуто узкая и длинная морда воспроизводилась с ошеренным ртом, а отсюда и морщины на верхней губе и на носу, вздернутом кверху. В изображениях грифов обычно неестественно круто загнут орлиный клюв, подчеркнуты воротничок и на ногах „штаны“. В изображениях петухов исключительное внимание уделялось гипертрофированному гребню.

Всем этим при изображении животных придается тот специфический стиль, который обычно называется «скифским звериным стилем»; он характерен для искусства не только Горного Алтая, но и причерноморской Скифии.

Стиль этот проявляется также и в особой манере воспроизведения животных. Так, например, круглый глаз, который мы видим в изображениях птиц и рыб, никогда не встречается в изображениях хищников, — там он всегда продолговатый, со слезной ямкой. Короткое круглое ухо только у кошек, у остальных хищных и у копытных оно острое и длинное, с характерным завитком у основания и бугорком. Угол нижней челюсти изображается часто в виде завитка. Нередко угол этот сливается с изображением уха в одну S-образную фигуру. Очень характерно воспроизведение плечевого пояса также в виде своеобразного завитка, переходящего в спираль; завиток этот затем, по симметрии, нередко повторяется на крупе.

Все перечисленные особенности свойственны основной массе произведений изобразительного искусства населения Горного Алтая, ими и определяется стиль его искусства в рассматриваемую эпоху. Преобладание изображений диких животных и притом животных, выполненных уже в особом стиле, указывает на то, что это искусство сложилось в эпоху, предшествующую переходу к скотоводческому хозяйству, когда охота была основным промыслом и не утратила еще своего значения в рассматриваемую эпоху.

Остается вкратце остановиться на изображениях человека. Такие изображения имеются только из курганов первого и пятого. В кургане первом мотив человеческой головы использован для изделий, украшающих конскую упряжь, из кургана же пятого имеется изображение чудовища с человеческой головой и сцена с двумя человеческими фигурами.

Изображения человеческих фигур в прикладном искусстве пастушеских племен данной эпохи очень редки, в Горном же Алтае они впервые найдены в пятом Пазырыкском кургане. Изображения человеческих голов, вписанных в круг, обычны в скифских курганах. Там они встречаются на золотых пластинках, нашивавшихся на одежду, в бляшках или подвесках — украшениях конской упряжи.

Достаточно реалистичны изображения человеческих голов из кургана первого (табл. XLIV)—широколицые, с оттопыренными ушами и окладистой (возможно подвесной) бородой. Изображения эти не портретные и повторяют мотив, уже известный в среднеазиатском искусстве. В качестве примера можно привести голову Беса на круглой золотой пластине из Амударьинского клада и на передке золотой модели колесницы из того же клада.¹

Еще более далеки от портретов вырезанные из кожи силуэтные седельные подвески с лотосными коронками (табл. LXXX, 6) или рогатая, со звериными ушами, человеческая голова (табл. LXXX, 7) из того же первого кургана. Происхождение этих изображений становится ясным благодаря находке замечательного изображения полульва-получеловека — аппликации настенного войлочного ковра из кургана пятого (табл. CXIV). Фигуры эти стоят на задних лапах, руки приподняты вверх. Изогнутое тело — синего цвета, как бы в одежде, на которую нашиты красновато-коричневые розетки. На львиных лапах мощные синие когти. Кисти человеческих рук с пальцами розового, телесного цвета. Красновато-коричневого цвета лицо в профиль арменоидного типа, с горбатым мясистым носом, выступающим вперед подбородком, черными бровями и черными же, закрученными вверх усами. Глаза черные. Лицо человеческое, а торчащее вверх большое ухо явно звериное, с характерным внизу завитком, розового, как и руки, цвета и с зигзагообразным желтым орнаментом внутри.

Очень характерен головной убор — синий в верхней части и коричневый в нижней, с диагональными желтыми полосками, вверх и вниз оканчивающимися завитками. На голове стилизованный олений рог цвета красного с желтым. Замечательно оформление крыла — длинные, приподнятые вверх маховые перья красные, желтые и синие, на концах черные; остальные разноцветные перья крыла, наложенные одно на другое, заканчиваются завитками. Очень своеобразно выполнение хвоста, изогнутого и просунутого между ног вперед, на конце оформленного подобно стилизованному оленьему рогу; окрашен хвост в красный и желтый цвета.

Изображения крылатых львов с человеческим туловищем (или только головой) появились в Передней Азии не позднее, чем в начале второго тысячелетия до н. э.

В скульптуре и барельефах древних хеттских городов этот мотив мы находим еще в XIV в. до н. э. Подобный мотив известен на древних вавилонских и халдских цилиндрах. Тип этого фантастического существа свойствен специально Ассирии, и его изображения мы имеем на барельефах дворца из Нимруда. Крылатый лев с человеческой головой известен на

¹ О. М. Dalton, ук. соч., табл. IV, № 7; табл. XI, № 32.

одежде Ашшурназирпала, где лев изображен стоя, с приподнятой лапой.¹ Особое значение для нас представляет изображение фантастического существа из дворца в Нимруде. Там мы имеем головной убор, отчасти напоминающий убор пазырыкского сфинкса и своеобразную трактовку крыльев, с перьями, налегающими рядами, — совершенно так же, как изображены крылья у чудовища на ковре из кургана пятого. Та же манера подачи крыльев и в хеттских скульптурах.

В монументальных памятниках ахеменидской Персии, в частности в Персеполе, изображение сфинкса отсутствует, и в тех исключительных случаях, когда он встречается на персидских печатях, его ассирийское происхождение несомненно. Последнее обстоятельство очень важно, так как означает, что на Алтае этот мотив мог появиться только в результате древних, доахеменидских, культурных связей с Передней Азией не позднее VII в. до н. э. Отсюда понятна та своеобразная местная трактовка этого мотива, в какой мы ее находим в пятом Пазырыкском кургане.

Если в местных горноалтайских, подробно нами уже рассмотренных изображениях львов и грифонов мы можем усматривать заимствование не только самого мотива, но и подражание в деталях их воспроизведения, особенно принимая во внимание находку в кургане пятом подлинных переднеазиатских изображений львов в ткани, то трактовка горноалтайского сфинкса вполне самостоятельна. За исключением указанной выше манеры в воспроизведении крыльев, ни ассирийских, ни, тем более, персидских влияний здесь не усматривается. Изображение львиного туловища и особенно стиль, в котором переданы лапы, возможно, несут на себе отпечаток некоторого влияния монументальных переднеазиатских произведений львов, но рога здесь олени, в характерной горноалтайской трактовке. Уши выполнены в хорошо нам известной манере изображения ушей хищников. Львиный хвост оформлен в том же горноалтайском стиле, как и рога. Очень своеобразен головной убор, который только отчасти может быть сопоставлен с головным убором на одном из древних хеттских барельефов (где крылатый лев с человеческим туловищем стоит, как и у нас, на задних лапах), а также с вышеупомянутым изображением из Нимруда.²

Этот пазырыкский сфинкс выполнен в технике аппликации из цветного войлока, при которой трудно передать детали и тем более выражение лица. Тем не менее с дополнительной вышивкой получилось крайне выразительное лицо с высоким лбом, массивным ассириидным носом и выступающим вперед подбородком. Хорошо выполнены и глаза с большими черными

¹ А. Н. Layard, ук. соч., 1849, табл. 48. — G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 581, рис. 278; стр. 774, рис. 446. — J. Ménéant. *Recherches sur la glyptique orientale. Cylindres de l'Assyrie*. Paris, 1886, ч. 2, стр. 37, рис. 21.

² E. Pottier, ук. соч., рис. 31. — J. Ménéant, ук. соч., ч. II, рис. 21.

бровями. Всем этим, вместе с закрученными вверх черными усами, мастерски передан какой-то своеобразный „ассиро-арменоидный“ тип. Он, видимо, ведет нас в ту же область, где возник и самый мотив этого изображения.

Подобный же тип и всадника, стоящего перед богиней, изображенного на большом настенном ковре (табл. ХСV). Головы богини и всадника непропорционально велики. У всадника крупный горбатый нос, пышная шевелюра курчавых черных волос; черные усы закручены вверх. Лицо богини иного типа. Оно мужественное, и только по отсутствию усов и бороды можно заключить, что это женщина. Обращает на себя внимание отсутствие волос на голове, головной ее убор надет как бы на бритую голову. В этой связи припоминается обритуя кругом, кроме макушки, голова женщины, погребенной в кургане пятого, — там же, где был найден и данный ковер. На мужской голове ухо дано схематично, на голове же женщины ушная раковина перевернута и обращена не вперед, а назад. Последнее, видимо, сделано не случайно, так как на всех воспроизведениях этой фигуры ухо в таком именно положении.

Одежды богини и всадника, по всей вероятности, не обычные местные. Узкая короткая, сшитая в талию, со стоячим воротником куртка, развевающийся короткий плащ, очень узкие в обтяжку штаны — все это не типично для мужской одежды древних горноалтайцев. Своеобразна и длинная до пят одежда богини и ее короноподобный с зубчатым орнаментом головной убор. Конь, между тем, в этой сцене явно благородных местных кровей, — той легкоаллюрной породы, к которой принадлежат лучшие кони в захоронениях племенных вождей. Грива и хвост коня подстрижены, хвост заплетен в косу, на ухе метка владельца, узда и седло типично пазырыкские, в деталях характерные для кургана пятого. У левого бока всадника, как и полагается конному воину, — горит. Трон, на котором сидит богиня, также местного стиля, на точно таких же резных ножках, какие мы видели у столиков со съемными крышками-блюдами или как колонки в повозке из кургана пятого. Очень оригинальна цветущая ветвь в руке богини с бутонами и цветками, — в местной, повидимому, трактовке.

Таким образом, в этой сцене, как и в изображении сфинкса, мы видим скрещение иноземных и местных мотивов, органически связанных одной идеей, вложенной в данную сцену.

Рассмотренные нами изображения важны в том отношении, что с полной очевидностью свидетельствуют о наличии у интересующих нас племен, помимо уже хорошо известных всевозможных художественно выполненных украшений, также и монументальных, если можно так выразиться, произведений искусства, украшавших их жилища. Кроме того, вместе с подобными же цветными войлочными аппликациями из курганов первого и второго, они

дают представление о живописной стороне их искусства. С нашей, современной точки зрения силуэтные и вырезанные из дерева рельефные и скульптурные изделия стоят много выше достаточно примитивных живописных изображений, например богини или всадника, — последнего на розоватом коне. Если же мы подойдем к оценке многокрасочных войлочных аппликаций с точки зрения их декоративности, то должны будем признать безусловно высокое их качество. Вспомним красочную композицию нападения львиного грифона на горного козла или орлиного грифона на горного барана из кургана первого (табл. CX, 1 и CXI), голову грифа из кургана второго (табл. CVII, 2), сфинкса (CXIV) и даже неполную фигуру птицы из кургана пятого (табл. XC, 1), бордюры войлочных ковров, в частности с лотосным орнаментом (табл. LXXXIX, 2) из кургана второго, с их яркими цветами — и мы должны будем признать достаточно высокий для того времени уровень и в этой области художественного мастерства.

Остается вопрос: кто же создал все эти вещи? Было ли это делом рук специалистов-художников, находящихся при ставках верховных или племенных вождей, как предполагают некоторые из зарубежных археологов,¹ или творчеством общенародным? Что творчество это было общенародным, свидетельствует насыщенность всей бытовой обстановки художественно оформленными вещами; художественно оформлены были едва ли не все утилитарные вещи. Этому благоприятствовала доступность материала, в котором воплощались художественные мотивы. Общепринятость мотивов, приемы их изображения, самый стиль, в котором они выполнялись, — все это свидетельствует, что здесь мы имеем дело с подлинно народным искусством, а не с работой иноземных специалистов-художников, находящихся при ставках племенной знати. С другой стороны, конечно, имелись люди и более искусные в художественных изделиях, хотя, быть может, они и не занимались их изготовлением как особым ремеслом. Если мы взглянем хотя бы на резные из дерева украшения в курганах первом и втором, то не трудно будет заметить, что большинство из них выполнено одними и теми же приемами, в одной и той же манере. То же можно сказать и о всех подобных вещах из курганов третьего, четвертого или пятого. Указанные изделия в каждом из этих курганов имеют свой индивидуальный отпечаток, который, как мне кажется, определяется индивидуальными качествами мастеров, их изготовлявших, хотя мотивы и стиль выполнения одни и те же. Вместе с тем очевидно, что различные мастера специализировались либо в резьбе по дереву и кости, либо в вырезывании силуэтных фигур и сцен и их окраске, либо в узорах, выполняемых войлочными и кожаными аппликациями. Право на такое заклю-

¹ J. G. Andersson. Hunting magic in the animal style. The Museum of Far Eastern antiquities. 1932, Bull. 4, стр. 312.

чение дает нам разнообразие трактовки художественных мотивов, выполненных в различном материале и различными техническими приемами, встречающихся в пределах находок из одного и того же кургана.

О музыке интересующих нас скотоводческих племен до раскопок Пазырыкских курганов ничего не было известно.

Античные авторы ничего не сообщают о музыкальных инструментах, не было найдено их и при раскопках курганов. В 1947 и в 1948 гг. впервые во втором Пазырыкском кургане были найдены

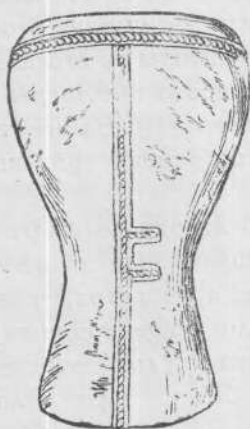

Рис. 187. Односторонний роговой барабан. (Около $\frac{1}{4}$ натур. вел.). Курган второй.

части струнного музыкального инструмента. После реставрации М. П. Грязновым он представлен в следующем виде (табл. LXXXVI, 1). Резонансный корпус, длиной 83 см, выдолблен из куска цельного дерева, с четырьмя деревянными распорками по верхнему краю. Концы корпуса относительно широкие (11—12 см), средняя часть очень сужена (до 3—4 см). При почти горизонтальной нижней поверхности корпуса верхняя поверхность вогнута так, что у концов высота инструмента 8,5—9 см, а посередине всего 5 см. Средняя часть корпуса покрыта приклеенной деревянной деккой, длиной около 26 см, с Х-образным резонансным отверстием посередине. Открытые части корпуса затянуты деками-мембранами из тонкой, хорошо выделанной кожи, покрашенной снаружи в красный цвет. На каждой мембране по три круглых резонансных отверстия, по два ближе к концам инструмента и по одному ближе к его середине. Мембраны укреплены на корпусе тонкими деревянными шпеньками. На выпуклых концах корпуса имеются проушины, возможно для подвешивания на плечо во время игры. К проушине на более расширенной части корпуса одним концом привязан ремнем струнодержатель, высотой 24 см. Другим концом струнодержатель натянут к противоположному концу инструмента, к дужке, прикрепленной ко второй проушине в корпусе. Судя по сохранившимся остаткам, число струн было не менее четырех. Таким образом данный инструмент представляет собою арфу, аналогичную одному из типов арфы ассирийской, как она представлена на барельефах во дворцах Хорсабада и Куюнджика,¹ но в местной, существенно отличающейся от последних, форме.

Второй музыкальный инструмент — односторонний барабан, составленный из двух половинок, выделанных из бычьего рога (рис. 187). Такие,

¹ А. Н. Layard. Nineveh and Babilon. 1867, стр. XXX. — G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 205.

почти целые, барабаны найдены в камерах курганов второго и пятого, отдельные его обломки, кроме того, в кургане третьем. Средняя высота таких барабанов 18 см, диаметр 10 и 8 см в его расширенных, верхней и нижней, частях и 6 см в средней, суженной. Корпус составлен, как сказано, из двух гнутых пластин бычьего рога, края которых заходят один за другой. Скреплялись между собой обе половины с помощью нити, продетой в ряды отверстий (диам. около 1 мм). На верхнем, более широком и загнутом внутрь конце была натянута мембрана, наглухо прикрепленная таким же швом к самому краю. В барабане из кургана второго все швы были замаскированы наклеенными на них узкими золотыми пластинками с веревочным орнаментом. Мембраны не сохранились, но следы от них в виде узкой белой полосы на корпусе остались. Отделка барабанов отличается особой тщательностью и изяществом. Своей бокаловидной формой и отчасти способом крепления мембраны этот инструмент близок к односторонним барабанам, такой же формы и конструкции, как и бытующие и поныне в Тибете, Афганистане, Иране и в Малой Азии.

Находка почти во всех курганах (кроме первого, который был полностью ограблен) однотипных барабанов свидетельствует о широком их распространении, а находка многострунного инструмента типа арфы указывает на относительно развитое по тому времени музыкальное творчество населения Горного Алтая.

Глава X

ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТ

Первое, на чем следует остановиться, рассматривая верования населения Горного Алтая в скифское время, — это погребальный обряд, поскольку основным источником для изучения религиозных представлений этого населения являются курганы.

Пазырыкские курганы дают яркую картину погребального обряда древних горноалтайцев. Умерших они клали головой на восток, лицом на запад. Отсюда можно заключить, что в представлении горноалтайских племен загробный мир находился на западе — там, куда каждый день заходит солнце.

Захоронение умерших совершалось в определенное время года — в начале лета или осенью. Этот обычай хоронить покойников весной или осенью в качестве пережитка сохранился у древних тюрков VI—VIII вв. н. э., несмотря на то, что они покойников вместе с их лошадьми не зарывали в землю, а сжигали. Согласно китайской хроники, тюрки „умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться“.¹

С обычаем погребения только в определенные времена года (обусловленным, вероятно, также и затратой большого количества труда и времени на сооружение больших курганов) был связан вытекающий из культа мертвых и обычай бальзамирования тел умерших с целью предохранения их от разложения до момента захоронения. Бальзамировались трупы, видимо, только знатных лиц. Бальзамирование, за редкими исключениями, сопровождалось трепанацией черепа для извлечения мозга. Ни в одном из рядовых захоронений этого времени трепанированных черепов до сих пор

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., 1950, ч. I, стр. 230.

не находили. Напротив, в больших курганах, даже в тех, где сохранились только скелеты, черепа, как правило, трепанированы.] Нам пока не известно, всех ли хоронили в определенные сезоны года или только знатных.

Все вышесказанное позволяет предполагать, что весна и осень могли быть общепринятым временем захоронения умерших. Последующее изучение коней из рядовых могил (молодые кони и там встречаются нередко), вероятно, даст нам ответ на этот вопрос.

Впервые о бальзамировании тел, погребенных на Алтае в рассматриваемое время, мы узнали после раскопок Шибинского кургана на р. Урсуле.¹ Хотя тела захороненных в этом кургане старика и мальчика сохранились плохо, тем не менее можно было установить, что у них были удалены внутренности и мускулатура, через специально вырезанное в черепе отверстие был удален мозг. Глаза у мальчика оказались зашитыми. Толстыми сухожильными нитками были зашиты и все разрезы на теле. Разрезы эти делались по определенным правилам. По крайней мере разрезы на ноге мужчины из Шибинского кургана были сделаны так же точно, как на ногах мужчины из пятого Пазырыковского кургана.

Череп у захороненных в кургане втором мужчины и женщины трепанированы в области затылочной кости, равно как и череп старика из Шибинского кургана. У женщины из второго кургана, после того как над левой теменной костью кожа была разрезана и раздвинута, грубыми орудиями, долотом и молотком, был выбит кружок кости неправильной формы (40 × 55 мм). После удаления мозга и заполнения черепных коробок (у мужчины землею, хвоею и шишками лиственницы; у женщины черепная коробка нами не вскрыта) выбитая костяная пластинка вставлена на прежнее место, а кожа затянута крученым шнуром из черных конских волос.

Для удаления внутренностей брюшная полость мужчины была вскрыта. Разрез шел от нижнего края грудной клетки справа, проходил в 5—6 см от пупка и заканчивался у передней верхней ости правой подвздошной кости. После извлечения внутренностей разрез этот был зашит кручеными сухожильными нитками. На правой руке, на внутренней ее поверхности, начиная от подмышечной области, вниз к локтевой впадине и далее к мыщелку локтевой кости, не доходя нескольких сантиметров до кисти, был сделан глубокий надрез для введения в мышцы какой-то консервирующей жидкости. Разрез на левой руке был сделан также по внутренней ее поверхности, начиная несколько ниже головки плечевой кости через локтевую впадину, немного не доходя до кисти. Разрезы на ногах также сделаны на внутренних их поверхностях. На правой ноге, начинаясь немного выше внутренней лодыжки, разрез проходил посредине между коленной

¹ М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. Человек, 1928, № 2—4.

чашечкой и подколенной впадиной, направляясь далее через промежность, и переходил на другую ногу, спускаясь к подколенной выемке ноги, затем проходил по внутренней поверхности двуглавой мышцы голени и заканчивался, примерно, в десяти сантиметрах выше внутренней лодыжки. После введения в мышцы консервирующих веществ разрезы на руках и ногах, так же как и на животе, были зашиты редкими стежками сухожильных ниток.

Помимо разрезов на руках и ногах, на ягодицах, на ногах и руках у плеч обнаружены многочисленные глубокие уколы шириною в сантиметр, видимо, острием ножа, также, вероятно, для введения консервирующего вещества внутрь мышц как предохранительной меры от разложения. Что это было за консервирующее вещество, нам пока не известно. Возможно, что это была поваренная соль — универсальное средство, широко применявшееся в Египте. Последнее не трудно будет установить, если бальзамированные подобным образом трупы будут обнаружены в неграбленной и не заполненной водой камере. Здесь же, во втором кургане, тело мужчины, выброшенное грабителями, долго находилось в воде, и потому присутствие солей натрия установить было нельзя.

Тело женщины обработано было иными приемами. Полость живота также была вскрыта справа, начиная от мечевидного отростка грудной кости, мимо пупка до правой подвздошной кости, но по извлечении внутренностей была зашита не сухожильными нитками, а шнуром из черного конского волоса.

При извлечении тела из могильной ямы внутри брюшной полости были заметны какие-то растительные стебли или нарубленные корни (пока не исследованы). Сзади, от поясицы, на обеих ягодицах, бедрах и голених ног кожа разрезана, и часть мышц, видимо, удалена и заменена травой рода осоки, затем так же, как и на животе, разрезы сшиты конским волосом.

Несколько отличный метод был применен при бальзамировании тел погребенных в кургане пятом.

Череп мужчины в кургане пятом был трепанирован в левой теменной кости. Сделан был разрез кожи в 11 см и выдолблен участок кости диаметром около 6 см. Разрез кожи оставили незашитым. На груди с обеих сторон кожа была разрезана от подмышечной области примерно до конца шестого ребра и затем зашита крученым из двух прядей конского волоса шнуром. Таким шнуром были зашиты все разрезы кожи на теле мужчины и женщины (о тех случаях, где для зашивания разрезов был использован другой материал, будет сказано особо). На расстоянии 9 см от нижнего края правого разреза кожи на грудной клетке начинался брюшной разрез, который проходил вправо от пупка, затем направлялся в левый пах. Небольшой разрез был сделан и влево от пупка, в 2—3 см от него.

На руках разрезы шли от подмышечной области по внутренней их стороне с коротким перерывом в локтевой впадине и далее вниз до кисти руки, а по кисти руки, по наружному ее краю, до мизинца. На левой руке кроме того был сделан поперечный разрез кожи снаружи, над запястьем. Короткие разрезы кожи (4—4.5 см) были сделаны и на наружной поверхности предплечья близ кисти. Средний палец правой руки мужчины у ногтя был перевязан шерстяной ниткой, прихваченной к коже лобка.

Сзади разрез кожи был сделан от затылочного бугорка черепа через всю шею и спину по позвоночнику и заканчивался всего в 3 см от верхнего края крестца. Разрез этот сверху пересекался вторым поперечным разрезом, направленным от внешнего верхнего края одной лопатки до другой (рис. 188). Продольный разрез сверху на шее оставлен незашитым на протяжении 5 см, ниже до поперечного разреза и несколько ниже его кожа была сшита узким ремнем. Начиная от верхнего края крестца, на расстоянии 2—3 см от внешних его углов вниз, через ягодицы, бедра и голени до стопы были сделаны сплошные разрезы кожи с перерывами в 3—4 см под коленным суставом. На подошве стопы кожа была разрезана посредине, от пяточной кости до указательного пальца.

Рис. 188. Голова и спина бальзамированного трупа мужчины. Курган пятый.

Препаровка тела женщины из пятого кургана, проделанная в связи с его бальзамированием, несколько отличалась от только что описанной препаровки тела мужчины. Череп женщины был трепанирован также с левой стороны, на границе теменной и височной костей, но разрез кожи в этом месте был зашит (рис. 189). Кроме того, было сделано два разреза кожи затылка в 4 и 10 см длиной. На щеках, справа и слева от виска, перед ухом, сверху вниз, были разрезы кожи длиной 9.5—10 см, тщательно зашитые сухожильной ниткой. На шее, справа у ключицы, был сделан полукруглый разрез кожи. Так же, как и на теле мужчины, у женщины шел

разрез кожи из подмышечной области, справа и слева, над грудной клеткой до соска груди; по извлечении мышц кожа груди была с наружной стороны и за сосок прихвачена сухожильной ниткой к коже тела. Из-под правой груди от нижнего края грудной клетки, справа, минуя пупок, шел разрез через живот, мимо подвздошной кости, заканчиваясь в паху между лобковой костью и головкой бедренной кости. Как и у мужчины, разрез кожи на руках шел от подмышечной области по внутренней их поверхности, прерываясь в локтевой впадине и затем продолжаясь до сустава кисти руки. Здесь шов обрывался и далее шел по наружному краю кисти до мизинца.

Сзади разрез кожи на теле женщины был сделан сверху, от верхнего края одной лопатки до другой — так же, как и на теле мужчины; продольных же разрезов было два: один на шее, другой на спине. Разрез на шее шел кверху от поперечного шва по позвонку на высоту до 10 см. Продольный разрез на спине начинался отступя 6—7 см от плечевого поперечного разреза, шел вправо параллельно позвоночнику почти до самой крестцовой кости. Здесь этот разрез обрывался, но, как и на теле мужчины, ниже, справа и слева от крестца, через ягодицы были сделаны разрезы на обеих ногах до подколенной впадины. Дальше, через 4—5 см, разрезы продолжались снова на голених и доходили до стопы, причем на голени левой ноги был сделан еще дополнительный разрез, параллельный основному. На стопах ног женщины было сделано по два разреза кожи, один с наружной стороны до мизинца (на правой ноге он несколько короче), другой близ внутреннего края до большого пальца.

Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что в локтевых и коленных суставах кожа не разрезалась. Кожа промежностей ни мужского, ни женского тела не сшивалась. Для придания естественной формы в области шеи и под кожу груди женщины был подложен конский волос.

Обычай бальзамирования в эпоху сооружения Пазырыкских курганов имел, как известно, широкое распространение. Помимо Египта, где различные приемы бальзамирования тел умерших подробно описаны Геродотом,¹ в середине первого тысячелетия до н. э. бальзамирование практиковалось в Ассирии, Персии и Мидии. О причерноморских скифах Геродот писал: „После смерти царя (базилевса) там тотчас выкапывается большая четырехугольная яма; по изготовлении ее принимаются за покойника и воском покрывают его тело, но предварительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым купером, ладаном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивают и везут в повозке“.² Теперь мы знаем, что и далеко на северо-востоке, в горах Алтая, имелся такой же

¹ Геродот, ук. соч., II, 86—88, 90.

² Геродот, ук. соч., IV, 71.

обычай. Однако здесь нам пока не все детали бальзамирования известны. К тому же, повидимому, в различных местах Алтая в отношении различных лиц применялись не одни и те же приемы бальзамирования, хотя трепанация черепа с удалением мозга и вскрытие брюшной полости для извлечения внутренностей практиковались, вероятно, повсюду. Даже в одном и том же втором Пазырыкском кургане над трупом мужчины были проделаны одни операции, над трупом женщины — другие, несколько отличные.

Особого внимания заслуживает обычай снятия всех мышц с тела покойника. Не является ли он пережитком ритуального поедания тела умерших?

„Рассказывают, — повествует Геродот, — что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, все родственники пригоняют к нему скот, затем убивают животных, разрезают мясо покойника на куски, перемешивают все мясо и устраивают пиршество“.¹ То же делают и массагеты: „Кто очень состарится... убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят его вместе и поедают“.² Обычай этот, несомненно, был связан с представлением о возможности таким путем овладеть той сверхъестественной силой, которой обладал умерший.

Этим, возможно, объясняется извлечение при бальзамировании всех мышц из тела погребенных в пятом Пазырыкском и, возможно, в Шибинском кургане. Возникает, однако, второй вопрос: почему у погребенных в кургане втором мышцы при бальзамировании оставлены нетронутыми, а у погребенных в кургане пятом удалены? Ответить на этот вопрос мы пока не можем. Можно выдвинуть ряд предположений. Во-первых, у горноалтайцев, подобно египтянам, одновременно могли практиковаться различные приемы бальзамирования, в зависимости от общественного положения покойного; во-вторых, у различных племен могли быть различные приемы бальзамирования и различное отношение к умершим. У массагетов, например,

Рис. 189. Голова и спина бальзамированного трупа женщины. Курган пятый.

¹ Геродот, ук. соч., IV, 26.

² Геродот, ук. соч., I, 216.

по сообщению Геродота, тела одних покойников поедали, других — нет: „Умершего от болезни они не съедают, но хоронят, жалея, что ему не пришлось быть убитым“.¹

Возможно также, что приемы бальзамирования изменялись со временем, но данных, чтобы проследить эти изменения, у нас пока недостаточно.

Представлениями о продолжении жизни в потустороннем мире объясняется и добровольный иногда переход из этого мира в другой, загробный. „Предела жизни у них, — писал о массагетах Геродот, — не полагается вовсе, но кто очень состарится, к тому сходятся все родственники, убивают его... Такой конец жизни считается у них счастливейшим“.²

В соответствии с таким представлением о продолжении жизни после видимой кончины умершего продолжали „кормить“ до похорон. Геродот пишет: „Что касается прочих скифов [не царей], то в случае смерти кого-нибудь из них ближайшие родственники кладут покойника на повозку и везут его к друзьям. Каждый из них устраивает для спутников покойника обильный пир, причем от всех угощений уделяется часть и покойнику“.³ В могилу клали необходимые покойнику одежду, предметы домашнего обихода, оружие, наложницу и лошадей с упряжью.

Обычай захоронения верхового коня вместе с его умершим хозяином удерживался на Алтае очень долго. С ним мы встречаемся у тюрков первого тысячелетия н. э., а в восточном Алтае у телесов — до конца XIX в. У казахов и киргизов обряд захоронения, несомненно под влиянием ислама, существенно изменился, и захоронений с конем мы у них не знаем. Тем не менее еще в середине прошлого века у восточных казахов в качестве пережитка наблюдался следующий обычай: когда умирал богатый казах, то на седьмой день собирался народ и устраивалось торжественное угощение. Затем клали перевернутое седло на лошадь умершего, раскладывая на нем одежду умершего с шапкой наверху. В таком виде лошадь за чумбур привязывалась к кибитке умершего. Под звуки печальных песен остригали лошади хвост. На такой лошади никогда больше не ездили, она называлась овдовевшей. Если казах умирал в дороге, то его лошадь с перевернутым седлом приводилась домой и тогда лишь около дома у нее остригали хвост и гриву.⁴

Были ли у исследуемых нами племен очистительные обряды и какие именно?

Что касается скотоводческих племен того времени, то известно из письменных источников, что после похорон скифы выполняли особый обряд

¹ Геродот, ук. соч., I, 216.

² Геродот, ук. соч., I, 216.

³ Геродот, ук. соч., IV, 73.

⁴ W. Radloff, ук. соч., стр. 449.

очищения. Об этом обряде скифов Геродот пишет: „Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы, с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненные один к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится, и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого. Скифы, восхищенные подобной парильней, громко ликуют. Это служит им вместо омовения, ибо они вовсе не моют тело водою“.¹

В юго-западном углу погребальной камеры второго Пазырыкского кургана найдена связка из шести древков, под которой стоял прямоугольный бронзовый сосуд на четырех ножках, наполненный битыми камнями (рис. 52, а). Длина этих древков 122,5 см, диаметр около 2 см, диаметр нижних утолщенных концов около 3 см. В сквозное отверстие, проделанное в каждом древке, на расстоянии 2 см от верхнего конца, продернут ремешок, связывающий их вместе. Все древки спирально оклеены узкой полоской бересты.

Севернее, в западной половине камеры, обнаружен второй бронзовый сосуд типа „скифского котла“, также наполненный камнями, а над ним расставленные, при посещении грабителей частью поломанные и свалившиеся, шесть подобных же древков, прикрытых вместе с курильницей большим кожаным покрывалом.

В обоих сосудах, помимо камней, как уже говорилось выше, оказалось небольшое количество семян конопли (*Cannabis sativa* L., форма *C. ruderalis* Janisch.). Семена конопли были и в описанной ранее кожаной фляге, привязанной к одному из древков шестиноги над сосудом формы „скифского котла“. В курильницы клались раскаленные камни. Часть семян конопли обгорела. Кроме того, ручки курильницы-котла были обернуты берестой, так как от раскаленных камней курильница, видимо, нагревалась до такой степени, что ее нельзя было взять за ручки голыми руками (табл. XXIV, 2).

Таким образом, в кургане втором найдены два комплекта для курения: сосуды, наполненные камнями, побывавшими в огне, с семенами конопли; над ними были шатры с остовом из шести древков, в одном случае покрытым

¹ Геродот, ук. соч., IV, 73—75. Цитату эту я даю в чтении, несколько отличном от того, какое дают, например, Мищенко или Латышев. Там скифское окуривание сопоставляется с греческой баней, а посуда, в которую кладутся раскаленные камни, именуется сосудом или даже ванной. Между тем Геродот писал не о бане или ванной комнате (*ἀσάμινδος*), а о парильне (*ἡ πύρρα*) или сухих, обычно круглых, обогреваемых жаровнями помещений (*πυρρίτριά*) для сухого потения.

большим кожаным покрывалом, в другом, вероятно, войлочным, большие куски которого были найдены в юго-западном углу камеры; наконец, кожаная фляга с семенами конопли, привязанная к одному из древков шестинogi. Следовательно мы имеем полные комплекты предметов для совершения очистительного обряда, о котором так подробно писал Геродот относительно скифов Причерноморья. Комплекты для курения конопли имелись во всех без исключения Пазырыкских курганах. Если сосуды и покрывала, за исключением кургана второго, были похищены грабителями, то древки сохранились во всех курганах. Курение конопли практиковалось, следовательно, не только при очистительных обрядах, но и в быту, как это уже было отмечено в IV главе, причем курили и мужчины и женщины.

Обычай очищения после похорон огнем (окуривание), описанный Геродотом у скифов, был, следовательно, широко распространен и среди других племен, включая племена Горного Алтая. Были, очевидно, у древних горноалтайцев и обряды поминания умерших. Во всяком случае у их соседей исседонов такие обряды были.

„Поминование умерших исседонов совершали раз в год, причем это празднование, как и у эллинов, — прибавляет Геродот, — сын устраивал в честь отца“.¹

Все описанные выше погребальные обряды были связаны с культом умерших, с культом предков. Культ этот был уже отмечен выше, согласно китайских хроник, у хуннов, ухуаньцев и других племен, обитавших к востоку от Горного Алтая. В этой связи весьма интересно следующее сообщение китайской хроники. В плену у хуннов находился китайский полководец Эршыский. „Случилось, что занемогла мать шаньюя. Вэй Люй (один из военачальников хуннов) приказал волхву по вдохновению покойных шаньюев сказать, что хунны прежде, принося жертвы воинам, всегда говорили, что получив Эршыского, должно принести ему жертву... После этого закололи Эршыского, чтоб принести ему жертву“.²

Несомненно, что могилы чтились скотоводческими племенами и охранялись от посягательства врагов. Это мы доподлинно знаем как о скифах, так и о хуннах.

В ответе царя скифов Иданфирса послу Дария Гистаспа на вопрос последнего, почему он уклоняется от сражения, последовал ответ: „Почему я не тороплюсь сразиться с тобою, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас

¹ Геродот, ук. соч., IV, 26.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 76.

гробницы предков; разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет".¹

Из китайских источников известно, что в качестве мести хуннам ухуаньцы раскопали их могилы.²

Большой интерес для понимания верований древних горноалтайцев представляет также ряд находок в Пазырыкских курганах. Несмотря, как увидим ниже, на сравнительно высокую ступень развития религиозных представлений интересующих нас племен Горного Алтая, должны были сохраниться как пережитки элементы, характерные для предшествующих этапов религиозных представлений, и, в связи с ними, колдовство.

Как амулеты, охраняющие от злых духов, от сглаза, раковины моллюска *Сургеае moneta*, напоминающие женский половой орган, имели широкое распространение в предшествующую и последующие эпохи не только в Горном Алтае, но и далеко за его пределами. Находимые в единичных экземплярах, в частности в шестом Пазырыкском кургане и в первом из рядовых Котандинских курганов, они, надо думать, и в данном обществе ценились как амулеты.

В первом и во втором Пазырыкских курганах найдены пучки волос, зашитые в кожаные и войлочный лоскуты, а во втором кургане найдены, кроме того, и ногти, хранившиеся в специальном кожаном мешочке.

В кожаной суме, которая была найдена в головной части саркофага-колоды второго кургана, вместе с другими предметами найден прямоугольный кожаный мешочек (табл. LXXXVI, 2). Сшит он из цельного лоскута тонкой кожи, сложенного вдвое. Нижний край без шва, боковые сшиты мелкими стежками крученой сухожильной ниткой, а верхний редким стежком. У верхних углов в специально проколотые отверстия продеты завязанные узлом тонкие, но длинные ремешки. В нем оказался зашитым пучок черных волос. Другой пучок волос (LXXXVI, 3), хранившийся в треугольном лоскуте темнокоричневого, почти черного войлока, был найден в камере вместе с другими предметами, выброшенными грабителями из колоды. В войлочном лоскуте по длинному его краю, близ тупого угла, был сделан прорез так, что внутри войлока получилась небольшая полость. В нее и был положен пучок волос, после чего взрезанный край был зашит крученой шерстяной ниткой. Такой же ниткой прихвачен и один из углов войлока, который, вероятно, был к чему-то пришит.

В камере того же второго кургана найдены и человеческие ногти. В угол лоскута тонкой, но плотной кожи (табл. LXXXVI, 4) был зашит маленький кожаный кошелек (табл. LXXXVI, 5 и 6), содержащий в себе обрезки ногтей; он был завязан узким ремешком, свернут, вложен в лоскут кожи, после

¹ Геродот, ук. соч., IV, 127.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 144.

чего последний прошит толстой крученой шерстяной ниткой. Этот миниатюрный кошелёк овальной формы скроен из одного лоскута тщательно выделанной тонкой кожи желтого цвета, причем один из его продольных краев цельный, низ и другой продольный край тщательно сшиты тонкой сухожильной ниткой. Узкий и тонкий ремешок-завязка пришит у верхнего края.

Наличие волос и ногтей в могиле вскрывает вполне определенные анимистические представления. С ранних стадий культурного развития известно повсеместное представление не только о теле, заключающем в себе жизненный элемент (душу), но и об отдельных его частях, в том числе о волосах и ногтях, как имеющих свою частную, парциальную душу. Волосы и ногти непрерывно растут и не умирают, не гниют, не разрушаются после смерти. Достаточно овладеть волосами или ногтями данного человека, чтобы получить власть над его душой, чтобы влиять на жизнь этого человека. Отсюда чрезвычайно широко распространенный древний обычай охранять вычесанные или остриженные волосы и остриженные ногти, чтобы избежать опасности через их посредство быть околдованным или подвергнутым воздействию злых духов.

С другой стороны, и из веры в бессмертие, в продолжение жизни в загробном мире вытекает необходимость сохранить не только тело, но и части его, волосы и ногти. В Средней Азии и Персии обычай класть под саван покойнику ногти сохранился и до наших дней.¹

Очень сложен вопрос о культе животных, вдобавок запутанный различными искусственными теориями, пытавшимися истолковать происхождение так называемого „скифского звериного стиля“.

В литературе широко распространена тотемная трактовка изображений животных в искусстве скотоводческих племен, которой придерживаются некоторые зарубежные археологи, в частности Андерссон.² Трактовка эта принималась некоторыми исследователями и у нас под влиянием псевдомарксистских, идеалистических концепций Н. Я. Марра; фигурировавший в этих концепциях „тотем“ в действительности ничего общего с реальными этнографическими фактами не имел.

Ни греческие историки, ни китайские хроники никаких указаний на культ животных у скифов и других скотоводческих племен не дают. Относительно льва и грифона Лаппо-Данилевский высказал предположение, что лев был атрибутом скифской богини Аргимпасы, а грифон — атрибутом бога солнца Гойтосира.³ Возможно, что священным был и петух, возвещающий своим

¹ М. С. Андреев. Вещные сны, несколько примет и детская игра „Сорока-ворона“ среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Известия Главного Среднеазиатского музея, 1923, вып. 2, стр. 27, примечание.

² J. G. Andersson, ук. соч., стр. 315.

³ А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общ., т. 4, 1887, стр. 532.

криком рассвет, восход солнца — „отгоняющий“ темных духов ночи. Напомним ту роль, какую он играл в культе народов Передней Азии, начиная по крайней мере с VII—VI вв. до н. э.

Если тотемные животные и изображались на предметах вооружения и других утилитарных вещах, то это могло иметь место лишь на более ранних ступенях хозяйственного и общественного развития, у охотничьих племен, а не на той ступени, которую мы наблюдаем у древних горноалтайцев. Поэтому если те или иные изображения животных в конском убранстве или на других изделиях и встречаются у горноалтайских племен, то их можно рассматривать только как пережитки уже давно пройденного этапа, не отражающие их идеологию в рассматриваемое нами время. Здесь мы встречаем почти всех наиболее видных представителей местной фауны. Поэтому нет никаких оснований отнести одних к тотемным, а других к не тотемным животным. Кроме того, в наборах украшений конской упряжи в одном и том же комплекте (т. е. с одного и того же коня) имеются изображения нескольких различных животных. Этот факт также подтверждает наш вывод о невозможности тотемной трактовки изображений животных. Наконец, Пазырыкские курганы дали нам достаточное количество изображений домашних животных, в частности коня, и вряд ли возможно допустить, чтобы хозяйственное животное было вместе с тем тотемным.

К числу предположений, не обоснованных конкретными данными или сопоставлениями, взятыми из этнографической литературы, относятся приписываемые рассматриваемому нами обществу мифологические представления о различных животных как о носителях определенных качеств: кровожадности, недоступности, свирепости или чуткости и т. п.¹

Неоднократно в археологической литературе рассматривался вопрос о смысловом значении сцен борьбы зверей или нападения хищников на травоядных.

В этих сценах видели образное представление о происходивших когда-то столкновениях между различными племенами и родовыми группами, составляющими пазырыкское общество.² Такое толкование, не подкрепленное конкретными данными, никак не обоснованное, разумеется, не выдерживает никакой критики.

В сценах борьбы или поражения одним животным другого следует различать, как это делает М. И. Артамонов, две различные категории. Одни из них — реалистические сцены нападения хищников на травоядных, другие — нападения фантастических животных на тех же травоядных.³ Первоначальный

¹ М. П. Грязнов, ук. соч., 1950, стр. 80—82.

² В. В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири. 1933.

³ М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. Советская археология, X, 1948, стр. 470.

мифологический смысл последней категории изображений, нападения фантастических животных на травоядных, вероятно, если учесть древнюю переднеазиатскую космогонию.

Выше уже было отмечено ранее, задолго до рассматриваемого нами времени, появление в искусстве Горного Алтая мотивов переднеазиатских. Древним религиям Переднего Востока был свойствен дуализм, нашедший свое отражение в сценах борьбы животных. Возможно, что в Горном Алтае вместе с подобными сценами, проникшими из Передней Азии, было воспринято и некоторое их дуалистическое смысловое значение, но в рассматриваемое время они в значительной степени были уже переосмыслены. Помимо нападения грифов, орлиных и львиных грифонов на оленей, лосей, горных баранов и козлов, а также нападения рыбы на горных баранов, мы видим сцены борьбы орлиного грифона с львиным, двух орлиных между собой, львиного грифона с тигром. Мотивы эти используются не как символы, а как украшения, в частности, конской упряжи.

Особое положение занимают местные, известные только в скифской среде Причерноморья и в Горном Алтае формы, сочетающие в себе одновременно элементы нескольких разнородных видов животных: тело хищника кошачьей породы с оленьими или лосиными рогами с головками грифов на концах их ветвей, оленей с орлиным клювом, кошачьим хвостом и головками грифов на конце хвоста, на рогах, иногда на загривке, и т. п. Появляется свой алтайский крылатый тигр, или барс, опять же с клювом грифа. Они рассматривались, вероятно, как обереги. Таких изображений нет в предметах конского убранства. Они являются основным мотивом татуировки на теле вождя из второго кургана, их же мы видим на бляхах из Котандинского кургана и на некоторых из блях сибирской коллекции Петра I.¹

Подобные фантастические (комплексные, с нашей точки зрения) формы встречаются, впрочем, и в конской упряжи, но это головные конские накладки, которым, в отличие от остальных украшений вместе с налобными бляхами, могло придаваться особое значение.

Последнее, на чем следует остановиться, это изображение на большом войлочном ковре из кургана пятого. Это тот ковер, где всадник стоит перед восседающей на троне богиней со священным деревом или цветущей ветвью в руке (табл. XCV).

Для того чтобы решить вопрос, какая богиня изображена на этом ковре, обратимся к рассмотрению религиозных представлений скотоводческих народов в данную эпоху.

По сведениям, которые можно почерпнуть в китайских хрониках, племена, обитавшие к востоку от Горного Алтая, хунну и ухуань, почитали духов и приносили жертвы Небу, Земле, Солнцу, Луне, звездам и своим

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., 1900, вып. 3, рис. 60—62, 64

предкам.¹ Вместе с тем ясно, что вся сцена, изображенная на ковре, повторяет хорошо известное изображение на ритоне из Мерджаны, где конный скиф-воин стоит перед богиней.

Обратимся поэтому к греческим сведениям о богах скифов.

Божества, которых почитали скифы, перечислены Геродотом. Имена скифских богов Геродот сопровождает именами греческих богов. Божества эти были следующие: Табити (Гистия), которую чтили выше всех божеств, Папай (Зевс), Апи (Земля, супруга Папая), Гойтосир (Апполон), Аргимпаса (Афродита Урания), Фогимасад (Посейдон) (последнего, как сообщает Геродот, чтили только царские скифы) и, наконец, Арей.²

Табити была богиней очага, семейного благополучия, и ее культ был связан с почитанием огня. Клятва божествами царского очага, как и царскими богами у персов, у скифов считалась священной. Последнее, как предполагал А. Лаппо-Данилевский, объясняется связью домашнего очага с поклонением предкам. Такое же первенствующее положение среди божеств эта богиня занимала и у персов.³

Папай был божеством неба; равным ему по значению было женское божество Апи, богиня земли, как-то связанная с подземным миром; это была богиня плодородия, подобно мидо-персидской Анаит (Анахита).

Гойтосир был богом солнца, он пользовался особым почитанием у массагетов. Наряду с Гойтосиром упоминается богиня Аргимпаса, почитавшаяся и древними иранцами. Самое греческое название, которое для нее приводит Геродот (Афродита Урания), показывает, что она была второстепенным женским божеством Луны.

Таким образом, на ковре из кургана пятого мы видим изображение мужественного лица богини, если исходить из скифских аналогий, либо Табити, либо Апи.

Отсюда можно заключить, что те религиозные представления, которые были в данную эпоху широко распространены как среди скотоводческих племен Восточной Европы и Азии, так и среди народностей Передней Азии, разделялись и древними горноалтайцами. Особенно важно отметить, что ковер этот местной работы.

Во всяком случае уже из перечисления скифских божеств ясно, что скифы поклонялись животворящим силам природы, ими одухотворяемым, и олицетворение этих сил сходно с олицетворением тех же сил природы в религиях Передней Азии, в частности Ирана.

Относительно культа богов у горноалтайцев нам ничего не известно. Мы знаем, однако, что древние пастушеские племена Средней Азии, подобно

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 49, 65, 76, 144.

² Геродот, ук. соч., IV, 59.

³ А. Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 525.

скифам, не имели „обыкновения ставить божествам кумиры“.¹ Одной из главных форм культа были жертвоприношения, хотя жрецов, жреческого сословия, ни у среднеазиатских скотоводов, ни у скифов еще не было.

Китайская хроника упоминает о том, как хуннский „шаньюй и его старейшины взойшли на Хуннскую гору по восточную сторону реки Но-Шуй и закололи белую лошадь“.² „Шаньюй утром выходит из лагеря, поклоняется восходящему солнцу, в вечеру поклоняется луне“.³ В другом месте сообщается: „У хуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лун-цы, где в первой, пятой и девятой луне в день, под названием суй, приносили жертву духу неба... На сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конскою скачкою и бегом верблюдов“.⁴

Интересно, в связи с этим, сообщение Геродота о культе богов у скифов. По Геродоту, способ жертвоприношения у всех скифов для всех божеств был один и тот же. Жертвенному животному связывали передние ноги, жертвователь тянул к себе конец веревки и опрокидывал животное на землю. Пока животное падало, жертвователь взывал к тому божеству, в честь которого совершалась жертва, затем он быстро накидывал петлю на шею животного, поворачивал кругом вложенную в петлю палку и душил жертву. Огонь при этом не возжигался; не было ни предварительных действий, ни возлияний. Удавив жертву и сняв с нее кожу, жертвователь бросал перед собой посвященные божеству куски мяса и внутренности. В жертву приносили всяких домашних животных, преимущественно лошадей.⁵ „Массагеты богу-солнцу приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное“.⁶

Только жертвоприношения скифов Арею отличались от жертвоприношений остальным богам. На святилище, ему посвященном, „водружается железный старинный меч, который и составляет кумир Арея“. Ему, кроме рогатого скота и лошадей, в жертву приносился каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов, который умерщвлялся не так, как скот, но иным способом: „сделавши предварительно возлияние на головы людей, их режут над сосудом, потом кровь убитых... льют на меч“.⁷

Анализируя этот обычай, Лаппо-Данилевский⁸ отметил наличие культа топора у древних ассирийцев, аналогичного культу меча у скифов и хуннов.

Наличие культа меча у восточных соседей древних горноалтайцев, у хуннов, в яркой форме отмечено в китайской хронике. Она сообщает, что при

¹ Геродот, ук. соч., IV, 59.

² Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 92.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 50.

⁴ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 119.

⁵ Геродот, ук. соч., IV, 60, 61.

⁶ Геродот, ук. соч., I, 216.

⁷ Геродот, ук. соч., IV, 62.

⁸ А. Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 537.

заключении союзного договора между домами Хань и Хунну „Чан, Мын, шаньюй и его старейшины взошли на Хуннскую гору по восточную сторону реки Но-Шуй и закололи белую лошадь. Шаньюй взял дорожный меч и конец его омочил в вино; это клятвенное вино пили из головного черепа юечжыского государя, убитого Лаошан шаньюем“.¹

Особый интерес представляет сообщение Геродота о сжигании костей жертвенных животных, о чем мы уже говорили выше. Бережное отношение к костям жертвенных животных, которые нельзя бросать, подобно прочим костям, и сожжение их имеет чрезвычайно широкое распространение. Обычай сжигать кости жертвенных животных существовал у усуней, у калмыков и других пастушеских степных народов, а племена Горного Алтая еще в начале XX в. укладывали кости жертвенных животных на особых помостах на деревьях. Так же, несомненно, поступали и древние горноалтайцы.

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 92.

Глава XI

ДАТИРОВКА И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ГОРНОАЛТАЙСКИХ НАХОДОК

Пазырыкские курганы не одновременны. Установить относительную их хронологию в настоящее время трудно, так как погребальные камеры всех курганов сильно пострадали от грабителей. Больше всего вещей сохранилось в камере кургана второго. Камеры курганов первого и пятого почти полностью опустошены грабителями, в курганах третьем и четвертом, кроме того, вещи вообще плохой сохранности. Тем не менее отличия в погребальном инвентаре между курганами несомненны. Они имеются даже в их внешнем виде и устройстве.

Курган пятый, как мы видели (рис. 3), отличается от остальных больших курганов своим внешним оформлением. В то время как у первых четырех курганов в восточном от них направлении поставлен ряд вертикально вкопанных в землю камней, у кургана пятого такого ряда нет. С другой стороны, вокруг кургана пятого мы видим кольцо из вертикально вкопанных каменных плит. По его окружности выложены радиально расходящиеся специальные каменные кладки.

Конструкция курганный насыпи, форма и ориентировка могильных ям во всех курганах одинакова. Конструкция погребальных камер принципиально одна и та же, но варьирует в деталях, которые не могут служить критерием для хронологического их разграничения. Погребальные камеры всех курганов были покрыты слоями бересты или берестяными полотнищами, поверх которых был положен слой кустарника — курильского чая. В этом отношении курган пятый отличается от всех остальных, — слой курильского чая здесь отсутствует.

Могильные ямы поверх погребальных камер в курганах первом и втором были заполнены навалом из бревен, в курганах же третьем, четвертом и пятом — из бревен и валунов.

Саркофаги-колоды по своему устройству однотипны, только двускатная крышка колоды из кургана пятого несколько отличается своей формой. В курганах первом и втором по борту саркофагов-колод были прикреплены изображения петухов и оленей, в остальных трех курганах таких украшений не было.

Бальзамированные тела погребенных сохранились только во втором и пятом курганах. В курганах третьем и четвертом, поскольку черепа оказались трепанированными, также должно было иметь место бальзамирование трупов, но так как мягкие части разложились, то способ бальзамирования нам не известен. Приемы бальзамирования трупов в кургане втором, как мы знаем, существенно отличались от примененных в кургане пятом, где с тел умерших сняты все мышцы.

Кто был захоронен в кургане первом, — нам не известно. В остальных курганах, за исключением кургана третьего, были захоронены мужчины с сопровождающими их женщинами. Следовательно, обычай хоронить вместе с вождем его наложницу был устойчив. В курганах втором и пятом мужчина и женщина были захоронены в одном саркофаге-колоде, а в четвертом — в двух. Чем объяснить это явление, мы не знаем.

Поскольку погребальные камеры ограблены, трудно судить о составе и характере инвентаря и с этой точки зрения о различиях между отдельными курганами. Можно только отметить, что во всех курганах были однотипные столики со съёмными крышками, однотипные глиняные кувшины с узким горлышком, одни и те же приспособления для курения конопли, однотипные роговые односторонние барабаны, красные шерстяные ткани типа саржи. Ввозные шерстяные ткани гобеленной техники и семена посеянного кориандра найдены и во втором, и в пятом курганах. Вместе с тем необходимо отметить, что в кургане втором шелковых тканей не обнаружено, но они имеются в курганах третьем и пятом. С другой стороны, изделия из меха леопарда встречаются только в первых двух курганах.

Конские захоронения во всех курганах помещаются в северной его части либо на дне могильной ямы, либо на уровне потолка погребальной камеры или, как в кургане втором, у верхнего края ямы. Все захороненные кони — меринки. Положение коней в могиле разнообразное, в зависимости от количества их и величины отведенной им площади. Преимущественное их направление — головою на восток, у восточного края могильной ямы захоронены лучшие кони с головными навершиями и нагрявниками.

Предметы, найденные в конских захоронениях, особенно конская упряжь, скорее, чем вещи из погребальных камер, могут служить критерием для установления относительной хронологии раскрытых курганов. Прежде всего следует отметить, что в кургане первом и, повидимому, во втором узды сделаны из простых ремней, частично обшитых тонкой кожей. В курганах

третьем и пятом уздечные ремни, как правило, сложены вдвое и прошиты. Кроме того, в большинстве узд из курганов третьего и пятого ремень переносся, после его переплетения с суголовными ремнями, входит в нащечные ремни, чего в кургане первом не наблюдается. Далее, в кургане первом при уздах имеются ременные чумбуры с петлей, а в курганах третьем и четвертом они были со специальными роговыми или деревянными блоками. В кургане пятом чумбуров не обнаружено.

Форма седел кургана первого и второго существенно отличается от таковой остальных трех курганов. При одной и той же конструкции седел передние и задние луки в первых двух курганах низенькие, с узким, вырезанным из кожи ажурным украшением и узенькими дужками-лучинками поверх луков. В остальных трех курганах луки, напротив, высокие, с массивными роговыми, деревянными или кожаными украшениями. Кроме того, седла последних трех курганов имеют спереди и сзади деревянные распорки между подушек, каких в седлах первых двух курганов нет. Разнообразные седельные подвески, прикрепленные к седлу в курганах первом и втором во всевозможных комбинациях, в остальных курганах занимают вполне определенное место. Если в первых двух курганах большинство деревянных подвесок, украшающих узду и нагрудный ремень, имеют по верхнему своему краю реечку, при помощи которой они прикрепляются к ремню, то деревянные украшения в остальных курганах закрепляются на ремне при помощи проушин или специальных отверстий на обратной их стороне. В последних курганах появляются шлёвки при седельных ремнях, в частности у потфеи, причем она может удлиняться или укорачиваться в зависимости от роста коня.

Таким образом упряжь первых двух курганов по устройству узды и по форме седла, по некоторым деталям их оснащения, существенно отличается от конской упряжи последних трех курганов, и типологически их можно рассматривать как более ранние.

Судя по роговым нашивным пластинам и подвесным бляхам, точно такие же, как в четырех последних Пазырыкских курганах, включая и шестой курган, были седла и в кургане у с. Каракол, раскопанном С. В. Киселевым,¹ и в Шибинском.² О седлах из большого Котандинского кургана мы ничего не знаем, так как конское захоронение в нем не было вскрыто.

Курган пятый отличается от всех прочих курганов также наличием седельных чепраков при седлах; в остальных курганах таких чепраков не найдено.

¹ С. В. Киселев, ук. соч., 1935, стр. 101, рис. 1—7.

² В Шибинском кургане найдены роговые накладки на луки седел и подвески точно такие же, как в Пазырыкских курганах третьем и четвертом, а деревянные седельные распорки такие же, как в курганах третьем и пятом. Этнографический музей в Ленинграде, коллекция № 4888.

По своим украшениям выделяются седла из первых двух курганов; на покрышках этих седел имеются изображения животных или сцены борьбы зверей. В трех последних курганах, за исключением кургана пятого, таких изображений на покрышках седел не обнаружено; в пятом кургане найдено только одно седло с изображением животного на его крышке.

Материал, из которого сделаны удила, не может служить надежным хронологическим критерием, хотя и не противоречит намеченной выше последовательности в сооружении курганов. Напомним, что в первом кургане из десяти удили были бронзовые (точнее медные), остальные железные; во втором — из семи двое удили бронзовые; в третьем — из четырнадцати пять бронзовых; в четвертом и пятом — все железные.

В отличие от прочих, в конском захоронении кургана пятого не оказалось и щитов из палочек, переплетенных лоскутом кожи. В кургане пятом найдена повозка.

Резные из дерева и другие украшения, которых особенно много в конских захоронениях всех курганов, ни по мотивам, ни по технике их выполнения не могут служить надежным критерием для хронологического подразделения курганов. Мотивы рисунка, конечно, сильно варьируют, но у псалий из курганов первого, второго, третьего и пятого совершенно одинаковые деревянные развилки. В курганах третьем и пятом одни и те же изображения головки сайги. Аналогичны изображения оленей с приставными головками в курганах первом и пятом. Во всех курганах встречаются круглые налобные бляхи. В отличие от первых двух, в последних трех курганах чаще встречаются лобные подвески полулунной формы и кожаные гармоника на разветвлениях нащечных ремней у псалий.

Исходя из перечисленных выше данных, намечается следующая хронологическая последовательность курганов Пазырыкской группы: первый и второй, третий, четвертый и шестой, наконец пятый. Возможно, впрочем, что при дальнейшем изучении пятый курган по времени окажется старше третьего и четвертого. Каков же абсолютный возраст Пазырыкских курганов?

Первый Пазырыкский курган М. П. Грязнов относит к IV в. до н. э., Котандинский и Шибинский — к II в. до н. э. — I в. н. э.; причем последний — по датировке Умехары.¹ В согласии с М. П. Грязновым, С. В. Киселев относит курганы Котандинский, Шибинский и Берельский к одной группе, датируя их тем же временем, что и М. П. Грязнов, Пазырыкскую же группу курганов датирует последними веками до н. э. Все вышеупомянутые последние курганы Горного Алтая с каменной наброской С. В. Киселев относит

¹ М. Р. Gрязнов and E. A. Golomshtok. The Pazirik burial of Altai. American Journal of Archaeology, 1933, кн. 37, № 1, стр. 32, примечание второе.

ко времени, названному им гунно-сарматским. Рассмотрим основания для данной датировки.

Курганы Шибинский и те, что одной с ним группы, датируются I в. до н. э. на основании найденного в Шибинском кургане обломка лаковой чашечки, которую японский археолог Умехара датировал временем между 86 и 48 гг. до н. э. Обломка этого в коллекции из Шибинского кургана я не обнаружил, и проверить датировку, данную ему Умехарой, не представляется возможным. К тому же древние китайские лаки не в такой уж степени изучены, чтобы по орнаменту на обломке чашечки можно было датировать не только этап в развитии какой бы то ни было культуры, но и отдельный курган. Что касается комплекса вещей из Шибинского кургана, в частности его седел с высокими луками, деревянными распорками и набором типичных роговых украшений, то они совершенно идентичны тем, которые мы имеем в третьем и четвертом Пазырыкских курганах.

Относя Пазырыкскую группу курганов к восточному „монгольско-алтайскому“ типу памятников, С. В. Киселев отмечает в них ряд черт, *воспринятых* через родственную среду из Скифии. Усматривая много общего в инвентаре этих курганов со скифскими памятниками конца VI и особенно V в. (Феттерсфельд, Волковцы, старшие из Семибратних курганов), С. В. Киселев объясняет это общее некоторой архаизацией, свойственной Алтаю, особенно ярко выраженной в длительном сохранении скифских черт звериного стиля в деревянной резьбе. „Однако не эта чисто стилистическая архаизирующая особенность в искусстве Пазырыка, — пишет он, — может влиять на определение его даты. Для этого более важны черты сходства с теми из скифских памятников, своеобразие которых принадлежит уже позднему времени IV—III вв. до н. э.“¹ Среди них особое внимание С. В. Киселев уделяет изображениям грифона с характерным гребнем, которые были широко распространены в Скифии лишь со второй половины IV в. до н. э. Наличие хохолка и гребня, идущего от затылка назад, — столь характерная черта в изображениях грифов и грифонов на Алтае, — по С. В. Киселеву, „не были свойственны изображениям грифов и грифонов в... древнескифском, сирокетском, финикийском, египетском, ассирийском, иранском, эгейском и архаическом греческом искусстве. Среди эллиноскифских памятников изображения грифонов с хохолком-рогом и гребнем появляются в IV в. до н. э. и продолжают существовать вплоть до н. э. Все особенности грифона с гребнем говорят о его связи с древнегреческим прототипом. При этом выясняется и происхождение его характернейшего признака — зубчатого гребня. Он, очевидно, был перенесен на грифона с разработанного в более раннее время гребневого изображения гиппокампа.

¹ С. В. Киселев, *ук. соч.*, 1949, стр. 215.

Вместе с тем необходимо отметить, что ранние изображения грифонов и драконов в греко-восточном искусстве, так же как и ахеменидские, отличались отсутствием гребня. Все это заставляет предполагать, что изображения грифона на пазырыкских псалях происходят с запада, из области эллино-скифского художественного ремесла. Едва ли это могло произойти ранее рубежа IV—III вв. до н. э.¹

По этому поводу я должен заметить, что с зубчатым гребнем изображались и древние скифские (большой Ульский курган), и ассирийские грифоны, равно как и крылатые с орлиной головой гении.² Равным образом и в ахеменидской Персии орлиные грифоны изображались только с гребнем.³ Хохол же свойствен только алтайским изображениям грифов и грифонов.

Другим определяющим моментом в датировке Пазырыкских курганов С. В. Киселев считает Амударьинский клад, исходя из сходства пазырыкских находок с образцами искусства Средней Азии, представленными в этом кладе. „Через посредство произведений среднеазиатских художников далеко на Алтай оказались занесенными достижения культуры древнего Востока. В области техники — это приемы инкрустации, бывшие в Двуречье и Иране традиционными с сумеро-вавилонской древности; в области искусства — это образцы фантастических чудовищ и хищников, сцены их борьбы и побед над травоядными, также уходящие в глубокую древность классического Востока, но особенно близкие амударьинским и пазырыкским в произведениях новоассирийских и урартских мастеров и художников ахеменидского Ирана“.⁴

В некоторых вещах из Амударьинского клада, отличающихся архаизмом, которые по аналогии с вещами древневосточными и скифов Причерноморья относятся к V в. до н. э., С. В. Киселев видит не более как проявление традиционности. „Дата Амударьинского клада, — пишет он, — определяется найденными в нем геммами, особенно теми из них, которые подражают монетам“.⁵ Отсюда третью четверть III в. до н. э. он считает временем окончательного сложения амударьинского сокровища, хотя он допускает, что накопление его могло быть начато в начале III в.

Амударьинское сокровище, однако, как известно, не является кладом в общепринятом понимании, как вещи кем-то собранные и все вместе где-то спрявленные. Амударьинское сокровище — это то собрание вещей, которое в 1880 г.

¹ С. В. Киселев, ук. соч., 1949, стр. 204.

² А. Н. Layard, ук. соч., 1849, сер. 1, табл. 6, 43, 46, 48. — А. Н. Layard. Nienveh and its remains. 1867, стр. 71. — G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, рис. 280, 444, 446 и 447.

³ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1890, т. V, стр. 545, рис. 351. — M. Dieulafoy, ук. соч., 1892, ч. 3, табл. 11. — E. E. Herzfeld, ук. соч., табл. 65 и 84

⁴ С. В. Киселев, ук. соч., 1949, стр. 215.

⁵ С. В. Киселев, ук. соч., 1949, стр. 215.

А. В. Фрэнкис приобрел в Индии, в Пешаваре. Точное место происхождения этих вещей не установлено. Была ли это Аму-дарья, одна из переправ через нее, или Кафирниган — не известно, что, впрочем, для нас особого значения не имеет. Важнее то обстоятельство, что мы не знаем, были ли монеты и геммы этой покупки найдены вместе с другими вещами в Средней Азии или они иного происхождения и были только приобщены индийскими купцами к среднеазиатским вещам при продаже коллекции. Поэтому ни монеты, ни геммы не имеют никакой цены при датировке амударьинских вещей. Следовательно, сами по себе амударьинские сокровища не могут быть опорным пунктом для датировки других комплексов и сами нуждаются в определении их времени. Лучший знаток этой коллекции Дальтон в массе относит ее к ахеменидскому времени и практически принимает за верное, что основное ее ядро относится ко времени более раннему, чем северный поход Александра Македонского. Те же вещи, сопоставление которых с горноалтайскими представляет особый интерес (браслеты, колесница, горный козел, олень, серебряный диск), по всей вероятности, относятся к ахеменидскому времени, а некоторые из них (золотые пластины с изображением гадателей и молящихся), по мнению Герцфельда, даже к доахеменидскому.¹

Таким образом Амударьинский клад сам по себе не может служить критерием для датировки вещей из Пазырыкских курганов, но он все же имеет для нас исключительный интерес с точки зрения общности мотивов изобразительного искусства и деталей в их воспроизведении.

До раскопок пятого Пазырыкского кургана, по аналогии с различными вещами, найденными в скифских курганах, и с памятниками ахеменидской Персии, я датировал Пазырыкскую группу курганов V—IV вв. до н. э. Пятый и шестой курганы дали дополнительный материал. Теперь мы имеем уже не только мотивы искусства южные, переднеазиатские в местной переработке, но и подлинные импортные вещи, которые могут облегчить нам определение времени этих курганов. Эти вещи следующие: шерстяные, выполненные в гобеленной технике ткани на одном из чепраков с изображением женщин перед курильницей и львов; ворсовый ковер с изображением всадников, оленей и грифонов; китайское зеркало и китайская шелковая с вышивкой ткань.

Курильница (или алтарь), перед которой в молитвенных позах стоят женщины в коронах, имеет типичную высокую форму с колпачком (рис. 190). Подобные ассирийские курильницы или факелы известны по их изображениям на барельефах Куюнджика и Хорсабада.² Здесь я имею в виду ту сцену

¹ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., стр. 205.

² А. Н. Layard. Nineveh and Babylon. 1867, стр. XXX и XXXI. — А. Н. Layard. Nineveh and its remains. 1867, ч. 2, стр. 354. — J. Ménant, ук. соч., ч. 2, стр. 69, 70, рис. 65 и 66.

жертвоприношения в лагере Синахериба, где пламя горит на алтаре, рядом священный факел или курильница, перед ними два служителя, каждый с приподнятой рукой, обращаются к божеству. Та же сцена и на барельефе из Хорсабада, где перед алтарем и курильницей с приподнятой рукой стоят два служителя. Повидимому, и здесь совершается жертвоприношение,

Рис. 190. Узор ткани — женщины, стоящие перед курильницей в молитвенных позах. (Натур. вел.). Курган пятый.

поскольку в другой руке служители держат традиционную корзинку с необходимыми для жертвы предметами.

Позднее такие же курильницы мы видим на персидских цилиндрах и барельефах Персеполя,¹ причем в последних они с такой же, как и на нашей ткани, цепочкой, соединяющей колпачок с ножкой курильницы. Самое позднее изображение такой курильницы со стоящей перед ней женщиной в короне, относящееся к первой половине V в. до н. э., имеется в извест-

¹ А. Н. Layard. Nineveh and Babylon. 1867, стр. 349. — Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 67.

ном цилиндре из коллекции Клерка.¹ На этом цилиндре изображена сидящая на троне богиня, повидимому персидская Анаит, с цветком в руке. Перед ней стоит прислужница, подающая ей птицу. Затем стоит подобная нашим курильница (*Zurichtrich*), в которой горит священный огонь, и перед ней приносящая жертву женщина в зубчатой короне и тунике. В руках у нее корзиночка с жертвенными принадлежностями. На одной из золотых пластин Амударьинского клада имеется изображение, повидимому, женщины в молитвенной позе, подобно изображению на нашей ткани. Женщина изображена в зубчатой короне, в длинной мантии, украшенной рядами кружков. Ее длинные волосы, как это мы видим и на крайних фигурах нашей ткани, свисают тяжелым свитком на шею. Правую руку она держит перед лицом, а в левой держит цветок.² Подобное же изображение женщины с такой же прической, но без короны, в длинной одежде, в той же молитвенной позе, мы видим еще на одной из золотых пластин Амударьинского клада.³ Таким образом на рассматриваемой ткани из пятого кургана мы имеем традиционную сцену обращения к божеству, вероятнее жертвоприношения, где перед священным огнем в молитвенной позе — с приподнятой кверху правой рукой — стоят две женщины в зубчатых коронах. За ними стоят еще две женщины, также в зубчатых коронах, но без фаты и в иных, не молитвенных позах. Относительно малым ростом подчеркнуто подчиненное социальное их положение. Особо следует отметить полотенца, которые эти прислужницы держат каждая в руке, совершенно так же, как и служительницы на известном ассирийском барельефе из Куюнджика с изображением праздника Ашшурбанипала.⁴ Костюм женщин в этой сцене очевидно ассирийский, но имеет ряд общих черт с костюмом на упомянутых выше пластинах из Амударьинского клада. Переднеазиатское происхождение этой ткани и мотива ее узора не подлежит никакому сомнению, и относить ее ко времени более позднему, чем V в. до н. э., нет никаких оснований.

Рассмотрим теперь изображения львов (рис. 191) на нагруднике того же чепрака. На полоске ткани, в той же гобеленной технике, один за другим идут львы мерной поступью, с приподнятой головой и хвостом, заканчивающимся кисточкой. Материал, техника выполнения и детали орнамента (зубчатые линии) свидетельствуют о том, что эта ткань современна только что рассмотренной и, вероятно, выполнена в одной и той же мастерской.

Подобные фигуры львов мы знаем в ассирийских барельефах⁵ и скульптурах,⁶ особенно же они многочисленны в ахеменидской Персии. Доста-

¹ J. Ménant, ук. соч., ч. 2, табл. 9, рис. 2. — O. M. Dalton, ук. соч., стр. 45, рис. 29.

² O. M. Dalton, ук. соч., табл. XII, № 38.

³ O. M. Dalton, ук. соч., табл. XIV, № 89.

⁴ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. XIV, стр. 106, 107, рис. 27 и 28.

⁵ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 225, рис. 86.

⁶ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 760, рис. 419.

точно указать на идущих один за другим львов фриза — рисунок на одежде Ксеркса в Персеполе¹ или там же в рельефе на могиле Артаксеркса II,² наконец, во фризе знаменитых цветных кафель в Сузах.³

Особенно показательно сопоставление львов пазырыкской ткани со львами в изображениях персепольских и сузских, которые стилистически связываются условной манерой передачи шерсти: гривы льва, на груди, задних ляжках и на кончике хвоста. В Ассирии шерсть эта передавалась отдельными пучками, условно, но достаточно выразительно,⁴ в Персии же иногда изображалась пучками (Сузы), преимущественно же рельефно выступающими плоскостями или особой окраской соответствующих частей тела льва, причем

Рис. 191. Узор ткани — идущие один за другим львы. (Натур. вел.). Курган пятый.

различными фигурами, строго локализованными и однотипными. В послеахеменидское время мы нигде не знаем такой именно трактовки львиных фигур. Следовательно, ткань нагрудника с изображением львов, как и ткань с изображениями молящихся, не может датироваться позднее чем V в. до н. э.

Переходим теперь к ворсовому ковру. Находка ворсового бархатного, стриженного ковра обязывает обратиться к истории таких ковров. В течение многих веков до н. э., по свидетельству древних авторов, роскошные ковры выделялись в Вавилоне, Ассирии, Мидии и Персии. Если ни один образец этой замечательной промышленности нам до сих пор не был известен, то о ней можно было получить представление по другим памятникам. В расписных барельефах из алебаstra, когда-то покрывавших все части дворцов Ниневии, в очень разнообразных орнаментах, сочетающихся с изображениями фантастических существ, ассириологи усматривают не что иное, как подражание гобеленам или вышивкам вавилонского искусства.

¹ Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 72.

² Е. Е. Herzfeld, ук. соч., табл. 74.

³ M. Dieulafoy, ук. соч., 1892, ч. 3, табл. III.

⁴ G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, табл. XV (львы в цветных кафелях Хорсабада). — A. H. Layard. Nineveh and its remains. 1867, стр. 311.

Стиль этих рельефов — обычный стиль стенных ковров (розетки, бордюры и т. п.) — делает это сходство еще более разительным. Рельефы эти, датирующиеся не позднее как VIII в. до н. э., являются наиболее древними свидетельствами коврового производства.

Между тем нет уверенности в том, что упомянутые выше ковры были непременно стриженными. Вероятнее, что они были выполнены в гобеленной технике, достигшей уже к тому времени высокой степени совершенства. Однако ковры, кото-

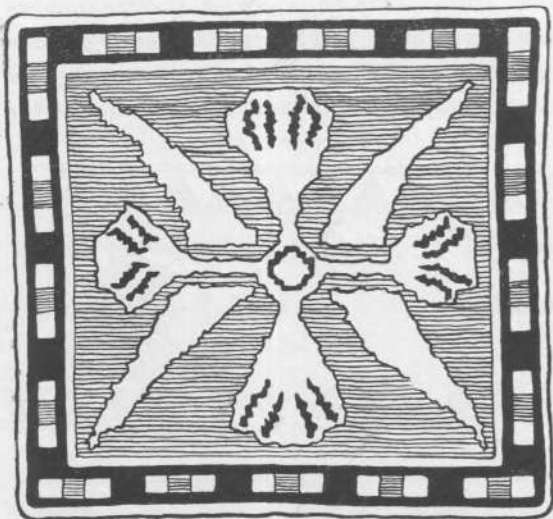

Рис. 192. Четырехлучевая звезда — орнамент на ворсовом ковре. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.). Курган пятый.

Рис. 193. Изображение грифона — орнамент на ворсовом ковре. ($\frac{4}{5}$ натур. вел.). Курган пятый.

рыми покрывали лошадь вместо седла, по всей вероятности, были ворсовые. Во всяком случае в ахеменидской Персии уже производились стриженные ковры. Ксенофонт сообщает, что город Сард гордился своими стриженными коврами, по которым при персидском дворе имел право ходить только царь.¹ Тот же автор отмечает, что персы, позаимствовав от мидян платье и роскошь, пользовались и их коврами.² Позже у Александра Македонского и его наследников во дворце перед ложем раскладывались длинноворсовые ковры из тонкой шерсти, окрашенные в пурпур; они чередовались со стриженными коврами, происходящими из Персии, украшенными фигурами животных или другими изображениями. В какой мере ценились прославленные античными авторами ковры переднеазиатской работы, можно судить по тому, что Метелий Сципион потратил 800 000 сестерций (62 000 руб.) на *triclinia babylonica*, а Нерон еще более — четыре миллиона сестерций (315 000 руб.).³

¹ Подробности см.: E. Müntz. *La tapisserie*, стр. 41.

² Ксенофонт, *Киропедия*, V, 5, 7; VIII, 8, 15, 16.

³ E. Müntz, *ук. соч.*, стр. 22.

Как и все стриженные ковры, пазырыкский ковер прямоугольный, слегка удлиненной формы, размером 1.89×2.00 м. Он имеет сложный бордюр, обрамляющий центральную часть — поле, где многократно повторяется один и тот же рисунок (табл. СХV). Рисунок этот представляет собою комбинацию четырехлучевой звезды, с крестообразным орнаментом из

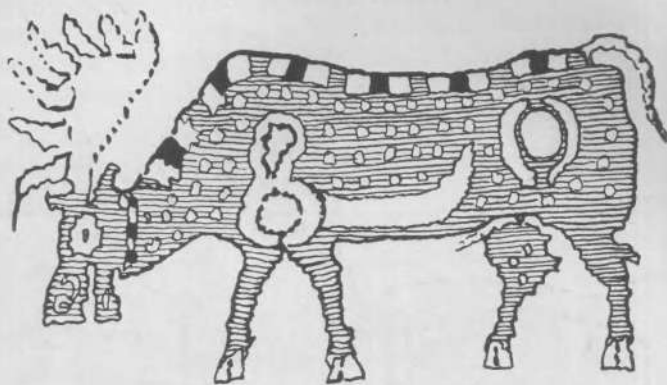

Рис. 194. Изображение оленя — орнамент на ворсовом ковре. ($1/2$ натур. вел.). Курган пятый.

четырех цветков, с квадратом в центре, заключенную в прямоугольную рамку (рис. 192). В продольном направлении таких рисунков шесть, в поперечном — четыре. Центральное поле обрамлено рядом повторяющихся изображений

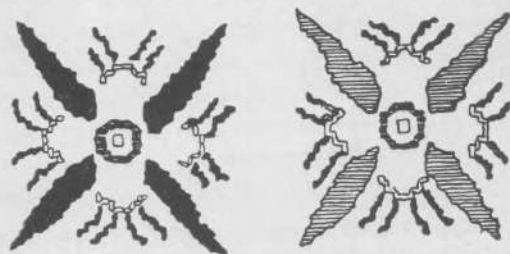

Рис. 195. Звезды — орнамент бордюра на ворсовом ковре. ($1/2$ натур. вел.). Курган пятый.

грифона с приподнятым крылом и повернутой назад головой (рис. 193). Далее следует ряд идущих один за другим в направлении часовой стрелки пасущихся пятнистых оленей (рис. 194).

Следующий бордюр состоит из рядов звезд с крестообразным орнаментом из цветков, по рисунку подобных тем, что на центральном поле, но слегка видоизмененных и без рамок (рис. 195). Широкий бордюр — изображения чередующихся верховых и спешившихся всадников (рис. 196), следующих один за другим в направлении, обратном движению оленей. Наружный кант

состоит из тех же изображений грифонов, что обрамляют центральное поле, но несколько больших размеров и обращенных в другую сторону. Все пять бордюров в таких же рамках, как и рисунки центрального поля, — из кантика и полосы из прямоугольников (табл. СХV).

Ковер этот, как видно на его изображениях (табл. СХV), многокрасочный, с преобладанием мягких тонов: темнокрасного, голубого, зеленоватого, светложелтого, оранжевого и других.

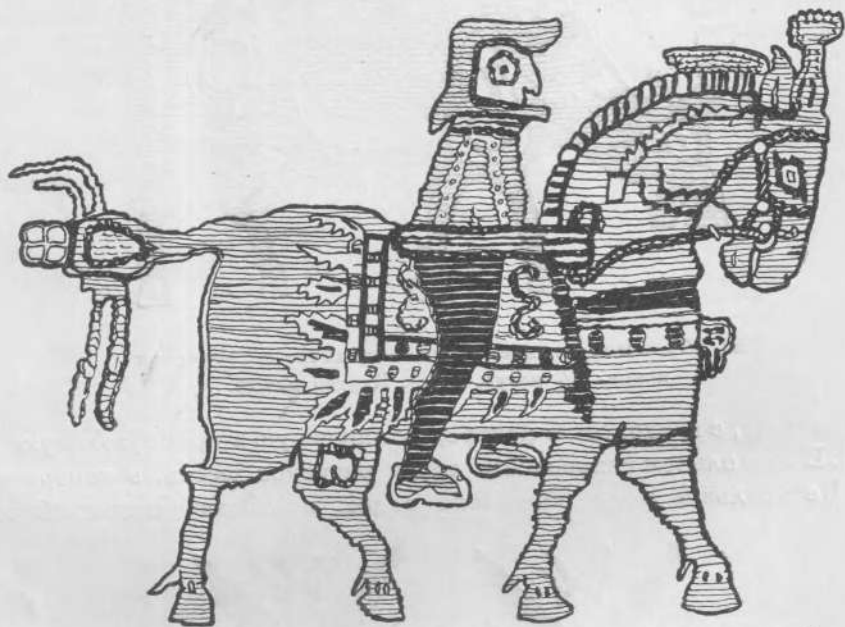

Рис. 196. Всадник — орнамент на ворсовом ковре. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).
Курган пятый.

При изготовлении шнуров для основы и утка этого ковра более крутая крутка дана основе и более отлогая — утку. Для узлов узловая шерсть только слегка подкручена. При окончательной подготовке основы низ ковра не был заткан тафтяным переплетением, как это обычно наблюдается в позднейших коврах, а наружные две нити основы обмотаны шерстяной нитью для образования узких кромок; число нитей основы около 120 на дециметр. Прокладочный, или закрепляющий, уток пробрасывался между рядами узлов по три, местами по четыре нити, после каждого ряда узлового утка. Способ вязания узлов на двух основных нитях показан на рис. 197. Число узлов в одном квадратном дециметре 3600. Таким образом во всем ковре около 1 250 000 узлов. Учитывая, что опытная мастерица среднеазиатских или малоазиатских ковров такой тонкости, как наш, вяжет от 2000 до

3000 узлов в день,¹ на изготовление его одной работнице потребовалось бы примерно полтора года.

При снятии ковра со станка нити основы были срезаны так, что получилась бахрома 1—1.5 см длиной. Когда ворс был подстрижен, толщина ковра получилась всего 2 мм.

Чтобы можно было судить о происхождении этого ковра, обратимся к рассмотрению его узоров. Прежде всего обращают на себя внимание олени (табл. CXVI, 1). Первое впечатление такое, что мы имеем здесь дело с изображением лосей, с их типичными широколопастными рогами. Между тем явная пятнистость, форма морды, да и строение тела скорее оленье, чем лосиное. Если мы присмотримся к переднеазиатским изображениям оленей (*Cervus dama*), то заметим, что они обычно изображались хотя и не в такой степени, как на пазырыкском ковре, но все же с широколопастными рогами.² Таким образом весь экстерьер, включая и относительно длинный хвост, свидетельствует о том, что здесь изображены самцы переднеазиатской лани с их вторичными половыми признаками. Следует обратить внимание еще на одну деталь этих изображений: запятая с кружком на передней ноге и кружок на задней ноге. Кроме того, широкая, заостренная кверху полоска изображена по брюху, начиная от переднего кружка. Эта деталь, как мы видели, чрезвычайно характерна для переднеазиатских изображений животных в ахеменидское время.

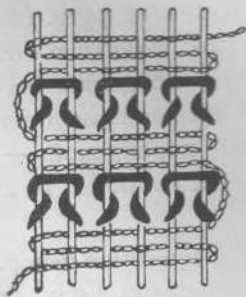

Рис. 197. Ковровый узел.

Столь же показательным и изображение орлиных грифонов. Трудно определить, какое у них тело — льва или тигра. Тем не менее характерны повернутая назад ушастая голова грифа, с высунутым языком в приоткрытом рту, приподнятое кверху крыло и загнутый кверху же хвост. И здесь мы имеем характерную полуподковку на крупе грифона.

В полном соответствии с изображениями оленей и грифонов находятся изображения всадников, верховых и спешившихся, с их жеребцами, покрытыми вместо седел коврами с нагрудниками; хвосты жеребцов завязаны узлом, а гривы подстрижены.

С точки зрения датировки этого ковра наиболее показательны изображения всадников (табл. CXIII, 2). Конь — с круто изогнутой шеей, подстриженной гривой, чолкой в виде султана, хвост завязан узлом с бантом. Вместо седла — ковровый с бахромой чепрак и широкий нагрудник. Такие изображения боевых верховых коней, особенно ковровые чепраки с нагрудниками,

¹ Н. М. Шавров. Ковровое производство в Малой Азии. 1902.

² Е. Е. Herzfeld, ук. соч., рис. 419 и 420.

типичны для Ассирии.¹ Между тем ряд деталей, особенно прием завязывания узлом хвоста, самый узел — не ассирийские, а более поздние, персидские. Такой узел и чолку султаном мы видим на персепольских барельефах,² на рукоятке меча персидской работы из Чертомлыцкого кургана,³ на многочисленных геммах и монетах ахеменидского времени,⁴ наконец, в сцене охоты на серебряном диске из Амударьинского клада, где мы имеем изображение такого же, как на нашем ковре, коврового чепрака и широкого нагрудника.⁵ Показательно сопоставление тех фигур, где пеший идет рядом с конем, с соответствующими изображениями на персепольских рельефах.⁶ И там, и здесь мужчина идет по левую сторону коня, причем его правая рука опирается на спину коня у шеи. Всадник в короткой курточке, штанах в обтяжку, с оригинальным головным убором, сходным с тем, что у всадников на амударьинском диске.

Независимо от того, чьей работы этот ковер, — мидийской, парфянской или персидской, — его датировка, как и выше рассмотренных тканей, V—началом IV в. до н. э. вполне вероятна.

Обратимся теперь к вещам, ввезенным в Горный Алтай с востока, из Китая. Если связи Горного Алтая с Передней Азией прослеживаются по крайней мере с VIII в. до н. э., то связи с Китаем возникают, повидимому, позднее.

В первых двух Пазырыкских курганах не обнаружено никаких вещей, китайское происхождение которых было бы очевидным. Напротив, в курганах третьем и пятом имеются шелковые ткани, которые мы вправе считать китайскими, а в кургане шестом, синхронном курганам третьему и четвертому, найдено китайское зеркало типа цинь (табл. XXIX, 6; рис. 85).

Китайские зеркала типа цинь, вообще очень редкие в коллекциях китайских зеркал, тщательно изучались Умехарой⁷ и затем Сваллоу.⁸ К сожалению, помимо того, что зеркал этого типа очень мало, для большинства из них не известно даже местонахождение, а сколько-нибудь точно датированных и вовсе нет. Последнее произошло потому, что их не находили в погребениях или среди вещей, хорошо датированных, к тому же, кроме самых поздних, на них нет и надписей.

¹ A. H. Layard. *Nineveh and Babylon*. 1867, стр. 167. — G. Perrot et Ch. Chipiez, *ук. соч.*, 1884, т. II, стр. 47, рис. 5.

² E. E. Herzfeld, *ук. соч.*, табл. 77 и 79.

³ И. Толстой и Н. Кондаков, *ук. соч.*, 1889, вып. 2, стр. 145, рис. 122.

⁴ E. Babelon. *Les Perses Achéménides, les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire Cypre et Phénicie*. 1893, табл. XXVII, рис. 14—16. — O. M. Dalton, *ук. соч.* стр. 46, рис. 30. — A. Furtwängler, *ук. соч.*, табл. XI, рис. 1—3, 8, 9 и 13.

⁵ O. M. Dalton, *ук. соч.*, табл. IX, № 24.

⁶ E. E. Herzfeld, *ук. соч.*, табл. 79.

⁷ G. Umehara, *ук. соч.*

⁸ R. W. Swallow, *ук. соч.*

Единственным критерием для систематизации этих зеркал в хронологической последовательности, к которому и прибег Умехара, явился критерий чисто типологический, характера орнаментации. Было замечено, что исходной формой являются те зеркала, весь фон тыльной поверхности которых покрыт узором из стилизованных животных в виде перьев и крыльев. Замечательно при этом, что данный орнамент не был выработан специально для круглых зеркал, центральное ушко которых должно быть окружено украшением. Эта манера украшать весь оборот зеркала одним и тем же орнаментом, продолжающимся до бесконечности по плоскости круга и за нее, показывает, что этот орнамент не был изобретен для зеркал, но был заимствован с других бронзовых вещей, в частности с ваз эпохи воюющих княжеств (уделов).

Чтобы избежать монотонности орнамента фона, помимо квадрата, вокруг центрального ушка, как в нашем зеркале, привнесен дополнительный орнамент в виде четырех сердцевидных листьев и косых букв Т. Позднейшие зеркала типа цинь отличаются от нашего более тонким орнаментом, состоящим из спиралей и зигзагов, появлением животных, драконов и, наконец, надписей.

Если по мнению одних специалистов (Мензис)¹ бронзовые китайские вещи и зеркала типа цинь могут быть отнесены ко времени с 897 по 206 г. до н. э., то Умехара интересующую нас группу зеркал ограничивает временем четырех-пяти столетий, от VI до II в. до н. э. Самыми ранними, относящимися к VI—V вв., он считает зеркала с маской тао-тье и с орнаментом фона только в виде перьев и крыльев, зеркала же с Т-образным орнаментом на том же фоне могут датироваться, повидимому, V в., самое позднее — началом IV в. до н. э.

Древних китайских тканей (доханьского времени) мы не знаем. Поэтому нет и сравнительного материала. Отметим только, что орнамент шелковых тканей из Пазырыкских курганов существенно отличается от орнамента самых ранних известных нам китайских тканей.

Тот сложный орнамент из ромбов, который мы видим на фрагменте шелковой ткани из кургана третьего (табл. LXXVI, 1), может быть сопоставлен с узорами некоторых из шелковых тканей из Ноинулинских курганов,² однако элементарность самого мотива не позволяет принимать его во внимание как критерий хронологический.

Шелковая китайская ткань (табл. CXVIII), использованная для покрытия одного из чепраков из кургана пятого, подобно рассмотренным выше тканям переднеазиатским, вероятно, не предназначалась специально для экспорта в страну варваров. Это образец высокого искусства с четким рисунком и восхитительной игрой нежных красок вышивки. Основной мотив

¹ R. W. Swallow, ук. соч., стр. 39.

² C. Trever, ук. соч., табл. 21.

вышивки — фазаны (самцы), сидящие на деревьях, и самочки, изображенные в промежутках на гладком фоне, — чрезвычайно разнообразны по выполнению (рис. 130 и 131). Можно различить по крайней мере пять вариантов в воспроизведении самцов и три варианта изображений самок (рис. 132). Выполнена вышивка тамбурным швом — тем же, что и в тканях из Ноинулы.¹

Подобные ткани, как предполагал В. М. Алексеев, подробно ознакомившийся с нашей тканью, изготавливались в Китае для очень богатых людей, в частности для принцесс при выдаче их замуж. Сюжет вышивки, согласно комментария Ужу-цзы, связан со старинным романом о фениксах, порхающих среди великолепных деревьев Удун (*Dryandra cardifolia*) и символизирующих обилие талантов при дворе просвещенного государя. По мнению самого В. М. Алексеева, этот сюжет связан с миром фениксов, поющих, как жар-птицы, славу своей государыне и принцессе (ибо фын — это жених, а ауан — его жена, невеста).

В Ши-цзине, в оде VIII, имеются следующие стихи (цитируем перевод В. М. Алексеева):²

Фениксы оба — вот как сверкают
На том превысоком утесе!
Удун-дриандра вот как растет там
На этом откосе восточном!
Как роскошна, как пышна дриандра эта!
Как чудесно это фениксов пенье!

Возможно, как предполагал В. М. Алексеев, что на этот „всем и всегда известный мотив и текст“ и вышит узор на ткани чепрака.

Изображенные на нем фениксы по живости воспроизведения, да и в деталях, могут быть сопоставлены, пожалуй, только с изображениями фениксов, которые мы знаем на ранних циньских зеркалах; следовательно, дата около V в. до н. э. вполне вероятна и для этой ткани.

Несмотря на появление, правда, в относительно поздних курганах, импортных китайских вещей, шелковых тканей и зеркал, каких бы то ни было восточных влияний на культуру населения Горного Алтая в данное время не усматривается. Напротив, с югом, с народами Средней и Передней Азии связи были давние и глубокие.

Как мы видели, в произведениях горноалтайского искусства мотив грифона занимает хотя и второстепенное, но заметное место. Древневосточное происхождение этого мотива не вызывает сомнения. В главе об искус-

¹ С. Trever, ук. соч., табл. 13.

² Ниже приводится любезно сообщенный мне В. М. Алексеевым текст из „Ши-цзин“, кн. III, гл. II, ода VIII, стих 9-й:

Фынауан мин и!
Юй би чао чан!
Удун шэн и!
Юй би чжао ян!
Чжоньчжень цзи уи!
Юнни, цзе!

стве было показано, что ряд местных, алтайских, воспроизведений грифа в первых двух Пазырыкских курганах может быть сопоставлен только с новоассирийскими изображениями грифов, так как в ахеменидское время в Передней Азии изображения грифов были уже иными. Весьма архаична, в частности, композиция борющихся грифонов в медных, крытых золотом, пластинках из кургана второго. Они ведут нас к еще более ранним образцам художественного творчества шумерского времени и указывают на несомненные доахеменидские культурные связи племен Горного Алтая в скифское время с Передней Азией. То же было отмечено и относительно изображений львов из кургана первого, которые находят свои прототипы в новоассирийском искусстве. Но, наряду с этими изображениями, имеются замечательные образцы местной работы, которым в деталях присущи некоторые характерные черты искусства ахеменидской Персии. Я имею в виду орлиных грифонов из первого и второго Пазырыкских курганов, львиного грифона из кургана первого — их изображения на седельных покрышках. Эти вещи не были простой копировкой чужеземных образцов, и в ахеменидское время они могли появиться в искусстве Горного Алтая только в результате более ранних культурных связей населения Горного Алтая со Средней и Передней Азией.

То же самое следует сказать и об орнаментальном мотиве лотоса, представленном прекрасными образцами в находках из второго кургана.

В кургане пятом не найдено изображений ни львиных, ни орлиных грифонов. Нет и лотосного орнамента. Тем не менее в войлочных коврах местного изделия мы опять встречаемся с мотивами, известными нам только в древнем Востоке. Речь идет о сидящей на троне богине с цветущей ветвью в руке и о стоящем перед ней всаднике (табл. XCV), а также об изображении крылатого льва с человеческим туловищем (табл. CXIV). Изображение крылатого льва с человеческим туловищем — в Передней Азии мотив очень древний. Его мы видим на древних цилиндрах, в хеттской скульптуре, в новоассирийское время,¹ но в Персии, даже в ранних ахеменидских памятниках его нет. При сопоставлении крылатого льва с человеческим туловищем и ассириодным лицом из Пазырыка с подобными же монументальными изображениями новоассирийскими становится ясно, что только эти последние могли быть образцами для алтайских сфинксов. Этот мотив, появившись в Горном Алтае, подвергся там самостоятельной переработке в местном стиле, при которой не только рога, но и хвост оформлен в виде оленьих рогов. Между тем постановка звериных ушей, головной убор, розетки на теле — все это так близко новоассирийским изображениям.

Второй сюжет — богиня на троне с цветущей ветвью в руке и стоящий перед ней всадник — подробно рассмотрен в главе об искусстве. Здесь я

¹ А. Н. Layard, ук. соч., 1849, сер. 1, табл. 48. — G. Perrot et Ch. Chipiez, ук. соч., 1884, т. II, стр. 774, рис. 446. — J. Ménaud, ук. соч., ч. 2, стр. 37, рис. 21.

хочу только подчеркнуть общность этого мотива переднеазиатскому культурному миру.

Таким образом все, что в настоящее время нам известно о культуре населения Горного Алтая, оставившего большие курганы с каменной наброской, позволяет отнести ее к скифскому, но не к гунно-сарматскому времени. Первые два и возможно пятый Пазырыкские курганы могут датироваться V в. до н. э., остальные — концом V, вернее IV в. до н. э. О более точной их датировке пока не может быть речи.

Археологическими памятниками, предшествующими раскопаным нами, являются курганы, раскопанные в 1911 г. А. В. Адриановым в Майэмирской степи у истоков Нарына, а также в верховьях р. Бухтармы, под Солонечным белком у с. Черновая. Позднее ряд подобных же курганов был раскопан М. П. Грязновым,¹ С. В. Киселевым и другими. М. П. Грязнов эту группу курганов отнес к особому культурному этапу, предшествовавшему рассмотренной нами культуре, и назвал его майэмирским, а С. В. Киселев „майэмирскую культуру“ подразделил на две стадии — раннюю и позднюю.² К сожалению, для этого времени мы имеем слишком мало материала, чтобы можно было говорить об особой майэмирской культуре или рассматривать ее как особый этап в развитии культуры населения Алтая. Речь по существу идет пока только об известном хронологическом распределении памятников по типологическим особенностям находимых в них вещей (своеобразные бронзовые зеркала, наконечники стрел, удила, псаии, изображения свернувшихся в кольцо хищников, аналогичных найденным в раннескифских погребениях VII—VI вв. до н. э.).

Тем не менее, памятники этого рода интересны как свидетельство о том, что уже тогда обитатели Горного Алтая находились в связи с населением степных областей Восточной Европы, в том числе со скифскими племенами. Вместе с тем встает вопрос о происхождении тех общих культурных черт, которые столь ясно вырисовываются на нашем материале.

Выше особо подчеркивались параллели в инвентаре и обряде захоронения между курганами Прикубанья, в частности между Семибратними и курганами Горного Алтая. Последнее вполне естественно, так как население Прикубанья, как и Алтая, также было более связано с племенами Средней и Передней Азии, чем, например, скифы Поднепровья. Примечательно сходство и в материальной культуре горноалтайских племен с населением степей Восточной Европы, и в их идеологии, в наличии одних и тех же обычаев. Вспомним обычай скальпирования убитых врагов, бальзамирования трупов вождей и захоронения с ними наложниц, идентичный во всех деталях обы-

¹ М. П. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. Краткие сообщения ИИМК АН СССР. Вып. XVIII, 1947.

² С. В. Киселев, ук. соч., 1949, стр. 169, 170.

чай очищения после похорон огнем, как они описаны Геродотом и как они документально зафиксированы раскопками в Горном Алтае. Последнее свидетельствует о том, что у многочисленных племен, различных по своему происхождению и языку, обитавших в данную эпоху на огромных пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий, при наличии одного и того же основного занятия — пастушеским или кочевническим скотоводством, вследствие взаимных связей, и общественный строй, и идеология во многом были близкими, но с различными своеобразными местными особенностями. Вывод этот следует из изучения археологических памятников, подтверждается он и сообщениями китайских и греческих историков.

Те же источники указывают на наличие у интересующих нас племен не только междуплеменных связей, но и связей с народностями древних государств.

В то время как в Азии поддерживались древние связи с переднеазиатским культурным миром и Китаем, племена Причерноморья вошли в соприкосновение с культурой греческой. Горный Алтай в рассматриваемое время был связан непосредственно или через посредство соседних племен как с Китаем, так и с Передней Азией, о чем убедительно свидетельствуют Пазырыкские курганы.

Отсюда ясно, что нельзя говорить о существовании единой по происхождению группы племен с одним и тем же общим для них языком и совершенно одинаковой культурой. Для такого вывода оснований нет, тем более что физический тип этих племен заведомо не одинаков. Более того, со временем, когда накопится больше конкретного археологического материала, возможно будет, как это уже частично сделано для Причерноморья, и в Горном Алтае выделить из общей массы населяющих его племен более или менее обособленные этнические группы.

Самобытная и по-своему яркая древняя культура населения Горного Алтая не исчезла бесследно. Она так или иначе вошла в основу дальнейшего культурного развития скотоводческих племен и народностей южной Сибири, а возможно и Средней Азии, и, в первую очередь, алтайцев, киргизов и казахов.

Это обстоятельство придает рассмотренным нами древним памятникам Горного Алтая особое значение как ценному источнику для изучения прошлого ряда народов СССР.

Дальнейшее исследование этих памятников является почетной и неотложной задачей советских археологов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ НАХОДОК В ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНАХ

КУРГАН ПЕРВЫЙ

Курган первый (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1929 г. (табл. I, 1 и 2). До раскопок погребение представляло собой покрытый каменной наброской курган диаметром 47 м и высотой 2.2 м. В центре кургана была воронка, оставшаяся после его раскопок грабителями. К востоку от кургана стоял ряд из вертикально вкопанных в землю камней. Могильная яма находилась в центре кургана, размеры ее 7.2×7.2 м при глубине 4 м от верхней поверхности погребенного слоя почвы. После снятия широким раскопом каменной наброски и земляной насыпи, на глубине 0.7—1.4 м от поверхностей погребенной почвы внутри могильной ямы обнаружен настил из бревен и вырубленный в нем грабителями ход размером 1.2×2.6 м (табл. II, 1). Достигнув потолка погребальной камеры, грабители, чтобы проникнуть в нее, прорубили в потолке овальное отверстие, размером 0.4×0.6 м (табл. II, 2).

Южные две трети могильной ямы занимала погребальная камера, в северной ее части были захоронены лошади (разрез кургана на рис. 9 вверху). Камера стояла на подстилке из битого камня, покрывающего дно могильной ямы. Пол каменный был из толстых плах, внутренний сруб из брусьев, а наружный сруб из бревен. Свободное междустенное пространство было заполнено битым камнем. Потолки наружного и внутреннего срубов погребальной камеры были бревенчатые. Внутренние размеры, неправильной четырехугольной формы, в среднем 3.35×4.87 м, при высоте 1.4 м. Погребальная камера была покрыта несколькими слоями бересты, а поверх бересты был положен слой лиственничной коры и над ними пласт из кустарника—курильский чай. Над камерой, на трех парах вертикально поставленных столбов, были уложены три балки (поддерживавшие многочисленные накаты бревен), прогнувшиеся под тяжестью вышележащего груза из бревен, земли и камня (табл. II, 2).

У южной стенки в погребальной камере стоял саркофаг-колода с перевернутой грабителями крышкой (табл. III, 1). В северной внутренней стенке камеры было вырублено большое окно, в наружной прорублено только одно бревно. Через грабительский лаз в камеру насыпался конус мусора (табл. III, 2), свободное же в ней пространство было заполнено пластинчатым льдом.

В северной части могильной ямы были, как сказано выше, захоронены лошади.

Находки в кургане первом¹

1. В могильной яме над погребальной камерой между бревен: обломок деревянной лопаты; четыре сломанных кола; обломок колотушки для забивания кольев; части телеги (два ярма, две дрожины, клин, две палки с заостренными концами, обрубки жердей, шестов и т. п.).

2. В погребальной камере.

Саркофаг-колода (рис. 16).

Вырезанные из кожи изображения петухов, украшавшие саркофаг (рис. 17).

Три вырезанных из толстой кожи скульптурных изображения головы горного козла (табл. LXXIX, 6 и 7), часть настенного войлочного ковра с изображением львиных голов (табл. LXXXIX, 1) и его обрывки.

Деревянные и медные гвозди (со шляпками и без шляпок), которыми войлочный ковер был укреплен на стене.

Шесть (войлочных и травяных) колец — подставки под сосуды.

Лоскут кожи с завернутыми в нем волосами.

Хвостовые позвонки барана.

Деревянная резная ножка от столика (табл. XX, 1).

Деревянная подушка для сидения (рис. 37, а).

Деревянная рукоятка кельта (табл. LXXIII, 1 и 2).

Древко шестиноги.

Горлышко глиняного кувшина.

Ремешки, обрывки кожи и шерстяного шнура, листочки золота.

3. В конском захоронении.

В конском захоронении было найдено десять трупов лошадей, схема расположения которых в могильной яме показана на рис. 27, а.

Первый комплект конской упряжи (рис. 109), состоящий из узды (табл. XXXI, 1), деревянные подвески которой, как и украшение псалей (рис. 108), имеют орнамент в виде пальметки, и седла (табл. XXXI, 2), украшенного подвесками в виде вырезанных из кожи человеческих масок (табл. LXXX, 6). Сцены, украшающие седельные покрывки, — лось в когтях грифа (рис. 161). С правой стороны к седлу был приторочен щит (табл. LXXXVII, вверху).

Второй комплект конской упряжи состоит из узды (табл. XXXII, 1) и седла (табл. LXXVII). Узду и нагрудный седельный ремень украшают вырезанные из дерева двойные пальметки (табл. XXXII, 2 и 3) и изображения распластанных лосей. На седельной покрывке — сцена нападения орлиного грифона на горного козла (табл. CXI). Мотив седельных подвесок — голова барана между двумя рогатыми львиными головами (табл. CXII). С правой стороны к седлу был приторочен щит из палочек, переплетенных лоскутом кожи.

Третий комплект конской упряжи и убранства состоит из узды, седла, головного убора, нагивника и нахвостника. Узда (табл. XXXIII, 2) с деревянными псалиями и украшением уздечных ремней кожаными скульптурными головками козлов (табл. XXXIII, 3). Покрывки седла украшают сцены нападения тигра на лося (рис. 156); седельные подвески — схематические изображения рыб (табл. CVII, 4); нагрудный седельный ремень украшают кожаные головки козлов (табл. XXXIII, 3) и выделанное из кожи изображение грифа с расправленными крыльями и развернутым хвостом (рис. 170; табл. XXXIII, 1 и 4). Нагивник с изображением петушков (рис. 135, вверху) и головной убор с наверхием

¹ В каменной наброске всех Пазырыкских курганов, за исключением седьмого, были обнаружены впускные погребения VI—XVIII вв. В данном перечне перечисляются находки только в основных захоронениях, относящихся к скифскому времени.

в виде рогатого львиного грифона (табл. LXXI, 2; рис. 134). Кожаный футляр на хвост (рис. 140, а и его орнамент на рис. 141, слева).

Четвертый комплект конской упряжи состоит из узды и седла. Узда (табл. XXXIV, 1) с деревянными псалями в виде фигуры горного барана (табл. XXXIV, 2). Украшена узда вырезанными из дерева головками горного барана впрямь (табл. XXXV, 2 и 4) и пальметками. Седельная покрывка украшена сценой нападения тигра на оленя (рис. 158). На седельном нагруднике такие же украшения, что и на узде. С правой стороны к седлу был приторочен щит (табл. LXXXVII, внизу).

Пятый комплект конской упряжи и его убранства состоит из узды, седла, головного убора, нагвивника и нахвостника. Узда (табл. XXXVI, 1 и 2) с деревянными псалями, оканчивающимися головками горного барана (табл. XXXVI, 3), ремни узды украшены изображениями горного барана впрямь (табл. XXXV, 5 и 6). Седло (рис. 166) с изображениями львов на его покрывках (рис. 162) и с седельными подвесками в виде фигур львов (табл. CXIII). Среди украшений нагрудного седельного ремня, помимо изображений горных баранов впрямь, имеются вырезанные из дерева изображения головы горного барана в пасти волка (табл. XXXV, 3). Головной убор с навершием в виде рогов оленя (табл. LXXI, 1). Нагвивник с схематическим изображением петушков (рис. 135, внизу). Орнамент футляра на хвост представлен на рис. 141, справа.

Шестой комплект конской упряжи состоит из узды и седла. Узда (табл. XXXVII) с деревянными псалями, украшенными головками грифа (табл. XXXVIII, 3 и 4) и с подвесками в виде изображений грифа впрямь (табл. XXXVIII, 1 и 2), а также головы горного барана в пасти волка (табл. XXXV, 3). Седельные покрывки украшают профильные изображения головы льва (рис. 164), а седельные подвески — в виде условных изображений рыб, схвативших за горло голову горного барана (рис. 167). Седельный нагрудник украшен вырезанными из дерева подвесками в виде пальметок и центральной фигурой, изображающей грифа впрямь.

Седьмой комплект конской упряжи состоит из узды и седла. Узда (табл. XXXIX, 2) с деревянными псалями, на концах которых вырезаны головки грифов (табл. XXXIX, 3); деревянные подвески, прикрепленные к перекрестиям уздечных ремней, представляют собой пальметки (табл. XXXV, 1). На седельной покрывке сцена нападения тигра на горного барана (рис. 160). Нагрудный седельный ремень (табл. XXXIX, 1) имеет те же украшения, что и узда.

Восьмой комплект конской упряжи состоит из узды и седла. Узда (табл. XL, 1) с псалями в виде вырезанных из дерева фигурок оленей (табл. XL, 2). Уздечные ремни украшены вырезанными из дерева изображениями лосей и оленей (табл. XLI, 2—4). На седельной покрывке сцена борьбы орлиного и львиного грифонов (рис. 163). На нагрудном седельном ремне (табл. XLI, 1) те же украшения, что и на узде.

Девятый комплект седельной упряжи состоит из узды и седла. Узда с деревянными псалями, на концах которых вырезаны головки барса с кабаньим клыком в пасти (табл. XLII, 1). Перекрестия ремней узды украшают подобные же головки барсов с кабаньим клыком в пасти (табл. XLII, 2 и 5). На седельной покрывке сцена нападения львиного грифона на горного козла (табл. CX, 1). Украшения седельного нагрудника те же, что и узды.

Десятый комплект конской упряжи состоит из узды и седла. Узда (табл. XLIII) с украшениями на перекрестиях ремней и на ремне наносника в виде вырезанных из дерева человеческих масок (табл. XLIV, 1—4). Седельную покрывку украшают головы горных баранов (рис. 165). Седельные подвески также представлены бараньими головками (табл. CVII, 3). Украшения седельного нагрудного ремня те же, что и узды.

Из десяти удил только одни бронзовые (табл. XXXVII), остальные девять железные. Кожаная с меховым верхом фляга (рис. 45; табл. XCI, 1).

Меховой мешочек (деталь на табл. LXXIV, 4).

Нагайка (рис. 140, б).

Вырезанная из кожи рогатая и ушастая человеческая голова (табл. LXXX, 7).

Многочисленные листки золота, покрывавшие вырезанные из дерева украшения.

КУРГАН ВТОРОЙ

Курган второй (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскапывался в 1947 г. широким раскопом (табл. IV, 1), закончен раскопки в 1948 г. Диаметр каменной его наброски 36 м при высоте кургана 3.75 м. В центре кургана была впадина, оставшаяся после раскопок кургана грабителями. К востоку от кургана стоял ряд из вертикально вкопанных в землю камней. Размер прямоугольной могильной ямы 7.1×7.8 м при глубине от верхней поверхности погребенной почвы 4 м. Дно могильной ямы было покрыто слоем битого камня (10 см), поверх которого был насыпан слой земли (5 см). По снятии каменной наброски и земляной насыпи в могильной яме, на глубине 0.4—0.5 м от верхней поверхности погребенной почвы, обнаружен сплошной накат из тонких бревен и в нем прорубленный грабителями ход размером 1.45×2.3 м (табл. IV, 2). По мере снятия накатов из бревен размеры грабительского хода уменьшались, и во внутреннем потолке погребальной камеры прорубленный грабителями лаз равен всего 0.45×0.7 м.

Погребальная камера с полом из толстых плах, занимавшая южные две трети могильной ямы, состояла из двух вставленных один в другой срубов из брусьев и бревен с двойным бревенчатым потолком. Свободное пространство между стенками срубов ничем не было заполнено. Внутренние размеры погребальной камеры 3.65×4.92 м, при высоте 1.53 м. Наружный потолок камеры был покрыт в шесть слоев листьями бересты, затем слоем лиственничной коры и, наконец, настилом из кустарника—курильский чай (табл. V, 1).

Вдоль северной и южной стенок погребальной камеры к ней были приставлены по три столба (к северной стенке прижаты двумя бревнами) с корытообразными углублениями, на которые были положены сильно прогнувшиеся под тяжестью вышележащего груза (табл. V, 1 и 2) три поперечные балки.

После того как могильная яма была заполнена бревнами и землей почти до верхнего края, в северной ее трети на подстилке из веток лиственницы и можжевельника были захоронены лошади.

У южной стенки в погребальной камере, заполненной льдом, стоял саркофаг-колода. Могильная яма кургана второго в разрезе показана на рис. 10.

Находки в кургане втором

(Рис. 24 и 25)

1. В могильной яме над погребальной камерой между бревнами найдены: две поврежденные лопаты (рис. 4, б и в); многочисленные (свыше ста) колья (рис. 5); три колотушки (рис. 6) и обломки от нескольких колотушек, колесо телеги (рис. 145, а).

2. В погребальной камере. Ограбление кургана второго произошло уже после того, как нижняя четверть погребальной камеры была заполнена льдом (первой фазы). Поэтому часть предметов стояла на полу (рис. 25), огромное же большинство лежало, оставленное грабителями на поверхности льда первой фазы его образования, в камере (рис. 24) или в саркофаге-колоде. Много вещей и трупы погребенных были найдены во льду второй фазы, образовавшемся после заполнения погребальной камеры водой, проникшей через грабительский лаз, а также в конусе мусора и камней, попавших в камеру через тот же лаз.

Саркофаг-колода с крышкой.
 Вырезанные из кожи изображения оленей (рис. 18) — украшение саркофага-колоды.
 Труп женщины — тело, голова (табл. XVIII, 4—6), стопы и голени ног, кисть руки.
 Коса женская (табл. XXVIII, 1—3).
 Накосник двойной, кружевной (табл. LXXV, 5 и 6).
 Железная булавка (табл. XXIX, 7).
 Труп мужчины — тело, голова (табл. XVIII, 1 и 2), левая нога, кисть правой руки.
 На теле татуировка (рис. 80—83 172, 174, 175, 177—185).
 Подвесная борода (табл. XXVIII, 4, 5).
 Черный войлок — обивка стен погребальной камеры.
 Деревянные колышки-гвозди (рис. 21).
 Медные гвозди со шляпками (рис. 19 и 23) и без шляпок.
 Светильная каменная (рис. 32 и 33).
 Четыре деревянных столика (один без крышки) с резными и точеными ножками (табл. XIX, 1 и 2; табл. XX, 6—12).
 Деревянная подушка для сиденья (рис. 37, 6).
 меховой с кожей чехол на подушку для сидения (рис. 40 и 41).
 Деревянный сосуд с длинной ручкой (табл. XXI, 1).
 Деревянный сосуд на войлочной подставке (табл. XXI, 2).
 Роговая ручка от деревянного сосуда (табл. XXI, 3).
 Угол войлочного коврика с войлочным кольцом-подставкой под глиняный кувшин (рис. 43).
 Войлочные кольца.
 Два глиняных кувшина (табл. XXII, 1 и 3), один из них разбитый.
 Вырезанные из кожи изображения петухов — украшение глиняных кувшинов (рис. 44).
 Вырезанный из кожи цветок лотоса (рис. 171).
 Кожаная переметная сума (рис. 46) с вырезанными на концах палочки-ручки звериными головками (табл. LXXVIII, 3).
 Кожаная с меховым клапаном сумка (табл. XCIV, 1; рис. 47) с нашитыми на нее медными фигурками птиц (рис. 48).
 Кожаная сумка с узорной аппликацией (табл. XCII, 1).
 Кожаная фляга, покрытая узорной аппликацией (табл. XCIII, 2).
 Кожаный кошелек с крышечкой (табл. XXIII, 2).
 Кожаный кошелек (табл. XXIII, 1).
 Квадратный кожаный футляр.
 Мешок из меха соболя (рис. 50).
 Кожаная плоская фляга с изображением грифа, схватившего тетерева (табл. XXIII, 3).
 Семена конопли.
 Семена посевного кориандра.
 Семена донника.
 Пучки шерсти яка.
 Курильница медная в форме котла (рис. 51; табл. XXIV, 2) с камнями и семенами конопли внутри.
 Курильница медная на четырех ножках (рис. 52, 6; табл. XXIV, 1) с камнями и семенами конопли.
 Две шестиноги (табл. XXIV, 3).
 Части войлочного покрывала шестиноги.
 Кожаное покрывало шестиноги (рис. 55).
 Фрагменты узорных бордюров войлочных ковров (табл. LXXXIX, 2 и 3).

Две мужских рубахи (рис. 56; табл. XXV, 1), из которых от одной сохранились только лоскуты ткани.

Спинка мужского мехового кафтана (табл. XCII, 2).

Угол борта от мужского мехового кафтана (табл. XCI, 4).

Лоскуты синего меха от мужского кафтана (табл. XCI, 5).

Рукав мужской одежды из меха соболя (табл. XCVI, 1).

Войлочные чулки мужские (рис. 59), из которых одна пара с цветным узором по верхнему краю (табл. XCIV, 2).

Часть войлочного островерхого мужского головного убора.

Меховая женская одежда (рис. 60 и 61) с вырезанной из кожи орнаментальной аппликацией (табл. XCIII, 1).

Меховой нагрудник (табл. XCVII), часть вышепоименованной женской одежды с вырезанной из кожи узорной аппликацией (рис. 62—65).

Женские кожаные сапожки с узорной аппликацией (рис. 66 и 67), с подошвами, украшенными бисером и кристаллами пирита (табл. XXV, 2).

Женские сапожки с голенищами из меха леопарда (табл. XCVI, 4), с узором по верхнему их краю (рис. 70) и узорными подошвами (табл. XCIII, 3).

Два войлочных женских чулка (рис. 68 и 69) с войлочной фестонной бахромой.

Женский головной убор (реконструкция, табл. XXVI, 4) из меха черного жеребца с нашитыми на него ажурными кожаными ромбами (табл. XCVI, 3), с кожаной диадемой из петушков (табл. XXVI, 1 и 3) и мозаичными из цветного меха подвесками (табл. XCI, 3).

Четыре ременных пояса (табл. XXVII, 1, 8 и 9).

Серебряная бляха от пояса (табл. XXVII, 2).

Серебряные подвески в виде фигурок лошади (табл. XXVII, 6 и 7).

Ремень с изображениями петухов (рис. 71).

Серьги золотые (табл. XXVII, 10).

Медные штампованные (покрытые золотыми листочками) изображения львиного грифона (рис. 72, а).

Часть медной штампованной пластинки с изображением оленей (рис. 72, б).

Медная штампованная подвеска с изображением горных козлов (рис. 73).

Медные штампованные пластинки (покрытые листовым золотом) с изображением горных козлов (рис. 74).

Медные штампованные пластинки (покрытые листовым золотом) с изображением дерущихся орлиных грифонов (рис. 75).

Шейная гривна с вырезанными из рога и дерева изображениями львиных грифонов (рис. 79; табл. XXIX, 1 и 2).

Гребень роговой (рис. 77, а).

Зеркало серебряное (рис. 84; табл. XXIX, 6).

Зеркало бронзовое (табл. XXIX, 4) с футляром из кожи и меха леопарда (табл. XXIX, 5).

Разноцветный стеклянный бисер, стеклянные бусы, мраморные цилиндрические бусы (табл. XCIX).

Железный нож с деревянными ножнами (рис. 149).

Поломанные деревянные ножны ножа.

Молоток из рога марала (табл. LXXIII, 8).

Обрезок рога козла, полый внутри.

Обрывки ткани из кендыря (табл. LXXV, 1).

Лоскуты цветной шерстяной ткани полотняного переплетения (табл. LXXV, 4).

Лоскуты цветных шерстяных тканей саржевого переплетения (табл. LXXV, 3).

Полосы плотной шерстяной ткани саржевого переплетения (табл. LXXV, 2).

Полосы шерстяной ворсовой ткани с цельными петлями (табл. LXXVI, 3).
 Лоскуты шерстяной ворсовой ткани с разрезанными петлями.
 Полосы и лоскуты цветной шерстяной ткани типа паласа (табл. XCVIII, 1 и 2; рис. 152).
 Вырезанная на коже кошачья головка (рис. 176).
 Вырезанные из дерева головки грифа (табл. LXXVIII, 7 и 8).
 Вырезанная из дерева головка лося (табл. LXXVIII, 9 и 10).
 Вырезанные из дерева фигурки оленя (табл. LXXIX, 1 и 2).
 Вырезанные из дерева фигурки грифов (табл. LXXIX, 3 и 4).
 Вырезанное из кожи изображение тетерева (табл. LXXIX, 5).
 Вырезанное из кожи изображение лося (табл. LXXIX, 8).
 Фрагменты вырезанной из кожи композиции — горный козел в лапах грифа (табл. LXXXI, 10).
 Вырезанная из дерева композиция головы оленя в клюве грифа (табл. LXXXIV, 4).
 Вырезанное из дерева „навершие“ с изображением головы оленя в клюве грифа (табл. LXXXIII, 1—4).
 Два роговых наконечника стрел (табл. LXXXV, 2).
 Односторонний роговой барабан (рис. 187).
 Музыкальный инструмент типа арфы (табл. LXXXVI, 1).
 Лоскут кожи с зашитыми в нем человеческими волосами (табл. LXXXVI, 2).
 Лоскут войлока с зашитыми в нем человеческими волосами (табл. LXXXVI, 3).
 Лоскут кожи с зашитым в нем кожаным кошельком с человеческими ногтями (табл. LXXXVI, 4—6).
 Обрывки кожи, войлока и меха.
 Листки золота.
 3. В конском захоронении.
 В конском захоронении было найдено семь скелетов лошадей (с незначительными остатками мягких частей и хвостами), схема расположения которых в могильной яме показана на рис. 27, б.
 Сохранность узд и седел плохая, ремни почти все истлели.
 Украшения узды с железными удилами и роговыми псалиями (табл. XXX, 4), налобной роговой подвеской, представляющей собою сцену — пара гусей в пасти хищника (табл. С, 1), роговыми бляхами с лотосным орнаментом (табл. С, 2 и 3).
 Украшения узды с деревянными псалиями, заканчивающимися кошачьими головками (табл. XLV, 3), с подвесками в виде скульптурных фигур кошек на пьедесталах (табл. XLV, 1 и 2) и круглой налобной бляхой (табл. XLII, 7).
 Деревянные уздечные псалии с гусиными головками на концах (табл. XLVI, 4).
 Деревянные уздечные псалии, заканчивающиеся головками горных баранов (табл. XLVI, 1).
 Деревянные украшения узды — фрагменты псалий с бараньими головками (табл. XLV, 5), налобная бляха с веревочным орнаментом (табл. XLII, 8), подвески в виде бараньих головок (XLV, 4), резные дощечки (табл. XLII, 6).
 Кожаная резная развилка на разветвление нащечных ремней узды (рис. 112).
 Кожаные украшения узды — псалии с львиными головками (рис. 113, б); львиные головки — украшения уздечных ремней (рис. 113, а); оленья голова в пасти львиной головы (рис. 113, в).
 Двое бронзовых (табл. XXX, 3) и пять железных удили.
 Седло со сценой нападения тигра на горного барана на седельной покрышке (рис. 100 и рис. 159).
 Седло со сценой нападения тигра на лося на седельной покрышке (рис. 157).
 Седло с изображением на седельной покрышке лося (табл. СІХ, 1).

Седло с изображением на седельной крышке орлиного грифона (табл. СІХ, 2).
 Седло с частично сохранившейся на седельной крышке сценой нападения хищника на парнокопытного (табл. СХ, 2).
 Два седла с простыми седельными крышками.
 Ворварки седельные (табл. XLII, 3 и 10).
 Роговые седельные подвески (табл. XLVI, 2, 3 и 5).
 Пряжка подпружная (табл. XLVI, 6).
 Часть нагрудного седельного ремня (рис. 114).
 Роговые пронизки седельные (табл. XLVI, 7).
 Конский головной убор с наверхием (рис. 137; табл. LXXII, 5).
 Голова грифа — часть конского начельника (рис. 136; табл. CVII, 2).
 Кнутовище нагайки (табл. CVI, 2).
 Дощечка, оклеенная белой шкуркой овечки.
 Кожаный покрытый меховым мозаичным узором (табл. XCI, 2) мешок, наполненный сыром.
 Два щита из палочек, переплетенных лоскутом кожи (кожа истлела).
 Листки золота.

КУРГАН ТРЕТИЙ

Курган третий (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1948 г. До раскопок представлял собой плоскую каменную насыпь диаметром 36 м, высотой 2.6 м, с западиной в центре кургана. В восточном направлении от кургана был поставлен ряд вкопанных в землю камней. По снятии каменной наброски (табл. VI, 1) и земляной насыпи широким раскопом (табл. VI, 2) обнаружили контуры могильной ямы размером 6.5×7.8 м, глубина которой оказалась 5.2 м от верхней поверхности погребенной почвы (рис. 12, вверху). В верхнем слое бревенчатых накатов внутри могильной ямы обозначился грабительский ход 2.8×3.2 м (табл. VIII, 1), который, постепенно уменьшаясь в размерах, в нижнем потолке погребальной камеры превратился в узкий лаз размером 0.37×0.48 м.

Под верхним накатом из бревен в могильной яме лежал слой из больших камней и валунов (табл. VII, 1 и 2), которые попадались и глубже. По удалении накатов из бревен и навалов из камней вскрылись сильно прогнувшиеся три балки (табл. VIII, 2), покоящиеся на шести толстых столбах, предохраняющие погребальную камеру от давления выше лежащего груза.

На дне могильной ямы у южной ее стенки стояла погребальная камера с полом из плах, двойными бревенчатыми стенками и двойным бревенчатым же потолком. Межстенное пространство в камере было заполнено битым камнем. Потолок погребальной камеры был прикрыт четырьмя слоями берестяных полотнищ, выше которых лежал слой лиственной коры и над ним кустарника — курильский чай. По вскрытии погребальная камера оказалась заполненной льдом (табл. IX, 1). Внутренние размеры камеры были 2.8×3.45 м при высоте 1.08 м.

В северной трети могильной ямы на уровне нижнего потолка погребальной камеры были захоронены лошади.

Находки в кургане третьем

1. В могильной яме над погребальной камерой и захоронением лошадей найдены: деревянные колья, часть из них длинные (рис. 4, а); части телег — оси, дрожины с перекладинами, колеса (рис. 143, рис. 145, б); крестцовая кость овцы.

2. В погребальной камере.
 Саркофаг-колода.
 Скелет мужчины (череп — табл. XVII, 3 и 4), выброшенный грабителями из саркофага (табл. IX, 2).
 Два столика (рис. 34; табл. XX, 2 и 3).
 Деревянная подушка для сидения (рис. 38).
 Деревянная лопаточка (рис. 54).
 Головной убор (табл. XCVI, 2).
 Часть второго головного убора.
 Остатки меха соболя.
 Шерстяной шнур (рис. 58, а).
 Пучки завязок из крученых шерстяных ниток (рис. 58, б).
 Лоскут шелковой ткани (табл. LXXVI, 1).
 Шелковый кисет (табл. LXXVI, 2).
 Лоскуты шерстяных тканей полотняного и саржевого переплетений и ткани петельчатой.
 Древки 24 стрел (табл. LXXXV, 3) с разнообразным орнаментом (табл. CXIX и CXX).
 Остатки шестиноги.
 Крестцовые кости лошади, коровы и овцы.
 Цветок скабиозы и различные мхи.
3. В конском захоронении.
 Скелеты четырнадцати лошадей, схема расположения которых в могильной яме дана на рис. 27, в.
 Кафтан из тонкого войлока (рис. 57) с капюшоном.
 Три щита из палочек (рис. 155).
 Набор уздечных роговых украшений, роговые псалмы и блок (табл. XLVII, 1—3).
 Набор седельных роговых украшений, мотив которых — „оленьи рога“ (табл. XLVII, 6—9; XLVIII, 6); накладки на седельные луки с изображениями голов лося (табл. XLVIII, 1), накладки на подпружные ремни с изображением головы кошки (табл. XLVIII, 2); шлёвки (табл. XLVII, 4 и 5); пронизки (табл. XLVIII, 3—5) и роговая пряжка (табл. XLVIII, 7).
 Узда (рис. 98) с бронзовыми удилами и вырезанными из дерева украшениями.
 Части узды с деревянными псалмами (табл. XLIX, 2), налобной бляхой (табл. L, 1), пронизкой и блоком (табл. L, 6 и 7).
 Набор украшений узды с железными удилами, мотив которых — розетки (табл. XLIX, 3; табл. L, 5).
 Узда с бронзовыми удилами, мотив украшений которой — вырезанные из дерева лебеди (рис. 30; рис. 97; табл. XLIX, 1).
 Узда с бронзовыми удилами (рис. 89), мотив украшений которой — вырезанная из дерева стилизованная „голова птицы“ (табл. L, 8 и 9).
 Узда с бронзовыми удилами (табл. LI, 1), мотив украшений которой, равно как и нагрудного седельного ремня, — вырезанные из дерева фигуры горных баранов и шарики (табл. L, 2 и 4; табл. LI, 3 и 4); уздечная нащечная развилка в виде распластанной головы волка (рис. 96); уздечная пронизка (табл. LI, 2).
 Набор украшений узды, мотив которых — вырезанная из дерева голова лося (табл. LII, 2—4; рис. 115), с треугольной налобной подвеской (табл. LII, 1).
 Набор украшений седла того же комплекта, что и вышеотмеченной узды, мотивы украшения которого — оленьи головы, оленьи рога, зайцы и фигурки „львенка“ (табл. LIII, 1—4; табл. LIV, 1—9).
 Набор украшений узды с бронзовыми удилами (табл. LV, 5), основной мотив украшений которой — вырезанные из дерева головы сайги (табл. LV, 2—4), и подковообразной лобной подвеской (табл. LV, 1).

Набор украшений узды и седла, основной мотив которых — вырезанная из дерева рогатая и ушастая львиная головка (табл. LVI, 1—6), с блоком (табл. LVI, 7) и развилками на нащечные уздечные ремни (табл. LVI, 8).

Налобная уздечная бляха (табл. LVII, 1).

Из четырнадцати удил пять бронзовых, остальные железные.

Остатки седла с накладками, украшающими его луки (рис. 110, з; рис. 116), седельные и подпружные ремни (рис. 117 и 118) с подвесными бляхами с орнаментом в виде стилизованных оленьих рогов (рис. 119; табл. LVII, 5 и 6).

Остатки седла с украшениями его передних луков (табл. CIV, 1), подпружного ремня (рис. 120) и вырезанными из дерева бляхами (табл. LVII, 4 и 7).

Набор деревянных седельных подвесок (табл. LVII, 2 и 3).

Остатки седла с украшением луки (табл. CIV, 6).

Остатки седла с украшением луки (табл. CIV, 4).

Остатки седел с вырезанными из листового золота украшениями луков (рис. 121—123).

Остатки седла с украшением луки (табл. CIV, 2).

Остатки седла с украшением луки (табл. CIV, 3).

Остатки седла с украшением луки (табл. CIV 5).

Фрагменты седельных подушек.

Деревянные седельные распорки (рис. 102).

Роговые накладки на луки двух седел (табл. LVIII, 1—4).

Роговые седельные подвески, накладки, пронизки и шлёвки (табл. LIX, 1—14).

Вырезанная из дерева головка фантастической птицы, конское навершие (табл. LXXII, 1).

Вырезанная из дерева голова рогатой и клыкастой фантастической птицы, конское навершие (табл. LXXII, 2).

Вырезанные из кожи части украшений узды и конских наверший (рис. 138 и 139).

Вырезанная из дерева фигурка птицы (рис. 168).

Седельная палочка с надетой на один из ее концов кошачьей головкой (табл. LXXVIII, 5).

Многочисленные листки золота и лака, покрывавшие вырезанные из дерева украшения и седельные луки.

КУРГАН ЧЕТВЕРТЫЙ

Курган четвертый (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1948 г. Диаметр каменной наброски этого кургана 24 м при высоте 1.5 м, с западиной в центре. К востоку от кургана вертикально поставлен ряд камней, вкопанных в землю. По снятии широким раскопом каменной наброски и земляной насыпи обнаружены контуры могильной ямы размером 5.3 × 5.6 м, глубиной 4.1 м от верхней поверхности погребенного слоя почвы (рис. 12, внизу). Бревна накатов внутри могильной ямы истлели. По камням и мусору, попавшим в могильную яму и в погребальную камеру, установлен грабительский ход. На дне могильной ямы у южной ее стенки стояла погребальная камера с полом из плах, срубом из толстых брусьев и бревенчатым, сильно истлевшим потолком. Над потолком камеры найдены остатки покрывавших его бересты и кустарника — курильский чай. Внутренние размеры камеры были 2.14 × 3.75 м, высота 1.2 м.

Пространство между стенками могильной ямы и погребальной камеры (за исключением северных) было заполнено битым камнем.

В северной части могильной ямы были захоронены лошади, поверх которых в четыре слоя были положены бревна, причем верхний слой этих бревен прикрывал и камеру.

Вся могильная яма вышеуказанного сплошного бревенчатого наката, прикрывающего погребальную камеру и лошадей, была заполнена валунами с землей, под тяжестью которых сильно прогнулась крыша камеры и деформировались ее стены.

Находки в кургане четвертом

1. В могильной яме, в северо-восточном ее углу, найдена выделанная из бревна лестница (рис. 8).

В конусе мусора, завалившего грабительский лаз, найдены: крупный обломок венчика глиняного кувшина; вырезанная из кожи головка ушастого грифа с оленьим рогом (табл. LXXXIV, 1); массивное роговое долото (табл. LXXIII, 7); две деревянные ножи от столика.

2. В погребальной камере, заполненной льдом, найдены: два саркофага-колоды с лежащими в них скелетами мужчины (череп — табл. XVII, 1 и 2) и женщины (табл. X, 1); столик (рис. 35, табл. XX, 4); ножки от другого столика (табл. XX, 5); деревянная подушка для сидения (рис. 39, а); древки от двух шестиног; белые цилиндрические бусы; деревянный колышек в носовой полости черепа женщины.

3. В конском захоронении.

В конском захоронении было найдено 14 скелетов лошадей, схема расположения которых в могильной яме представлена на рис. 27, г. Сохранились только украшения узд и седел. Удила, повидимому, были только железные (судя по остаткам окиси железа на уздечных псалиях), бронзовых удил не найдено.

Набор роговых принадлежностей узды и ее украшений (табл. LX, 1—3, 5 и 12).

Набор роговых принадлежностей узды и ее украшений (табл. LX, 4, 6, 7—9).

Роговые блоки от уздечных поводов (табл. LX, 10 и 11).

Два набора роговых накладок на седельные луки, роговых же седельных подвесок, накладок на подпругные ремни, пронизок и шлёвок, подпругная пряжка (табл. LX, 13; табл. LXI, 1—13).

Деревянные псалии и набор уздечных украшений, мотив которых — волк (табл. LXII, 1 и 2).

Деревянные псалии с изображением головы волка и набор уздечных подвесок — голова козули в пасти волчьей головы (табл. LXII, 3—7).

Набор деревянных уздечных украшений, мотив которых — кошка (табл. LXIII, 4—7; рис. 124).

Деревянные псалии и набор уздечных украшений, мотив которых — голова рогатой кошки (табл. LXIII, 1—3).

Деревянные псалии и набор уздечных украшений, мотив которых — ушастые птички головки и фигурки фантастических птиц (табл. LXIV, 2, 3 и 6).

Деревянные псалии и набор украшений узды, мотив которых — фантастическая кабанья голова (табл. LXIV, 1 и 5) с вырезанными из кожи фантастическими животными (рис. 125) и навершием в виде рогатой головы кабана (табл. LXV, 2 и 3; рис. 126).

Части деревянных уздечных псалий (табл. LXIV, 4, 7—9).

Кнутовище нагайки (рис. 142).

Остатки щитков из палочек.

Листки золота.

КУРГАН ПЯТЫЙ

Курган пятый (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1949 г. (табл. X, 2 и табл. XI, 1). Диаметр каменной наброски кургана 42 м при высоте 3.75 м, с глубокой западиной в центре. По окружности этого кургана, отступя 2.5—3 м от края каменной его наброски, на некотором расстоянии один от другого были вертикально врыты каменные плиты. Вокруг кургана имеются примыкающие к нему радиально расположенные каменные кладки (рис. 3).

По снятию широким раскопом каменной наброски (табл. XI, 2) и земляной насыпи наметились контуры могильной ямы 6.65 × 8.25 м, глубина которой оказалось 4 м от

верхней поверхности погребенного слоя почвы. Под верхним накатом из бревен в могильной яме обнаружен слой крупных камней и валунов до трех тонн весом (табл. XII, 1), ниже которого шел трехслойный накат из бревен (табл. XII, 2). Грабительский ход размером 1.45×1.90 м четко выявился в нижнем слое бревен упомянутого выше бревенчатого наката (табл. XIII, 1). По снятии бревенчатого наката обнажился покрытый берестяными полотнищами (рис. 13) верхний потолок погребальной камеры (табл. XIII, 2) с прорубленным в нем грабителями лазом — 0.89×0.93 м (табл. XIII, 2 и табл. XIV, 1). В нижнем внутреннем потолке погребальной камеры был прорублен лаз размером 0.43×0.9 м.

По снятии обоих потолков выяснилось, что камера заполнена льдом (табл. XIV, 2). Погребальная камера, которая стояла непосредственно на дне могильной ямы, имела пол из толстых плах, бревенчатые внутренний и наружный срубы, бревенчатые же потолки. Межстенное пространство в камере ничем не было заполнено. Внутренние размеры камеры 2.3×5.2 м при высоте 1.4 м.

В отличие от прочих Пазырыкских больших курганов, поверх берестяных полотнищ, прикрывающих потолок погребальной камеры, слой кустарника — курильский чай — в кургане пятом отсутствовал.

Груз из навала камней и валунов, из настилов бревен поддерживался над камерой тремя толстыми балками, положенными в корытообразные углубления трех пар вертикально поставленных у южной и северной стенок камеры столбов (табл. XIII, 1; балки сняты).

В северной трети могильной ямы были захоронены лошади. Там же была уложена часть вещей. Различные вещи были положены также между южными стенками могильной ямы и погребальной камеры.

Разрез кургана пятого и его могильной ямы представлен на рис. 11.

Находки в кургане пятом

(рис. 11, 26 и 28)

1. В могильной яме между бревенчатыми накатами найдены дрожины от телег. У западной стенки ямы — оглобля волокуши, части повозки и большое количество тонких жердей (рис. 147).

В грабительском ходе на внутреннем потолке погребальной камеры — деревянная подушка для сидения (рис. 39, б).

2. В погребальной камере.

Саркофаг-колода с крышкой, прижатые особым бревенчатым „клином“, выступающим из южных стенок камеры (табл. XV, 1).

Труп мужчины (табл. XV, 2; табл. XVIII, 3; рис. 188).

Труп женщины (рис. 189).

Остатки войлочного настенного ковра с изображениями сфинкса (табл. CXIV), птицы (табл. XC, 1) и узорного бордюра (табл. XC, 2).

Колышки, которыми был закреплен ковер на стенках камеры (рис. 22).

Ножки от трех столиков (рис. 36) и часть одной крышки столика.

Войлочная подушечка, набитая оленьим волосом (рис. 42).

Рожок с деревянной ложечкой (рис. 53).

Женский головной убор с косой (табл. XXVI, 2).

Часть войлочного чулка.

Шкура овцы.

Шкура козы.

Древки шестиног.

Тщательно отесанные прямоугольные доски с ремennыми завязками.

Роговой односторонний барабан.

Остатки сыра.

Бирюзовая шестигранная бусина (табл. ХСІХ).

Черепок глиняного кувшина.

Семена посевного кориандра.

3. В конском захоронении и у южной стенки могильной ямы.

Девять трупов лошадей (рис. 28).

Первый комплект конской упряжи, состоящий из узды и седла с чепраком. Узда украшена вырезанными из дерева фигурками в виде „репьев“ (табл. LХV, 1 и рис. 94). Седло со щитовидными деревянными подвесками без орнамента (рис. 104, а; рис. 105, б; рис. 106, б). Войлочный чепрак, покрытый тонкой шерстяной переднеазиатской тканью (табл. СХVІІ, 2 и 3; рис. 190), с нагрудником, покрытыми переднеазиатской тканью с изображением львов (табл. СХVІІ, 1; рис. 191).

Второй комплект конской упряжи состоит из узды, седла и чепрака. Узда с дисковидными вырезанными из дерева украшениями (табл. LХVІ). Седло простое, украшенное вырезанными из дерева щитовидными подвесками с орнаментом в виде стилизованных „олених рогов“ (табл. LХХ, 4 и 5). Войлочный чепрак с узорной аппликацией (табл. СІ).

Третий комплект конской упряжи состоит из узды, седла и чепрака. Узда с вырезанными из дерева украшениями, мотив которых — кошачья головка (табл. LХІХ, 1 и 2), с развилкой у нащечных ремней в виде головы волка (табл. LХІХ, 1). Седло простое, с луками, покрытыми красным лаком. Войлочный чепрак с узорной аппликацией (табл. СІІ).

Четвертый комплект конской упряжи состоит из узды, седла и чепрака. Узда с вырезанными из дерева украшениями в виде головки сайги и двудольных пронизок (рис. 90; табл. LХVІІ, 1 и 2). Седло с вырезанными из дерева и кожи украшениями в виде головки сайги с кожаными накладками на седельные луки с изображением лошадиных голов, вырезанными из дерева подвесками и накладками на подхвостный ремень в виде рогатых кошачьих головок (рис. 99; рис. 104, б; табл. CV, 1—4; табл. LХVІІ, 3—6). Войлочный чепрак с узорной аппликацией (табл. СІІІ).

Пятый комплект конской упряжи и убора состоит из узды, седла, чепрака, головного убора и нагивника. Узда с деревянными псалиями, на верхних концах которых вырезаны головки грифов, ремни узды украшают вырезанные из дерева кошачьи головки, а перекрестия ремней узды — фигурки оленей (рис. 127; табл. LХVІІІ, 1 и 2; табл. LХІХ, 3 и 4); вырезанная из дерева развилка на нащечных ремнях в виде головы волка (табл. LХІХ, 5). Седло (рис. 128) с покрывкой, на которой — стилизованные лошадиные головы и вырезанные из шелковой материи крестики (табл. CVІІ, 1); седельные луки украшают вырезанные из кожи изображения лосей (табл. CVІ, 1); мотив вырезанных из дерева седельных украшений — кошки и кошачьи головки (табл. LХVІІІ, 3—7; табл. LХІХ, 3 и 4). Войлочный чепрак покрыт белой шелковой тканью с вышивкой из разноцветных шелковых ниток (рис. 129—132; табл. СХVІІІ). Головной конский убор с наверху — вырезанной из дерева оленьей головой (табл. LХХ, 6 и 7; табл. LХХІІ, 3 и 4); кожаный нагивник с конским волосом, выкрашенным в красный цвет.

Четыре совершенно одинаковых узды упряжных лошадей с вырезанными из дерева украшениями в виде полушарных блях (табл. LХХ, 1—3).

Удила — все железные.

Части телеги на толстых осях с цельными колесами (рис. 144).

Четырехколесная повозка — колесница с дышловой упряжкой четверика лошадей, деревянными развилками у ярма и постромками (рис. 146).

Покрывание повозки из прутьев и черного войлока. Скульптурные войлочные изображения лебедей, украшение повозки (табл. CVІІІ).

Многочисленные тонкие жерди.

Лестница из бревна.

Часть купола переносного жилища с лопаточками от купола и частями стенок.
Большой войлочный ковер с изображениями сидящей на троне богини и стоящим перед ней всадником (табл. LXXXVIII и табл. XCV).
Ворсовый переднеазиатский ковер (табл. CXV и CXVI, 1 и 2; рис. 192—197).
Рог марала.
Многочисленные листки золота, покрывавшие вырезанные из дерева украшения.

КУРГАН ШЕСТОЙ

Курган шестой (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1949 г. Диаметр каменной наброски кургана 14—15 м при высоте 0.7 м над уровнем верхней поверхности погребенной почвы и с грабительской впадиной в центре. Размер могильной ямы 3.4×3.4 м, глубиной 2.2 м. В южной части на дне могильной ямы обнаружены остатки бревенчатой камеры (2.2×2.3 м) в три венца (высотой 0.5 м). В северной трети могильной ямы захоронены лошади.

Находки в кургане шестом (рис. 14)

Скелеты взрослого человека (вероятно, женщины) и девочки-подростка.
Скелеты трех лошадей.
Китайское зеркало (рис. 85; табл. XXIX, 6).
Большое количество белых (мраморных) цилиндрических бус, бусы сердоликовые и стеклянные.
Раковины уховки (табл. XXVII, 4, табл. XCIX).
Пластинки красного лака.
Золотые пронизки.
Два глиняных кувшина (табл. XXII, 2).
Роговые седельные накладки и подвески (рис. 133).
Нож железный.
Обломок железного стержня.
Листки золота.

КУРГАН СЕДЬМОЙ

Курган седьмой (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2), раскопанный в 1949 г., был различим только по неглубокой впадине, оставшейся после его ограбления. Раскоп 4×4 м был сделан в центральной части кургана. Могильная яма была размером 2×2 м, глубиной 1.9 м от верхней поверхности погребенного слоя почвы. У южной стенки могильной ямы обнаружены остатки бревен сруба из двух венцов. Дно было устлано досками, сруб был покрыт плахами.

Находки в кургане седьмом

Кости ног и черепа ребенка.
Фрагмент одежды — нагрудника (табл. XCVIII, 3).
Лоскуты от меховой одежды (табл. XCVIII, 4).
Остатки узора одежды и золотых бляшек различной формы.
Ветвь рога оленя.

КУРГАН ВОСЬМОЙ

Курган восьмой (на плане Пазырыкской группы курганов, рис. 2) раскопан в 1949 г. Диаметр каменной наброски кургана 14 м, высота над уровнем погребенной почвы 0.65 м, с впадиной в центре. Размер могильной ямы 3.2×3.6 м, глубина около 3 м. На глубине 2.65 м от верхней поверхности погребенной почвы обнаружены остатки сруба погребальной камеры в три венца.

Находки в восьмом кургане

Скелет женщины.

Кости одной лошади.

Мотыга из рога оленя (рис. 7).

Медные штампованные пластинки квадратной формы (рис. 76, 6).

Медная, крытая золотом, пронизка.

Листки золота.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К.
1940. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Политиздат при ЦК ВКП(б).
- Маркс К. и Ф. Энгельс.
1937. Сочинения, т. XIV, ч. 1.
1937. Сочинения, т. XVI, ч. 1.
- Сталин И.
1947. Сочинения, т. V.
1950. Относительно марксизма в языкознании. Госполитиздат.
- Аммиан Марцеллин.
Книга деяний.
- Андреев М. С.
1923. Вещие сны, несколько примет и детская игра „Сорока-ворона“ среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Известия Главного Среднеазиатского музея, вып. 2. Ташкент.
- Артамонов М. И.
1947. Общественный строй скифов. Вестник Ленинградского университета, № 9.
1948. Третий Разменный курган у ст. Костромской. Советская археология, X.
1950. Происхождение славян.
- Бернштам А. Н.
1947. Беркаринская пряжка. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XVII.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф)
1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.-Л.
- Бобринский А.
1887—1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, вып. 1—3. СПб.
- Видонова Е. С.
1938. Катандинский халат. Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ, вып. 8.
- Витт В. О.
1952. Лошади Пазырыкских курганов. Советская археология, XVI.
- Геродот.
История в девяти книгах.
- Гесихий Александрийский.
Словарь.
- Гиппократ.
О воздухе, водах и местностях.
- Гольмстен В. В.
1933. Из области культа древней Сибири. Ленинград.

- Григорьев В. В.
1871. О скифском народе саках. СПб.
- Грум-Гржимайло Е. Г.
1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград.
- Грязнов М. П.
1928. Раскопки княжеской могилы на Алтае. Человек, № 2—4.
1947. Памятники Маймирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XVIII.
1950. Первый Пазырыкский курган. Ленинград.
- Дебед Г. Ф.
1948. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР.
- Диодор Сицилийский.
Библиотека.
- Древности Босфора Киммерийского.
1854. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб.
- Замятин С. Н.
1946. Скифский могильник „Частые курганы“ под Воронежем. Советская археология, VIII.
- Киселев С. В.
1935. Из работ алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. Советская этнография, № 1.
1947. Алтай в скифское время. Вестник древней истории, № 2.
1949. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР, № 9.
- Ксенофонт.
Анабазис.
Киропедия.
- Лаппо-Данилевский А.
1887. Скифские древности. Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества, т. 4. СПб.
- Николай Дамаскин.
Всемирная история.
- Отрывки из Ктесия.
1844. Отрывки из Ктесия, собранные Мюллером при издании Геродота (C. Müller). Herodoti historiarum libri, IX).
- Паллас П. С.
1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.
- Плиний Старший.
Естественная история.
- Помпоний Мела.
Землеописание.
- Потапов Л. П.
1948. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск.
- Придик Е.
1911. Мельгуновский клад. Материалы по археологии России, № 31.
- Ростовцев М. И.
1914. Воронежский серебряный сосуд. Материалы по археологии России, № 34.
- Руденко С. И.
1929. Графическое искусство остяков и вогулов. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2.
1930. К палеоантропологии Южного Алтая. Сборник „Казак“, Ленинград.

1931. Скифское погребение Восточного Алтая. Сообщения ГАИМК, № 2.
1944. Скифская проблема и алтайские находки. Известия АН СССР, серия истории и философии, № 6.
1948. Второй Пазырыкский курган. Ленинград.
1949. Древнейшая скифская татуировка. Советская этнография, № 3.
1949. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XXVI.
1949. Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. Советская археология, XI.
1949. Татуировка азиатских эскимосов. Советская этнография, № 1.
1950. Раскопки Пазырыкской группы курганов. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XXXII.
1951. Пятый Пазырыкский курган. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. XXXVII.
- Руденко С. И. и Н. М.
1949. Искусство скифов Алтая. Москва.
- Смирнов Я. И.
1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Сорокин Н.
1873. Путешествие к вогулам. Труды Общества естествоиспытателей Казанского университета, т. III, № 4.
- Страбон.
География.
- Тевяшов Е. Е.
1910. О назначении боковых отверстий на втулках бронзовых наконечников скифских стрел. СПб.
- Толстой И. и Кондаков. Н.
1889—1890. Русские древности в памятниках искусства, вып. 2 и 3. СПб.
- Тураев Б.
1911. Скифия в иероглифической надписи. СПб.
- Шавров Н. М.
1902. Ковровое производство в Малой Азии. Тифлис.
- Andersson J. G.
1932. Hunting magic in the animal style. The Museum of Far Eastern antiquities, Bull. 4.
- Babelon E.
1888. Manuel d'Archéologie orientale. Paris.
1893. Les Perses Achéménides, les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire. Cypre et Phénicie. Paris.
- Contenau G.
1927—1947. Manuel d'Archéologie orientale. Depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre, t. I—IV. Paris.
- Dalton O. M.
1905. The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London
- Dieulafoy M.
1885. L'art antique de la Perse, Achéménides, Parthes, Sassanides, v. 3. Paris.
1892. L'Acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884, 1885, 1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Paris.
- Dussaud R.
1938—1939. The bronzes of Luristan. Types and history. A survey of persian art, t. I—IV. London.

- Furtwängler A.
1900. Die Antiken Gemmes. Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. Berlin.
- Griaznov M. P. and Golomshtok. E. A.
1933. The Pazirik burial of Altai. American Journal of Archaeology, v. 37, № 1.
- Herzfeld E. E.
1941. Iran in the ancient East. London—New York.
- Heuzey L.
1900. Monuments Piot.
- Layard A. H.
1849. The monuments of Nineveh, ser. I. London.
1867. Nineveh and Babylon. London.
1867. Nineveh and its remains. London.
- Ménant J.
1886. Recherches sur la glyptique orientale. Cylindres de l'Assyrie. Paris, p. 2.
- Minns E. H.
1913. Scythians and Greeks, a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge.
- Morgan de J.
1905. Délégation en Perse. Recherches archéologiques, t. VIII, ser. 3. Paris.
- Müntz E.
La tapisserie. Paris.
- Perrot G. et Chipiez Ch.
1884—1890. Histoire de l'art dans l'antiquité, tt. II—V. Paris.
- Pottier E.
1926. L'art Hittite. Paris.
- Radloff W.
1893. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Leipzig.
- Rostovtzeff M.
1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
1929. The animal style in South Russia and China. Leipzig—London.
- Salmony A.
1933. Sino-sibirian art in the collection of C. T. Loo. Paris.
- Schweinfurth.
1883. Neue Beiträge zur Flora des alten Aegypten. Berichte Deutsch. Bot. Ges., № 1.
- Swallow R. W.
1937. Ancient chinese bronze mirrors. Peiping.
- Trever C.
1932. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad.
- Umeshara S.
1935. L'étude sur le miroir antérieur à la dynastie des „Han“. Kyôto.
- Ward W. H.
1920. Cylinders and other ancient oriental seals. London.
- Weber O.
Assyrische Kunst. Berlin.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Рис. 1. Схематическая карта Горного Алтая	13
Рис. 2. План Пазырыкской группы курганов	15
Рис. 3. План пятого Пазырыкского кургана	27
Рис. 4. Кол. Курган третий. Лопаты (б, в). Курган второй	28
Рис. 5. Колья из различных курганов	29
Рис. 6. Колотушки. Курган второй	30
Рис. 7. Мотыга. Курган восьмой — ветвь оленьего рога	31
Рис. 8. Часть лестницы. Курган четвертый	31
Рис. 9. Курган первый — сверху и второй — внизу (в разрезе)	32
Рис. 10. Могильная яма кургана второго (в разрезе)	32
Рис. 11. Курган пятый и его могильная яма (в разрезе)	33
Рис. 12. Курган третий — сверху и четвертый — внизу (в разрезе)	35
Рис. 13. Берестяное покрытие камеры в кургане пятом	37
Рис. 14. План могильной ямы кургана шестого	40
Рис. 15. План могилы первого Арагольского кургана	41
Рис. 16. Саркофаг-колода. Курган первый	44
Рис. 17. Изображения петухов, вырезанные из кожи. Курган первый	45
Рис. 18. Изображения оленей, вырезанные из кожи. Курган второй	46
Рис. 19. Угол в погребальной камере кургана второго	47
Рис. 20. Львиная голова — изображение на настенном ковре. Курган первый	47
Рис. 21. Деревянные колышки. Курган второй	48
Рис. 22. Деревянные колышки. Курган пятый	48
Рис. 23. Медные гвозди. Курган второй	49
Рис. 24. Расположение находок в камере кургана второго на поверхности льда первой фазы	51
Рис. 25. Расположение вещей на полу камеры кургана второго	53
Рис. 26. План могильной ямы в кургане пятом и расположение в ней вещей	55
Рис. 27. Схема расположения коней в первых четырех курганах	57
Рис. 28. Схема расположения коней и вещей в северной части могильной ямы кургана пятого	59
Рис. 29. Седла в конском захоронении кургана первого; наверху справа конское копыто	60
Рис. 30. Узда в конском захоронении кургана третьего	61
Рис. 31. Череп из Шибинского кургана	63

	Стр.
Рис. 32. Светильня во льду на полу потрепальной камеры. Курган второй	81
Рис. 33. Светильня. Курган второй	82
Рис. 34. Столик. Курган третий	84
Рис. 35. Столик. Курган четвертый	84
Рис. 36. Ножки от столиков. Курган пятый	85
Рис. 37. Деревянные подушки. Курганы первый и второй	86
Рис. 38. Деревянная подушка. Курган третий	87
Рис. 39. Деревянные подушки. Курганы четвертый и пятый	87
Рис. 40. Чехол на подушку из меха степной кошки. Курган второй	88
Рис. 41. Часть чехла на подушку (апликация из кожи). Курган второй	88
Рис. 42. Войлочная подушечка, набитая оленьим волосом. Курган пятый	89
Рис. 43. Угол войлочного ковра с кольцом. Курган второй	90
Рис. 44. Украшения на кувшине — вырезанные из кожи петухи. Курган второй	92
Рис. 45. Кожаная фляга, крытая мехом. Курган первый	93
Рис. 46. Кожаная сума. Курган второй	95
Рис. 47. Схема устройства кармана в сумке с клапаном. Курган второй	96
Рис. 48. Медные штампованные фигурки птиц. Курган второй	97
Рис. 49. Орнамент на кожаном кошельке. Курган второй	97
Рис. 50. Мешок из собольего меха. Курган второй	98
Рис. 51. Курильница во льду кургана второго	99
Рис. 52. Камера кургана второго	100
Рис. 53. Рожок и деревянная ложечка. Курган пятый	101
Рис. 54. Деревянная лопатка. Курган третий	101
Рис. 55. Покрывало кожаное. Курган второй	102
Рис. 56. Покрой рубахи. Курган второй	105
Рис. 57. Покрой кафтана. Курган третий	107
Рис. 58. Завязки от одежды. Курган третий	108
Рис. 59. Войлочные чулки. Курган второй	112
Рис. 60. Женская одежда. Курган второй	113
Рис. 61. Рукав женской одежды. Курган второй	114
Рис. 62. Деталь орнамента нагрудника. Курган второй	115
Рис. 63. Детали орнамента нагрудника. Курган второй	116
Рис. 64. Деталь орнамента нагрудника. Курган второй	117
Рис. 65. Деталь орнамента нагрудника. Курган второй	117
Рис. 66. Орнамент на головке женской обуви. Курган второй	118
Рис. 67. Орнамент женской обуви. Курган второй	119
Рис. 68. Чулки женские. Курган второй	120
Рис. 69. Чулки женские. Курган второй	120
Рис. 70. Узор верхнего края голенища женской обуви. Курган второй	121
Рис. 71. Украшение на ремне — изображения петухов. Курган второй	125
Рис. 72. Медные штампованные украшения. Курган второй	126
Рис. 73. Медная подвеска. Курган второй	127
Рис. 74. Медная штампованная пластина. Курган второй	128
Рис. 75. Медная штампованная пластина. Курган второй	129
Рис. 76. Медные штампованные украшения	129
Рис. 77. Гребни роговые	131
Рис. 78. Серьга золотая. Курган второй	132
Рис. 79. Шейная гривна. Курган второй. (Реконструкция)	133
Рис. 80. Татуировка мужчины. Курган второй	137
Рис. 81. Татуировка мужчины. Курган второй	138

	Стр...
Рис. 82. Татуировка на правой руке мужчины. Курган второй	139
Рис. 83. Татуировка на левой руке мужчины. Курган второй	139
Рис. 84. Рентгеновский снимок зеркала и его разрез. Курган второй	143
Рис. 85. Зеркало. Курган шестой	144
Рис. 86. Меты на ушах коней. Курганы первый и пятый	147
Рис. 87. Конские хвосты. Курганы второй и третий	149
Рис. 88. Конский хвост, завязанный узлом. Курган первый	150
Рис. 89. Узда. Курган третий	151
Рис. 90. Узда. Курган пятый	152
Рис. 91. Схема переплетения ремней — суголовного и переносья	153
Рис. 92. Схемы уздечных узлов	153
Рис. 93. Закрепление ремней подбородника и прикрепление чумбура к удилам	154
Рис. 94. Налобная подвесная бляха узды. Курган пятый	155
Рис. 95. Круглые налобные уздечные бляхи. Курган первый	156
Рис. 96. Деревянная уздечная развилка. Курган третий	157
Рис. 97. Гармоника нащечных уздечных ремней	158
Рис. 98. Узда. Курган третий	159
Рис. 99. Седло. Курган пятый	162
Рис. 100. Седло. Курган второй	163
Рис. 101. Деревянные дужки с седельных лук. Курган первый	165
Рис. 102. Седельные распорки. Курган третий	166
Рис. 103. Седельная распорка. Курган пятый	166
Рис. 104. Схемы закрепления нагрудного седельного ремня. Курган пятый	167
Рис. 105. Прикрепление нагрудного седельного ремня к подпружному со шлёвками и подвесные щитки. Курган пятый	168
Рис. 106. Схемы закрепления седельных подхвостных ремней. Курган пятый	169
Рис. 107. Конец нижнего подпружного ремня	170
Рис. 108. Уздечная псалия. Курган первый	174
Рис. 109. Манекен оседланного коня	175
Рис. 110. Вырезанные из кожи ажурные накладки на седельные луки	180
Рис. 111. Вырезанные из кожи украшения подхвостных седельных ремней. Курган первый	181
Рис. 112. Кожаное украшение узды. Курган второй	184
Рис. 113. Кожаные украшения узды. Курган второй	184
Рис. 114. Кожаное украшение седельного нагрудника. Курган второй	185
Рис. 115. Лосиные головы — уздечные украшения. Курган третий	191
Рис. 116. Украшение передней луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	195
Рис. 117. Украшение седельного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	196
Рис. 118. Украшение верхнего подпружного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	196
Рис. 119. Седельная на ремне подвеска. Курган третий	196
Рис. 120. Украшение верхнего подпружного ремня — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	197
Рис. 121. Украшение передней луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	198
Рис. 122. Украшение луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	198

	Стр
Рис. 123. Украшение луки седла — вырезанный из листового золота орнамент. Курган третий	199
Рис. 124. Украшение узды — вырезанная из дерева фигурка кошки. Курган четвертый	203
Рис. 125. Вырезанное из кожи украшение узды. Курган четвертый	205
Рис. 126. Орнамент на медных кружках от конского навершия. Курган четвертый	206
Рис. 127. Узда. Курган пятый	211
Рис. 128. Седло. Курган пятый	213
Рис. 129. Чепрак, вышитый шелками. Курган пятый	215
Рис. 130. Деталь узора, вышитого шелками на чепраке. Курган пятый	216
Рис. 131. Деталь узора, вышитого шелками на чепраке. Курган пятый	217
Рис. 132. Вышитые шелками фазаны (фениксы) на чепраке. Курган пятый	218
Рис. 133. Набор роговых седельных украшений. Курган шестой	219
Рис. 134. Маска — конский головной убор с навершием. (Реконструкция). Курган первый	220
Рис. 135. Нагивники. Курган первый	221
Рис. 136. Голова грифа — часть навершия конского головного убора. Курган второй	222
Рис. 137. Конский головной убор с навершием. Курган второй	223
Рис. 138. Вырезанные из кожи украшения узды и навершия. Курган третий	224
Рис. 139. Вырезанные из кожи украшения узды. Курган третий	225
Рис. 140. Кожаный футляр на хвост коня и нагайка. Курган первый	227
Рис. 141. Орнамент на кожаных футлярах конских хвостов. Курган первый	228
Рис. 142. Кнотовище нагайки. Курган четвертый	228
Рис. 143. Колеса от телеги в кургане третьем	229
Рис. 144. Колесо на оси в кургане пятом	230
Рис. 145. Колеса от телег. Курган второй и третий	231
Рис. 146. Колеса от повозки в кургане пятом	233
Рис. 147. Оглобля волокуши с жердями в кургане пятом	235
Рис. 148. Торцовые части отдельных бревен со следами рубки	239
Рис. 149. Нож с футляром. Курган второй	240
Рис. 150. Схема переплетения нитей ткани	246
Рис. 151. Схема переплетения нитей ткани	247
Рис. 152. Схема переплетения нитей ткани	249
Рис. 153. Схема переплетения нитей ткани с одной основой и двумя утками	249
Рис. 154. Кинжал. Арагольский курган	262
Рис. 155. Щит. Курган третий	263
Рис. 156. Украшение седельной покрывки — тигр напал на лося. Курган первый	273
Рис. 157. Украшение седельной покрывки — тигр напал на лося. Курган второй	274
Рис. 158. Украшение седельной покрывки — тигр напал на оленя. Курган первый	275
Рис. 159. Украшение седельной покрывки — тигр напал на горного барана. Курган второй	275
Рис. 160. Украшение седельной покрывки — тигр напал на горного барана. Курган первый	276
Рис. 161. Украшение седельной покрывки — лось в когтях грифа. Курган первый	277
Рис. 162. Изображение льва на седельной покрывке. Курган первый	278
Рис. 163. Украшение седельной покрывки — борьба грифонов. Курган первый	280
Рис. 164. Украшение седельной покрывки — голова льва. Курган первый	281
Рис. 165. Украшение седельной покрывки — голова барана. Курган первый	282
Рис. 166. Седло. Курган первый	283
Рис. 167. Седельная подвеска — схваченная рыбой голова барана. Курган первый	285

	Стр.
Рис. 168. Фигурка птицы. Курган третий	286
Рис. 169. Фигурка кабана	288
Рис. 170. Схематическое изображение грифа — украшение седельного нагрудника . Курган первый	291
Рис. 171. Цветок лотоса. Курган второй	292
Рис. 172. Рыба в татуировке на правой ноге мужчины. Курган второй	294
Рис. 173. Петухи на нагивниках. Курган первый	296
Рис. 174. Горный баран в татуировке на правой руке мужчины. Курган второй	298
Рис. 175. Кулан в татуировке на правой руке мужчины. Курган второй	302
Рис. 176. Кошачья головка. Курган второй	303
Рис. 177. Изображение фантастического животного в татуировке на правой руке мужчины. Курган второй	309
Рис. 178. Изображение фантастического зверя в татуировке на груди и на спине мужчины. Курган второй	310
Рис. 179. Изображение фантастического крылатого зверя в татуировке на правой руке мужчины. Курган второй	310
Рис. 180. Изображение фантастического рогатого зверя в татуировке на правой ноге мужчины. Курган второй	311
Рис. 181. Изображение фантастического зверя в татуировке на правой руке мужчины. Курган второй	312
Рис. 182. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. Курган второй	313
Рис. 183. Изображение фантастического зверя в татуировке на плече правой руки мужчины. Курган второй	314
Рис. 184. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины. Курган второй	314
Рис. 185. Изображение фантастического зверя в татуировке на левой руке мужчины Курган второй	315
Рис. 186. Образцы сцен нападения хищников на парнокопытных	317
Рис. 187. Односторонний роговой барабан. Курган второй	324
Рис. 188. Голова и спина бальзамированного трупа мужчины. Курган пятый	329
Рис. 189. Голова и спина бальзамированного трупа женщины. Курган пятый	331
Рис. 190. Узор ткани — женщины, стоящие перед курильницей в молитвенных позах. Курган пятый	349
Рис. 191. Узор ткани — идущие один за другим львы. Курган пятый	351
Рис. 192. Четырехлучевая звезда — орнамент на ворсовом ковре. Курган пятый	352
Рис. 193. Изображение грифона — орнамент на ворсовом ковре. Курган пятый	352
Рис. 194. Изображение оленя — орнамент на ворсовом ковре. Курган пятый	353
Рис. 195. Звезды — орнамент бордюра на ворсовом ковре. Курган пятый	353
Рис. 196. Всадник — орнамент на ворсовом ковге. Курган пятый	354
Рис. 197. Ковровый узел	355

ТАБЛИЦЫ

JAN 11 1911

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Табл. I. Общий вид курганов Пазырыкской группы (1); раскопки кургана первого (2).

Фот. С. И. Руденко.

Табл. II. Раскопки кургана первого. 1 — в бревенчатом настиле обозначился грабительский ход; 2 — вскрыты поперечные балки, поддерживающие бревенчатый настил (видны потолок погребальной камеры и грабительский лаз).

Фот. С. И. Руденко.

Табл. III. Раскопки кургана первого. 1 — внутренность погребальной камеры; у южной стенки саркофаг-колода с опрокинутой над ним крышкой; на переднем плане столб с корытообразной выемкой для поперечной балки; 2 — вид северной стенки погребальной камеры; на переднем плане конус мусора, попавший в камеру через грабительский лаз; в восточной половине северной стенки камеры прорубленное грабителями окно, заполненное льдом.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. IV. Раскопки кургана второго. 1 — раскоп со снятой в нем каменной наброской; 2 — в могильной яме видны истлевшие бревна верхнего слоя бревенчатого наката и грабительский ход.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. V. Раскопки кургана второго. 1 — юго-западный угол могильной ямы; видна прогнувшаяся под тяжестью бревенчатого навала балка, под ней кустарник — курильский чай, ниже слои бересты над потолком погребальной камеры; 2 — двойной бревенчатый потолок погребальной камеры.

1 — фот. А. А. Гавриловой, 2 — фот. С. И. Руденко.

Табл. VI. Раскопки кургана третьего. 1—снятие каменной наброски; 2—вынос из могильной ямы камней навала.

1—фот. А. А. Гавриловой, 2—фот. С. И. Руденко.

Табл. VII. Раскопки кургана третьего. 1—навал камней, обнаруженный под верхним слоем настила из бревен; 2—извлечение камней из могильной ямы.

1—фот. С. И. Руденко, 2—фот. А. А. Гавриловой.

Табл. VIII. Раскопки кургана третьего. 1—в нижних слоях бревенчатого настила обнаружен грабительский ход; 2—вскрыты прогнутые поперечные балки и под ними слой кустарника—курильский чай.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. IX. Раскопки кургана третьего. 1—заполненная льдом погребальная камера; 2—погребальная камера: на переднем плане виден край саркофага-колоды; на полу во льду скелет мужчины; направо перевернутые крышки столиков; на заднем плане, за наружной стенкой камеры, видны столбы и конские кости.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. X. Раскопки кургана четвертого. 1—на полу погребальной камеры в двух саркофагах-колодах лежат скелеты женщины и мужчины; в юго-западном углу камеры лежат дровишки, „шестиноги“; 2—общий вид лагеря экспедиции у кургана пятого.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. XI. Раскопки кургана пятого. 1—курган перед началом раскопок; 2—разборка каменной наброски.

1—фот. С. И. Руденко, 2—фот. А. А. Гавриловой.

Табл. XII. Раскопки кургана пятого. 1—в могильной яме обнаружен верхний слой камней; 2—в могильной яме вскрыт накат из бревен над погребальной камерой.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. XIII. Раскопки кургана пятого. 1—в бревенчатом накате обнаружен грабительский ход; 2—с потолка погребальной камеры снято берестяное покрытие; в грабительском прорубе под наружным потолком видны бревна внутреннего потолка; на заднем плане, за столбами, видны части повозки.

Фот. С. И. Руденко.

Табл. XIV. Раскопки кургана пятого. 1—извлечение бревен из могильной ямы; 2—по снятии наружного и внутреннего потолков погребальной камеры вскрыт заполненный льдом двойной ее сруб; на заднем плане, над конским захоронением, видны колеса повозки.

1—фот. А. А. Гавриловой, 2—фот. С. И. Руденко.

Табл. XV. Раскопки кургана пятого. 1—внутренность погребальной камеры, в саркофаге-колоде лежат тела мужчины и женщины; 2—в саркофаге-колоде лежит тело мужчины; над ним в южной стенке камеры вбит бревенчатый клин.

Фот. А. А. Гавриловой.

Табл. XVI. Реставрационные работы. 1—полевая лаборатория; 2—дублировка войлочного ковра из кургана пятого.

Фот. А. А. Гавриловой.

Табл. XVII. Мужские черепа. 1—из кургана третьего, впрямь; 2—он же в профиль; 3—из кургана четвертого, впрямь; 4—он же в профиль.

Табл. XVIII. Мумифицированные головы. 1—голова мужчины из кургана второго, впрямь; 2—та же голова в профиль; видны отверстия в черепе, пробитые боевым чеканом; 3—голова мужчины из кургана пятого, в профиль; 4—голова женщины из кургана второго, впрямь; 5—та же голова в профиль; 6—трепанированный череп женщины из кургана второго.

Табл. XIX. Столик из кургана второго. 1—ножка от столика (сфотографирована в ракурсе); 2—столик. ($\frac{1}{5}$ натур. вел.).

Табл. XX. Ножки столиков. 1—из кургана первого; 2—3—из кургана третьего; 4—5—из кургана четвертого; 6—12—из кургана второго.

Табл. XXI. Деревянные сосуды из кургана второго. 1—сосуд с длинной ручкой в роговой оправе; 2—сосуд на подставке из войлочного кольца; 3—ручка из бычьего рога с деревянным стержнем. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. XXII. Глиняные кувшины. 1—большой кувшин из кургана второго; 2—кувшин из кургана шестого ($\frac{1}{4}$ натур. вел.); 3—тот же кувшин, что и 1, но с наклеенными на него (вырезанными из кожи) петухами.

Табл. XXIII. Кожаные сосуды из кургана второго. 1—мешочек в виде кисета; 2—кошелек с крышечкой; 3—фляга с узорной аппликацией. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.).

Табл. XXIV. Принадлежности для курения конопли из кургана второго. 1—медная курильница на ножках; 2—медная курильница на поддоне (около $\frac{1}{3}$ натур. вел.); 3—древки шестиноги.

Табл. XXV. Одежда из кургана второго. 1—мужская рубаша; 2—подошва женского полусапожка, украшенная бисером и кристаллами пирита.

Табл. XXVI. Женские головные уборы. 1—диадема с головного убора из кургана второго; 2—деревянный головной убор с косою из кургана пятого; 3—вырезанный из кожи петух—украшение диадемы из кургана второго; 4— меховой головной убор из кургана второго (реконструкция).

Табл. XXVII. Принадлежности одежды и украшения. 1—пояс с серебряной бляхой из кургана второго; 2—серебряная бляха от того же

пояса; 3—золотая серьга из Арагольского кургана; 4—раковина из шестого кургана; 5—поясная бронзовая обойма из кургана под г. Бийском; 6 и 7—серебряные поясные подвески в виде лошадки из кургана второго; 8 и 9—концы поясов из кургана второго; 10—золотая серьга из кургана второго; 11—поясная медная обойма из Арагольского кургана. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).

Табл. XXVIII. 1—коса женская из кургана второго; 2 и 3—части волосяной обмотки той же косы; 4 и 5—подвесная борода мужчины из кургана второго.

Табл. XXIX. 1—вырезанные из дерева фигурки львиных грифонов (головки сняты)—часть шейной гривны из кургана второго; 2—вырезанные из дерева фигурки львиных грифонов—часть шейной гривны из кургана второго; 3—серебряное зеркало с роговой ручкой (тыльная поверхность) из кургана второго; 4—бронзовое зеркало из кургана второго; 5—меховой футляр от бронзового зеркала из кургана второго; 6—китайское бронзовое зеркало из кургана шестого; 7—железная головная булавка из кургана второго.

Табл. XXX. Удила уздечные. 1—2—из курганов в Араголе; 3—4—из Пазырыкского второго кургана.

Табл. XXXI. Первый комплект упряжи из кургана первого. 1—узда; 2—седло.

Табл. XXXII. Второй комплект упряжи из кургана первого. 1—узда; 2 и 3—вырезанные из дерева украшения узды.

Табл. XXXIII. Третий комплект упряжи из кургана первого. 1—вырезанная из кожи голова грифа с украшения нагрудного седельного ремня; 2—узда; 3—вырезанная из кожи головка козла—узdechное украшение; 4—вырезанное из кожи изображение грифа—центральное украшение нагрудного седельного ремня. (1, 3 и 4—около $\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. XXXIV. Четвертый комплект упряжи из кургана первого. 1—узда; 2—псаля от той же узды.

Табл. XXXV. Деревянные украшения упряжи из кургана первого. 1—подвеска в виде пальметки (комплект седьмой); 2 и 4—подвески в виде головок горного барана (комплект четвертый); 3—подвеска в виде головки горного барана в пасти хищника (комплект шестой); 5 и 6—подвески в виде фигур горных баранов впрячь (комплект пятый). ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. XXXVI. Пятый комплект упряжи из кургана первого. 1—узда; 2—развилка с нащечных ремней той же узды; 3—псаля той же узды.

Табл. XXXVII. Узда шестого комплекта упряжи из кургана первого.

Табл. XXXVIII. Вырезанные из дерева украшения узды шестого комплекта упряжи из кургана первого. 1 и 2—изображения грифов; 3 и

- 4—уздечные псалии с изображениями головок грифов. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.).
- Табл. XXXIX. Седьмой комплект упряжи из кургана первого. 1—нагрудный седельный ремень; 2—узда; 3—уздечная псалия.
- Табл. XL. Восьмой комплект упряжи из кургана первого. 1—узда; 2—псалия той же узды.
- Табл. XLI. Восьмой комплект упряжи из кургана первого. 1—седельный нагрудник; 2—деревянная нагрудная седельная подвеска в виде оленя; 3—оленья головка; 4—деревянная подвеска в виде оленей, обращенных друг к другу грудью.
- Табл. XLII. Украшения узды из кургана второго и девятого комплекта упряжи из кургана первого. 1—уздечная псалия; 2 и 5—вырезанные из дерева подвески в виде головки барса с кабаньим клыком в пасти; 3 и 10—ворварки седельные из кургана второго; 4 и 9—ворварки седельные из кургана первого; 6—украшение конской упряжи из кургана второго; 7 и 8—налобные уздечные бляхи из кургана второго. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.).
- Табл. XLIII. Узда десятого комплекта упряжи из кургана первого.
- Табл. XLIV. Украшения узды десятого комплекта упряжи из кургана первого. 1—4—вырезанные из дерева подвески в виде человеческих голов. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.).
- Табл. XLV. Украшения узд из кургана второго. 1—2—вырезанные из дерева кошки на подставках, выкрашенных киноварью; 3—псалия той же узды, что и украшения в виде кошек; 4—баранья головка—уздечная подвеска; 5—баранья головка, вырезанная на конце деревянной псалии. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. XLVI. Принадлежности и украшения упряжи из кургана второго. 1—баранья головка, вырезанная на конце деревянной псалии; 2, 3 и 5—роговые седельные подвески; 4—псалия с изображениями на ее концах головки гуся; 6—роговая подпружная пряжка; 7—роговая пронизка седельная. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. XLVII. Набор роговых принадлежностей упряжи из кургана третьего (в прорезях покрыты красным лаком). 1—псалия; 2—шаровидные пронизки; 3—блок от уздечного повода; 4 и 5—шлёвки от седельных ремней; 6—9—седельные подвески. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. XLVIII. Набор роговых принадлежностей упряжи из кургана третьего (в прорезях покрыты красным лаком). 1—накладка на седельную луку с изображением лосиных голов; 2—полукруглая накладка на верхний подпружный седельный ремень с изображением головы кошки; 3—4—пронизки седельные; 5—пронизка с ремня подбородника узды; 6—подвеска седельная; 7—пряжка подпружная. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).

- Табл. XLIX. Принадлежности узд из кургана третьего. 1—медные удила и псалии с фигурками лебедей; 2—деревянная псалия с вырезанными на концах „лапами“; 3—железные удила и псалия с розетками на концах. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.).
- Табл. L. Вырезанные из дерева принадлежности и украшения упряжи из кургана третьего. 1—налобная уздечная бляха; 2—подвеска седельная; 3—застежка приторочного ремня; 4—фигурка горного барана—украшение узды; 5—розетка—украшение узды; 6—пронизка в виде конского копыта; 7—блок от уздечного повода; 8 и 9—подвески уздечные. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LI. Узда и ее украшения из кургана третьего. 1—узда; 2—пронизка от уздечного ремня подбородника; 3—вырезанная из дерева фигурка горного барана—уздечная подвеска; 4—псалия.
- Табл. LII. Принадлежности узды из кургана третьего. 1—лобная подвеска; 2—псалия с лосиными головками на концах; 3 и 4—лосиные головы, подвески. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LIII. Вырезанные из дерева седельные украшения (в прорезях выкрашенные киноварью) из кургана третьего. 1—накладка на седельную луку с изображением лосиных голов; 2 и 3—полукруглые бляхи с изображением оленьих рогов; 4—подвески—украшение ремней подхвостника и нагрудника. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LIV. Вырезанные из дерева седельные украшения (в прорезях выкрашены киноварью) из кургана третьего. 1, 6 и 7—подвески с орнаментом оленьих рогов; 2—4—фигурки львят; 5—застежка от приторочного ремня; 8 и 9—накладки на подхвостные седельные ремни с изображением зайцев. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. LV. Узда из кургана третьего (мотив деревянных украшений—голова сайги). 1—налобная бляха; 2 и 3—подвески в виде головы сайги; 4—пронизка в виде головы сайги; 5—нижняя часть узды. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LVI. Набор вырезанных из дерева уздечных и седельных украшений из кургана третьего (мотив—рогатая львиная голова). 1 и 2—львиные головы в профиль—уздечные подвески; 3—псалия с вырезанными на концах головами льва и грифа; 4 и 5—львиные головы впрямь—седельные подвески; 6—львиная голова впрямь—уздечная подвеска; 7—блок от ремня повода; 8—развилка с нащечных уздечных ремней. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. LVII. Деревянная налобная уздечная бляха и седельные украшения из кургана третьего. 1—налобная, крытая золотом, бляха; 2, 4 и 5—подвесные к седельным ремням бляхи; 3 и 6—подвесные бляхи с передних лук седла; 7—полукруглая бляха с верхнего подпружного ремня. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).

- Табл. LVIII. Роговые накладки с дужками на седельные луки из кургана третьего. 1 и 2—дужка и накладка трапецевидной формы; 3 и 4—дужка и накладка дугообразной формы. (Около $\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. LIX. Роговые седельные принадлежности и украшения из кургана третьего. 1 и 2—подвески к передним лукам; 3, 4, 6 и 8—подвески к концам седельных ремней; 5—распорка седельная (?); 7—плоская коническая пронизка; 9—шлёвка; 10 и 11—полукруглые накладки от верхних подпружных ремней; 12—14—подвески к подпружным ремням. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).
- Табл. LX. Роговые принадлежности упряжи из кургана четвертого. 1, 5 и 9—псалии уздечные; 2, 3, 6 и 7—пронизки уздечные шаровидной формы; 4—пронизка от ремня подбородника; 8, 10—12—блоки от ремня повода; 13—пряжка подпружная. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. LXI. Роговые седельные принадлежности из кургана четвертого. 1 и 2—дуговые накладки на седельные луки; 3 и 4—шлёвки; 5—дугообразная накладка на седельную луку; 6—плоская коническая пронизка; 7, 10 и 11—подвески к концам седельных ремней; 8 и 9—подвески к передним седельным лукам; 12 и 13—полукруглые накладки от верхних подпружных ремней. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LXII. Вырезанные из дерева уздечные украшения из кургана четвертого. 1—псалия с головкой волка на верхнем конце; 2—фигура волка, уздечная подвеска; 3 и 4—головки волка от верхних концов псалий; 5—налобная уздечная подвеска; 6—украшение нижнего конца псалии; 7—голова волка с головой козули в пасти—уздечная подвеска. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LXIII. Вырезанные из дерева уздечные украшения из кургана четвертого. 1—псалия с рогатой головой кошки на верхнем конце; 2 и 3—рогатые кошачьи головы впрямь в медальонах—уздечные подвески; 4—кошачья головка—верхний конец псалии; 5 и 6—фигуры кошек—уздечные подвески; 7—нижний конец псалии с вырезанным на ней треугольником. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LXIV. Вырезанные из дерева уздечные украшения из кургана четвертого. 1—псалия с головой фантастического животного на верхнем ее конце; 2 и 3—уздечные подвески с изображением „птицы“; 4—птичья головка—верхний конец псалии; 5—голова фантастического животного—уздечная подвеска; 6—псалия с птичьей головкой на верхнем конце; 7, 8 и 9—образцы орнамента на нижних концах псалий. ($\frac{3}{4}$ натур. вел.).
- Табл. LXV. 1—псалия с нащечным ремнем из кургана пятого; 2 и 3—конское навершие из кургана четвертого. (1 и 2—около $\frac{2}{3}$ натур. вел.).
- Табл. LXVI. Узда из кургана пятого, комплект второй.

Табл. LXVII. Вырезанные из дерева украшения узды и седла из кургана пятого, комплект четвертый. 1—головка сайги—уздечная подвеска; 2—псалия с головкой сайги на верхнем конце и с деревянной развилкой на нащечных ремнях; 3—подвеска к передней луке седла с изображением кошачьей головки; 4—5—подвески к седельным ремням с изображением кошачьей головки; 6—накладки на подхвостные ремни. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. LXVIII. Вырезанные из дерева украшения узды и седла из кургана пятого, комплект пятый. 1—псалия с головой грифа на верхнем конце; 2—фигурка оленя с приставленными кожными рогами; 3—подвеска к передней луке седла с изображением тигровой головы; 4 и 5—подвески к седельным ремням с изображением тигровой головы; 6—кошачьи головки—украшение верхнего бортика седельных луков; 7—накладки на подхвостные ремни с изображением тигров. (Около $\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. LXIX. Вырезанные из дерева украшения узды из кургана пятого. 1—псалия с кошачьей головой на верхнем конце и с развилкой на нащечных ремнях в виде головы волка; 2—кошачьи головки—уздечные подвески из комплекта третьего; 3 и 4—кошачьи головки—украшения ремней упряжи из комплекта пятого; 5—развилка на нащечных ремнях узды в виде головы волка из комплекта пятого. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

Табл. LXX. Украшения узд из кургана пятого. 1—вырезанная из дерева псалия узды упряжного коня; 2—вырезанные из дерева полусферные украшения узды упряжного коня; 3—деревянная развилка с нащечных ремней узды упряжного коня; 4—деревянная подвеска к передней луке седла; 5—деревянная подвеска к подпружному ремню; 6—одна из ветвей кожного рога оленя, оформленная как птичья головка; 7—вырезанная из дерева оленья голова с кожными рогами—конское навершие. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

Табл. LXXI. Конские головные уборы-маски из кургана первого. 1—головной убор с навершием в виде рогов оленя; 2—головной убор с навершием в виде головы рогатого львиного грифона.

Табл. LXXII. Конские головные уборы. 1—вырезанная из дерева голова фантастической птицы—конское навершие из кургана третьего; 2—вырезанная из дерева голова фантастической рогатой и клыкастой птицы—конское навершие из кургана третьего; 3—вырезанная из дерева голова оленя с кожными приставными рогами—навершие из кургана пятого; 4—конский головной убор-маска с навершием в виде головы оленя из кургана пятого; 5—конский головной убор с навершием в виде головы барана, на шее которого сидит петух, из кургана второго.

Табл. LXXIII. Различные орудия. 1—2—топорище из кургана первого; 3—пряслице глиняное из кургана у г. Бийска; 4—плаха из кургана второго со следами работы теслом; 5 и 6—бронзовые ножи из Арагольского кургана; 7—роговое долото из кургана четвертого; 3—роговой молоток из кургана второго.

Табл. LXXIV. Образцы шитых по коже орнаментов. 1—3—лоскуты меховой одежды из кургана второго; 4—орнамент на мешочке из кургана первого; 5—лоскут меховой одежды из Шибинского кургана. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.).

Табл. LXXV. Образцы тканей из кургана второго. 1—кендырьная ткань полотняного переплетения; 2 и 3—шерстяная ткань саржевого переплетения; 4—шерстяная ткань полотняного переплетения; 5—шерстяная ткань кружевного плетения—внутренний чехол накосника; 6—шерстяная ткань кружевного плетения—наружный чехол накосника. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. LXXVI. Образцы тканей. 1—лоскут узорной шелковой ткани из кургана третьего; 2—шелковый кисет из кургана третьего; 3—лоскут шерстяной ткани коврика с ворсом из кургана второго.

Табл. LXXVII. Седло из кургана первого, комплект второй. 1—вид сверху в развернутом виде; 2—вид сбоку.

Табл. LXXVIII. Скульптурные и барельефные изделия. 1—вырезанная из рога левинная головка—пронизка из малого Котандинского кургана; 2—бронзовая поясная ажурная пряжка с изображением оленя, на которого напал крылатый левинный грифон, из кургана у г. Бийска; 3—вырезанные из дерева кошачьи головки на концах ручки сумы из кургана второго; 4—вырезанная из рога тигровая головка—пронизка из кургана под г. Бийском; 5—кошачья головка на конце седельной палочки из кургана третьего; 6—концы палочки от седла комплекта пятого из кургана пятого, оформленные в виде кошачьих головок; 7—вырезанная из дерева с приставными кожаными ушами голова грифа—подвеска из кургана второго; 8—то же без ушей; 9—вырезанная из дерева голова лося—подвеска из кургана второго; 10—то же с приставными кожаными рогами. (1—9— $\frac{3}{4}$ натур. вел.).

Табл. LXXIX. Скульптурные и барельефные изделия из дерева и кожи. 1 и 2—вырезанные из дерева фигурки оленей с приставными кожаными рогами из кургана второго; 3—вырезанная из дерева фигурка грифа из кургана второго; 4—то же с приставными кожаными ушами и крыльями; 5—вырезанная из кожи фигурка тетерева из кургана второго; 6 и 7—кожаные скульптурные головки козла из кургана первого; 8—вырезанная из кожи фигурка лося из кургана второго. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

Табл. LXXX. Различные украшения конской упряжи. 1—вырезанная из дерева кошачья голова в медальоне из коллекции Фролова; 2—голова волка из той же коллекции; 3—голова волка из коллекции Погодина; 4 и 5—кошачьи головы из коллекции Фролова; 6 и 7—вырезанные из кожи человеческие головы из кургана первого. ($\frac{3}{5}$ натур. вел.).

Табл. LXXXI. Различные украшения конской упряжи. 1—роговая дужка с седельной луки из Шибинского кургана; 2—вырезанная из дерева кошачья головка из коллекции Фролова; 3—деревянная накладка на луку седла из той же коллекции; 4—деревянные ворварки из Шибинского кургана; 5 и 9—роговые седельные подвески из коллекции Фролова; 6, 7 и 11—роговые седельные украшения из Шибинского кургана; 8—часть роговой накладки на седельную луку из коллекции Фролова; 10—фрагменты вырезанной из кожи композиции (горный баран в когтях грифа) из второго Пазырыкского кургана; 12—вырезанная из дерева головка кошки в медальоне из Шибинского кургана. ($1\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. LXXXII. Различные украшения. 1—роговая дужка с седельной луки из коллекции Уварова; 2—вырезанная из дерева „поясная“ бляшка из Котандинского кургана; 3—вырезанное из дерева полусферное украшение с изображением борьбы зверей из того же кургана; 4—вырезанная из дерева „поясная“ бляха с изображением борьбы зверей из Котандинского кургана; 5—вырезанная из дерева голова волка из того же кургана; 6—вырезанное из дерева изображение гуся из коллекции Погодина; 7—вырезанное из дерева изображение фантастического животного из Котандинского кургана; 8—деревянный диск с изображением лебедей из коллекции Погодина. ($\frac{1}{2}$ натур. вел.).

Табл. LXXXIII. Вырезанное из дерева „навершие“ из кургана второго. 1—навершие с изображением головы оленя в клюве грифа; на плоских сторонах—изображение гуся в лапах грифа; 2—голова грифа—деталь навершия; 3—голова оленя в клюве грифа—деталь навершия; 4—изображение гуся в лапах грифа—деталь навершия. ($1\frac{1}{3}$ натур. вел.).

Табл. LXXXIV. Барельефные и скульптурные изделия. 1—вырезанная из кожи головка ушастого грифа с оленьим рогом из кургана четвертого; 2—вырезанная из дерева фигурка козули из Берельского кургана; 3—вырезанная из дерева головка оленя из того же кургана; 4—вырезанная из дерева композиция: голова оленя в клюве грифа из кургана второго. ($\frac{4}{5}$ натур. вел.).

Табл. LXXXV. 1—вырезанная из рога накладка на луку седла из коллекции Погодина; 2—роговые наконечники стрел из кургана второго;

3—концы древков стрел из кургана третьего; 4 и 5—медные литые фигурки грифов из Берельского кургана. ($\frac{2}{3}$ натур. вел.).

Табл. LXXXVI. Музыкальный инструмент и амулеты из кургана второго.

1—музыкальный инструмент типа арфы; 2—прямоугольный лоскут кожи с зашитыми в нем человеческими волосами; 3—лоскут войлока с зашитыми в нем человеческими волосами; 4—треугольный лоскут кожи, в котором был зашит мешочек с человеческими ногтями; 5—кожаный мешочек, в котором находились ногти; 6—то же до реставрации. (1— $\frac{1}{6}$ натур. вел.; 2—6— $\frac{3}{5}$ натур. вел.).

Табл. LXXXVII. Щиты из кургана первого. ($\frac{1}{4}$ натур. вел.).

Табл. LXXXVIII. Большой (4.5 × 6.5 м) войлочный настенный ковер из кургана пятого.

Табл. LXXXIX. Апликация на войлочных коврах. 1—настенный войлочный ковер из кургана первого; 2—бордюр войлочного ковра с лотосным орнаментом из кургана второго; 3—бордюр войлочного ковра из кургана второго.

1, 3—рис. В. М. Сунцевой, 2—рис. Н. М. Руденко.

Табл. ХС. Апликация на войлочных коврах. 1—изображение птицы — фрагмент войлочного ковра из кургана пятого; 2—бордюр настенного войлочного ковра из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСІ. Образцы узоров из меха и кожи. 1—кожаная фляга, покрытая мозаичным узором из кургана первого; 2—узор из меха и кожи на кожаной суме, в которой хранился сыр, из кургана второго; 3—орнамент из разноцветного меха — украшение женского головного убора из кургана второго; 4—угол борта мужского кафтана из кургана второго; 5—синий мех с золотыми кружками от мужского кафтана из кургана второго.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСІІ. Образцы узорной апликации. 1—кожаная сумка, снаружи покрытая узорной апликацией, из кургана второго; 2—спинка мужского кафтана из кургана второго.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСІІІ. Образцы орнаментов. 1—узор кожаной апликации на женской одежде из кургана второго; 2—кожаная фляга, покрытая узорной апликацией, из кургана второго; 3—орнамент, вырезанный на подошве женской обуви, из кургана второго.

1, 2—рис. В. М. Сунцевой, 3—рис. Н. М. Руденко.

Табл. ХСІV. Образцы орнаментов. 1—кожаная сумка с меховым клапаном из кургана второго (реконструкция); 2—войлочная

узорная аппликация, украшающая верхний край мужского чулка, из кургана второго.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСV. Сцена, изображающая всадника и сидящую на троне богиню с цветущей ветвью в руке, — аппликация на настенном войлочном ковре из кургана пятого.

Рис. Н. М. Руденко.

Табл. ХСVІ. Образцы одежды. 1 — рукав мужской одежды из собольего меха из кургана второго; 2 — мужской головной убор из кургана третьего; 3 — орнамент из ромбов, вырезанных из кожи, на мехе черного жеребца — часть женского головного убора из кургана второго; 4 — женский сапожок из кургана второго (реконструкция).

1, 3, 4 — рис. В. М. Сунцевой, 2 — рис. Н. М. Руденко.

Табл. ХСVІІ. Наружная сторона мехового женского нагрудника, покрытого узорной кожаной аппликацией.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСVІІІ. Образцы тканей и фрагменты одежды. 1 и 2 — образцы шерстяной ткани типа паласа (килима) из кургана второго; 3 — фрагмент детской одежды (нагрудника), украшенный кожаной с золотом аппликацией и золотыми головками сайги, из кургана седьмого; 4 — фрагмент той же одежды из кургана седьмого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. ХСІХ. Образцы бус, бисера и раковин.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. С. Роговые украшения узды из кургана второго. 1 — налобная подвеска; 2 и 3 — бляхи с лотосным орнаментом.

Рис. Н. М. Руденко.

Табл. СІ. Орнамент на войлочном чепраке из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. СІІ. Орнамент на войлочном чепраке из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. СІІІ. Орнамент на войлочном чепраке из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. СІV. Украшения седельных луков из кургана третьего.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. СV. Вырезанные из кожи украшения седла из кургана пятого.

1 — накладка на верхний край седельной луки; 2 — накладка на наружную поверхность седельной луки; 3 — накладка на верхний подпруж-

ный ремень в месте прикрепления к нему нагрудника; 4 — накладка на нижний конец верхнего подпружного ремня.

Рис. Н. М. Руденко.

Табл. CVI. Украшения седельных луков и кнутовище нагайки. 1 — накладки на наружную поверхность седельных луков из кургана пятого; 2 — кнутовище нагайки — передний и задний его концы, из кургана второго.

1 — рис. В. М. Сунцевой, 2 — рис. Н. М. Руденко.

Табл. CVII. Украшения конской упряжи. 1 — часть седельной покрышки из кургана пятого; 2 — голова грифа — часть конского начельника из кургана второго; 3 — голова барана — седельная подвеска из кургана первого; 4 — рыба — седельная подвеска из кургана первого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CVIII. Выделанные из войлока скульптурные фигуры лебедей — украшение верха повозки из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CIX. Украшения седельных покрышек из кургана второго. 1 — лось — войлочная аппликация на седельной покрышке; 2 — орлиный грифон — войлочная аппликация на седельной покрышке.

Рис. Н. М. Руденко.

Табл. CX. Украшения седельных покрышек. 1 — сцена нападения львиного грифона на горного козла — войлочная аппликация на седельной покрышке из кургана первого; 2 — часть войлочной аппликации на седельной покрышке из кургана второго.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXI. Сцена нападения орлиного грифона на горного козла — войлочная аппликация на седельной покрышке из кургана первого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXII. Голова барана между двух рогатых львиных голов — седельная подвеска из кургана первого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXIII. Изображения львов — седельные подвески из кургана первого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXIV. Изображение сфинкса, крылатого и рогатого получеловека-полульва — войлочная аппликация на настенном войлочном ковре из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXV. Ворсовый шерстяной ковер из кургана пятого.

Фот. С. Г. Гасилова.

Табл. CXVI. Детали ворсового шерстяного ковра из кургана пятого.

1— олени; 2— всадники.

Фот. С. Г. Гасилова.

Табл. CXVII. Образцы шерстяных тканей из кургана пятого. 1— часть полосы ткани, покрывающей седельный нагрудник, с изображением львов; 2— образец ткани, использованной для покрытия чепрака; 3— часть ткани, использованной для обрамления чепрака, с изображением молящихся женщин.

Фот. С. Г. Гасилова.

Табл. CXVIII. Образец вышивки на чесучевой материи, покрывающей чепрак, из кургана пятого.

Рис. В. М. Сунцевой.

Табл. CXIX. Образцы орнаментов на древках стрел из кургана третьего.

Рис. В. М. Сунцевой.

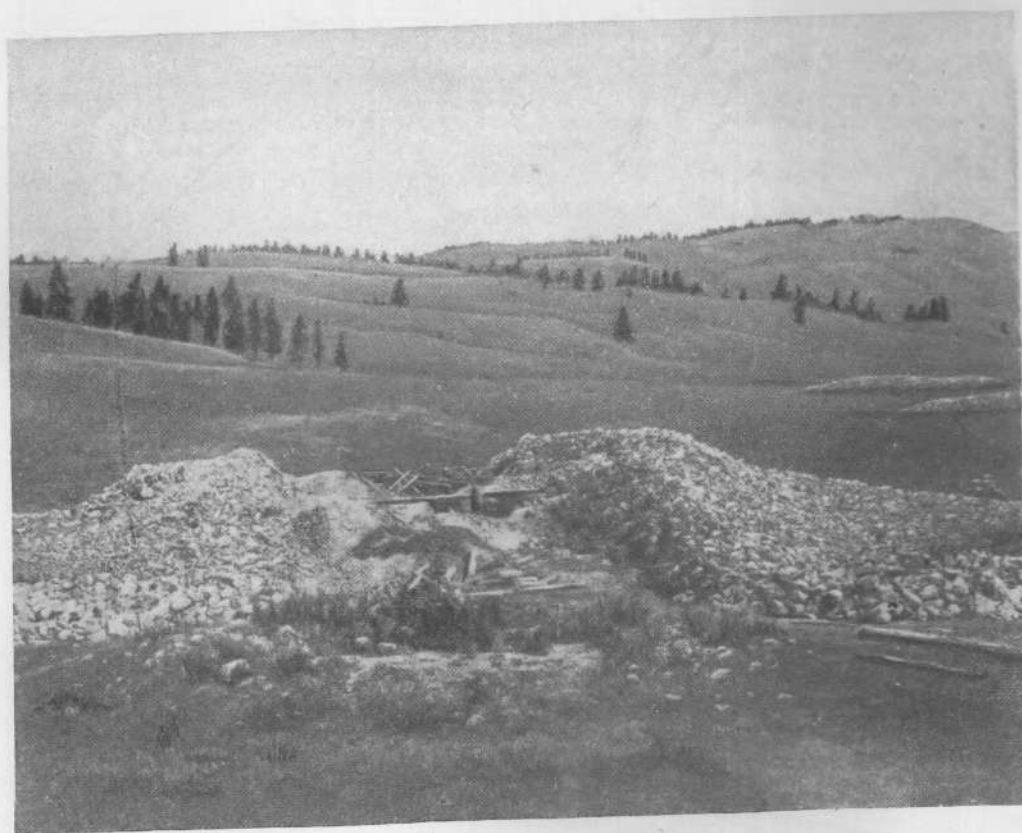
Табл. CXX. Образцы орнаментов на древках стрел из кургана третьего.

Рис. В. М. Сунцевой.

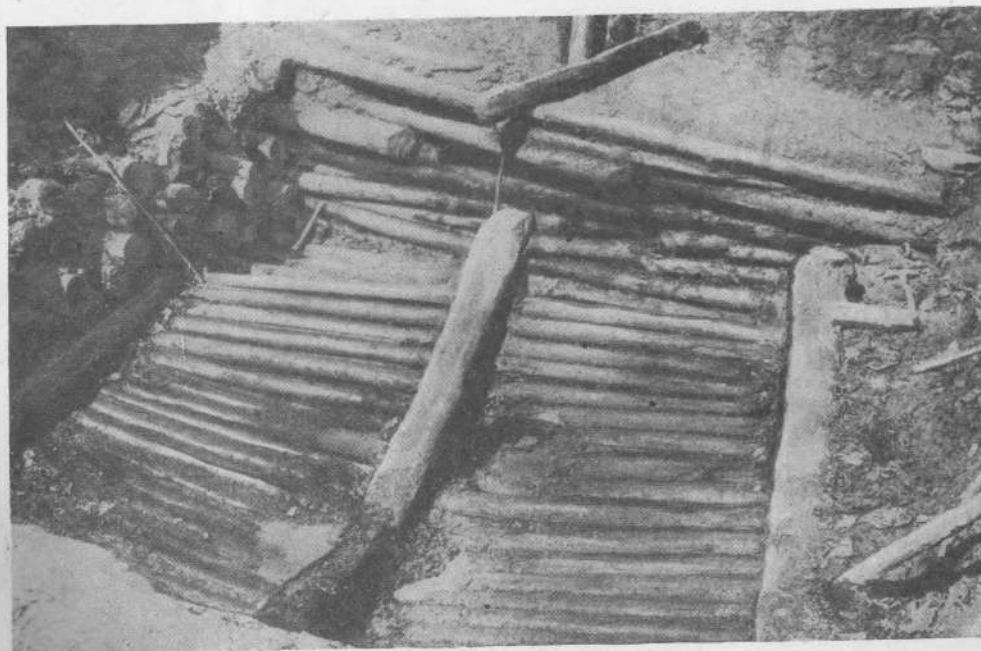
1

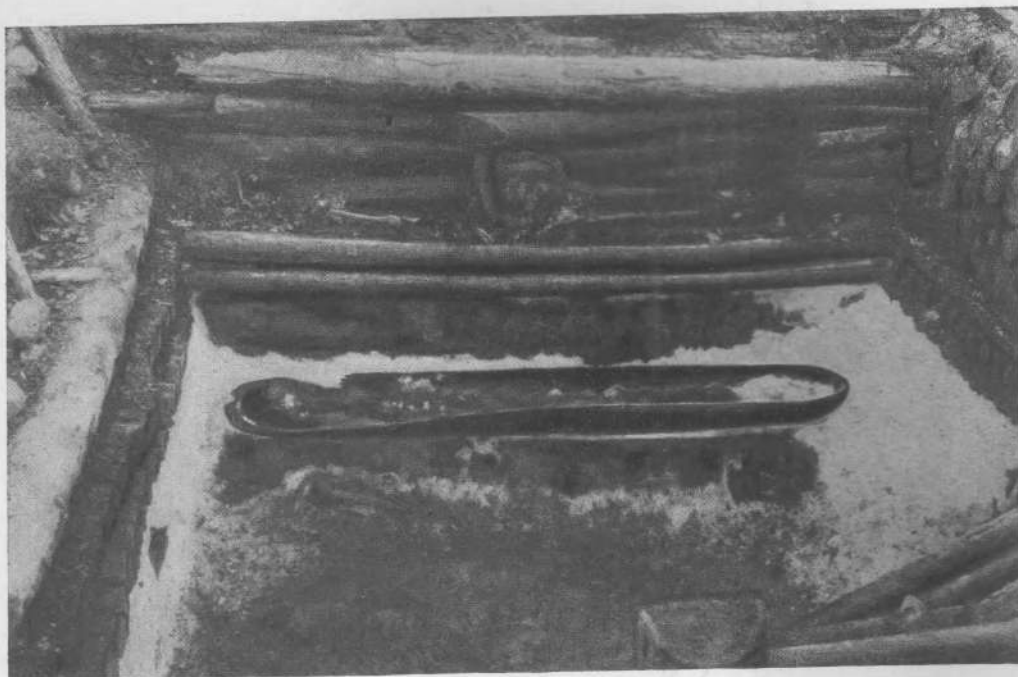
2

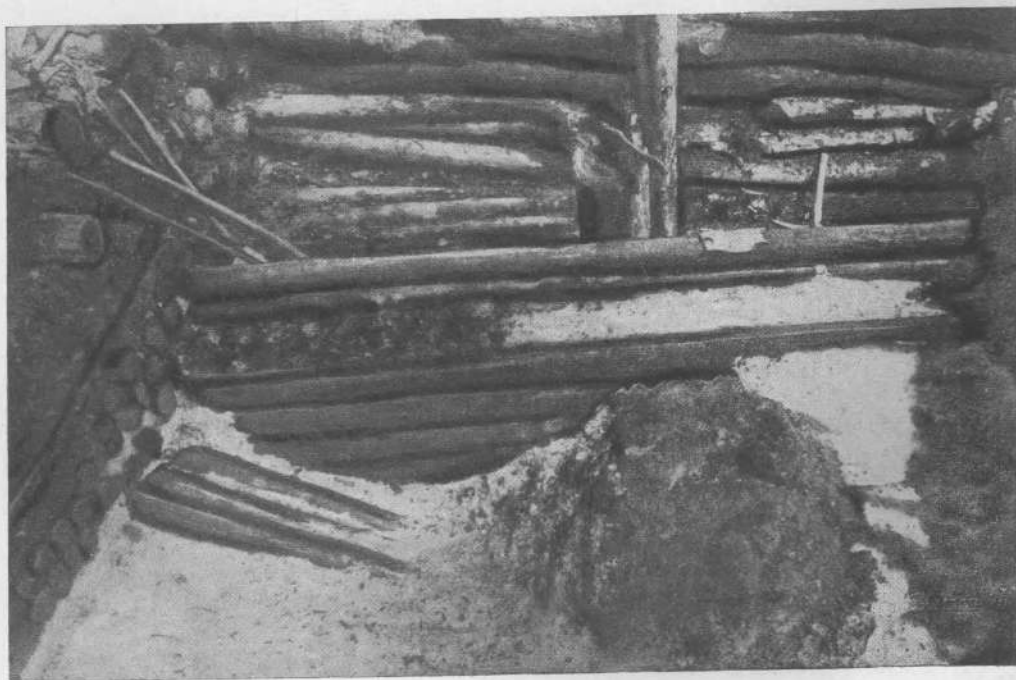
1

2

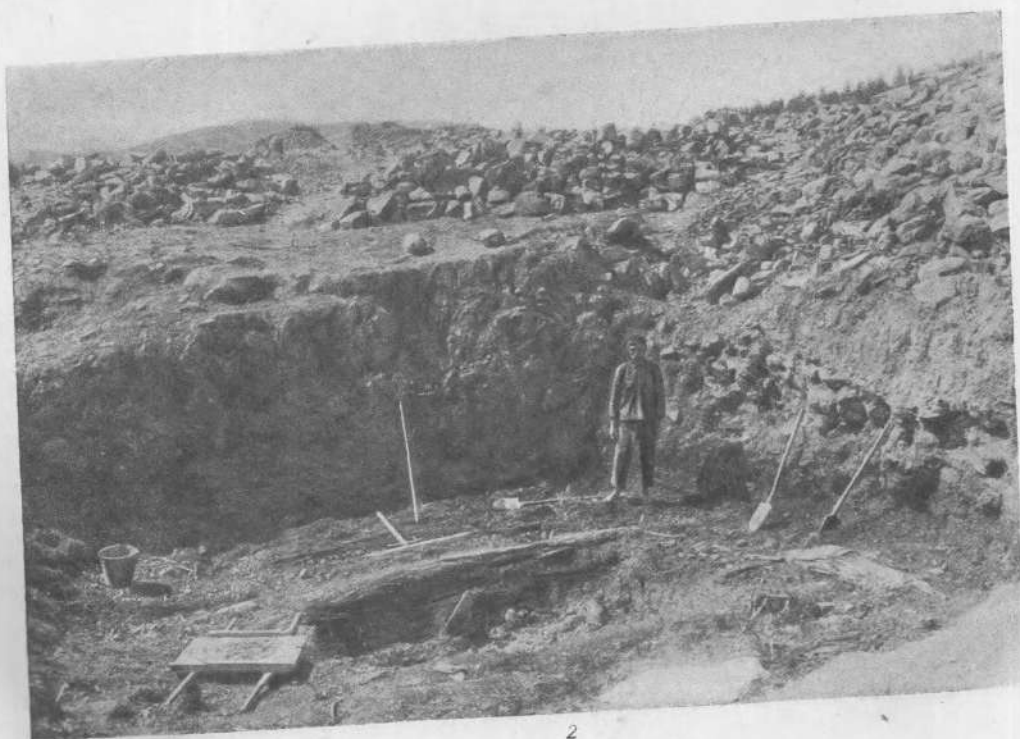
1

2

1

2

1

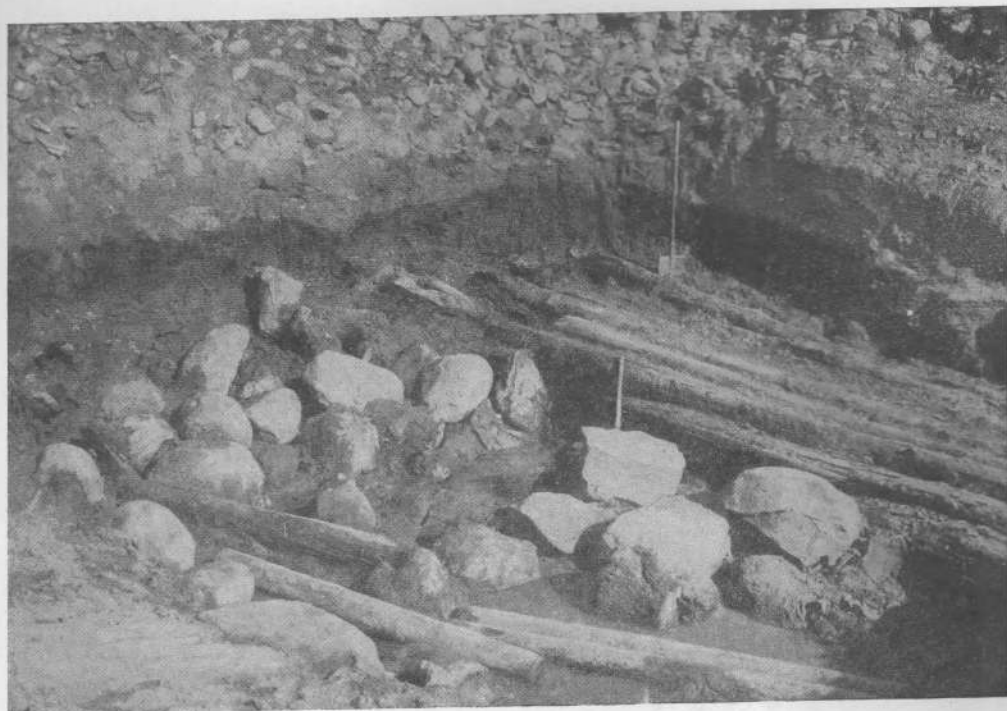
2

1

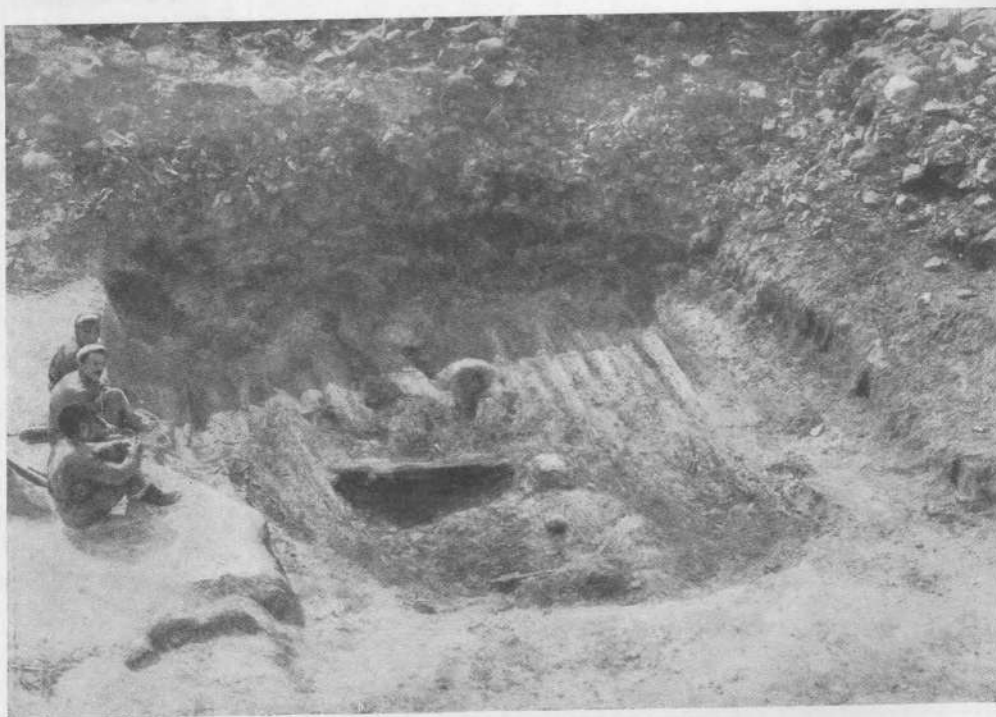
2

1

2

1

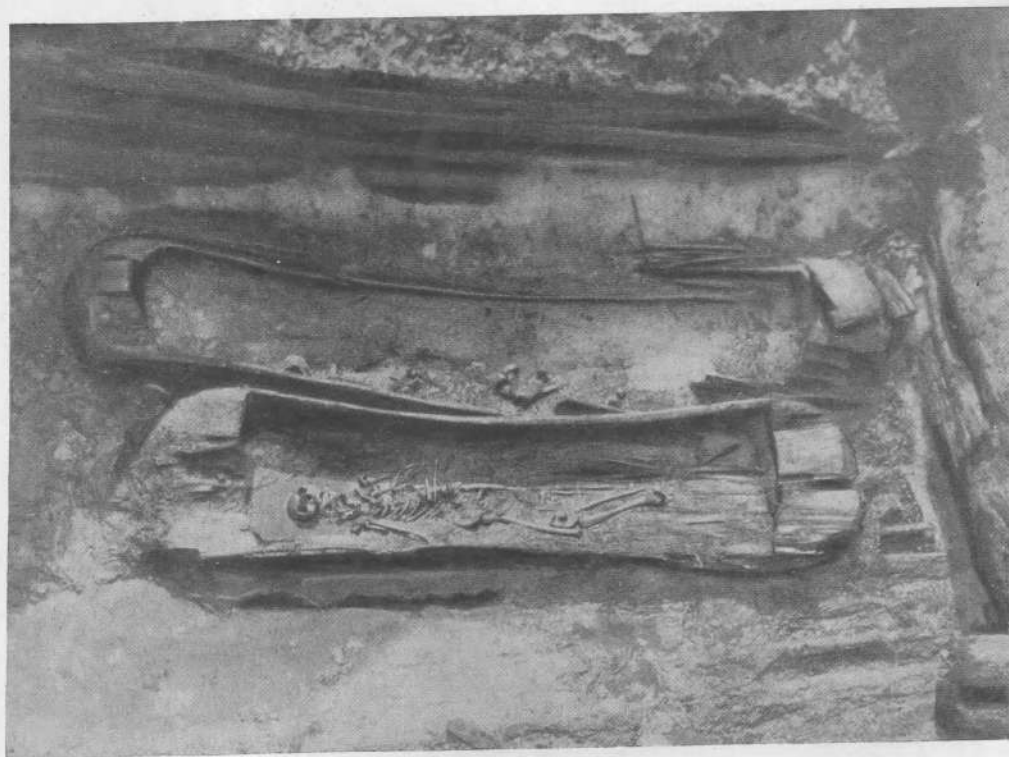
2

1

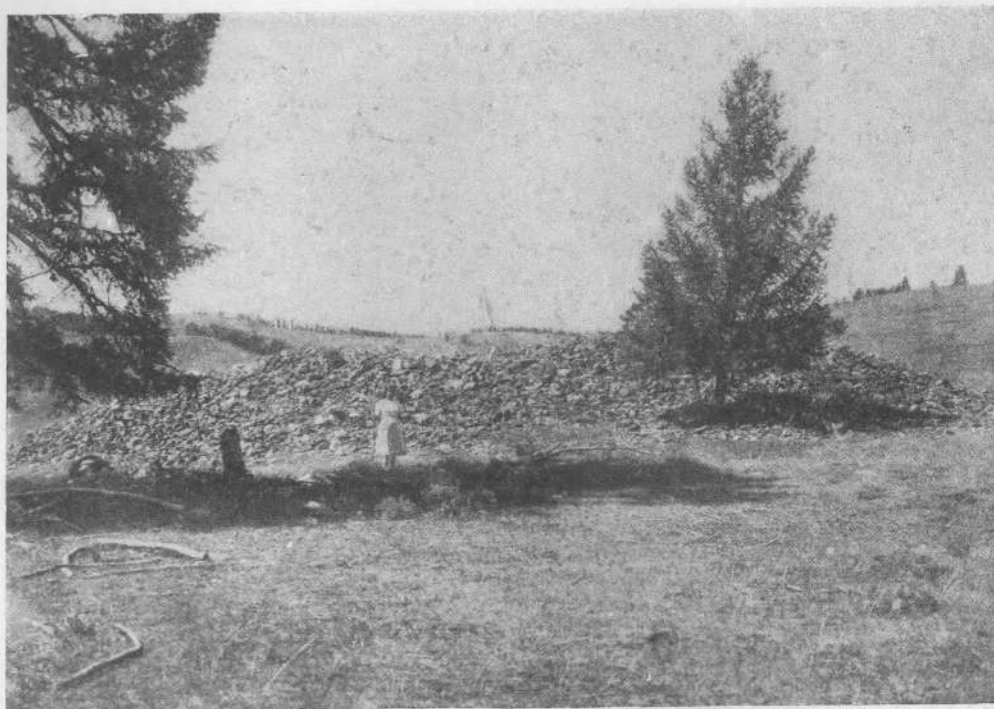
2

1

2

1

2

1

2

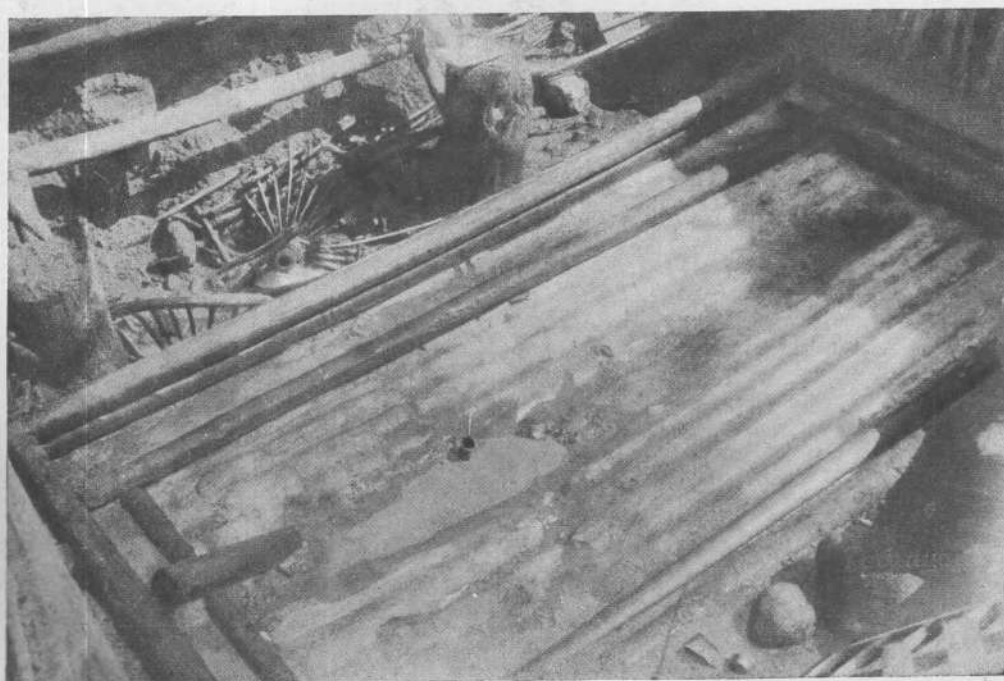
1

2

1

2

1

2

1

2

1

3

2

4

Таблица XVIII

1

2

3

4

5

6

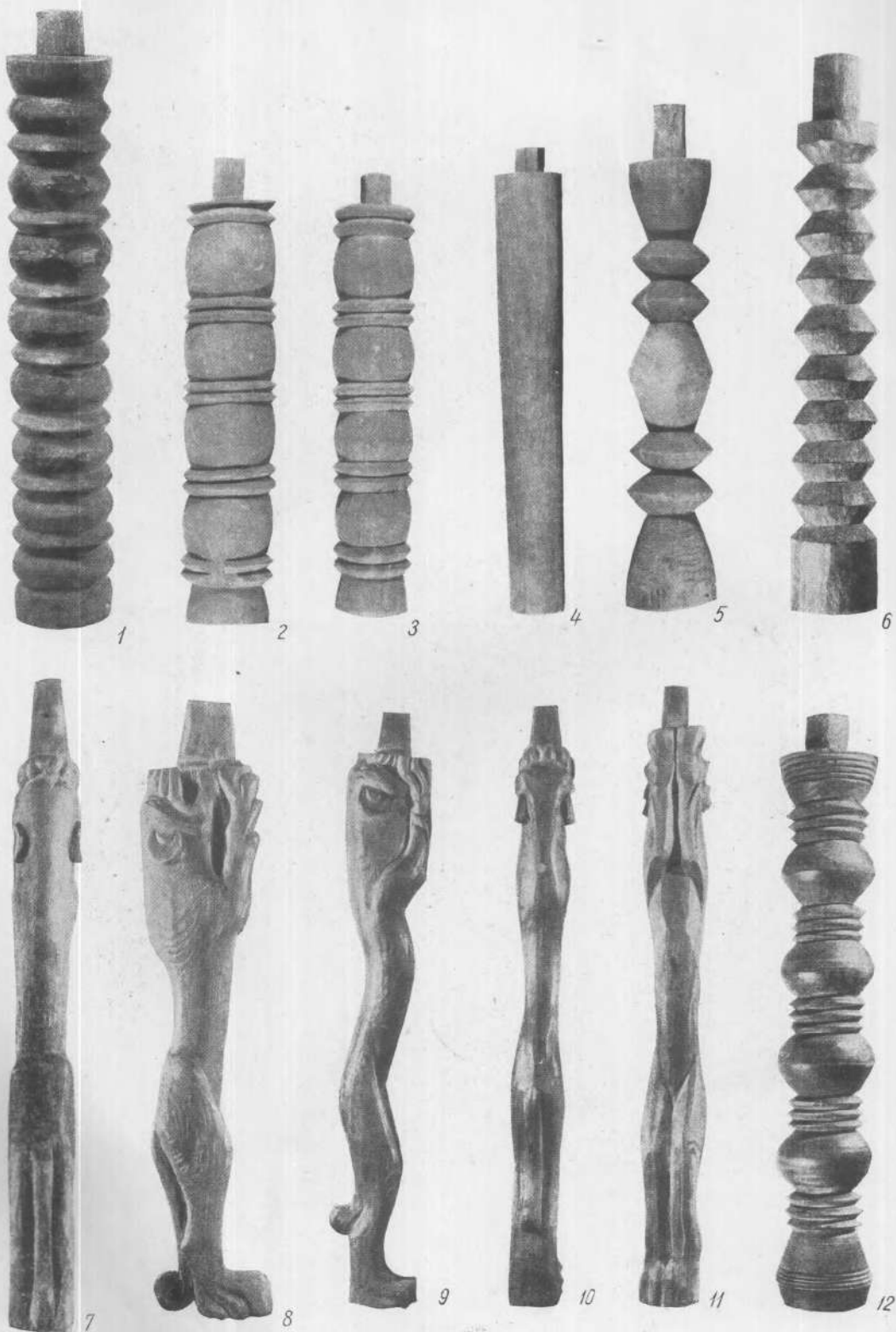
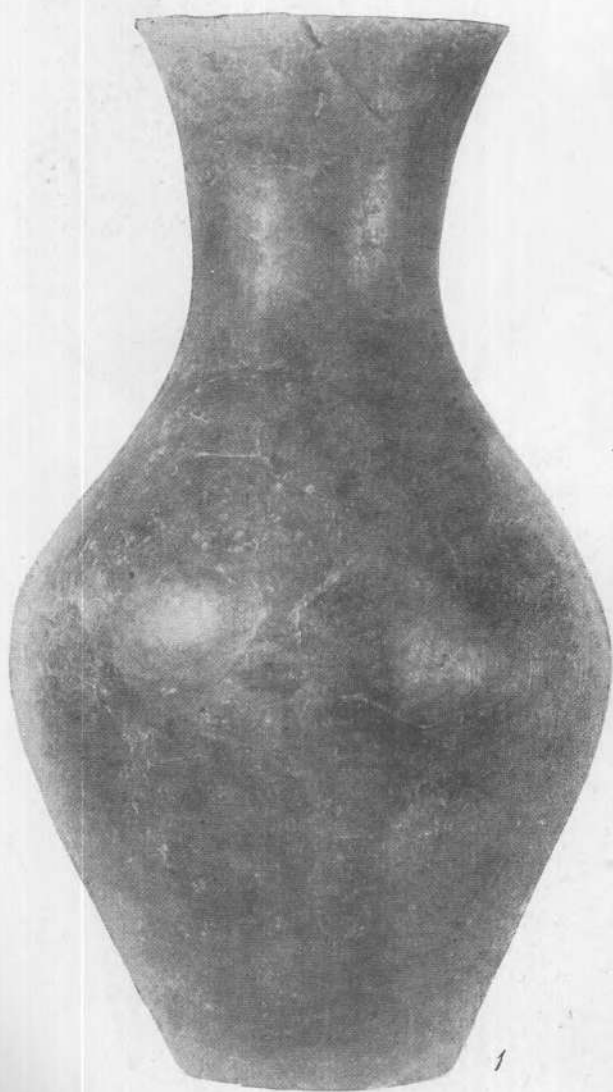

Таблица XXI

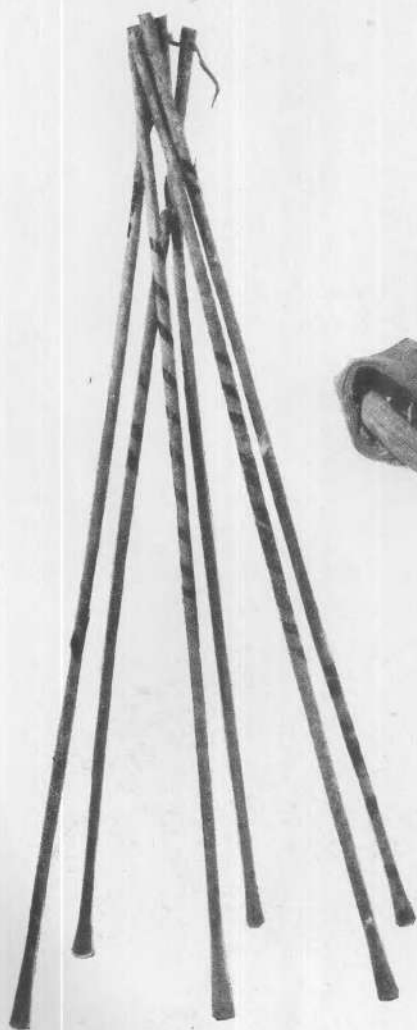
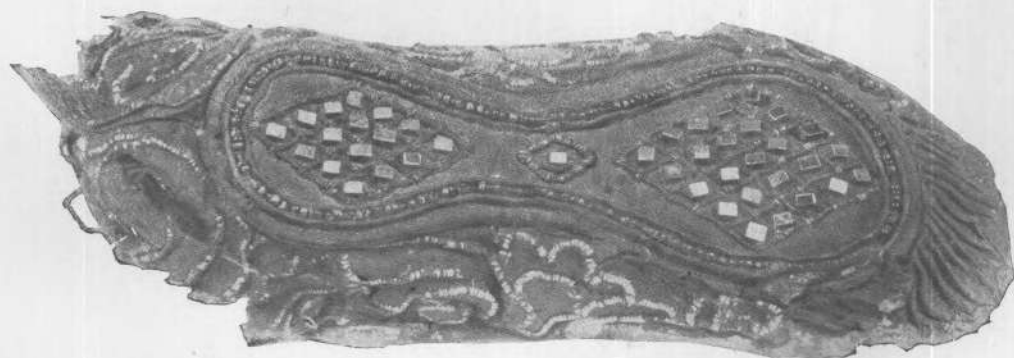

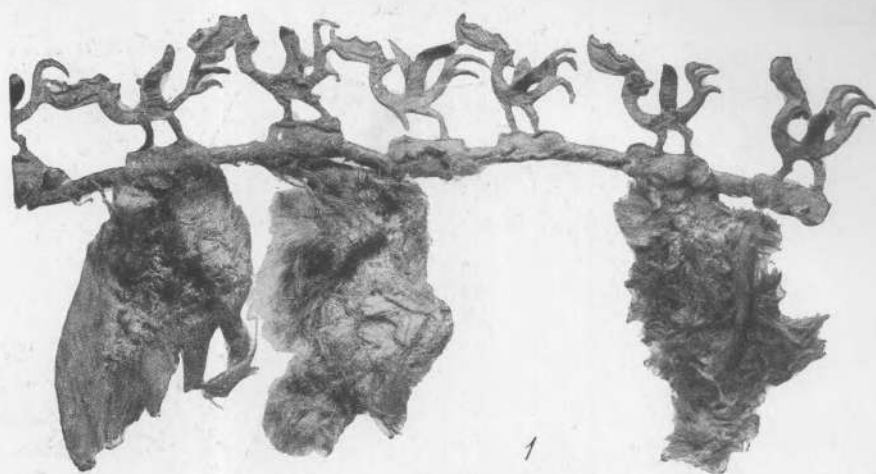
Таблица XXV

1

2

1

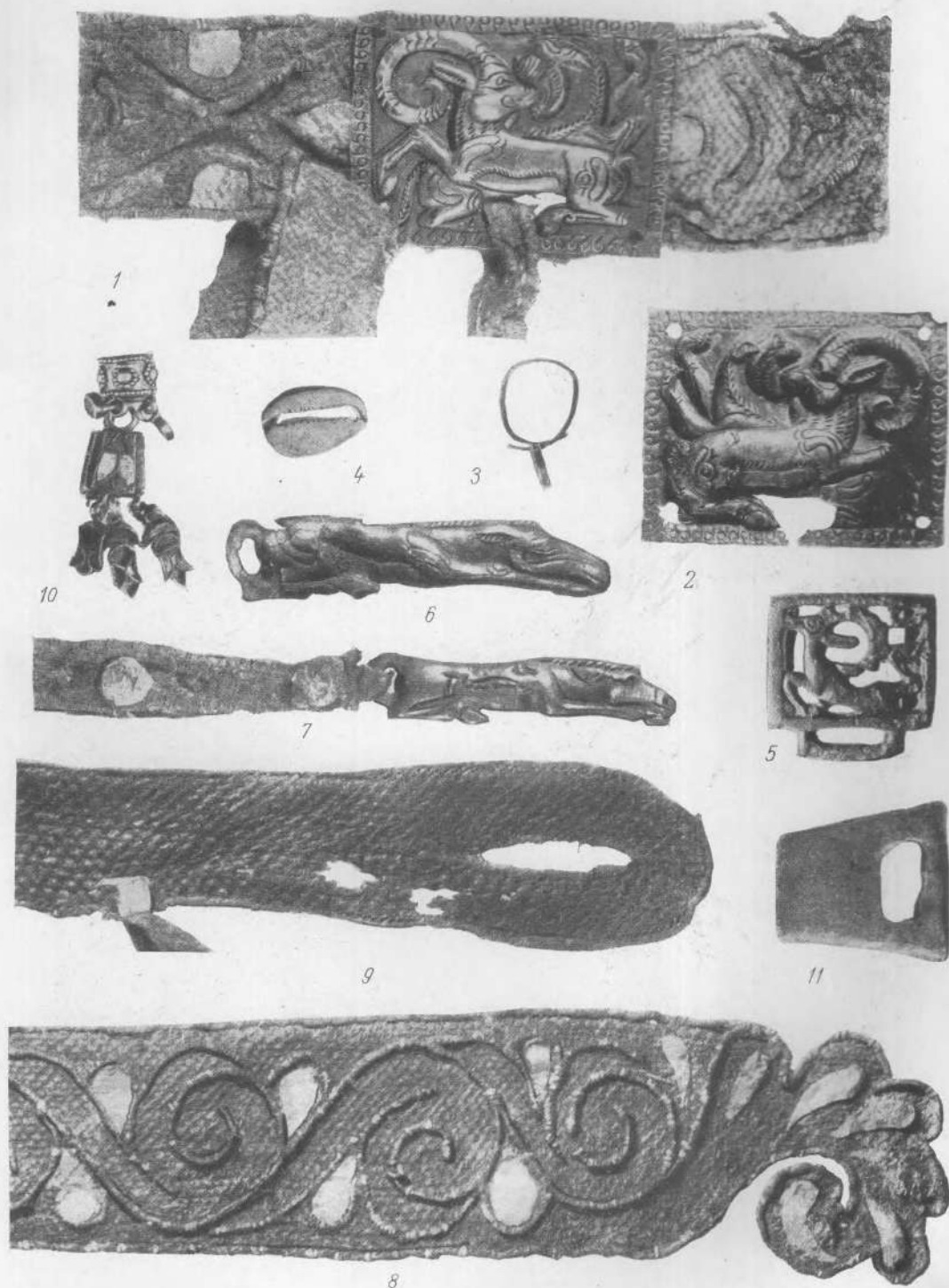

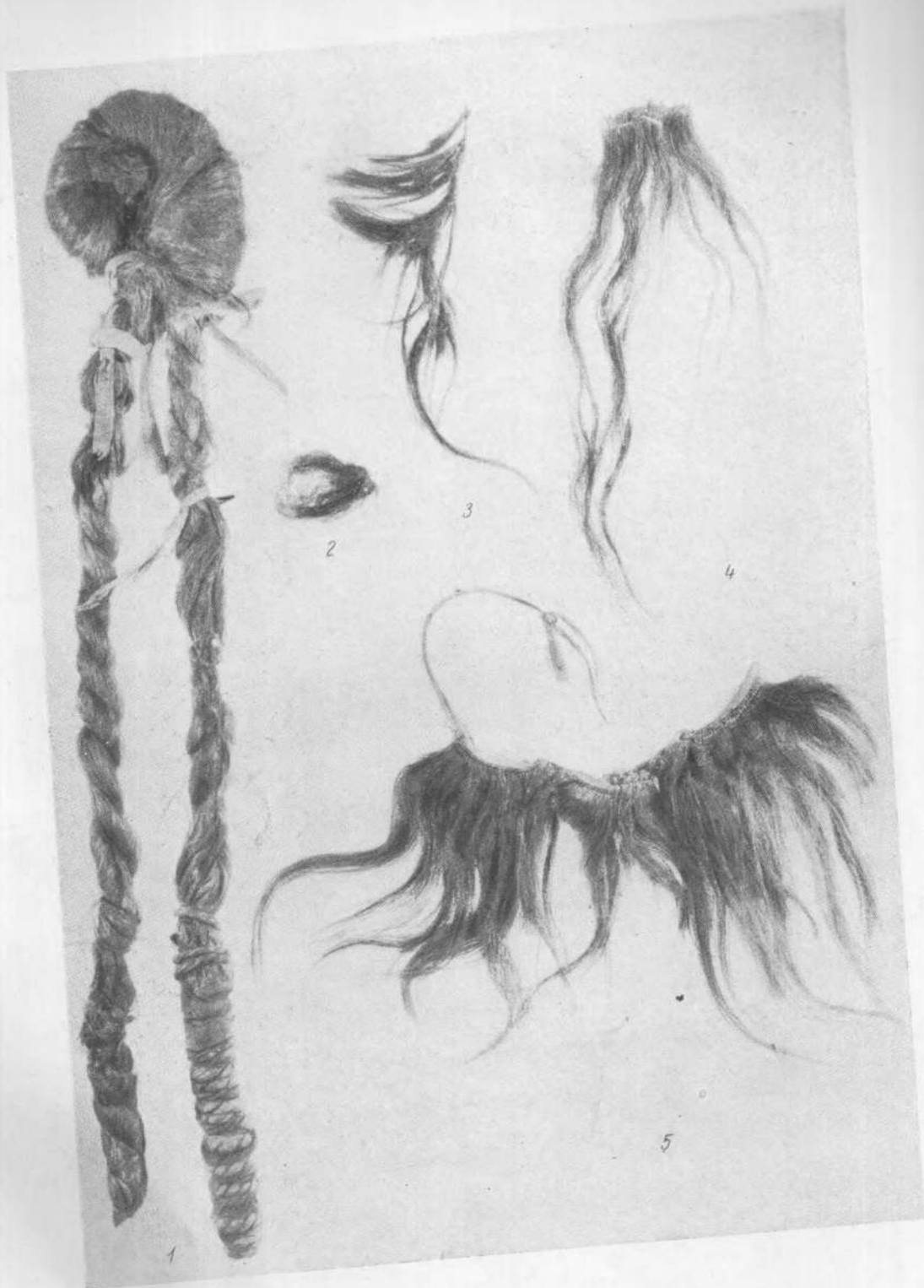
2

3

4

1

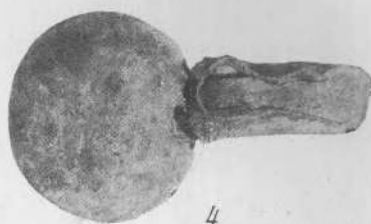
2

3

7

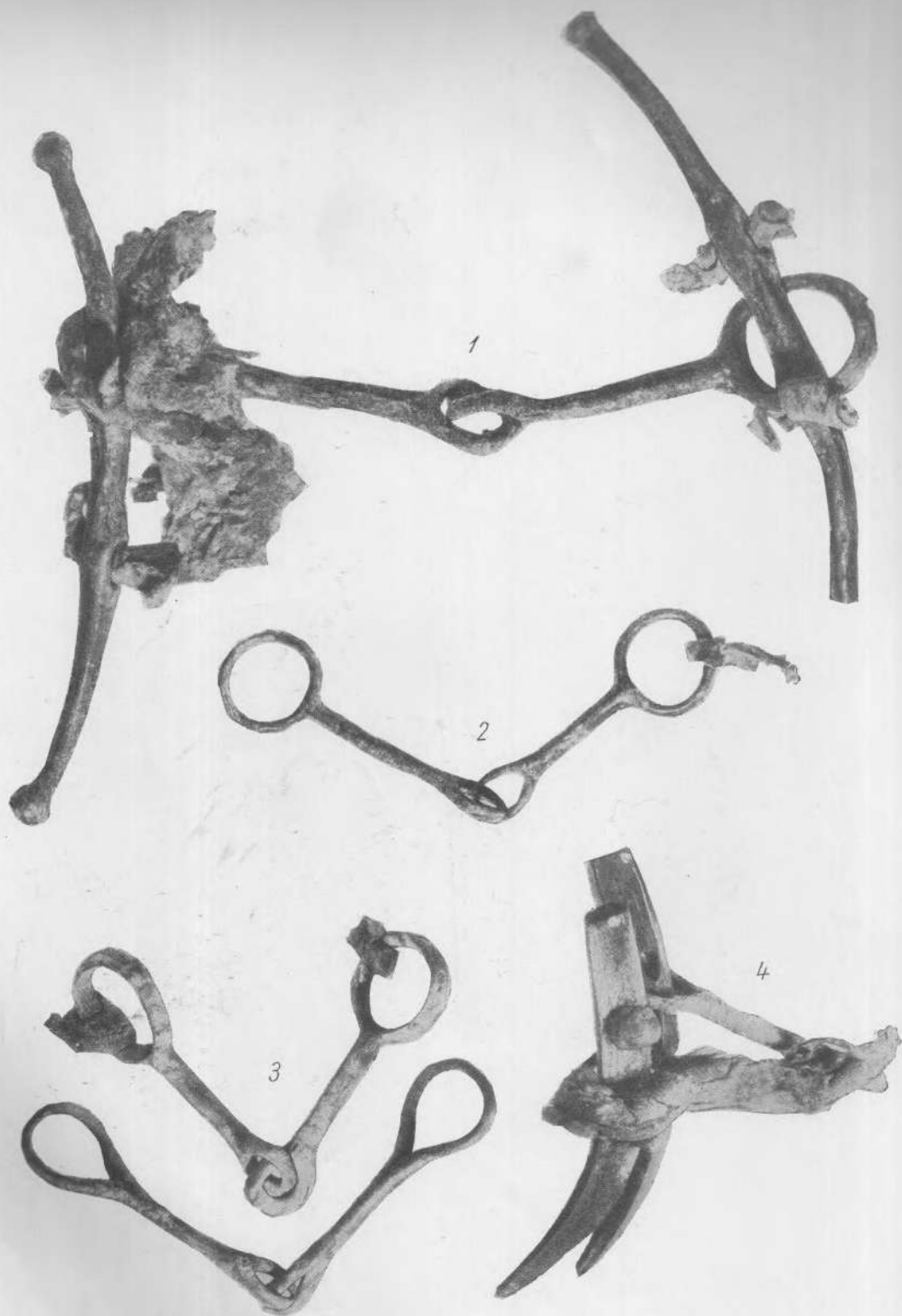
4

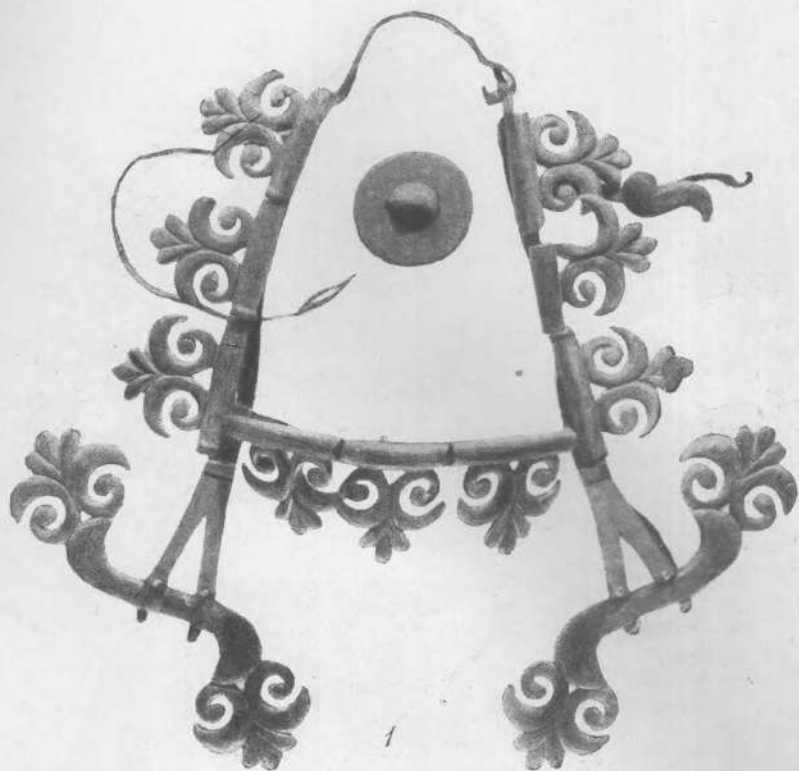

5

6

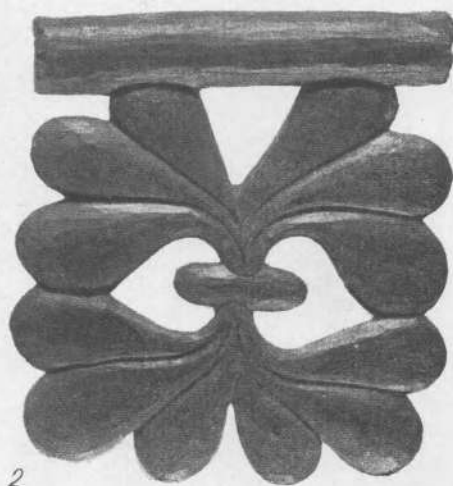
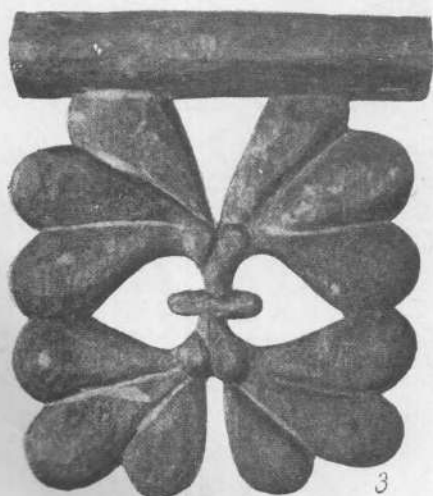
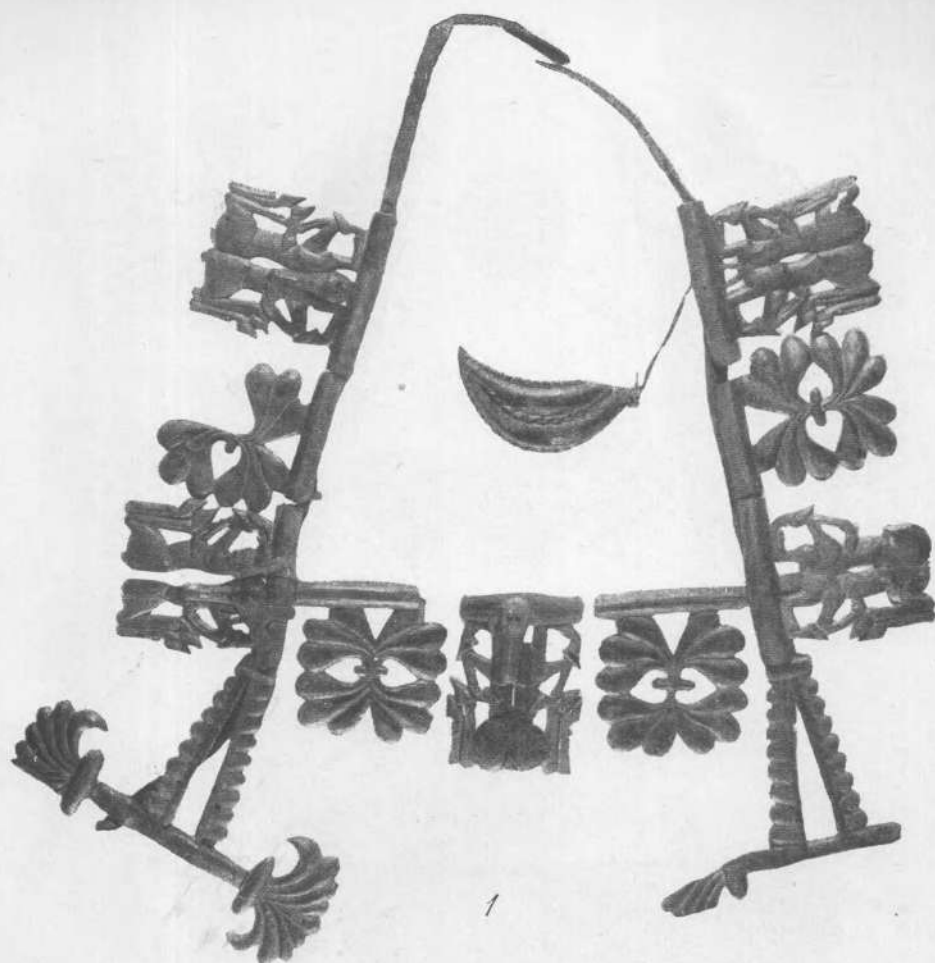
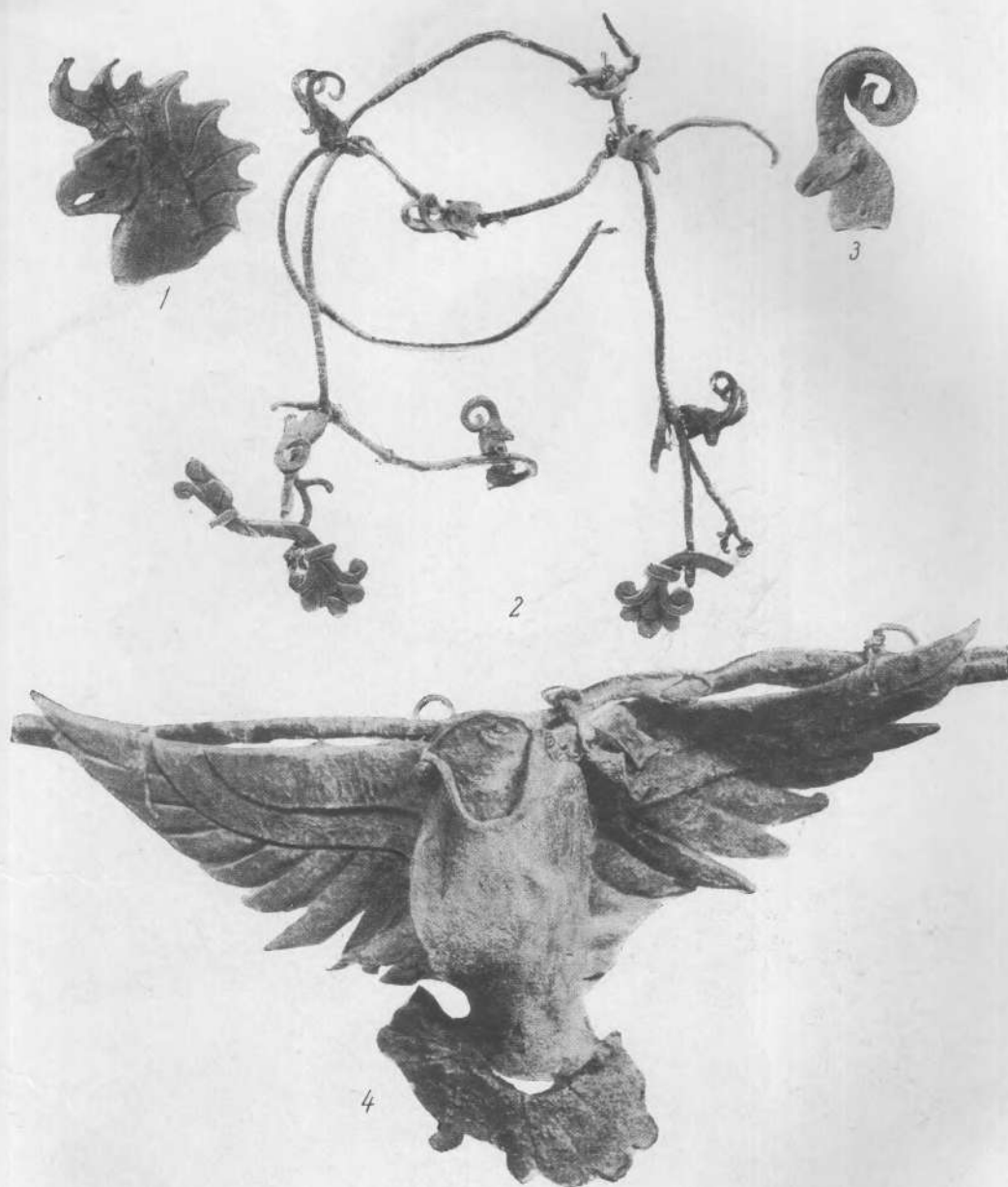
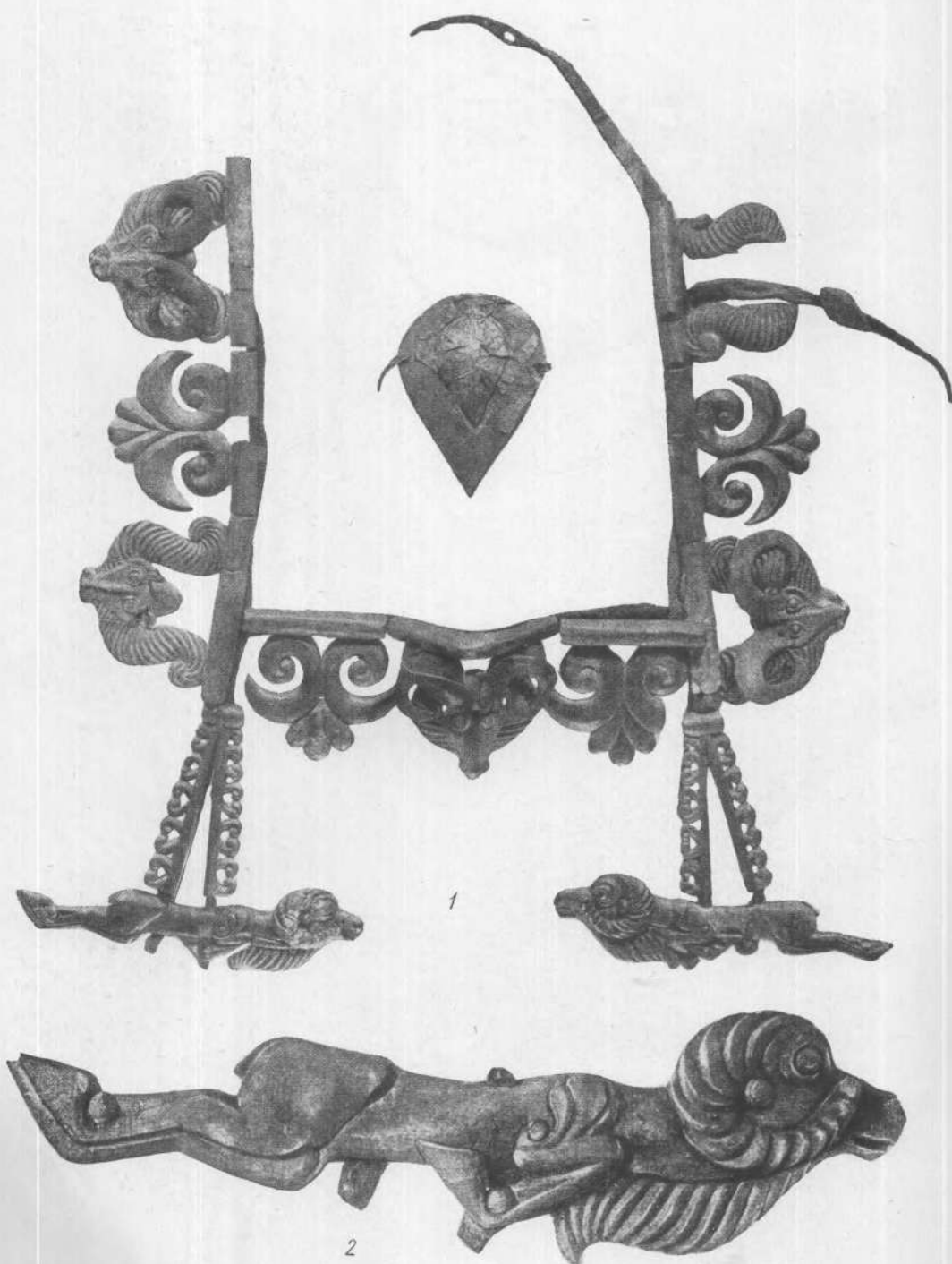

Таблица XXXIII

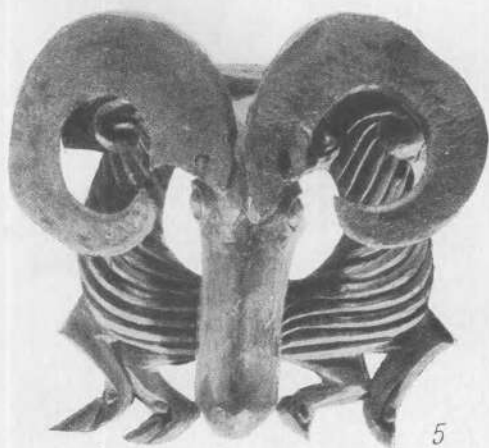
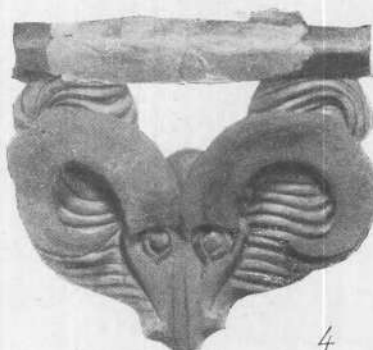
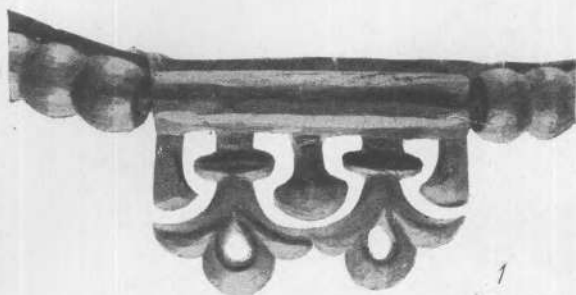
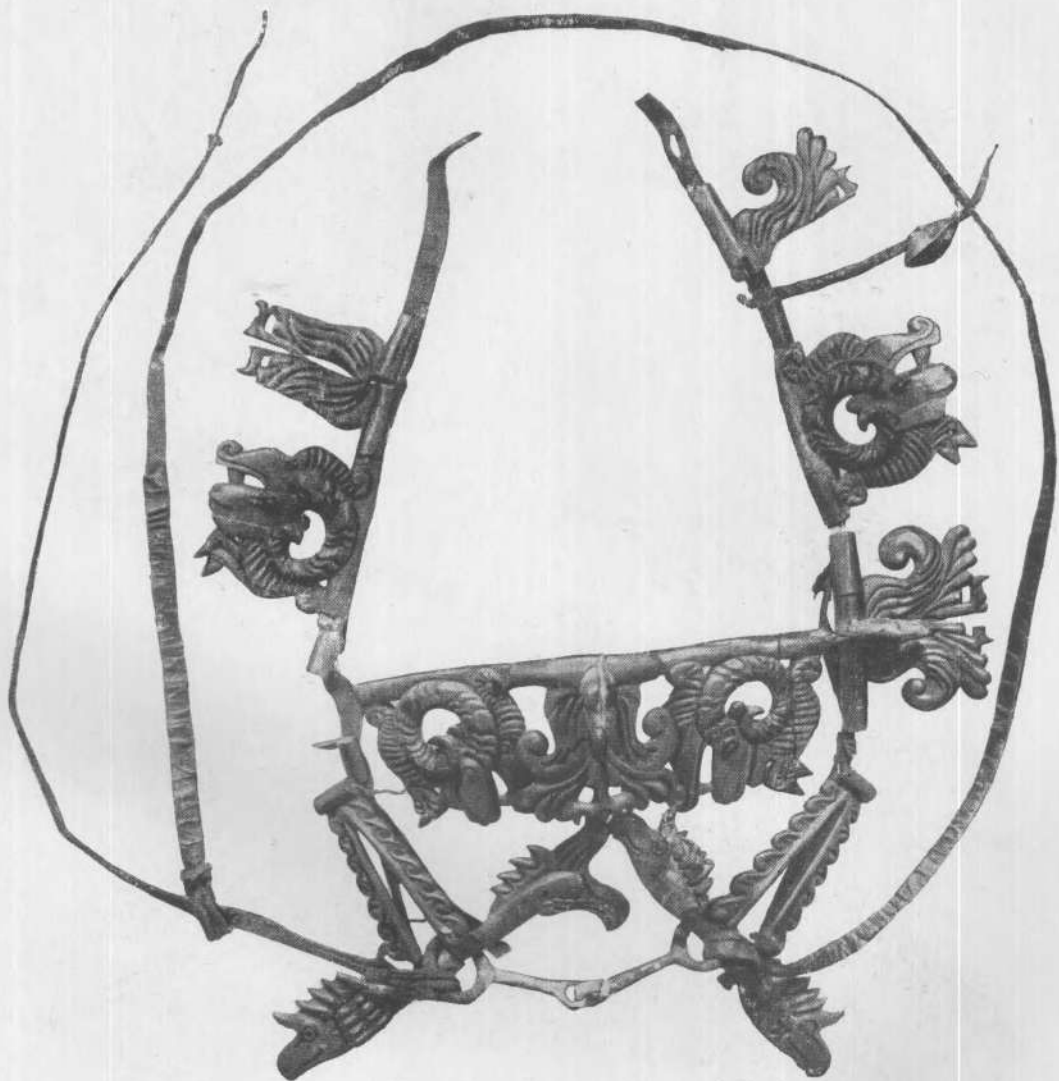

Таблица XXXVII

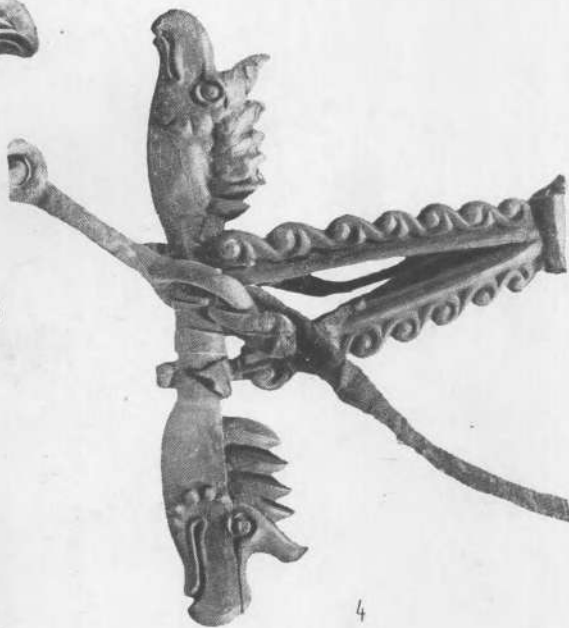
1

2

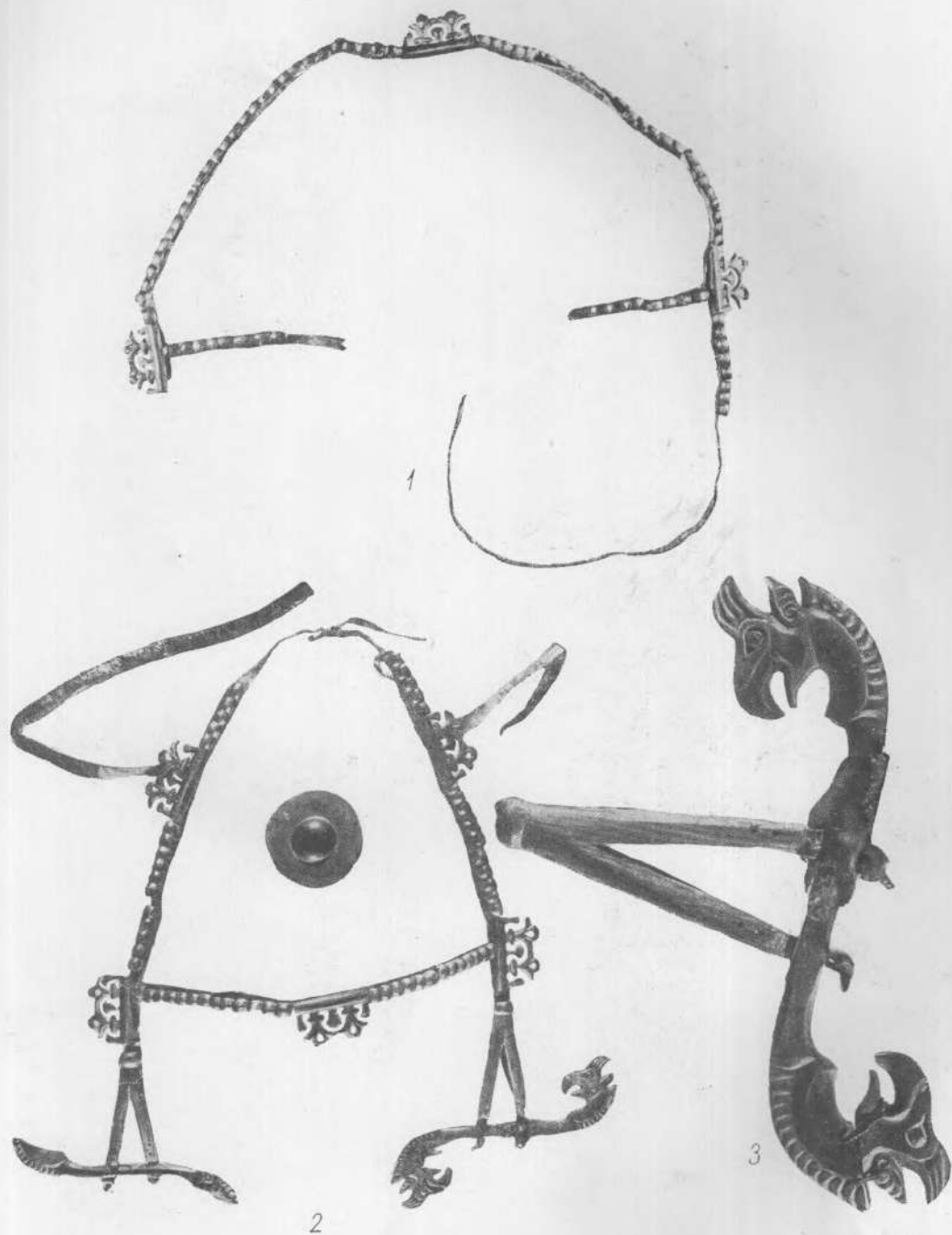

3

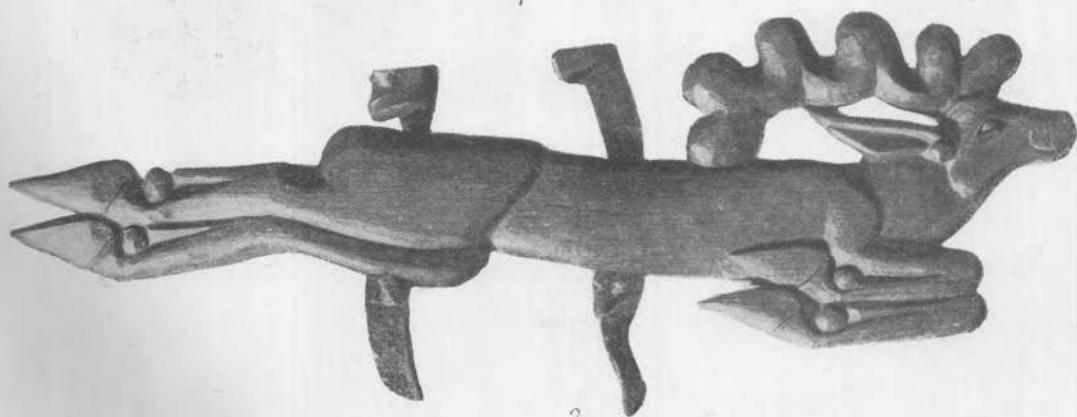
4

Таблица XXXIX

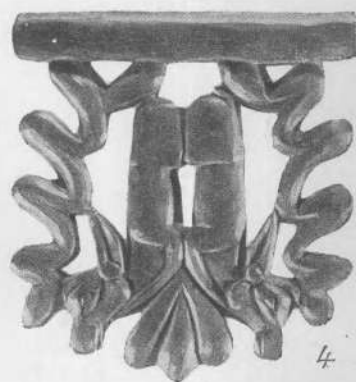

1

2

Таблица XLI

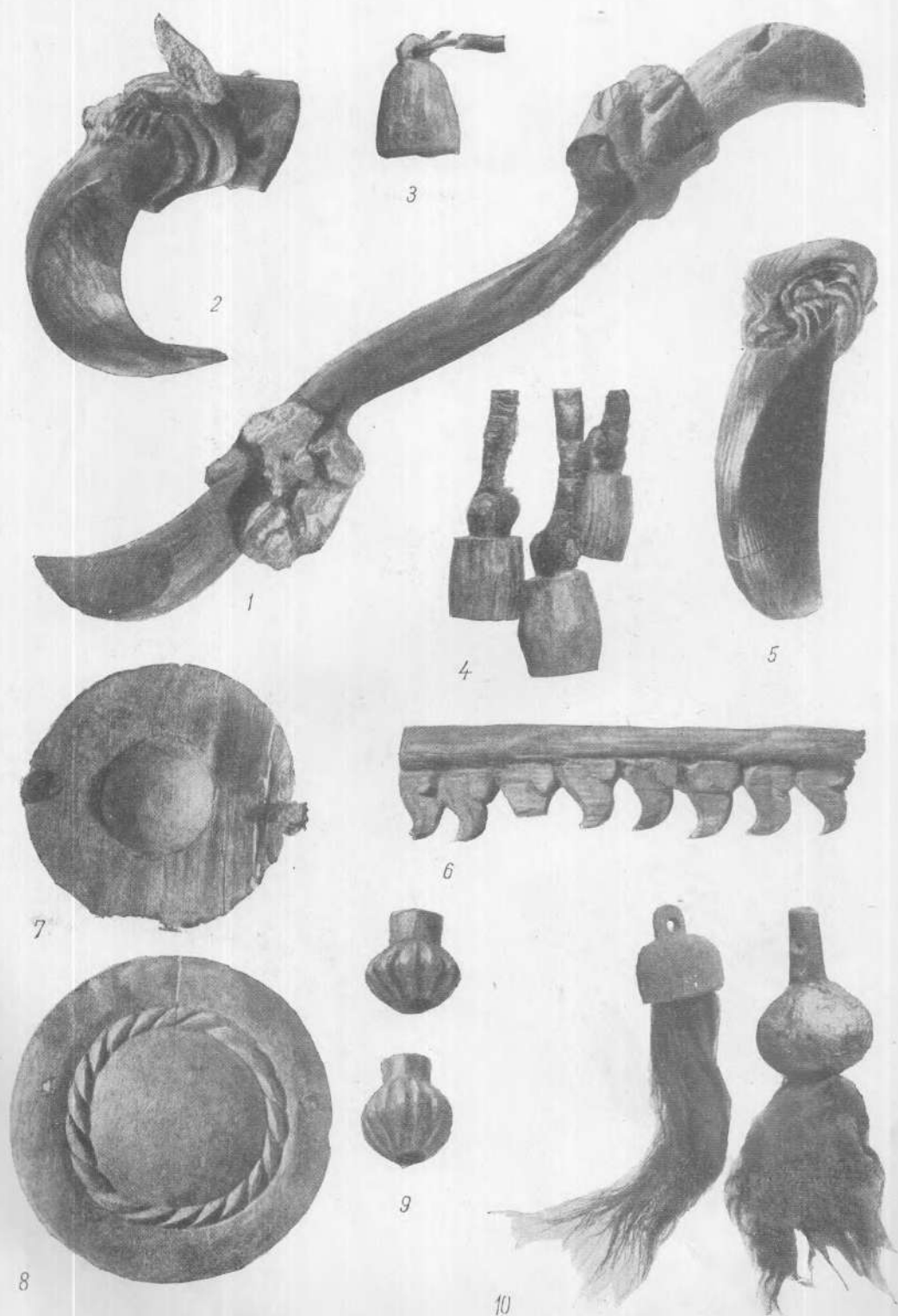
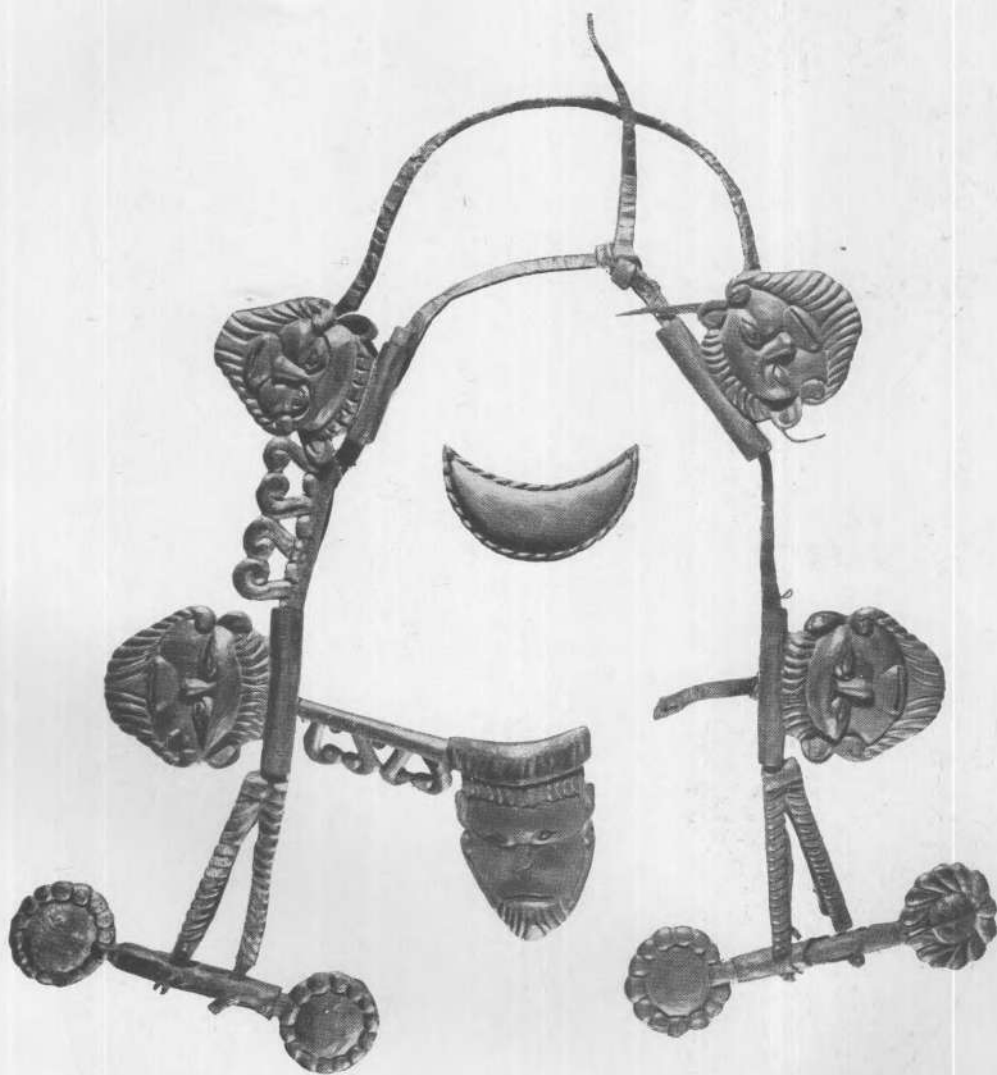

Таблица XLIII

1

2

3

4

1

2

3

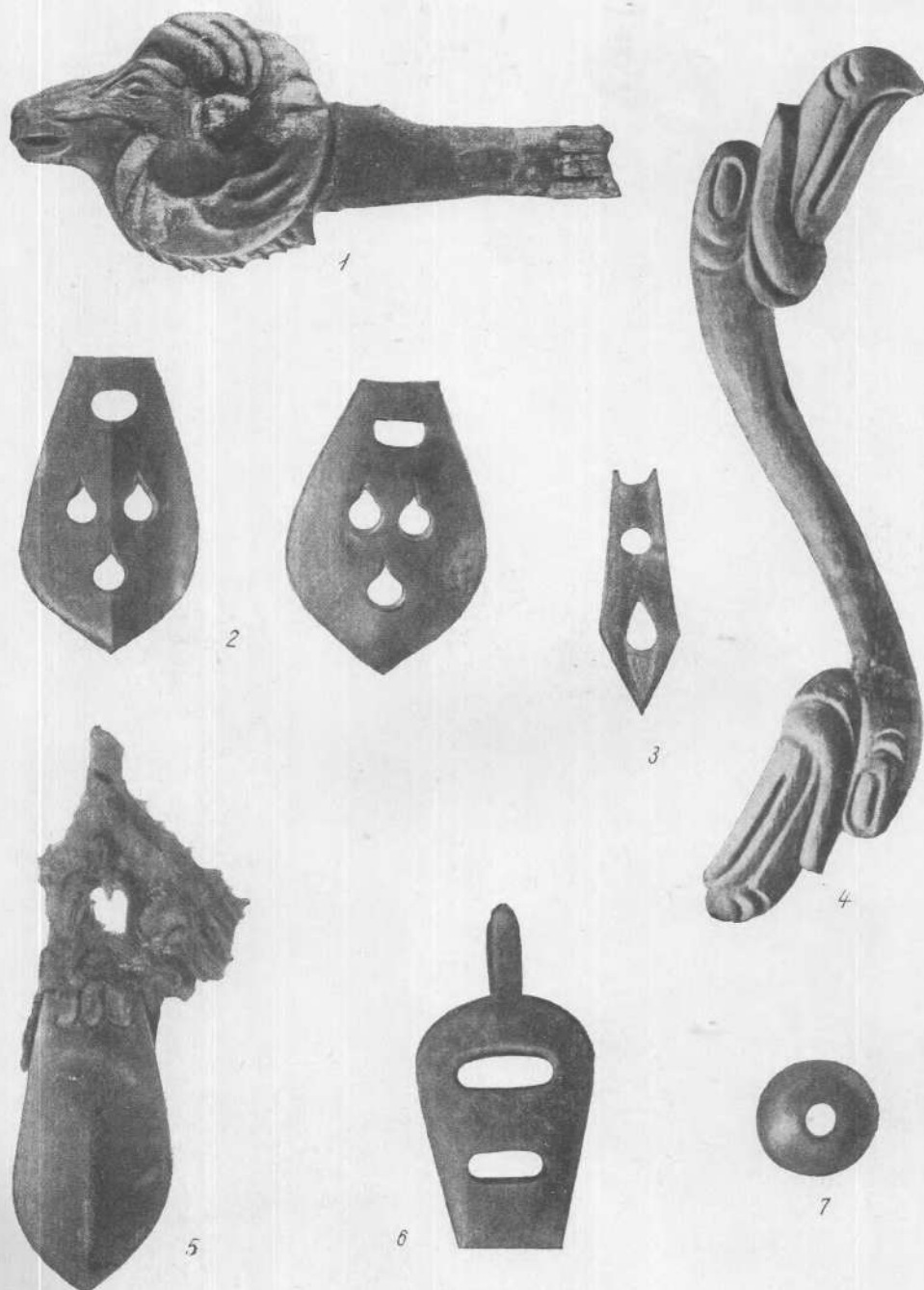

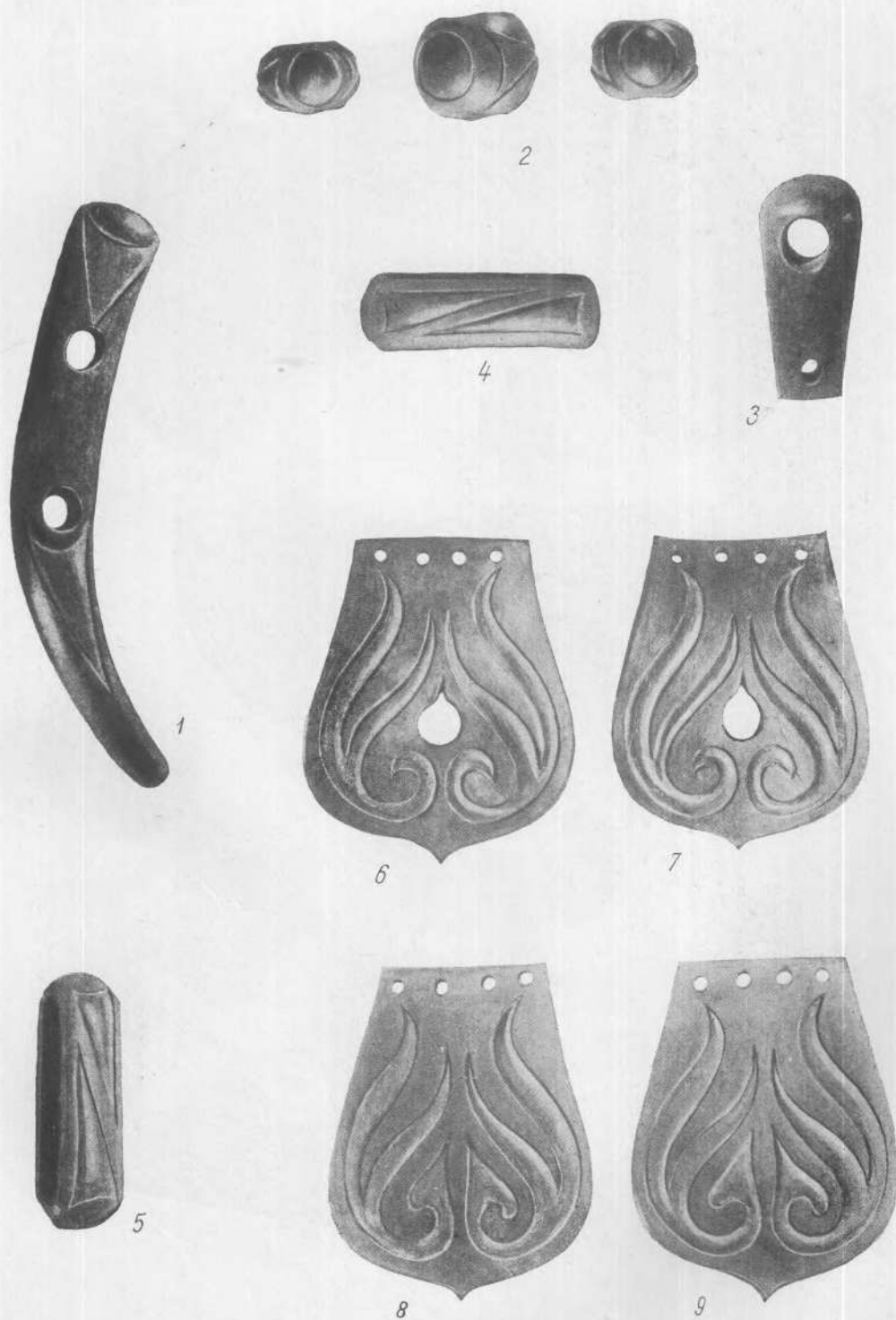
4

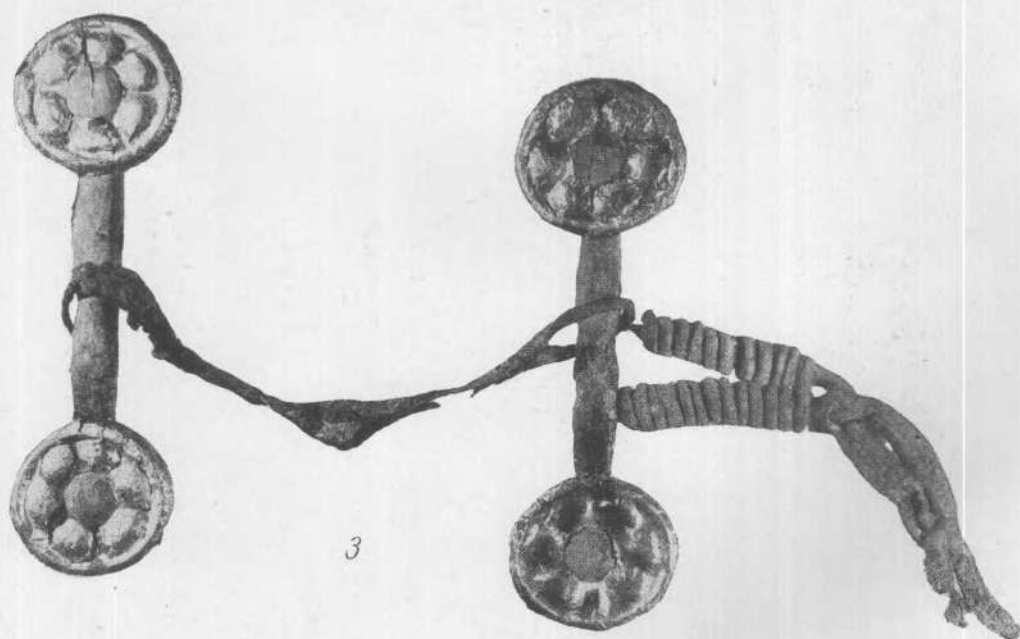
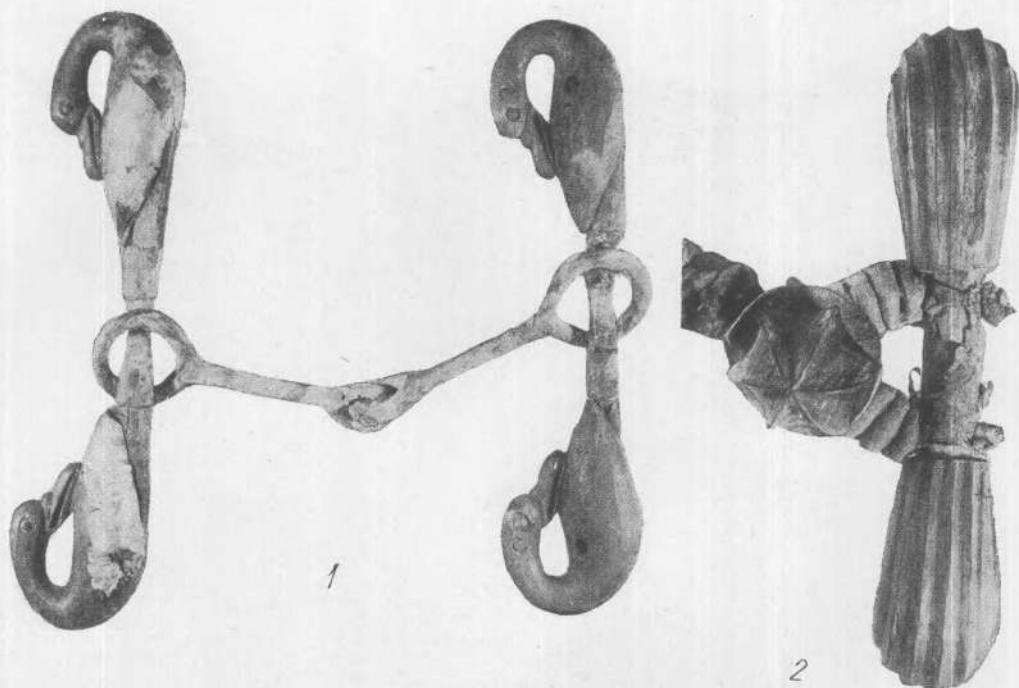
5

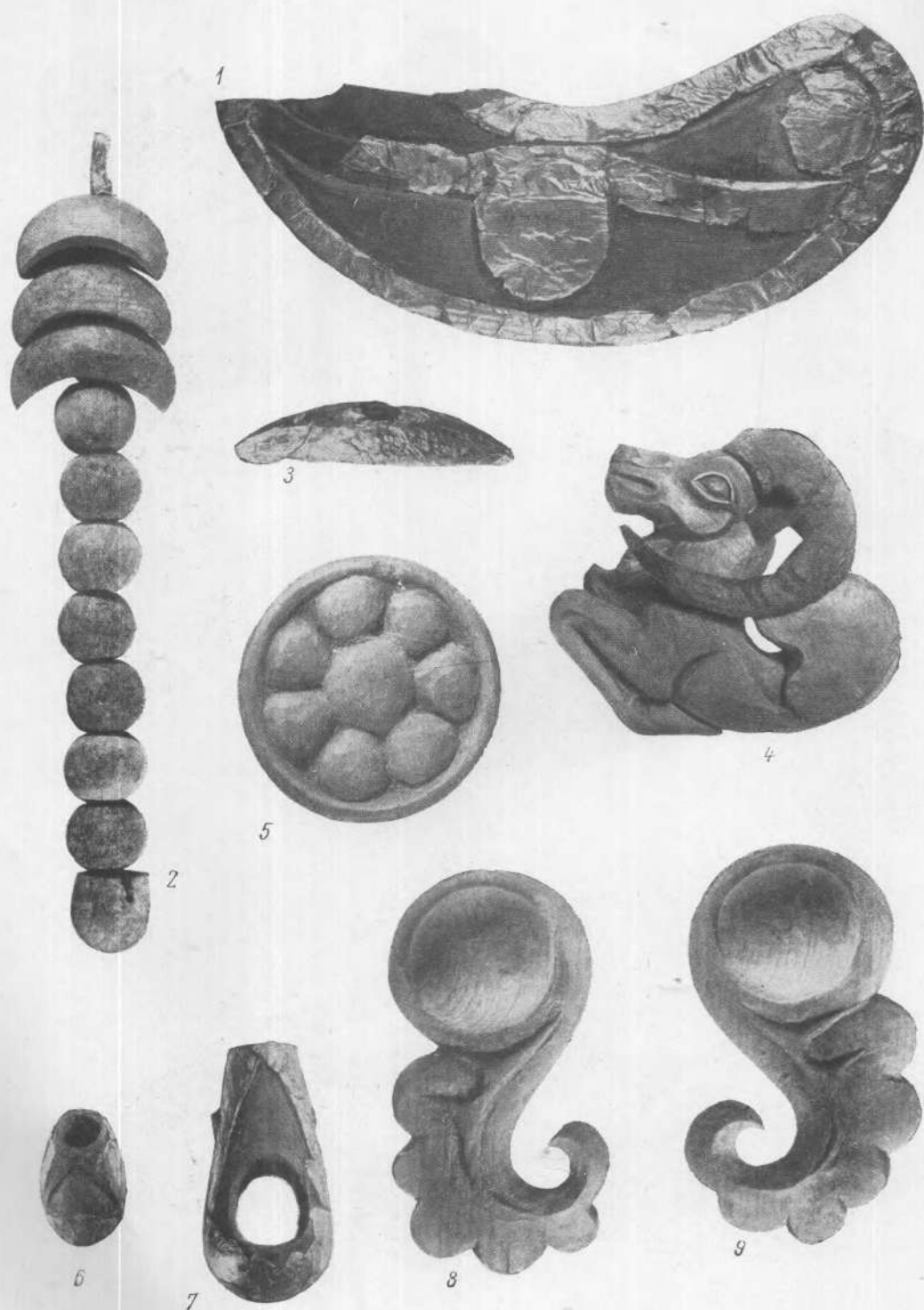
Таблица XLVI

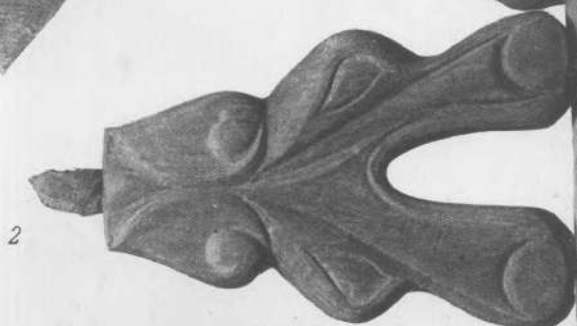
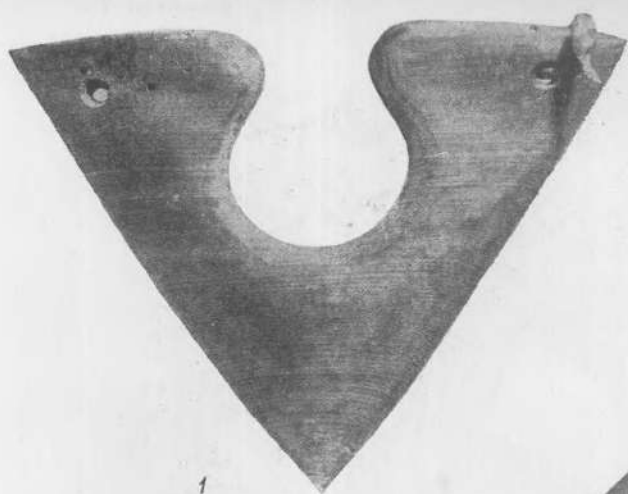

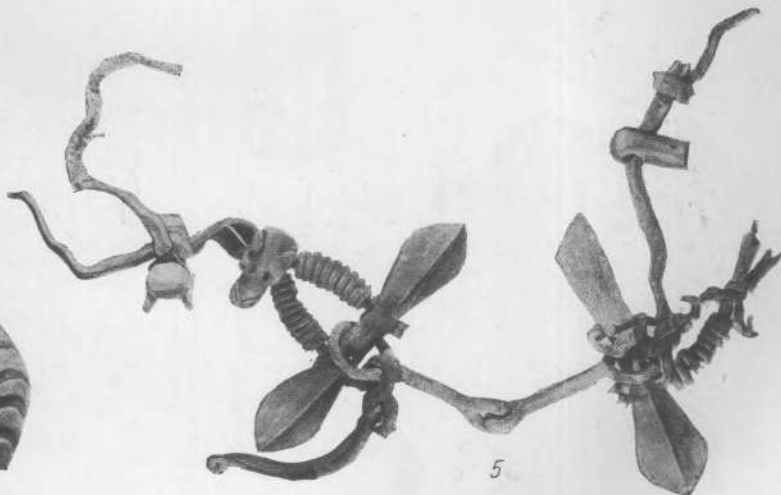
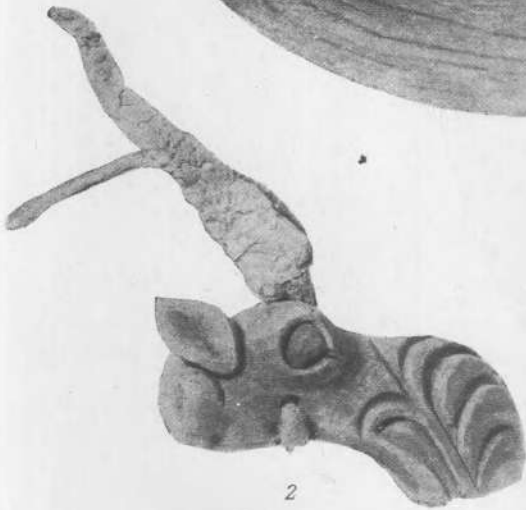
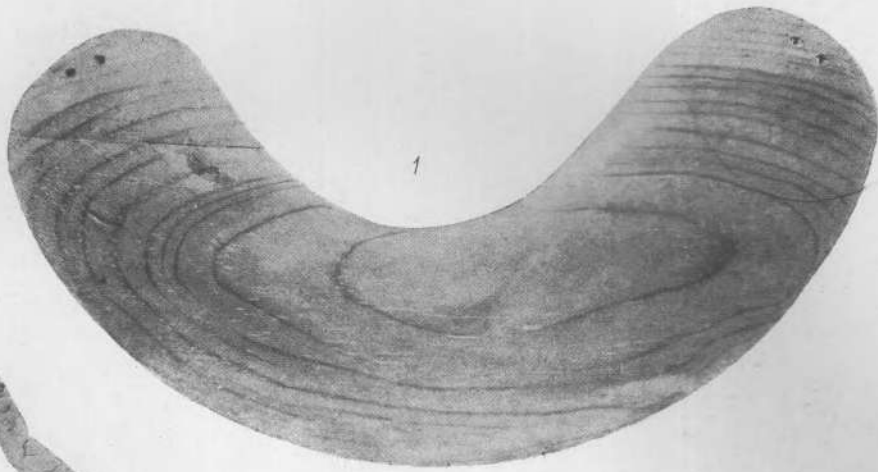
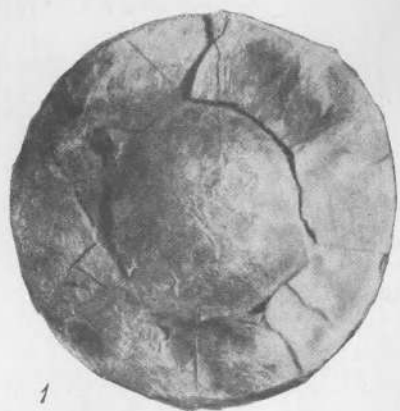
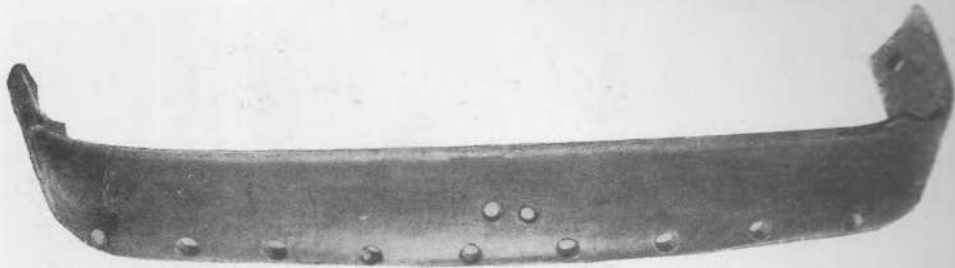

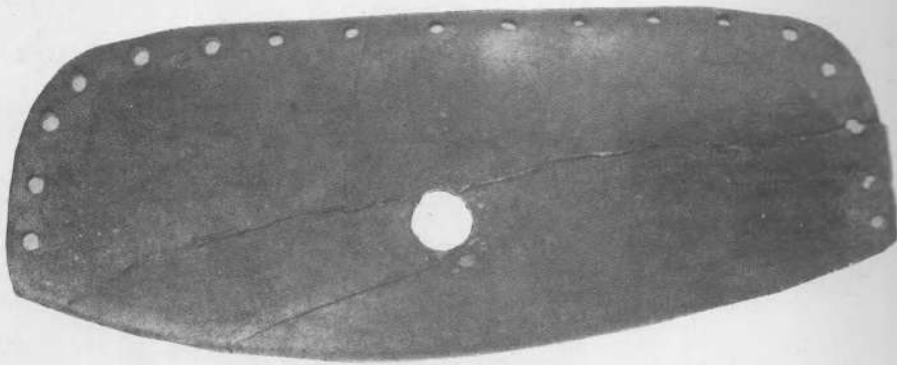
Таблица LVI

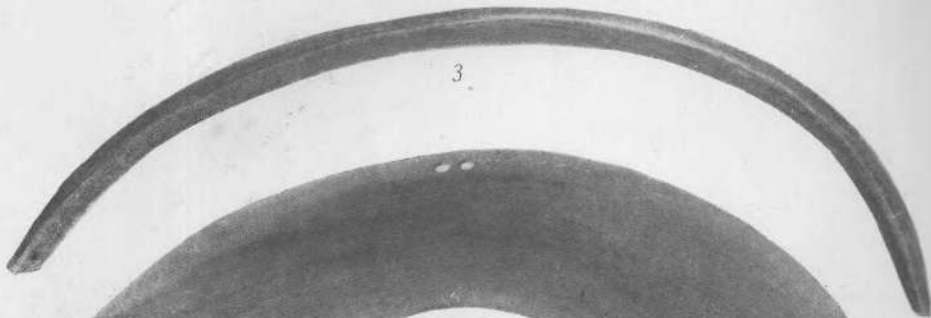

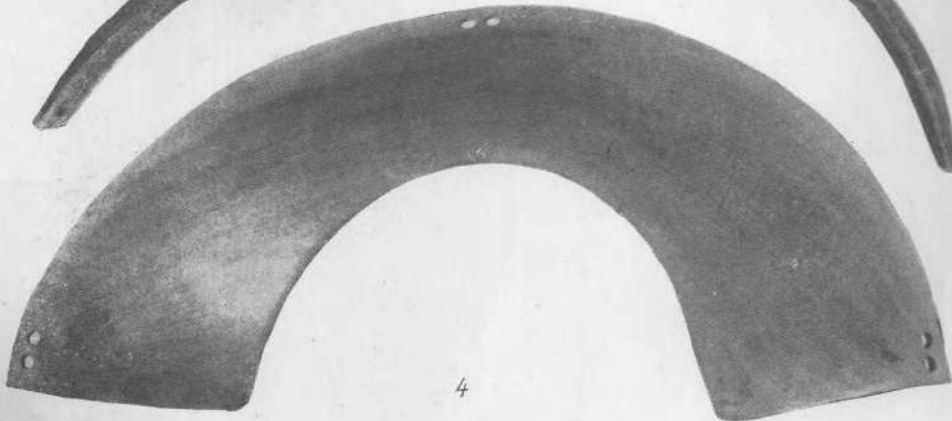
1

2

3

4

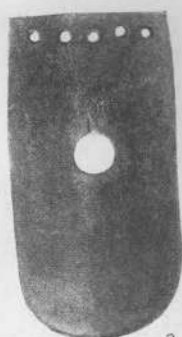
Таблица LIX

1

2

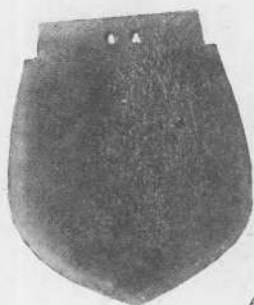
3

4

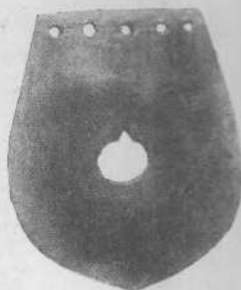
5

6

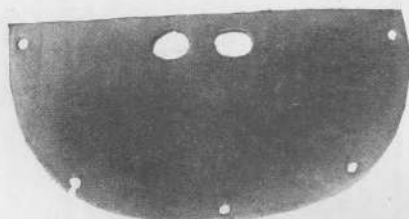
7

8

9

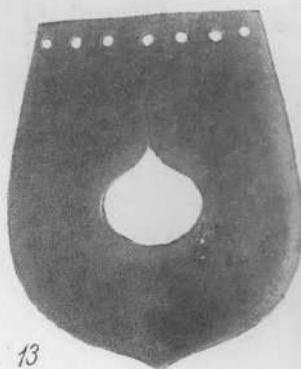
10

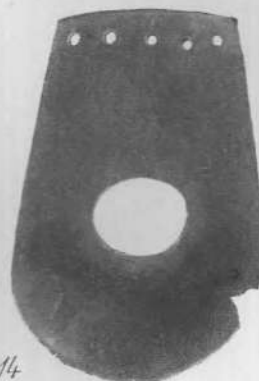
11

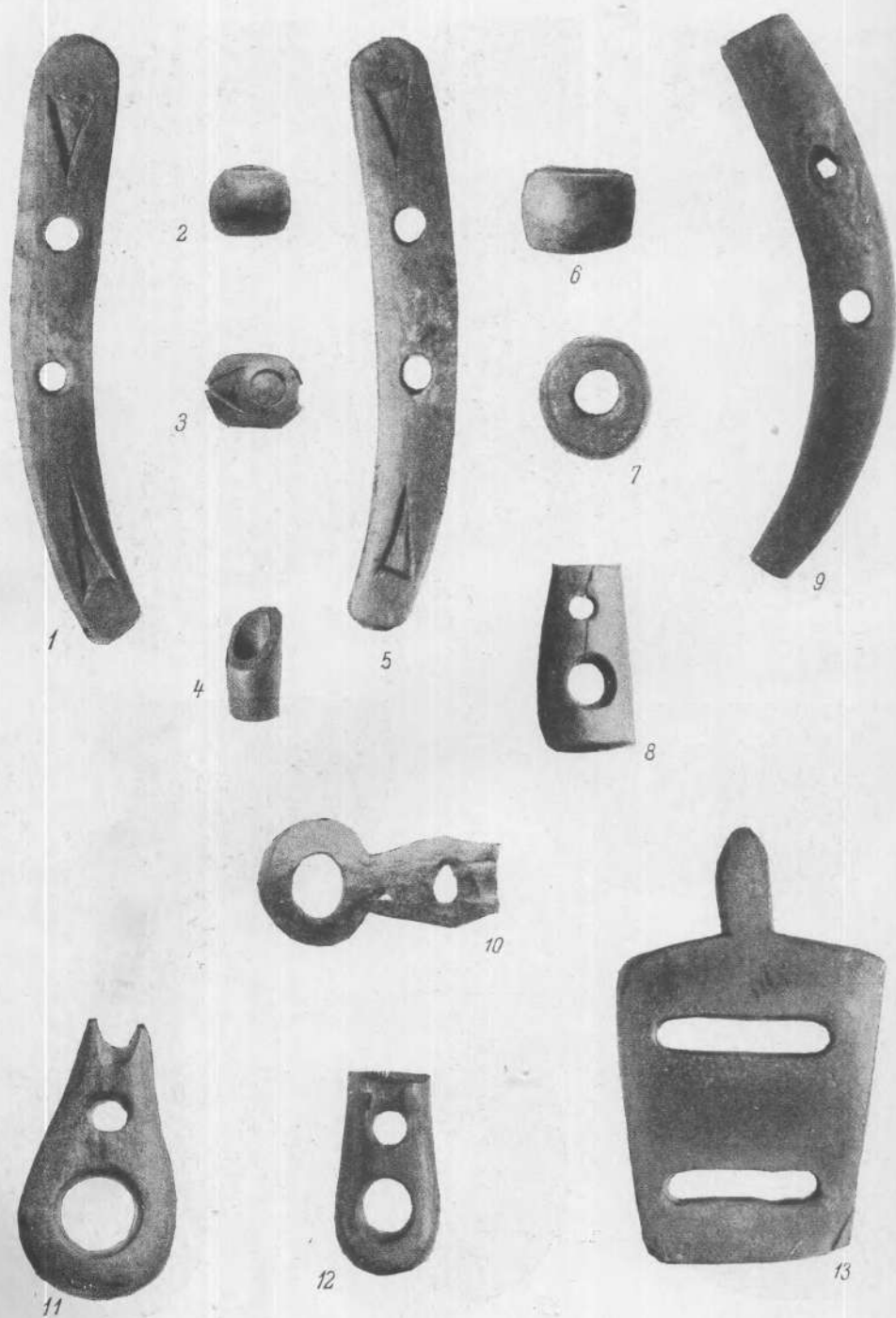
12

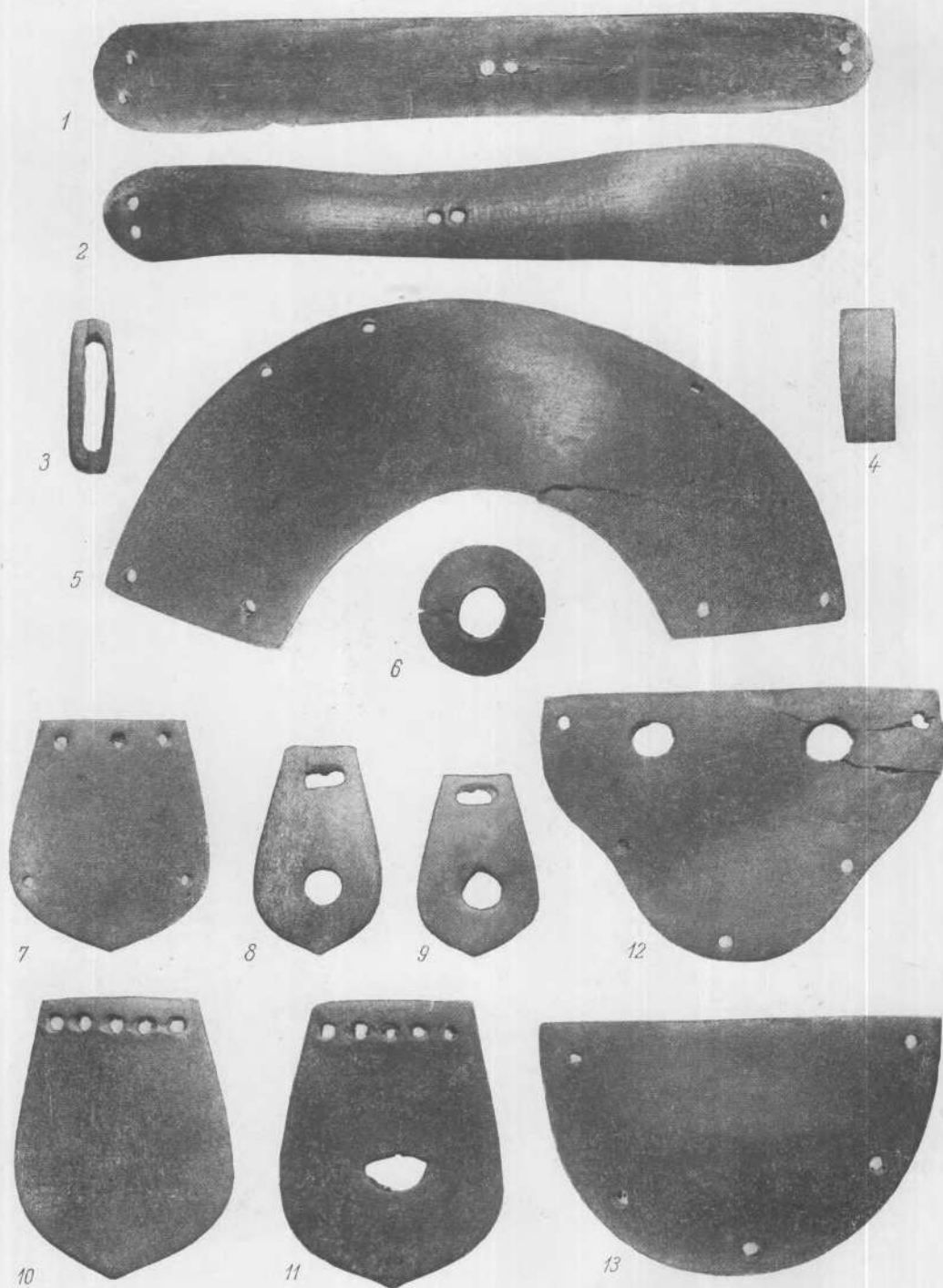

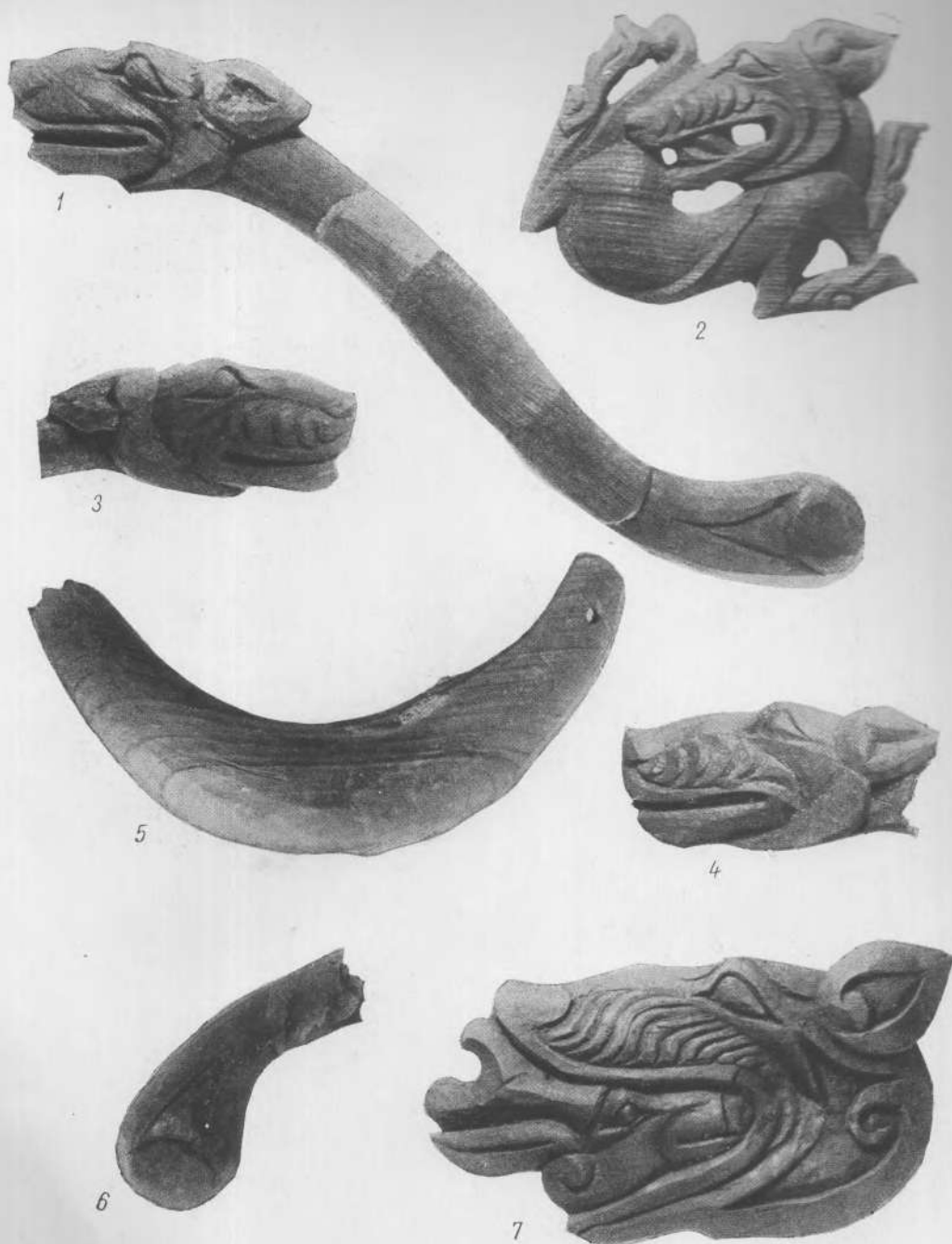
13

14

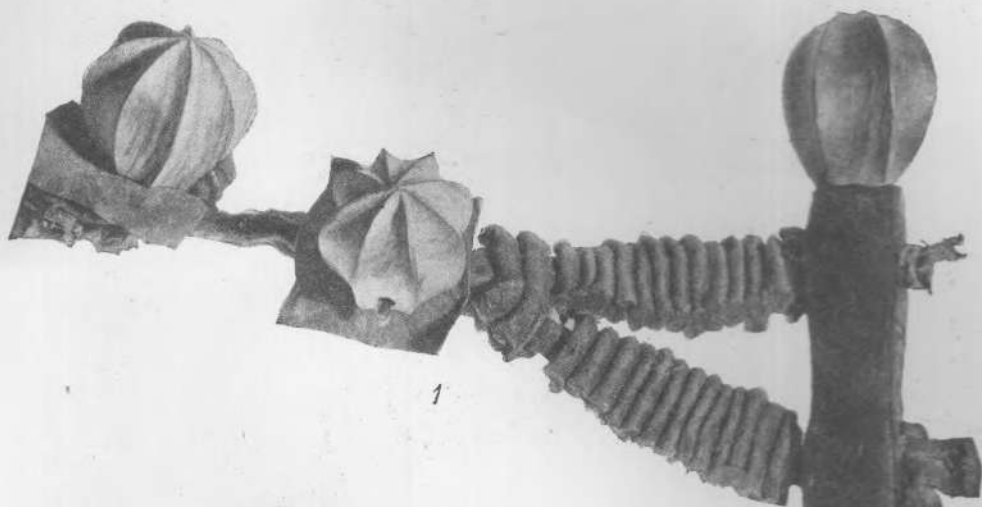

1

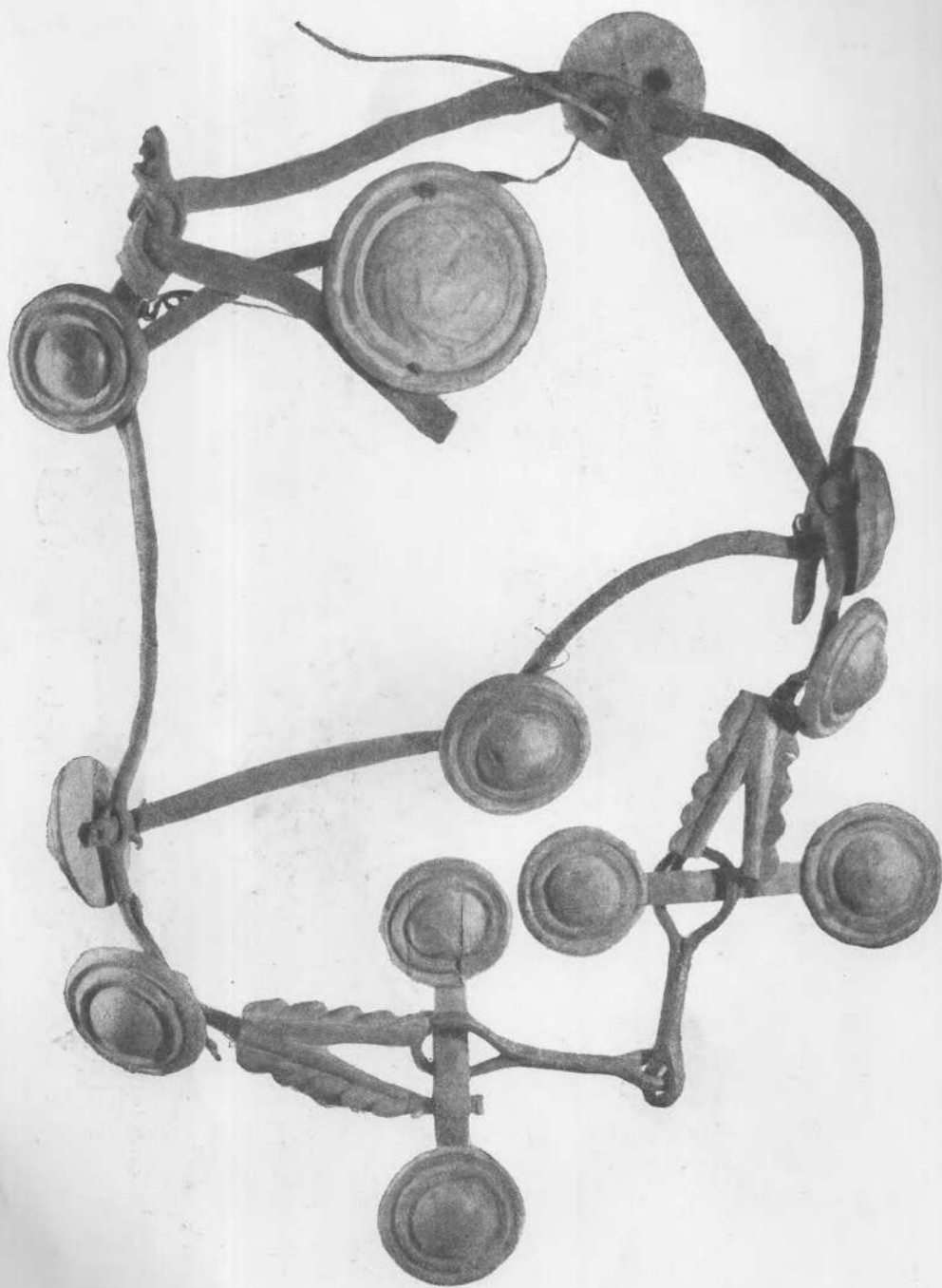

2

3

Таблица LXVI

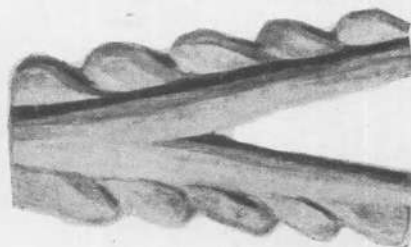

1

2

3

4

5

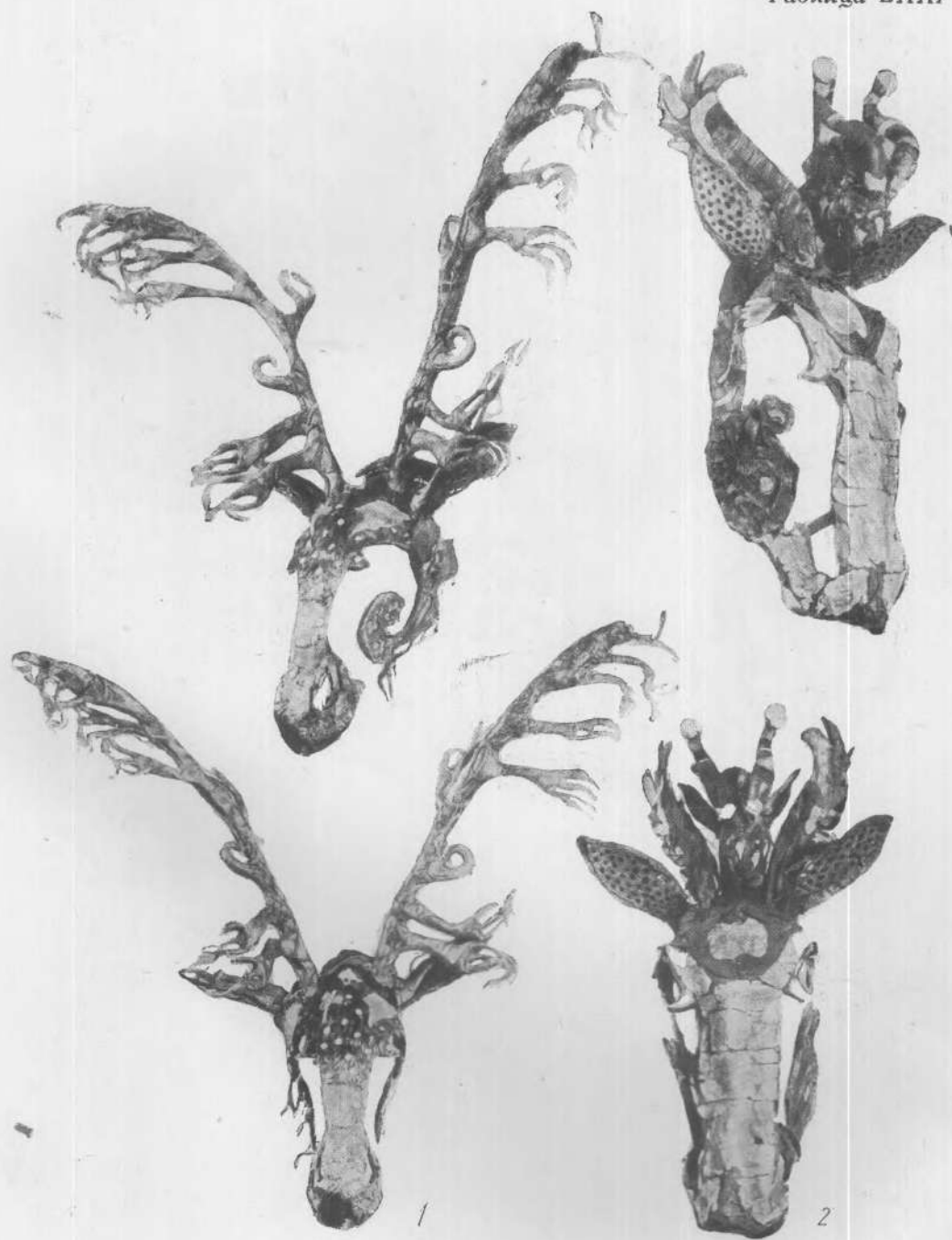

6

7

Таблица LXXI

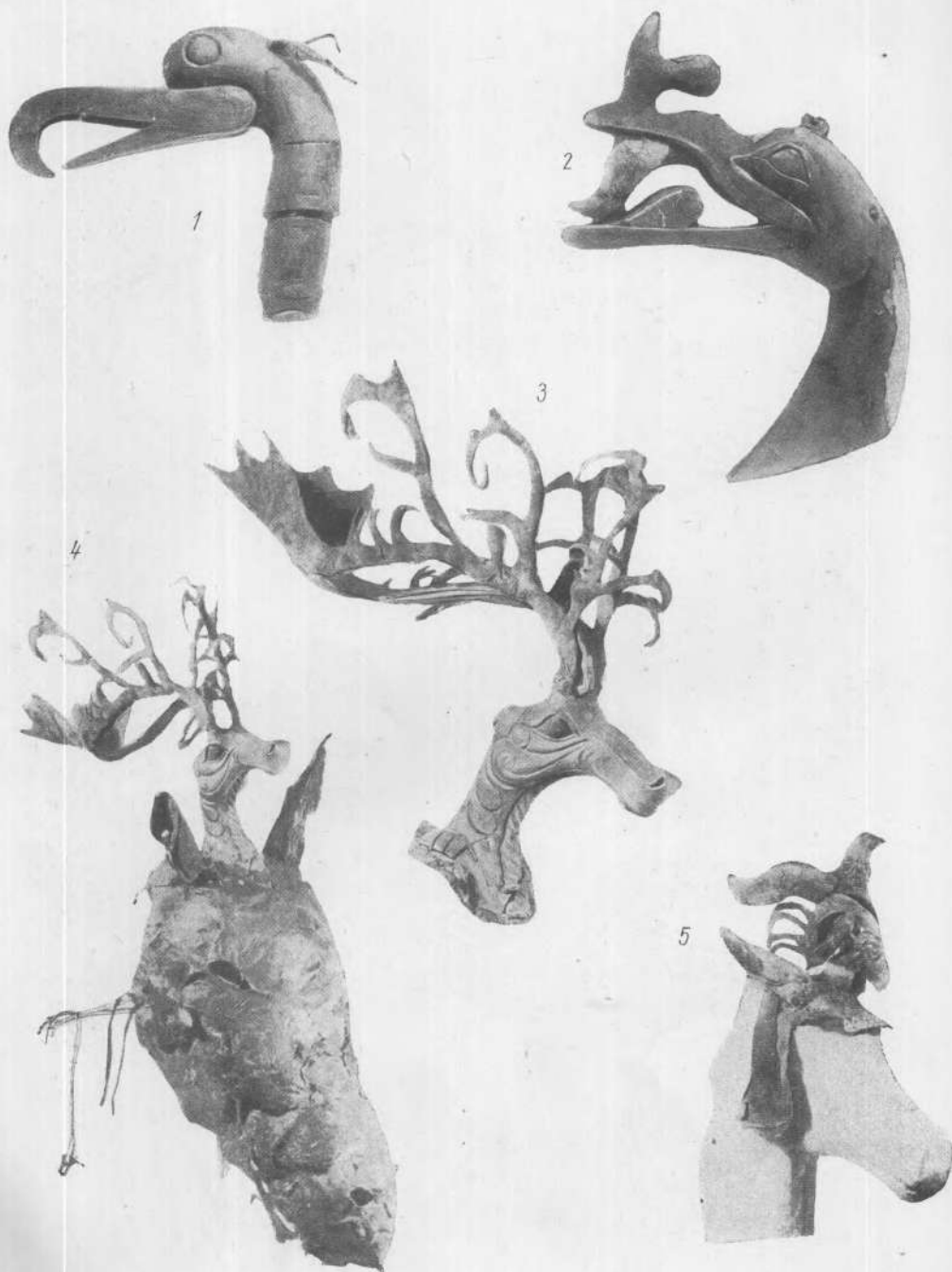
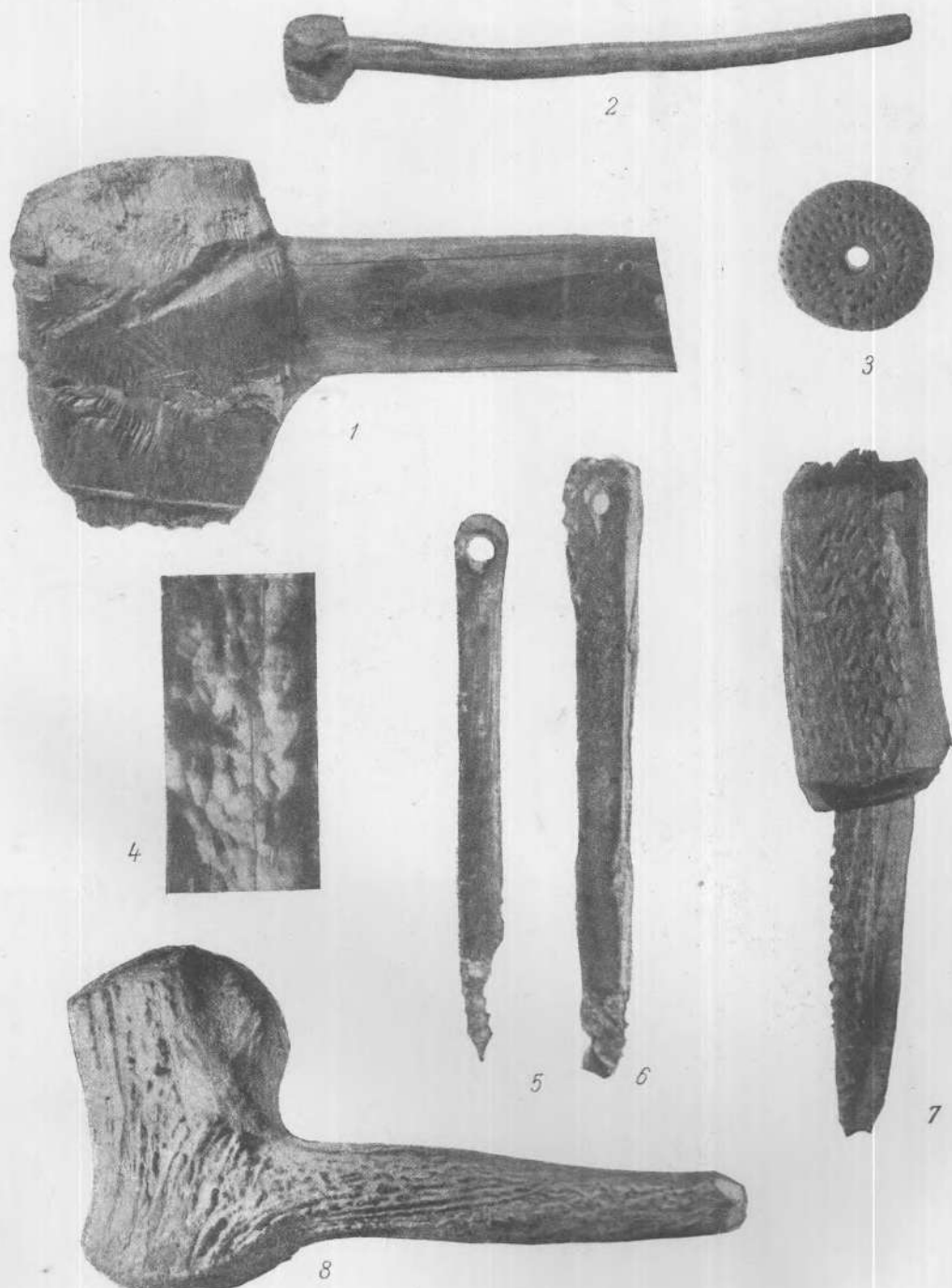
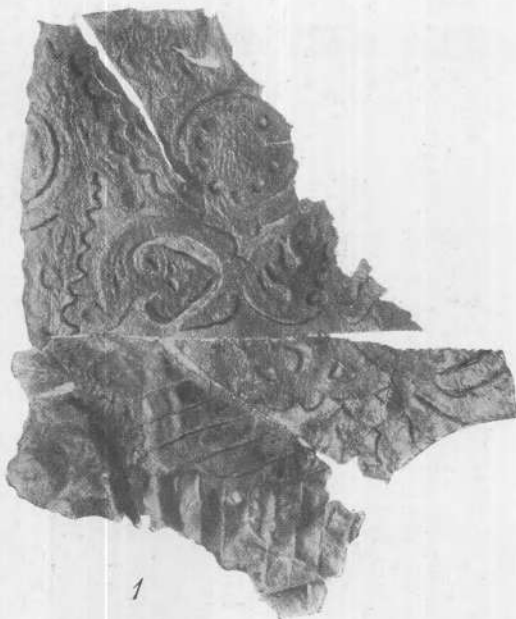
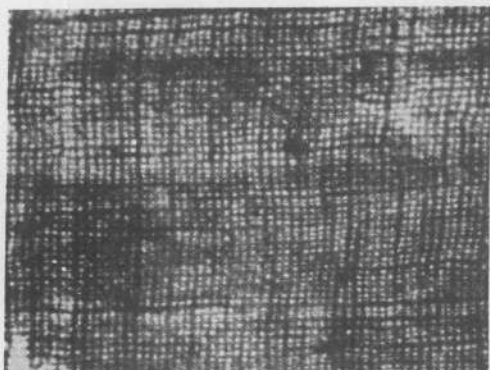

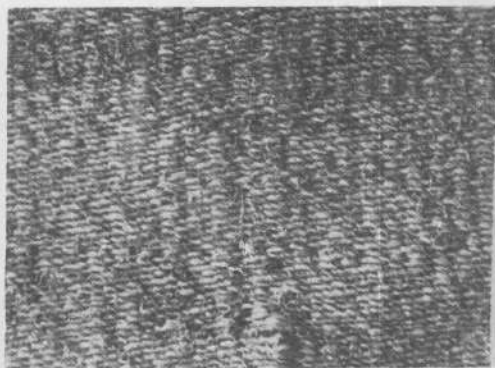
Таблица LXXIII

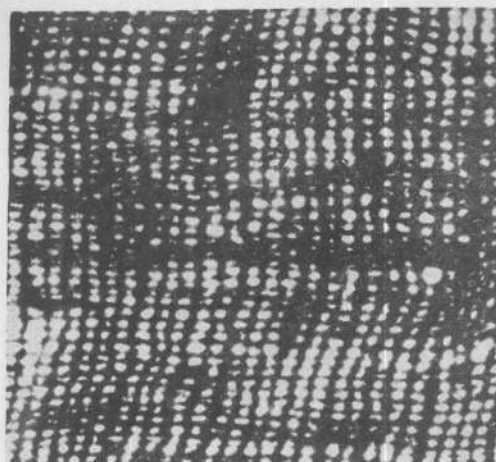
1

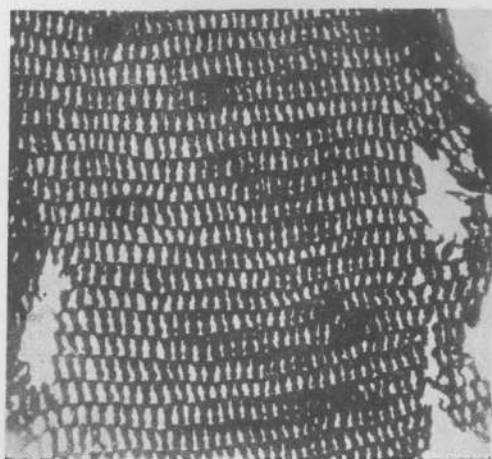
2

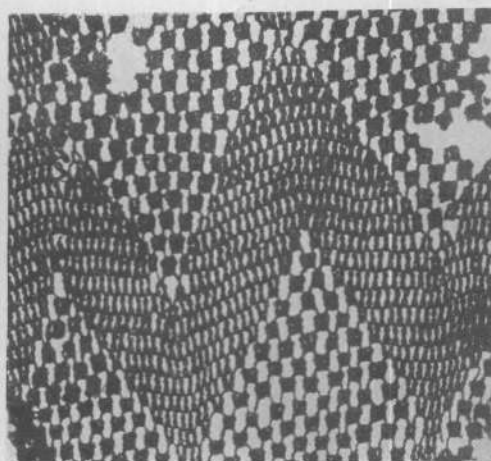
3

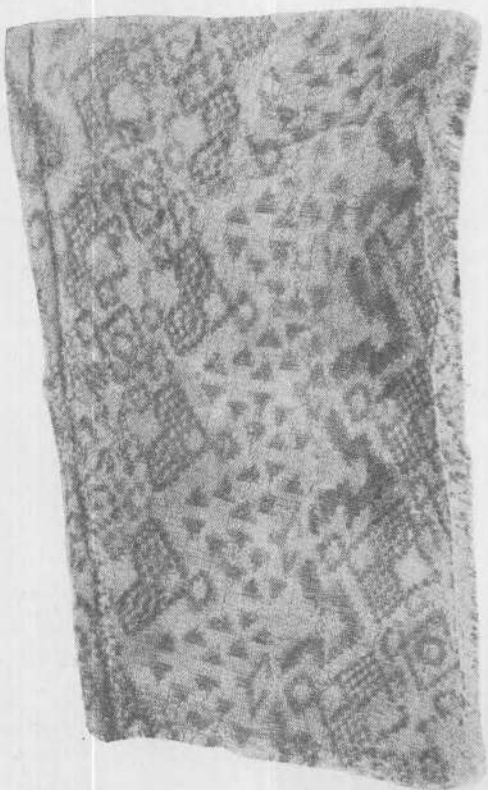
4

5

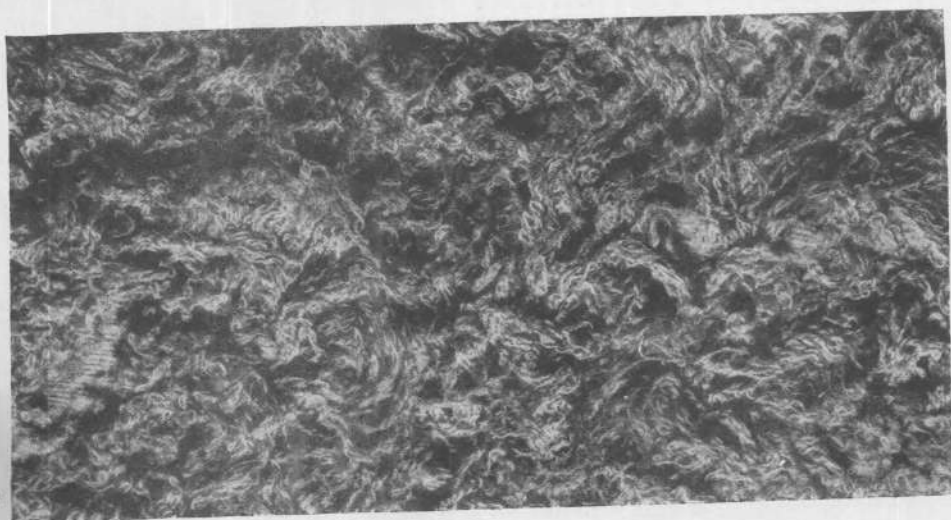
6

1

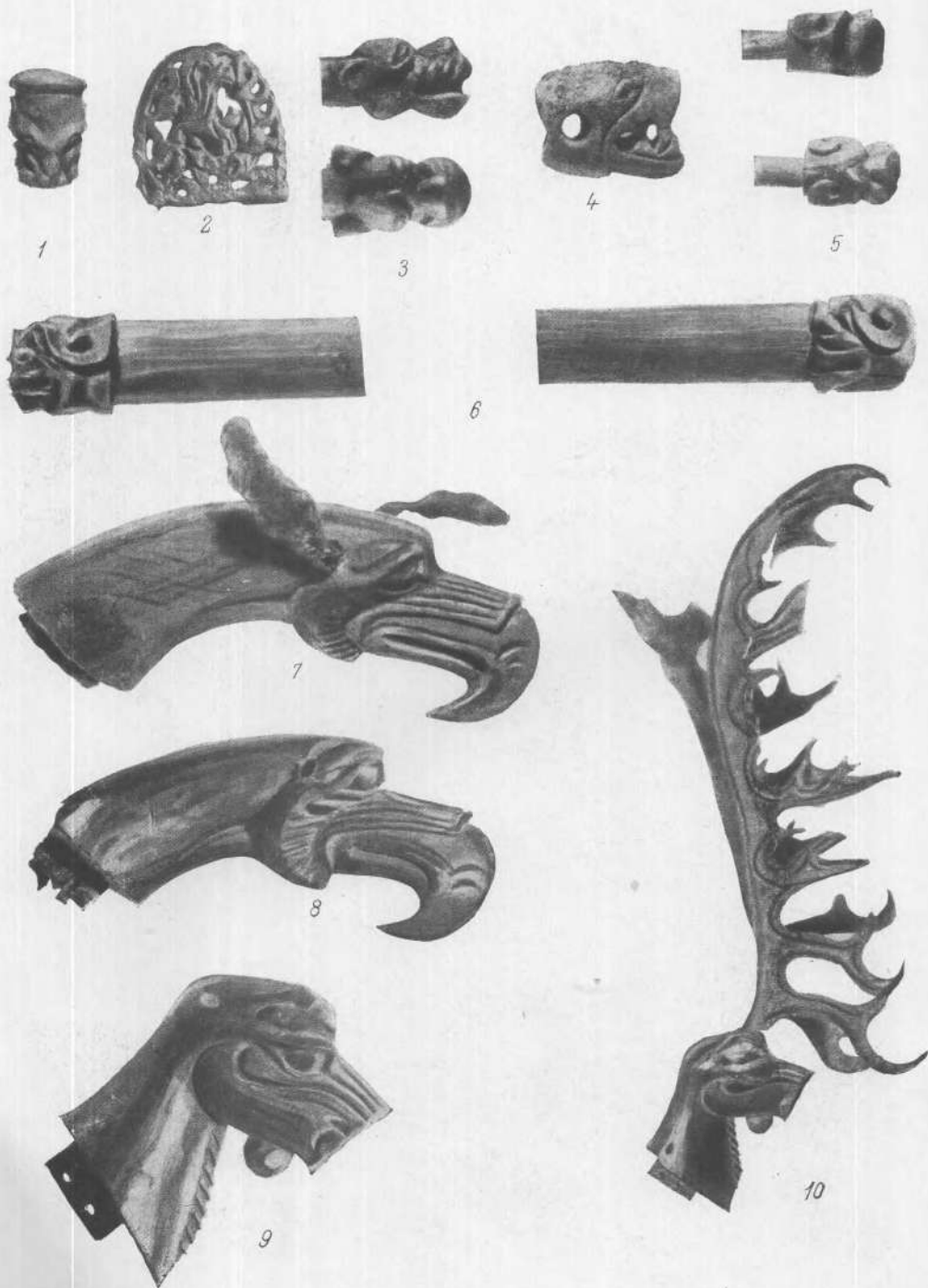

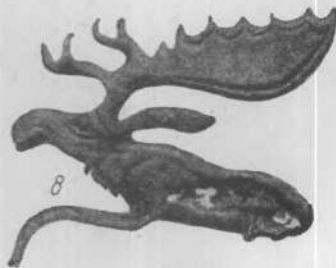
2

3

1

2

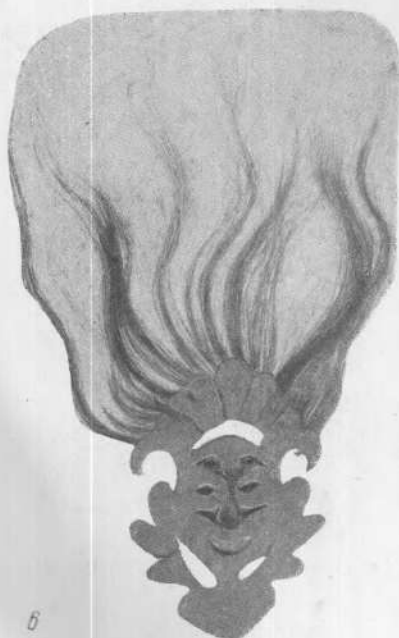
3

4

5

6

7

4

6

1

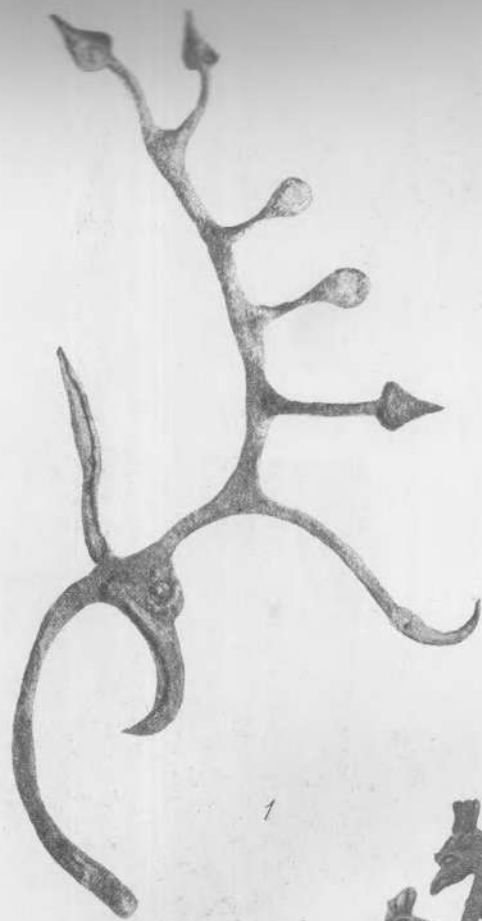
2

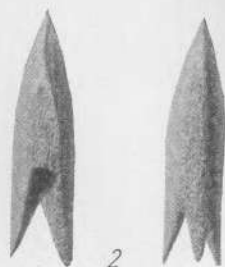

3

4

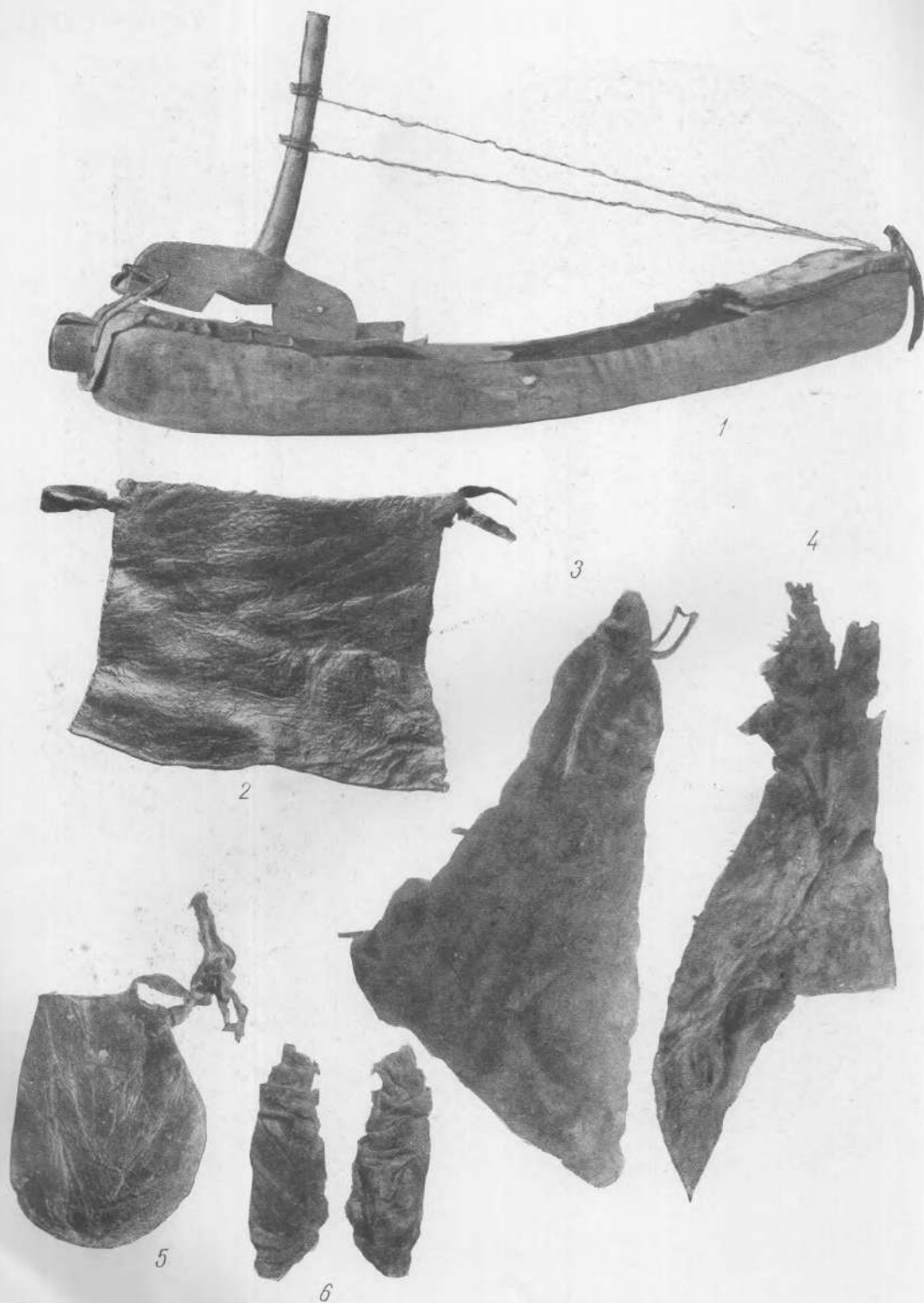
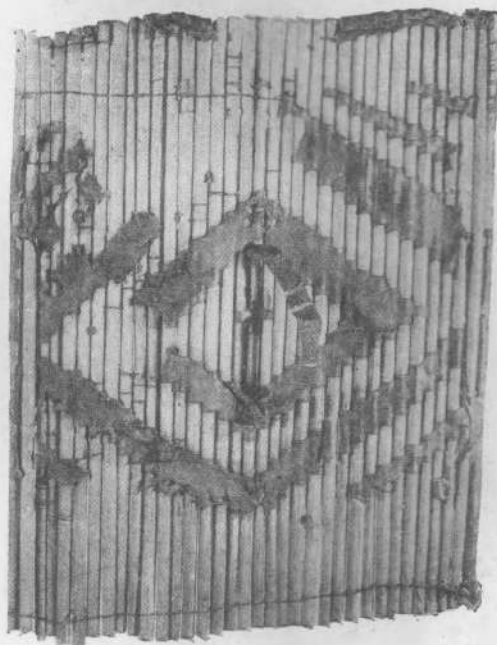
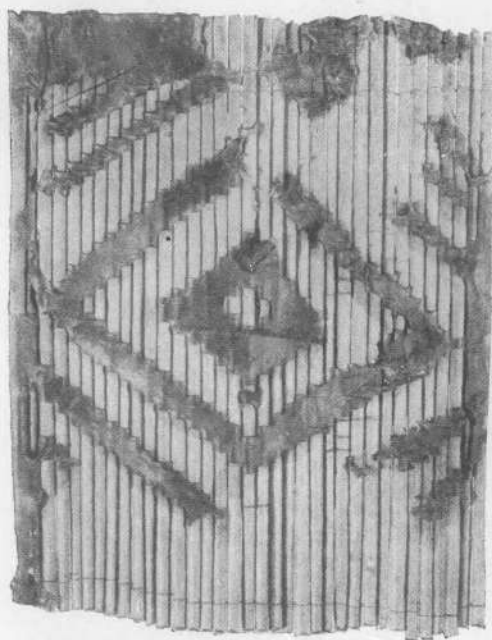
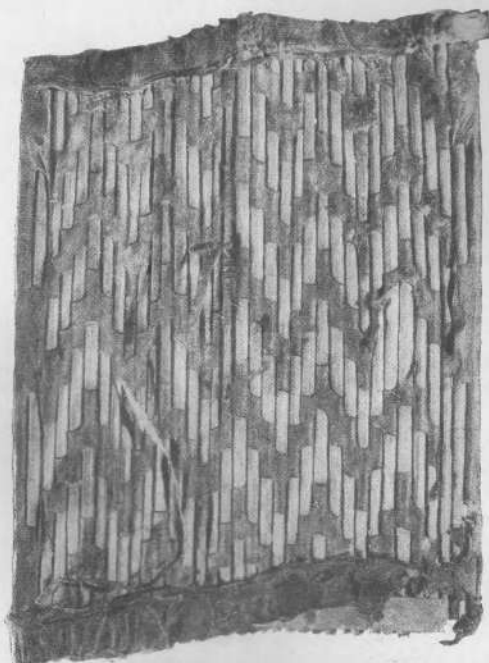
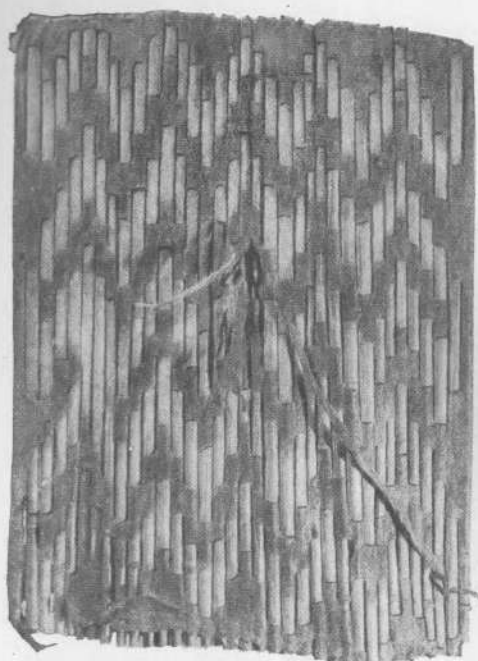
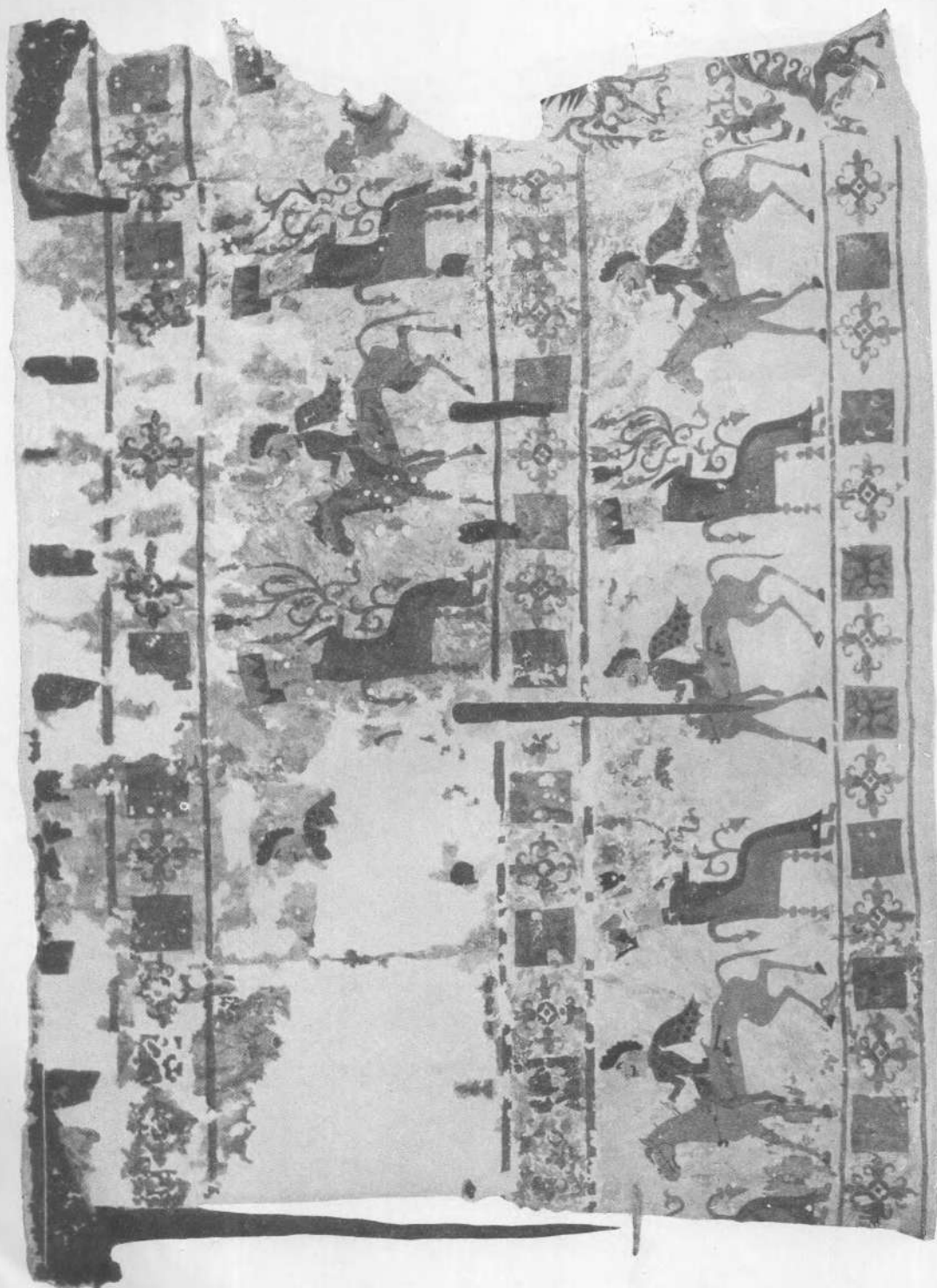

Таблица LXXXVII

1

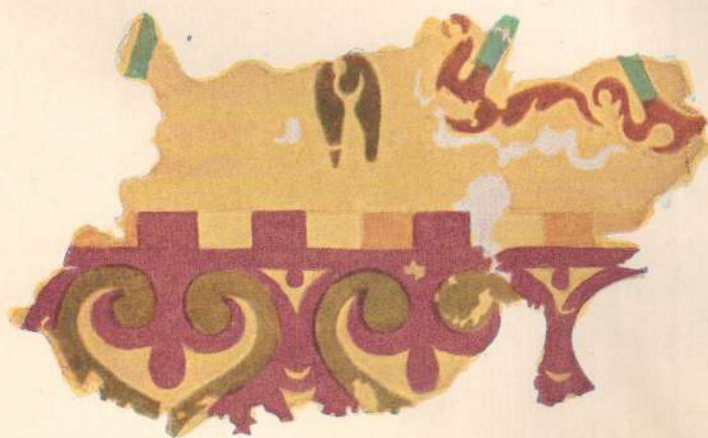
2

3

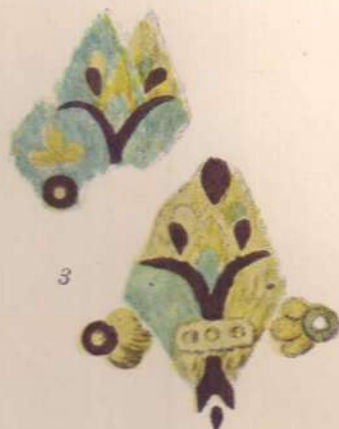
1

2

1

3

4

2

5

1

2

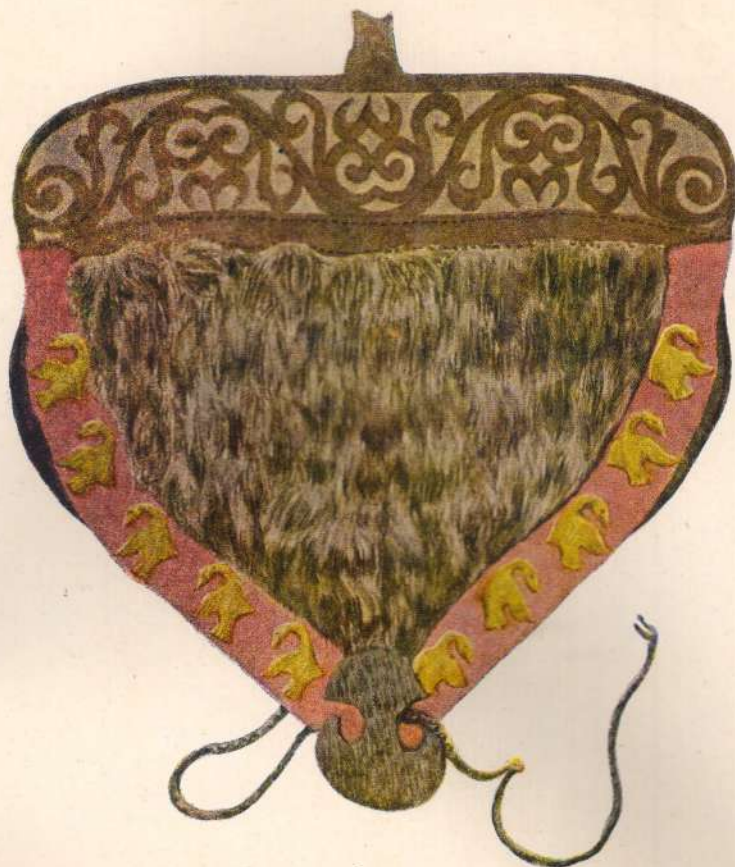
1

2

3

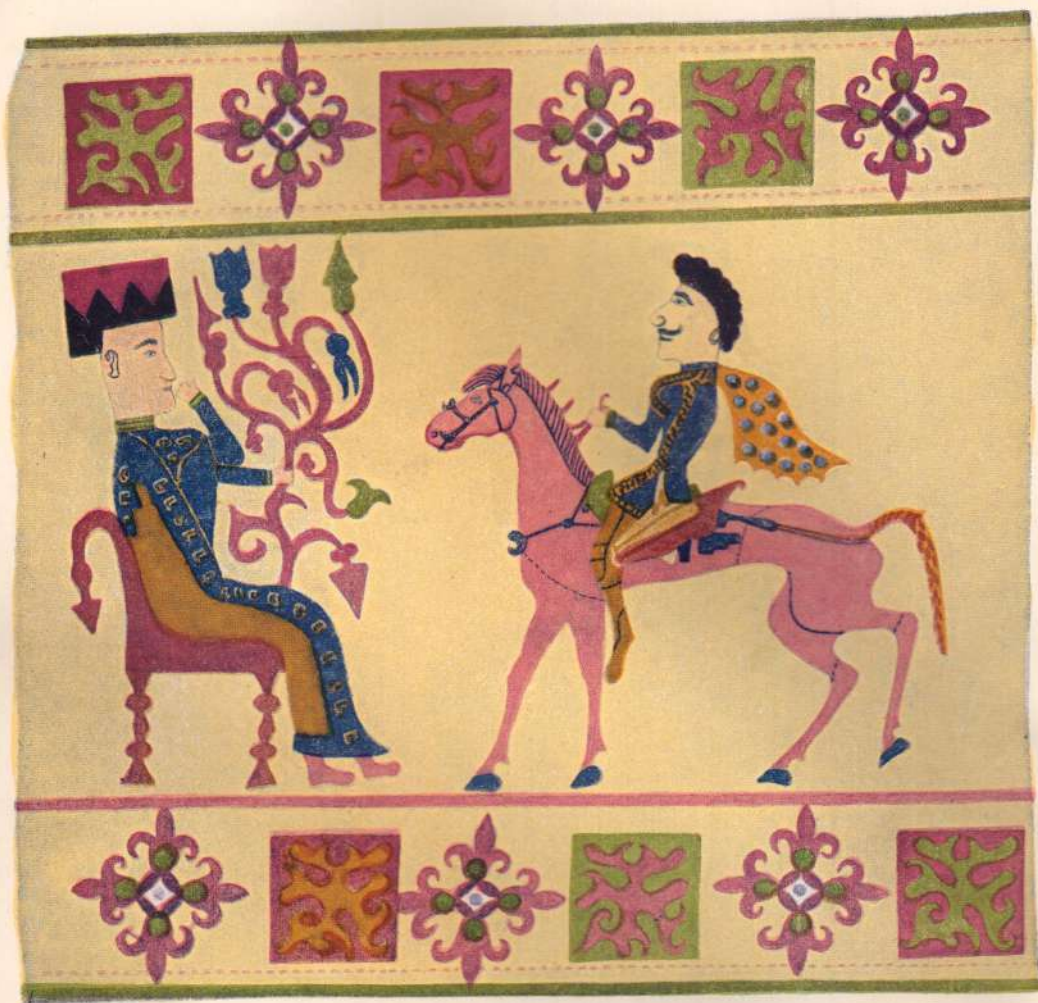

1

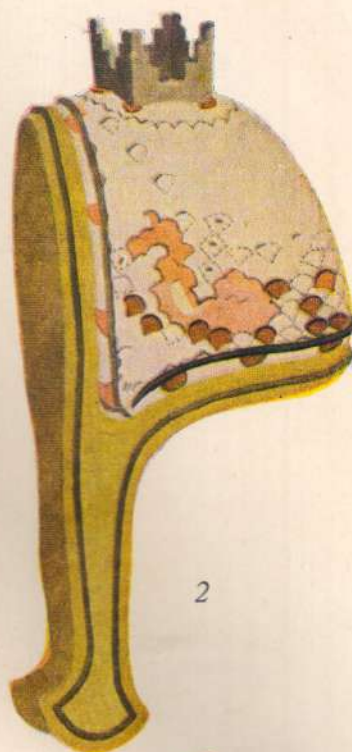
2

Таблица ХСV

1

2

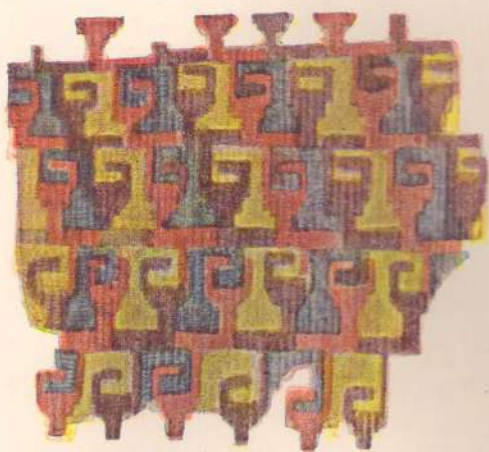

3

4

1

2

3

4

Таблица XCIX

Таблица С

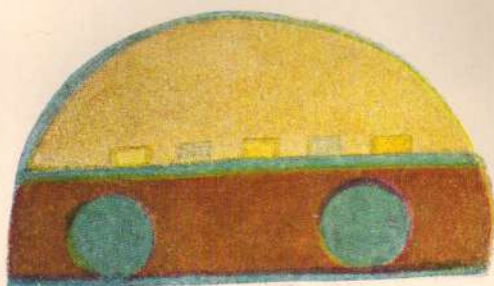

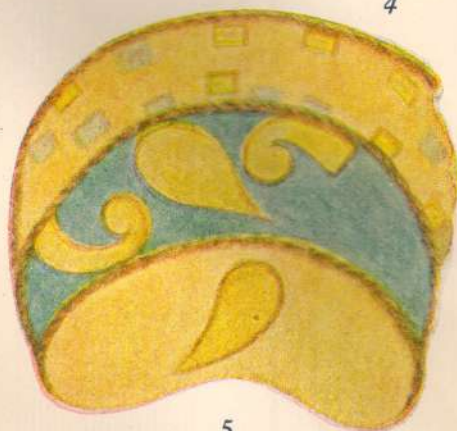
1

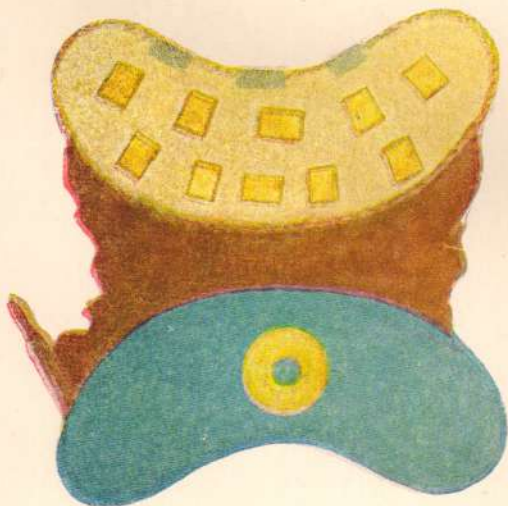
2

4

5

3

6

Таблица CVI

1

2

1

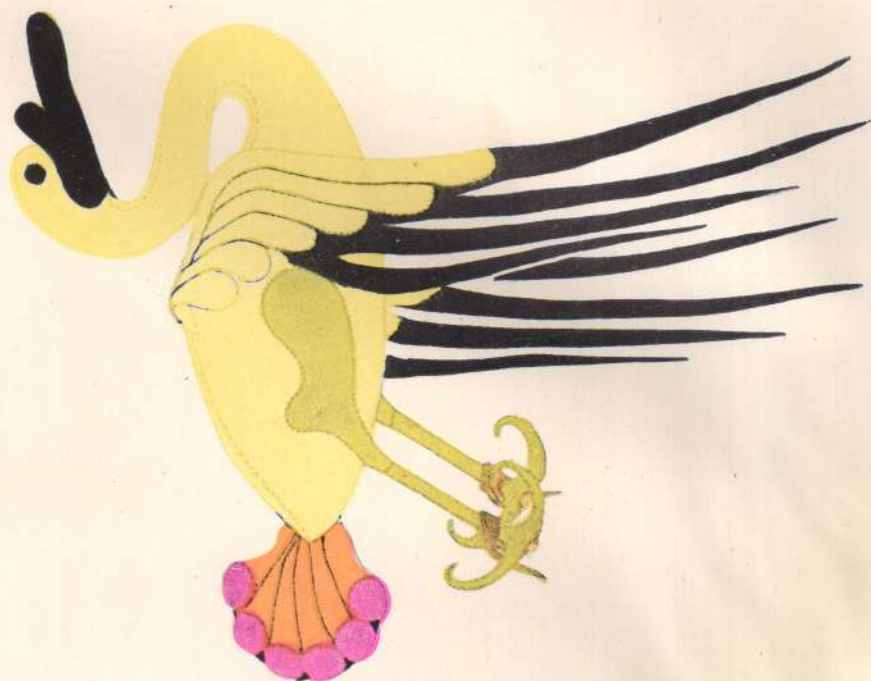
2

3

4

1

2

1

2

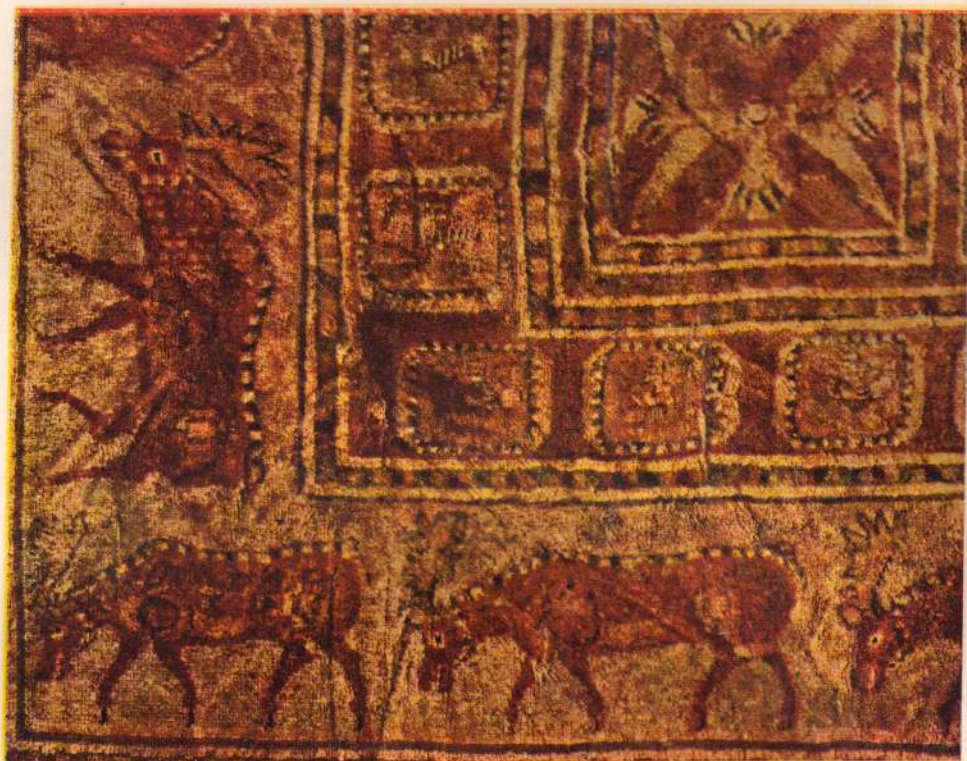
Таблица CXIII

Таблица CXV

1

2

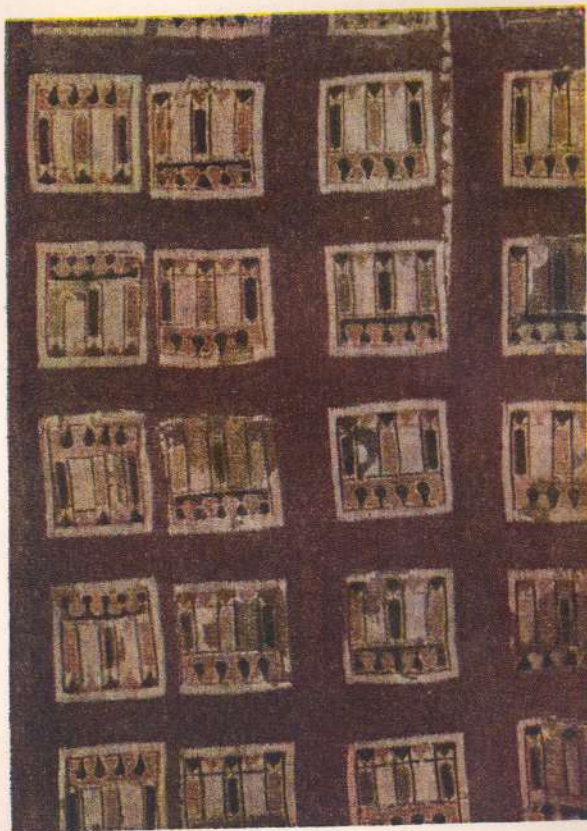

Таблица CXIX

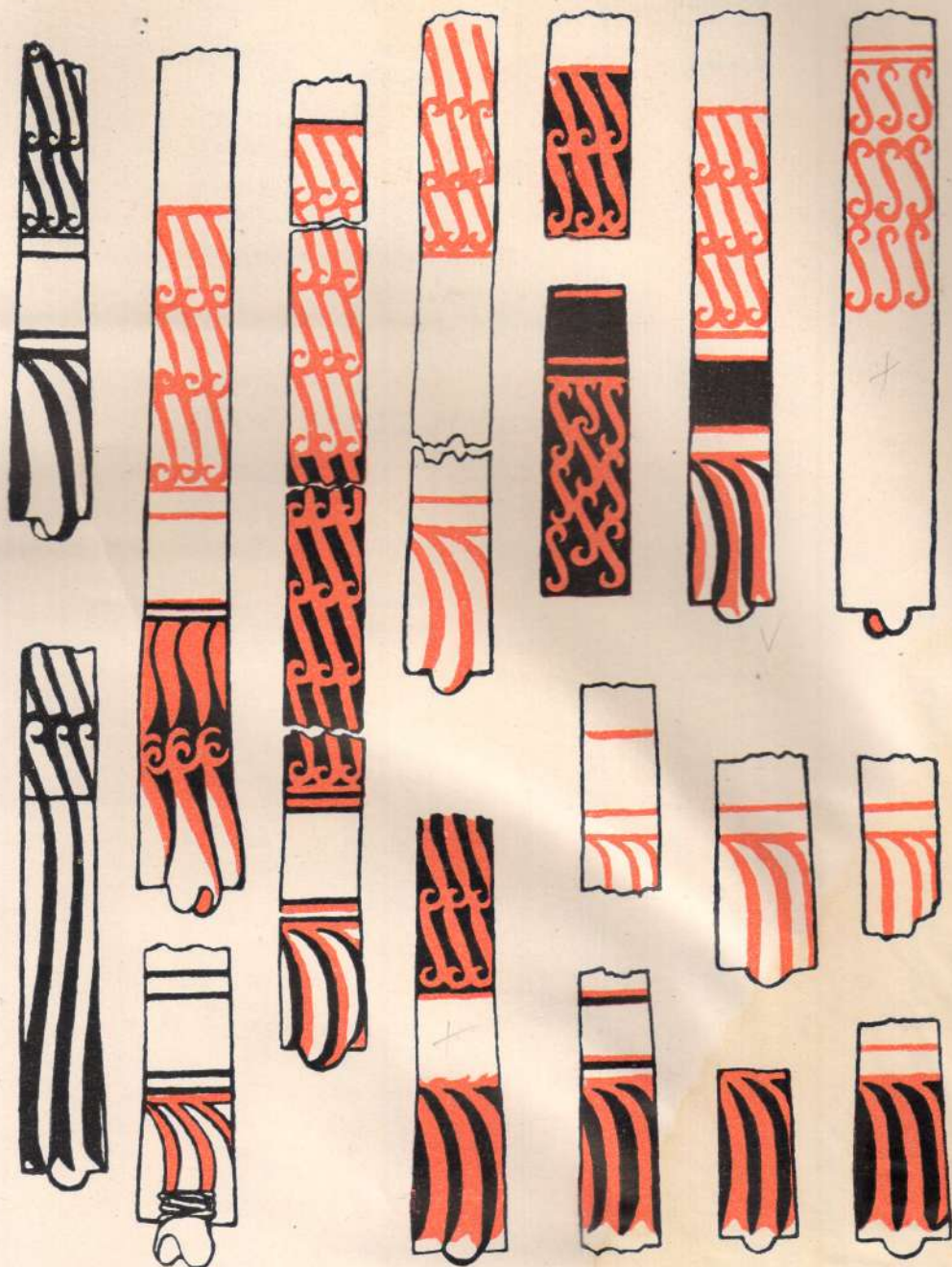
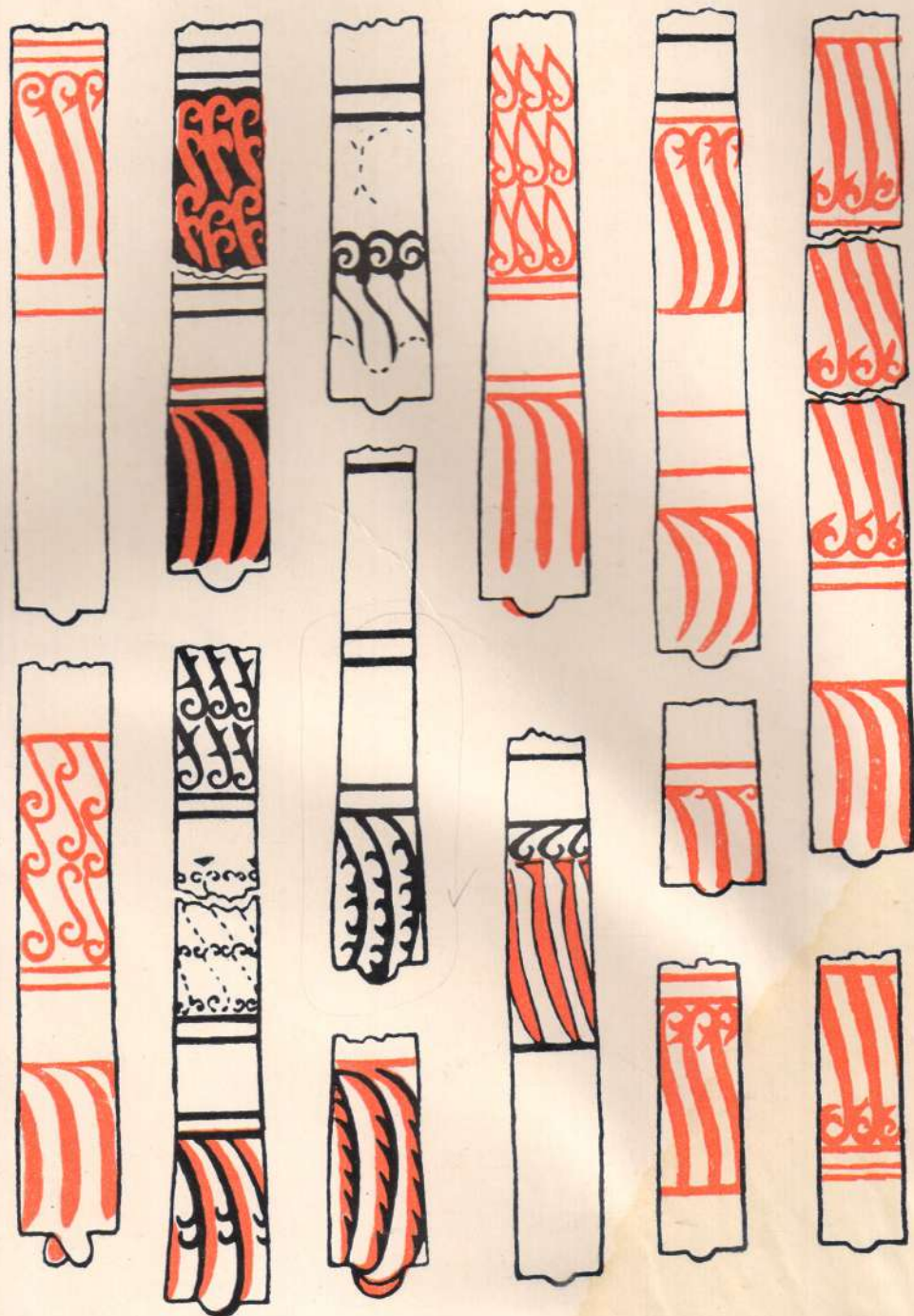

Таблица СХХ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Глава I. Долина Пазырык и курганная мерзлота	9
Глава II. Курганы Пазырыкской группы	25
✓ Глава III. Физический тип населения	62
✓ Глава IV. Хозяйство и образ жизни	70
✓ Глава V. Одежда и украшения	104
✓ Глава VI. Средства передвижения	146
✓ Глава VII. Техника обработки различных материалов	236
Глава VIII. Некоторые данные об общественном строе	253
✓ Глава IX. Искусство	272
✓ Глава X. Верования и культ	326
Глава XI. Датировка и культурно-историческое место горноалтайских находок	342
Приложение. Перечень находок в Пазырыкских курганах	362
Литература	377
Список иллюстраций	381
Таблицы	387

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Л. А. Викторова*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *Л. А. Ратнер* и *Н. М. Шилова*
Художник *С. Н. Тарасов*

*

РИСО АН СССР № 4384. Пл. № 119—13В.
Подписано к печати 18/V 1953. М-33412.
Печ. л. 41.41. Уч.-изд. л. 28.07 + 76 вклеек
(10.18 уч. изд. л.). Бум. $82 \times 108^{1/16}$. Бум. л. $12^{5/8}$.
Тираж 3000. Зак № 167.

Номинал по прейскуранту 1952 г. 30 р. 65 к.

1-я тип. Изд. Акад. Наук СССР. Ленинград,
В.О., 9 л., 12.

